

Иван Алексин

МАГ ПОНЕВОЛЕ

Хорошо, попав в другой мир, стать магом. Тут тебе и могущество, и власть, и куча роялей разбросанных по кустам, да и верные друзья, что спину при случае прикроют, в комплекте обычно прилагаются. Живи себе и радуйся, нагибая мир левой пяткой, попутно покоряя очередную красотку. Вот только мир этот, какой-то неправильный. Магия здесь слаба и неповоротлива, рояли ещё не изобрели, а сами маги занимают в местном социуме место где-то между крепостными и бесправными рабами. А вокруг лишь смерть, предательство и странное пророчество, вокруг которого затевают свои игры сильные мира сего. И ты лишь пешка в этой игре. Пешка, которой жертвуют все подряд.

— Учитель. Всё готово.

Стоящий возле окна юноша в длинном тёмно-синем плаще, небрежно наброшенном на плечи, нехотя кивнул, продолжая всматриваться в лежащий у его ног город. С такой высоты он казался каким-то ненастоящим, игрушечным, словно макет на столе архитектора. Но был от этого не менее прекрасен. Разбегаясь десятками белокаменных лестниц от подножья горы, на которой стояла башня и, утопая в зелени бесчисленных садов и тенистых аллей, он весело спускался вниз, в объятия ласкового срединного моря. Город его мечты. Город, построенный им. Город, которого больше нет... Тяжело вздохнув, юноша подался вперёд и, ухватившись руками за оконный проём, взгляделся в гигантскую площадь, тесно прильнувшую к самому основанию башни. Площадь, до отказа заполненную людьми. Отсюда, сверху, они были не больше муравьёв. Юноша даже не мог их, как следует, рассмотреть, видя перед собой лишь множество жирных точек, замерших на одном месте. Но он не сомневался, что взгляды всех собравшихся были обращены на башню.

— Почему они не ушли, Жонас?

Юноша, резко отвернулся от окна, словно отгораживаясь от увиденного. Его красивое, ещё не утратившее до конца детские черты, лицо, было на удивление спокойно. Вот только небесно-голубые глаза, в глубине которых плескались искорки боли, выдавали.

— Им некуда идти, учитель, — старец в белом балахоне, расшитом золотыми узорами, пожевал губами, тщательно подбирая слова. — Они всё ещё надеются.

— Надеются?! На что?! — тонкие, до крови покусанные губы, раздвинулись в презрительной усмешке. В глазах полыхнули молнии. — Я и себя-то не могу защитить! Почему они решили, что я смогу защитить их?! Или ты им ничего не сказал?!

— Я сказал...

— Уже не важно, что ты им сказал. Они сделали свой выбор, — тряхнул чёрными, как воронье крыло, волосами юноша. — Вчера уходить было поздно, сегодня бессмысленно, а завтра уже просто некому, — его лицо исказила гримаса ненависти, на мгновение, сделав безобразным. — Но кто сказал, что никто не сможет вернуться?!

— Ты вернёшься, учитель, — не смотря на старание старика, его голос прозвучал не так уверенно, как ему хотелось. — Ты должен вернуться! — горячо добавил он, яростно втапывая в грязь собственные сомнения. — Иначе, какой в этом смысл?

— Ты не утратил наивности, даже дожив до седин, Жонас! — юноша ласково сжал плечо старика своими тонкими пальцами. От его недавней вспышки не осталось и следа. — Вечно и нерушимо лишь мироздание. Оно всегда было до нас и будет существовать после того, как мы все станем пылью. И ему нет дела до того, какой смысл вкладывают в свой краткий миг существования люди, маги или даже боги. Не ищи смысла в своей жизни, мой друг. Просто делай то, что считаешь нужным, — юный учитель грустно улыбнулся, поправил начавший сползать с плеч плащ и решительно мотнул головой: — Пошли! Пора и нам сделать то, что должно!

Взмах руки и собеседники переместились к подножью башни, в зал совета трёхсот. Огромное цилиндрическое помещение, купалось в сиянии гигантского светоча, зависшего на высоте в несколько десятков метров, прямо под самым сводом. Юноша печально осмотрелся. Толстые гладкие стены, соперничающие своей белизной со снежными шапками

гор, высокие узкие проёмы окон, задорно подмигивающие цветными витражами, ровный мозаичный пол, буквально искрящийся под ногами. Всё как всегда. Нет только трона, обычно парящего над полом в центре зала. Его место занял небольшой, чуть более трёх метров в диаметре, шар, ярко полыхающий багровым пламенем. Прямо под ним, безжалостно кромсая мозаику, холодным синим огнём светились руны. Рун было много. Их затайливая вязь завораживала, сплетаясь в замысловатые узоры и создавая картину чего-то невообразимо прекрасного и жуткого одновременно. Вокруг шара, довершая картину, расположились, на равном расстоянии друг от друга, восемь изящных бронзовых подставок на тонких перекрученных ножках, со стеклянными небольшими шариками на вершине. Внутри шариков клубился фиолетовый туман, то сгущаясь, почти до желеобразного состояния, то рассеиваясь, становясь практически невидимым глазу.

— Живи вечно, учитель, — вразнобой поприветствовало юношу несколько десятков голосов.

Тот криво улыбнулся. Ставшее за века привычным приветствие, сейчас, звучало как насмешка. Впрочем, а не была ли такой насмешкой и вся его жизнь? Во всяком случае, темноликий сделал всё для того, чтобы это было именно так. Юный бог окинул взглядом склонившиеся перед ним фигуры. Так мало. Их едва хватит для обряда! Достаточно отказаться кому-то одному!

— Живите вечно, дети мои!

Юноша не спеша обошёл каждого, подолгу заглядывая своим подвижникам в глаза и накладывая прощальное благословение. Вслед ему кланялись, надвигая на голову капюшоны. Кто-то заплакал, старательно сдерживая рыдания. Молодой бог встал напротив шара, замороженно вглядываясь в бушующее в нём пламя.

— Нужно спешить, учитель, — подошёл к нему Жонас, нерешительно коснувшись края плаща. — Темноликий близко! Мы можем не успеть!

Юноша оглянулся. Возле семи подставок уже стояли ученики, обхватив шарики обоими руками. За каждым из них стояло ещё четверо, положив руки будущим стёртым на плечи. Жонас поспешно подошёл к восьмому шару, заняв место возле него.

— Прощайте, дети мои! — молодой бог, впервые за века, поклонился сам, склонив голову перед своими учениками. — Я вернусь, даже если придётся развалить этот мир пополам! Вернусь и отомщу!

Юноша вновь повернулся к шару, резко выкрикнул несколько слов, завершая заклинание и, через мгновение, оказался внутри пламени. Вспышка боли, и он исчез, слившись с бушующим багрянцем. Вопли корчащихся учеников, он уже не услышал

-

Глава 1

Я очнулся сразу, почти мгновенно, словно кто-то щёлкнул кнопкой невидимого переключателя, и тут же закричал зубами от сильной боли, ударившей по вискам. Попробовал открыть глаза и не смог. Слишком много сил требовалось для того, чтобы приподнять свинцовые заслонки, в которые превратились веки... Сил, которых у меня просто не было. Во рту полыхал пожар. Попытался проглотить несуществующую слюну и поперхнулся от навалившейся тошноты. Стало ещё хуже...

Да уж. Похоже, перебрали мы вчера с Толиком. Господи! Мне бы до холодильника как-то добраться. Хотя бы минералочки попить. Судя по моему состоянию, вряд ли у нас что-то более крепкое осталось. И не очень крепкое тоже. Не получается у меня, в таких случаях, вовремя остановиться. Вот только путь до него не близкий, а учитывая моё состояние, то почти непреодолимый. Что же делать то? Засохну ведь без влаги живой! И, как кактус, колючками весь покроюсь.

Я прислушался, в надежде, что рядом находится какая-нибудь добрая душа, которая меня этой самой влагой и обеспечит. Тщетно. Нет, какие-то непонятные звуки я слышать умудрился, но доносились ли они извне или это просто у меня в голове так шумело, определить не представлялось никакой возможности. Ну что же, всё как всегда. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Нужно подниматься, а то стану совсем сухой, как швейцарский сыр, а дырки и плесень сами, со временем, нарастут.

Решившись, я сделал героическую попытку подняться и, тут же, с ужасом понял, что не могу. Нет... Не потому, что сил не хватает, а потому, что тела своего, как такового, совсем не ощущаю. Как будто нет его. Я есть, головная боль есть, тошнота присутствует, а тела нет... Совсем.

Господи! Что это со мной?! Может, упал вчера неудачно?! Вдруг что-нибудь с позвоночником?! Господи!!!

Паника поднималась гигантской волной, угрожая утопить сознание в пучине истерики. Мысли заметались как обезумевшие тигры, в тесной клетке.

— Помогите! Кто-нибудь! Толик! Помогите! — Взвыл я, впрочем, сам до конца не понимая, зову я на помощь, на самом деле или эти крики звучат в моём воображении.

Толик не помог. Или сам был не в лучшем состоянии, или уже слинял, в направлении ближайшего ларька, забыв о страдающем друге. Но мои мысленные потуги оказались не напрасными. В какой-то момент, я почувствовал лёгкое покалывание, где-то в области воображаемой левой руки. Оно пришло неожиданно, откуда-то издалека, и ледяными мурашками стало лавинообразно распространяться по всему телу. Постепенно покалывание усиливалось, вгрызаясь в каждый нерв и становясь почти нестерпимым, словно сильная щекотка. Но сейчас я был этому только рад. Тело. Я снова его чувствую! Оно просто онемело и, сейчас, возвращается к жизни, разгоняя застывшую кровь по сосудам! Вместе с телом, оживали и органы чувств. Мир вокруг постепенно наполнялся звуками, запахами, ласково обволакивал теплом. Я открыл глаза.

Вокруг царил полумрак. Первые несколько мгновений, я тупо таращился в одну точку, всматриваясь в, низко нависший бревенчатый потолок и тщетно пытаюсь понять, где же я нахожусь.

Это точно не мой дом... А какой тогда мой? Не помню. Ничего не помню. Плохо.

Совсем плохо. До такой стадии амнезии, я ещё не напивался. Видно Толик какую-то палёнку вчера, с собой, притаранил.

С трудом, повернул голову налево и чуть не упёрся носом в, такую же грубую, без следов какой-либо отделки, бревенчатую стену. Толстые, покрытые непонятным мутным веществом, может лаком или смолой, брёвна, были довольно небрежно подогнаны друг к другу, образуя неровные выступы. Местами, между брёвен, виднелись клочки красноватого, странного мха, очевидно, служившего чем-то вроде утеплителя.

Я что в деревне, что ли? Странно. Вроде на природу не собирался. Что за теремок такой? Ладно. Сейчас разберёмся.

Попытался встать и застонал, с силой закусив губу. Судя по всему, ложе, на котором я соизволил очнуться, мягкостью не отличалось и тело уже изрядно затекло. Прощедив сквозь зубы несколько матерных слов, я всё же приподнялся на локте, но осмотреться мне не дали. Надо мной, почти полностью заслонив обзор, навис худенький растрёпанный парнишка, на вид лет двенадцати, и возбуждённо затараторил, глотая слова: — Вельд! Очнулся?! Нет, ты, правда, очнулся?! А я уже и не надеялся!!!

Чумазое, испещрённое бороздками от слёз, лицо светилось такой неподдельной радостью, что мне как-то даже немного совестно стало. Вон как за меня переживает, прямо трясётся весь! А я его даже не помню. Совсем. Не ассоциируется он ни с чем в моей жизни. Стоп... А что с ней ассоциируется?

На мгновение я впал в ступор, внезапно осознав, что вообще ничего о себе вспомнить не могу: ни кто я, ни где жил. Даже имени своего не знаю. Это что же мы такого с Толиком пили, что у меня полная потеря памяти наступила? А может и не пили? И с Толиком ли? Я ведь и о нём, кроме имени, ничего вспомнить не могу!

В себя меня привёл всё тот же паренёк, начавший лихорадочно трясти и, со слезами, твердить. — Что с тобой, Вельд! Очнись! Ну, очнись же! Скоро Калистрат с батеи придут! Не хочу я ушлёпком быть!

От яростной встряски заклацали зубы, вновь навалилась тошнота.

— Хватит, — я попытался вырваться из цепких, неожиданно крепких ручонок мальчугана и, не сумев, обессилено прохрипел. — Лучше воды дай.

— Щас! — мальчонка стрелой ринулся куда-то в тёмный угол хаты, споткнулся, чем-то громыхнул, раздался характерный всплеск и буквально через несколько мгновений, поднёс к моим губам глиняную плошку с тепловатой, дурно пахнущей жижей.

— Мне воды бы? — несмотря на сильную жажду, пить эту дрянь совсем не хотелось.

— Пей, давай, — начал настойчиво тыкать краем плошки мне в губы паренёк. — Это лучше. Поможет!

Поморщившись, сделал несколько глубоких глотков, с трудом сдержав рвотные позывы. Действительно, немного полегчало. Тошнота окончательно ушла. Да и головная боль, стала более терпимой.

— Деда Паткула настой! — оживлённо прокомментировал парнишка. — Верное средство для помеченных, — и, забрав плошку, с гордостью добавил: — Я тебе её всю ночь, понемногу, вливаю. Видишь, помогло!

— Помеченных? Чем? — не понял я и, с трудом приподнявшись, хрипло поинтересовался. — А где я?

— Как где? — удивился мальчишка, поставив плошку, на широкий пенёк, стоящий возле постели. — Дома, конечно, — и, шмыгнув носом, ехидно добавил: — Не в Махровой же

зыби. И какого волколака тебя туда понесло? Смерть и полегче сыскать можно.

— В зыби? — опять не понял я, потянувшись за плешкой. — В болоте, что ли?

— В каком ещё болоте? — вскинул брови вверх пацанёнок. — Там и лужи то порядочной не найдёшь. Всё магией выжжено. Там даже воздух не как везде, а сухой и раскалённый. Ну как в этой... В пустыне. Помнишь, в позапрошлом году, заезжий торговец сказывал.

— Какой ещё магией? — я начал понемногу закипать. Самочувствие поганое, с памятью — беда, а тут ещё и этот... Байки рассказывать надумал. — Ты что, с дуба упал? Ты мне ещё эльфов с гномами приплети тут!

— Эльфы с гномами только в сказках бывают, — мальчишка с сомнением покосился на плешку и, забрав у меня, шумно отхлебнул. — И не падал я ниоткуда. Больно нада!

В избушке повисла тишина. Я задумался, пытаюсь понять, что за розыгрыш тут устраивают и кому это надо? Внутри начала всё сильнее и сильнее сжиматься пружина непонятной тревоги, добавляя сумбура в мысли и чувства. Покосился на мальчишку. Тот, пристроившись рядом, увлечённо чесал волосы рукой, периодически что-то доставая оттуда и давя, с характерным хрустом, всё о тот же многострадальный пенёк.

— Может хватит, скоморошничать, а? — не выдержал я. — Вы бы ещё сюда тараканов, для реализма, натащили. И пауков по углам понатыкали, рядом с камерами!

Паренёк озадаченно посмотрел на меня и, почесав грязным ногтем поцарапанный подбородок, задумчиво произнёс: — Станный ты какой-то стал. Точно помеченный. Хорошо, что сегодня с обозом уходишь. А то не любят у нас убогих. Не приживаются они тут.

Хлопнула дверь и в хату ворвался маленький вихрь, с торчащими из-под платка, в разные стороны, косичками.

— Славута! Батя с дедом Паткулом идут! Тебя в ушлёпки, вместо Вельда, забирать будут! — вытаращив глаза, затараторила малявка лет шести, аж приплясывая от возбуждения. Было видно, что всё происходящее ей жутко интересно и доставляет массу удовольствия. — Батя сердитый очень! — девочка широко развела руками, показывая насколько сердит её батя. — Говорит, что Вельду, когда очнётся, все руки и ноги повывёртывает! Вот! И со старостой сильно ругался! Страсть как страшно было! Вся деревня собралась посмотреть! Даже старая Аникея приковыляла со своей клюкой! А потом отец-послушник вышел! Такой важный! Ты бы видел, какая шуба на нём! Из меха вся! Вот! И! — тут девочка увидела меня и, с радостным визгом, бросилась на шею. — Вельд очнулся! — И тут же, отшатнувшись, наморщила в раздумье лобик, — и кто же, теперича, ушлёпком будет? Ты Вельд? Или всё же Славута?

— Да не собираюсь я никаким ушлёпком быть! — взорвался я. — Я, что в сумасшедший дом попал, что ли?

— Ещё как будешь! — с неожиданной злобой в голосе, прошипел Славута. — В зыби он сгинуть решил! — глаза мальчишки сверкнули неприкрытой ненавистью. — А ты обо мне подумал? Разве я виноват, что батя тебя заставил Васяткин баллот тянуть? Ведь прекрасно же знал, что меня вместо тебя заберут, если в зыби сгинешь! Ведь знал же! — Славута уже орал, брызгая на меня слюной. — Хочешь сдохнуть — дождись, пока ушлёпком станешь и подыхай себе, сколько хочешь! Меня то почто за собой к вопящим утянуть удумал?! Тоже мне брат называется!

И развернувшись, выскочил наружу. Только дверь хлопнула.

Я тупо уставился ему вслед, но собраться с мыслями мне не дали.

— Вельд, а Вельд. А как там, в пустоши — страшно? — девочка, заняв освободившееся, после ухода Славуты, место, начала увлечённо меня тормошить. — А что ты там видел? Вимка-пастушок говорит, что там упыри страшные живут и душами людскими питаются, — малышка выпучила глаза. — А почему твою не съели? Ой! — она испуганно вскочила и отбежала к двери. — Или съели?! А каково быть без души?

Любопытство пересилило, и девочка вновь вернулась к кровати.

— Помолчи минутку, — сморщился я, массируя пальцами виски. — Дай в себя прийти Тебя как звать то?

— Как же я отвечу, если ты молчать велел? — обиделась малявка. — И сам всё время молчишь. Ну, расскажи про пустошь, — просительно заныла она. — Ну что тебе жалко, что ли? Ну, братик! А то скоро батя придёт!

— Хорошо, обязательно расскажу, — решил схитрить я, понимая, что иначе ничего, от неожиданно приобретённой сестрёнки, не добиться. — Только и ты мне сначала кое-что расскажи.

— Это не я твою дудочку взяла! — тут же замахав ручками, затараторила малявка. — Откуда мне было знать, что ты её за поленицей, у забора, схоронил?! Наверно, это кто-то из соседских мальчишек утащил! И вообще! Я только поиграть взяла! А потом на место положу! — девочка шмыгнула носом и обличительно добавила. — Ты всё равно, теперича, в ушлёпки уходишь. Жадина!

— Да бог с ней, с дудкой этой! — начал я терять терпение. — Себе её оставь! Ты лучше мне ответь для начала. Что за ушлёпки такие? И куда я за ними пойду?

— Ты в город пойдёшь! — радостно объявила девчушка, пригладив ладошкой мятый платок на голове. — На мага, значитса, обучаться! — и тут же подозрительно уставилась на меня. — А ты ничего не помнишь, что ль? В зыби память потерял?! — сестрёнка возбуждённо вскочила на ноги и вмиг очутилась у двери. — Надо будет Вимке рассказать и Ганьке толстой, — заговорческим шёпотом поведала она мне. — Пусть лопнут от зависти!

Я горестно простонал. Идиотизм происходящего просто зашкаливал. Нахожусь невесть где. В какой-то избышке на курьих ножках. Ничего не помню. Не очень хорошо соображаю. И к тому же вокруг одни детишки, которые несут какую-то бредятину и толком объяснить ничего не могут. Сумасшедший дом для малолетних, что ли? Тогда что я здесь делаю? Тоже умом тронулся? Хотя, я и так от этого уже не далеко.

Сделав усилие, я, кряхтя, поднялся и сел на своём ложе. Разом навалившаяся слабость, заставила облокотиться спиной о стенку. Теперь удалось осмотреться. Хоромы, мягко говоря, не впечатляли. Всё те же бревенчатые стены, земляной пол, да закопчённая печь, занимающая собой больше половины всего помещения. Из мебели: деревянный топчан, накрытый облезлым подобием шкуры, на которой собственно я и восседал, грубо сколоченная лавка, стоявшая у небольшого, затянутого полупрозрачной слюдой, окна, да огромный сундук, притаившийся в самом тёмном углу. Под потолком, возле печки, гроздьями свисали грибы и пучки зелени. По углам прилепилась заказанная мной паутина. Из посуды: забытая Славутой на пеньке, пошарканная плошка и, пристроившееся по соседству с сундуком, деревянное ведро. И всё. Спартанская, в общем, обстановочка. Диогена бы сюда. Он бы сразу, обратно, к себе в бочку, проситься начал.

— Это куда же меня занесло то? — прохрипел я, вытирая испарину со лба.

— Домой, а то куда же, — откликнулась девочка, решившая, видимо, временно

отменить свой поход к толстой Ганьке. Тут ей пока интереснее было. Эпицентр событий, как-никак.

— Да нет, — страдальчески поморщился я. — Это я уже понял. Деревня то, как называется?

— Деревня и есть, — удивилась малявка. — Чё её называть то? Чай не город!

— А до города далеко? — с трудом удерживаясь от того, чтобы не заорать, не сдавался я. — Он как называется?

— И впрямь памяти лишился! — обрадовано заявила сестрёнка. — А ты что совсем ничего не помнишь? Совсем, совсем? — малявка аж головой несколько раз в разные стороны крутанула, от охватившего её возбуждения. — А как дядька Аникой на позапрошлой неделе вару напился и посреди дороги в луже уснул, тоже не помнишь? А как наш бычок Степан в лес удрал и мы...

— Да хватит уже! — не выдержав, гаркнул я. — Ничего я не помню, понятно?! Даже тебя не помню! Вообще ничего!!! Понятно?!!!

— Маришка я, — тонюсенько пропищала девочка, испуганно моргая глазками. — А тебя теперь в ушлёпки возьмут? Без памяти то? Ежели не возьмут, то дудочка всё равно моя! Ты сам отдал! — и, с обидой в голосе, добавила. — Ты и о пустоши, теперича, ничего не расскажешь, да?

— Какие ещё ушлёпки? Ты же вроде говорила, что меня магии обучать будут? — устало поинтересовался я, уже не надеясь на внятный ответ.

Так они ушлёпки и есть, — хмыкнула в ответ Маришка. — Их все так называют, — и тут же оживилась, забыв о недавнем огорчении. — Вельда, а правда, что ушлёпкам камень магический вместо сердца вставляют? Мне толстая Гунька рассказывала. И шрам потом страшный остаётся. Прям ужас! А ты мне потом покажешь?

Я обессилено закрыл глаза и мысленно смачно выругался. Стало понятно, что добиться внятного ответа на мои вопросы от девчушки было нереально. Она меня просто не слышала, увлечённо говоря о своём. Оставалось дожидаться, пока восстановятся силы, чтобы выбраться наружу самому и найти кого-то более адекватного или надеяться, что сюда зайдёт кто-нибудь из взрослых и разъяснит ситуацию. Не могут же эти дети сами по себе здесь обитать? Стоп! Она же вначале об отце что-то лепетала.

— А отец когда придёт? — перебил я, увлечённо продолжавшую щебетать девочку.

Маришка поперхнулась на полуслове и, на какое-то мгновение, стала похожа на вытянутую из воды рыбу, усиленно хватающую губами воздух. В глазах мелькнул неподдельный испуг.

— Всеблагой отец сюда никогда не приходит, — испуганно заявила она. — Зачем бы ему? Он даже к бате толстой Ганьки не заходит, хотя у дядьки Митрофана в хате даже светоч есть! И часы настоящие. Мне Ганька, один раз, даже разрешила на них сквозь дверную щёлку посмотреть. Красивые! А ещё...

— Ну, ты же сказала, что сюда сейчас придёт кто-то, — пришлось мне вновь перебивать девчушку.

— Так батя и придёт, — удивилась моей бестолковости девочка. — Тебя в ушлёпки забирать. Вот со старостой доругается и придёт. Солнышко уже поднялось. Возницы быков в телеги впрягают. Видать тронутся вскоре. Ты лучше расс...

Скрипнувшая дверь прервала Маришку на полуслове, заставив шустро шмыгнуть в сторону сундука и замереть там. В хату, низко пригнувшись, с трудом протиснулся

коренастый мужик, в сильно поношенном, облезлом тулупе. Не спеша выпрямился, снял с седеющей головы выдавшую виды шапку, пробормотал скороговоркой непонятную тарабарщину и, пригладив густую бороду, угрюмо уставился на меня. Следом, в образовавшуюся, между дверным проёмом и широкой спиной мужика, щель, ужом просочился шустрый дедок с толстой палкой в руке и, оставляя комки грязи на и так не очень-то чистом полу, решительно прошествовал к единственной в избе лавке. Лёгкое движение бровями и мою названную сестрёнку как ветром, из хаты, сдуло. Наступила гнетущая тишина...

Я настороженно разглядывал Маришкиного, а значит, судя по всему, и своего отца, пытаюсь предугадать дальнейшее развитие событий. В то, что это розыгрыш, и за мной сейчас, надрывая от смеха животики, наблюдают мои друзья, уверенности как-то поубавилось. Ну не похожа Маришка на актрису! В её возрасте, ребёнку так не сыграть. Нет, конечно, разные таланты встречаются. Так что полностью такую возможность я со счетов не сбрасываю и всё же, теперь, отношу её к маловероятным. Но если не инсценировка, то, что тогда? И тут возникало несколько вариантов, ни один из которых мне, откровенно говоря, не нравился.

Наиболее правдоподобным, во всяком случае, мне в это хотелось верить, было то, что мы, с Толиком, хорошо нагрузившись, решили махнуть за город, где и напились до чёртиков. А то, что дети всякий вздор несут, так на то они и дети. Навыдумывают разных сказок и сами в них же верят. Мы помниться в детстве с друзьями тоже любили разные страшилки друг другу рассказывать и ведь почти что верили! Правда, почему они меня за брата считают? Так может у меня и вправду родители с братом и сестрой в деревне живут. Вот мы с Толиком к ним в гости и решили заглянуть! Бывает же, что при амнезии люди даже своих родных не помнят. Ещё как бывает! В сериалах, вообще, это постоянное явление. Клише, можно сказать. А я чем хуже? Память то я тоже потерял!

Хорошая версия, удобная... Вот только, что-то мне подсказывает, что в корне неправильная. Не принимает её у меня душа. Очень хочет принять, а не может. Печалька. Другие то версии гораздо хуже будут. По одной из них выходило, что я попал в другой мир, причём ещё и не в своё тело. (Иначе с чего бы меня тут братом называть стали?) Ну что тут сказать? Звучит, конечно, бредово, но если это так, то я действительно попал! Судя по обстановке, живётся тут моим «родственничкам» не очень весело. Вернее, выживается. И участвовать, в этом семейном мероприятии, мне что-то совсем не хочется! Есть правда и положительный момент. Меня же, вроде, магии учатся, посылают. А это уже круто! Всегда магом мечтал побывать. Стихиями там повелевать, могущественные заклинания произносить. Маг — это сила и власть. Вот уж я тут дел наворочу! Но и в этой версии были свои нестыковки. Если я попал в другой мир, то почему местных понимаю? Никогда не замечал у себя способности к изучению языков. Особенно, к мгновенным изучениям. Да и мир этот очень уж на мой родной похож. Я его, правда, не помню совсем, но нутром чувствую — похож и всё тут!

Вот по другой версии — это и есть мой родной мир. А значит, я и в самом деле этот, как его — Вельд. Забрёл в какую-то там зыбь, вот мне по мозгам и стукнуло. И Толик, с его самогонкой — это плод больного воображения. Сам виноват. Нечего шляться, где ни попадя!

Ну и последний вариант, который меня уж совсем не устраивал, так это то, что я умом тронулся и всего происходящего вокруг, на самом деле не существует. Ну а я, сижу, сейчас, где-нибудь в дурке, пускаю слюни и всем радостно улыбаюсь. Если это так, то тут я

поделать уже ничего не могу, так что отбросим этот вариант как не существенный. А существенно на данный момент то, что не важно, кем мне этот мужик, на самом деле, приходится: родным отцом или подброшенным. Главное, что он—то в том, что я Вельд, нисколько не сомневается. И, если верить Маришке, собирается этому Вельду всё лишнее поотрывать. В возможность осуществления данного мероприятия, я нисколько не сомневался. Порвёт и не вспотеет. Такими лапищами только подковы гнуть, да с медведями бороться. Я поёжился. Перспектива, однако. Этот Вельд, значит, успел изрядно тут насвинячить, а мне, теперь, за него отдуваться?

Хриплый вздох новоприобретённого папаши взорвал тишину похлеще шумовой гранаты, заставив сердце, в панике, скакнуть куда—то в нижние участки тела. Я, на всякий случай, огляделся, в поисках путей отступления и обречённо вновь облокотился на стенку. Бежать было некуда. Выход плотно перекрывался «отцом», а в единственное узенькое оконце, разве что Маришка пролезет, да и то не факт.

Наконец, перестав буравить меня взглядом, мужик оглянулся вокруг. Занявший единственную лавку, старик и не подумал потесниться, продолжая, с явным интересом, ожидать дальнейшего развития событий. Тогда, не спеша, повесив шапку, на один из многочисленных сучков над дверью, отец присел на край кровати, рядом со мной.

— Ты уж прости меня, сынок, — произнес «отец», даже не глядя в мою сторону. — Так уж вышло... Сам знашь...

Ошарашенный неожиданными просительными нотками в его голосе, я ещё сильнее вжался в стену. Жалобный тон так не подходил к грозному виду мужика, что пугал не меньше, чем громкий рык. Говорят, что так часто Иван Грозный со своими жертвами разговаривал, перед тем как казни их предать. Чуть ли не на коленях перед ними ползал и поклоны бил. Стоп... А кто такой Иван Грозный? И откуда я его знаю? Может староста местный?

— Ты чего молчишь, сынок? — мужик положил свою лапищу мне на плечо и неожиданно ласково его сжал. — Ты пойми, не мог я по—другому поступить. Нужда заставила. Земля второй год подряд не уродила. Тебе ли не знать?

— Батюшка! Он не помнит ничего! — высунулась из—за двери Маришка и, вытаращив глаза, добавила. — Он даже нашего бычка Степана не помнит! Вот!

— Умом тронулся! — радостно оживился дедок, привстав с лавки. — Ну, ещё бы! В пустошь сунуться! Главное чтоб старейшины не узнали, — старик перешёл на громкий шёпот, заговорщицки подмигнув моему папаше. — Могут не отпустить! В бега уже подавался? Подавался! Раз! — с воодушевлением загнул он палец. — Память потерял — два! — последовал второй палец за первым. — Да и пришибленный он какой—то стал! — обличительно добавил дед. — Явно пустошь постаралась! Вот получит он стимгу на шею, а до города не дойдёт! Беда будет!

Вот к гадалке не ходи, если он него же все и узнают. И не только эти... старейшины. Вон как обрадовался, хрыч старый. Как будто в лотерею бульдозер выиграл!

Мужик мрачно кивнул, соглашаясь, цыкнул на дочь, отчего её вновь вынесло из дома, и устался на меня, что—то обдумывая.

— А может, и отпустят, — дружелюбно оскалившись, продолжал рассуждать старикашка. — Колдунам много ума и без надобности. Баловство одно! Им сноровка нужнее, чтоб, значитса, от пинков уворачиваться успевать. А ум что! — дед ощерил беззубый рот в довольной улыбке и задорно махнул клюкой, чуть не задев при этом отца: — Потеря

небольшая! А до города добредёт как-нито! Чай Силантий присмотрит!

— Да погоди ты, сосед! — досадливо отмахнулся отец от словоохотливого старика и, повернувшись, вновь впери́л в меня тяжёлый взгляд: — Ты что сынок и меня не помнишь?

— Нет, — ошалело мотнул я головой и скороговоркой добавил: — Я вообще ничего не помню. Даже как меня зовут.

— Так Вельдом и зовут, — мужик почесал своей лапищей затылок и уточнил: — Сын крестьянина Велима. То есть мой сын, значитса, — он для верности ткнул пальцем в свою грудь и удивлённо спросил: — Как такое забыть то можно?

— Ещё как можно! — навис надо мной, с другой стороны, старик, забрызгивая слюной. — В ту зиму, когда у дяди Микулы телка волколаки задрали, — дед оценивающим взглядом окинул Вилима и категорически заявил: — Ты не помнишь. Ещё в штаны по нужде ходил. Так вот. Пастух Веласий, да примут его душу Трое, занял у соседа мешок зерна, а как срок отдавать пришёл, тож, вон как этот, — кивок в мою сторону, — Не помню, мол, ничего. Не брал, значитса. Они ж свояки были и по рукам без видоков ударили. Только дядька Игнат, пожалуй, даже покрепче тебя будет, Вилим, — старичок довольно захихикал. — Вмиг память Веласию вернул!

Вилим с сомнением посмотрел на вредного старикашку, затем на меня и жёстко заявил. — Потерял память али нет, а в город идти, всё равно нужно. Я уж думал, что Славуту отправлять придётся. Калистрат, отрыжка волколакская, так и орал на всю деревню. Мол, не одного, так другого сына посылай. Ряд, мол, заключён. Откуп получен. — Отец осуждающе взглянул на меня. — Дед Паткул дело говорит. Испугаться могут старейшины, коли узнают, что с тобой что-то не так. За то, что вчера сбежать пытался, спрос тока с тебя и с семьи. А как стигму оденут, со всей деревни будет. Так что, когда к людям выйдем, ты помалкивай себе знай. Только соглашайся, да головой кивай. И тебя сосед очень прошу, языком не болтать, — внушительно повернулся Вилим к старику. — Если Славуту, заберут, обоим не прошу. Мал он ещё. Не выживет в ушлёпках.

— А почему магов ушлёпками называют? — не смог я сдержать любопытства.

— А как же их называть то? — не понял отец. — Ушлёпки они и есть.

— Губами много шлёпают, когда волшбу свою поганую творят! — Паткул вновь вольготно расположился на лавке, прихватив по пути парочку сушёных грибков. — Ну и их за это тоже... того... частенько шлёпают, — старик смачно прожевал грибок и резюмировал. — Так им и надо, злыдням проклятым!

— Не пугай ты его сосед, — отмахнулся Вилим. — Оно, конечно, судьба твоя незавидная, — мне показалось или в глазах здоровяка промелькнуло сочувствие? — Крестьянствовать, оно, конечно, не в пример лучше будет. Зато в городе жить будешь, — отец задумался, чем бы ещё меня ободрить и, с сомнением, добавил: — И сытый каждый день. Служба то княжья.

— Будет он сытым, как же, — не удержался дед Паткул. — Бывал я, значитса, в Виличе в молодости. Мир, дураку, охота посмотреть было. Так там энтих ушлёпков, как свинушек недорезанных. Во все стороны так и снуют. И от дерьма очень ловко уворачиваются, — старикан прикрыл глаза и, с видимым одобрением, добавил: — Шустрые!

— Какого дерьма? — не понял я. Вилим и тот, вопросительно на старика уставился.

— От обычного, — охотно пояснил Паткул. — Его по улицам в избытке. Там даже у детишек забава такая есть, — дед заговорчески мне подмигнул. — Кто больше раз в ушлёпка дерьмом попадёт. Так, на моей памяти, больше десятка раз, ни один не попал!

— Хватит тебе стращать парнишку, сосед, — вновь поморщился отец. — Может ему повезёт в придворные маги выбиться. Кто знает?

— Это да, — с готовностью согласился дедок. — Оно, конечно! Раз в тыщу лет и корова вместо навоза лепёшками гадит! Помнится....

Гулкий протяжный звон перебил старика на полуслове. Отец, тяжело вздохнув, поднялся с топчана и, натянув шапку, повернулся ко мне.

— Пора Вельд. Слышишь, в набат бьют. Народ обоз провожать собирают. И тебе пора в дорогу. Сам идти то сможешь?

* * *

Было довольно прохладно. Неприятный холодный ветерок, подобно назойливому настырному воришке, лез под одежду, умело отыскивая в ней многочисленные прорехи. Я поёжился, зябко поведя плечами и, мрачно огляделся вокруг. Открывшаяся картина настроения не добавила.

Деревенька, на окраине которой мне в настоящий момент «посчастливилось» стоять, состояла примерно из пары сотен приземистых невзрачных домишек, кривыми улочками, разбросанных в пределах небольшого, зажатого со всех сторон лесом, частогокола. Дома будто жалась к земле, тускло отсвечивая маленькими окнами—бойницами, в свете довольно уже высоко поднявшегося солнца. Возле каждого дома, тесно прижавшись к стенам, словно опята к трухлявому пеньку, громоздились, ещё более убогие на вид, хозяйственные пристройки. Крохотные, заросшие сорняками огороды, огороженные довольно добротным, на фоне всего остального, забором, довершали картину беспросветной нищеты, царившей вокруг.

— У! Вельда в ушлёпки ведут! Я первый увидел! Нет, я! — несколько пацанят, в забрызганных грязью рубахах до колен, сорвались с насиженных мест и понеслись прочь, отчаянно стараясь, обогнать друг друга. Не прошло и нескольких секунд, как сорванцы, продолжая что-то задорно выкрикивать, скрылись за ближайшим поворотом, только грязь во все стороны полетела.

«Ишь и не холодно им, оглоедам», — завистливо посмотрел я им вслед, затем перевёл взгляд на тёмно-коричневую жижу, толстым слоем покрывавшую дорогу, задумчиво взглянул на собственную обувку, выданную мне отцом на выходе и, печально вздохнул.

Мда. Здесь кирзачи нужны или резиновые, на худой конец, а не эти полулапти — полу не знаю что. Это же надо столько грязюки намешать? Будто специально со всей округи самосвалами свозили!

— Что сынок. Плохо тебе совсем? — заботливо склонился ко мне отец. — Сам идти то сможешь? Аль подсобить?

— Заморённый ты какой-то стал, Вельдушка, — встрял, с другой стороны, дед Паткул. — Видать тебе не только память отшибло, но и мозги набекрень вывернуло, — и добавил, со знанием дела. — Пустошь она такая. Она может.

Я благоразумно промолчал. Не знаю: попал я в этот мир откуда-то ещё или изначально тут был. Главное, что никуда уже отсюда, похоже, не денусь. Хоть волком вой, а жить

придётся здесь. Значит, тут, и устраиваться как-то надо. И по любому, в этой дыре, мне ничего не светит. Тут, из перспектив, только ковыряние в навозе и прочие сопутствующие этому, от зари и до заката, радости. Оно мне надо? Нет, конечно! Я уж лучше в маги подамся, раз они тут водятся. Тем более, что и выбора мне особого, похоже, не оставляют. Судьба! Одно только не понятно. Чего это местные так на магов учиться, идти не хотят? Это же, какие перспективы! Власть, могущество, богатство! А то, что не любят их, так это понятно. Боятся! Вот и отыгрываются на учениках, пока те в силу не вошли. И то не факт. Дед, сразу видно, тот ещё балабол. И соврёт, не дорого возьмёт. Вон батя не о чём таком не слышал. Глушь, тут, судя по всему, ещё та. Знаю я такие деревеньки. Живут у чёрта на куличках. По полгода никого не видят. Информации ноль. Скука смертная. Вот и выдумывают сами для себя страшилки. Всё что не укладывается в размеренный образ жизни, то всё зло и ужас. Вот и про магов насочиняли, не пойми что, со страха. Душу там потеряешь, чёрным властелином станешь. Киснут в своём болоте. Ну, ничего. Я, может, когда-нибудь и загляну сюда на минутку. Ну, когда магом стану. Потыкаю их мордами в собственное...

— Пойдём, сынок, — решительно взял меня за плечо Вилим. — Народ заждался уже. И так староста опять, как собака, брехать будет.

— Это да, — одобрительно откликнулся дед. — Стой, не стой, а от судьбы не уйдёшь, — Паткул смачно высморкался себе под ноги, сплюнул туда же и, вытерев об тулуп пальцы, подозрительно уставился на меня: — Видать согрешил ты в чём-то перед Троицею, что они на тебя указали.

— Жребий то Васяткин был, — нахмурившись, возразил Вилим. — И грехи его!

— Ну, у Васятки то грехов больше чем блох у козла приبلудившегося, — мелко захихикав, согласился дед. — Если бы не Калистрат, ему бы уже давно шею свернули. Нашёл ты с кем по рукам ударить, — Паткул укоризненно покачал головой. — Староста оттого и искал охотника, что на суд богов не надеялся.

— Нужда заставила, — мрачно процедил Вилим, старательно обходя очередную грязевую лужу. — Ты же сам знаешь, дядька Паткул, как мне осенью с посевами не повезло, — отец, грязно выругавшись, с силой пнул комком грязи в сторону развалившейся поперёк дороги свиньи. Та, лениво посмотрев в нашу сторону, даже не подумала покидать так полюбившуюся ей лужу. — Выбора у меня не было. Если бы ряд с Калистратом не заключил, эту зиму мы бы не пережили. Да и думка теплилась, что сторонкой беда пройдёт. Почти три десятка баллот тянули. У Вельда он чистый был, — Вилим сморщился так, как будто прожевал дольку неспелого лимона. — А у Васятки нет.

— А почему тогда меня вместо Васятки этого в маги посылают? — не вытерпев, поинтересовался я.

— И впрямь с головой у тебя беда, — покачал головой Вилим. — Как дитёнку малому всё разъяснять приходится. Ты, главное, на погосте чего-нибудь такого не спроси, — погрозил он мне пальцем. — Помалкивай, да головой кивай. Не дай Лишний и впрямь старики не отпустят.

— Обычай у нас такой, — ответил вместо отца дед Паткул, теребя жидкую бородёнку. — Когда деревне приходит срок баллот тянуть, то тянуть его обязаны все, кто во взрослую пору входит. То закон ещё со смутных веков самими богами прописан! — поднял указательный палец вверх старик. — И уклониться от его исполнения никто не может: ни крестьянин, ни торговец, ни даже сам господине князь!

Вилим, внимательно слушавший деда, кивнул соглашаясь.

— Перед Троице все равны, — продолжал вещать дед. — За этим жрецы строго следят и никому спуска не дают! Говорят, что даже сын императора баллот как-то тянул, — выпучил Паткул глаза. — Но, — дед, выдержав паузу, вновь поднял палец вверх. — Ежели кто не хочет судьбу пытаться, то может заключить ряд. Конечно, если охотника найдёт. Баллот то он потянет, но в чашу Йоки его бросать не будет, а охотнику то и передаст. Тот замест него бросит. А там уже как Трое решат, — дед пожал плечами. — Ежели баллот чёрный будет — повезло. Живи себе дальше и всё, что по ряду получил, твоим остаётся. Ну, а если белый, то всё — топай детинушка до городу, на ушлёпка, значитса, обучаться.

— Самому, что ли, идти то? — удивился я, почесав голову. — Без присмотру совсем?

— Сам ты только до ближайшей деревни дойдёшь. Там тебе шибко рады будут! — зло бросил Вилим. — Вместе с обозом пойдёшь. Отец-послушник, хоть специально будущих колдунов и не опекает, но и полонить не даст. Раз вас Трое в ушлёпки выбрали, то так тому и быть. И рушить волю богов не след. Поэтому всю дорогу держись обоза, никуда от него не отходи. Тогда и до Вилича наверняка дойдёшь. А в сторону уйдёшь — считай, пропал. Ты понял меня? — отец, взяв меня за плечи, внимательно заглянул в глаза.

— Понял, — под взглядом Велима мне стало неуютно. — От обоза не отхожу. У послушника всё время на глазах нахожусь.

— У всеблагото отца других дел и нет, как на твою грязную харю любоваться, — развеселился Паткул. — Ты лучше Силантия держись. С одной деревни чай. Может, хоть он, присмотрит за тобой! Там, правда, и с других деревенок народишко до школы идёт, но на них ты не надейся. За полполушки продадут.

— И все за обозом без присмотра идут? — удивился я. — А почему тогда никто не сбежит? Лес то рядом.

И тут же, получив увесистый подзатыльник, пробороздил носом грязь.

— Думай, что языком мелешь! — рыкнул надо мной отец. — Кто чужой услышит, беды не оберёшься! Да и мне несладко придётся! Ты уже вдосталь побегал! Заткнись! И чтоб больше рот свой поганый не открывал! Ещё хоть слово услышу! Я тебе! ... — Вилим поднял руку и выразительно сжал свой громадный кулачище.

Поднимался я с трудом. Липкая жижа, подобно болотной трясине, отпускала неохотно, разъезжаясь под руками в разные стороны. Да и голова вновь загудела, как растревоженный пчелиный улей. Вилим, с каким-то злорадным интересом, наблюдавший за моими потугами, терпеливо дождался окончания действия. Затем, взяв меня своими лапищами, за сразу затрепавший ворот, с придыханием произнёс: — У меня ещё намедни руки чесались, когда ты своим побегом чуть и Славуту за собой не утянул. Если бы тебя сейчас на погосте не ждали, я бы тебя уму-разуму то поучил. Но ты смотри, сынок, — почти ласково, добавил он. — Если с твоей учёбой сейчас что-нибудь не сладится, то...

— Пошли уже, сосед, — прервал его на полуслове Паткул. — Если опоздаем — беда будет.

— Пошли, — согласился Вилим, разжимая кулаки. — Твоя, правда, дядька Паткул, припозднились мы.

На погостье вышли как-то неожиданно. Вроде только что месили грязь, огибая, вплотную притиснувшись к забору, очередную огромную лужу, прошли по стиснутой меж двух палисадников довольно утоптанной тропинке и, внезапно, вышли на довольно большую площадь, почти полностью заполненную народом. Однородная серая толпа, состоящая в основном из однотипно одетых в драные тулупы баб и мужиков, отличавшихся друг от друга лишь наличием у первых на головах платков, напряжённо ждала, искоса поглядывая в сторону десятка запряжённых волами телег. Там уже всюду суетились возницы, в последний раз проверяя сбрую, лениво переругивались стражники, поправляя сбившийся немудрёный доспех, важно вышагивал кряжистый бородатый старик, зачем-то постоянно поправляющий уложенные в телеги мешки. Рядом ошивалась стайка местной детворы, увлечённо путаясь у старших под ногами. Они-то первыми нас и заметили.

— Вельда привели! — заорал, во всё горло, вихрастый мальчуган лет пяти и тут же получил затрещину от кого-то из старших. Нас сразу обступили со всех сторон. Раздались нестройные приветствия, вопросы, взаимные поклоны. Какой-то изрядно пьяный толстяк, в сильно измызанном грязью армяке, неопределённого от грязи цвета, даже попытался преградить Вилиму путь, попутно стараясь втолковать что-то невнятное, но был, бесцеремонно отодвинут в сторону.

— Не до тебя сейчас, Аникей. Не видишь, Калистрат ждёт.

Вилим, наконец, протиснулся сквозь толпу и встал напротив старика. Дед Паткул благоразумно затерялся в толпе. Я, молча, встал рядом, почти физически ощущая спиной десятки любопытных глаз. Сельчане и до того беседовавшие друг с другом громким полусшёпотом, смолкли совсем, с интересом ожидая дальнейшего развития событий. Даже детвора, прекратив своё броуновское движение между телегами, застыла на месте, раззявив в ожидании рты. Оно и понятно. Культурная программа в этом захолустье особым разнообразием вряд ли отличается. Дни в деревне как близнецы-братья, без полулитры и не отличишь. Из всех забав, только пьянка с мордобоем, сплетни, да увеличение народонаселения по ночам. В общем, скука смертная. Неудивительно, что поглазеть на отправление обоза и двух неудачников-односельчан вся деревня набежала. Это же событие, по местным меркам, неординарное. Потом месяца два можно будет языками чесать, сочиняя по ходу дела дополнительные подробности и до хрипоты оспаривая версию какой-нибудь Клавки косоглазой.

Первым прервал молчание Калистрат. Зло зыркнув, на насупившегося Вилима, он развернулся в мою сторону.

— Ну что, набегался выкормыш айхи?! Воля Троиш тебе, значит, не указ? Всю деревню перед всеблагим отцом обгадил. У нас такого отродясь не было! Ты первый такой! А ты знаешь, сын нерюха, что сбежав, ты оскорбление Троиш нанёс? И если бы тебя не поймали, отец-послушник не ток вместо тебя Славуту мог забрал, но и, в наказание, ещё раз отроков баллот тянуть заставить? Знал! — вредный старик огляделся вокруг в поисках поддержки, и, дождавшись одобрительного гула, вновь впери́л взгляд на меня. — Наказать бы тебя всей общиной, да времени нет. Отец-послушник и так припозднился, — Калистрат бросил озабоченный взгляд назад. — Ничё. Трое тебя накажут. А мы опосля всем обществом с Вилимом потолкуем. Почему он своих сыновей обычаи наши уважать не учит. И учит ли он их, вообще, хоть чему-нибудь? — старик со злорадством покосился на побледневшего Вилима и сокрушенно покачал головой: — Я ведь вроде пока что тут староста, — показушно

загнусявил Калистрат, — общиной на сходке выбранный. Да и до волос седых уже дожил. Ежели не по чину, то по возрасту уважения заслуживаю. Какой-там, — староста сокрушённо покачал головой. — Сначала Вилим мне поутру, всячески понося, чуть полбороды не выдрал! И за что?! За то, что я, об отроках наших, заботаюсь, старался их от второго баллота спасти? За то, что к ответу за провинность сынишки его призвал? За упрёк, что ряд по весне с ним заключённый, порушен оказался? — староста выдержал выразительную паузу и, ткнув пальцем на меня, с горечью продолжил: — И чего спрашивается от этого змеёньша ожидать, коль все родичи такие? Он не Троих ни чтит, ни нас стариков не уважает. Вот и сейчас, стоит, глазищами сверкает, а о вежестве и думать забыл. А уж чтоб поклонится, своему старосте уважительно, и речи нет. Видать отлежал спину то! Не гнётся совсем!

Вокруг сдержанно рассмеялись.

— То, что спина не гнётся — дело поправимое! Размять надо хорошенько! Батогами!

— У него не только со спиной беда, но и с ногами! Вон морда, в грязи вся!

— Эт он лужу обнять решил! С бабой перепутал!

Я, честно говоря, растерялся. Сколько времени прошло с тех пор, как я очнулся? Часа два, не больше. Мало того, что тут ещё почти ничего не понимаю, так ещё и о прошлом ничего не помню. В общем, в голове полный сумбур и каша, а тут ещё этот вредный старикашка прицепился. И что теперь делать? Ну не знаю я специфики местных взаимоотношений. И как вести себя, в данной ситуации, тоже не очень понимаю. Но, судя по поведению Вилима, качать права точно не стоит. Ведь староста, по сути, больше на него наехал. Зря он, видимо, с Калистратом поцапался. Ох, зря! Тот сразу видно: жучила прожжённый и злопамятный, к тому же. Вот как речь вывернул. Враз моего новоиспечённого батяню врагом всего села выставил. И соответственно, всех против нас настроил. Вон мужики, хоть и скалятся немудрёным шуткам, а глаза то злые. А против всего села не попрёшь. Вот и Вилим это, похоже, понимает. Набычился, кулаки то сжимает, то разжимает, а молчит. Мда. Непрост староста. Совсем не прост. Одно радует. Не против меня эта интрига направлена. Ведь я то, судя по всему, ломоть отрезанный и, без пяти минут, в сторону города катящий, а значит этой общине, будь она не ладна, уже не подчинённый. Так что лучше уж промолчу в тряпочку, дождусь этого послушника ихнего и ходу отсюда. Пусть Вилим расхлёбывает. Всё равно у меня с ним родственные отношения не сложились. Вот накостиляют ему мужики, будет знать, как руки распускать.

Но в планы Калистрата моё молчание не входило.

— Что молчишь то, Вельдушка? — задушевно так обратился он ко мне, ну почти как к родному. — Раньше ты на язык побойчее был. Да и вообще — пошустрее. Вон как в сторону Махровой зыби почесал. На силу догнали! А может, ты и теперь сбежать замышляешь? Уже по дороге в город? — Калистрат обвёл взглядом односельчан и предложил: — Мужики, может заменим его Славутой? А то, чем Лишний не шутит, вдруг опять сбежит? Хлебнёт тогда деревня горюшка. Полным ковшиком хлебнёт!

Я мысленно чертыхнулся. Вот гад! Ошибся я! Одного Вилима этому козлу бородатому, похоже, мало. От нарисовавшейся перспективы моментально пересохло в горле. Если меня оставят здесь — это конец! Сельчане в муку раскатают, а потом, остатки, если что-то, конечно, останется, Вилим по стенкам размажет. Недовольный гул, прокатившийся по толпе, со всей ясностью подтвердил мои предположения. Толпа сдвинулась, взяв нас в плотное кольцо. Послышались оскорбительные выкрики, предложения хорошенько проучить молокососа. Кто-то выдернул из толпы и втолкнул в круг незамеченного мною Славуту.

Парнишка тут же прильнул к отцу, загравленно озираясь по сторонам. Он то, судя по всему, и заставил гиганта очнуться и вступить в бой.

— Не мели чепухи, дядька Калистрат, — резко отчеканил Вилим, прижав Славуту к себе. — Вельд, конечно, поганец ещё тот, но не дурак. Одно дело, когда он после обряда сбежал. Тоже дурость, но там хоть надежда была, в деревню какую-нито прибиться, аль в город податься. А как стигму на шею наденут, какой уж тут побег? Каждый встречный переймёт.

— По мне, так полный дурак! — высунулся, из-за спины Калистрата, рослый черноволосый парень, с нагловатыми глазами. — Умный, в Махрову зыбь, не сунется.

— Тут дядька Паткул говорит, что он в пустоши память потерял и головой совсем тронулся, — встрял в разговор пожилой мужик, в рваном треухе. — Я так думаю. Ты уж извини, сосед, — повернулся он к Велиму, — Но посылать надо Славуту. Шибко ненадёжен Вельд будет, раз мозги набекрень. Только Трое знают, что ему Лишний может нашептать!

— Что-то он и впрямь молчит больно странно, — поддакнули из-за спины. — Первый болтун на деревне был, а сейчас и слова не вытянешь.

— Может он не только умом тронулся, но и разговаривать разучился? — довольно загоготал чернявый. — Дядька Вилим, а по нужде он ещё пока сам ходит, аль у него штаны мокрые вовсе не из-за лужи?!

— Как был ты балаболом Васятка, так балаболом и помрёшь, — под дружный смех толпы, сплюнул Вилим.

— И ничего я умом не тронулся, — решился я вступить в разговор, осторожно подбирая слова. Сын старосты, сам того не желая, своей шуткой слегка разрядил обстановку и я понял, что это мой шанс. Буду и дальше молчать, точно здесь останусь. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нужно убедить этих бородачей, что я вполне адекватен и никуда сбегать, не собираюсь. — С памятью плохо — то, правда. Да то моя беда. В дороге это не помеха. И бежать я никуда не собираюсь. Стигму же оденут, — что это за стигма такая, я не представлял, но раз Вилим на неё ссылается, не грех и мне вспомнить. — Правильно батя сказал. Я себе не враг.

— Что совсем ничего не помнить? — вывалился из толпы оживившийся Аникей и, дыхнув мне в лицо сильнейшим перегаром, спросил. — А как намедни у меня баклажку вару займы взял, тоже не помнишь? — и повернувшись к Вилиму, требовательно заявил. — Рассчитаться бы надо, сосед!

— Вот прощельга ушлый! Так и норовит, на дармовщинку выпить! — засмеялись из толпы.

— А кабанчика копчёного он у тебя в долг не брал случаем, Аникей? И крупы пару мешков? — развеселился народ.

— Мне тоже смешно. Да только как бы нам потом горькими слезами не умыться, — оттолкнул от меня Аникея староста. Его явно раздосадовало то, что разговор ушёл в сторону, и он решил вернуть его в нужное русло. — Опаска меня берёт, ущербному на шею стигму вешать. Сгинет по пути или к ловцам в лапы попадёт. И всё! А с кого спрос? — Калистрат выразительно посмотрел по сторонам и, подняв палец вверх, внушительно добавил: — С нас! Не считая Вилима, ещё три семьи горькими слезами умоются!

— Твоя, правда, Калистрат, — согласился со старостой худощавый высокий мужик средних лет, единственный из всей толпы, щеголявший добротным почти новым кафтаном, — у всех у нас отроки есть. Не приведи Трое, ещё кого отцы-вершители заберут.

— Ну, ваших-то с Калистратом сынков не заберут, — ехидно возразили из толпы. — Опять так же откупитесь, как староста Васятку откупил.

— А я Вельда силком Васяткин баллот кидать не принуждал, — вызверился староста. — Всё по согласию было! Я честно за это уплатил! Всё по ряду, как положено! А он, — Калистрат кивнул головой в мою сторону. — Как время пришло, долг отдавать, так сразу в бега подался! Ряд порушив!

— Мы ряд не рушим, — набычился в ответ Вилим. — Вельду баллот выпал, Вельд и пойдёт в школу мажеску! Всё, как и было сговорено!

Я слушал начавшуюся между мужиками перепалку и лихорадочно соображал. На кону стояла моя судьба. Вот придут сейчас эти бородачи к решению, не отправлять меня на мага учиться и всё. Пиши, пропало. Нужно убедить их не делать этого. Но как? Местных реалий я не знаю. Как бы ни ляпнуть чего-нибудь, себе во вред.

— Пойти то пойдёт, а вот дойдёт ли? — продолжал гнуть свою линию Калистрат. — До городу шесть дён пути будет. И стока же отцам-вершителям понадобится, чтоб сюда добраться. Вы хотите две седмицы трястись в ожидании и гадать: дошёл ли этот выкидыш Лишнего до школы или нет? Нужна ли нам эта докука, сельчане?

Одобрительный гул выбил землю, из-под моих ног. Отчаяние стальными когтями сжало сердце.

— Да дойду я! Богом клянусь! — почти сорвался я, на безнадёжный крик.

— Эт, каким таким богом? — хитровато прищурился староста. — Уж не Лишним ли? Чем же тебе Трое не угодили?

— Так ими и клянусь! — быстро исправился я. — Как штык в городе буду!

— Заткни пасть, щенок! — рявкнул на меня новокафтанник. — Соплив ещё, в споры старших лезть! Ну, ничё! Мы тебя всем обществом поучим! И надо бы к отцу Игнатию его свести. Он быстро дознается, что у него за любовь к Лишнему!

Несколько пар рук цепко опустились мне на плечи. Кто-то ещё и хорошую затрецину отвесил, да так, что зубы клацнули. Я затравленно оглянулся на Вилима. Вот чурбан неотёсанный! Стоит, глазами страшно вращает, а двух слов сказать не может! По всему видно, драться собрался за Славуту. Только каким бы ты здоровым не был, против толпы не попрёшь — сомнут. Да и среди мужиков, парочка не слабей Вилима смотрелась.

— Ну и что тут за галдёж такой? — резкий недовольный голос перекрыл гул толпы. В следующее мгновение, я почувствовал себя свободным. Мужики, повернувшись в сторону обоза, низко поклонились, сдёрнув, у кого были, на головах, шапки. Я поспешил поклониться тоже, бросив быстрый взгляд в сторону обоза.

Возле телег стояли двое мужчин, закутанных в чёрные, с наброшенными на голову колпаками, балахоны. Впереди стоящий худощавый юноша, почти мальчик, с высокомерным выражением лица, оглядывал склонившуюся перед ним толпу, ожидая ответа на свой вопрос. Стоявший чуть сзади пожилой мужчина, с красным одутловатым лицом, равнодушно зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Где изгой? — не дождавшись ответа, юноша нашёл взглядом старосту. — Ты решил заставить меня ждать, борода?

— Нет, всеблагой отец, — тут же заюлил старик. — Оба здесь. Вот Силантий, сын вдовы Аристарха, — из толпы тут же вытолкнули бледного заплаканного юношу, с небольшим кожаным мешком на плече. — И Славута, сын Вилима.

Вилим, обмякнув, разжал свои лапищи, выпуская трясущегося сына. Похоже, со

жрецами, тут даже он спорить не решался. Какой-то паренёк, вынырнув из-за спины старосты, протянул Славуте точно такой же мешок. Толпа качнулась, напряжённо чего-то ожидая.

Послушник, молча, оглянулся и пожилой протянул ему длинный белый ремешок с небольшим красным камешком посередине. Юноша повернулся к подошедшему Силантию и, брезгливо поморщившись, надел тому ремешок на шею. Камень кроваво вспыхнул, ярко заискрился, и тут же потух, мгновенно почернев. Силантий резко дёрнулся, чуть слышно вскрикнув. Тишину прорезал плач женщины.

— Да свершится воля Троиц, — скучающим голосом возвестил послушник и вновь протянул руку к пожилому.

— Да свершится воля Троиц, — согласился тот, протягивая юноше второй ремешок. Настал черед Славуты и тот покорно встал на место отошедшего Силантия.

Понимая, что сейчас случится непоправимое, я в отчаянии выкрикнул: — Это нечестно! Баллот я вытянул!

Сильный удар тут же опрокинул меня на землю. Сверху навалились, впечатывая тело в липкую грязь.

— Это что ещё за выкидыш Лишнего? — в голосе послушника проскользнули нотки интереса. Видать достала его эта нудная поездка, а тут хоть какое-то, да развлечение.

— Это другой сын селянина Вилима, отец Мефодий, — скрипучий надтреснутый голос, несомненно, принадлежал красномордому. — Баллот он вчера вытянул, да потом сразу в пустошь стрекача задал. Насилу поймали.

— В пустошь говоришь? — вскинулся молодой жрец. — А мне почто о том не сказывал? Забыл указ отца-приора?

— Что ты! Разве я мог забыть! — красномордый, судя по тону, ничуть не смутился. — Потому ещё вчера отцам-радетелям весточку послал. А тебе отец Мефодий и знать о том не след, — в голосе местного жреца проскользнула откровенная издёвка. — Ибо я простому послушнику не докладчик!

По скулам Мефодия заходили желваки.

— Покажите мне его.

Меня тут же рывком подняли на ноги и предъявили на обозрение послушнику. Ну вот. Сейчас он ещё на мне и свою злость сорвёт. Вон как рожу перекосило! Молодой, а уже спесивый, сверх меры.

— Экий он чумазый, — Мефодий презрительно скривил губы. — Отпустите. Пусть хоть рожу вытрет.

Отпустили. Трясущейся рукой я попытался стереть липкую грязь с лица. Что-то вытер, что-то ещё больше размазал.

Сволочи. Лишь бы вырваться отсюда. Я вам потом устрою.

Послушник насмешливо фыркнул: — Точно, отец Игнатий. Похоже, этот вчера был. Этаку рожу разве забудешь? — и, повернувшись к красномордому, с нажимом спросил. — А почему тогда мне другого подсовывают?

Отец Игнатий, казалось, побагровел ещё больше. В его глазах блеснула еле сдерживаемая ярость. Я замер, ещё не смея верить своему счастью. Самолюбив Мефодий, очень самолюбив. И сейчас, похоже, из принципа меня решил с собой забрать. Лишь бы местному жрецу насолить!

— Общество так решило, всеблагой отец, — решился встрять в беседу Калистрат. — Он

же вчера себе...

— Кто решил? Общество? — едва не брызжа желчью, перебил Мефодий старосту. — Воля Троиц уже не священна теперь? Общество, — это слово послушник буквально выплюнул, — теперь само всё решает?

Я злорадно усмехнулся. Опростоволосился староста. Не надо было в спор между жрецами влезать! Послушник и так кипит, как котелок с закрытой крышкой, а тут ты ещё со своим обществом!

— Умом он тронулся, всеблагой отец, — всё же решился пролепетать Калистрат. — Опасаемся, что до города не дойдёт.

Не дойдёт — значит не дойдёт, — равнодушно пожал плечами послушник, покосившись на красномордого. — На всё воля Троиц.

Чувствовалось, что на возможные проблемы деревенских ему глубоко плевать, гораздо важнее обнаглевшего Игнатия на место поставить.

— Иди сюда, чумазик, — поманил меня Мефодий пальцем.

Я, пошатываясь, подошёл. Всё-таки хорошо мне врезали. Машинально взял протянутый Славутой мешок и склонил голову. Шею охватил ремешок и, в следующее мгновение, всё тело пронзило словно молнией. Аж зубы заныли.

— Да свершится воля Троиц, — донеслось до меня приглушённо.

Я потрясённо потряс головой. Блин. Больно-то как! Словно током долбануло! Машинально потрогал рукой обхвативший шею ошейник. Тот сидел плотно, под жёсткую грубую кожу даже палец не пролазил. Нащупал на горле камушек и тут же отдернул руку. Чёрт! Холодный, как лёд в Арктике! Аж пальцы обжигает. Интересно, а Арктика — это где? В этом или в том, другом мире? Ладно, не суть. Сейчас, не об этом думать надо.

Чья-то рука, опустившись на плечо, вернула меня к действительности.

— Ты бы поторапливался, Вельдушка, — заглянул мне просительно в глаза Калистрат. — Обоз ждать не будет. Вон и тронулись уже.

Я проводил взглядом мерно заскрипевшие колесами телеги и оглянулся на сельчан. Более трёх сотен глаз не сводили с меня тревожных взглядов.

— Ты зла на меня не держи, Вельд, — продолжил между тем староста. — Я о благе деревни пекусь. На то и выбран. И потому, Троицами тебя прошу — дойди ты до города! А то ещё троих отроков Лишний заберёт. А ведь они тебе не чужие. Чай ещё без штанов вместе по улицам гоняли. Да и твоим родичам не поздоровится.

Вот ведь, хитрец бородатый! Вроде и просит, но и пригрозить не забывает. А того и не знает, что грозить то мне особо и нечем. Не сложились у меня отношения с местными родственниками. Ну, вот совсем не сложились. И особо тёплых чувств ни к Славуте, ни, к тем более, Вилиму я не испытываю. Да и не считаю я их родными. Вообще. Чужие они мне. Так что нет у вас аргументов против Петьки Кирпича гражданин староста. Тем более, что и из юрисдикции вашей я вышел. Мелькнула мысль слегка отомстить этим бородачам напоследок. Намекнуть, что в город я не очень то и собираюсь. Места и поинтересней есть. Нет, на самом-то деле деваться мне особо и некуда, кроме как в маги учиться идти. Но они-то про это знать не могут. Вот и пускай пару седмиц плохо поспят. Это будет, моя маленькая мстия. Я обвёл взглядом лица сельчан, собираясь высказать что-нибудь в этом роде, нашёл глазами мрачного Вилима, Славуту и... увидел прильнувшую к ним Маришку. Мда. Про сестрёнку то я и забыл. А ведь ей на орехи тоже достанется. Жалко её, хоть она и болтушка страшная.

— В общем, так, Калистрат, — повернулся я к старосте, — До города я дойду без обмана. И отучусь там, как положено. Но и ты смотри. Чтоб родичам моим обиды не было. Или Троице клянусь, как отучусь, в деревню обязательно наведаюсь. И какое-нибудь проклятие на неё наложу.

— Что ты Вельдушка. Простили мы Вилима уже. Чай не чужие! — замахал руками староста. Особо испуга в его хитрых глазках, я, к своей досаде, не заметил. — Ты лучше скажи, что и, правда, память полностью потерял?

— Ну да, — насторожился я. — Даже имя своё сам не вспомнил. А что?

— Плохо, — посмурнел староста, — Ты же теперь как дитя малое. Ни одни, так другие по пути переймут. И времени нет, тебе всё объяснить, — Калистрат задумчиво почесал бороду и крикнул: — Силантий!

От группы подростков, уныло бредущих за обозом, отделился уже знакомый мне, по обряду, парнишка.

— Что дядька Калистрат?

— Ты это, за Вельдом в дороге присмотри. Ну и обскажи ему всё, — староста покряхтел и добавил. — Послужи обществу в последний раз. А мы в долгу не останемся. Матушке твоей в трудную годину поможем. А к лету и тебе гостинец пришлём.

— Всё сделаю, дядька Калистрат, — Силантий недобро покосился в мою сторону. — Прослежу. Не сомневайся.

— Ну, тогда в путь, — вздохнул староста. — Пусть будут Трое с вами, а Лишний стороной пройдёт, — Калистрат хотел ещё что-то добавить, передумал и махнул рукой: — Идите уже, а то обоз далече ушёл. Догоняйте, пока деревня на виду.

Силантий шустро припустил в сторону ворот. Я побежал следом.

— Вельда! — окрик остановил меня, когда я почти миновал массивные двухстворчатые ворота, заставив обернуться.

Запыхавшаяся Маришка, впившись клещом в мои штаны, горько заплакала.

— Ты ведь ещё вернёшься Вельда? Ну, когда колдуном станешь. Вернёшься? — подняла она ко мне своё чумазое личико.

Конечно, маленькая, — у меня на душе чуть потеплело. Хоть кому-то я в этом мире не безразличен.

— Тогда обязательно шрам на груди покажешь, — перешла на деловой тон пигалица. — И свистульку из города мне привези, со шнурочком шёлковым, как у Ганьки!

— Обязательно, — улыбнулся я и, поцеловав свою сестрёнку, заспешим вслед за нетерпеливо оглядывающимся Силантием. Кто знает, может я и вправду, сюда ещё вернусь?

— Седай рядом, Вельд. Раздели со мной трапезу. — Гонда, расстелив на траве цветастый обрезок плотной ткани, ловко выкладывал из заплечного мешка немудрёную снедь. — Я уже его привычки изучил, — кивнул он в сторону неторопливо вылезавшего из повозки Мефодия. — Не меньше часу своё брюхо набивать будет.

— Спасибо, — не стал чиниться я.

Гонда мне нравился: весёлый, дружелюбный, словоохотливый, он сразу расположил к себе. Мы ещё из деревни толком выйти не успели, а он уже подошёл знакомиться; завязался разговор. Мда... С остальными спутниками мне так не повезло. Мы уже полдня вместе грязно ногами месим, а я даже имён их не знаю. Упёрлись взглядами в землю как бараны, рожи кислые сделали и бредут, ни на что не реагируя. Даже от моего «односельчанина» слова не вытянешь; только носом шмыгает, да зыркает на тебя с такой злостью, будто ты у него в голодную годину последнюю корку хлеба спёр. А ведь обещал, гад тощий, что про реал местного бытия расскажет. Я, конечно, всё понимаю. Горе у них: жизнь сломали, партбилет отобрали... Стоп. Что-то меня опять куда-то не туда заносит. Но словечко запомню. Обмозгую на досуге. Так о чём я? Ну, в общем, плохо всё у них. Но жизнь то продолжается! И руки опускать никак нельзя. Потому что, как бы она тебя не била, всё это временно. И за каждой чёрной полосой, непременно последует светлая. Просто не может быть по-другому в этой жизни. Нет в ней ничего постоянного. Про возниц и охрану, что при обозе состояли и говорить нечего. К ним вообще не подступишься. Я, судя по всему, в их табели о рангах занимал место где-то между говорящей обезьяной и бессловесным козлом. Недаром недошлёпки (как с усмешкой называли местные будущих магов), даже по дороге шли не вместе с обозом, а в шагах в десяти позади, чтобы, значит, с нормальными людьми не мешаться. И о каком диалоге тут может идти речь? Нет. Я, конечно, попробовал в самом начале пути. Информация в моём положении просто жизненно необходима. Но хмурый, с длинным уродливым шрамом через всю щёку воин, выразительно вытянув из-за пояса плеть, довольно доходчиво объяснил, что я должен катиться со своими вопросами к какому-то Лишнему. И если я сейчас же не исчезну с его глаз, то он мне к нему дорогу довольно подробно объяснит. Ну и бог с ними. Не хотят общаться и не надо. У меня Гонда есть! Словно компенсируя угрюмое молчание троих моих братьев по несчастью, этот юркий, щупленький парнишка в донельзя изодранном мешке, гордо именуемым полушубком, оказался бесценным кладёзем информации.

И вот тут-то я понял, что конкретно попал... Магом, значит, хочешь стать? Могущественным, богатым, влиятельным? Повелевать стихиями? Летать на драконах? Горы с лица земли стирать? Мда... Одной губозакатывающей машинки мне, пожалуй, будет мало. Тут их оптом заказывать нужно.

В общем, по порядку. Если верить местной легенде, то этот мир создали два бога: светловолосая Эйра и темноликий Хунгар. Собственно говоря, создали они его между делом, походя, как игрушку для своего новорождённого сына, Йоки. Создали и отдали ему, занявшись другими более важными делами в истинных мирах.

Йоки же хоть и являлся богом, но при этом оставался младенцем, со своими капризами и сменой настроений. Он ещё мало что умеет, ещё меньше знает, плохо разбирается, где правда, а где ложь, добро и зло, жестокость и милосердие. Он капризен и непостоянен.

Поэтому Пангея и была подвержена постоянным потрясениям.

О первых веках правления Йоки мало что известно. Недаром этот период вошёл в историю Пангеи под названием «Забывшие века». Но, судя по всему, жизнь в те времена была опасна и нелегка. Йоки был жесток в своей любознательности и склонен к необдуманным решениям. Создавались и стирались в порошок целые государства, многолетние засухи сменялись смывающими всё на своем пути потопами, а вслед схлынувшей воде приходили пожары, сжигая в своём пламени всех, кто не догадался своевременно утонуть. К тому же рядом с поселениями людей постоянно появлялись различные чудовища и химеры, созданные богом—младенцем в его стремлении научиться созидать подобно его родителям.

О том времени ещё известно, что люди строили множество храмов жестокому богу, так как Йоки любил быть в центре внимания и, внимая мольбам, иногда уничтожал созданное им очередное чудовище. Впрочем, проходило время и на свет появлялось новое.

Но всё было бы не так уж и плохо, если бы не Лишний. Его имени легенды не сохранили. Первый сын Эйры, он стал лишним с приходом Хунгара и был изгнан отчимом и лишён божественной силы. Под этим прозвищем, этот бог и вошёл в историю Пангеи.

Так вот. Лишний нанесённой ему обиды не забыл и решил отомстить. Воспользовавшись тем, что Эйра и Хунгар почти всегда отсутствовали, он сдружился с Йоки, завоевав его доверие. Младенцу к тому времени этот мир постепенно наскучил. Он жаждал чего-то нового. Тогда Лишний предложил наделить Пангею частичкой божественной силы, как делали Эйра и Хунгар, в истинных мирах. Мол, будет интересно посмотреть, что из этого получится. Йоки с радостью согласился. Так появилась магия.

Лишний, самолично спустившись на Пангею, жадно прильнул к источнику, доступа к которому когда-то лишил его мудрый Хунгар, и начал восстанавливать своё могущество. Людям же, появившаяся магия принесла лишь новые испытания. Они просто не знали, как воспользоваться свалившимся на них с небес подарком.

Зато им сполна воспользовались айхи. Мелкие духи лесов и болот, айхи являлись одной из череды неудачных попыток Йоки создать что-то самому. Слабые и беззащитные, айхи веками находились на грани исчезновения, прячась в самых дебрях лесов. Появление магии изменило для них всё. Являясь созданием Йоки, айхи оказались очень восприимчивы к неожиданно появившимся на планете магическим потокам и быстро достигли в магии большого могущества. И наступил день, когда они решили выйти из своих лесов...

Нет. Как такового, покорения людей не было. Собственно говоря, история даже не помнит ни одного серьёзного сражения между двумя расами. Айхи это было не нужно. Созданные Йоки, лесные духи и по характеру были очень похожи на своего творца. Они были как дети. Любопытные и непоседливые, озорные и непредсказуемые, айхи стали настоящим кошмаром для не ожидавших беды людей. Мелкие проказники быстро расселились по городам, сёлам и даже мелким людским деревенькам и там воцарился ад. Никто, ни правитель, ни самый последний нищий калека униженно клянчивший милостыню у храма Йоки, не был защищён от безжалостных проделок лесного народа. Причём каверзы можно было ожидать в любой момент: во время сна, трапезы, молитвы. Даже по нужде эти твари спокойно сходить не давали и появление дико орущего мужика выскакивающего на улицу с голым и сильно обгорелым задом, стало довольно обычным явлением. Как и весёлое хихиканье возле самого уха бедолаги.

Наступили страшные времена — Века отчаяния. Сначала люди пытались бороться со свалившейся на их головы бедой. Не было страны, где бы ни предпринимались попытки

изгнать айхи прочь. Но как можно бороться с тем, чего просто не видишь? Айхи умели оставаться невидимыми для людей, ловко отводя глаза и охотно этим умением пользовались. И они были повсюду.

В отчаянии люди бросились просить защиты у бога. Храмы Йоки были забиты толпами народа, молящего избавить от невидимой напасти. Но Йоки оказался глух к многочисленным молитвам. Проказы духов забавляли младенца, отгоняя скуку прочь.

Люди пытались бежать. Города стремительно пустели, дороги заполнились беженцами. Но в какие бы глухие уголки континента не забивались отчаявшиеся беглецы, следом приходили и айхи. На Пангее воцарился хаос.

Вот тогда Лишний и приступил к реализации второй части своего плана. Коварный бог уже восстановил своё могущество, но всё же опасался бросить вызов Йоки и сойтись с ним в поединке один на один. Ему нужны были союзники. И этими союзниками должны были стать люди. Люди потерявшие к тому времени веру в Йоки и находившиеся на грани отчаяния.

Лишний начал обучать людей магии. Повсей Пандее открываются магические школы, пишутся книги, создаются магические кристаллы. Магов–людей становится всё больше; их сила крепнет. Три сотни самых талантливых из них Лишний берёт к себе в ученики.

Не проходит и века, как айхи были изгнаны из людских поселений, а затем и вовсе покорены, став рабами тех, над кем так долго издевались. Люди вернулись в свои города. Наступила эпоха подлых веков.

Прошло несколько столетий. Казалось, на земле наступил золотой век. Магия резко изменила жизнь людей к лучшему. Собирались богатейшие урожаи, прилавки были завалены товарами, стали безопасными дороги. Постепенно власть на Пангее перешла к совету «Трёх сотен асуров», действие которого контролировал лично Лишний. Про Йоки стали забывать. Бог–младенец не сразу это понял. Лишний умело морочил ему голову, заставляя видеть то, что было нужно ему. Но перемены становились слишком значительными: храмы Йоки повсюду закрывались, его имя всё реже вспоминалось в молитвах. К тому времени когда Йоки прозрел, у Лишнего уже всё было готово к окончательному захвату власти. Его ученики достигли небывалых высот в магии и уже ненамного уступали по силе богам, люди были преданы новому богу, а источник божественной энергии стало невозможно перекрыть. Время пришло. И когда Йоки потребовал вернуть ему власть, Лишний восстал.

О ходе самой войны было почти ничего неизвестно (мой спутник только руками развёл), но, по слухам, век пылающих небес был короток и ужасен. Противоборствующие стороны, не считаясь с возможными последствиями, пустили в ход свои самые мощные заклинания, попутно стирая с лица Пандеи целые страны. В итоге Йоки начал проигрывать. Лишний смог даже нанести серьёзную рану своему сводному брату и изгнать его за пределы этого мира. Но радость его не была долгой. Неожиданно на зов Йоки откликнулся Хунгар. Тёмный бог, рассвирепев, уничтожил всех сторонников Лишнего, попутно почти стерев с лица земли всё живое и расколов сам континент на несколько частей. Лишний бежал, скрывшись за кромкой этого мира.

Наступил век хаоса. На месте городов лежали выжженные руины. Леса почти полностью выгорели, покрыв землю жирным слоем пепла. Часть континента затопил вышедший из берегов океан. По дорогам бродили жуткие магические создания, пожирившие саму душу зазевавшегося человека и дикие обезумевшие звери, рвущие на части его плоть. Жалким остаткам людей почти нечего было противопоставить разгулявшемуся хаосу.

Попытки воззвать к богам были тщетны. Лишний бежал, Хунгар, изгнав его, вновь куда-то ушёл, а Йоки, закрывшись в своих чертогах, залечивал раны.

— Когда старики об этом вечерами рассказывали, мне просто жутко становилось, — заглядывал Гонда мне в глаза.

Единицы пережили ту эпоху. Забившись в пещеры оставшихся гор, уходя в безжизненные пустыни, притаившись в подземельях опустевших городов; люди выжили... И вынесли с собой ненависть к магам и Лишнему, толкнувшим этот мир на грань гибели.

Вот тогда, на западе Гвендалона (так назывался тот осколок Пангеи, на котором мне посчастливилось очутиться), появился человек, объявивший войну всему магическому. Наступила эпоха возмездия. Проповеди великого Исидора, возложившего всю вину за постигшие людей беды на Лишнего и его учеников-асуров, нашли широкий отклик.

— Мы, польстившись на лживые посулы лжебога, отринули из своего сердца богов истинных, — вещал он, бродя среди отчаявшихся людей. — Мы жадно прильнули к источнику божественной силы, хотя не были достойны этого дара. Более того, некоторые из нас, достигнув большого могущества, возомнили себя равными истинным богам и осмелились восстать против них! И теперь вы смеете роптать на постигшие вас беды?! По заслугам и награда! Великий Хунгар ещё и милосердие проявил, не уничтожив людской род под корень! Он, по доброте своей, дал нам последнюю возможность покаяться и искупить свои преступления перед истинными богами. Вернитесь в лоно истинной веры, пока не поздно! Восстановите храмы Трои, восславте в своих молитвах имена Йоки, Хюнгара и Эйры, отрекитесь от трижды проклятого Лишнего и даров его и наступит день, когда Трое простят нас.

Себя Исидор объявил радетелем истинной веры. Постепенно движение радетелей приобретает огромный размах. Начались гонения: чудом сохранившиеся книги сжигались, магические кристаллы выбрасывались в море, за любое подозрение в причастности к магии, тут же следовала казнь.

— Так им и надо, ушлёпкам магическим, — с жаром добавил Гонда и, осёкшись, прикусил губу.

В общем, искореняли всё магическое долго и добросовестно. Под корень. Даже уцелевшие здания школ сожгли. Исидор провозглашает себя первым «предстоящим» перед Трои. Его власть крепнет. Окрестные правители, скрипя зубами, склоняют головы. Желая распространить свет новой веры, в более отдалённые области Гвендалона, Исидор создаёт орден наставителей, посвятив их деятельность светловолосой Эйре. Сотни фанатиков хлынули во все стороны от Хураки, столицы Исидора, в сопредельные государства. Для более эффективной борьбы с внутренней оппозицией, Исидор создает орден вершителей, объявив их покровителем могучего Хюнгара. Государство Исидора стремительно расширяется; его влияние растёт. И наступает день, когда предстоящий объявляет о создании империи Гвендалона, провозгласив себя её первым императором.

Жизнь между тем постепенно налаживалась. Вновь отстраивались города, засеивались поля, продолжала набирать силу империя. Магические твари постепенно исчезли, хищников, если и не истребили до конца, то заставили отступить в леса.

Но эпоха возмездия продлилась недолго. После смерти Исидора экспансия новой империи ещё какое-то время продолжалась. Её границы на востоке расширяются до степи, а на юге упираются в срединное море. Предпринимались попытки покорить расположенные за морем срединные княжества, удалось отжать кусок территории у великого Хаканата,

набиравшего силу на юго–востоке. Но не прошло и столетия, как империя начала слабнуть. Уже после смерти Исидора, его сын, став императором, не смог сохранить за собой и титул предстоящего. Жрецы Трoих, постепенно выходя из–под контроля, превращаются в самостоятельную силу. Получают всё больше самостоятельности и местные короли и князья, склонившие было головы перед великим Предстоящим. Но окончательно потрясло империю восстание «перевёртыша».

Сбежав после поражения от Хунгара, за кромку этого мира, Лишний не покинул его окончательно. Закрыв за собой дверь, хитрый бог оставил маленькую щёлочку, сквозь которую надеялся со временем просочиться обратно.

Легенды гласят, что Лишний не сразу покинул этот мир после поражения. Сначала, он с выжившей кучкой асуров сбежал на юг Гвендалона, где провёл чудовищный по своей силе и мощи ритуал. Он стёр сами сущности восьми своих бывших учеников со всех планов бытия и полученные таким образом ауры уничтоженных магов заключил в восемь сфер слияния, разбросав их по древним городам асуров. В том, что ритуал был совершён на самом деле, можно было не сомневаться, ибо вопли ещё тридцати двух асуров, принесённых в жертву во время заклинания, были слышны по всему Гвендалону. И теперь, согласно легендам, любой попавший в одну из магических пустошей, до сих пор обильно покрывавших собой территорию континента, мог получить там частичку посмертной ауры, одного из погибших колдунов и, затем, неизбежно прийти к одной из сфер слияния. Придти и преобразиться в перевёртыша, тварь одержимую лишь одним желанием — вернуть Лишнего обратно.

Страшная легенда, о которой постепенно стали забывать, всё больше принимая за сказку. Пока не появился первый перевёртыш.

Янхель был простым воином, наёмником охранявшим купеческие караваны. До поры... Пока однажды, в паническом бегстве от двухголового нерюха, с аппетитом дожёвывавшего остатки охраняемого им обоза, не забежал в находившуюся рядом пустошь. Что там с ним случилось, доподлинно никому неизвестно, а только вышел он оттуда уже другим человеком. Ущербным каким–то. Некоторые его жалели, чаще били, а большинство просто смеялось, выслушивая очередную небылицу ополоумевшего калеки. Опять же, до поры... Пока однажды юродивый не исчез, чтобы вновь объявиться возле одного из лежащих в развалинах городов асуров.

И всем сразу стало не до смеха. Став перевёртышем, безумец преобразился, получив немислимую для мир уже основательно подзабывшего о магии, мощь.

Его попытались уничтожить, но посланный предстоящим отряд вершителей сгорел, даже толком не увидев своего противника. Посланную местным герцогом армию постигла такая же участь. Но на этом беды страны не закончились.

На восточных границах империи всколыхнулась степь. Кочевники и раньше постоянно вторгались в страну, но делали это небольшими отрядами и дальше приграничных крепостей обычно не заходили. Степняки были слишком свободолюбивы, чтобы признать чью–то власть над собой. Поэтому провозглашение великим иргызом Тукая и вторжение под его командованием в страну огромной орды, стало для имперцев полной неожиданностью. Ещё большей неожиданностью было присоединение кочевников к армии перевёртыша и провозглашение целью своего вторжения возвращение Лишнего. Царствовавший в то время император Эйрих Злосчастный собрал огромную армию, помиловав для этого даже каторжников и приговорённых к смертной казни татей и, самолично возглавив её, двинулся навстречу перевёртышу.

В битве у выжженного озера Эйрих почти победил, задавив противника числом, но в дело вступил Янхель. Использованное им заклинание было страшно. Горела вокруг земля; горела вода в находившемся неподалёку озере; горел сам воздух, с громким треском выплёвывая во все стороны огненные смерчи. В этом огненном аду из имперцев не выжил никто. Даже армия перевёртыша сократилась почти наполовину, попав под краешек заклинания. Страну охватила паника. Из Хураки во все стороны хлынули потоки беженцев, по столице в отчаянии метался новый император, безуспешно пытавшийся собрать хоть какой-то отряд для защиты города. К перевёртышу потянулась череда посольств от испуганных королей и князей, с признанием его власти над собой. Казалось падение империи неминуемо. Вот только перевёртыш к Хураки не пошёл. Ему не было дела, ни до империи, ни до столицы, ни до покинутого всеми императора. Он искал что-то другое. Искал и никак не мог найти. Армия адепта Лишнего беспорядочно бродила по опустевшим королевствам, шарахаясь из стороны в сторону и, казалось, этому походу не будет конца.

Но конец всё же наступил. И случилось это, как и бывает в таких случаях, совершенно неожиданно. Янхеля до этого уже пытались убить несколько раз. Вот только подобраться у наёмных убийц к нему никак не получалось. Днём к нему кочевники ближе чем на сотню метров никого не подпускали, ну а ночью... Ночью и кочевники не нужны были. Легче было прорваться через плотный строй оцетинившихся железом степняков, чем преодолеть «полог отрицания», что устанавливал перевёртыш перед тем, как лечь спать. Вот только Янхель, даже после перерождения, всё ещё оставался человеком. Стертый в далёком прошлом маг просыпался в нём лишь в минуты опасности, в остальное время оставаясь где-то на задворках сознания.

Её звали Лейла. Кто она, откуда, как встретила с Янхелем, Гонда не знал. Легенда сохранила только её имя и то, что она сделала. Она осталась в шатре Янхеля, после того как он установил полог, а на утро кочевники нашли его с перерезанным горлом. Ужасная смерть девушки от рук обезумевших варваров уже ничего не могла изменить. Империя была спасена. Кочевники всё же, прежде чем уйти обратно в свои степи, сожгли в отместку Хураки, повесив императора на воротах его собственного дворца, но это уже была месть проигравших.

Империя выстояла, но от бывшего могущества не осталось и следа. Страну ещё несколько лет терзала междоусобная война, императорская корона переходила из рук в руки, брались штурмом города, выгапывались посева, уничтожались старые и возникали новые королевства. Власть императора стала чисто номинальной и, фактически, не распространялась дальше крепостных стен Хураки.

Но на этом беды империи не закончились. Янхель, творя свои заклинания, пробудил, уснувшее было в века хаоса зло. Из так и оставшихся лежать в руинах древних городов, вновь начали выходить магические монстры. Пустоши (места бывших ожесточённых магических сражений), до этого спокойно лежащие на своих местах и постепенно исчезающие, начали местами расширяться, а где то и перемещаться, внезапно возникая в другом месте.

— Был случай, когда пустошь прямо на месте деревни появилась. Люди прямо в её центре оказались. И ничего. Вышли все целыми. Вот ведь повезло, правда? — глаза Гонды сияли неподдельным восторгом. — В панике пятерых сами нечаянно пришибли, а так все живыми выбрались!

— И что, даже ничего с ними не случилось? — поинтересовался я, памятуя о своей проблеме.

— Неа, — почесал он за ухом. — Несколько часов прошло, а им ничего и не сделалось.

— А потом? — не понял я.

— А потом примчалась стража и перебила их всех. Во избежание. Деревня то рядом с городом была. Кому оно надо?

В общем, тревожно стало в новой империи. А тут ещё пошли упорные слухи о скором появлении второго перевертыша и новом нашествии кочевников.

— Вот тогда, значитса, — продолжал вещать Гонда. — И пришёл предстоящий Афроний, к императору. И порешили они, чтоб, значитса, магов возродить и к службе государственной приставить. Только чтоб воли им шибко не давать, под надзор тех же жрецов и отдать.

Решить то они решили. Вот только воплотить решение в жизнь оказалось не так уж и легко. Действующих магов не было, знания утеряны, книги сожжены. Да и нелюбовь населения к магам за прошедшее время хоть и притупилась, но совсем не угасла. И желающие на этих самых магов обучатся в очередь не вставали. Не за кем было вставать. Пусто было в этой очереди. Самое смешное, что возродить магов пришлось тому, кто так старательно их уничтожал — жрецам.

— Среди них, по слухам, даже бунт был, — тихим шёпотом, сузив глаза, поведал мне Гонда.

Ну, был бунт или не был, про то нам достоверно неизвестно. Но любви это обстоятельно у всеблагих отцов к магам не прибавило. В общем, со скрипом, но дело с мёртвой точки удалось сдвинуть. Жрецы объявили такое вознаграждение за любую магическую книгу или кристалл, что нашлись желающие сунуться на их поиски даже в пустоши и древние города. Гибли сотнями, но некоторым везло. Несколько чудом добытых книг был тут же размножены и переданы в будущие магические школы. Осталось набрать учеников.

Афроний объявил на центральной площади столицы империи, что Трое больше не сердятся на магов и благословил появления мажеских школ. Император издал эдикт об обязательном наборе на мажескую службу среди всех слоев населения, вплоть до императорской семьи. Каждый мужчина, достигнув зрелости, был обязан тянуть баллот и Трое решали, кому суждено стать магом, а кому нет. Отцы-радетели мягко намекнули королям, герцогам и прочим правителям, давно уже плюющим на эдикты императора, что этот указ им лучше исполнить. Храм Троих, как в те времена, так и сейчас, был силой, мнение которой игнорировать было чревато, так что правители скрипя сердцем согласились, но как обычно бывает в таких случаях, нашли способ обойти закон. Так и появился обычай, жертвой которого я стал. Тянуть баллот, обязан был каждый, а вот бросать его на чашу Йоки, самому было совсем не обязательно. Для этого было достаточно найти дурака, который бросит его вместо тебя. Со всеми вытекающими последствиями, разумеется. В данном случае, для меня.

Но беда была даже не в том, что я в маги по чужому жребью попал, а в том, что из себя эти самые маги, на данный момент, представляли. И тут картина совсем печальная вырисовывалась.

Древние знания были утеряны. И то, что всё же удалось восстановить, нельзя было назвать даже жалкими крохами с барского стола. Очень уж убого всё выглядело. Если древний маг когда-то мог гору в порошок стереть, то нынешний, разве что пыль с неё сможет сдуть. И то, если сильно поднатужится, а потом ещё полдня в себя приходиться будет. Мда. Раньше маг щелчком пальцев целые армии выжигал, а теперь и одного человека

прибить проблема. Нет. Можно, при большом желании, конечно. Тут главное, чтобы он, за то время, пока ты заклинание готовишь, от скуки раньше не помер или, что вероятнее, тебе кишки не выпустил. Неспешная тут магия, скажем так, неповоротливая. Так что второго Саурана из меня точно не получится. А если учесть, что маги здесь, к тому же, низший социальный класс, занимавший в обществе ступеньку чуть выше рабов на каменоломнях, то перспективы передо мной открывались просто головокружительные. То-то я, в прошлой жизни с перепугу в пустошь подался!

В общем, к трапезе я приступил в слегка расстроенных чувствах, хотя оптимизма пока не терял.

— Неужели нет никакого выхода? — поинтересовался я у Гонды.

— Ну почему же, — возразил тот задумчиво, смачно похрустывая огурцом. — Если повезёт адептом земли стать или хотя бы воды, тогда ещё ничего. Они богато живут. Есть даже надежда в придворные маги к какому-нибудь князю или графу попасть. — Гонда мечтательно закатил глаза. — А там и дворянство получить можно. Фамилию свою основать!

— Попадёшь ты в придворные маги, как же, — встрял в наш разговор здоровенный парень в драном армяке. Я ещё в начале пути на него внимание обратил, гадая, справился бы с ним Вилим или нет. В итоге, всё же поставил на Вилима. — Там все места давно дворянскими семьями поделены, — здоровяк сплюнул и зло добавил: — Простому люду не пробиться.

— Какими дворянскими семьями? — не пенял я, подняв глаза на Гонду. — Ты же говорил, что они все откупаются.

— Так-то оно так, — согласился тот, откусывая изрядный кусок от каравая. — Сынки разных там яров да баронов в маги не идут, да и зажиточных крестьян, — покосился он на меня, — уже тоже. Но вот дети придворных магов — совсем другое дело. Прибьётся маг к какому-нибудь герцогу там или князю, получит со временем дворянство, да и обзаведётся семьей. Фамилию ей свою даст. Ну а когда сын возраста достигнет, то добровольно сам в маги учится и идёт. Получит через годик мажий посох, а папенька ему уже и место рядом с собой при дворе приготовил, а тот потом своему. При некоторых правителях уже целые династии мажеские обретаются, — Гонда вздохнул и, собрав со скатерти хлебные крошки, отправил их в рот, вслед за остатками каравая.

— Значит, в придворные маги пробиться нереально, — заключил я.

— В общем-то, да, — согласился со мной Гонда, вольготно растянувшись на зелёной траве. — Хотя мага земли, да и воды тоже, пожалуй, всё же возьмут. Мало их очень. Над ними в каждом городе трясутся.

— Вот именно — мало, — вновь влез верзила, решивший видимо прервать свой обет молчания. — Потому как дар особый иметь надо! Магом земли один из многих тыш становится.

— А ты откуда знаешь? — поинтересовался у него Гонда, лениво ковыряясь в зубах. — Я вот ничего такого не слышал.

— Батя у меня каждый год подряжается оброк князьему управителю в город отвозить. Он и сказывал, — нехотя ответил тот, — что у нас на всё княжество только два водных колдуна и есть. В Виличе, при самом князе, находятся, а остальные либо огневики, либо воздушники. А по земле колдунов, почитай, уже как пару сотен лет ни одного нету!

— А чем огневики то хуже? — удивился я.

— Откуда я знаю. Вроде послабже они будут, — пожал плечами парень и, чуть помедлив, добавил. — Меня Марком кличут.

— Скоро узнаем, — сладко потянулся Гонда и начал неспешно собирать пожитки в мешок. — Ежели великому Исидору будет угодно, через седмицу в Виличе будем. Скорей бы уж. Обрыдла мне эта дорога!

«Действительно. Скорей бы уж», — мысленно согласился я с ним. — «Там хоть какая-то определённая в моём положении наступит. Если не с прошлым, то хотя бы с настоящим».

Хотя в кое в чём, я для себя уже определился. Мой это мир. Однозначно мой. Полдня в дороге мне для осознания данного факта вполне хватило. Знакомое просто вокруг всё. Я бы даже сказал — родное. И деревья эти хвойные, сплошной стеной обступившие дорогу, и слегка увядшая, но всё ещё зелёная трава, и даже грязь эта непролазная с противным чавканьем хватавшая за ноги.

Еда вон, опять же! Я повертел в руке зелёный огрызок и, закинув его в рот, начал неспешно жевать. Как есть огурец! Я такие, «помнится», в детстве, с грядок таскать любил — похрустеть. И остальной харч, что мы с Гондой на пару умяли, тоже ничем новым меня не озадачил.

И не важно, что я ничего этого не помню. Тут уже узнавание на бессознательном уровне идёт. Оно самой природой заложено. И какой из этого вывод? То, что я и вправду местный? Ладно. Посмотрим. Тут ещё вариант с попаданием в прошлое себя не исчерпал или в параллельный мир. Время покажет. Тем более, что ничего изменить, я всё равно не могу.

— Тебе проще. Ты же круглый сирота. Сам говорил, — вывел меня из задумчивости чей-то голос. Похоже, пока я витал в облаках, тут уже целый спор разгорелся. — Что тебе терять было? Тебе что в деревне, с голодухи пухнуть, что в школе мажеской.

Я оглянулся и встретился глазами с третьим членом нашей маленькой группы: щуплым пареньком в замызганной телогрейке и драном треухе, завязанном на подбородке, несмотря на довольно тёплый день. Парнишка смотрел зло и непримиримо, словно я в той, прошлой жизни, успел ему изрядно насвинячить.

— Вон ему было что терять, — продолжил между тем белобрысый, кивнув в мою сторону. — У них деревня богатая, дворов за две сотни будет. Почти город! И живут, наверное, сытно. Тати в такую деревеньку не сунутся, частокол вишь, какой возвели и мужиков много. Степяки туда тоже не доходят. Не любят они лес. Шибко не любят. Не жизнь, а кулебяки с медом.

— То-то он, видать, от хорошей жизни, штопаными портками и куцым армячишком сверкает, — не согласился с ним Марк и вздохнул. — Нее. Крестьянствовать везде тяжело. Лучше, конечно, чем мажеским промыслом заниматься, но тоже не хлеб с маслом.

— Гляди Вельд, разговорили мы их с тобой, — усмехнулся Гонда. — А то не поверишь, больше трех дён с ними бреду и слова вытянуть не мог, — он неспешно стянул штаны и, не стесняясь, здесь же облегчился. — Только сопли пускали и бубнили что-то себе под нос.

Марк с белобрысым последовали его примеру. Я брезгливо отвернулся и, не спеша, пошёл к ближайшим деревьям; благо лес шумел совсем рядом.

— Далеко направился? — что-то в насмешливом голосе Гонды заставило меня остановиться. Я обернулся и встретился с тремя парами глаз, буквально сверлившими мне спину. Только, так и не сказавший мне за всю дорогу и пары слов, Силантий старательно отворачивался.

— Отчаянный ты паря, — с каким-то даже восхищением заметил белобрысый. — То в пустошь в одиночку лезешь, то в лесок со стигмой на шее прёшься. Тебе бы ещё коня достать, да по степи на нём прокатится. Совсем-то будет!

— А что не так то? — не понял я. — Мне по нужде нужно.

— Ты видно и вправду блаженный какой-то, — покачал головой белобрысый. — Пустошь, она конечно такая. Кому тело искорежит, кому душу покалечит. Может и память отнять. Но не так же! И куда деревенские глядели, когда тебя в колдуны отдавали?

— Да не хотели они отпускать! Сам же слышал, — затравленно огрызнулся я. — Ты лучше объясни, что не так?

— Да ладно тебе, Лузга, — примирительно сказал Гонда и положил руку мне на плечо. — Не видишь разве? Он, и вправду, ничего не знает. И я хорош, — поморщился он. — Былины всякие ему сказываю, а о том, что в магах его ждёт, и чего в дороге опасаться нужно, обсказать не догадался!

— Потому что, это даже младенцы знают, — возразил Марк, накидывая на плечи узелок. — Как такое забыть то можно? Да и мы чай не няньки. Вон у него для этого земляк есть.

Силантий, никак не прокомментировав замечание в свой адрес, всё так же молча, поднялся и, прихватив мешок, направился в сторону обоза.

— Земляки разные бывают, — задумчиво посмотрел ему вслед Гонда. — Некоторые пострашнее ловцов оказаться могут.

— Каких ловцов? — поинтересовался я, плюнув на условности, поливая ближайшие кусты.

— Тех, с которыми ты только что познакомиться хотел, — язвительно отозвался Лузга, тоже бросивший заинтересованный взгляд на спину удаляющегося Силантия.

— Ты хоть зачем нам стигму на шею вешают, помнишь? — повернулся ко мне Гонда и, увидев мой отрицательный жест, горестно вздохнул. — Беда с тобой! Ты думаешь почто, мы сами в Вилич своей волей топаем, хотя ни я, ни Марк, ни вон Лузга, туда особо не рвёмся? Не разбегаемся никуда? На самом деле, всё просто. Во-первых, если ты сбежишь, из твоей деревни уже троих без всякого баллота вместо тебя заберут, ну а потом, взбешённые мужики на твоих родичах отыграются. Обычно вместе с хатой сжигают. Но даже не это самое главное! — Гонда оскалившись, хищно улыбнулся. — Вон Марка или Лузгу это может и удержит, а у меня родичей нет. Сирота я. И к землякам особо тёплых чувств не питаю. Тут другое. — Юноша смачно высморкался себе под ноги и потёр на шее стигму. — В общем, если мы вместе с отцом-послушником в школу не войдём, Трое нам дадут три дня на размышление. От каждого бога, по одному. А по их истечению, камешек на стигме станет белого цвета.

— И что? — не понял я.

— И то! — вызверился Лузга, обернувшись. — Пока она чёрная, ты под защитой Троих. Тебя трогать нельзя. А как побелеет, то всё! Беглец ты. И каждый встречный тебя перенять обязан. Снять её самому невозможно, потому как заклятье мажеское на ней лежит. Так что схватят непременно. Больно уж награда велика.

— Много дают? — со вздохом, решил уточнить я.

— Да уж не поскупились, — скривился Гонда. — На эту деньгу пару коров купить можно. Но даже не это главное! Деревня того, кто тебя изловит, на следующий год от баллота освобождается. Не будут там его тянуть! Так что, куда ты не сунься с белой стигмой,

езде конец один. Свяжут и в Вилич отвезут.

— А дальше?

— А дальше всё просто, — с воодушевлением ответил Лузга. — В твою деревню отцы-вершители нагрянут, да троих отроков с собой прихватят! Да ещё и грошей, что в награду за твою поимку уплачено было, вдвое востребуют. А тебя в Виличе, на лобном месте, прилюдно казнят. Причём, я слыхивал, что вершители каждый раз что-нибудь этакое придумывают. Ну, чтоб и корчился подольше и вопил погромче. У жрецов палачи ещё те затейники!

— Может и не казнят, — задумчиво почесал голову Марк. — Я слыхивал, что отцы-радители всех помеченных к себе забирают. Ходоков из них, значитса, делают.

— Может и так, — не стал с ним спорить Лузга. — А только в чём тут прибыток, я не вижу? Не знаю что и хуже; на лобном месте, под плетью ката корчится или в проклятом городе от волшбы нечестивой издыхать!

— А что такое — проклятый город?

— Я же тебе уже сказывал, — удивился Гонда. — Каждый из трёхсот проклятых, что Лишнему служили, свой город имел. Ну, Хунгар эти города все и порушил. А только до конца их уничтожить даже он не смог! Большинство кристаллов и книг, когда жрецы мажески школы возродить стали, в них и добыли. Вот только простому люду в них вход заказан. Сунешься — вмиг отцы-вершители переймут! Их возле каждого такого города много. Потому как, никто не знает, в какие именно города асуров Лишний свои сферы слияния поместил! А значит, в любой из них может будущий перевёртыш попасть попытаться! Поэтому поиском новых камней мажеских, да книг колдовских только сами жрецы и промышляют. Наберут народишку среди татей и каторжников, да в город ходоками и посылают.

— Только народ сказывает, что больно уж часто ходоки там мрут, — хмыкнул Марк, потягиваясь и повернувшись ко мне, лукаво подмигнул. — Так что не казнят тебя Вельд. Ты не сомневайся! Как есть, в ходоки определяют!

— Ладно, — согласился я. — Что убегать себе дороже, я уже понял. А сейчас-то почему вы меня в лесок не пустили? Сигма на мне пока чёрная.

— Трое! Дайте мне терпения! — возвёл глаза к небу, теперь уже, Лузга. Марк при этом как-то сочувственно захихикал.

— Награда очень уж большая, — со вздохом, признался Гонда. — Какой тать откажется? Вот они и взяли в привычку обозы жреческие сопровождать. Чуть в сторону от обоза отошёл, по нужде там али ещё чего и всё... Тут тебя и ждут. И пикнуть не успеешь, как свяжут и уволочут.

— Так стигма то на мне чёрная! — начал горячиться я. — Какой смысл им меня красть?!

— Ну и что? — хмыкнул Марк, поднимаясь с земли. — Сегодня чёрная, а пройдёт несколько дней и побелеет. Они подождут.

— А разве так можно? — не на шутку озадачился я. — Ну вот утащат они меня, а после властям отдадут. Так я же молчать не буду. Всё как было расскажу.

— Кто тебя слушать будет? — презрительно фыркнул Лузга. — Да и сами ловцы тебя в город не повезут. Они тебя деревенским отдадут. Тем освобождение от баллота, а татам гроши и благодарность: подлечится там, припасы пополнить, о обозе богатом загодя узнать. А отцы-вершители потом и разбираться не будут, — мрачно подытожил он. — Больно им надо!

— В общем, всем хорошо, — констатировал Гонда. — И татам, и деревенским, и

жрецам с господине князем. Плохо только тебе.

— Значит, они и сейчас за нами идут? — опасливо оглянулся я в сторону леса.

— Может, идут, а может, и нет их тут совсем, — пожал плечами Гонда — Проверять не собираюсь. Дорого обойтись может. И тебе не советую. Держись возле меня — глядишь и дойдёшь спокойно до Вилича.

— А чего они ждут тогда? — задумался я. — Не проще подойди и просто забрать нас. Оружия у нас нет, а там, — кивнул я в сторону обоза, — если охрана и вступится, так их с десяток всего. Заодно и обоз пограбить можно.

— Так-то оно так, — почесал за ухом Гонда. — Добра на подводах немало будет. Ток жрецы давно отучили их обозы грабить. Отнять то, оно дело не хитрое, — кивнул он на подводы. — Ток потом этим татям жизни не будет. Отцы-вершители их даже искать не станут. Просто отец-приор отлучит от храма Троиخ все окрестные деревеньки за потворство и всё. Мужики их сами порвут. Это даже похуже будет, чем с белой стигмой по лесам шастать!

— Ну а мы, — добавил Лузга, — пока за обозом идём, тоже под защитой Троих находимся. Тайком умыкнуть могут, а вот так ... В открытую... Дураков нет! Жрецов даже степняки не грабят!

— Да, — оживился я. — Как раз хотел спросить. А почему в повозки быки запряжены? На конях то побыстрее было бы.

Очередное разглядывание моей тушки тремя парами глаз дало понять, что я опять сморозил что-то, по местным меркам, невообразимо глупое.

— У нас на конях только самоубийцы ездят, — наконец выдавил из себя Гонда. И тут же, потеряв подбородок, опроверг самого себя. — Нет. И они не ездят! Можно и попроще смерть сыскать, ежели жить неохота.

Я вопросительно уставился на него. Гонда устало покачал головой и всё же решил объяснить.

— Это всё из-за степняков. Эти дикари, почему то решили, что на лошадях могут ездить только они. Бог, что ли, ихний, им так разрешил или ещё чего. — Гонда презрительно фыркнул и тряхнул головой. — Не это важно. Важно, что за другими они такого права не признают. И звереют, когда даже просто в здешних краях лошадь увидят. А уж ежели верхом кого на ней споймают, то совсем беда.

— И что с таким будет?

— Ничего не будет! — задористо гыкнул, прислушивавшийся к нашей беседе, Марк. — Совсем! Даже костей потом никто не найдёт!

— Только это ничего, довольно долго продлится, — согласился с ним Лузга. — И старики бают, что вопли стоят такие, что хоть уши зажимай. В пытках эти сволочи толк знают.

— А что за казнь то? — мне стало жутковато, под мрачными взглядами моих спутников. Ну, их к Лишнему лошадей этих! Мы лучше ножками! Потихе пойдёшь, подальше дойдёшь!

— А кто его знает, — пожал своими могучими плечами Марк. — У нас уже лет триста на лошадях никто не ездит. Даже господине князь. Его в специальном паланкине рабы на плечах носят. Я когда с батей в городе был — видел. Большой такой. Красивый!

У обозов началось движение. Засуетились возницы, потянулись, широко зевая, к телегам воины.

Засобирались и мои спутники. Гонда, убрав остатки еды в заплечный мешок, не спеша отряхнулся и задумчиво посмотрел на меня.

— Слушай, — обратился он ко мне. — А ты с земляком то своим раньше ладил али как?

— А я знаю, — озадаченно пожал плечами я. — Я же не помню ничего!

— А ну да, — хлопнул себя по лбу Гонда. — Никак не привыкну. Я к чему спрашиваю. Дружок твой вон к отцу-послушнику подошёл. Гляди, как кланяется. Чуть лбом дорогу не проломил. А у нас лишний раз на глаза жрецам попадаться не принято. Прибытку никакого, а боком выйти запросто может. Вот и думка у меня. Чего он к нему сунулся? Не на тебя ли донести?

— О чём доносить то? — не на шутку встревожился я.

— А кто Лишним на погостье клялся? — хмыкнул в ответ Гонда. — Да ещё прилюдно?

— Не клялся я никаким Лишним! — озмутился я несправедливости обвинения. — Я сказал «богом клянусь»! Может я Хунгара имел в виду или Йоки!

— Э нет, — встрял в разговор Лузга, несогласно покачав головой. — У нас Троидами отдельно не клянутся. Они связаны промеж себя крепко. А наособицу только Лишний остаётся. Других богов нет! Вот и выходит, что когда ты богом клясться удумал, то Лишнего в виду имел! А это крамола! За такое отцы-вершители кого хочешь, на костёр определяют!

— Неужто сразу на костёр? — похолодел я. Озвученная перспектива совсем не радовала.

— Ну может и не сразу. — Лузга сморщился так, словно ему в рот сунули что-то омерзительно-противное. — Дознание сначала с пристрастием учинят. Да скоро сам узнаешь, — мазнул он по мне взглядом. — Щас отец-послушник нас позовёт. Так мы с Марком всё как было обскажем. Жрецам врать себе дороже выйти может, да и ты нам чай не свояк.

Я ошеломлённо оглянулся. Гонда, насупившись, отвёл взгляд. Марк, с притворным сожалением, развёл в стороны руками; мол, не хочется, а куда деваться?

— Я бы и сам на тебя донёс, — решил добыть меня Лузга, задумчиво поглядывая в сторону обоза, — да выгоды никакой в том не видел. Докука одна.

— Как же так, — ошеломлённо выдавил, наконец-то, я. — Я же вам ничего плохого не сделал.

— Нам нет, — согласился Лузга, почёсывая брюхо. — Потому и не донесли. А ему видно где-то дорожку перешёл, — кивнул он в сторону Силантия. — И в самом деле, ты этого не помнишь, аль лукавить удумал, теперь дело десятое. Сейчас вои тебе руки скрутят и в телегу.

— Отойдём со мною, други, — отодвинул меня плечом Гонда. — Побалакаем чутка, — и, ободряюще ткнув меня локтём в бок, отвёл Марка с Лузгой чуть в сторону.

Я остался стоять, соляным столбом, косясь на оживлённо шептавшихся парней и проклиная себя, на чём свет стоит:

«Идиот! Болтун несчастный. И то, что в местных раскладах ещё разобраться не успел, тебя не оправдывает! Кто тебя за язык тянул?! Забыл, где находишься»?!

В серьёзности нависшей надо мной угрозы, я ничуть не сомневался. Со служителями бога во все времена шутки плохи были. Серьезная это организация. Суровая, прямо скажем. И то, как местные старики лебезят перед каким-то мальчишкой — это наглядно подтверждает. Порядки тут жестокие. Полумер не признают. А с кем любая религиозная структура нещадно борется, стараясь искоренить под корень? Кого, во все времена, жгли на

кострах, живо замуровывали, забывали камнями? Еретиков, конечно! Даже к иноверцам терпимей относились! Потому как это враг внешний и понятный. Он только сплачивает ряды верующих в борьбе с ним. Еретики страшнее. Они как черви в дереве. Здесь сомнение в каком-то священном постулате, там несогласие с трактовкой одного из религиозных канонов, глядишь — прочный на вид дуб превращается в своё трухлявое подобие, грозящее рассыпаться в любой момент. А я для местных жрецов тот самый червяк и есть!

— Что застыл, как ярмарочный столб, — вернул меня к действительности голос Гонды. — Десятник Невронд кличет, не слышишь, что ли? Вон как надрывается. Пошли быстрее, а то ещё по шее получим!

Я, предчувствуя недоброе, понуро двинулся вслед за Гондой, к повозкам. Спины Лузги и Марка уже мелькали впереди.

— Запомни, — наклонился ко мне Гонда. — Ты клялся не богом, а богами. Свезло тебе, что вои и возницы далече были и слышать тебя не могли. С парнями я договорился — подтвердят. Как бы отец-послушник не пытал, знай тверди — сбрежал, мол, Силантий и всё тут.

Мефодий встретил нас возле телеги, надменно вперив взгляд куда-то повыше голов. Важная осанка, вздёрнутый подбородок, насупленные брови, все это выглядело бы на почти детском лице довольно комично, если бы от решения этого сопляка не зависела моя жизнь. Рядом с юным жрецом, грозно нахмурив густые брови, возвышался Невронд: кряжистый седовласый воин, с пышными усами, свисавшими ниже подбородка.

— Звали, всеблагодой отец? — почтительно поклонился, подошедший первым Лузга.

— Охрипли уже звать! — хищно оскалил зубы десятник, зло, сверкнув глазами. — У вас, что уши заложило или ноги отнялись? Так я быстро вылечу! Недошлёпки деревенские!

Подтянувшиеся поглазеть, на предстоящее зрелище, стражники одобрительно захмыкали.

— Прости господине десятник, — сквасив виноватую рожицу, затараторил Гонда. — Притомились в дороге. Не поняли сразу, что нас кличете.

— Притомились? Обоз вон еле плетётся! За ним даже увечный угонится и не вспотеет! Аль шутковать тут надо мной удумали? — рука десятника потянулась к поясу, нащупывая рукоятку плети. — Вы сейчас у меня впереди обоза бежать станете!

— Погоди, Невронд, — с показной ленцой, остановил разбушевавшегося десятника послушник. Было заметно, что командовать над другими пареньку ужасно нравится и каждый раз, демонстрируя свою власть, он получает искреннее удовольствие. — Опосля эту деревенщину уму-разуму поучишь. Тут провинность посерьёзнее разобрать нужно, — глаза пристроившегося сбоку от телеги Силантия торжествующе блеснули. — Кого из вас Вельдом кличут?

— Меня, всеблагодой отец, — понимая, что сейчас решается моя судьба, я решил не выпендриваться и низко поклонился. Ничего. Перетерпим. Хорошо хоть, что на колени бухаться не заставляют.

— Так это ты, значит, Лишним клясться удумал? — постаравшись придать голосу суровости, спросил Мефодий. — Чем же тебе Трое не угодили, коль ты проклятому поклоняться начал?

Пара стражников, подобравшись, начали обходить меня с обеих сторон. Всё. Теперь уже не убежишь. Да и куда бежать? Со стигмой на шее?

— Не было такого, — облизав пересохшие губы, ответил я, решив послушаться совета

Гонды.

— Как же не было?! — возмущённо вскинулся Силантий. — Я же сам слышал! И не я один! Он прилюдно им клялся! На погостье!

Послушник укоризненно покачал головой. На моё плечо опустилась рука десятника, крепко его сжав. И когда подойти успел? Вроде, только что, рядом со святошей стоял? Сзади послышалось дыхание, успевших зайти за спину, воинов. Да и остальные как-то незаметно приблизились. Всё же неплохо их Невронд обучил. Без всякой команды, с его стороны, поняли, к чему дело клонится. Теперь любую мою попытку взбрыкнуть, в две секунды пресекут.

— Было дело. Я тоже слышал, всеблагой отец, — выступил вперёд, между тем, Гонда. — Только он сказал «богами клянусь», — юноша хитро прищурившись, посмотрел на Силантия. — Ты, наверное, ослышался. Шум на погостье изрядный стоял.

— Как ослышался?! — как-то, даже обиженно вскинулся Силантий. — Ты что же брешешь то?! Ты же недалече стоял с подорожниками своими! Я видел! А вы что молчите?! — повернулся он в сторону Лузги с Марком, вставших чуть в стороне от меня. — Вы же тоже слышали речи его богомерзкие!

— Если бы я такое услышал, то сначала бы морду ему набил, а потом сразу к отцу-послушнику поволок, — процедил Марк, отвернувшись от Силантия. — Не знаю, от чего ты решил поклёп на своего земляка возводить, но я тебе в том не потатчик!

— Однако! — Невронд, убрав руку с моего плеча, озадаченно пригладил усы. — И кто же из вас врёт то?

— Да они все врут! — начал горячиться Силантий. — Отступника покрывают! Я правду баю! Клялся Вельд Лишним! Шибко клялся! Хоть у кого в деревне спросите!

«Ага, сейчас!» — злорадно подумал я. — «Вот прямо сейчас развернёмся и попрёмся назад, твои слова проверять!»

— А ты что скажешь? — перевёл взгляд послушник на Лузгу.

— Не клялся он Лишним, всеблагой отец, — нехотя ответил тот, переминаясь с ноги на ногу. — Не слышал я такого. Да и сельчане за такие слова, его ещё на погостье вязать начали бы. Однако же вот он. Тут стоит!

— Выходит ты поклёп удумал сотворить? — Мефодий, сурово уставившись на моего незадачливого «земляка», визгливо повысил голос. — Мне, служителю Троиx, соврать решился?! — в голосе отца-послушника прорезались обличительные нотки. — Совсем вы в своей деревне распоясались! Храм не чтите, Троиx не боитесь! Куда только отец Игнатий смотрит! Скоро и впрямь Лишнего славить станете!

— Так я... — дернулся было что-то сказать Силантий, но получив сильный удар по лицу от одного из воинов, кубарем покотился по земле, забрызгивая траву каплями крови.

— И то, — одобрил действия своего подчинённого Невронд, отходя от меня. — Неча свой поганый рот открывать, когда всеблагой отец говорит! Поучить бы тебя хорошенько вежеству, — десятник задумчиво посмотрел на сжавшегося Силантия. — Да ехать уже пора. Припозднились мы сегодня. Ну, ничего. В деревне чай потолкуем! — Невронд отвернулся, от окончательно сникшего, моего односельчанина и перевёл тяжёлый взгляд на меня. — И с тобой тоже потолкуем, недошлёпок. Дюже ты интересный.

Следующие несколько километров дороги мы прошли с Гондой вдвоём. Марк и Лузга, словно обидевшись, молча, ушли чуть вперёд, почти догнав последнюю телегу обоза.

Видимо уже жалеют, что за меня впряглись. Последствий опасаются. Вряд ли эта история с доносом Силантия так просто закончится. Послушник что? Так мальчишка, которому дали немного власти. Умней он от этого не станет. А вот в городе всё по-другому может обернуться. Да и Невронд, похоже, не совсем нам поверил. Вот и мандражируют теперь эти двое. Да себя за то, что не в своё дело влезли, клянут.

Силантий же, донельзя обиженный на всю нашу братию, наоборот, слегка приотстал, угрюмо ни на кого не глядя. Мы с Гонтой, таким образом, расположились посередине.

— Спасибо, — решил поблагодарить я своего спутника. — Похоже, ты меня здорово выручил. Даже не знаю, как и отблагодарить!

— Трое пожелают, и отблагодаришь когда-нибудь, — Гонда был задумчив и сосредоточен. — Станный ты какой-то Вельд, — юноша покосился на меня и продолжил. — О том, что пустошь тебя памяти лишила — про то я помню. Да только мнится мне, что она ещё что-то с тобой могла сотворить. Понимаешь, — Гонда наморщил лоб, пытаясь подобрать нужные слова. — Не знаю, как и объяснить... непохожий ты какой-то. Незнамый. Вроде и одет как мы и говор у тебя правильный, не чета городскому, а всё же не то что-то. Ты всё как-то не так делаешь. Ходишь, ешь, отцу-послушнику, вон, поклоны бьёшь. Вроде и правильно всё, но ежели приглядеться, то у тебя всё немного по-иному выходит. Слова опять же чудные, постоянно изрекаешь. Вот как сейчас: «спасибо», — Гонда пожевал губами, словно пробуя слово на вкус. — По всему видать — заморское слово, чудное! Откуда бы тебе такое знать?

— Сам удивляюсь, — развёл руками я, мысленно чертыхнувшись. Похоже, с безболезненным вживанием в местный социум, могут возникнуть проблемы. Сегодня Гонда какие-то странности в моём поведении заметил, завтра ещё кто-нибудь на это внимание обратит. И хорошо, если просто насторожатся. Могут ведь и меры принять. Радикальные. Как Гонда выразился — во избежание. Тут за века хаоса привыкли от всего чужеродного только плохое ожидать. — Слетают иногда с языка слова непонятные. Откуда берутся — сам ума не приложу. Говорю же — это пустошь всё!

Гонда, видимо, что-то решив для себя, резко остановился посреди дороги. Силантий, едва не врезавшись в нас, испуганным зайцем отскочил в сторону, с треском вломившись в придорожные кусты.

— Чего вылупился как нерюх на стадо коровье?! — ошетинился на него Гонда. — Ступай отседа! Неча подле меня уши греть, выродок айхи!

— А сам то, — Силантий аж зубами заскрежетал, от охватившей его ненависти. — С отступником хоровады водишь! Думаешь, что коль сговорились все, так всё по-вашему и будет? Ничё! В деревне послухов много осталось! Ужо посмотрим, как оно в Виличе обернётся!

— Ты беги, давай, обоз догоняй! — по-волчьи оскалился Гонда, сделав шаг в сторону Силантия. — Пока по шее не накостиляли! И не потеряйся, смотри! А то Неврондовой плети вечером шибко скучно будет!

Я, стиснув зубы, двинулся вслед за Гондой, с силой сжав кулаки. Накопившиеся с

самого утра злость и раздражение, давно просились наружу и Силантий, уже успевший мне изрядно напакостить, подходил для этой цели как нельзя лучше.

— Иди сюда, мопсу! Я тебе, сейчас, бесплатные талоны в бутик для инвалидов подарю!

Вот только мой недруг, верно оценив наметившуюся расстановку сил, в драку ввязываться, не пожелал. Снова затрещали кусты и вот уже Силантий, выскочив на дорогу, шагах в десяти впереди нас, торопливо зашагал в сторону уходящего каравана, сдирая на ходу прицепившиеся к одежде колючки.

— Мопсу? — Гонда задорно хмыкнул, провожая взглядом Силантия. — Смешное ругательство! Надо будет запомнить.

— Да вот, само как-то вырвалось! — Я закусил губу, мысленно проклиная себя за длинный язык. — Знать бы ещё, что это такое!

— Понятно, — закивал головой Гонда, зашагав вслед за обозом. — Ты только вот что. Старайся поменьше таких слов говорить. И вообще. За языком следи. Я-то промолчу, — юноша покачал головой, словно сам удивляясь этому. — А вот другие вмиг донесут. И не только Силантий. А нам, в следующий раз, могут и не поверить.

— Так и этот ещё не закончился, — решил поделиться я своими опасениями. — Не думаю, что до города донос Силантия не дойдёт. А там и спрос другой будет. Как бы эти, — кивнул я в сторону Марка и Лузги, — не проговорились.

— Нет, — ехидно усмехнулся Гонда, перепрыгивая через очередную рытвину, заполненную зацветшей водой. — Раз сразу не выдали, теперича, никуда не денутся. Жрецы не любят, когда им врут, особенно если отступников покрывают. Так что они теперь до конца на своём стоять будут. И ты, главное, тоже не подведи. Нас четверо, а этот — один. Нам и вера будет.

— А если и вправду в деревне поспрашивать решат?

— Не, — хмыкнул Гонда, покачав головой. — Это Силантий сгоряча сказал. Кто же в такую даль из Вилича потащится, чтобы донос простого изгоя проверить? Тем более, что остальные послухи о другом твердят? Вот если бы мы слова Силантия подтвердили, тогда да.

— А как ты их уговорить то смог? — поинтересовался я, кивнув в сторону Марка и Лузги. — Тем более, если за ложь наказать могут. Они же, поначалу, меня выгораживать не собирались. Да и сейчас, судя по всему, не очень-то этому рады.

— Должок за ними один был, — не стал вдаваться в подробности Гонда.

— Понятно, — уныло кивнул я. — Я вот только одного не понял. Зачем Силантий меня выдать хотел? Его староста, наоборот, помочь мне просил. Чтобы я до Вилича обязательно дошёл, и беды для деревни не было. А он мне гадить начал. Получается, что и деревне тоже. Ведь если я в школу эту, ну для магов, не попаду, наверняка в деревне ещё троих ребят заберут. Да и за то, что отступника в деревне пригрели, жрецы по головке точно не поглядят.

— Неа, — покачал головой Гонда. — Силантий всё правильно рассчитал. Ты же не сбежал никуда. Даже наоборот. В Вилич бы ты тогда наверняка попал, — он ехидно хмыкнул. — На телеге, связанный, да ещё и под охраной. Так за что в деревню наказывать? Ты же никуда не делся? А уж жрецам виднее, что с тобой дальше делать: в школу направлять, в ходоки, аль на плаху. А что отступником оказался, — Гонда сделав паузу, скривил губы. — Так за то род твой в ответе. С него и спрос. Ну и с отца-наставителя, конечно. Тебе ещё повезло, что Мефодий не шибко умён! — юноша криво улыбнулся. — Не сообразил, что может отцу Игнатию напакостить. Не то, тебя бы сразу вязать начали.

— Выходит ты не только меня спас, но и мою семью, — перед глазами встала Маришка,

с её нелепыми косичками и озорными глазами. — Я тебе, значит, вдвойне обязан теперь.

— Пустое, — небрежно отмахнулся Гонда. — Глядишь и ты мне подмогнёшь когда-нибудь, — парнишка немного помолчал, искоса поглядывая в мою сторону и решившись, спросил, пытливо глядя мне в глаза: — Слушай Вельд. А тебе только слова незнанные вспоминаются аль ещё чего? Может страны чужеземные или рухлядь диковинная? А может, иногда, и в себе что-то странное замечаешь? Словно другой ты, какой то? Ну, как будто и не Вельд вовсе?

Я облизал разом пересохшие губы, стараясь успокоить, бешено заколотившееся сердце. Это что же получается, я не первый здесь такой? Были уже первопроходцы, раз Гонда спрашивает. Вон как уставился, будто рентгеном просвечивает! А может и сейчас есть?!

Я уже хотел было, рассказать своему спутнику всё как есть, как вдруг что-то во взгляде Гонды меня остановило. Что? Я и сам толком не понял! Нехорошее что-то! Умом понимаю, что не прав! Нормальный парень Гонда! Не стукач какой-нибудь и не гнида, вроде Силантия! И если кто и сможет мне в этом мире помочь, так это как раз он! И всё же я решил пока и ему не открываться. Один раз меня мой язык под местный правёж уже чуть не подвёл. И хватит с меня! Впредь умнее буду! То, что в этом мире уже были такие как я, не значит, что их тут хлебом-солью встречали. Вполне может быть, что как раз наоборот. Могут и на костре спалить объявившегося колдуна или ещё чего похуже сделать. И тот же Гонда, первым же меня на этот самый костёр и определит, при этом искренне считая, что поступил правильно. Лучше сначала побольше об этом мире узнать, а там, если что, и открыться можно будет.

— Как это? — я изо всех сил постарался изобразить на своём лице искреннее недоумение. — Я — это я. Ну Вельд, значит. Как же я ещё кем-то быть могу? Чудно, как то!

— Вот и хорошо! — Гонда широко улыбнулся. — А то я опасаться стал уже. Вдруг ты совсем головой ослабнешь? Юродивому при обозе не выжить! Понимаешь, — юноша нерешительно покосился на меня. — Просто, почему-то, по сердцу ты мне пришёлся. После того как батю берыга в лесу заломал, я один совсем остался. Родоков нет. Сверстники перед голодранцем начали носы задирать. Да и не до них мне стало. С голодухи брюхо пухло, — Гонда раздраженно пнул подвернувшийся под ногу комок грязи и признался. — Я даже когда баллот вытянул, почти обрадовался. Хоть с голоду этой зимой околеть не дадут. Как-никак княжье имущество. В общем, — паренёк, сделав небольшую паузу, предложил: — Давай теперь вместе держаться, ну как сотоварищи, — он покосился вперёд, в сторону Силантия и хмыкнул. — С земляком твоим у тебя не заладилось с самого начала. Да еще плетей он в деревне за донос лживый получит. Ещё более зло затаит. Не получится у вас с ним одной артели.

— Я согласен, конечно! Я и так к тебе уже как к другу отношусь!

Сердце радостно забылось. А жизнь то налаживается! Вот и первый товарищ появился, на которого положиться можно! Тем более такой проныра, как Гонда. Такой и сам нигде не пропадёт и мне никуда больше вляпаться не даст!

— Вот и хорошо, — приобнял меня за плечи мой новый друг. — Вместе выжить полегче будет.

Ближе к вечеру, мы, наконец—то, вышли из леса. Могучие деревья почти полностью заслонявшие своими кронами всё небо, отступили, сначала сменившись мелколесьем вперемежку с кустарником, а затем и вовсе остались позади, недружелюбно помахивая ветками нам вслед. Теперь обоз передвигался по колосящемуся, высокой почти по пояс травой, полю. Солнце, хоть уже и клонилось к закату, ещё не успело коснуться своим краем далекого горизонта и светило довольно ярко. Вдалеке, большим тёмным пятном, чернел частокол деревеньки, которая, очевидно, и была конечным пунктом дневного перехода. Люди заметно приободрились. Голоса стали громче, веселей, среди воинов посыпались немудрёные шутки, один из служек даже что—то запел, правда, так бездарно и настолько заунывное, что ему быстро пришлось заткнуться.

Оживились и мои спутники. Лузга с Марком, видимо, свыкнувшись с неизбежным, перестали дуться, и притормозили, дождавшись нас с Гондой. Дальше мы двинулись вместе, одной весело гомонящей толпой. Только лишь Силантий продолжал плестись позади, понуро опустив голову.

— Ещё версты три землю топтать, — проворчал вечно недовольный Лузга. — И чего они так далеко он леса построились?

— Так река рядом, — пожал плечами в ответ Гонда. — Её просто не видно отсюда. Ничего, — внимательно поглядел он на небо. — До заката там будем, — и подойдя ко мне вплотную, внушительно добавил. — Ты это Вельд. В деревне от меня ни на шаг.

— В деревне то, что мне угрожать может?

— Иная деревня похуже леса, может быть, — вздохнул мой друг. — Умыкнуть и там могут.

— Это да, — поддержал его Лузга. — Своих отроков от баллота сберечь, кто не захочет? А мы для них пришлые. Что нас жалеть?

— Пока ты на виду, при обозе аль в избе гостевой, никто тебя не тронет, а вот коль отойдёшь куда, враз схватят и в подполье сволокут.

— Так зачем же я куда—то пойду? — усомнился я.

— Ну, тут по—разному бывает, — усмехнулся в ответ мой друг. — Могут варом напоить и по хмельному делу в сторону отвести или прибыток какой пообещать, за то, что подсобить пойдёшь.

— А может и бабёнка какая—нибудь на тебя глаз положить, да к себе в избу зазвать, — лукаво подмигнул мне Марк.

— И то может быть, — согласился с ним Гонда, — Так что брате, — он внимательно заглянул мне в глаза, — как в деревню придём, куда бы тебя ни звали и чего бы ни сулили, от нас, чтоб не ногой. Не то беда будет.

— Скорей бы уж, — тяжело вздохнул Марк. — А то живот к рёбрам присох, — здоровяк, с осуждением, посмотрел на меня. — Скуповаты ваши деревенские. Деревня богатая, а харч положили на один зуб, — с этими словами он, сильно забрызгавшись, въехал ногой в позеленевшую лужу и, чтобы не свалиться, ухватился за Лузгу.

— Потому и богатые, что скуповатые, — хохотнул Гонда, косясь на матерящегося верзилу. — А снеди положили как обычно, просто ты жрать больно здоров, — и повернулся к Лузге. — Зря ты с ним в артель вошёл. Его же не прокормишь!

— Кто хорошо есть, тот и работает хорошо, — не полез за словом в карман Марк, трясая ногой. — У нас тех, кто плохо жрёт, даже в батраки не нанимают. Пусть я съем на пять

полушек, зато на серебришку отработаю.

— А где мы там будем ночевать? — поинтересовался я, не сводя глаз с приближающейся деревни.

— В каждой деревне изба гостевая, для изгоев, есть, — охотно объяснил Гонда. — Не хоромы конечно, но на пучок соломы и крышу над головой надеяться можно.

— И ещё пожрать принесут, — решил напомнить о самом важном Марк. — Если староста не жила, могут даже мяса немного дать! — здоровяк мечтательно провёл рукой по животу и тут же добавил, расстроено. — Жалко только вару не достать.

— Ничего, — ободряюще похлопал его по плечу Гонда. — Будем деревню угольщиков проходить, будет нам и мясо, и вар. Матушка моя, да пребудут с ней Трое, оттуда родом была. Так там старостой брат её, дядька Антип. Мы у него, когда батя жив был, гостили пару раз. Деревня там богатая. Чай все княжества углём обеспечивают. Досыта наедемся. А может, и ещё чего хорошего раздобудем, — подмигнул он мне.

— Что угля котомку отсыпят? — пошутил я.

— Ну, вроде того! — заржали во всё горло мои спутники.

Я весело засмеялся вслед за ними. На душе впервые, с того момента, как я очутился в этом мире, стало легко и беззаботно. Нет, определённо жизнь налаживается. Скорей бы уж деревня.

Но дойти, до неё, мы не успели.

* * *

— Волколаки!!!

Вопль, полный животного ужаса, стеганул по ушам, в одно мгновение, оборвав мирную многоголосицу подъезжающего к деревне обоза. На пару мгновений воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь скрипом продолжавших двигаться телег. Люди синхронно, будто по команде, оглянулись назад, в сторону, оставшегося далеко позади леса.

Оглянулся и я, недоумённо высматривая причину тревоги.

— Что случ?... — повернулся я к замершим с выпученными глазами спутникам.

— Волколаки!!! Почему днём то?!!! Спасите меня Трое!!!

Истерично запричитавший Силантий, буквально снёс меня, опрокинув в траву, и, тотчас, скрылся из вида. И тут же, окрестности огласились протяжным воем, наполняя сердце тревогой.

Яростно матерясь, я рывком вскочил на ноги, крутанулся на месте в поисках обидчика, и замер, поражённый мгновенно произошедшей вокруг переменой.

Обоз всколыхнулся! Что-то испуганно заорали служки, начав нахлестывать неповоротливых быков, зарычал в ярости Невронд, раздавая тумачи и загоняя на телеги растерявшихся воинов, протяжно взревели быки. Уже довольно далеко впереди мелькала спина, рванувшего в сторону деревни Силантия.

— Волколаки!!! Пропала моя головушка!!! И косточек не найдут!!! — тонко захныкал возле самого уха Лузга, задом пятясь в сторону обоза.

— К телегам быстро! — рывкнул сильно побледневший Гонда. — У Мефодия камень

мажеский есть!

— Какой, к Лишнему, камень?! — сорвался на визг, Лузга. — Их вона скока!

Подскочивший Марк, подхватил друга за локоть и, буквально, поволок в сторону набиравшей ход телеги.

Я машинально оглянулся ещё раз, и сердце пугливым воробышком скакнуло куда-то вниз живота. Волки, если, конечно, можно назвать этих монстров величиной с двухгодовалого бычка, волками, за то время, что я проковырялся в траве, значительно приблизились, уже успев покрыть почти треть расстояния между лесом и обозом. И на этот раз, уже были хорошо видны, даже на фоне скрывающей их до самой головы травы.

Да их тут с полсотни голов будет! Разве волчьи стаи такими большими бывают?! Им же просто не прокормиться! Такой ораве даже наш обоз вместе с быками, на один зубок будет!

Мощный рывок за рукав, вывел меня из охватившего оцепенения.

— Ты чего застыл?! — яростно проорал мне, брызжа слюной прямо в лицо Гонда. — Щас сожрут к Лишнему! Давай быстрее к обозу, а то рванёт, не успеем!

Бросившись вслед за другом, я в несколько прыжков настигнул жалобно поскрипывающую телегу и буквально ввалился в неё, опрокинув уже барахтавшегося там Лузгу. Тот как-то необычно тоненько взвизгнув, завертелся ужом и довольно чувствительно двинул мне локтём в бок. Рядом трепыхался, мешая мне подняться, кто-то ещё.

— Тихо вы, выкормыши айхи! Щас обратно всех повыкидываю, к Лишнему! Может волколаки сдохнут, вами подавившись, колдуны проклятые!

Кто-то, крепко ухватив за локоть, буквально вырвал меня из клубка человеческих тел и, вплепив сильную затрепину, отбросил к краю телеги. Рядом, растирая рукой левое ухо, уже расположился Гонда. Я обернулся и буквально отпрянул, встретившись с бешеным, пылающим яростью, взглядом. Воин, тот самый, со шрамом через всю правую щёку, уже поднимал пинками со дна телеги Марка с Лузгой, продолжая отчаянно материться. Кроме него, моих спутников и возницы, куда-то забросившего свой кнут и обеими руками вцепившегося в край телеги, больше никого рядом не было. Оно и понятно. Чем ближе к концу обоза, тем меньше шансов унести ноги. Недаром Мефодий с десятником на первой телеге расположились. Вот только, похоже, и им не светит ничего. Быки, хоть и существенно ускорились, но всё же соперничать в скорости с лошадьми не могли, и ворота приближалась невыносимо медленно. Я оглянулся. У волколаков со скоростью как раз всё было в полном порядке. Стало окончательно ясно, что этот забег со смертью, нам ни за что не выиграть.

— Ишь как несутся!! — меченый, расположившись на пыльном мешке, начал с натугой взводить арбалет. — Видать совсем оголодали, коль среди бела дня на охоту вылезли!

— Догонят ведь, Русин! — повернул перекошенное от страха лицо к меченому возница. — Как есть догонят! Что делать то будем?!

— Вестимо догонят! — согласился в ответ воин, вставляя болт в арбалетное ложе. — И долго этот сопляк с камешком возиться будет? Как думаешь?

Возница в ответ лишь невнятно простонал, не сводя затравленного взгляда с приближающейся стаи. С соседней телеги соскочил какой-то мужик, и, что есть мочи, припустил вдоль дороги, вслед уже далеко оторвавшемуся Силантию. За ним соскочили двое воинов, и, втянув головы в плечи, побежали сопровождаемые проклятиями Невронда.

— За ними надо бежать, — вскинулся, провожая их взглядом, Лузга. — Сожрут ведь!

— Лузга прав, бежать надо! — я вопросительно оглянулся на Гонду, готовый сорваться с места. — И чего все в эти телеги попрыгали?! Давай напрямки! Может, успеем!

— Не успеем, — буквально прохрипел тот в ответ, не сводя напряжённого взгляда с первой телеги. — Да и они не успеют. Далеко слишком. Сил не хватит. Вся надежда только на камешек мажеский.

— Да что за камень то такой?! — сорвался на крик я. Умирать вот так, по-глупому, в нескольких сотнях метров от спасительных ворот, ужасно не хотелось. — Волки уже рядом!

— Достал, наконец-то! — торжествующе проорал Гонда, не ответив мне. — Держись! Сейчас быки рванут!

И только сейчас я заметил, что взгляды всех были направлены в одну точку: Марк и Лузга, примостившиеся рядом со мной; воины, сжимавшие в побелевших пальцах заряженные арбалеты; служки, бросившие нахлестывать кнутами быков (благо те в этом давно не нуждались, перебирая копытами изо всех сил); недобро оскалившийся Невронд, с обнажённым мечом. Все они буквально прожигали глазами спину послушника, высоко поднявшего над головой невзрачный серый камешек.

Сильная вспышка. Камень буквально запылал, разбрасывая в разные стороны синие полупрозрачные искры и, в следующее мгновение, в сторону быков, с громким треском, ударил сноп ярких ветвистых молний. Крупные белые кристаллы, свисавшие с толстых кожаных ремней, плотно облегающих шеи животных, в свою очередь ответили синими сполохами, разом поменяв свой цвет. Быки, протестуя взревев, резко рванули вперёд.

Толчок был таким сильным, что если бы Гонда, в последний момент, цапнувший меня за рукав, я бы вылетел из телеги.

— Держись крепче! — возбуждённо проорал он мне прямо в ухо. — Вылетишь — никто подбирать не станет!

— Что это было? — ошеломлённо поинтересовался я, поднявшись и судорожно вцепившись за край телеги.

— Я же говорю, камень мажеский, — Гонда не сводил напряжённого взгляда со стремительно приближающихся ворот. — Он скорость быкам увеличивает. Ненадолго только. Лишь бы хватило!

Сзади раздался пронзительный вой. Я оглянулся и вновь похолодел. Стая была уже в сотне метров от обоза и, не смотря на значительно возросшую скорость быков, пусть и медленно, но приближалась. Над ухом, с противным свистом, пролетел болт и ближайший к нам волколак, коротко взвизгнув, кувыркнулся в траву. Меченый, что-то зло прохрипев, вновь склонился над арбалетом. Остальные чего-то выжидали, держа оружие наизготовку.

— Почему они не стреляют? — лихорадочно спросил я, не сводя глаз, с завывающей стаи.

— Наверняка будут бить, — сдавленно ответил Гонда. — Болтов у них вишь немного. Да и арбалеты взводить — время надо.

— Надо было луки брать, — решил я блеснуть знаниями. — В миг бы всех пощёлкали.

— Щас, — зло хмыкнул в ответ мой друг. — Таких зверюг стрелой не убьёшь. Если только в глаз попасть. Тут, с такой тряской, как бы совсем не промахнутся.

Телега действительно тряслась неимоверно, заставляя, молится всем богам, чтобы колёса совсем не отлетели. Жалобный скрип осей на эту мысль, во всяком случае, наводил. Словно подтверждая слова Гонды, жвыкнул ещё один болт, норovia срезать особо зарвавшегося волка и, разминувшись с оскалившимся зверем совсем немного, закопался где-то позади, в траве. Отборно матерясь, Невронд пообещал незадачливому стрелку кое-что оторвать и приладить вместо рук.

— Уухр!

Мимо телеги промелькнуло тело незадачливого возницы, судорожно копошившегося в придорожной грязи. Мужик рывком поднялся и, нелепо размахивая руками, рванулся вслед за уходящим обозом. Заляпанное грязью лицо, перекошенное от животного ужаса, почему так и не выброшенная, ставшая бесполезной плеть, в руке.

— Погодите! Не кидайте меня!!!

В сдавленных криках слышалось такое отчаяние и безнадёга, что я невольно закрыл уши руками, зачем то ещё и зажмурился при этом.

— Аааа! Не над!... — Полный боли крик резко оборвался, сменившись торжествующим рычанием.

Вдруг, чуть было не опрокинув меня на дно телеги, кто-то кувыркнулся рядом. Раздалось тяжёлое, с присвистом, дыхание. Открыв глаза, я встретился взглядом с Силантием, судорожно хватавшим губами горячий степной воздух.

— Ещё один нерях, — зло прокомментировал его появление меченый, поднимая арбалет. — Замри на месте выродок стёртых. Если я из-за тебя промахнусь, то сам не знаю, что с тобой сделаю!

Силантий, тяжело дыша, застыл, не сводя взгляда с неотвратимо настигающей обоз стаи. Его откровенно трясло. В глазах плескался ужас.

— А вот и наш беглец возвратился, — злорадно оскалился Лузга, зачем то снявший с головы свой треух и нервно мнущий его в руках. — Я уж думал, мы тебя до самых ворот не догоним!

Наконец защёлкали арбалеты, вычёркивая из погони нескольких, сильно оторвавшихся, преследователей. Остальные звери, чуть притормозив, стали забираться в стороны, охватывая обоз с обеих сторон. Судя по натужному пытению воинов, приветить их было пока нечем. Я в отчаянии оглянулся в сторону деревни. Ворота были рядом, буквально в паре сотен шагов и... Они начали закрываться!

Отчаянные матюки, грозные выкрики, проклятья и вопли понеслись вслед, но окованные железом створки продолжали неумолимо смыкаться, перекрывая дорогу к спасению. Местные определенно не собирались рисковать, принося неизвестный обоз в жертву.

— Тихо! — перекрывая беспорядочный галдёж, раздался рык Невронда и тут же, рядом с ним, вновь поднялся послушник. Невронд, на пару с ещё каким-то воином, обхватили юношу за пояс с двух сторон, не давая, вывалиться из немилосердно трясущейся телеги. Мефодий выпрямился, повернулся лицом к воротам и поднял над головой какой-то предмет, ярко блеснувший в лучах заходящего солнца.

— Во славу Трои! Немедленно откройте ворота их слуге! — изо всех сил прокричал он, сорвавшись на фальцет.

Полузакрытые ворота, замерев на мгновение, начали вновь открываться, со стен зло защёлкали луки, отвлекая волков от телег.

— Засуетились ублюдки! — с весёлой злостью в голосе, выкрикнул Гонда. — Это вам не торговцев на растерзание хищникам оставлять! — и тут же заткнулся, зло выругавшись.

Лузга испуганно заверещал, повалившись на мешки и закрыв голову руками. Я начал лихорадочно шарить вокруг себя, в поисках хоть какого-то оружия. Один из волколаков был уже совсем рядом, как раз собираясь скакнуть в телегу. Гулко щёлкнул арбалет, и Русин потрясённо выругался, умудрившись промахнуться, стреляя почти в упор.

— Отстань тварь! Убью! — заполошно заорал на зверюгу Гонда. В его руке появился нож, совершенно несерьёзно выглядывший на фоне, примеривавшегося к последнему броску, зверя. Рядом расположился Марк, вытащив из-за пазухи огромных размеров кистень. За спиной коротко жвыкнул железом меченый, доставая из ножен короткий меч с широким лезвием.

— Сейчас порвёт. Непременно порвёт, — незаметно для себя начал шептать я одними губами, нацелив в сторону хищника, толстенную палку. Ничего, более напоминающее оружие, я найти в телеге так и не смог.

— Русин! Быки встают! Кончается заклатье то! — заполошно заорал возница и, в тот же миг, волколак совершил прыжок.

Нас спасло чудо. Хищник уже распластался в воздухе, примериваясь опуститься уже посреди телеги, как быки, видимо почуяв его, рванули из последних сил. Повозка на пару мгновений ускорила. Чуть не допрыгнув, волк, ободрал передними лапами край телеги и, попутно успев, одним движением пасти, сломать древко палки, кубарем прокатился по траве. Я охнул, неверяще уставившись, на жалкий обрубок в руках. Зверь, между тем, вскочил, оскалив клыки, и тут же протестующе взвыл. Хищно дрожа оперением, в его тело впились сразу две стрелы. Об ускользящей добыче волколак на время забыл.

Вот только нам от этого легче не стало. Заклатье, наложенное Мефодием на быков, и впрямь подходило к концу. Кристаллы начали стремительно белеть, возвращаясь к своему первоначальному цвету. Скорость пошла на убыль. Грязно выматерившись, Русин яростно пнул ногой один из уложенных в телегу мешков и, потрясая мечом, развернулся к нам.

— Сигайте с телеги, дети проклятых! В капусту порублю, к Лишнему! — проорал он, вращая налитыми кровью глазами.

— Прыгай! А то точно зарубит! — дёрнул меня Гонда за рукав. — И, со всех ног, к воротам беги!

Я кубарем соскочил с, ещё довольно быстро несущейся, телеги, каким-то чудом устоял на ногах, дёрнулся было в сторону ворот, споткнулся и, со всего разбега, ткнулся лицом в липкую придорожную грязь.

Силантий! Сука!! Убью!!!

Быстро вскочив, я, что есть мочи, рванулся вперёд. Впереди мелькали спины Гонды и Марка с Лузгой, за ними, довольно сильно приотстав, натужно сопел Силантий. Сил, после никому ненужного забега в начале преследования, у него, судя по всему, почти, не осталось. Вот и решил меня стае скормить. И от недруга разом избавиться, и для себя времени немного выгадать. Глядишь, и успеет до ворот добежать, пока меня пережёвывать будут! Вот только моего желания похитаться не учёл! Довольно быстро настигнув своего недруга, я заботливо толкнул его в спину, придавая ускорение.

— Извини, дружище, — я зло сплюнул, оставляя трепыхаться в грязи, тонко завизжавшего Силантия. — Но с меня должок причитался! Возвращаю!

Телеги, между тем, неумолимо уходили вперёд, одна за другой проскакивая через ворота.

Я начал выдыхаться. Пот заливал глаза, ноги стали точно ватные, но я упорно продолжал бежать, глядя себе под ноги, отлично понимая, что если упаду, то вновь подняться уже не смогу. До ворот оставалось всего пара десятков метров, когда дорогу перегородил очередной зверь, с опаленной с одного бока шерстью. Пасть ощерилась в хищном оскале, обнажив крупные клыки. Задёрнутые паволокой бешенства глаза, с лютой

ненавистью оставились на меня. Время встало, прекратив свой неумолимый бег. Все звуки исчезли, растворившись в глубинах подсознания. Мир сузил свои рамки до крохотного пространства, внутри которого были только я и моя смерть. Волколак оцетинился, поджал задние ноги, изготавливаясь к прыжку, прыгнул, распластав в воздухе своё мощное тело, и тут же рухнул, как подкошенный, в бессильной ярости пытаясь, дотянуться до торчащего в боку болта.

— Беги, дурак! — пронзительный крик Гонды, выдернул меня из ступора. — Беги, Лишний тебя заведи!

И мир вновь взорвался, наполнившись натужным рёвом быков, злобным рычанием оголодавшей стаи и скрипом закрывавшихся ворот.

Я охнул и бросился вперёд. Раздавшийся сзади полный боли и непередаваемого ужаса вопль Силантия, придавал сил на последний рывок. И всё же я не успевал. До ворот оставалось буквально несколько метров, но массивные створки уже почти сошлись, оставляя между собой лишь небольшую, стремительно уменьшающуюся, щель.

— Что же вы, гады! — со свистом хватая воздух, с трудом прохрипел я, в безнадёжном отчаянии, сумев ещё чуть увеличить скорость. Внезапно движение створок замедлилось. Послышалась непечатная ругань и какая-то возня. Я как раз подлетел к воротам, чтобы увидеть, как дюжий мужик, с утробным хеканьем, припечатал кулаком в лицо вцепившемуся в него Гонды и тут же вновь потянулся к воротам. Мой друг кубарем покатился прочь, скрывшись из виду. Но мне и этого мгновения хватило! Буквально сдирая с себя одежду вместе с кожей, извиваясь ужом, я каким-то чудом протиснулся в микроскопический проём и рухнул уже за воротами, судорожно хватая губами воздух. Сунувшемуся следом волколаку, стоящий наготове воин, разрядил арбалетный болт прямо в брызжущую кровавой слюной пасть. Вокруг поднялся невообразимый гвалт.

— Тяните эту тварь вовнутрь! — взревел Невронд, подскакивая к воротам и ткнув в проём мечом. — Вой! Все к воротам! Ежели ворвутся — беда будет!

Двое мужиков, схватив переставшего дергаться волколака за передние лапы, с натугой потянули на себя. Получалось плохо. Зажатый створками, зверь застрял намертво, а чуть приоткрыть их, перед рвущейся вовнутрь стаей, мужики не решались. Но и ворваться, сквозь слишком узкую щель, стая не могла и двое воинов, шустро работая мечами, их уверенно сдерживали. Третий, высунувшись из-за их спин, вновь разрядил в проём арбалет. За воротами обиженно взвизгнули.

— Слабомерки убогие! — к побагровевшим мужикам, на помощь, подбежал какой-то кряжистый седой дедок и, оттолкнув одного из них, рывком потянул зверя на себя. Тот лишь чуть сдвинулся.

— Нукася! — Невронд, успевший где-то раздобыть здоровенный топор, с утробным хеканьем, начал рубить здоровенную тушу. Во все стороны полетели кровавые брызги. Воздух сотрясла отборная ругань.

— Выталкивайте его наружу! — потряс окровавленным топором Невронд, уполовинив всё-таки зверя. — Да поживей, увальни неповоротливые!

Подбежало ещё несколько мужиков и длинными деревянными шестами упёрлись в окровавленные остатки волколака. Вновь гулко щёлкнул арбалет. Накинув на ворота толстенный деревянный брус, бородач облегчённо вытер обильный пот. Окрестности огласил разочарованный вой, упустившей добычу стаи.

— Вроде живи, друже.

Толчок, локтём в бок, окончательно привёл меня в чувство. Гонда плюхнулся рядом, потирая рукой лицо.

— Спасибо тебе дружище, — с чувством ответил я. Слова никак не хотели проталкиваться сквозь окаменевшие губы, язык не ворочался, а лёгкие, казалось, вот-вот разорвутся на части. — Если бы не ты, то всё, конец бы мне. Чудом выжил!

— Я бы на вашем месте не был в этом так уверен, недошлёпки поганые! — нависший над нами дед в окровавленном тулупе был в ярости.

— Чего озлился, дядька? — Гонда, сохранивший сил побольше чем я, поднялся на ноги.

— Чего озлился, говоришь? — потянулся к нему дед. — А по чьей вине я тулуп почти новый испортил? Ты чего выкормыш айхи у ворот под ногами путался? Чуть волколаков в деревню не привёл, паскуда! А ты знаешь тварь, что за такое бывает?

Гонда заметно побледнев, промолчал. К месту скандала стали придвигаться и другие мужики, заинтересовались обозники, промелькнули испуганные лица Марка с Лузгой.

— Он же меня спасал, — решил заступиться за друга я и, срывая накопившуюся злость, добавил. — Не по-людски это — человека на растерзание волкам оставлять, — и заметив, что к нам подошёл нахмуренный Невронд, обличительно добавил. — А вы даже перед целым обозом ворота закрыть норовили!

— Тебя сопляка спросить забыли! — аж взвился дед. — Ты ещё учить меня будешь! Из-за тебя помёт нерюха, между прочим, чуть беда не случилась! Другие вон куда шустрее оказались! Вмиг ворота проскочили, а ежели такой нерасторопный, то сам и виноват! Другим наука будет! А сейчас мы с вас шкуры спустим, к Лишнему!

— Ты борода голосить то прекрати, — решил вмешаться Невронд. — Наказать бы их надо, да только не в твоей это власти. Они теперь по воле Троиخ господине князю принадлежат. Только он, да храм Троиخ, в их животах, теперича, вольны. Ты мне лучше ответь. Почему ворота перед обозом закрывал? — Невронд нехорошо прищурился. — Аль не видел, чей он?

— Троиими клянусь, не распознал! — сбледнул с лица староста. — Мало ли обозов сейчас до Вилича идут. Осень чай. Расторговаться людишки спешат. А как знак, значитса, храмовой узрели, так сразу открывать кинулись! Сами же видели! Мы Троих чтим! И пятину им платим, как положено!

— Что Троих чтите — это хорошо, — согласился десятник, не спуская глаз со старосты. — Да только, помнится, господине князь указ уж года три как подписал, о том, чтобы все караваны привечать и всяческую помощь им оказывать. Аль воля его для тебя ничего уже не значит, старик?

— Что ты, господине десятник! — ещё больше заюлил староста. — Лишний попутал! Спужались мы! Стая то огромная. Всю деревню вырезать могли. А кто тогда налоги в казну княжью платить будет? — начал канючить он. — С меня же за недоимки спросят! И Айхи с ними, с недошлёпками этими, — сплюнул он в нашу сторону. — Я из-за этих нерюхов и вас, как следует, приветить не успел! Щас живо стол накроем! Спасение ваше чудесное отметим! Вар у меня крепкий! Самолично настаивал! И воям вашим поднесём! Как полагается!

Староста проворно утянул десятника за собой. Начали расходиться и остальные: возницы засуетились возле взмыленных, еле стоящих на ногах, быков, ратники потянулись вслед за десятником, мужики, почёсывая бороды, разбрелись по своим делам и только молодёжь, вскарабкавшись на бревенчатый настил, возвышающийся над воротами, продолжала азартно пускать стрелы в подвывающую стаю.

— И не жалко им балбесам стрелы портить, — прогундел, подсаживаясь к нам, Марк.

— Они же грошей стоят.

Рядом встал неразлучный с ним Лузга.

— Да ты присмотрись. Они же без наконечников, — ответил, все ещё, мрачный Гонда, потирая рукой правую, начавшую вспухать часть лица. — Учатся. А палок ещё настругают.

— Сильно тебе перепало? — посочувствовал я. — Из-за меня всё.

— Да ничего, — оскалился мой друг. — Вскользь прошло. Я, в последний момент, головой мотнуть успел.

— И хорошо, что успел, а то зашиб бы. Удар у меня дюже крепкий.

Я обернулся на раздавшийся за спиной голос. Рядом стоял бородач, что закрывал ворота и добродушно нам улыбался, ощерившись, недостающим пары зубов, ртом.

— А ты сам виноват, — обратился он к Гонде. — Неча под горячую руку лезть. Мог бы и зашибить, — и повернувшись ко мне, с хитрым прищуром спросил. — Вы чай не родичи случаем? Уж больно он для тебя расстарался. Сначала воя уломал стрелу арбалетную в волколака метнуть. Тот шибко не хотел. Стрела то денежку стоит. Потом ко мне, значитса, под руку сунулся.

— Мы даже не с одной деревни, — пожал плечами я, с благодарностью оглянувшись на Гонду.

— О как, — удивлённо вскинул брови щербатый. — Так что же он шебуршился тогда? Аль должок у тебя перед ним, какой?

— Нет за мной никаких долгов, — отрезал, было, я, но спохватившись, добавил, вновь взглянув в сторону Гонды. — Хотя нет. Теперь-то как раз должок за мной есть. И презрядный!

И отвернулся, не желая продолжать разговор. Если бы не Гонда, эта сволочь ворота у меня перед самым носом прикрыла бы. И волки сейчас уже косточки бы обгладывали, как у Силантия.

Силантий... Я призадумался, пытаюсь понять, что чувствую. Всё же человека волкам, только что, скормил, не курицу какую-нибудь. И понял, что нисколько не жалею о содеянном. Силантий первым меня прикончить попытался. И, если бы не Гонда, эта подножка мне стоила бы жизни. А я не святой, чтобы вторую щёку подставлять!

— А что же тогда так суетился то? — не желал успокаиваться, между тем, мужик. — В чём интерес то был? Не за так же?

— Подружились мы в дороге, вот и помог! — разозлился Гонда. — Тебе то, что за печаль?

— Ты лучше дядька скажи, где тут изба гостевая, нам под ночлег отведённая? — встрял в разговор Лузга. — Притомились мы в дороге. А тут ты со своими расспросами.

— И харч занести не забудьте! — оживился Марк. — Раз сами на обед не попали, то хоть поужинаем.

— Я за тем и подошёл, — мужик почесал голову. — Никодиму, теперича, не до вас пока. Вряд десятника обласкать, да отцу-послушнику угодить. Вот меня и послал. Пошли, что ли?

Дом, выделенный старостой нам для ночлега, энтузиазма не внушал. Собственно говоря, его и домом то можно было назвать с большой натяжкой. Тут, как я уже заметил, вообще жилые постройки не впечатляют: низкие, прижимистые, так и льнущие к земле своими покрытыми соломой крышами. Но всё, как говорится, познаётся в сравнении. Мда... Когда щербатый, после нескольких минут усердного топтания по грязи с гордостью показал нам на эту халупу, я вначале подумал, что он шутит. Но тот мои сомнения быстро развеял.

— Ну вот, значитса, вам и хата для ночлега? — наш проводник привычно огладил бороду и гостеприимно махнул рукой в сторону полуразвалившегося сарая. Хотя, пожалуй, насчёт сарая я погорячился немного. Не всякий сарай построен из тонких, не обструганных жердин, неплотно подогнанных друг к другу. Чтобы как-то залатать образовавшиеся щели, всё это было замазано глиной, но, то ли глина была плохая, то ли замазывали как придётся, но эта самодельная штукатурка зияла внушительными прорехами. Хотя может оно и к лучшему. Хоть немного светлее будет. Окон незадачливые строители данного архитектурного сооружения, почему то не предусмотрели совсем. Довершала картину неказистая крыша, накрытая подобием полуистлевшей драмки, до сих пор, каким-то чудом, не развалившейся в труху.

Я даже растерялся немного. Он что издевается или это у местных шутка такая? Да я бы хлев для свиней получше обустроил! Собственно что-то в этом роде я и хотел уже было высказать обнаглевшему селянину. Вот только реакция моих спутников остановила. Молча, словно такой ночлег тут был в порядке вещей, Лузга, а следом за ним и Марк, прошли к дому, и немилосердно скрипнув давно не смазанной дверью вошли вовнутрь. Мда... Похоже, не шутил щербатый, притащив нас сюда. Определённо не шутил.

— Пошли. Чего встал? — грубовато ткнул меня кулаком Гонда, кивнув в сторону развалюхи. Решив отложить претензии до лучших времён (Гонде виднее, когда можно права качать, а когда в две дырочки посапывать), я тоже вошёл в дом. Внутренний интерьер помещения, не пожелав приятно разочаровать, вполне соответствовал внешнему виду сооружения.

Мебели в избе не было. Вообще. К одной из стен скорбно привалилась маленькая скособоленная печка без дымохода. Рядом с ней лежала жалкая кучка хвороста. В противоположном углу, прямо на земляном полу, валялось с десяток грубо набитых соломой тюфяков, донельзя грязных и, похоже, являвшихся местным аналогом постели. Импровизированные окна, коими являлись многочисленные щели, почти не пропускали света и, если снаружи, только начинало смеркаться, то тут уже было довольно темно. Сильно пахло перепрелым сеном и чем-то ещё, значительно менее приятным. Спартанская, в общем, обстановочка. Ликург был бы доволен. Впрочем, моих спутников это не сильно смущало и, скинув с плеч опостылевшие за день мешки, они уже по-хозяйски оглядывали наше временное пристанище. На мгновение стало ещё темней и в сарай, следом за мной, вошёл щербатый.

— Какой-то неповоротливый твой дружок, — дружелюбно обратился он к Гонде. — То от волколаков убегая, еле ноги передвигает, то у хаты замер, как будто берыгу перед собой увидел. Зря ты взялся ему помогать. Во-первых, намучаешься весь, а во-вторых, без пользы всё это. Такие квёлые долго не живут. Не схарчат, так башку оторвут али ещё чего, — мужик

усмехнулся и укоризненно покачал головой: — Да ещё и без корысти. Виданное ли дело?!

— То дело моё, — нехорошо ощерился Гонда. — Ты лучше скажи, почто дров так мало? Да и где вы эти ветки взяли? Кустики у забора порубили, что ли?

— Не Гонда. Это осинового чурки, — флегматично заметил Марк. Он уже вытащил из кучи один из тюфяков и, подтащив поближе к печке, начал на нём устраиваться. — Они и прогорают быстро, и жару почти не дают.

— Тут дров и на час не хватит! — зло поддержал Гонду Лузга. — А ночи сейчас уже холодные. Чай осень, не лето!

— Да мы сами такими топим, — забежал глазками щербатый. — Лес то далече, а там волколаков полно. Сами же ели ноги унесли!

— Ты мне зубы не заговаривай. — Гонда был непреклонен. — Волколаки днём обычно на людей не кидаются, тем более осенью, когда дичи много. Спугнул их кто-то более страшный или нечисть, какая зашевелилась. По обычаю, вы должны дров выложить, чтоб до утра хватило. Или мне до Невродна дойти? Он как раз до вашей деревни зол!

— И чего разгалделись? Донесём мы вам дрова, — новая тень перекрыла свет в дверном проёме. — Сами сопляки ещё, а гонору, — староста в почти новом, не заляпанном кровью тулупе, важно прошествовал на середину избы. За ним шустро проскользнула женщина средних лет и, положив прямо на пол, начала шустро развязывать довольно внушительный узелок.

— Я вам харч знатный принёс, а вы зубы скалите! Даже вару немного налил, чтоб оплошку с воротами нашу, значитса, загладить. Ну и спасение ваше чудесное отпраздновать. Видно Трое сегодня с вами были, — Никодим обвёл нас взглядом и выразительно, давая прочувствовать оказанную честь, добавил: — Со своего стола гостинцы принёс. Расстарался! — и, махнув рукой, добавил. — А в дорогу жратвы вам Глашка опосля занесёт. Отведайте, что Трое послали.

Расстелив на земле огромный потёртый платок, женщина, со знанием дела, разложила на нём нехитрую снедь: с десятка два яиц, уже крупно нарезанные куски сала, также порезанные пополам помидоры, довольно крупные огурцы, изрядный пучёк лука и котелок ещё тёплого, с потрескавшейся шкуркой отварного картофеля. Посреди этого изобилия внушительно угнездилась пузатая глиняная баклажка с мутноватой, дурно пахнувшей жидкостью. Мои спутники, оживившись, быстро расселись вокруг. Староста, не чинясь, уселся рядом на шустро принесённый бабой матрас и ловко разлил жидкость по кружкам.

— И ты седай, Тимофей, — повернулся Никодим к щербатому. — Чего встал?

— Стока народу спаслось, дядька Никодим, — с готовностью согласился тот, беря в руку кружку. — За это только Лишний выпить откажется, — и улыбнулся так, по-доброму, будто и не он ворота перед обозом закрывал.

Мужики выпили и, шумно выдохнув, потянулись к закуске. Я немного поколебался, с сомнением рассматривая мутноватую жидкость, но посмотрев на остальных, всё же решился. А чем чёрт... то есть этот... Лишний, не шутит. Денёк сегодня для меня выдался, прямо скажем, не лёгкий. Расслабиться просто необходимо. А то так и умом тронуться недолго. Ну и Силантия, пожалуй, помяну. Вот вроде, и паскудный был человечешко, и получил по заслугам, а на душе муторно. До сих пор в ушах его вопль стоит.

Вонючая гадость, только попав в рот, тут же настойчиво стала проситься обратно, но я проявил характер и вышел победителем из этого непростого поединка. Желудок обожгло жаром. На глазах выступили слезы. Меня добродушно похлопали по спине, сунули в руку

огурец.

— Это да. Везучие вы, — продолжил между тем Никодим. Он смотрел хитро, с прищуром, словно выворачивая своим взглядом наизнанку. — Двое, правда, сгнули, — староста огорчённо вздохнул и тут же злорадно оскалился: — А ещё двоим воям Невронд скулы набок посворачивал! Но то их вина, не наша. И за каким волколаком их Лишний наперёд обога понёс? Совсем видать голову от страха потеряли. А без головы на плечах здесь долго не проживёшь.

— Твоя, правда, дядька Никодим, — Тимофей зацепил изрядный кусок сала и начал смачно его уплетать. — По нашей жизни пошустрей надо быть, — и, укоризненно так, посмотрел в мою сторону.

— Это да, — Никодим, даже не притронувшись к еде, продолжал пытливо нас оглядывать. — А почто вас так мало то? Чай не одну деревню обоз прошёл, коль обратно в Вилич катит. Аль кроме того бедолаги, ещё кого в дороге потеряли?

— А тебе то, что за дело? — исподлобья взглянул на него Лузга.

— Дык староста я тутошний, — весело оскалился в ответ дед. — Мне до всего здесь дело есть. А до пришлых, которые за собой волколаков к деревне притаскивают, в особенности, — в голосе старосты проскользнула сталь, тут же сменившаяся добрым участливым тоном. — А тебя что в твоей деревеньке вежеству не учили? Иль ты думаешь, что раз ты недошлёпок, теперича, так я тебя и проучить уже не смогу?

«Как бы бока не намяли», — подумалось мне. — «Или, что ещё хуже, за забор не выкинули в гости к волколакам. С этого станется. Вон как зло зыркает».

Только Лузга и не подумал пугаться.

— Волколаки за обозом жреческим пришли, — веско произнёс он, пристально разглядывая старосту. — Мы лишь при нём были. Да и уберутся они отсюда вскоре. Сам знаешь. Побегают и уберутся. Что им тут делать то? На стены то лазить они пока не научились. Небось, уже ушли.

— Ушли проклятые, — спокойно согласился Никодим, словно и не было у него только что стычки с Лузгой. — В сторону Вислого оврага подались.

— Огромная стая, — задумчиво заметил щербатый, забрасывая в рот картофелину. — Десятков пять голов, не меньше. Что-то рано они вместе сбиваться стали.

— Ушли то, ушли, — задумчиво сдвинул брови староста. От его весёлости и следа не осталось. — Как бы вокруг деревни кружить не начали. Эти могут.

— Эт вряд ли, — не согласился Тимофей, продолжая аппетитно чавкать. — До зимы ещё далеко. Не должны они шибко голодными быть.

— Эти зверюги всегда голодны. Сколько не дай! — вздохнул Никодим. — И днём на охоту вышли! Когда такое бывало? — староста горестно вздохнув, ловко наполнил кружки. — Выпьем. Чего её жалеть? Завтра ещё принесу. Вы всё равно навряд ли поутру уедите.

— А что же нам может помешать? — напрягся Лузга. В его голосе, несмотря на вызов, проскользнули нотки неуверенности.

— Так сами же, только что, ели ноги от волколаков унесли, — ласково, словно деревенскому дурачку, начал объяснять староста. — А ежели они не ушли далеко? Захочет ли отец-послушник рисковать? Ему шибко спешить некуда. Ему важней пятину в целости довести и головы своей при этом не сложить. Так что думаю, ещё трошки, вы у нас погостите.

— Ну, это как Трое решат, — примирительно заметил Тимофей, потянувшись к

баклажке.

Дальнейшее мне запомнилось смутно. То ли вар этот слишком крепким оказался, то ли питок из меня никудышный, но развезло меня крепко. Помню, что ещё пару раз выпивали, потом я, вроде, уговаривал заспешившего куда-то Никодима остаться и не рушить компанию, затем залиvisto смеялся шуткам, начавшего хохмить Тимофея, клялся в вечной дружбе Гонде, успел поцапаться с Лузгой, потом.... Потом вроде кто-то меня куда-то потянул, жарко нашёптывая на ухо, потом...

Ведро ледяной воды, окатившей с ног до головы, резко привело в чувство. Я зло выматерился, непроизвольно мотнув головой, зябко передёрнул плечами и огляделся по сторонам, в поисках кандидата в набитие морды.

Открывшаяся картина, откровенно говоря, мне совсем не понравилась. Наступила ночь. Деревня погрузилась во мрак, который лишь подчёркивали пара тускло светящихся окон в доме неподалеку. И лишь огромная, с большую тарелку луна, нависшая, казалось бы, прямо над головой, позволяла хоть что-нибудь разглядеть.

Я стоял возле примеченного мною ранее колодца. Рядом, отчаянно ругаясь, отряхивалась давешняя Глашка. Ну, та, что еду нам принесла. Судя по всему, часть водяного душа перепала и ей. Возле колодца же, деловито сопя, копошился Гонда, как раз, в этот момент, извлекая очередную порцию воды.

— Ты что рехнулся?! — накинулся я на друга, непроизвольно сжав кулаки. — Ты что творишь?!

— Очухался, значит? — ничуть не смутился тот. — Ну что? Соображать начал? — Гонда в раздумье покосился на ведро в руках. — Или ещё добавить?

— Да чтоб ты сам в это ведро окунулся и вместе с ним в колодец провалился! — решила конкретизировать свои ругательства Глашка. — Нерюх ушастый!

— Эк сказанула! — впечатлился тот и повернулся ко мне. — Не братишка, тебе много пить нельзя! Совсем соображать перестаёшь. Я тебе талдычу, талдычу, а ты даже слов не слышишь. Прёшься вслед за этой, — Гонда презрительно мотнул головой в сторону, продолжавшей рекламировать его достоинства, Глашки. — Прямо как баран в стойло! — мой друг сокрушённо покачал головой. — Прав Тимофей. И как ты до своих лет дожить умудрился! Просто чудо какое-то!

— Да что случилось то? — меня затряс озноб, то ли от холодной воды, то ли от страшной догадки.

— То и случилось, — буркнул в ответ Гонда и, повернувшись к продолжавшей голосить бабе, зло процедил. — Да угомонись ты уже. Видишь, не вышло у вас ничего.

— Не вышло и не вышло, — неожиданно сразу успокоившись, передёрнула плечами та. — А только зря ты вмешался. Ему всё рано до города не добраться. Не здесь, так в другом месте переймут. А я бы его напоследок приласкала! — Глашка окинула меня откровенно наглым взглядом. — Он симпатичный.

— Старосту вон ласкай, — окрысился Гонда. — Или Тимофея!

— Спасибо за заботу, друже, — обрадовался Тимофей, выходя из-за угла дома и встав аккуратно между дверью и нами. За его спиной нарисовались ещё трое угрюмых мужиков. — Ты я гляжу, за всех переживаешь. И за меня, и за ущербного этого, — кивнул щербатый в мою сторону. — Тебе бы не ушлёпком быть, а в жрецы податься!

— Это уж как Трое решили, — Гонда напрягся, засунув руку за пазуху.

Я, поняв, что дальнейшая беседа не сулит нам ничего хорошего, быстро схватил

довольно увесистый камень валявшийся возле колодца. Пальцы до боли в суставах стиснули ребристую поверхность.

Чёрт. Нужно каким-нибудь оружием в будущем разжиться! Если, конечно, оно у меня будет — будущее это. На душе стало паскудно. Похоже, из этой жопы мне уже не выбраться. Ладно сам сгину, так ещё и друга за собой утяну. Прав Тимофей — нечего со мной нянчиться было!

— Да вы не суетитесь так., — Тимофей с интересом наблюдал за нашими с Гондой телодвижениями. — Неужто же десяток мужиков с двумя сопляками справится, не сможет?

Я, ещё больше похолодев, обернулся и увидел, как с другой стороны надвигаются ещё несколько тёмных фигур.

— А проблем со жрецами не боитесь? — вкрадчиво поинтересовался Гонда. — Совсем вы обнаглели. На постое изгоев вязать.

— На каком постое? — деланно удивился, потихоньку приближаясь, Тимофей. — Кто видел то? Подорожнички ваши спят без задних ног, а больше послухов и нету. Сами вы сбежали. Как есть сами! — Щербатый сокрушённо взмахнул руками. — Ну, это не беда! Мы отцу-опричнику повинимся за недосмотр и пообещаем его исправить. Всей деревней ловить будем! — Горячо заверил нас Тимофей. — И если Трое благословят, обязательно со временем споймаем, — и задорно подмигнул мне, гадёныш.

— Думаешь, послушник поверит? — решил вмешаться в разговор я. — Со стигмой убежать, дураков нет. Тем более, вдвоём.

— Не поверит, конечно, — легко согласился со мной Тимофей. — Только ему дела нет до вас. Раз такие олухи, что схватить себя дали, значит, на то воля Троиш будет. А жрецам и князю сплошная польза. И вас вернут, и ещё шестерых в довесок получают!

— А не боишься, что я заору сейчас? — сухо поинтересовался Гонда, напряженно всматриваясь в Тимофея. — Вои, вон, по соседству ночуют, — кивнул он на освещённые окна. — Не спят ещё, поди.

— Ещё как спят, — неожиданно подала голос Глашка. — Дядька Никодим их от души напоил. А меня послал, только когда убедился, что спят все крепко, — баба причмокнула губами и звонко рассмеялась. — Тяжко им завтра будет. Уж точно не до вас!

— Ну, хватит из пустого в порожнее переливать, — похрустел пальцами щербатый, повернувшись к Гонде. — Ты парень ушлый. Это я сразу понял. Ты же для себя его, зачем то бережёшь, — кивок в мою сторону. — Но сейчас тебе бы самому ноги унести. Мы можем забрать вас обоих. Но этот малохольный, — и опять, сволочь, в мою сторону кивает, — кое в чём всё-таки прав. Двое из четверых — многовато. Поэтому уговор такой. Мы твоего дружка забираем, Глашке под крылышко. Она у нас баба горячая! — Тимофей сладостно причмокнул. — И ей в радость, и ему хоть какое-то утешение напоследок. А ты иди себе, досыпай. А поутру скажешь, что не видел ничего. А мы за то вам гостинцев с избытком занесём. И всем хорошо будет!

Гонда не ответил, продолжая не сводить с Тимофея глаз.

— Прав он, Гонда, — решил я развеять колебания друга. — Нечего тебе из-за моей дурусти пропадать. Что смог, ты сделал, — несмотря на мокрую одежду и довольно прохладный ветер, меня бросило в жар. Для себя я уже решил, что как баран в стойло послушно не пойду. Хоть кому-нибудь из мужиков голову проломить постараюсь. Желательно, конечно, Тимофею. Заодно и за ворота посчитаюсь. — Видно судьба у меня такая.

Гонда смерил меня взглядом, с ног до головы, и неожиданно расхохотался: — Не обижайся Вельд, но ты и вправду странный какой-то! Какая судьба?! Всё Трое решают! — он повернулся к Тимофею и, с вызовом, добавил: — И сегодня они решили, что Глашка будет спать одна!

— С чего бы это? — мгновенно напрягшись, щербатый сделал ещё шаг в нашу сторону.

— С того это, что мы не спим давно, — раздался злой голос от двери.

— И молчать поутру не собираемся, — согласился с другом Марк.

— А может, вы нас всех четверых повяжете? — вкрадчиво поинтересовался Гонда, у насупившегося Тимофея. — Одного отец-послушник даже не заметит, двоих, поморщившись, простит, но всех утащить! — Гонда, с показным восхищением, развёл руками. — Я даже не представляю, что будет, — друг озадаченно почесал голову. — Просто о такой наглости даже старики не сказывали. О вашей деревне легенды слагать будут!

— Вернее о том, что от неё останется, — решил поправить Гонду Лузга. Он, прислонившись к дверному косяку, с любопытством наблюдал за разворачивающимся действием.

Тимофей несколько секунд, с каким-то злым интересом, рассматривал моего друга, потом что-то решив для себя, сплюнул и растворился в темноте. Мужики, так и не проронившие, за время переговоров, и полслова, всё так же молча, последовали за своим вожаком.

— Жаль я у ворот тебя не пришиб, — послышалась уже издалека и вскоре всё стихло.

Я, молча, вытер холодный пот со лба, чувствуя, что меня начинает изрядно потряхивать.

— Нескучно ты живёшь, Вельд, — широко зевнул Лузга, отлепляясь от косяка. — Я тебя только один день знаю, а ты уже умудрился столько раз в дерьмо вляпаться, что и иная свинья столько не отыщет!

— Ты смотри. Трое пока тебя берегут. Но им может и надоест. Боги так непостоянны, — добавил Марк, направляясь вслед за другом.

— Пошли в тепло. Ты продрог совсем, — положил мне руку на плечо Гонда. — Тебе с твоим везением ещё и простудиться, не хватало. Тут хоть умри, возницы в свои телеги не пустят.

Внутри было относительно тепло. Печка весело потрескивала, только что закинутыми дровами, рядом с ней, положив под себя по два тюфяка-матраса, громко похрапывали Марк с Лузгой. Я даже позавидовал. Тут иной раз весь извертишься, пока уснёшь, а эти только коснулись головой подушки и уже в царстве Морфея.

— Снимай одежду и к печке двигайся, — деловито распорядился Гонда. — Продрог вон весь. А тут ещё и дует со всех сторон. Подхватишь горячку — нянчись тогда с тобой.

У меня подкатил комок к горлу.

— Опять ты меня выручил, — покаянно посмотрел я на друга, скидывая промокшие обноски. — Во всём прав это урод. Придурок я и с головой не дружу. Ты же говорил, что в деревне остерегаться местных нужно и что напоить могут и даже с бабой угадал. Вот только, сколько осляте псалтырь не читай, он умней не станет. Вот и я... Как тот осёл, — я горестно уставился на весело подмигивающий в печи огонь.

— Да не расстраивайся ты так сильно, — Гонда кряхтя, задвинул на дверях массивный засов, (собственно говоря, единственную прочную вещь в полуразвалившейся халупе). — Это из-за пустоши всё. У нас в деревне бают, что даже если милостью Троиx кому-то оттуда невредимым выбраться удаётся, то он всё равно несколько дён сам не свой ходит. И глупости

разные вытворяет. Видно Лишний так забавляется! Даже отцы-радетели ходоков в запретный город только раз в седмицу посылают, чтоб в себя прийти могли. Тогда хоть надежда есть, что с добычей вернутся. А у тебя ещё и с памятью беда. Чего же хорошего ожидать? Но я думаю и у тебя, со временем, всё наладится. Главное до Вилича благополучно дойти. Но тут я уж пригляжу.

Мой друг ненавязчиво забрал из моих рук одежду и ловко пристроил на небольшие жердины возле печки.

Я почувствовал, как на глазах начали наворачиваться непрошенные слёзы. Пусть мир тут поганый и могучим властелином мне не быть, но хоть с другом повезло. И, похоже, сильно повезло. Что люди здесь в основном дерьмовые и каждый ради грошовой выгоды, готов ближнего своего на куски порвать, мне и дня хватило понять. И тем невероятнее была удача подружиться с Гондой. Другом, который поможет, научит, да и просто в беде не бросит. Вон даже рискнул с Тимофеем сцепится, хотя мог просто в сторону уйти.

— А почему ты на предложение Тимофея не согласился? — решил поинтересоваться я, пододвигаясь поближе к печке. Языки пламени весело танцевали на осиновых поленьях, окутывая теплом. — Положение то безнадежное было. Ещё и тебя бы из-за меня схватили. Это же просто чудо, что Марк с Лузгой так вовремя проснулись. Вон как храпят, — мотнул я головой в их сторону. — Их и из пушки не разбудишь!

— Так ты не понял ничего?! — весело рассмеялся мой друг, присаживаясь рядом. — А ну да. Ты же не от мира сего, — хлопнул он меня по плечу. — Всё же с самого начала ясно было. Как только мы в деревню прибежали! Люди здесь плохие. Вот в чём дело то.

— Ну, это-то понятно, — согласился я с ним. — Хорошие ворота закрывать бы не стали.

— Да нет, — поморщившись, Гонда сокрушённо покачал головой. — То, что ворота перед нами закрыть пытались, это как раз нормально. Кому какое дело до чужого обоза? Свои лапти дороже чужих сапог. Так что, если бы обоз не жреческий был, ни в жизнь не открыли бы, — юноша неспешно развязал узелок и, достав небольшую деревянную баклажку, смачно приложился к ней. — Будут они рисковать из-за случайных путников! Если волколаки за ворота проскочат — беда будет. Живучие твари! — Баклажка перекочевала ко мне. — Года три назад к нам в деревню две такие зверюги заскочили. Фомка-кривой вару на посту нажрался и чего-то там не доглядел. И зачем он ворота открыл? У него уже не спросишь. Они его первого загрызли. Насилу этих тварей одолели. А если бы их больше было?

— И многих загрызли? — поинтересовался я, с наслаждением глотнув чего-то холодного и освежающего, по вкусу похожего на квас.

— Да почти два десятка, — вздохнул Гонда, поворошив палкой угли. — Очень уж лютые были. Да вдову Фомки, в тот же день, вместе с детьми на ночь глядя из деревни выгнали. Хорошо не убили.

— Чего же хорошего то? — не согласился я. — Ночью в лесу всё равно далеко не уйдешь. Кто-нибудь да обязательно схарчит. Сам же говорил.

— У нас деревня у самого края леса стоит. — Гонда убрал баклажку обратно. — И река рядом. Может и уцелели. Тут уж как Трое решат.

— А почему эти... Ну, волки, днём на нас напали?

— Не волки, а волколаки, — поправил меня мой друг. — Волки то помельче будут. А что днём напали, так кто же их знает! — пожал он плечами. — Обычно они на охоту только

с закатом выходят. Не любят они солнца. Пережидают его где-то в лесу. Может, вспугнул их кто-то более сильный. Или оголодали совсем. Хорошо деревня рядом уже была. Не отбились бы мы.

— Ну, в этом я не сомневаюсь, — согласился я. И вернулся к заинтересовавшему меня вопросу. — Деревня то почему плохая? По мне, так моя не лучше.

— А ты разве не заметил, — покосился на меня Гонда, — что никто баллот вчера не тянул? А ведь это по обычаю, в тот же день по приезду делать надобно. Смекаешь?

— Это значит они уже кого-то? — похолодел я от внезапной догадки.

— Видать, в прошлом годе, тоже о таких же как мы горемыках, заботу проявили, — зло процедил Гонда. — Понравилось на чужой хребтине выезжать. Поэтому ни я, ни вон они, — друг кивнул в сторону все громче храпевших ребят, — и не удивились, когда староста пожаловал и варом угощать стал. Прямо как гостей дорогих, — Гонда презрительно сплюнул. — Про тулуп заляпанный, и не вспомнил!

— И всё же пить с ним стали? — поразился я.

— Так нам-то, как раз, ничего и не грозило, — весело усмехнулся мой друг. — Даже Лишнему ясно, что староста именно на тебя глаз положил. Тут народ глазастый. Сразу поняли, кого окрутить легче будет. К тому же Никодим, не зря, поначалу, с воями бражничал. Наверняка выведал, что твоего односельчанина, как раз, волколаки у ворот и сожрали. А остальным и дела до тебя быть не должно. Лишь бы силком не волокли. А так и пожрали и вару выпили — красота! А больше одного им и не надо было. Сам видел!

— И ты меня не предупредил, — обиделся я.

— Так я думал, что ты тоже понял, — виновато потупился тот. — Тут и дураку ясно было. К тому же, я заранее с ними договорился, — кивок на лежаки, — что на дармовщинку пожрём, но за тобой присматриваем и местным не отдаём. Да мальчика не рассчитали, — Гонда вздохнул. — Тут моя вина. Уж больно вар крепкий был. И сам заснул, и засов не закрыл.

— Но проснулся же! — я положил руку ему на плечо, — и меня опять выручил. Чуть сам не пропал! — я с уважением посмотрел на своего друга. — Смелый ты! Их вон, сколько было, а не испугался. Не бросил.

— Я не смелый, я предусмотрительный, — развеселился тот. — Я когда увидел, что ты с бабой ихней на выход наладился, в первую очередь Лузгу растолкал, а потом уже вслед за тобой кинулся. Ох, и чудной ты был! — приобнял он меня. — Не соображаешь ничего, лепечешь только что-то бабёнке этой. И как клеш в неё вцепился! Хорошо, колодец рядом был!

— А этот щербатый. Как его... Тимофей отомстить не может случаем? — забеспокоился я. — Уж больно зло он на тебя смотрел. А мы как я понял, здесь задержимся.

— На день точно, — помрачнел Гонда. — Да только беспокоиться нужно не мне, а тебе. Один я им навряд ли попадусь, а при послухах они никого из нас и пальцем не тронут. А вот ты остерегись! — внимательно посмотрел он на меня. — Не верю я, что Никодим с Тимофеем от своей задумки так просто откажутся. Так что завтра никуда не отходи. И чтоб всё время у меня на виду был. И давай поживать. Ночь уже на дворе.

Ко мне сон не шёл. Слишком много событий преподнёс этот длинный первый день моей новой жизни. Мозг, не желая считаться с усталостью тела, заново прокручивал весь мой дневной путь: моё появление в этом мире; разговор с сестрёнкой и отцом; события на площади; злоба Калистрата; дорога; донос Силантия; бегство от стаи волколаков; застолье, с

последующей попыткой похищения. События с самого начала понеслись вскачь, не давая мне прийти в себя, как следует осмыслить происходящее. И только теперь я начал по-настоящему осознавать, что, похоже, попал в этот мир надолго. Да что там лукавить. Скорей всего навсегда. И если не сумею в кратчайшие сроки адаптироваться, то это навсегда, может занять очень короткий отрезок времени. И никакой Гонда тут не поможет. Не вездесущий же он! Не будет вечно рядом находиться. И, в первую очередь, нужно перестраивать мышление. Непуганый я какой-то. Всем верю, подвохов не жду. Видать, в том, прошлом мире, с этим как-то попроще было. Это как домашнего щенка, не видевшего ничего, кроме ласки хозяев, внезапно на улицу выкинуть. Он и кусаться то добром не умеет, а вокруг уже жестокий враждебный мир.

И вот в чем беда... Этот мир мне не нравился... Совсем...

* * *

Пробуждение было тяжёлым. Все тело немилосердно ныло и чесалось, голова раскалывалась от боли, будто перезревшая тыква. И то, что меня при этом ещё и энергично трясли, самочувствия никоим образом не улучшало.

— Толик, отвяжись! — зло рявкнул я, с трудом поднимая налитые свинцом веки. — И без тебя хреново! Лучше бы за пивом сгонял!

— Экий ты яр! — весело заржали мне прямо в ухо. — Пиво только в городе подают. Да не за так, а за гроши! А у нас даже вару нет. Ты вчера весь вылакал!

Я подскочил как ужаленный и вылупился, ничего не понимающим взглядом, на улыбающегося Гонду.

— Ну и здоров же ты поспать, — заметил тот, ухмыляясь. — Светать вскоре начнёт, а тебя не добудишься. Иди, умывайся, давай, да снестать сядем, — Гонда вскочил, пошебуршил почти остывшую золу в печи и, чуть помедлив, с любопытством спросил: — А кто такой Толик?

— Нету больше Толика. — пригорюнился я. — Спёкся вместе с Лишним вашим.

В душе нарастало сильнейшее разочарование и даже какая-то обида. А так хотелось, чтобы это был лишь сон. Кошмарный дурацкий сон. Я домой хочу. Там лучше. Не помню как, но лучше. Я это точно знаю!

— Сгорел, что ли? — поинтересовался между тем Гонда, скептически осматривая остатки провизии. — Вместе с домом?

— Хуже, — я всё больше мрачнел, безуспешно борясь с накатывающим отчаянием. — Вместе с миром. И, похоже, навсегда.

— А ты говорил, что со временем, это у него пройдёт, — заявил, входя Лузга. — А, по моему, только хуже становится.

— Ты что такой мрачный? — заметил моё состояние Гонда. — Хотя о чём я! — он шустро вытащил свою заветную баклажку. — На, отпей сбитня. Полегчает.

— Ну, ты вчера и погулял! — заявил Лузга, развязывая свой узелок. — Я, конечно, сразу понял, что тебя Лишний по голове чем-то в колыбели ткнул, но чтоб настолько!

— Это да, — задорно подхватил от двери Марк. — Кто бы видел, как Никодим от твоих

объятий отбивался! Сразу по делам куда-то убёг! В деревне узнают, его на смех подымут.

— Я же по-дружески, — сбить головную боль чуть-чуть унял, но настроения не улучшил. — Ничего такого.

— А с вдовушкой тоже по-дружески побеседовать подался? — ехидно подковырнул меня Лузга. — А она хороша! Сдобная! — сладострастно причмокнул он губами.

— Я бы с ней пару ночек тоже подружил, — согласно кивнул Марк, располагаясь у накрытой скатерти.

— Хороша Глаша, да не наша, — резко отрубил Гонда. — Чего привязались? Не видите? Ему и так тошно! — и повернулся ко мне: — Иди, мойся, давай. А то без тебя всё слопаем.

Снаружи было раннее утро. Солнце ещё не взошло, лишь робко окрасив горизонт алым цветом и превратив ночную тьму в неясный полумрак. Но деревня уже не спала. По узеньким улицам, то и дело, важно проходили мужики, сдержанно здороваясь друг с другом, куда-то прошествовала стайка девушек, оживлённо что-то обсуждая и бросая в мою сторону любопытные взгляды, появилась ребятня. Мда. И это я поспать люблю? Просто кое-кто слишком рано встаёт! Поеживаясь, всё-таки на улице было довольно свежо, я подошёл к ставшему мне почти родным колодезю. Рядом стояла внушительных размеров бадья, прихваченная за ушки ржавой металлической цепью.

Да уж. Это не пятизвёздочный парижский отель. Тяжело вздохнув, я забросил бадью в колодец. Вода была настолько ледяная, что у меня появился соблазн данное мероприятие пропустить, но чувство разума победило. Так и завшиветь недолго. И так уже чесаться начал. Надеюсь, в моей будущей школе баня есть или душ, на худой конец. О ванне я уже и не мечтаю. Умывшись, зачерпнул ещё одну бадью и, дождавшись, пока уляжется рябь, с любопытством уставился в воду. Всё же второй день, как тут гуляю, а как сам выгляжу, понятия не имею. Нет. Всё что можно, я конечно, уже рассмотрел. Но вот лицо своё увидеть, пока не успел. Не попадалось мне вчера по дороге зеркал. И, учитывая сложившиеся на данный момент обстоятельства, в дальнейшем на такую удачу рассчитывать, не приходится. Ну что тут сказать? Лицо как лицо. Ничего выдающегося, в общем. Чёрные, коротко стриженные волосы, карие глаза, не крупный, чуть толстоватый, на мой взгляд, нос, да где-то уже довольно сильно поцарапанная щека. Вот и все достопримечательности. Как сейчас говорят, усреднённый типаж. Где-нибудь в толпе, я бы себя и не узнал, наверное. Ну что же. Будем использовать то, что есть в наличии. В магазин поменять уже не отнесёшь.

Позавтракали, на удивление, молча. Марку с Лузгой очевидно уже надоело зубоскалить по моему поводу, а Гонда задумался о чем-то своём, механически подметая с импровизированной скатерти остатки наших скудных припасов. Мне же вообще было не до разговоров. Тоска разъедала душу похлеще серной кислоты. После завтрака Марк с Лузгой вновь удобно расположились на матрасах. Гонда же, выудив из своей шапки иголку, принялся зашивать прореху на рубахе.

— Всё равно спешить некуда, — пояснил он мне.

— Неужто сегодня не тронемся? — помрачнел я.

Всего день пути, а меня, если откровенно говорить, уже с души воротит. И не столько от дороги, довольно муторной по своей сути, сколько от неопределённости. Скорей бы уж Виллич. Там хоть полностью прояснится, что меня ожидает.

— Неа, — отрицательно покачал головой Гонда. — Прав был Никодим. Не рискнёт отец Мефодий дальше тронуться, пока волколаки неподалеку крутятся. Переждать решит.

— А куда ему спешить то? — решил вмешаться в разговор Марк. — Сиди себе у

старосты в доме; угощение трескай да варом запивай. Лепота! — Марк мечтательно поднял глаза к небу и выразительно причмокнул губами: — А коль приспичит, могут и девку найти. Староста расстарается. Хотя бы ту же Глашку, — покосился он в мою сторону.

— Я вон не совсем понимаю, — решил прояснить я этот вопрос. — Она что гулящая, какая, что ли? Или это у вас нравы такие? В деревне вроде с блудом строго должно быть, как мне помнится.

— Смотри—ка. У вас! — фыркнул со своего лежака Лузга. — А себя он на особицу считает!

— Заморский, наверное. Иль со срединных королевств, — согласно заржал Марк.

— С блудом у нас строго, — хмыкнул Гонда, закручивая нитку в замысловатый узелок, — но только это девушек, ну и баб замужних касаемо. Этих, ежели споймают, враз живыми в землю закопают. А вот если баба овдовела, тут другое дело совсем. В деревнях то баб почитай вдвое больше, чем мужиков, будет. Жизнь слишком непростая. Иные совсем молодыми овдоветь успевают. Вот им ухажёров иметь не возбраняется. И нам, как говорится, хорошо, — Гонда бодро хохотнул, — и им удовольствие и вспоможение какое— нито.

— А Глашка значит, тоже вдова? — почесал я голову.

— Ну да, — согласился мой друг. — Мужика может зверь, какой в лесу задрал, аль хворь какая приключилась. Да тут много чего случиться может. А баба ещё в самом соку, — Гонда наклонился ко мне и лукаво прошептал. — Что понравилась? Вот до деревни дядьки моего дойдём. Я тебя к одной такой сведу, — он мечтательно причмокнул. — Не хуже будет!

— Ты же сам говорил, что нам никуда отлучаться нельзя, — удивился я.

— Я же говорю. Дядька мой родной, там старостой, — постучал мне пальцем по лбу Гонда. — Там ни одна свинья на нас косо не посмотрит, — и хитро прищурившись, вновь начал соблазнять. — Ну что, сходим до вдовушки? А Вельд? У неё и подруга есть. А то потом, этого дела долго не распробуем!

— Там видно будет, — почувствовав, что начинаю краснеть, потупился я и спросил, желая переменить тему: — А почему вы так уверены, что послушник сегодня не поедет? Никодим сказал?

— Нет! Сам отец Мефодий пришёл! — сквозь дружный хохот начал объяснять мне Лузга. — Очень за задержку извинялся!

Я, молча, выложил свою снедь и запихал кусок хлеба в рот. И чего ржут? Объяснить толком, что ли, нельзя?

— Не обижайся, Вельд, — положил мне на плечо руку Гонда. — Просто ты иногда такое скажешь. Сам Лишний со смеху умрёт! Зато с тобой весело!

— Станет староста утруждаться, нам что—то сообщать, — помрачнел Лузга. — Особенно в такую рань. Мы для него никто. Он и вчера то к нам пришёл потому, что свой интерес имел.

— А с чего же тогда взяли, что сегодня в деревне останемся? — начал я уже злиться.

— Так видишь у дома старосты до сих пор тихо всё? — решил объяснить мне Гонда. — Если бы послушник вчера в дорогу собирался, возницы уже шевелились бы: быков покормить, товар проверить и на телегах по новой закрепить. А так тоже дрыхнут. Да и народ вишь по своим делам идёт, к погостью не спешит. Нет, сегодня никак не поедем.

Гонда оказался прав. Послушник, проспав до позднего утра, вышел, когда солнышко сияло уже вовсю. Сходил до ветру, постоял на крылечке, покричав для порядку, на сразу

засуетившихся мужиков и, мазнув в нашу сторону равнодушным взглядом, вновь скрылся в доме. Пузо жратвой набивать, как хмуро заметил Лузга. А затем потянулось время, которое занять было абсолютно нечем. Марк вернулся в сарай и вновь завалился спать, заявив, что так брюхо меньше подводит. Лузга просто слонялся по двору, время от времени что-то недовольно бурча себе под нос. Я же подсел к расположившемуся на солнышке Гонде. Вопросов за прошедший день накопилось изрядно.

— Слушай Гонда. А что это Мефодий с быками такое сотворил, что они как бешеные понесли? Это магия или как?

— А то, что же? — покосился он на меня. — Камень мажеский у него был. Как раз для такого случая припасённый. Силу мажеску в кристаллы, что у быков на шее, влил. Вот они и понесли.

— Так он что? Тоже маг, что ли? — озадачился я.

— Ты такое кому-нибудь ещё не скажи! — Гонда даже головой вокруг покрутил. — Враз за хулу на жреца схватят! Ещё и бока намнут. Пока к отцам-вершителям на правёж доставят.

— А как же тогда? — удивился я. — Разве простой человек магической вещью воспользоваться сможет?

— Только простой человек и сможет! — Лузге, очевидно, надоело без дела слоняться около дома, и он подошёл к нам. — А вот колдун нет!

— Почему? — окончательно выпал я в осадок.

— Потому что богами запрещено, — почесал щёку Гонда. — Магам ни камнями магическими, ни оберегами пользоваться нельзя. За этим отцы-вершители строго следят. И ослушников сразу смерти лютой придают.

— А пользоваться камушками всякий может, — Лузга удобно устроился рядом с Гондой на заменявшее скамейку толстое бревно. — Главное, чтоб сила мажеска в них была.

— Вижу, не понял ты ничего, — хмыкнул Гонда, взглянув на мою озадаченную физиономию. — Ну, вот гляди, — он неспешно порылся за пазухой и извлёк маленький, чуть больше горошины камешек тёмно-бурого цвета. — Вот это тоже камень мажеский. Сумеречницей кличут. Таких возле каждого проклятого города много найти можно — Гонда положил камень на ладонь и сунул мне его под нос. — Ты думаешь, почему мы вчера полночи со старостой пировали и при этом, хоть в потёмках и сидели, но всё видели? Да и утром, мы с тобой снестать сели не вслепую. А всё потому, что камешек этот тьму рассеивает!

Я аккуратно взял камешек из рук Гонды и поднёс к глазам. Камень как камень. Ничего особенного. Попадись мне такой на дороге, даже внимания бы не обратил. Покосился на Гонду. Не шутит ли? Но мой друг смотрел серьёзно и внимательно.

— Вижу, сомневаешься, — усмехнулся он добродушно, забирая у меня кристалл. — Нычё. Сёдня вечером покажу. Нужно лишь его в руке сжать и подумать, чтобы светлее стало. И вокруг тебя на несколько шагов всё видно и станет.

— И у Мефодия, значит, такой же камень?

— Не. У него камень не этому чета! — потянулся Лузга. — Сумеречница в каждой избе есть. И цена ей полполушки. А у отца-послушника камень дорогой. На него всю деревню купить можно!

— Зато теперь его к колдуну нести надо. Силу мажеску в него по новой вливать! — возразил Гонда. — А Сумеречница сама за день в себя силу ту соберёт и можно опять

пользоваться!

— А почему так? — удивился я. — Раз она дешевле, так хуже должна быть.

Гонда обречённо поднял глаза к небу и шумно вздохнул.

В общем, из его рассказа я узнал следующее. В этом мире существовало два вида магических предметов: магические камни — кристаллы и обереги.

Наследие подлых веков, кристаллы были созданы учениками Лишнего — асурами и являлись, по своей сути, заключёнными в камень заклинаниями. В ту пору их много было. В каждом доме не один десяток магических камней лежал. На все случаи жизни, так сказать. После поражения Лишнего всё изменилось. Искореняя всё связанное с магией, отцы-вершители попытались уничтожить и кристаллы. Вот только сделать это оказалось нелегко. Камушки оказались очень прочными и к жалким потугам их сжечь, расколоть или расплавить совершенно равнодушными. Но и люди не пожелали отступить от задуманного, и выход был найден. И целые россыпи камней посыпались через борта кораблей и лодок, оседая на дне морей и океанов. Очень долго, после этого, магические камни были под запретом и только за одно обладание кристаллом, незадачливый владелец мог запросто лишиться головы. И только возрождённая великим Афронием магия, заставила вспомнить и о магических камнях. Стремясь взять вновь появившихся колдунов под контроль, жрецы решили противопоставить их магию кристаллов. Более быструю, более мощную, более смертоносную. Специальным эдиктом императора магам даже прикасаться к кристаллам запрещалось, под страхом немедленной смерти. Вот только и самих кристаллов в наличии практически не было. То, что было, в своё время на дно морское покидали, а новых изготовить не умели. Не было у современных магов для этого ни сил, ни знаний, ни могущества. Вот и приходится отцам-радетелям по всей империи людишек в ходоки набирать, да в древние города тех ходоков посылать. Только там камни мажеские добыть и можно. Потому и мало их. И цены на камни те неподъёмные. Ну, за редким исключением, конечно. Тут всё дело в том, что кристаллы те, по силе разные бывают. И если ту же сумеречницу, что мне Гонда показал, добыть довольно не сложно, эти камушки ходоки возле самой стены горстями собирают, то найти что-то более серьёзное — большая удача нужна. Что было, по окраинам уже собрали, а вглубь развалин ходоки не суются. И так десятками гибнут. Но у сильных кристаллов есть один недостаток. Чем сильнее кристалл, тем больше ему нужно магической энергии, а истратив, он накапливает её очень медленно, поэтому приходится прибегать к помощи мага, чтобы вновь его зарядить. И лишь самые слабые из них, которым и энергии то для работы требуется совсем немного, способны быстро восстанавливаться сами.

Что же касается оберегов, то их изготавливали уже современные маги. Были они слабы, ненадёжны, дороги и, сработав один раз, тут же приходили в негодность. Да и защищал такой оберег лишь от чего-нибудь одного, да и то не долго. Поэтому пользоваться ими могли только дворяне, жрецы, ну и наиболее богатые торговцы.

— Хорошо бы обереги научиться создавать, — блестя глазами, мечтательно протянул Лузга. — Вот только для этого силы немалой достичь нужно. Слабым магам они не под силу.

Так за разговорами и прошёл день. Местные на нас внимания почти не обращали. Ближе к полдню подъехал на подводе пузан с всклокоченной бородой и, проворчав себе в усы о бесполезном переводе топлива, сбросил вязанку неказистых дров, восполнив израсходованный нами запас. Значительно позже, к нам подвалил шустрый дедок, живо

напомнивший мне деда Паткула и, хитро прищурившись, намекнул, что может достать баклажку вару. Не безвозмездно, конечно. Подсобить по хозяйству ему надо. Впрочем взаимопонимания не нашёл и быстро укобылял по своим делам.

К вечеру неожиданно припёрся пьяный Русин. Денёк выдался на редкость тёплым, и мы продолжали отираться возле дома, не спеша перебираться внутрь. Первым его заметил Марк

— Глядите. К нам кто-то, похоже, ковыляет. Может харч несут, наконец?

— Не, — не согласился с ним Лузга. — Больно пьяный. Вон как его шатает.

— Я пить больше не буду! — тут же вскинулся я. — Мне вчерашнего надолго хватит!

— А нам здесь больше и не нальют, — грустно успокоил меня Гонда. — Да и вой это идёт. Только какого Лишнего ему от нас понадобилось?

Подошедший стражник и не подумал поздороваться. Несколько мгновений он всматривался в нас помутневшим взором, видимо пытаясь вспомнить, зачем вообще сюда пришёл, хмыкнул каким-то своим мыслям и, наконец, выдал: — Кто тут из вас Вельд и Гонда? Пошли!

— Куда это пошли? — и не подумал подниматься Гонда.

Воин с трудом сфокусировал взгляд на моём друге, осмысливая ответ, икнул, зачем то потрогал свой шрам на щеке и, наконец, соизволил уточнить. — За мной, пошли.

— А ты ничего не перепутал, дядя? — Гонда поудобнее расположился на брёвнышке, всем своим видом показывая, как ему тут хорошо. — Ты при обозе состоишь. Нам ты не указ.

— Да и мы не на твоей телеге, — поддержал его Марк, распрямляя плечи. — Тут мечом не помахашь.

— Зря вы так, — вновь икнул меченый в ответ. Было видно, что у него даже на то, чтобы разозлиться сил не осталось. — Вам с этим обозом ещё долго идти.

— Так и пойдём, — решил влезть в разговор и я. — К тебе в телегу не попросимся.

— А грозишься ты зря. Не в твоей мы власти, — спокойно заметил Гонда. — Если что, тебе же от Невронда и влетит, чтоб без указа не лез, куда не след.

— Так он меня за вами и послал! — обрадовался вой и, нахмурившись, задумался. — А я разве не сказал?

— А десятнику то мы зачем? — искренне удивился Гонда. — Ему-то до нас, что за докука?

— А то дело, что жалоба на вас от старосты тутошнего поступила, — важно изрёк Русин. — Бабу вы вчерась ссильничать хотели, — и сурово заявил. — Если вы под защитой Троих, это не значит, что местных обижать можно, — стражник опять громко икнул и махнул рукой: — Пошли уже. А то Невронд и трезвый строг, а пьяный совсем лютый становится. Да и у меня в глотке пересохло болтать тут с вами!

* * *

На погосте было довольно многолюдно. Деловито сновали туда-сюда мужики, на притулившейся к стенке лавочке расположились два полупьяных воина, периодически прикладываясь к довольно объёмистой посудине похожей на обрезанный кувшин, у околицы

стояли несколько пожилых женщин, полуживая семечками и изредка поглядывая в сторону входной двери, а у самого крылечка расположился седобородый дед, греясь в лучах ещё ласкового осеннего солнышка.

— Ждите тут, — буркнул Русин и скрылся за дверью.

— Не нравится мне это всё, — Гонда закусил губу. — Крутит что-то староста.

— Да ладно, — пожал я плечами. — Что он предьявить то может?

— Да придут с вами Трое, дедушка, — не ответив мне, повернулся Гонда к старику, поклонившись. Я повторил поклон, отметив про себя, что сделал это почти машинально. Вживаюсь, похоже, в этот мир помаленьку... Вживаюсь.

— И вас чтоб Лишний стороной обходил, сынки, — степенно ответил тот, цепким взглядом окинув нас обоих. — Никак с обозом вчерашним пришли? — поинтересовался он. — Колдуны будущие?

— Они самые, — и не подумал обижаться Гонда. — Что Трое решили, того не изменишь!

— Ну, ничё, — решил подбодрить нас дед. — И в ушлёпках люди живут. Всё лучше, чем ходоком в проклятый город брести, аль руду железну в копях добывать.

— Твоя правда, дедушка, — Гонда был сама вежливость и почтительность. — Меня Гондой кличут, а его, — кивнул он в мою сторону — Вельдом. А тебя как величать?

— Дедом Пахомом зови, — разрешил дед и хитро прищурившись, поинтересовался. — Видно интерес какой-то есть, коль разговор завёл?

— Да слухи последние узнать хотим, дедушка Пахом, — не стал ходить вокруг да около Гонда. — Мы здесь чужие, живём на отшибе. Никто и не заходит даже. Вот и словечком перекинутся не с кем.

— Никто не заходит, говоришь? — покачал головой Пахом, пряча улыбку в седой бороде. — Ну, значит, это вчера меня Никодимка варом полночи потчевал. До сих пор пьяный хожу!

— Тебе дедушка Пахом, сколько не наливай, всё равно ни в одном глазу. Только вар переводить! — вышедший из дома староста, слегка поклонился старику. — Да будут Трое с тобою!

— Пусть и тебя Лишний стороной обходит, Никодимушка, — степенно ответил тот.

Староста кивнул и повернулся к нам: — И вам благословения Трех отроки!

И смотрит так ласково, будто сыновей родных увидел.

— И тебя чтоб Трое вниманием не обделяли, дядька Никодим, — чуть запнувшись, ответил мой друг.

Не ожидал выдать, что староста на нас вообще внимание обратит, а не то, что поздоровается. Вон и Пахом бровями удивлённо повел. Я скороговоркой повторил за Гондой приветствие. Чёрт. Так скоро попугаем стану! В привычку войдёт каждое слово за ним дублировать. А с другой стороны, какой выбор? Пока в здешнюю жизнь не вживусь, лучше поменьше болтать, побольше слушать. Во всяком случае, при посторонних, а то опять чего-нибудь не то ляпну. И хорошо ещё, если в ответ только посмеются и дураком обзовут. А то могут и вновь в отступники записать. Кстати, а что, теперь разбираться с доносом Силантия будут? Доносчика то волки съели! Надо будет у Гонды, потом поинтересоваться.

— Если насчёт жратвы пришли, так я уже распорядился. Глашка сейчас снесёт, — Никодим лукаво мне подмигнул, вгоняя в краску. — Сама напросилась. Выдать глаз там на кого-то положила.

— Она его уже на полдеревни положить успела! — сплюнул под ноги Пахом. — Ты как хошь Никодимка, а урезонить её всё же надо! Оно, конечно, дело вдове, но меру тоже знать надо!

— Надо будет, урезоним, — отмахнулся староста и вопросительно уставился на нас. — Ещё чего хотите? Если вару, то нет! Буйные вы с него какие-то! Особенно ты, — обвинительно показал пальцем Никодим на Гонду. — Глашку нашу вон приревновал, когда она по любовному делу с дружкой твоим уединиться решила, обидел её, потом на мужиков, что заступиться, решили, с ножом кидаться начал. Хорошо, что народ у нас мирный и спокойный. Решили не связываться. Мол, что с дурного возьмёшь? Проспится — поумнеет! А ток мне мнится, тут не в варе даже дело, а в характере твоём паскудном! Я это ещё у ворот понял, когда ты мне тулуп новый, в крови весь изгваздал!

Я от такой наглости даже оторопел. Это надо же так всё с ног на голову перевернуть! И говорит то как... Убедительно! В голосе и нотки возмущения на хамоватого недошлёпка проскользнули; и оттенок сожаления присутствовал — вон она какая молодёжь то пошла; и легкий укор чувствовался — мол, ну разве так можно? Мы к тебе по-людски, а ты? Ну, я-то ладно. Гонда, обычно за словом в карман не лазивший, похоже, тоже на мгновение опешил, не найдя сразу, что на такую наглость ответить. Нет, умён староста! Такого голыми руками и не ухватишь! Я, грешным делом, Калистрата за большого хитреца посчитал, но перед этим он, пожалуй, жидковат будет!

Никодим, с видимым удовольствием, полюбовавшись на наши ошеломлённые физиономии, продолжил, вкладывая в голос всю нерастраченную к ближним своим любовь: — Да вы не переживайте так-то! Вижу по лицам вашим, вижу! Самым уже за вчерашнее стыдно! Народ у нас не злопамятный! Простили уже давно! Уже со смехом вспоминают! Как безделицу, как случай забавный! Я и господине десятнику уже всё как было обсказал. Он тоже посмеялся!

И стоит гад, головой так укоризненно качает. Испоганил игру старосты, дед Пахом.

— Эк завернул! — с восхищением покачав головой, прошамкал он. — Я тебя Никодимка с малолетства помню. Когда ты без штанов, в одной рубахе, по деревне бегал. И сколько помню, ты всегда таким хитрованом был. Ещё когда мёд у бабки Степаниды весь в одну харю умял, а потом на друга своего Миколку свалил!

Никодим зло зыркнул на старика, хотел ответить что-то резкое, передумал и, повернувшись к нам, уже другим тоном процедил: — Так что, если жаловаться пришли, то пустое это! Обратно топайте! Нечего господине десятнику докучать!

Староста сплюнув, отвернулся и заорал на одного из вертевшихся поблизости пацанов: — Гришка, а ты что тут околачиваешься?! Скотину поить пора!

Парнишка шустро ломанулся в ближайший переулок. Никодим, поглаживая бороду, проводил его задумчивым взглядом и, больше не сказав нам ни слова, скрылся в избе.

— Так что ты узнать то хотел, внучок? — прошамкал дед, вопросительно посмотрев на Гонду.

— Да узнал уже всё, — очнулся от ступора Гонда. — Ну и шустёр! — озадаченно покачал он головой. — Я-то думал, что он затаится, за вчерашнее опасаясь, а он ещё вперёд нас жаловаться побежал! Доказывай теперь!

— Ничего у него не выйдет, — попытался успокоить я своего друга. — Если что, Лузга с Марком подтвердят.

— Оно и так ясно, что не выйдет, — растерянно почесал голову Гонда. — Понять бы,

зачем он всё это вообще затеял?

В дверь вывалился Русин, похоже, ставший ещё пьянее, насколько это, конечно, было возможно.

— Иди, давай, — уставился он на Гонду. — Невронд кличет, — и повернувшись ко мне. — А ты тут жди. Десятник по одному опрашивать будет, чтоб сговору, значитса, не было!

Гонда досадливо поморщился и, кинув на меня быстрый взгляд, строго предупредил:

— Отсюда не уходи никуда, даже если сам Лишний позовёт. Понял?

— Можешь даже не сомневаться, — хмыкнул я в ответ. — Я на своих ошибках учиться умею!

— Ну, смотри, — Гонда прислушался к пьяному гомону. — Долго я там не задержусь.

И вошёл, вслед на меченым, в дом.

Я огляделся по сторонам, не заметил ничего подозрительного и, прислонившись к стене, сложил руки на груди, с твёрдым намерением не сделать отсюда и шага.

— Серьёзный у тебя друг. Строгий, — Пахому явно хотелось поговорить.

— Зато надёжный, — пробурчал я. — Если бы не он, я так бы и остался в вашей деревне. Скорей бы из неё убраться.

— Так завтра и уедите, — обрадовал меня дед. — Мужики сегодня за ворота выходили. Добришко, что вчера в волколаков из луков метали, подобрать. Так прошлись по следам. В лес обратно стая то ушла. Их же много. Сидя возле деревни не прокормиться. А вам в другую сторону дорога.

— Это хорошо, — обрадовался я. — Скорей бы в город попасть.

— Это да, — согласился Пахом. — Оно, конечно, — и, вдруг, подскочив, уставился в сторону переулочка, в котором скрылся недавно пацанёнок. — Смотри. Что это там?!

— Где? — машинально развернулся я в ту сторону.

Вдруг в глазах на мгновение померкло. Меня замутило и даже слегка качнуло в сторону. Ощущение было такое, как будто я только что долго крутился вокруг своей оси, а затем, резко остановился. Накатило и, почти тут же, отпустило. Я мотнул головой в недоумении. Голову напекло, что ли? Да вроде не должно. Солнышко, конечно, припекает, но не сильно. Ласково так. Не лето же. Я проморгался, ещё раз, бросил беглый взгляд в сторону улочки, где что-то оживлённо обсуждали трое мужиков и краем глаза уловил какой-то блик у дома напротив. Хотел, уже было уточнить у старикашки, что это он там такого странного увидел, как вдруг замер на месте, выпучив глаза. Откуда бликануло? Не от этой же мутной слюды, что здесь в окнах стоит. Стекла то здесь и в помине нет. Вспыхнувшая догадка заставила сердце пропустить пару ударов.

Каинокамера это была! Прокололись сволочи! А ведь я уже практически поверил!

Кинув ещё один взгляд в злосчастный переулок, я заскрежетал зубами. Из-за спин мужиков выглядывала ехидная смутно знакомая физиономия, со сдвинутой на затылок кепкой. В следующее мгновение фигура, в мятой ветровке зелёного цвета, шустро метнулась к дому, сверкнув красными кроссовками.

— Толик скотина! Всё! Ты труп!!! — взревев, я со всей прыти кинулся к дому. В душе бушевал вихрь смешанных в один узел чувств: тут была и обида за подлый обман со стороны бывшего друга; злость на себя, что дал себя так подло разыграть; ярость и желание придушить не только Толика, но и всех, кто в этом балагане участвовал, но преобладало над всем этим чувство радостной эйфории! Это всё розыгрыш! Привычный мне мир никуда не делся! Вот Толику морду набью и вернусь домой! Прочь от этой унылой действительности, с

её безнадёгой!

— Толик! Лучше сам выходи! — проорал я, подбегая к дому. — Я тебя, сука, сейчас, по стенке размазывать буду! Очень долго и очень больно!

Мужики, выпучив глаза, опасно расступились, давая дорогу. Рванув, со всех дури, дверь и чудом успев пригнуться и тем самым избежать близкого знакомства с дверным косяком, я ввалился внутрь. В хате было тесно. В небольшой, даже по меркам местных стандартов, комнатке, находилось с полдюжины крепких мужиков, мрачно уставившихся на меня.

— А Толик где? — машинально спросил я, тщетно пытаясь разглядеть в полумраке знакомую фигуру.

— Да Трое с ним, с Толиком этим, — ласково, как-то даже заискивающе, произнёс Тимофей, выходя из-за спин мужиков. — Ты заходи, раз уж пришёл. Не поверишь. Рад тебе, как сыну родному!

Мужики дружно заржали и, не спеша, двинулись в мою сторону. Почувяв неладное, я попятился было к двери, но в неё уже протискивалась троица с улицы. Стало совсем тесно.

— Толик! Хорош прикалываться! Это уже перебор! — заорал я, отчаянно рванувшись к двери. Вернее попытавшись, рвануться. С десяток рук моментально облепило меня со всех сторон. Кто-то, жёстко ухватив за волосы, рывком запрокинув голову назад.

— Уроды! — заскрипел я зубами от боли. — Я же вас по судам затаскаю, твари!

И тут же поперхнулся, от заскрежетавшей по зубам горлышку баклажки. В горло хлынула вонючая обжигающая жидкость. Я попытался дёрнуться, но сильная рука лишь крепче сжала волосы.

— Ну, уж нет, — хихиканье Тимофея донеслось нечётко, словно уши плотно закупорили ватой. — Раз уж зашёл в гости, отведай моего угощения.

Откуда-то издалека донёсся хохот мужиков. Последнее, что я услышал, прежде чем провалиться в пучину беспамятства, был чей-то вопрос:

— А кто такой Толик то?

Я очнулся от дикой головной боли, паровым молотом пульсирующей у меня в висках и глухо застонал.

Господи, как хреново то! Надо заканчивать эти гулянки! Сопьюсь же в лоскуты! Вон ещё и кошмары стали реалистичные сниться. Так и до белочки докатиться можно запросто! И чёртиков... Зелёненьких, в крапинку! Хотя лучше уж чёртики, чем та жуть, что мне привиделась. В общем, решено. Прихожу в себя, бью Толику морду и завязываю... Морским узлом!

Я открыл глаза и тут же зажмурился от слишком яркого света. Чёрт, как плохо! Нет. Однозначно, завязываю! Рядом негромко звякнуло. Шаркающие шаги. К губам прижалась кружка. Живительная влага впиталась мгновенно, словно попала на высохшую после долгой засухи почву. Стало чуть легче. Я снова открыл глаза, проморгался, мотнул головой, пытаюсь стряхнуть накатившую было с новой силой дурноту и с недоумением уставился на склонившуюся надо мной фигуру.

Лицо местного водочерпия, без сомнения, принадлежало моему сверстнику. Выглядел он, правда, достаточно скверно. Оно и понятно. Синяк под левым заплывшим глазом, сломанный, причём явно неоднократно, нос, разбитые потрескавшиеся губы, ссадины на обтянутых кожей скулах, никого не украсят. Но главное было даже не в этом. Глаза... На меня смотрели глаза глубокого старика... Старика всё познавшего в этом страшном жестоком мире.

— Ещё принести? — скорее констатировал факт, чем спросил «старик». — Мне не трудно. Воды тут много, — и он пошаркал куда-то в сторону, направляясь за добавкой.

Я рывком поднялся с неровного каменного пола и тут же охнул, от скрутившей меня боли. Господи! Так и до пролежней провалиться недолго! Хоть бы половичок какой подложили!

Щуплая низенькая фигура, в изношенном до лохмотьев, грязном, сером плаще с капюшоном, между тем неспешно проковыляла, позвякивая тяжёлой ржавой цепью на правой босой ноге, к огромной деревянной кадке в углу. Негромкий всплеск и незнакомец, покачиваясь словно пьяный, прошествовал в обратном направлении.

— Пей уже, — втолкнули мне в руки кружку, брызнув на одежду. — Чего застыл как паломник у храма Троиц!

— Очухаться не может после угощения Никодимкиного! — зашевелилась груда тряпья у противоположной стены. — Хлебосольный у нас хозяин, радушный!

Новый собеседник закашлялся и, тяжело дыша, уселся облокотившись на стену.

— Хотите воды, мастер? — почтительно спросил его юноша и, вырвав у меня кружку, вновь заковылял к бочке.

— Спасибо, Ставр, — прохрипел тот в ответ, скидывая с головы капюшон. — Хорошо меня накрыло. Знатно. Мне и раньше такие заклинания тяжело давались. А тут ещё и сил почти не осталось. Думал, совсем окочурюсь.

Одежда мастера ничем не отличалась от лохмотьев Ставра. Такой же донельзя изношенный плащ, отсутствие обуви и даже цепь на правой ноге присутствовала. А вот сам он был далеко не молод. Если Ставра, хоть и с трудом, можно было признать моим сверстником, то мастер был гораздо старше, уже переступив ту грань, когда просто

пожилого человека начинают называть стариком. Правда, выглядел он чуть получше своего более молодого товарища. Лицо, хоть и сильно измождённое, но почти без ссадин, нетронутый немного крупноватый нос, пронизательный взгляд из-под густых бровей. И даже грязная, свисавшая какими-то несуразными клочками, борода, не портила общего впечатления.

Старик между тем жадно выхлебал принесённую Ставром воду, вытер грязным рукавом губы и, прищурившись, уставился на меня.

— Ну, здрав, будь, отрок! Благословения Троиц желать не буду, — усмехнулся он, — так как боги от тебя явно отвернулись, раз уж сюда попал. Меня Вимсом величают, его вон Ставром кличут, — кивнул он на водочерпия.

— И тебе здоровья, дедушка. А где я? — очумело уставился я на старика и зачем то пожаловался. — Что-то я плохо соображаю. Голова как чугунная!

— Это от зелья сонного, — объяснил мне сочувственно Вимс. — Но оно быстро выветривается. Скоро полегчать должно.

— А Толик где? — машинально поинтересовался я, сам до конца не понимая своего вопроса. Кто такой Толик и зачем он, собственно говоря, мне нужен, я понятия не имел. В голове всплыл ответ — в Караганде. Я тупо призадумался, пытаясь понять, где это может быть.

Вимс сокрушённо покачал головой и ничего мне не ответил. Наступило неловкое молчание. Я огляделся, получив частичный ответ на свой первый вопрос.

Где? Где? В подвале я нахожусь! Вот где! Причём довольно глубоко! До массивного бревенчатого потолка, с ярко светящейся лампочкой, метра три будет! И никакой лестницы, чтобы добраться до видневшегося посередине люка не наблюдается! Это как же мы сюда спустились? А как вылезать будем? Стены тоже бревенчатые, каменный пол и деревянная кадка с водой. Вот и весь незатейливый интерьер. Взгляд тупо зацепился за цепь на ноге Ставра. Поражённый страшной догадкой, я лихорадочно посмотрел на свои ноги. Так и есть! Цепь была. Внушительная такая, толстая, в общем, довольно солидная, несмотря на встречающийся местами налёт ржавчины. И тут воспоминания водопадом хлынули в моё сознание.словно какою-то плотину прорвало! Пробуждение в доме Вилима, Калистрат, Силантий, Гонда, Никодим, Толик... Толик?! Сука!!!

Меня буквально взорвало. Минут пять я бессвязно матерился, обещая в будущем всем участникам этого вертепа в целом, и Толику в частности, устроить весёлую жизнь.

— Берегов уже не видите! — орал я, потрясая закованной в цепь ногой. — Это уже не шутки и не розыгрыш! Это уже на похищение и насилие потянет! Я всю вашу шайку за решётку посажу! Выпустите меня немедленно! Я больше в этом маскараде участвовать не желаю! Или я тут всё сейчас по брёвнышку разнесу!

Решив подкрепить слова делом, я всерьёз принялся за цепь. Вернее попытался приняться. Цепь прикреплённая к кольцу торчащему из стены, хоть на вид и была ржавой, но прочности своей не потеряла. Во всяком случае, не настолько, чтобы её голыми руками рвать можно было. Быстро убедившись в бесполезности предпринимаемых усилий, я в бешенстве уставился на своих соседей. Те, усевшись рядом, молча, наблюдали за моими потугами. В глазах старика мелькала тень сочувствия.

— Чего уставились? — зло прошипел я. — Зовите режиссёра или кто тут у вас главный! Хватит комедию ломать! Не проканиает больше сказочка про другой мир. Понятно?! Хоть вы себя бабуинами нарядите, и татуировки на мордах нарисуйте! Я Толика прекрасно

разглядел! И камеру вашу!

— Это чего же ему Тимофей сыпанул? — задумчиво, ни к кому не обращаясь, спросил Вимс. — Дурмана, что ли? Так ему и зелья сонного хватило бы.

— Не похоже, мастер, — возразил Ставр. — Слова непонятные глаголет, беснуется, опять же, в цепь чуть ли не зубами вцепился. Уж не помеченный ли?

— Вряд ли? — усомнился старик и добавил: — Крестьяне к пустошам и под страхом смерти близко не подойдут. Дурных нет!

— Опять вы свою шарманку завели! — сплюнул я на пол и, передразнивая голосом Паткула, прогнусавил: — В Махрову зыбь убежал! Головой тронулся! Хватит уже! — рывкнул я. — Говорю же! Я Толика видел! Теперь не отвертитесь! Да и антураж надо было тщательнее оформлять! Средневековье тут у них! А лампочку с потолка выкрутить забыли! — мотнув головой вверх, я зло уставился на горе-актёров.

— Я же говорил, мастер! Помеченный! — несказанно обрадовался Ставр. — В пустоше его занесло! А вы говорите, что дурных нет! — и кивнул в мою сторону. — Вот один, покамест, нашёлся!

— Мда, — удивлённо покачал головой Вимс, взглянув на меня с каким-то даже уважением. — Не ожидал! Но, похоже, как людей не страшай, а всегда найдётся хоть один идиот, которому законы не писаны!

— Сами вы идиоты! — обиделся я. — Про лампочку то не забывайте!

— О какой лам-поч-ке идёт речь? — соизволил обратить внимание на меня Вимс, сокрушённо качая головой.

— Да вот об этой! — ехидно ткнул я пальцем вверх. — Светится которая! Такая стеклянненькая, со спиралькой внутри!

— О светоче, что ли, глаголишь? — недоуменно поднял брови старик.

— Похоже, о нём, мастер, — вставил свое слово Ставр. — Только пугано как-то. Если бы пальцем не ткнул и не поймёшь.

Вновь закипая, я бросил взгляд вверх, присмотрелся и онемел, обливаясь холодным потом. Надо мной зависнув у потолка, ярко сиял прозрачный кристалл яйцевидной формы. Причём висел, в буквальном смысле слова. Может и была там какая-нибудь очень тоненькая ниточка, почти не видимая глазу, но вот я разглядеть ничего не мог. Да и не в том суть. Есть там нитка или нет, не столь уж и важно. Может там поле, какое-нибудь, магнитное или ещё чего. Беда была, в другом! В том, что нет такого светильника в том мире, который я не помнил. Такой вот выверт психики. Ни хрена, ни помню, а спорить, на что хочешь готов. Нет у нас такого и всё тут!

«Волки»! — обожгло воспоминание следом. — «Эти твари ни в одну постановку не вписываются! Они же реально меня чуть не схарчили! И чтоб быки как лошади неслись, я тоже не слышал»!

— А как же Толик? — ошарашено пролепетал я, чувствуя, что начинаю сходить с ума. — Я же его своими глазами видел! Честное слово!

Ставр поднял глаза кверху, очевидно, призывая всех богов какие есть в этом мире, дать ему терпения. Вимс только покачал головой.

— Что за Толик то хоть такой? — терпеливо спросил он. — Староста ваш али родич, какой?

— Да какой староста! — вновь начал я заводиться. — Я ведь из другого мира к вам попал! Совершенно другого! Я, правда, не помню о нём почти ничего, но на ваш он точно не

похож! А вот Толика из того, моего родного мира, я как раз помню! Забудешь его, гада! — я уже орал, потрясая кулаками. — И вот его я здесь увидел! Он в ту же избушку забежал, где Тимофей со своими амбалами находился!

— Мастер! Так он же мо...! — вскинулся Ставр, выпучив глаза.

— Погодь, Ставрша, — мгновенно напрягшись, старик положил руку на плечо юноше. — Не видишь, разве? Не в себе сей отрок! От зелья сонного, в себя прийти никак не может!

— Больно, мастер! — вскрикнул Ставр, попытавшись стряхнуть с себя руку Вимса. — Пустите! Понял я уже всё!

— Хорошо, коли так. — под пристальным взглядом старика юноша окончательно сник. — Коль одержимость в нём, так тут помочь надобно, а не орать о том на всё подполье!

— Да какая, на хрен, одержимость?! — окончательно взбесился я. — Я своими глазами этого уroda видел! И как камера бликанула!

— Ты бы, отрок, успокоился немного, — Вимс укоризненно покачал головой. — Толку от твоих криков всё равно не будет. И тогда я тебе кое-что объясню. Если ты, конечно, готов меня выслушать. Тебя как кличут? — умные глаза смотрели внимательно и участливо.

— Местные Вельдом зовут, — нехотя ответил я, решив последовать совету старика. — Можете и вы меня так называть. Другого имени я всё равно не помню.

— Вот и хорошо, — кивнул удовлетворённо Вимс и, повернувшись к юноше, попросил. — Ставр. Дай Вельду ещё водицы.

Я с благодарностью кивнул Ставру и одним глотком проглотил мутную тепловатую жидкость, затем трясущимися руками поставив кружку на пол, опустился следом, стараясь устроиться поудобнее на жёстких камнях и вперил вопросительный взгляд в Вимса.

— Итак, начнём с начала, — прокашлялся тот. — Как я понял, тебя, зачем то, Лишний в пустошь понёс?

— Вроде было такое, — кивнул головой я. — Сам не помню, но в деревне все так утверждали. Махровая зыбь называется.

— Не суть, — отмахнулся маг. — Название ничего не значит. Всё дело в том, — продолжил он, — что те немногие счастливики, которым удаётся выбраться из пустоши живыми, на самом деле счастливиками не являются. По крайней мере, большинство.

— Вот сейчас мне всё сразу понятно стало, — с сарказмом заметил я. — Вы прямо всё по полочкам разложили!

— По каким полочкам? — не понял Вимс. — Нет, иронию я уловил. Но полочки то тут причём?

— Так у них сбор урожая недавно закончился, — встрял в разговор Ставр. — Вот и плетёт, одни Стёртые знают что. Видать не очухался до конца от крестьянских забот.

— Как у тебя в голове всё перемешалось, — озадачился Вимс. — Не знаю даже, стоит ли продолжать.

— Продолжайте, мастер, — просительно уставился я на старика. — Я больше не буду перебивать.

Вимс с сомнением посмотрел на меня, но всё же решил рассказывать дальше.

— Так вот. Большинство из тех, кому всё же удаётся вырваться из пустоши, безнаказанно оттуда не уходят. Метит их магия, ещё сохранившаяся там с древних времен. И со временем, эта метка в человеке проявляется. Единицам очень везёт, и они получают какие-то магические способности. Но большинство сходит с ума. Становятся одержимыми. Одержимость эта — она разной бывает, — махнул рукой Вимс. — Обо всё рассказывать не

буду. Кто-то просто память теряет, кто-то пузыри пускает как младенец или вопит на всю деревню. Не суть. Но бывает и другого рода одержимость, — маг уставился мне в глаза. — Когда помеченный, не помня ничего о своём прошлом, считает себя кем-то другим. Иногда даже воспоминания отрывочные об этом имеет. Один крестьянин, лет двести назад, даже императором себя возомнил, — усмехнулся Вимс. — В Хураки отвезти его требовал.

— И что? — полюбопытствовал Ставр, поедая старика глазами.

— Да ничего, — усмехнулся тот. — Приехали стражники тамошнего герцога и со всеми полагающимися почестями повесили. Пишут, что даже корону соломенную перед казнью на голову надели.

— Но я-то себя герцогом или там королем не считаю, — не вытерпел я. — Я вообще не из этого мира.

— И такие случаи в старых книгах описываются, — сочувственно взглянул на меня Вимс. — Одно хорошо. Твоя одержимость безобидна. За это не казнят. Если только мужики по безграмотности насмерть не забьют. Эти могут. Так что ты лучше больше никому об этом не рассказывай. Хотя, — Вимс поморщился. — Я уже и забыл. Тебе-то уже всё равно.

— Но Толика то я здесь видел! — не пожелал, сдаваться я. — Вот как вас!

— Ты видел то, что хотел увидеть, — мягко с едва заметным нажимом произнёс Вимс.

— В смысле? — недопонял я.

— Вот как ты думаешь, за что мы со Ставом в этом подвале сидим? Да ещё с цепью на ноге и этим наручем? — Вимс, заголив рукав балахона, показав мне массивный железный браслет на левой руке. — Маги мы с ним. Я адепт огня, он воздуха. Пленники мы! Ставра с его товарищем, уже больше седмицы прошло, как сюда захихали. Они в Горбатый острог после обучения шли. А я четвёртый день уже тут. От самого Твинского герцогства сюда добирался. И ведь дошёл почти! — маг горестно покачал головой. — Как чувствовал, когда хотел эту деревеньку стороной обойти. Да под вечер дело было. Устал. Ноги сбиты, — Вимс горько улыбнулся. — Зато теперь отдыхаю.

— А где же твой спутник? — поинтересовался я у Ставра. — В другом подвале, что ли, сидит?

— Не, — губы молодого мага предательски затряслись. — Он поглубже будет. Эти сволочи его на совесть закопали!

Ставр отвернулся и тихо заплакал. Я ошарашено уставился ему в спину.

— В Горбатый острог они шли, — тяжело вздохнув, решил объяснить Вимс. — Туда их на службу после учебы определили. А у местных как на грех половина полей тукинская хмарь уничтожила. Мерзкая штука, скажу я тебе, — поморщился он. — Не только посеvy уничтожает, но и землю бесплодной делает. Вот они и озверели. А тут эти, на свою беду, — старик кивнул на всхлипывающего Ставра. — У нас ведь как повелось. Что-то плохое случится, кто виноват? Колдуны! Ну, им бока сначала изрядно намяли, а потом сюда и сунули.

— Каждый день бить приходили, — вскинулся Ставр. — Всё требовали, чтобы мы поля погубленные излечили. А как мы их излечим? — голос молодого мага сорвался. — Тут не каждый адепт земли справится! А мы воздушники! Нас земля, вообще, не слушает!

— Так объяснили бы им, — опешил я.

— А мы не пытались? — зло выкрикнул Ставр. — Только они и слушать не хотят! Это ваша работа, твари колдующие! Исправляйте, а то худо вам будет! — очень похоже, передразнил Никодима маг. — И снова кулаком в морду! Сволочи! — Ставр, уже не

сдерживаясь, зарыдал.

— В общем, дали они им три дня на размышление, — продолжил рассказ Ставра, Вимс. — А потом, либо землю излечите, либо сами в неё ляжете. Ну, срок вышел, они его дружка и закопали. Как положено. С ритуалами, чтобы не поднялся больше.

— А я, почему то, думал, что магов на костре сжигают, — удручённо пробормотал я.

— Это кого как, — вздохнул старик. — Тут всё от того зависит, адептом какой стихии казнённый маг является. Если, к примеру, в землю адепта земли закапать, пусть даже с этой железкой на руке, — маг вновь тряхнул наручем, — и кляпом во рту, тот всё едино из землицы, сколько сможет, силы зачерпнёт, себя до остатка напоследок выжжет, а проклятие какое-нибудь всё же наложит. Поэтому, ещё с веков хаоса повелось; магов в противоположной их дару стихии казнить. Чтобы им силы взять неоткуда было. Адептов огня в воде топят, воды — на костре сжигают, воздуха, — Вимс кивнул на Ставра, — в землю закапывают.

— А с магами земли что делают? — не сдержал любопытства я, видя, что старик замолчал.

— Магов земли уже лет двести ни разу не казнили, — задумчиво произнёс Вимс. — Мало их очень. Берегут. А раньше говорят, за ребро на крюк подвешивали и оставляли так, пока до костей на солнышке не прогниют. И только потом останки сжигали и по ветру развеивали.

— Мракобесие, какое-то, — потрясённо выругался я.

— Обычная мера предосторожности, — философски пожал плечами Вимс. — Ещё одно проклятое место никому не нужно. Так вот. О чём бишь я? Мы со Ставром уже тоже с жизнью прощались. Срок, что нам местные назначили, завтра истекал. А тут приходит Никодим и ряд предлагает. Мы помогаем одного недошлёпка подманить, а они нас за это отпускают. Пришлось согласиться, — Вимс чуть виновато взглянул на меня.

— А недошлёпок этот, я, значит? — догадался я.

— Выходит что ты, раз здесь сидишь, — согласился старый маг.

Я даже возмущаться не стал. То, что в этом мире каждый сам за себя, я уже давно понял. Да и местным сидельцам, на моё возмущение — плюнуть, да растереть. Только отношения испорчу. А мне информация позарез нужна. Может ещё удастся как-нибудь выкрутиться.

— И как же вы меня подманили?

— Это моё лучшее заклинание! — сразу оживился Вимс. — Я только недавно его выучил. Сложное очень! «Иллюзорная тень» называется! Его суть в том, что я могу на несколько мгновений заставить любого человека увидеть то, что он сам увидеть больше всего желает!

— Это как? — озадачился я. — Что именно увидеть?

— Да что угодно! — глаза старого мага запылали фанатичным огнём. — Каждый что-то своё видит. Заветное! Кто груды золотых монет, кто женщину, в которую влюблен, а кто и трон императорский! То, о чём, в это время, больше всего мечтает!

— А я, значит, Толика увидел, — подытожил я.

Ну, конечно. А кого же ещё? Ведь наличие здесь Толика и камер автоматически превращало эту комедию в фарс. А моим самым страстным желанием было, чтобы этот мир оказался ненастоящим и вернуться в другой. В тот, который я не помню. Вот подсознание со мной злую шутку и сыграло. Господи, ну какой же я идиот! Сам в лапы к Тимофею прибежал! Ещё и торопился, изо всех сил!

— Кто такой этот Толик то? — устало вздохнул Вимс. — Ты его постоянно вспоминаешь. Мне даже любопытно стало.

— Да друг мой, из того другого мира, — махнул я рукой. — Вернее даже и не друг, а так, — я на мгновение запнулся, подбирая подходящий эпитет, который бы наиболее точно мог охарактеризовать статус Толика, по отношению ко мне. — Знакомец просто.

— Да нет никакого другого мира! — зло буркнул из своего угла Ставр. — Это пустошь тебе голову задурила! Есть только этот мир. И ты в нём! Ничего другого нет, — Ставр сделал паузу и с непонятным злорадством добавил: — Да и этого у тебя скоро не будет!

* * *

Скрип несмазанных петель не дал мне ответить. Ставр быстро переместился поближе к Вимсу, затравленно поглядывая вверх. Я тоже подобрался. Во всяком случае, ничего хорошего мне ожидать не приходилось. Крышка откинулась и в образовавшее отверстие свесилась небольшая деревянная лестница. По ней, не спеша, спустился Никодим и, следом за ним, Тимофей с небольшой корзиной в руке.

— Трое вам в помощь, сидельцы! — весело гаркнул староста, изрядно дыхнув перегаром. — А я вам гостинцев принёс! Как–никак радость у нас большая! Гость дорогой пожаловать соизволил! — Никодим отвесил в мою сторону шутовской поклон. — Не знаю уж, чем и угощать! Хоть в город за разносолами ходока посылай!

Тимофей, между тем, молча, подошёл к притихшим магам и раздал обоим по небольшой луковице и куску хлеба. То, с каким остервенением Ставр вцепился зубами в нехитрую снедь, говорило, что и этим их здесь не часто баловали. Вимс ел степеннее, из последних сил стараясь сохранить достоинство, но чувствовалось, что даётся ему это нелегко.

— Ну, вы сумерничайте пока, — староста насмешливо поглядел на оголодавших магов, — а мне с гостем дорогим погутарить надобно, — Никодим повернулся ко мне. Его голос засочился издёвкой: — Ну что, гадёныш? Как вы с дружкой твоим поганым не изгалялись, а всё же, по–моему, вышло. Всё равно ты здесь, теперича, на постой устроился. Со всем моим почтением! — старик зло расхохотался, показывая свои жёлтые, но всё ещё крепкие зубы.

Я напрягся. Было в смехе старосты что–то нехорошее, даже злобное, я сказал бы. Вон и Ставр, прекратив торопливо дожёвывать свой скудный ужин, вжался в стену, испуганно косясь в нашу сторону.

— И вот спрашивается, чего тянуть было? — зло ощерился между тем Никодим. — Тебя, щенка безродного, сам староста своим вниманием удостоил, напоил, накормил, со своего стола снедью расстарался! — староста выразительно потряс перед моим лицом руками, призывая осознать, наконец, величину оказанной мне чести. — Но ты, видать, по–хорошему, не понимаешь? — Никодим задумчиво окинул меня взглядом. — Ну, так мы можем и по–плохому объяснить!

Неожиданный удар буквально выбил искры из глаз. Отшатнувшись, я больно приложился затылком о стену. Рот моментально заполнился солоноватой кровью, в голове загудело. Почти ничего не видя перед собой, я кинулся вперёд, но второй удар в живот заставил рухнуть на пол, сложившись пополам. Последовавшие за этим несколько

беспорядочных ударов ногами, я выдержал, молча, старательно закрывая руками голову.

— Хорош, Никодим! — судя по начавшейся возне и прекратившемуся избиению, Тимофей отволоч старосту в сторону. — Зашибёшь ещё, не то! Тогда почитай, все труды насмарку пойдут!

— Молод ещё, учить меня! — рывкнул в ответ Никодим, но рваться продолжить избиение перестал. — Если бы я хотел зашибить, то сразу бы зашиб! Так. Вежеству поучил немного! А жрецам всё едино, в каком виде мы его им предоставим, лишь бы живой был, да на ногах уверенно держался. Скажем, что при поимке сопротивлялся, вот мы ему бока то и намяли, — староста весело хохотнул, радуясь своей незамысловатой шутке словно младенец.

— Рожу бы я его дружку лучше начистил, — процедил Тимофей. — Мало того, что постоянно под ногами путался, так ещё и десятнику побежал жаловаться, сын айхи!

— И толку? — хмыкнул Никодим, повернувшись к Тимофею. — Недошлёпка нет, послухов тоже. Будет десятник из-за каждого сопляка беспокоиться!

— Так-то оно так, — согласился Тимофей, — а только он на нас ещё за ворота, намедни, озлился. Если бы зло затаил, мог донос мимо ушей и не пропустить.

— А ты думаешь, почему я для него так расстарался? Небось, ни в одной деревне так не привечали! Но как вишь, оно того стоило! Не стал Невронд твоего дружка слушать! — Никодим, повернувшись ко мне, подпустил в голос яду. — Взашей выгнал! Да ещё и пинка хорошего вдогонку дал!

— Ничё. Может, когда ещё, встретимся, — голос Тимофея не обещал моему другу ничего хорошего. — Глядишь и поквитаемся.

Несмотря на боль, на душе у меня немного потеплело. Эх, Гонда, Гонда! Не послушал я тебя! А теперь уже поздно. Но когда буду подыхать, то хоть кого-то можно будет добрым словом вспомнить! От обиды за свою же глупость, всё внутри вскипело и нахлынула злость.

— Смотрите, как бы он с вами не сквитался! Особенно, когда магом станет!

Говорить было тяжело. От досады и злости на себя, тисками сдавило горло.

— Видно мало я тебя поучил, — окрысился Никодим и, покачав головой, задумчиво заметил. — Ещё добавить что ли? Для ума.

— Господине староста, — голос Вимса остановил Никодима в шаге от меня. — Нам бы о наших с вами делах потолковать.

— А что тут толковать? — Никодим, видимо, решив, на время, отложить расправу над мной, развернулся к старому магу.

— Ну как же, — Вимс ничуть не стусевался под пристальным взглядом старосты. — Мы со Ставром условия договора выполнили. Обещали недошлёпка подманить — подманили. Вот он, теперича, тож с нами в подполье сидит. Так что за вами дело встало.

— Это да, — осклабился Никодим. — Обещанное надо выполнять, — староста погладил рукой свою бородёнку и задумался: — Да что тянуть? — решил он. — Завтра, как обоз уйдёт и суета уляжется, так и ваш черед наступит.

— Неужто отпустите?! — не выдержав, высунулся, из-за плеча Вимса, Ставр. Его глаза возбуждённо блестели, с отчаянной надеждой взирая на своих тюремщиков. Те весело заржали. Вимс, тяжело вздохнув, приобнял юного мага.

— Не было такого ряду Ставрешка, чтоб нам животы наши оставили. О другом речь шла. Обманул я тебя.

— Как не было?! — в отчаянном вопросе Скавра смешалось всё: и не до конца ещё потухшая надежда, и отчаяние, от понимания, что ей не сбыться, и детская обида, на то, что

его обманули, и самое главное — страх. Страх перед тем, что ещё предстояло услышать. — Обещали же нас отпустить, в обмен на вот этого! — Ставр, с неприкрытой ненавистью взглянул в мою сторону.

— Ну, сам посуди, Ставруша, — ласковым голосом, начал объяснять ему старик. — Ты на службу княжью шёл, да ещё и жрецами одобренную. Вместе с дружкой твоим убитым. У меня же грамотка, самым твинским отцом—приором подписанная, была. А они нас силком переняли, Если это беззаконие наружу всплывёт, всей деревне несдобровать! Как же они нас отпустят теперь? А если мы с челобитной пойдём?

— Не пойду я с челобитной. Троидами клянусь! — повалился на колени Ставр.

— А тебе самому и идти не нужно будет, — усмехнулся в ответ Тимофей. — Тебя же сразу отцы—вершители к ответу призовут. Почему в острог не явился, да куда дружка своего подевал, — Щербатый наклонился к Ставру и поинтересовался: — Иль ты отпираться станешь, да нас выгораживать?

— Не скажу я о вас ничего, — не веря самому себе, пролепетал Ставр. Он уже плакал, поняв, что живым отсюда не выберется.

— Вот я о другом ряд и заключил, — вздохнул Вимс, с состраданием поглядывая на юношу. — О смерти полегче. Не хочу я в реку с камнем на шее сигать!

— Не волнуйся, старик. Я лично тебе сначала горло перережу, — как—то по—доброму усмехнулся Тимофей. — Я умею.

И что—то в его голосе заставляло поверить. Да, этот действительно умеет.

— Мы вас даже покормим получше, с утра, — добродушно поддержал своего подручника Никодим. — А что? Когда с нами по—людски и мы по—хорошему. Чай не звери! Ну ладно. Почивайте, значит, пока. До утра ещё время есть, — староста смачно зевнул и бросил многообещающий взгляд в мою сторону: — А с тобой мы ещё побеседуем, опосля, щенок. Ты у нас подольше погостишь. Тимоха, светоч приberi. Неча без дела его силу на ушлёпков переводить.

Тимофей, поднимаясь, коснулся кристалла рукой, гася рукотворное солнце. Скользнула вверх лестница, скрипнули петли крышки и вместе с упавшим на нас мраком, навалилась тишина. Разве что Ставр продолжал тихонечко всхлипывать в своем углу.

— Пойми, Ставр. Они нас всё равно отсюда живыми не отпустили бы, — чуть помолчав, решил ещё раз оправдаться Вимс. — Даже если бы пообещали. Они же себе не вороги.

— Это всё Слав, чтоб Лишний его кости за кромку с собой забрал! Говорил же ему! Так нет! Весёлый дом ему подавай! Половину сбережений за одну ночь спустили! И что теперь? Не больно—то он веселился, когда его закапывать принялись!

— А дом весёлый тут причём? — удивился я.

— Да нам, когда в Горбатый острог отправляли, на дорогу по пять серебрушек вручили, — хлюпнул носом в ответ Ставр. — Ну, чтоб с голоду по дороге ноги не протянули. А Слав говорит мне, что нам на дорогу и трёх хватит, если не жировать. Лучше к бабам сходить. В остроге их точно нет, а когда оттуда вернёмся, один Лишний знает. Если вообще вернёмся. Я, сдуру, и согласился.

— Ну и? — поторопил я, замолкнувшего было мага, так и не уловив связи между проститутками и почти обжитым подпольем.

— Ну и! — передразнил меня Ставр. — По две серебрушки там оставили! С магов везде втридорога дерут! А на утро обоз в сторону Горбатого острога шёл. Купчина один решил со

степняками расторговаться. Мы, было, сунулись к нему, а он, слюна скунса, по четыре серебрушки с каждого потребовал. Так и не сговорились, — Ставр помолчал и с обидой произнёс: — Сейчас бы уже в остроге были!

— Мда, — почесал голову я. — Как говорил один мудрец, на свете есть три беды: пожар, потоп и бабы. И если первые две ещё можно, как-то, избежать, то третье зло неизбежно!

— Что-то я такое изречение не помню, — в голосе Вимса проскользнуло сомнение. — Как звали мудреца?

— А я помню? — уже привычно пожал плечами я. — Всплывают временами какие-то обрывки воспоминаний.

— Пустошь коварна, — пожевав губами, согласился Вимс.

— Неужели отсюда никак нельзя выбраться? — зябко поёжился я от его тона. — Ведь должен же быть выход!

— И как ты собираешься выбираться? — в голосе старого мага просквозил неприкрытый сарказм. — Подкоп? И сколько ты будешь его копать? Две седмицы, три? — хмыкнул голос в темноте. — У нас время только до утра, — Вимс сделал выразительную паузу и продолжил лекцию: — Стены, если ты успел заметить, сложены из целых брёвен, причём дубовых. Тут топором и то работы надолго хватит, а так... С потолком то же самое, что и со стенами и это притом, что до него ещё нужно достать! Да и не будь всего этого, — устало резюмировал Вимс. — Не забывай про цепи на ноге. Голыми руками тут тоже ничего не сделаешь.

— И всё это в полной темноте, — решил подать голос и Ставр. — Светоч они вчера только из-за тебя зажгли. Чтобы, значитса, у нас глаза к свету опять привыкли. Вслепую много не наколдуешь!

— Ну, вы же маги, — не захотелось мне сдаваться. — Неужели ничего нельзя придумать?

— С этим, мы не маги, — судя по звуку, старик тряхнул нацепленным на руку браслетом.

— А что это?

— Наруч покорности, — старый маг побарабанил по браслету пальцами. — Он перекрывает доступ к магической изнанке этого мира. Поэтому, пока он на руке, я не могу зачерпнуть даже капельку энергии для заклинания. Такие, в каждой деревне найти можно. Их много понаделали в эпоху возмездия, когда магию под корень выкорчёвывали.

— И снять их, конечно, никак нельзя?

— Без ключа нет, — ожидаемо подтвердил мою догадку Вимс и со странной иронией заметил: — Из всех поделок древних, только этих наручей много и сохранилось. Даже в самой захудалой деревеньке найти можно. Как же! Вернейшее средство мага обнаружить и живым и беспомощным в свои руки получить. Ну а потом и поглумиться вволю! В хозяйстве вещь незаменимая!

Разговор постепенно затих. Ставр, не выбираясь из своего угла, периодически, что-то обиженно бурчал, видимо жалуясь на свою судьбу или вновь проклиная злосчастливого Слава. Вимс умудрился задремать. Старый маг, похоже, окончательно смирился со своей скорой смертью и не собирался отравлять себе последние часы жизни бессмысленными терзаниями. У меня же появилась возможность осмыслить положение, в которое я попал. Невеселые были мысли. За эти два дня в своей новой жизни, я умудрился наделать столько глупостей, что, видимо, тот лимит везения, что был мне выдан судьбой авансом, оказался быстро исчерпан. И назад уже не отыграешь. Если уж даже двое местных магов, находясь здесь довольно давно, ничего не смогли сделать, то каковы шансы у меня? Это как играть в русскую рулетку с полностью заряженным барабаном. Спасти может только осечка, то есть чудо.

Господин недошлёпок, у вас в мешочке случайно чудо не завалилось? Ну, хотя бы плохонькое? Что, нет? Экий вы не запасливый, однако! Мда. Пока ещё нахожу силы иронизировать. Хотя оно и понятно. Просто мою тушку будут разделывать не этим утром, а чуть позже. Вот тогда точно будет не до иронии.

Металлический скрип, резко ударив по ушам, выхватил меня из состояния полудрёмы. Надо же! И сам не заметил, как за своими душевными терзаниями заснуть умудрился! А что скрипело? Почему то стало жутковато. Я добросовестно вытаращил глаза, пытаюсь хоть что-то разглядеть в кромешной тьме и быстро убедившись в бесполезности своих усилий, стал напряжённо вслушиваться. Тишина была полная. Даже дыхания магов слышно не было. Неужто так тихо спят? Или тоже затаились? Нервы натянулись до предела. Кулаки с силой вдавили ногти в ладонь.

— Вельд? Ты тут?

Тихий, на грани слышимости шёпот прозвучал подобно разрыву гранаты. Я непроизвольно вздрогнул, громко лязгнув цепью, и почувствовал, как по подбородку побежала струйка крови из прокушенной губы.

— Ты кто?! — в хриплом голосе Ставра царила настоящая паника.

Находившийся наверху не ответил, какую-то долю секунды принимая решение. Затем вновь со скрипом хлопнула крышка люка.

— Гонда! Я здесь! Не уходи! — заорал я, кляня себя на чём свет стоит за медлительность.

Вновь раздавшийся скрип прозвучал для меня сладчайшей музыкой на свете.

— Это ты Вельд? — в осторожном шёпоте я теперь без труда опознал голос друга.

— Да! — моему счастью не было предела. — Как ты меня нашёл?!

— Да не ори ты так! — цыкнули сверху. — Всю деревню на ноги поднимешь! Кто тут с тобой ещё сидит?

— Два мага, — снизил я голос до горячего шёпота. — Их местные тоже похитили.

— Мы мирные люди, никому не сделавшие зла, — решил вступить в разговор, молчавший до этого, Вимс. — Твой друг может это подтвердить. И если ты нам поможешь, я этого не забуду.

— Они тоже пленники, Гонда! — попытался развеять я колебания друга. — Как и я, на цепи сидят!

— Это хорошо, что на цепи, — хмыкнули сверху. — Оно так поспокойнее будет. Ладно. Сейчас лестницу поищу.

— Кто это? — вопрос Вимса, обращённый ко мне, прозвучал на редкость безразлично,

словно речь шла о каком-то пустяке, а не о человеке в руках которого сейчас были наши жизни.

— Знакомец мой, — сразу насторожился я. Старому магу я ни капли не доверял, но и скрывать эту информацию смысла не видел. Всё равно Никодим с Тимофеем сразу догадаются, кто мне с подполья сбежать помог. — Мы с ним вместе в школу мажескую шли.

— Ишь ты! — в голосе Вимса прорезался неприкрытый сарказм. — Мне бы таких знакомцев, что животом своим рискнуть готовы, лишь бы меня спасти! А то только в спину ударить, исподтишка, норовят!

Я на подначку не ответил, напряжённо размышляя. С магами то, что делать? Помочь бежать вместе с нами? Оно, конечно, дело хорошее — гуманное... Вот только, как бы мне потом этот гуманизм не аукнулся. В благодарность своих соседей по подвалу, я не верил. Успел понять, что здесь такое не практикуется. И уже оказанная услуга, не стоит и выеденного яйца. Да и почему я должен вытаскивать из подполья тех, чьими усилиями сам в него попал? Помоги ближнему своему? А если эти ближние не стесняются тебе подножки ставить, в ловушки заманивать, доносить на тебя? Тот же Ставр, не колеблясь, согласился свою жизнь на мою обменять. И можно не сомневаться, что если бы его отпустили, потом бы спал спокойно. Ещё и плюнул бы в мою сторону, перед тем как уйти.

Так что, оставить их здесь? Тоже не лучший вариант. Наболтал я слишком много поначалу — как в подвале очнулся. Ну, про то, что из другого мира сюда попал. Даже Гонде в том не признался, а тут. Состояние аффекта, чтоб ему. Потому я тогда и значения не придавал тому, как Ставр вскинулся. Уже потом, на трезвую голову поразмыслив, выводы сделал. Важная это, судя по всему, информация. Не зря Вимс молодому магу рот затыкал. А вдруг они об этом тому же Никодиму расскажут? Ну, чтобы мне хоть как-то отомстить? И что теперь делать? Убить? А я смогу? Вот так? Глядя в глаза? Хладнокровно? Только из-за трезвого расчёта? Брр... Это что, мне им глотки резать, что ли? Не смогу я! Это тебе не Силантия, в отместку, толкнуть!

— Идёт вроде! — полушёпотом сообщил между тем Ставр, прерывая мои мысли.

Я напряжённо вслушался. В наступившей тишине, послышалось едва различимое сопение. Пару раз, чуть слышно скрипнула половица, раздался негромкий стук дерева о дерево.

— Вот, дети айхи! И не поленились лестницу к околице отнести и возле забора на землю бросить. В этой темноте думал, вообще не найду. Хорошо хоть луна немного отсвечивает! — раздался злой голос Гонды. — А тут вообще темень. Хоть глаз выколи! Вы как? Сильно глубоко сидите?

— Метра три будет! — откликнулся я. — Ты только поаккуратней. Сам сюда не свались!

— Здесь светоч висит! — решил принять участие в нашем спасении Ставр. — Рядом с лазом.

— Понял! — оживился Гонда. — Щас поищем! Из подполья свет всё равно снаружи виден не будет.

Сверху вновь донеслись непонятная возня и невнятное шуршание. Я напряжённо вслушивался в эти звуки, моля всех богов, как местных, так и иногородних, чтобы у моего друга всё получилось. Сводить знакомство с отцами-вершителями, почему то совсем не хотелось. Мои соседи, судя по всему, переживали не меньше: отчетливо похрустывал пальцами старый маг, нетерпеливо позвякивал цепью Ставр. Время, казалось, замерло в

одной точке, намертво зацепившись секундной стрелкой за какую-то цифру в циферблате.

— Что там Гонда? Никак не найдёшь? — наконец, окончательно потеряв терпенье, поинтересовался я.

Ответом послужил ярко вспыхнувший свет, маленьким солнцем резанувший глаза. Смачно выругавшись, я рефлекторно прикрылся руками и замер, ожидая пока перед внутренним взором перестанут прыгать тёмные зайчики, опоясанные огненной короной.

— А уютно вы тут устроились, — голос Гонды заставил меня с трудом разлепить слезящиеся веки. Мой друг, уже спустившись на пару ступеней, внимательно обзирал наши апартаменты. Спускаться дальше он, впрочем, не спешил.

— Если хочешь, мы можем немного потесниться, — решил поддержать я шутку и подслеповато прищуриваясь, похлопал по ноге. — Могу даже свою цепочку подарить.

Гонда сразу посерьезнел и, быстро скатившись с лестницы, склонился над цепью. Его пальцы сноровисто пробежались по покрытым лёгкой ржавчиной звеньям, ощупали металлический обруч на ноге, погладили массивную скобу вбитую в стену.

— Ключ нужен, — решил прокомментировать его осмотр, Вимс. — Иначе никак. С этой цепью ничего не сделаешь.

— И? — мой друг, вопросительно изогнув брови, покосился на старого мага.

— Ключ у старосты на поясе висит, — насупившись, сообщил Ставр. — Я сам видел, как он после того, как железо у Вельда на ноге замкнул, туда его повесил.

— Значит, и думать об этом неча, — отрезал, нахмурившись Гонда. — Не у Никодима же спрашивать?

— Так что же делать? — расстроился я.

— Можно попробовать скобу из стены выковырнуть, — задумчиво поскрёб подбородок Гонда. — Всё же она в дереве сидит, не в железе. Да и вряд ли шибко глубоко вбита. Я вообще не понимаю, зачем они вас в железо одели. Отсюда и так без посторонней помощи не выбраться.

— А это чтобы и мыслей таких не было, — подал голос Вимс. — Железо оно такое. Мигом мозги вправляет. Чтоб, значитса, и думать о побеге не мог. Вот как сейчас. Вроде и люк открыт, и лестница спущена, а мы как сидели, так и сидим! Железо баловства не терпит. Вещь серьёзная!

— Как складно ты говоришь, дедушка, — проникся Гонда. — А только я всё-таки попробую, со скобой что-то сделать. Только вручную тут не стоит и пытаться. Струмент какой-то нужен, — мой друг досадливо закусил губу. — Только где же его искать по такой темноте? И времени до рассвета совсем немного осталось.

— В сарае поищи, — голос Ставра откровенно дрожал от возбуждения. — Они когда Слава в землю закапывали, оттуда лопаты и выворотень железный брали. Я сам видел.

— Выворотень — это хорошо! — оживился Гонда. — Ладно. Не отчаивайся, друже, — подмигнул он мне. — Вытащу я тебя отсюда. Мне не привыкать.

Молнией взлетев по лестнице, мой друг скрылся в темноте люка. Некоторое время мы, молча, вслушивались в затихающие шаги. Чуть слышно скрипнула дверь и всё стихло.

— Неужто спасёмся, а мастер? — срывающимся голосом спросил Вимса Ставр. В его глазах плескался огонёк безумной надежды.

— Вельд может и спасётся, — покосился в мою сторону старый маг. — А мы, не знаю. Надеюсь, что хотя бы выворотень нам оставят.

— О чем вы, мастер? — деланно удивился я, но встретившись с Вимсом взглядом, не

выдержав, отвёл глаза. Как на душе то паскудно, а? Всё старый маг понял. И мысли мои, и намерения.

— Как правильно заметил твой друг, — строго взглянул на меня Вимс, — скоро рассвет. И с каждой минутой риск, что нас всех тут поймают, возрастает. А этот Гонда, — старый маг пожевал губами, словно пробуя на вкус имя, — пришёл за тобой. И только за тобой. Рисковать ещё больше ради нас, он вряд ли будет.

Стремительно потухший огонь в глазах Ставра показал, что он полностью согласен со словами Вимса.

— Но, — начал было возражать я.

— Поэтому у меня к тебе лишь одна просьба, — решительно перебил меня старый маг. — Как освободишься, отдать выворотень нам и лестницу не убирать. — Вимс искательно заглянул мне в глаза. — Спасёмся мы, значит так Троиим угодно было, а нет — твоей вины в нашей смерти не будет.

— И плохого мы тебе ничего не сделали, Вельд! — горячо поддержал его Ставр. — Я тебе даже воды принёс, когда ты в себя приходил. Не держи зла! Что сюда подманили, так выхода у нас не было! — юноша неожиданно упал на колени и буквально простонал. — Троиими тебя прошу, забудь обиду!

— Вы чего опять расшумелись?! — свесившийся в люк Гонда был зол и собран. — Вас даже на улице слышно! Надо было люк прикрыть. Дурак я!

Буквально через мгновение, мой друг уже стоял возле меня, деловито пытаюсь просунуть конец здоровенной железной палки в щель, между скобой и стеной. Получалось плохо. Железка была значительно толще, и влезать никак не желала. Грубо выматерившись, Гонда выдернул из-за пазухи довольно увесистый нож и начал с остервенением колупать древесину, стремясь расширить отверстие. Потянулись томительные минуты ожидания. Наконец, удовлетворённо пробурчав, мой друг, отложив нож, вновь взялся за ломик. Хоть и с трудом, просунул кончик за скобу.

— Давай вместе навалимся, — Гонда, поудобнее обхватив железную палку, упёрся ногой в стену. Я встал рядом.

— Дёрнули! — резко рявкнул он.

Я рванул так, что спина чуть не лопнула. Раздался протяжный противный скрип.

— Пошло дело! — азартно прошипел Гонда. — Раз стронулась, теперича, никуда не денется — вылезет!

Через пару минут скоба с гулким стуком упала на пол. Мы с Гондой опустили прямо на пол, переводя дух.

— Видят Трое, я сомневался, — довольно ослабилась мой спаситель. — Думал, не в жизнь, не вытащим!

— И так еле выдернули, — согласился я с другом.

— Сними с себя рубаху и обмотай ею цепь, — деловито посоветовал Гонда, поднимаясь на ноги. — И поторопись. Светает скоро. Уходить надо.

— А как же мы? — тихо проскулил, молчавший во время нашей возни, Ставр.

— Времени нет, — равнодушно пожал плечами Гонда, направляясь к лестнице.

— Ты обещал, — спокойно посмотрел мне в глаза Вимс. — Выворотень оставьте. И нож, если можно.

Вот ведь, старый хитрец! Когда это я ему обещал? Я задумался, всё ещё колеблясь. То, что убить я их не смогу — это я уже понял. Не настолько ещё душой очерствел, чтобы людей

почём зря резать. Не смогу просто. И что тогда? Помочь сбежать или тут оставить? Дилемма. Я тряхнул головой, переламывая себя. Хватит сопли распускать! Нельзя Вимса со Ставром на волю выпускать! Никак нельзя! И если у самого их убить рука не поднимается, то пусть это Тимофей сделает. Они же с Никодимом как узнают про мой побег, так сразу следы заметать кинутся. Хотя бы от магов постараются избавиться. Всё с них спросу меньше будет.

— Может мне и штаны с себя ещё снять? — огрызнулся между тем Гонда, недобро посмотрев на старого мага. — Нож грошей стоит! Да и выворотень в хозяйстве пригодится может!

— Извини, старче, — тяжело вздохнув, я отвернулся от магов, — но пулемёт я вам не дам. Патроны кончились. Пошли Гонда. Выворотень и впрямь штука полезная.

— Ишь ты. Неужто пустошь отпускать начала? — улыбнулся мне Гонда. Вот только глаза смотрели холодно и настороженно. — Этак, когда до Вилича добредём, совсем человеком станешь!

Ничего не ответив, я направился к лестнице. На душе было гадко и паскудно.

* * *

Ночь подходила к концу. Нет. Рассвет ещё не наступил, и ярко-багровое марево не успело окрасить собой уныло-серый горизонт. Да и звёзды, иногда прорываясь сквозь довольно неплотную завесу нависших над землёй облаков, всё так же задорно подмигивали, свысока. И всё же, ночная пора вступила в свою завершающуюся фазу. Я это отчётливо понимал потому, что тьма, до этого укутывающая деревню плотной вуалью, начала постепенно редеть. Всё отчетливее проступали серые силуэты домов. Стали резче вырисовываться контуры мерно покачивающих ветками деревьев. Всё дальше прослеживалась тёмная полоса дороги. Вот на ней то, прямо напротив калитки ведущей в наш дом, и стояли трое мужиков, что-то оживлённо обсуждая.

Не успели! Закусив от досады губу, я напряжённо вглядывался в сумрак, сквозь едва приоткрытую дверь, кляня всё на свете! И чего людям не спится?! Я понимаю, что в деревнях рано встают, но не до такой же степени? Даже петухи ещё без задних ног дрыхнут!

— Ну что? Они сюда ещё не идут? — дыхнул мне прямо в ухо Гонда, заставив вздрогнуть.

— Стоят гады. Ждут чего-то, — сквозь зубы процедил я, не оборачиваясь. — Ты зачем обратно в подполье бегал? И мне ничего не сказал.

— Выворотень с ножом ушёлпком отдал, — нехотя признался мой друг. — Может успеют колдуны освободиться, пока мужики лясы точат, — Гонда положил мне руку на плечо и признался. — Не вырваться нам одним. Не сдюжим против троих то.

— Так и с ними не сдюжим, — поморщился я. — Старик, да задохлик — чем они нам помогут? С наручами на руках? Лучше бы мне выворотень отдал. С голыми руками, я много не навоюю.

— Не скажи, — не согласился Гонда. — Младший да, сразу видно — не боец. А вот старик... Нож он ловко хватил, умеючи!

— Может всё-таки попробуем незаметно проскользнуть? — тяжело вздохнул я, чувствуя при этом непритворное облегчение. Если и сгинут теперь Вимс со Ставром — на мне вины не будет. — Темно. Может и не заметят.

— Не получится, — досадливо отмахнулся Гонда. — На двери петли давно не смазанные. Враз заскрипят!

Тихо выругавшись, я оставил Гонду приглядывать за улицей и начал методично обшаривать дом, прощупывая каждый уголок. Ведро, посуда, какие-то тряпки, беспорядочной грудой засунутые под массивную лавку. Всё не то! Мне бы что-нибудь поухватистей найти, да поострей! Топор там или хотя бы молоток. Выворотень мне Вимс навряд ли теперь вернёт, а замес серьёзный предстоит. И местным отступить некуда и я в подполье возвращаться не собираюсь! И без крови тут никак.

— Ты чего там вошкаешься в темноте? — заинтересовался Гонда, судя по звукам повернувшись в мою сторону.

— Меч-кладенец ищу, — сосредоточенно прохрипел я. — С чудищем трёхговым воевать! — и наткнувшись на печку, удвоил усилия. По идее тут ухват какой-нибудь рядом должен быть или кочерга.

— Брось! Уходят они! — судя по голосу, Гонда и сам не верил своему счастью. — Давай сюда! Как отойдут чутка подале и мы следом!

— Как уходят? — из темноты проявился силуэт Вимса. — А сюда почто не зашли?

— А я знаю?! — вскинулся Гонда и чуть помолчав, с досадой, добавил: — И чего зазря возле дома стояли?

— Ну, кому зазря, а мне польза! — Вимс юркой тенью присоединился к нам.

— Кто бы сомневался, — облизал я засохшие губы, кляня в душе теперь уже бесполезный порыв своего друга. — А где Ставр?

— А нету больше Ставра, — от слов мага потянуло ледяным холодом. — Дальше втроём пойдём.

— То есть как это, нету? — напрягся я, краем глаза заметив, как Гонда, сунув руку за пазуху, сместился куда-то в сторону.

— Да вот так, как то, — Вимс, достав нож, задумчиво на него посмотрел. — Жалко его, конечно. Да только выбора он мне не оставил!

— Что сам попросил его прирезать? — Гонда, уже зайдя за спину мага, был похож на хищника замершего перед броском. — Может ещё и грошей за это приплатил?

— Да какие с него гроши? — деланно вздохнул Вимс. Манёвр Гонды судя по всему, его ничуть не обеспокоил. — Что с нищего адепта воздуха взять? Предать он нас хотел, — веско добавил старик, не сводя с меня взгляда. — Совсем, видать, запугали его Никодим с Тимофеем. Не сдюжим, мол, супротив мужиков. Переймут. Уж лучше, как на улицу выйдем, самим их покликать. Вас, мол, споймают, а нам, за то, животы оставят!

Я ещё больше напрягся, вжавшись в стену. Не верил я Вимсу. Совсем не верил. Перед глазами встало лицо Ставра. Испуганный юноша, с глазами старика и взглядом затравленного зайца. Мог ли он нас предать? Легко! Тут даже двух мнений быть не может! Но вот в чём заковыка. Даже я, человек, ещё только познающий этот мир и многого в нём ещё не понимающий, нисколько не сомневаюсь в том, что это предательство Ставру ничего бы не дало. Ну не отпустит его Никодим.... Нипочём не отпустит! В лучшем случае бонус какой-нибудь за старание выдаст. Глашку там позовёт или накормит от пуза. Но то, что не отпустит — это точно! А с нами у него реальный шанс спастись был. Ну не идиот же он?!

Врёт Вимс. Врёт! Ещё понять бы зачем? Ему—то убивать юного мага, который, буквально, в рот заглядывал, тоже смысла нет. Или я чего—то не знаю?

— Ты бы кистень свой обратно за пазуху сунул, — даже не оглянувшись, прошелестел губами маг, по—прежнему не сводя с меня глаз. — Ты, детинушка, не гляди, что у меня наруч на руке. Я пожил уже немало и все эти годы не только магию изучал.

В следующее мгновение, Гонда кинулся, мелькнув в полумраке смазанной тенью. Я кинулся следом, спеша на помощь другу. Вскрик Гонды, буквально, на мгновение, опередил удар, выбивший у меня весь дух из груди. Сколько я пролежал, пытаюсь протолкнуть, сквозь отказывающиеся работать лёгкие, хоть крупицу воздуха, я и сам не скажу. Судя по ощущениям, наверное целую вечность. Вот ведь гад! Как будто лошадь копытом пнула!

— Очнулся? — голос Вимса буквально сочился участием. — Вот и хорошо! Посиди теперь. Отдышись. А главное, на меня больше не кидайся. А то я, ненароком, и горло твоему сотоварищу перерезать могу.

Я ошеломлённо встряхнул головой и, вглядываясь в неясный полусумрак, с трудом разглядел две фигуры, прильнувшие друг к другу.

— Что ты хочешь, колдун? — чувствовалось, что Гонда говорит с трудом, буквально выдавливая слова сквозь плотно сжавшиеся губы.

— Того же, что и ты, — Голос мага буквально взорвался весельем. — Выжить!

— И? — Гонда сделав паузу, шумно вздохнув. — Раз я всё ещё жив, значит, и мы с Вельдом можем выжить?

— Вполне! — одобрил его вывод Вимс. — Почему нет?

— И чего же ты хочешь? — я наконец настолько отдышался, что смог принять участие в беседе. — Зачем ты Ставра убил?

— Я уже говорил. Предать он нас хотел, — Вимс, очевидно, даже в потёмках, умудрившись, заметить недоверие на моём лице, прервался. — Не веришь? Ну и Лишний с тобой! Вот ты, — склонился он над Гондой — Как ты думаешь. Могу я сейчас вам обоих прикончить, али нет?

— Можешь, — голос Гонды был на удивление спокоен, — но не хочешь. Хотел бы, уже убил бы. Чего тебе от нас нужно то?

— Да ничего, — даже как—то удивился маг. — Пусть Трое меня проклянут, если вру! Я только защищался! И в любом случае, не вам меня судить! Я что хочу предложить, — Вимс скользнул в сторону, отпуская Гонду. — Спасаемся вместе. А ежели вы навёты на меня потом возводить будете, то пусть отцы—радетели нас рассудят!

— А ты нам в спину не ударишь? — злость меня душила, подобно обезумевшей анаконде. Рука, значит, не поднялась? Там, в подполье? А вот у Вимса поднялась! И, в любой момент, ещё раз подняться может!

— А зачем? — искренне удивился старый маг. — Прав твой друг. Хотел бы убить — уже убил бы! И заметь, Вельд, — Вимс, резко повернувшись, наклонился и буквально упёрся своими глазами в мои. — Без послухов мне проще было бы. Вас всех убили, а я чудом вырвался. Так нет. Я вас спасаю. Идите — хулу на меня, коль хотите — возводите!

— Вообще—то! — меня даже передёрнуло, от наглости Вимса. — Мы... Да, нет. Гонда, тебя спас.

— Правильно, — не стал отрицать старый маг. — Потому и живы оба! Я добро помню! Потому и предлагаю сейчас. Вместе спасаемся, в спину друг другу не бьём! А как доберёмся до отца—послушника, рты вам закрывать не буду. Не боюсь я вашего поклёпа — чай,

оправдаюсь!

Я тяжело вздохнул. Не верю я Вимсу! Совсем! А, с другой стороны — выбор, какой? Либо с ним, либо с горлом перерезанным! И это притом, что он нам рты не затыкает. Спасёмся, мол, а там что хотите, то и говорите. Получается, с моей стороны, и обязательств никаких нет!

— Хорошо! Я согласен! — похоже, Гонда просчитал все варианты гораздо быстрее меня. — Нож только убери! Идти уже нужно! Светает уже!

— Нужно, так нужно! — согласился я, вскакивая на ноги. Было понятно, что дальнейшая дискуссия ни к чему хорошему не приведёт. Либо мужики обратно вернуться, либо Вимс всё-таки прирежет. — Нужно уходить. С богом.... То есть, с этими... с Троицами!

Следующий день дороги прошёл спокойно. Мрачный лес остался далеко позади. Потянулась относительно безопасная, по словам Гонды, степь. Подсохшая дорога, юркой змейкой снующая посреди высокой травы, была довольно удобна, и отдохнувшие быки бодро тащили повозки вперёд, в сторону очередной, пока ещё не видимой деревни. Соответственно поднялось настроение и у моих спутников. Бодро переругивались воины, затянул что-то, на этот раз гораздо громче и не такое заунывное, всё тот же незадачливый возница. Оживились и мои попутчики. Разговор в основном сводился к обсуждению моего ночного приключения и незатейливым шуткам о невероятном умении найти себе неприятности на пятую точку и затем, каким-то чудом, этих неприятностей избежать. Ну и, конечно, злорадствовали по поводу постигшего вредного старосту возмездия.

— Видели бы вы его рожу, когда Вельд с Вимсом из нашей развалюхи вышли! Он стоит такой важный рядом с отцом-послушником. В сторону Гонды злорадно скалится! — в который раз заржал Марк. — А тут они! Никодим аж побелел весь!

— Это да! — согласился с Марком его неизменный напарник. — Здорово это вы придумали, у нас до сбора обоза спрятаться. А у Тимофея глаза чуть на лоб не вылезли!

— Да мы поначалу к десятнику хотели бежать. Да, смотрим, на погостье уже мужики толпятся. По всему видать, те же, что возле дома стояли, — Гонда повторял свой рассказ, наверное, в десятый раз. — Ну, мы и решили, не рисковать. Кто ж знает, как бы оно обернулось? Могли и не сдюжить, хоть с нами и старый ушлёпок был. Хорошо ещё, что колдун их первым заметил. Чутка, не попались!

— Ну не попались же! — нехотя возразил я. — Наоборот, всё даже лучше получилось.

Настроение у меня, в отличие от моих спутников, было препоганое. Очень уж прощальный взгляд Вимса на душу давил. Нехороший такой взгляд, многообещающий. Словно гадость какую на будущее приготовил! Я, тяжело вздохнув, встряхнул головой. Сам виноват! Нужно было убить, когда такая возможность была, а не сопли на кулак наматывать! Вон у старого мага, когда до дела дошло, рука не дрогнула. Вмиг Ставра к праотцам отправил! И судя по всему, по той же причине, что и я им смерти желал. Потенциального болтуна устранил. Да только мне от этого не легче. Вимс то остался! И умирать, судя по всему, в ближайшее время старый маг не собирается. Как же, дождёшься от него. Такой сам кого хочешь укатает. И не почешется даже! Мда.... Понять бы ещё, что ему от меня надо? Что за профит в будущем этот страшненький дедушка хочет получить? Понятно, что это с моим появлением в этом мире связано. Но каким образом? И не спросишь никого! Дураков тут нет. Сразу поймут, что к чему. Тот же Гонда, наверное, уже подозревает. Не зря ещё в первый день вопросы задавал.

— О чём задумался, друже? — ткнул меня в бок Гонда, пытливо заглядывая в глаза. — С утра, смотри, как в воду опущенный идёшь!

— Я, вот, одного не пойму, — я решил пока не делиться своими мыслями даже с ним. — Ты же боялся, что мужики в любой момент в избушку прийти могут. Ну, с проверкой. А они туда так и не сунулись.

— Сам дивлюсь, — беззаботно пожал плечами мой друг. — Видать часто они этим промыслом занимались. И всё с рук сходило. Обленились совсем!

— Ну не знаю, — Лузга повертел в губах сорванную до этого травинку. — Сам подумай,

чего им опасаться было? Самим сидельцам не в жизнь из подполья не вылезти, а чтобы их кто-то спасать пошёл. Ночью. В чужой деревне. Да такого отродясь не было! Иногда мне кажется, что ты такой же ушибленный, как и он, — кивнул он мою сторону, ничуть не смущаясь, что я тоже слушаю. — Тогда понятно, почему вы друг к другу тянетесь!

Марк весело заржал, соглашаясь со сказанным.

— Не. Я не ушибленный. Я умный, — усмехнулся краем рта Гонда. — Я, как Вельда уволокли, весь вечер на погосте крутился, за избушкой той наблюдал. Хорошо, вышел вовремя. Успел заметить, куда он забежал. Вечереет, а не одного огонька в оконце не засветилось. Значит, нет там никого! Кому же охота в потёмках сумерничать? Особенно, когда в доме Тимофея стол накрыли. Удачу свою, значитса, обмыть. Ну а ночью, кому оно надо, особо после пьянки, сторожить? Сидельцы и так не убегут. А то, что их освободить могут, сам же говоришь, и в голову никому прийти не могло. Так что, не сильно я и рисковал. Ну, а кроме того. Очень уж мне хотелось Никодима с Тимофеем под правёж храмовый подвести, — в глазах Гонды в этот момент промелькнуло что-то такое — жестокое. — Шибко они мне не любы.

— А что им будет, по суду храмовому? — поинтересовался я, бросив взгляд на последнюю телегу, где угрюмо сидели связанные мужики.

— Да всё что угодно, — хмыкнул весело Лузга. — Только их теперь не жрецы, а господине князь судить будет.

— Ну да, — согласился с ним Гонда. — Зря они ушлёпков умыкнули, особенно тех, что в Горбатый острог топали. За тебя их бы только храмовому суду предали. Ну, забрали бы их отцы-вершители, да в ходоки определили. Так там смерть лёгкая. Ушёл в проклятый город и не вернулся. Ну и баллот тянуть бы, конечно, деревенских заставили. Как же без этого! А вот ушлёпки на службе княжьей находились. Княжество, значитса, от лихого степного люда оборонить должны были. Колдунов хоть и не любят, а польза от них на стенах немалая. Потому и школы мажески появились. Так что князь точно осерчает.

— Да его уже то взбесит, что он повелел, а какая-то деревенщина этому препятствовать вздумала, — хмыкнул Марк. — Видел я один раз господине князя в городе во время праздника. Лютый дядька!

— Да уж. Лучше вместе с нами до города в ушлёпки топать, чем на телеге на правёж к господине князю ехать, — Лузга зябко передёрнул плечами, видимо, представив на мгновение, что сам рядом с Никодимом на телегу уселся.

— Зато деревню от баллота спасли, — почесав голову, задумчиво заявил Гонда.

— Это как? — не понял я. — Меня-то они всё одно похитили?

— По имперским законам, правёж только один раз правят, — покосился в мою сторону Гонда. — А ежели провинностей много, то судят по самой тяжкой.

— Это что же получается, — недоверчиво хмыкнул я. — То есть, если я предположим кого-то убью, то грабить потом могу безнаказанно? Сколько душе угодно? И за это мне уже ничего не будет?

— Ну да, — согласился со мной Гонда. — Жизнь то у тебя одна? Ну, отрубят тебе за разбой руку. Так тебе не всё едино, мёртвому, есть у тебя рука или нет?

— Как-то странно ты рассуждаешь, — немного растерялся я. — Ну, а если сначала руку отрубить, а казнить потом на следующий день, например? Ну, чтоб помучился.

— Ишь ты, ушлый какой! — возмутился Лузга. — Ещё день прожить захотел! А может тебя и целый год не трогать потом? Нет! Тут всё должно быть по справедливости! Заслужил

смерть — получи! И неча тянуть!

Я сконфуженно почесал голову, не найдя что возразить. Потом мысленно махнул на спор рукой. Какая мне собственно разница, как Никодима с Тимофеем казнят? За что боролись, то, завёрнутое в кровавый фантик, и получают. И поделом! Тут, как говорится, награда нашла своих героев! Меня Вимс беспокоит. Ему—то почему убийство Ставра с рук сошло?

— Слушай, Гонда, — решил я окончательно прояснить этот вопрос, — а почему Вимса отпустили. Неужели ему, и вправду, за убийство ничего не будет?

— Раз Невронд с собой в Вилич не поволок, значит, ничего, — пожал плечами в ответ, мой друг. Было заметно, что судьба мага—убийцы его совершенно не интересует.

— А почему? Ставр же на службе княжеской был. А он его убил! При свидетелях! И чего за него Мефодий вдруг заступаться начал?

— А ты разве не заметил, как старый колдун отцу—послушнику что—то показал украдкой? — хмыкнул в ответ Гонда. — Небось грамотку от герцога твинского, охранную! А тот, бают, самому государю императору дальний родственник! Вот и не захотел отец Мефодий связываться. Себе дороже выйти может! В Виличе отцу—приору обскажет всё. Пускай тот и решает, как быть. А с послушника и спросу нет!

— Будет каждому ушлёпку господине герцог грамотку выдавать! — не согласился с Гондой Лузга. — Больно нада!

— А почто тогда отец Мефодий такой ласковый с ним стал? — Гонда иронично изогнул брови. — Будто мёду сладкого объелся!

— Я думаю, что он не просто колдун, а маг храмовой. Вот отец Мефодий и отступился! Не по чину ему ушлёпков храмовых судить!

— А, разве, такие бывают? — удивился я.

— А то! — тряхнул головой Лузга. — Храму немало колдунов служит! Обереги им делают, в кристаллы силу мажеску вливают, города запретные от люда воровского отцам—вершителям стеречь помогают. Тварей магических, что из пустошей иной раз вылазят, опять же, изничтожают. Зато им и послабление немалое идёт!

— И подсудны они только суду храмовому, — важно изрёк Марк. — Даже господине князь колдуна судить не может, коль тот ему храмовую басму покажет. К отцам—радетелям татя отошлёт!

— Так отец Мефодий тоже служитель Троих, — хмыкнул я в ответ. — Разве он...

— Отец Мефодий всего лишь послушник! — перебил меня Гонда. — Он жрецом Троих только через несколько лет станет, если будет на то благословление богов! И храмовой суд вершить не может!

— А почему тогда его во главе обоза послали? — не понял я.

— А кто же ещё поедет? — криво улыбнулся Гонда. — Дорога длинная, да не безопасная. В пути всяко случиться, может. Вон нас чуть волколаки не сожрали! Кому своим животом понапрасну рисковать охота? Вот и посылают жрецы за оброком послушников. Вернутся хорошо — а нет, так не велика потеря. Другого кого возьмут!

— А в деревне Вимсу ничего не грозит? — я всё никак не мог смириться с тем, что убийство сошло магу с рук. — Обоз уехал, деревенские озлоблены.

— Неа, — покачал головой Гонда. — С него, теперича, пылинки сдувать будут. Деревне и так правёж княжеский предстоит. Не одни же они в этом участвовали, — мотнул юноша в сторону связанных. — А если ещё и что—то со спасённым магом случится. Ну, это уже

открытый бунт!

— И что с ними тогда будет?

— Ничего не будет, — хохотнул из-за моего плеча Марк. — Ни их, ни деревни!

— Ну да, — согласился с ним Гонда. — Бунтарей тут ещё пуще степняков не любят. Так что, теперь, Вимсу ещё и провожатых дадут. Чтоб, значитса, до Вилича живым дошёл наверняка.

— И харч хороший в дорогу положат, — горестно вздохнул Марк.

* * *

В деревню мы вошли почти ночью. Собственно говоря, и деревней эти пяток покосившихся изб сгрудившихся в кучу за высоким забором, можно было назвать с большой натяжкой. Так — хутор-переросток. В ней даже погостного двора не было и послушник, скорчив недовольную физиономию, величественно проследовал в дом старосты — юркого, суетливого старика с закатанным за пояс пустым правым рукавом. Стража и возницы с грехом пополам разместились по остальным избам, кое-где даже вытеснив хозяев в сараи. Нам же достался полуразрушенный навес, служивший у местных хранилищем для сена.

— В сено поглубже зароемся — не замёрзнем, — заметив мой растерянный взгляд, решил утешить Гонда. — Не доехали мы чутка, вот беда. Тут переход дальний, а отец-послушник пока правёж над Никодимом творил, замешкался. Вот и вышли поздно. До большой деревни версты три всего осталось, да кто же в ночную пору ехать решится? К тому же, пока здесь баллот потянут, совсем стемнеет.

— Да кому тут тянуть? — не поверил я. — Тут людей чуть больше десятка едва наберётся.

— Кому надо, тот и будет, — по своему обыкновению недовольно пробурчал Лузга. — Видишь, с головной телеги сундук кованый в дом не заносят? Значит, есть, кому баллот тянуть! Сейчас отец Мефодий пузо харчами набьёт и выйдет.

— Ты пойдёшь смотреть? — поинтересовался Гонда у меня.

— Конечно, — оживился я. — Я же никогда не видел... вернее не помню.

Пропускать предстоящее действие я точно не собирался. И дело тут было не только в любопытстве, хотя и оно, конечно, присутствовало. Оно и понятно! Очень уж меня поразили молнии, что бычков в породистых скакунов превратили. Пусть ненадолго, и ноги мы от волколаков просто чудом унесли, но ведь превратили же! А светоч? Маленькое солнце, свободно парящее у тебя над головой, тоже не слабо впечатляет! Поэтому неудивительно, что мне любопытно посмотреть на камни, что среди местных своеобразную лотерею разыгрывают. Зрелище, судя по всему, тоже не ординарное. Но главное всё же не в этом. Информация! Чем больше я узнаю об этом мире в кратчайшие сроки, тем скорее в нём приживусь. Это вопрос элементарного выживания. И лишних знаний тут быть не может!

— Я тоже, пожалуй, пойду, — Марк покосился в сторону сеновала и, вздохнув, повернулся к нему спиной. — Вот ведь. Вроде и видел уже не раз и сияние Йоки и око Хунгара, а ещё посмотреть охотка берёт. Красиво!

— Это точно, — согласно кивнул Лузга и, расплывшись в ехидной улыбке, добавил: —

А ещё я очень люблю за тем как баллот тянут смотреть. У изгоев рожи такими забавными становятся, когда белый вытянут. Потеха!

— То-то ты, наверное, потешался, когда сам его потянул, — покосился я в сторону будущего ушлёпка и оглянулся на Гонду. — Ты-то как, пойдёшь?

— Придётся пойти, — невесело усмехнулся тот в ответ. — Тут, конечно, всего с пяток домов будет, но что-то не хочется мне полночи в них по подпольям лазить.

— Да учёный я уже, — откровенно смутился я. — Меня теперь и Киркоровым в телевизоре не подманишь. Да и где тут узников то прятать?

— Был бы телятя, а загон для него всегда найдётся, — философски заметил Марк, критически осматривая полуразвалившуюся обувь.

— Это да, — согласился Лузга. — Тут, разумеется, особо не готовились. Мы же на постой останавливаться не должны были. Но староста местный, судя по всему, дядька хваткий. Быстро сообразит, что к чему.

— С чего ты взял? — пожал плечами я. — Старик как старик.

— Ты заметил, что у этого старика руки нет? — решил по пути просветить меня Гонда. — Так это, почти наверняка, ему за разбой усекли, чтоб впредь не баловал. Вот он и осел в деревеньке. Но замашки свои, ежели что, быстро вспомнит. Ты даже не сомневайся.

Я и не сомневался. Впрочем, правдивость слов моего друга тут же и подтвердилась. Вот, вроде и недалеко погостье от нашего сеновала было. С полсотни шагов едва наберётся, а, поди ж ты! И их спокойно пройти не дали. Из тёмной подворотни вынырнула маленькая взлохмаченная фигурка и вцепилась Лузге в штанину, захлёбываясь слезами:

— Дядьку! Помоги! Матушка в хате сомлела! Пластом на полу лежит! Тут недалеча!

— Ты чего?! — юноша поначалу даже взвизгнул от испуга, но быстро сообразив, что перед ним всего лишь мальчишка, моментально разозлился. — Ты что сопляк, совсем сдурел?! — резкий толчок и ребёнок отлетает в сторону, в грязь. — Ты чего меня хватаешь?! Его надо хватать! — в голосе мотнувшего головой в мою сторону Лузги, слышалось недоумение и нешуточная обида.

— Ну, погоди дядька! Я ещё тебя не так схвачу, недошлёпок недоделанный!

И маленький провокатор скрылся в тёмном переулке так же шустро, как до этого из него и выскочил.

— Паноптикум, какой то! — весело рассмеялся я, посмотрев ему вслед. — Чем дальше, тем чуднее! — и, мстя Лузге за его слова, ехидно добавил. — Вот только больно топорно действовать стали. Вон даже Лузга не повёлся!

— Просто малой совсем, — набычился тот, исподлобья косясь в мою сторону. — Ума ещё не нажил. Кто ближе был, к тому и подскочил!

— Не скажи, — развеселился Гонда, шумно высморкавшись в придорожную жижу. — Ему староста наверняка пальцем ткнул, к кому подходить. Тут такие дела наобум не делаются!

— Я смотрю, тут в какую деревню не зайди, в старостах одни разбойники и есть. — скривился я, сокрушённо покачав головой.

— А то! — задорно хохотнул Марк. — Иначе не проживёшь!

Перед небольшим деревянным помостом, занимавшим почти половину площади, собралась уже вся деревня. Всё-таки погорячился я немного с полтора десятками душ. Вышло гораздо больше. Навскидку десятка четыре наберётся. И как они в такой тесноте жить умудряются?

Уже окончательно потемнело. Свет факелов, закреплённых по краям помоста, лишь слегка рассеивал полумрак, который тёмной краской решительно стирал очертания, превращая лица в обезличенные серые полумаски в завязанных платках и нахлобученных шапках.

Мы встали чуть в стороне, не мешаясь с местными. Ждать почти не пришлось. Хлопнула дверь, противно взвизгнув проржавевшими петлями, и на помост вышел всё так же недовольный послушник в сопровождении старосты и вытирающего крошки с усов Невронда. Шёпот, до этого гулявший по толпе, стих. Народ дружно поклонился.

— По воле Трoих, я послан отцом-приором сюда, чтобы провести баллот, — начал выдавать явно заученный текст Мефодий. — Дух молодых не крепок и Лишний, да пусть сгинет он за гранью изнанки, легко может совратить их с пути служения истинным богам. Но храм не допустить их гибели! — юноша важно выпятил грудь вперёд, предав голосу торжественности. — И сейчас моими руками сами Трое отделят семена от плевел и укажут на тех, чьи сердца успела поразить порча скверны. Тех, кто встал или может встать, на путь служения Лишнему. Тех, кто отринул от себя милость Трoих! — послушник яростно потряс рукой, с зажатым в ней свитком. — Но Трое милосердны! И в своей доброте не будут карать даже их. Ибо они ещё не отступники, а лишь оступившиеся. И им будет дана возможность смыть свои грехи, послужив на благо Трoих, императора и господине князя. Да сделают Трое свой выбор!

По взмаху Мефодия, два дюжих воина подошли к телеге и принесли оттуда упомянутый Лузгой сундук. Передав свиток подошедшему Невронду, послушник сунул руки внутрь и, вытащив на свет невзрачный неправильной формы шар размером с теннисный мяч, высоко подняв его над головой. Толпа, замерев, казалось, даже перестала дышать.

Я невольно передёрнул плечами, чувствуя, что и мне передаётся буквально витающее в воздухе напряжение. Что это со мной? Вроде бы причин для волнения никаких нет, а меня от возбуждения колотит всего. Массовый психоз? Или это так камешек на сознание воздействует? Вроде не должен. Бульжник как бульжник. Отчего-то даже не решаясь повернуть голову, я скосил глаза в сторону Гонды. Мой друг, не сводя заморожённого взгляда с камня, что-то беззвучно шептал, еле заметно шевеля губами.

Точно гипноз, какой то! Или магия?! По спине пробежал липкий холодок. И что теперь делать?

Делать, к счастью, ничего не пришлось, так как в следующее мгновение Мефодий, что-то пробормотав, подбросил шар вверх. Тот, взлетел неожиданно высоко и зависнул над домами, даже и не думая падать обратно. Я замер, открыв от изумления рот.

Это что, левитация?! Или он полый внутри?! Да нет! Всё равно бы упал!

Шар между тем начал медленно вращаться. Его поверхность тут же заволокло дымчатой поволокой. Цвет стал меняться, становится насыщеннее, ярче и вот уже над головами восторженно замершей толпы сияло маленькое ярко-красное солнце, разгоняя в стороны мрак. На несколько мгновений вокруг стало почти так же светло как днём. Я невольно зажмурился, подставляя щёку под тёплый ласковый ветерок, лёгким порывом мазнувший по лицу. Затем шар начал стремительно тускнеть, вновь изменил цвет и внезапно рухнул вниз зелёным мерцающим комочком. Я непроизвольно охнул, ожидая резкого удара о помост и, в следующее мгновение, выдохнул, сбрасывая охватившее напряжение. Кристалл, каким-то чудом затормозив, замер возле самой земли, продолжая мерно пульсировать мягким зелёным светом.

— Око Хунгара, — в едином порыве выдохнула толпа, падая на колени.

«Мракобесы хреновы!»! — со злостью подумал я, так же падая коленями в липкую грязь.

— «Может они ещё и сапоги лизать заставят»?!

Вот только деваться мне пока некуда. Я не Джордано Бруно, чтобы из принципа на костёр лезть или что здесь у них вместо него для еретиков практикуется? Не знаю, да и узнавать честно говоря совсем не хочу.

— Да свершится воля Троиш, — выдохнул послушник и, взяв свиток из рук Невронда, повернулся к поднявшейся толпе: — Сегодня баллот тянут трое: Неклюй, сын Тихона, Степан, сын Трофима и Неждан, сын Трофима. Пусть выйдут.

Толпа ожила, раздвинулась, пропуская вперед трёх кандидатов. Послышался сдавленный женский плач.

— Смотри! Близнецы! — возбуждённо толкнул меня в бок Лузга, очевидно забыв о недавней размолвке. — Как две капли друг на друга похожи!

Действительно из троих склонившихся в поклоне юношей, двое были на удивление схожи, даже волосы из-под линялых треухов торчали одинаково упрямо.

— А что будет, если один из них вытянет баллот, а другой нет, — поинтересовался я у Гонды. — И тот, кто вытянул, на утро сознаться в этом откажется? Как послушник определит, кого забирать? Их же не отличишь. Как ещё они сами себя друг с другом не путают!

— Вот ещё! Будет отец Мефодий голову ломать! — фыркнул в ответ мой друг. — Раз близнец добровольно сигму одевать не хочет, значит, воле Троиш противится. Это, почитай, то же самое будет, что и твой побег. Заберут обоих близнецов, да ещё троих в придачу — всего и делов!

Между тем, первый из испытуемых, которого звали, судя по всему, Неклюй, нерешительно опустившись на колени перед шаром, осторожно коснулся его поверхности ладонями. Камень, в ответ, ожил, окутав руки юноши клубящейся зелёной дымкой.

— Как будто рентгеном просвечивает, — выдохнул я, зачарованный зрелищем.

Дымка между тем опала, втянувшись обратно в шар. Юноша убрал с него руки и поднял с помоста продолговатый предмен такого же зелёного цвета.

— Откуда он его взял? Не было же ничего? — Не поняв, повернулся я к другу.

— Трое дают, — пожал плечами в ответ тот. — Это баллот и есть. Сейчас он зелёный, но как положишь на чашу Йоки, либо почернеет, либо побелеет. Это уж как боги решат!

Тем временем, к шару по очереди подошли близнецы. Действие повторилось, и каждый из братьев также стал обладателем персонального баллота. Судорожно сжимая зелёные пластины в руках, трое юношей сгрудились напротив послушника, не сводя испуганных взглядов с сундука.

— Вот сейчас, ежели ряд с кем-то заключён, охотнику баллот и передают, — жарко дохнул мне в ухо Марк. — Прямо как тебе в тот раз.

Мефодий, не спеша, коснулся шара, мгновенно погасив его, и бережно положил в сундук. Толпа вновь затихла, ожидая продолжения. Я уже привычно передёрнул плечами, сбрасывая с себя оцепенение. Послушник между тем достал продолговатый такого же зелёного цвета камень, который был настолько сплюснут, что походил на огромную оладью с надкусанными краями. Будущий жрец бережно, словно артефакт был из тончайшего хрустала, положил кристалл перед собой и отошёл на пару шагов назад. Все замерли. Сначала ничего не происходило. Камень лежал неподвижно, словно обычный булыжник.

— Батарейки разрядились, что ли, — чуть не сорвалась с моих губ шутка, но я вовремя спохватился. Могут и по шее надавать. Вон как смотрят. Будто на икону. Камень между тем, очевидно, решив, что полежал достаточно, начал оживать. Сначала его поверхность начала странно пузыриться, словно и не камень это вовсе, а вода закипает. Впрочем, мельтешение пузырьков быстро прошло, уступив место пришедшему на смену голубоватому сиянию, хаотично то сжимающемуся, то разжимающемуся вокруг артефакта. Интенсивность колебаний стала нарастать, уже с трудом улавливаясь глазами и в какой-то момент вверх ударил столб света, образовав на высоте около метра над камнем, что-то вроде маленького, бешено вращающегося на одном месте смерча. Восторженный выдох и процедура падения на колени повторилась. Мысленно чертыхаясь, опустилс я. А что делать? Попал в волчью стаю — вой по-волчьи. А то за ягнёночка примут. И поступят соответственно.

— Чаша Ойки, — с придыханием шепнул мне в другое ухо Гонда.

Я оглянулся. В глазах моего друга отражался восторг и благоговение. Что же. Надо признаться, меня это зрелище тоже порядком впечатлило.

— Пришло время узнать волю Троих, — в голосе Мефодия проскользнуло нетерпение. Оно и понятно. Ему-то эта картина за время поездки по деревням наскучить успела, а в доме закуска стынет.

Наступило гробовое молчание. Десятки глаз напряженно всматривались в троицу испытуемых. Юноши нерешительно переглянулись между собой. Было видно, что подходить в чаше им очень страшно, но вдвойне страшно было сделать это первым.

— Первым будешь ты, Неклюй, — окончательно потеряв терпение, решил ускорить ритуал послушник. — И поспеши! Своим промедлением ты оскорбляешь Троих!

Темноволосый юноша вздрогнул, услышав своё имя, оглянулся на толпу, ища у кого-то из родичей поддержки и нерешительно подошёл к сияющей чаше.

— Не тяни, Неклюй, — подбодрил юношу староста. — Твоя судьба уже определена Троице. Она у тебя в руке. Положив баллот в чашу, ты лишь узнаешь, что тебе уже предопределили боги.

— Да, дядька Панас, — шмыгнув носом Неклюй. Его начало заметно трести. Чувствовалось, что юноша с трудом держит себя в руках. — Я щас.

Неклюй протянул пластину к чаше, почему-то держа нетяжёлый на вид баллот двумя руками. Напряжение достигло предела. Несколько томительных мгновений, юноша боролся с собой, заставляя разжаться окаменевшие пальцы и, наконец, выпустил баллот из рук. Пластина опавшим осенним листком закружилась в голубом сиянии и медленно опустилась на камень. Оттуда с шипением повалил густой пар. Будто на горячую сковородку водой плеснули. Пластина исчезла из вида. Люди замерли до рези в глазах всматриваясь в голубоватое марево. И дружно выдохнули, переводя дух.

— Чёрный баллот то! Вон оно как! — Охнул один из мужиков.

Толпа оживилась. Кто-то радостно хохотнул, староста одобрительно крикнул, махнув уцелевшей рукой.

— Неклюй, сын Тихона чист перед Троице, — скользнул равнодушным взглядом по начавшему расплываться в широчайшей улыбке юноше Мефодий. — Да будет с ним их благословение!

Неклюй поклонился послушнику, затем десятнику и старосте, и быстро почти бегом соскочил с помоста в толпу. Раздались весёлые возгласы, поздравления, хлопки по плечу.

Видя удачу односельчанина, решилс один из братьев. Довольно уверенно подойдя к

чаще, юноша пошевелил губами, прочитав про себя коротенькую молитву и вытянув над чашей левую руку, разжал пальцы. Ещё один зелёный лепесток закружился в воздухе, плавно опускаясь на камень. С уже знакомым шипением баллот скрылся у его поверхности. Все вновь замерли, затаив дыхание. Несколько мгновений тишины и дружный выдох, больше похожий на стон. На поверхности камня отчетливо выделялось белое пятнышко. Послушник саркастически скривился, досадливо крикнул староста, где-то в толпе горько заплакала женщина.

— Как твоё имя? — строго спросил Мефодий у побелевшего как баллот на камне юноши.

Но тот, не сводя остекленевшего взгляда с чаши, похоже, даже не услышал вопроса. Над погостом повисла напряжённая тишина.

— Назови своё имя, изгой! — рявкнул, начавший терять терпение, Невронд. — Забыл, перед кем стоишь, выкормыш стёртых?

— Степан он, господине десятник! — возбужденно откликнулся другой близнец, прижимая баллот к груди. — Как есть Степан!

— Ты узнал волю Троиш, Степан, — раздражённо прошипел прямо в лицо неудачнику Мефодий. — Завтра поутру будь здесь, для совершения обряда.

Юноша, не сводя затравленного взгляда с чаши, механически передвигая ногами, двинулся к краю помоста.

— А как же! — всполошился, ещё не прошедший испытание, близнец. — Ну, это.... Сейчас бы ему стигму одеть надо, всеблагой отец! Он же потом ни в жись не сознается, что именно ему баллот выпал! На меня кивать будет!

— Видал, как глаза вылупил? — злорадно фыркнул Лузга, переминаясь с ноги на ногу. — У тебя Вельд такой же вид был, когда баллот белым стал, — он хотел ткнуть локтем в бок, но встретившись со мной взглядом, почему то передумал и повернулся уже к Марку. — А вдруг и вправду не сознается? Вот потеха будет!

— Чего уж тут весёлого? — тяжело вздохнул я. — Вон плачет кто-то. Мамка, наверное.

— Ничё. У неё второй остаётся, — и не подумал расстраиваться по этому поводу Лузга. — Причём такой же. На одного посмотрела, как будто обоих увидела!

— Может и вправду придержать до поры этого Степана, всеблагой отец? — озадачился между тем Невронд. — Как бы путаницы не было.

Неждан, продолжавший что-то лепетать вслед уже смешавшемуся с толпой брату, с надеждой покосился в сторону послушника.

— Неча, — зевнул в ответ тот. — Трое дадут — разберёмся, — и прикрикнул на оставшегося близнеца. — Чего встал, орясина? Мне что тут до утра стоять?

— А вдруг и второму белый выпадет? — поинтересовался я, с опаской.

— Неа, — энергично потряс мой друг головой. — Белый так часто не выпадает. Я вообще думал, что тут без изгоев обойдётся. Но выдать нагрели перед Троиши.

Брат неудачника очевидно думал так же. Во всяком случае, к чаше он подходил довольно спокойно. Быстрый взмах руки и пластина сброшена в чашу. То ли попав в какие-то воздушные потоки, то ли ещё что-то повлияло, но зелёный лепесток долго кружился над камнем, упорно не желая опускаться. Люди с затаённым дыханием следили за этим полётом, ожидая его конца. Наконец баллот коснулся поверхности камня. Близнец, казалось, прожигал взглядом поднявшиеся клубы пара. И первым увидел результат.

— Этого не может быть! — звериный крик заставил меня вздрогнуть. Толпа

заволновавшись, подалась вперёд, загоразивая обзор. Впрочем, мне и так уже было всё понятно. Трое не захотели разлучать близнецов и им предстоит собираться в дорогу вместе.

— Вот это да! Двоим из троих белый баллот выпал! — восхищённо покрутил головой Марк. — Видать много всякого за этой деревней водится! Недаром бывший тать, у них в старостах!

— Ну что брате?! Не шибко долго ты веселился! — радостно скалясь, высунулся из толпы Степан. — Думал, я в ушлёпки подамся, а всё хозяйство тебе отойдёт?! А вот выкуси!

Неждан с перекошенным от ярости лицом кинулся в толпу. Началась толчея. Посыпался отборный мат.

— Твоя, правда, всеблагой отец, — Невронд, поглаживая усы, с одобрением наблюдал как мужики, отвешивая тумачи, разводят в стороны братьев. — Трое и впрямь мудры!

— Замыслы Троих не доступны простым смертным. Мы можем лишь со смирением принимать то, что они уготовили нам, — с пафосом продекларировал Мефодий явно не свои слова и развернулся в сторону дома.

Уход отца-послушника словно послужил сигналом и толпа стала стремительно редеть. Лишь пара мужиков да староста задержались возле пожилой, горько рыдавшей женщины, пытаясь хоть как-то её утешить. Рядом, неловко переминаясь с ноги на ногу, стояли близнецы, недобро поглядывая друг на друга.

— Захиреет деревенька, — причитая, прошёл мимо нас невзрачный мужичок. — Одни старики не сдюжат.

— Это да, — согласился, бросив пристальный взгляд ему вслед, Гонда. — Вымрет, похоже, деревня. — И повернувшись ко мне, добавил, насупившись: — Нам с оглядкой почивать тут нужно будет. Местные в отчаянии. Как бы за счёт нас свои дела поправить не решили. С них станется! — он задумчиво потёр подбородок, глядя на рыдающую женщину, и толкнул меня в бок. — Пойдём отсюда подобру-поздорову. Нечего зазря глаза мозолить.

Я, молча, последовал вслед за другом. На душе было мерзко и пакостно. Картина рыдающей матери близнецов стояла перед глазами. В душе шевелилась жалость. Хоть умом я и понимал, что нахожусь в жестоком мире и они-то меня, если что, хрен пожалеют, но менее паскудно от этого, почему то не становилось. Видно не свыкся я ещё с местными реалиями до конца. Не научился сочувствовать только себе, любимому.

К сеновалу шли в почти полной темноте. Если на площади коптящие факелы давали хоть какой-то свет, то здесь я с трудом различал лишь размытые контуры строений да очертания более светлой дороги.

— Пришли, кажись, — судя по напряжённому голосу Лузги, обратная дорога ему тоже удовольствия не доставила.

— Угу, — тьма неожиданно резко отпрянула в стороны, уступая место сумраку и Марк, удовлетворённо хмыкнув, сунул руку за пояс.

— Сумеречница? — утвердительно поинтересовался я, с любопытством оглядываясь. Хоть и в чёрно-белых тонах, но на десяток шагов предметы обрели чёткие контуры. Не светоч, конечно, но мимо рта ложку точно не пронесёшь!

— Он самый, — подтвердил Гонда, наблюдая, как Марк с Лузгой зарываются в сено. — До самого утра так светить будет! — мой друг, скинув с плеча мешок, широко зевнул. — Давай тоже ложиться. Закапывайся рядом со мной. Так теплее будет.

Я уже почти уснул, когда Гонда неожиданно толкнул меня в бок.

— Кстати. Хочу тебя поздравить.

— С чем же? — искренне удивился я.

— Сегодня первый день, когда ты умудрился ни во что не вляпаться. Осваиваешься!

— Угу, — согласился я, засыпая. — Хотя новый день ещё не настал. Кто знает, может я ещё что-нибудь придумаю!

* * *

Но ночь прошла на удивление спокойно. Не было ни посланцев от зовущего на очередной правёж десятника, ни радушных, желающих от души угостить крепким варом сельчан, ни смазливых вдовушек неожиданно воспылавших страстью к молодым паренькам. Мне даже поутру немного не по себе стало. Уж больно тихо всё. А отсутствие мелких неприятностей, обычно предвещает неприятности крупные. Это как тайфун в море. Ему обычно мёртвый штиль предшествует. И чем больше длится штиль, тем сильнее грянет буря.

Но и последующие два дня прошли также без происшествий. Не скажу, что мной совсем никто не заинтересовался, но всех благожелателей, что пытались пообщаться, я без раздумий отфутболивал, даже не вникая в суть предложений. Хватит! Дураков на те же грабли наступать нет! Уж лучше вы к нам! Мы по-прежнему топали в хвосте обоза, изредка лениво подшучивая друг над другом, ночевали под крышей очередного ветхого сарая и поутру вновь оправлялись в путь. Разве что побольше нашего брата стало. Кроме близнецов, добавилось еще двое парней, доведя численность нашей небольшой и совсем не сплочённой группы до восьми человек. В общем, дальнейшее путешествие превратилось в рутинную тягомотину и я начал надеяться, что спокойно доберусь до города. Но на третий день всё изменилось.

— Ох, и отдохнём мы сегодня! — наверное уже в пятый раз за день сообщил мне Гонда. Мой друг уже с утра находился в приподнятом настроении и его не смогли омрачить ни переправа через пусть и мелкую, но довольно холодную речушку, ни начавшая окончательно разваливаться неказистая обувь до времени перетянутая обрывками одолженной у запасливого Марка верёвки. И с каждой пройденной верстой, это настроение всё улучшалось и улучшалось.

— Наемся от пуза, — продолжал озвучивать свои мечты между тем Гонда. — Дядька Антип никогда на жратву скупым не был и ко мне относился по-хорошему. А какой вар у него! — смачно причмокнул он губами. — Не чета тому, что Никодим угощал. Забористый!

— Что-то не тянет меня больше на вар, — осторожно заметил я.

— Не бойсь, — приобнял меня мой друг. — Чай не у Никодима гостевать будем, а у дядьки моего родного. Там нам опасаться нечего будет! Наоборот! Встретят как кровных! Накормят, напоят, да ещё и спать уложат! — Гонда озорно подмигнул мне и облизался, как кот перед крынкой со сметаной. — Иль ты мне не веришь?

— Верю, конечно, — даже обиделся я. — Я не о том. Просто ты сам видел, как на меня этот вар действует. Да и потом, голова страсть как болит.

— Это потому, что выпил ты его тогда без меры, — засмеялся Гонда. — Да и только Лишний знает, из чего его Никодим варил. Гадость ещё та!

— Палёнка, что ли? — уточнил я.

— Вот почему мне нравится с Вельдом дорогу делить, — засмеялся, обернувшись,

Марк. — Весело с ним! Он такое иногда скажет, что колени от смеха подгибаются! Кто же вар палить будет? И как? Это же тебе не хряк какой-нибудь!

— Да я не то имел в виду, — озадаченно почесал я за ухом. — Я к тому, что продукция не качественная!

На этот раз к Марку присоединились и Гонда с Лузгой. Даже идущие чуть впереди новенькие оглянулись. С ними, кстати, отношения у нас пока не заладились. Впрочем, они не только с нами, между собой-то не больно ладили. Вон близнецы до сих пор друг на друга волками смотрят, даром, что братья родные. Видно Степан до сих пор не мог простить брату его радости, после вытянутого белого баллота, а Неждан — потерянной надежды, что вспыхнула когда не повезло брату. Впрочем, по словам, всё того же Гонды, вся эта игра в молчанку до поры. Лузга вон с Марком тоже, в начале, рожи корчили и зубами скрипели, а сейчас ничего, вполне нормальные парни. Да и пример Силантия перед глазами до сих пор стоит. Все так, поначалу, переживают.

— Один только ты морду кривить не начал, — заявил мне тогда Гонда. — Ну, так ты же у нас не как все. Наособицу!

Вот и пойми: то ли похвалил, то ли ушибленным на всю голову обозвал!

— Да хватит вам ржать, — чуток подумав, решил обидеться я. — Если я говорю что-то для вас непонятное, то это вовсе не значит, что я сказал, что-то глупое! Может быть, как раз всё наоборот.

— Эко завернул, — впечатлился Гонда. — Прямо как по писаному. И где только научился!

— И не говори, — решил поддержать его Лузга. — Аж самому захотелось до пустоши сходить. Вдруг и мне что перепадёт.

— Сейчас палкой в рыло обоим перепадёт, — окончательно озлился я. — Тоже говорят, мозги хорошо освежает!

Теперь мы весело рассмеялись вместе.

— Так вот, — решил продолжить свою оду Гонда. — У дядьки Антипа вар мягкий. Горло сильно не дерёт и в голову помягче бьёт, без одурения. Главное меру знать! А какие у Ганьки грибочки! — юноша мечтательно облизнулся. — Так на зубах и хрустят! Она их по особенному маринует. Секрет какой-то знает.

— Я бы на твоём месте, чем другим у Ганьки поинтересовался, а не грибочками, — сально усмехнулся Лузга и повернулся ко мне. — Эх, и везёт же тебе! Жаль, что мне с вами нельзя!

— Неа! — отрицательно покачал головой Гонда, даже не взглянув в его сторону. — Я же говорил. У Ганьки только одна подруга. И её я уже Вельду обещал. Насчет харча, я вам двоим расстараясь, но к Ганьке со мной только Вельд пойдёт.

— Ну, хоть пожрём по-людски, — ничуть не опечалился Марк.

— Тебе бы только жрать! — раздражённо заметил Лузга. Перспектива пролететь мимо банкета его явно расстроила.

— Ага, — и не подумал спорить верзила. — Бабы они всегда есть, — и деланно вздохнул, — а вот жратва кончается быстро.

Мы дружно рассмеялись. Вообще то, честно говоря, я охотно поменялся бы местами с Лузгой. Пусть он знакомится с Ганькиной подругой, если ему так приспичило. И дело вовсе не в том, что меня к женскому полу не тянет или проблемы какие в физиологическом плане. Вовсе нет. Тут-то как раз всё нормально. Просто не лежит у меня душа к этой вечеринке. Ну,

вот совсем. Предчувствие какое-то нехорошее. Кто знает? Может, обжѣгшись на молоке, я на воду дую? Очень уж напугало меня это сидение в подвале. А может все эти происшествия уже вбили в мою голову психологический запрет; нельзя от обоза никуда отлучаться — беда будет. Не знаю. Да и неважно это. Главное, что не хочу я никуда идти — хоть убейте! И ведь умом понимаю, что если уж ушлый Гонда говорит, что боятся нечего, то так оно на самом деле и есть. Уж он-то точно на наивного дурачка не похож и, понапрасну, рисковать, не будет. И по женской ласке тоже страсть как соскучился. Давно у меня ничего не было. Хм... А почему я уверен, что вообще что-то, когда-то было? Мда. Не помню. Да и Лишний с ними, с бабами! Было.... Не было.... Не в ромашку играю! Главное, что идти я сейчас никуда не хочу! И всё!!! Вот только как это Гонде объяснить? Он от души старается, по-дружески. Вон как сияет. Весь в предвкушении. И ведь видно, не только за себя радуется, но и за меня.... А я ему о предчувствиях каких-то смутных.... Мда.

Мои размышления прервал хриплый крик одного из воинов. Приложив руку к глазам в виде козырька, он напряжѣнно всматривался в степь справа от нас. Властно рявкнул Невронд и воины, укрывшись за повозками, начали торопливо натягивать арбалеты, возницы поудобнее перехватили кнуты, готовясь, если что, тут же пустить их в дело. Привстал на телеге и послушник, привычно положив руку на уже знакомый амулет, благо Вимс его от души наполнил энергией.

— Двигаем ближе к обозу, — моментально среагировал Гонда и, рванувшись вперед, потянул меня за собой. В два прыжка я очутился возле последней телеги, ухватившись за неё рукой. Уже знакомый мне вой недобро сощурился и руку с телеги я поспешно убрал. А ведь если что, не пустит он нас на неё. Восемь лишних человек многовато будет, да и деревни поблизости не видать. Совсем плохо.

— Что там, Виленд? — поинтересовался Невронд, вынимая меч из ножен.

— Вроде прячется кто-то в траве, — ответил тот, продолжая внимательно высматривать нечто видимое только ему. — Голову на миг подняли.

— Да кому там прятаться то? — удивился десятник. — Степняки с коней нипочѣм не слезут. Они разве что не спят на них, а тати средь бела дня по степи не бродят. Им лес милей. Да и на храмовый обоз нападать — дураков давно нет.

— А тебе не показалось? — решил снизойти до беседы с простым ратником и Мефодий. — Может просто трава колыхнулась.

— Нет, всеблагой отец, — поклонился тот в ответ. — Я ясно выдел. Да и сейчас там шевеление странное есть.

— У Виленда глаз острый, — заступился за воина Невронд. — И вой он опытный. Загр тревогу не подымет.

— Так кто же там? — задумчиво погладил кристалл послушник. — Может зверь, какой?

— Ты, — Невронд повелительно указал пальцем на одного из близнецов. — Иди, посмотри, что там такое.

— Как же так, господине десятник, — моментально побледнел тот. — Я и не умею.

— А чего тут уметь, — недобро сощурился Русин, отложив в сторону арбалет и вынимая плеть. — Ты иди давай, а то господине десятник долго ждать не любит.

Близнец, мелко задрожав, затравленно оглянулся по сторонам. Его брат незаметно отодвинулся прочь, от греха подальше. Мол, как бы ни перепутали.

— Ну! — меченый угрожающе придвинулся к краю телеги. — Долго тебя ждать, отрыжка Вопящих?

Близнец всхлипнул и обречённо побрёл в сторону подозрительного места. Было хорошо видно, что ему сильно страшно. Неровная, спотыкающаяся походка, прижатые зачем то к груди руки, вытянутая в попытке хоть что-то рассмотреть шея. Я зло взглянул в сторону десятника. Вот сволочь обнаглевшая. На нём же защита обоза! Вот и посылал бы кого-то из воинов. Им за это жалованье платят! Нет, на нашем горбу выехать захотел! Изгоя если что не жалко!

— Ох, ты! — близнец, по-видимому, что-то, разглядев, бросился вперёд и упал на колени: — Здесь вой раненый! — крикнул он, обернувшись к нам. — Наш, то есть княжеский!

Через минуту незнакомый воин уже лежал в одной из повозок. Собственно говоря, о том что он воин, можно было понять только по чудом не потерянному шлему и перевязи с мечом, пристёгнутому прямо на исподнее. От доспеха и сапог, он, судя по всему, по каким-то причинам, избавился. Ну, или помогли избавиться. Хотя второе маловероятно. Зачем тогда меч со шлемом оставлять? Они тоже денег стоят. Вид ратника вполне соответствовал его одежде: безумный блуждающий взгляд, воспалённые потрескавшиеся губы, опалённая как от ожогов кожа.

Виленд, бережно приподняв голову, приложил к губам плоску с водой. Воин судорожно глотнул, закашлялся, вновь глотнул, постепенно приходя в себя.

— Где я? — прохрипел он, силясь приподнять голову.

— В безопасности, — положил руку ему на плечо Невронд. Виленд вновь поднёс к губам воду. — Ты кто? Откуда ты вой?

— С Хованного острога я, — воин не оставлял попыток приподняться. — Никшой меня кличут, господине. Меня господине кастелян послал.

— Хованного? — не на шутку озадачился Невронд. — Да до него седмицы две пути будет. Ты часом не врёшь мне вой? Ты как сюда попал?

— Меня господине кастелян послал, — вновь повторил Никша. — Беда у нас. Острог степняки осадили. Гильтов шесть будет, не меньше! Да и в сторону Вилича ещё с десятков ушло.

— С чего бы так много? — не на шутку встревожился десятник. — Степняки не любят в большие отряды сбиваться. Неразбериха у них тогда начинается. Не терпят коренные над собой чьей-то власти.

— Так до недавней поры и было, — облизав потрескавшиеся губы, согласился Никша. — Да только слух дошёл, что всё же объединил их кто-то. Наибольший у них появился. Вот его людишки под крепостцу и пришли.

— Не мели чепухи, вой! — Мефодий даже побагровел от негодования. — Степняков уже почитай больше трёх веков, со времен ырги Юнуса, никто не объединял! Да и тот плохо кончил!

— Что-то темнишь ты, вой, — нахмурил брови Невронд. — И ты не ответил на мой вопрос. Если ты в Хованного острога, то тут как оказался? И зачем бы тебя господине кастеляну куда-то посылать? Голуби же есть!

— Голуби есть, — искривил рот в страшной улыбке Никша, — то правда. Да толку в них нет. Господине кастелян три раза весточку в Вилич послать пытался, да все бестолку! Со степняками шаманы пришли. Все птицы сразу за стеной на землю камнем падают.

— Врёшь! — зло прорычал десятник, схватив Никшу за грудки. — Степняки шаманов в поход с собой ни в жисть не возьмут! Тем обычай свои земли покидать настрого воспрещает!

Это я доподлинно знаю! Ты сам их видел?!

— Нет, — помотал головой Никша. — Их никто не выдел. Да только ушлёпки волшбу почувствовали. Сказывают, что не их волшба — шаманская. Людишки бают, что знамение им какое-то было. Вот они вслед за воями и потянулись.

— Какие знамения у этих скотов быть могут? — донельзя перекопился отец Мефодий и добавил, будто плюнул: — Дикость и ворожба нечестивая!

— Вот господине кастелян и стал охотников кликать, грамотку в город доставить, — продолжил между тем Никша. — Десять золотых награды посулил, вот я и соблазнился на свою голову.

— И как же ты ушёл? Они же на конях? — Невронд буквально навис над раненым, буравя его глазами.

— Если кто в Хованном остроге бывал, то знает. Пустошь там рядом есть. Длинная, но узкая очень. Насквозь просвечивается, — было видно, что слова даются воину с всё большим трудом, и он балансирует на грани беспамятства. — Вот я и решил рискнуть. Степняки к ней и близко не подходят. Не любят они магии. Я туды ночью и рванул. Думка была наскоком проскочить, ан не вышло. Закрутило меня. Там темно, не видно ничего. Долго блуждал, думал, вообще не выберусь. Очнулся уже туточки. Даже не помню как.

— Пустошь и не такое может, — заметил кто-то сочувственно. — Как же ты выбрался?

— Не знаю я. Говорю же, не помню ничего. Даже как доспех потерял, не помню. Что-то жгло очень.

— Пряма как ты, — шепнул мне на ухо Лузга. — Ничего не знаю, ничего не помню.

— Ладно. Без грамотки веры особой тебе пока нет, — Мефодий отвернулся от Никши и, глядя на Невронда, добавил. — Доедем до деревни, я отцу-приору весточку пошлю. Обскажу всё. Пусть сам решает, как дальше быть.

Обоз продолжил свой путь. Мы опять слегка приотстали, дав последней повозке отъехать от нас на десяток метров. Не любят вои, когда мы рядом с ними находимся. Вот не любят и всё. Вон меченый до сих пор, на нас косится.

«Сволочь», — подумал я. — «Нас за людей не считает. А у самого, если поглубже копнуть, столько дерьма наберется. Только и умеет, что за чужими спинами от опасности прятаться».

— Сволочь, — повторил мои мысли вслух близнец-разведчик. В его голосе было столько ненависти, что если бы слова могли убивать, меченый давно бы рухнул на землю замертво. Да и десятник его ненадолго пережил.

— Чего ты так озлился? — решился возразить его брат. — Обычное дело. Воев немного. Их беречь надо, а наши жизни и ломаного гроша не стоят.

— Кто бы говорил! — окрысился первый, — Сам-то сразу за чужими спинами спрятался! Боялся, что, не дай Лишний, вместе с братом пошлют!

— А сам-то как бы поступил? — зло вскинулся в ответ второй. — Вона как обрадовался, что мне белый баллот выпал! Думал, что тебе теперь всё хозяйство после смерти матушки останется? Ан не вышло по-твоему! Вместе со мной вон топаешь! И в школе мажеской вместе гнить будем!

Рывок за рукав и мы с Гондой слегка приотстали, пропустив, продолжавших собачится близнецов вперёд. Оглянувшись, я понял, что остальные повторили наш манёвр.

— Пускай без нас ругаются, — пояснил, заметив мой вопросительный взгляд, Гонда. — Вон как разорались! Как бы десятник на шум не осерчал. Вон хмурый какой. Вот пускай они

вдвоём и огребаются. Зачем и нам под горячую руку попадать?

— А вот я не понял, — решил поинтересоваться я. — Нас же вроде нельзя трогать, а Невронд вон одного из этих, — кивок в сторону не на шутку сцепившихся братьев, — разведать послал. А если бы убили? Разве это не нарушение воли Троиш?

— Оно вроде так, — согласился со мной Гонда. — Да только десятнику оброк жреческий сохранить поважнее будет. Да и с отца-послушника за это спросят. А за нас особого спроса нет. Сколько дойдёт до города, столько и дойдёт. Так что понапрасну нас, конечно, губить никто не будет, но если что, в первую очередь пожертвуют. Помнишь, как с волколаками то было?

Между тем прогноз Гонды сбылся. Десятник коротко рявкнул и с последней телеги прыгнул меченый. Быстро приблизившись, к уже схватившим друг друга за грудки близнецам, воин утробно хекнул, взмахнув пару раз кулаком. Братья кубарем укатились с дороги, сминая сочную траву.

— Будете ещё шуметь, я вам всем скулы набок посворачиваю, отребье колдовское! — зло процедил, уставившись на нас, Русин. — Ишь ты! Вой им не указ! Вы помёт свинячий у меня жрать будете, выродки айхи!

Смачно сплюнув, он повернулся и со злостью пнув придорожную кочку, начал догонять обоз.

— Ишь злопамятный какой, — задумчиво посмотрел ему вслед Гонда. — Не забыл ничего. Но не беда. Видят Трое, я тоже на память не жалею. Как оно там дальше повернётся, один Лишний ведаёт!

— Да никак не повернётся, — пожал плечами, недобро поглядывавший в сторону обоза, Лузга. — Он вой, а мы лишь ушлёпки будущие. — И повернувшись к Марку, предупредил: — Как в школу придём, в город лучше не ходить. Кто его паскуду знает. Может он и золотой монеты не пожалеет, чтоб только поквитаться.

Справа раздались стоны, копошившихся в траве, близнецов. Наша компания дружно протопала мимо, даже не попытавшись помочь. Лишь только новенький, присоединившийся к нам в последней деревне долговязый юноша в волчьей шапке, злорадно хохотнул. Покачав головой, я тоже задерживаться не стал. Сами виноваты! И пора уже привыкнуть, что здесь каждый только за себя, и мимо меня все точно также прошли бы. Хотя нет. Гонда бы не прошёл. Повезло мне с другом!

— А, чего это мы должны в городе этого упыря бояться?

— А то, — повернулся ко мне Лузга. — Это в пути мы под защитой Троиш, а как в Вилич придём, то всё — воля богов исполнена. И будем мы совсем никто. Хуже рабов даже. Тех трогать нельзя. У них хозяин есть. А мы почитай пока магами не станем ничьи. Нас при желании и прибыть запросто можно.

— То есть как? — зодачился я. — Мы же вроде как к службе готовимся? Так и всех поубивать можно!

— Тут не всё так просто, — поморщился Гонда. — Совсем без наказания убивец не останется. Виру заплатить ему придётся. Аж цельный золотой. Так что простой горожанин трижды подумает. Скорее уж просто поколотит. Деньги то немалые! Другое дело, вой. Слышал я, что жалованье им платят доброе. Так что, если зло затаил, может и потрясти мощной.

— Да так любого убить можно! — возмутился я.

— Не. Не любого. Только нас, — не согласился со мной Марк. — За убийство того же

горожанина, враз на верёвку вздёрнут! А ежели кого познатней, то и того хуже. Даже колдунов убивать нельзя, ежели только на поединке. Они же службу княжескую несут.

— А чем этот поединок от убийства отличается? — язвительно поинтересовался Гонда. — Вот станешь ты магом и тебя этот нерюх, — кивок в сторону повозки, — на поединок вызовет. И что? Пока ты заклинание готовить будешь, он в корчму сбегать успеет, выпьет там за упокой твоей души, девку обрюхатит, а потом вернётся и не спеша тебя зарежет. И золотой платить не надо!

— Да что вы прицепились к этим законам? — горячо заметил Лузга. — А то мало в городе убивают просто так. И послухов потом не сыскать!

Сзади раздалось пыхтение. Я оглянулся. К группе пристроились близнецы, молча стирая с лиц кровавые сопли. Выяснить дальше между собой отношения, им явно расхотелось.

— А что степняки и впрямь набег сюда готовят? — решил поинтересоваться я. — Что и город осадить могут?

— Это вряд ли, — беззаботно махнул рукой Марк. — Наплёл что-то вой. Не в себе видно был. Степняки ничьей власти над собой не терпят. У них даже в кочевьях главного нет. Каждый род сам по себе. Только когда в бой идут, на гильты делятся, и то, власть у коренного временная. Только на время похода.

— А сколько в гильте народу будет?

— Двадцать один вой. Это вместе с коренным, — объяснил мне Гонда. — Степняки, когда решат мечами позвенеть, в гильт и собираются. И больше числом гильт быть не может. Если ещё кто-то хочет в него попасть, то должен любого из гильта на бой вызвать и убить. Ну, или сам умереть. Это уж как Лишний даст. И в набег каждый гильт сам по себе идёт. В основном молодые вой. Он любят удасть свою показать, да добычу захватить.

— И часто они такие набеги делают?

— Да почитай каждый год, — мрачно ответил Лузга. — Это у вас там в лесу хорошо. Они туда не больно суются. А здесь того и гляди наскочат и пограбят. А то и живота лишат.

— А вой княжеские что же?

— А что вой? Пёхом за конным не больно-то побегаешь. Те набег сделают, пограбят и опять на коней. Попробуй, угонись за ними. И засаду в степи не сделаешь. А в лес они не суются.

— Мда. Насчёт того, что другим коней иметь нельзя, это они здорово придумали, — одобрил я. — Значит, не будет осады города?

— Да ни в жизнь, — уверенно заявил Марк. — Им и по деревням добычи хватает. У Вилича стены высокие!

— А как гонец сюда попал?

— Бывает иногда, — пожал плечами Гонда. — Раньше старики бают, маги могли куда угодно враз попасть. Раз и ты, к примеру, уже в столице, у императора во дворце, значитса. А после века пылающих небес, в пустошах, похоже, какие-то остатки этих порталов и остались. Как их искать и как работают, никто не знает, но изредка кто-то из тех кто рискнул в пустошь сунутся, в них попадает и очутится, потом, может где угодно. Одного бают, даже в султанат занесло к неверным.

— А где он, этот султанат, находится? — заинтересовался я.

— Да Лишний его знает, — пожал плечами Гонда. — Есть где то. А хоть бы и не было, тебе не всё равно?

Так за разговорами день незаметно подошёл к концу. Степь, к тому времени, немного

изменилась, вздыбившись небольшими холмами, на которые нам то и дело приходилось подниматься. Стал появляться жиденский кустарник. В одном месте нам даже сиротливо помахали веточками два низеньких чахлых деревца. Степь отступала. И вот, когда мы поднялись на очередной, бог знает какой по счёту холм, картина резко изменилась. Холм был последний и дальше начинался плавный спуск в покрытую зеленью долину. Вдалеке, пересекая её пополам голубой ленточкой, вилась довольно широкая река, одним концом почти у самого горизонта упираясь в стену леса. На обоих берегах, прямо напротив друг друга, вытянулись вдоль воды две довольно большие деревеньки, опоясанные всё тем же, ставшим уже привычным, частоколом.

— На том берегу моя родная деревня, — Гонда прищурившись, вглядывался вдаль, — а в этой старостой мой дядька будет. Всё, пришли брат! Погуляем нынче от души!

На деревню опустилась ночь. Низко зависшая над головой луна, лишь слегка разбавляла ночной мрак, позволяя, с трудом, различать контуры жмущихся друг к другу домов, но Гонду это нисколько не смущало. Он уверенно прошествовал мимо дома старосты, свернул в какой-то узенький тёмный переулочек, миновал несколько домов, пролез сквозь дыру в заборе, попутно буркнув мне, что так короче, и вылез к небольшой избушке, стоящей чуть на отшибе возле самой стены.

— Похоже, нас ждут, — весело кивнув на тускло светящееся единственное оконце, сообщил мой друг и, подмигнув, добавил: — А ты сомневался.

Я скованно кивнул в ответ. Честно говоря, я и сейчас сомневался в разумности нашего похода. Маотно было на душе, муторно. Уж лучше бы я в гостевой избе остался. Поужинал бы вместе с Марком и Лузгой, может даже выпил за компанию немного вара, да и лёг бы спать. Вот не тянет меня сейчас на подвиги. Совсем не тянет! Мне бы до Вилича без приключений добраться, обжиться там. Всего три дня пути, по словам Гонды, осталось. Так нет же! Прусь по незнакомой деревне в темноте, словно тать ночной, к бабам, которых до этого и в глаза не видел. И это притом, что моя тушка больших денег стоит, и каждый встречный норовит её покрепче связать, да поглубже в подполье засунуть. Разве это не глупо? Глупо, конечно. Вот только Гонда....

Мы ещё и в деревню толком войти не успели, а мой друг уже развил бурную деятельность. Поприветствовав хмурого сторожа у ворот, он тут же скользнул в один из проулков, велел подождать его на погостье. Вскоре вернулся совсем с другой стороны, перекинулся парой слов с местным старостой, невысоким сутуловатым бородачом щеголявшим почти новой шубой и настоящими сапогами из телячьей кожи и отвёл нашу дружную четвёрку в добротный дом расположенный почти в центре села.

— Дядька Антип расстарался, — гордо заявил Гонда, довольный произведённым на нас впечатлением. — Неча, говорит, моему племяню вместе с друзьями в сарае ютиться! Ты грит, хоть и изгой, но ушлёпком пока ещё не стал, а значит, родич мой и мешать тебя с другими недошлёпками не след!

— Знатная хата! — Лузга нерешительно замялся у порога, не решаясь ступить на крашенный деревянный пол сложенный из плотно подогнанных друг другу досок. — У нас в деревне даже у старосты поплоше будет.

— А то! — весело хохотнул Гонда, по-хозяйски устраиваясь на одной из двух стоящих возле массивного стола лавок. — Гостиный двор! Тут торговцы заезжие, что за углём со всех княжеств съезжаются, гостевать останавливаются, да тиун княжеский, когда за оброком наезжает, тоже тут ночует.

— Богатая деревня! — одобрительно проворчал Марк, решительно располагаясь напротив Гонды. — И изба знатная! Вон даже светоч есть! Ещё бы снеди поболее, да вару покрепче и совсем хорошо будет!

— И полати широкие. Там и на десятерых места хватит! — отлепился, наконец, от порога Лузга, кивнув на деревянный настил между огромной печкой и стеной, закреплённый почти под самым потолком.

Я, уже давно, расположившись у кем-то заботливо растопленной печки, особого восторга по поводу избушки не разделял. Хата как хата. Как мне кажется, я и получше видел.

Нет, конечно, на фоне наших предыдущих ночлежек, тут царские хоромы и впервые появилась возможность нормально выспаться, не дрожа поутру от холода, да только мне тут переночевать всё равно не светило.

— Будет вам и снедь и вар, — Гонда, тяжело вздохнув, поднялся со скамейки и направился к выходу. — Я уговор помню, — повернулся он к нам у двери. — Подождите чуток. Я скоро обернусь. — И подтверждая мои опасения, добавил. — А почивать на полатах вы вдвоём будете, как яры какие-нибудь.

Мне осталось только вздохнуть, смиряясь с неизбежным.

— Вельд ты чего застыл? — Гонда тихонько еле слышно постучав в дверь, повернулся и хитро прищурившись, наклонился ко мне. — Иль боишься кое-кого?? Не бойсь, — он хлопнул меня по плечу. — У Ганьки подруга опытная. Где надо подскажет, где нужно научит!

Я хотел было ответить, но тут проскрипела дверь.

— Ты чтоль, Гонда? — донёсся сквозь дверную щель женский голос.

— А что, кого-то другого ждала? — тихо засмеялся в ответ, мой друг. — Не дядьку ли Антипа? Он говорят, к тебе похаживает!

— Не твоего ума дело, кто ко мне заходит, — спокойно без злобы отрубил Ганька. — Чай не жена, — и, распахнув дверь пошире, скомандовала: — Ну, заходи, коль пришёл. И друг твой пусть заходит, — добавила, мазнув по мне взглядом. — Чай не пёс, чтобы у дверей жаться.

Гонда скользнул внутрь. Чуть помедлив, не услышав ничего подозрительного, вошёл и я. Протиснулся мимо, и не подумавшей посторониться, хмыкнувшей Ганьки и, напрягая зрение, осмотрел тускло освещённую комнату.

В первую очередь, в глаза бросился небольшой грубо сколоченный стол. Оно и понятно. Ведь именно на нём коптила толстая, как-то чудно скрюченная свеча, освещая разложенную немудрёную снедь. За ним вольготно расположился Гонда, уже чем-то аппетитно хрустя и блаженно улыбаясь. Слева серым смазанным пятном стояла уже привычная печь, рядом нависали полати, справа возле оконца чернела крышка сундука. Если и было в комнате ещё что-то, то оно надёжно таилось по тёмным углам, сливаясь с фоном. Во всяком случае, толпы мужиков с верёвками и цепями, которых я подспудно боялся увидеть, спрятаться там не могло. От сердца немного отлегло.

— Ты чего опять встал? — мягко подтолкнула меня сзади Ганька. — Засмутился, что ли? Так вон с охламона пример бери. Ещё войти толком не успел, а уже лопает за семерых.

— Оголодал малёха, — ничуть не смущаясь, прочавкал Гонда и, потянувшись к глиняной бутылки, добавил: — Ты дружка моего не обижай. У него энтю дело в первый раз будет. И Нинке скажи, чтоб поласковой была, — он недоуменно огляделся вокруг и спросил: — А где она кстати? И кружки только две на столе стоит.

— Будет ему Нинка, — Ганька слегка прижалась ко мне и, ласково потрепав за волосы, ещё раз подтолкнула в комнату. — Садись вон к столу. Поешь пока, — и, повернувшись к Гонде, ответила: — С Нинкой я договорилась. А тока уверенности не было, что ты не один придёшь. Вы же все напуганные там. А Нинку позвать недолго. Ты же знаешь, она по соседству живёт.

Я сел на узенькую скособоченную лавочку, взглянул на весело скалящегося Гонду, ласково с какой-то жалостью смотрящую Ганьку и почувствовал, что меня начинает отпускать. Слишком велико было напряжение последних дней, подспудно не давая

расслабиться. Слишком велик страх, снова оказаться в подвале с цепью на ноге и пониманием полной безвыходности своего положения. Это ведь чудо, что Гонта меня тогда выручил. А чудес как известно не бывает. Вот и получается, что я дважды обязан этому худенькому весёлому парнишке; за то, что в подвале не бросил и за столик этот, пусть скудно накрытый и со свечкой коптящей вместо яркого светоча, но зато впервые дающий почувствовать себя в безопасности. Человеком себя почувствовать, а не зверем загнанным. От избытка чувств защемило в груди. К глазам подступили слёзы. Чувствуя, что сейчас могу разрыдаться, я закусил губу и потянулся к грубо нарезанным кускам сала.

— Ну чего уставился? — выверилась на Гонду Ганька. — Не видишь, тяжело ему. Вару давай наливай. С него быстро отпустит, — и, грустно посмотрев на меня, покачала головой: — Молоденький какой. Жалко прям! Как кличут то хоть тебя?

— Вельдом меня зовут, — сквозь зубы процедил я и, сгорая от злости и стыда за себя, залпом выпил поднесённую Гонтой кружку. Сопли он, видишь ли, распускать надумал! Тряпка!

Напиток был не менее противный, чем тот, которым нас Никодим потчевал, но дело своё знал. Сначала полыхнуло в горле, заставив, судорожно потянуться к закуске, затем раскалённой лавой ухнуло в желудок и, наконец, тёплой волной разошлось по всему телу. На душе сразу стало легче и спокойнее. Оно и правильно. Все проблемы будут завтра, а сегодня мы просто отдыхаем.

— Что дружэ, полегчало? — засмеялся Гонда, вновь наполняя мою кружку. — Лучше Антипа в деревне никто вар не делает!

— Жалко-то как, — вновь покачала головой Ганька. — Вот ведь доля нелегкая досталась!

— Ты лучше меня пожалей! — приобнял её, смеясь Гонда. — А его Нинка жалеть будет. Чего расселась то? Давай, зови соседку свою.

Ганька вышла, тихонечко скрипнув дверью.

— Давай ещё выпьем, дружэ, — поднял кружку Гонда. — Нынче до утра гуляем, — и задумчиво добавил: — Когда ещё доведётся за таким столом посидеть, да баб потискать? Только Трое знают.

Мы выпили. Стало совсем хорошо. Напряжение последних дней пропало без следа. Моё нынешнее незавидное положение и более чем мрачное будущее, всё это отошло на второй план, стало каким-то далёким, незначительным. Мне стало спокойно и даже чуточку весело.

— Ты в школе за меня держись, — прочавкал Гонда, энергично обгладывая куриную ножку, — а то пропадёшь. Наивный ты и доверчивый. А тут никому верить нельзя! За шмат сала лучший друг продать может!

— И ты, значит, продать можешь? — улыбнулся я, хлопнув ладонью по столу. — Ну, за куриную ножку, например?

— А то, — согласился со мной Гонда. Он задумчиво повертел в руке куриную кость и, решительно сунув в рот, громко захрустел: — Хотя нет, — покачал он головой, — маловато будет. А вот за целую курицу продам с потрохами!

Мы весело засмеялись, выпили по третьей и плотно это дело закусили. Я удовлетворённо икнул и, потянувшись к несуществующей пуговице на рубашке, прислонился спиной к стене.

— Душновато что-то здесь, — тяжело дыша, заметил я. — И в сон потянуло.

— Так это с голодухи, — лениво заметил Гонда, ковыряясь в зубах. — Наелся с

непривычки до отвала, вот еда и тянет. Может, ещё выпьем? — он потянулся к бутылки. — Сразу отпустит.

— Да нет, — с трудом отмахнулся я. — И так голову кружит. И сил нет никаких.

— Ты смотри, — засмеялся мой друг, грохнув кулаком по столу. — Перед Нинкой не опозорься! — и подмигнул, перевалившись ко мне через стол. — Она баба сочная. Ей много надо!

— Да ну тебя, — почему то смутился я и, решив перевести разговор на другую тему, спросил: — А откуда столько закуски на столе? И свечка вон, тоже, небось, денег стоит. Ты же говорил, вдовы небогато живут?

— Так оно и есть, — согласно кивнул Гонда. — Ганька концы с концами еле сводит. Да только это не её снесь. Ей это тоже в диковинку будет. Дядька Антип расстарался. Чай не чужой я ему.

— Хорошие у тебя родичи, — проникся я, — хлебосольные. И город рядом. Глядишь, и встретитесь ещё.

— Да нет у меня больше родичей, — разом посмурнел Гонда. — Умру я для них скоро. Как только инициацию пройдем, так и умру. Так что это считай, — мой друг потряс надкушенным огурцом и бросил его обратно на стол. — Дядька Антип поминки по мне справляет. Один теперь! — пригорюнился Гонда.

— Не один, — горячо возразил ему я. — Я того, что ты меня из подвала вытянул, вовек не забуду! И тебя за друга считаю. И хоть ты и говоришь, что здесь верить никому нельзя, на меня можешь положиться. Ни в жизнь не предам и не брошу!

Я потянулся к Гонде, собираясь приобнять, не смог подняться и бессильно откинулся к стене. Что же такое то? Видать лишнего мы с Гондой приняли. Хотя по нему не скажешь — сидит, улыбается.

— Что дружее, — наклонился он ко мне, — совсем разморило? — и озорно подмигнув, засмеялся: — Ничё. Сейчас Нинка придёт, расшевелит! — Гонда неспешно наклонился к столу, булькнул вару в кружку, выпил, смачно хрустнул недоеденным огурцом и задорно крикнул: — Нинка, заходи!

В скрипнувшую дверь протиснулся староста и двое рослых плечистых мужиков.

— Чего скалишься, обормот? — зло процедил Антип, недобро поглядывая на Гонду: — Сейчас вот отметелим тебя с мужиками, будет тебе Нинка!

— Так я же шуткуя, дядька Антип, — вмиг посерьезнел Гонда.

— Вот и мы сейчас пошуткуем, рёбра тебе, пересчитывая! — недобро улыбнулся староста. — Чего так рано Ганьку прислал? Я что, полночи возле дома ждать должен?

Один из деревенских амбалов маячивших за его спиной, демонстративно засучил рукава, зловеще ухмыляясь.

— Так она же вот этого жалеть удумала, — кивнул на меня Гонда. Весёлость его как рукой сняло. — Боялся, как бы лишнего чего не взболтнула. Лови его потом, по всей деревни! — и, поклонившись старосте, покаялся: — Прости дядька Антип. Вару перебрал, вот и сболтнул не подумав.

— Мой вар пьёт, моей снесью давится и меня же хаёт, — покачал головой Антип, немного поостыв. — Ладно. Трое с тобой! Как ушлёпком станешь, из тебя быстро эту дурь выбьют, — и, повернувшись ко мне, ласково добавил: — Ну вот, совсем сомлел. Оно и к лучшему. Ни тебе криков, ни суетолоки бестолковой. Сейчас в подвальчик спустимся и почивать! — и потрепал меня по щеке, сволочь.

В отчаянии, я рванулся, в тщетной надежде прорваться к двери. Вернее, попробовал рвануться. На самом деле, сил хватило лишь на то, чтобы чуть приподняться из-за стола и тут же, тяжело дыша, опуститься обратно.

Гонда! Гад! Явно что-то в вар подсыпал! И когда успел только! Вместе же пили!

— Иуда! — из последних сил повернувшись к бывшему другу, процедил я. Слова давались с трудом. Люди и вещи, сорвавшись со своих мест, закрутились вокруг в бешеном хороводе. — Что же ты делаешь!

И наступила тьма.

* * *

Резкий холод, стремительно растекаясь по лицу, заставил очнуться, вырвав из пучины беспамятства. Я шумно вздохнул, закашлявшись и машинально поднёс руки к лицу, стирая с него остатки воды.

— Ну что? Очухался? Вот и хорошо. А то мне недосуг ждать. Рассвет скоро. В дорогу собираться пора.

Спокойный, я бы даже сказал доброжелательный голос Гонды, привёл меня окончательно в чувство. Я ещё раз тщательно протёр глаза и огляделся. Собственно говоря, смотреть то особенно было не на что. Точно в таком же подполье, я уже сидел недавно вместе с двумя магами. Разве только, что свечка не было. И всё тонуло в полумраке, едва рассеиваемым тусклым светом сумеречницы. Думается, такие домишки со специальным помещением для особо дорогих гостей в каждой деревушке найти можно. А вдруг пригодятся? Гостеприимный здесь народ, даже душевный, я бы сказал. Гонда между тем прижимая кружку к груди, с интересом рассматривал меня, отступив на пару шагов назад. Его лицо почти неразличимое в этом полумраке выглядело зловещим, не обещая мне ничего хорошего.

— И чего ты пришёл? На дело своих рук полюбоваться? — начала волной подниматься ненависть. — Ну, так любуйся, иуда! Предатель паршивый! А я, идиот, тебе как самому себе доверял!

— И зря, — Гонда был само спокойствие. — Я же тебе, дурачку, объяснял, что здесь никому верить нельзя. Да видно без толку всё. Так блаженным и сдохнешь. А зачем пришёл? — он сделал вид, что задумался, словно и сам не знал ответа на заданный вопрос и затем, сокрушённо всплеснув руками, признался: — Так попрощаться пришёл. Привык я к тебе за эти дни, как не странно. Не поверишь, даже немного жалко тебя стало. Непривычно даже как-то.

— Ничего. Не переживай. Это только в первый раз предавать непривычно. Потом всё как по маслу пойдёт.

— Да что ты заладил: предатель, предатель! — Гонда, не спеша, прошествовал к кадке с водой и положил рядом с ней кружку. — Ты мне что, родич что ли, чтоб тебя предавать? Я тебя меньше седмицы знаю. И ты мне никто! Вижу, к нам дурак прибился с мозгами набекрень, а у меня уговор уже с дядькой Антипом был. Он когда мне стигму надевали, к нам через реку переправился. Вот и сговорились. Я ему на обратном пути, если получится,

одного из своих подорожников на руки сдаю, а мне за это весь год учебы из деревни гостинцы идти будут. Чай город то рядом. Три дня пути всего осталось.

— Так ты что, поэтому меня и спасал? — догадался я. — Чтобы, значит, товар в целости довести?

— А то, — хохотнул Гонда. — Ох, и доставил ты мне мороки. Одно хорошо. Доверять мне начал и сюда сам без звука со мной пошёл. Так что оно того стоило. А то бают, что в школе мажеской ученики от голода пухнут. А мне это не грозит, теперича. Правда с Марком и Лузгой придётся, немного поделиться. Чтоб Лишний забрал этого Силантия, с его доносом! Ну да ладно. Мне и так неплохо будет!

— Так вот почему они помогли тогда! — меня начало трясти от возмущения и злобы.

— А ты что думал, по доброте душевной? И тогда, и опосля, они за прибыток расстарались. За долю небольшую. Тем паче, что и риску почти никакого не было. Вот из подполья тебя помочь вынуть, они уже отказались. Пришлось мне одному рисковать. Очень уж барыш терять неохота было.

— Сука ты!

Бешенство внезапно накрыло меня с головой, бросив тело в сторону негодяя. Я уже с упоением протягивал руки к его горлу, предвкушая, как буду рвать гада на части, как резкий рывок за ногу бросил меня вниз, впечатав в каменный пол. Я с чувством выругался, сплёвывая кровавую слюну. Вот ведь! Если бы руки вовремя вперёд выкинуть не успел, сейчас бы всё лицо всмятку было. И так неплохо приложился!

— Ну, кто же так дёргается то, а?! — с деланным сочувствием запричитал Гонда. — Цепь то тебе на ноге, я дядьку Антипа укоротить попросил. Тут спокойно надо себя вести. Без суеты. А ты? Эх! Иди, умойся вон. Только в кадку кровушку не напускай. Тебе её ещё три дня пить, пока стигма не побелеет. Новую навряд ли принесут.

Я с трудом поднялся, зажимая руками лицо. Боль постепенно усиливалась, заполняя собой всё вокруг и мешая здраво мыслить.

— Я поучить тебя малёха хотел, на дорожку, — задумчиво признался между тем Гонда. — За все хлопоты мои, значитса, поквитаться. Ну да Трое с тобой. Старики бают, убогих обижать грешно. Прощай. Боле думаю не свидимся.

Раздался скрип ступенек, хлопнул люк и подполье погрузилось в полный мрак. Не менее мрачно было у меня на душе. Таковую смесь обиды, горького разочарования и отчаяния, я ещё никогда не испытывал. Всё было кончено. А ведь я уже было начал, как-то вживаться в этот мир. Появилась цель — стать магом, друг, который не только спину прикроет, но и в любой беде не бросит, надежда — маги разные бывают. Может мне адептом земли быть суждено? В общем, будущее перестало казаться таким уж безнадежным и беспросветным. И вот, всё это рухнуло в одночасье. Меня уже не страшило предстоящее наказание и скорая смерть в развалинах таинственного проклятого города. Я и сам не хотел жить в этом мире, целиком состоявшем из лжи, ненависти и предательства. Смерть, я призываю тебя! Ты более милосердна, чем эти люди!

Сколько я так просидел, я не знаю. Время встало, испуганной волной обтекая меня. Вот и скрип петель, прошёл как бы мимо сознания, не оставив в душе отклика. Вокруг чуть посветлело.

— Ишь ты, застыл, — хмыкнули неодобрительно. — Вставай, давай. Я тебе жрать принёс, — мужик потоптался на месте и, не дождавшись ответной реакции, зло буркнул: — Ну и Лишний с тобой. Проголодаешься — пожрёшь!

Что-то ударилось о мою руку и откатилось в сторону. Вновь, уже ставший привычным скрип, темнота и всё стихло.

Я убрал от лица свои руки и долго тупо всматривался во мрак, чувствуя, как гигантской волной накатывает слепая ненависть. Ненависть ни к этому мужлану, бросившему мне кусок зачерствевшего хлеба как последней собаке, ни к Антипу, решившему решить проблемы деревни за мой счёт и, даже, ни к Гонде, буквально нахаркавшему мне в душу, а ко всему этому бездушному миру густо замешанному на крови и обмане.

— Думаете всё?! Сломался я?! Прожевали и выплюнули?! — я буквально выплёвывал окровавленным ртом слова в темноту. — А вот хрен вам! Вы ещё все у меня медленное танго станцуете вместе с этими Троиими и грёбаным Лишним! Я назло вам всем выживу! И ещё на ваших могилах попрыгаю! Сволочи!

Ругался я долго, вымещая в словах свою ярость и, не замечая, катящихся из глаз слёз. Потом слёзы высохли. Вместе с ними ушло из моей души что-то важное. Какая-то частичка собственного я. Её место заняла пустота.

— Ну что же. Хорошо меня приголубили. Душевно, — я потрогал странно онемевшую челюсть, убеждаясь, что все зубы остались на месте. — Барана хорошенько обстригли и теперь на бойню отправлять собираются. Ну, ничего. Я ещё попробую покувыркаться! Иногда даже маленький камешек, сдвинутый со своего места, может породить гигантский камнепад. Вот и я попробую стать таким камешком и кое-кому на голову упасть! — и я, пошатываясь, побрёл к бочке. Начинать нужно с малого. Нужно попытаться смыть уже давно запёкшуюся кровь.

* * *

Удивительная всё же штука — время. Вроде бы это величина довольно точная и постоянная, давно втиснутая в рамки выдуманного человечеством величин и если, предположим, есть в одном часе шестьдесят минут, то пока эти шестьдесят минут не истекнут, час не закончится. Вот хоть ты тресни! Но как говорил когда-то Эйнштейн, в этом мире всё относительно. Вы попробуйте провести этот час сначала весело и интересно, ну, скажем, на каком-нибудь увлекательном аттракционе, а затем, тот же час прождите, дрожа на морозе, заблудившись, где-то в лесу. А потом сравните. Что? Первый час оказался значительно короче второго? Мда. Вот такая субъективная математика.

В моём случае имел место быть второй вариант. Вот только ожидание грозило растянуться не на час, а на трое суток. Очень скоро я окончательно потерял счёт времени. Находясь в полной темноте, я даже не имел понятия, день сейчас снаружи или ночь. Очевидно, в представлении Антипа, брошенная мне краюха чёрствого хлеба — это огромные запасы еды и на них ползимы перезимовать можно. Во всяком случае, ещё кормить меня больше никто не собирался. Желудок, увы, с мнением старосты был совершенно не согласен. Каравай я уже давно подъял до последней крошки, предварительно обшарив в его поисках весь пол вокруг себя, и голод начинал напоминать о себе всё настойчивее и настойчивее. В памяти всплыл образ Ставра, набросившегося на принесённую Тимофеем еду. Теперь я, в полной мере, мог его понять. Скоро сам не лучше буду. Гады! Столько всего поимеют за

меня, а сами лишнего куска хлеба жалеют. Скорей бы уж в город повезли, что ли. Мочи нет терпеть. Неудивительно, что скрип открываемого люка меня порадовал. Уж лучше в проклятый город идти подыхать, чем тут с голодухи маяться. Всё какое-то разнообразие!

Свет, ударивший по глазам, заставил резко зажмуриться, закрыв лицо руками. Чёрт, отвык совсем! Глаза заслезились. Вошедший, встав возле меня, молчаливо навис, разглядывая.

— Ну, что встал? — возмутился я, пытаюсь разлепить непослушные веки. — Снимай цепь давай! Не буду я сопротивляться! Себе дороже! Наверняка же там, наверху, ещё народ есть!

— Шустрый какой, — голос рассмеявшегося был мне незнаком. — А зачем мне её с тебя снимать? Может тебя на неё за дело посадили?

Вопрос меня удивил. С трудом, разлепил глаза. Благо света через люк проникало не так уж и много и зрение начало приспособливаться. Передо мной стоял степняк. Это я сразу понял, с первого взгляда. Узкое, сильно обветренное лицо со слегка раскосыми глазами, круглый, похожий на котелок шлем с торчащими из-под него краями какого-то меха, добротные кожаные латы надетые поверх тулупа, абсолютно не сковывающего движения, сабля и длинный кинжал пристёгнутые к поясу. Ну, кто же это, как не степняк? Как говорится, у нас такого фасона не носят!

Степняк между тем наткнувшись взглядом на стигму, довольно расхохотался: — А, будущий колдун! Теперь понятно, почему тебя в железо одели! Уже, наверное, и барыши подсчитали! — воин презрительно сплюнул и заглянул мне в глаза: — И вы ещё себя людьми считаете, да нас смеете варварами называть?! Мы людей на закланье как скот не продаём! И рабов у нас нет! Если перед тобой враг — убей его, если нет, пусть скачет своей дорогой. Степь огромна! Всем место есть! А вы не люди, вы крысы! Каждый норovit от другого себе кусок откусить!

— Я как видишь, никого здесь не продаю, — решил уточнить я свою позицию. — Меня продают. Это да!

Удар плетью ожог лицо словно огнём, бросив от боли на колени. Из разорванной щеки сквозь пальцы струйками потекла горячая кровь.

— Сука! Что же ты делаешь! — машинально взвыл я, гадая; уцелел ли глаз или уже вытек вместе с кровью.

— Червь говорит лишь тогда, когда воин ему разрешает, — спокойно без капли злобы объяснил степняк. — А колдуны даже хуже червей. Они пыль под копытами моего коня. Юнус! — повысил он голос.

— Чего тебе, Улугба?

В лаз просунулась голова ещё одного степняка, немного помоложе.

— Тащи сюда старосту. Пусть этого раскует и наверх к остальным тащит.

— Зачем тебе этот баран, Улугба? Перережь ему глотку и дальше пошли. Или оставь тут гнить, если кинжал его кровью пачкать брезгуешь.

— Ну, уж нет! — беззаботно рассмеялся Улугба, начав подниматься по лестнице. — Я ещё не решил, как с ним поступить. Это будущий колдун!

— Колдун! — радостно оживились сверху. — А что тут думать? Как обычно поступим! В землю по шею закопать и на голову мешок со змеями одеть! Сейчас я эту крысу бородатую притащу, мигом раскуёт!

Смысл сказанного дошёл до меня даже сквозь адскую боль, продолжавшую терзать

лицо. Внутри всё захолонуло от ужаса. Да хуже смерти не придумаешь! Да лучше что угодно, только не это! Подвывая от отчаяния, я схватился обеими руками за цепь и что было силы дёрнул. Тщетно! Только ладони ободрал, да кровь из щеки во все стороны брызнула. Ещё несколько судорожных рывков также не принесли никакого результата. В душе начала нарастать паника, грозя неудержимой волной утопить остатки разума. Вырваться! Во что бы то ни стало вырваться! Окажись в этот момент под рукой топор, я бы, наверное, и ногу себе попробовал отрубить. Но топор, по счастью, рядом положить, никто не догадался. Сколько я так бесновался, не помню. Вряд ли долго. Но это и не важно. Главное, в какой-то момент паника прошла, подарив мне возможность ясно осмыслить своё положение. Я обессилено опустился на пол. Рука вновь машинально потянулась в щеке, из которой продолжала бежать кровь, уже порядком залившая рубаху. На смену буйству пришла апатия.

Ну и видок у меня сейчас, наверное. Хорошо, что здесь зеркала нет. Поседел бы. Хотя скоро это меня волновать не будет, особенно с мешком на голове.

Мысль о предстоящей казни вновь что-то всколыхнула во мне. Но это уже была не паника, а твёрдая решимость. Как на улицу выведут, схвачу первое, что под руку попадётся, лишь бы поувесистей. Пусть уж лучше так убьют. Хорошо бы ещё этому уроду с плеткой черепушку напоследок проломить! Чуть глаз не высек, сволочь степная! Господи! Как я ненавижу этот мир! Тут даже сдохнуть под саблями степняков, почти не страшно! Всё равно ничего хорошего не ждёт! Ну, пусть приходят. Жил как дурак, так хоть сдохну красиво! Верней попробую. Как бы они меня уже в подвале вязать не начали!

Ждать долго не пришлось. Раздались голоса, резкий скрип половиц и по лестнице кубарем скатился староста.

— Здравствуй, дядька Антип! — злорадство при виде пришибленного старосты заставило меня на мгновение забыть о собственных проблемах. — Никак навестить меня решил?! Эка досада! А я свой новый пиджак с карманами как раз в химчистку отдал! Не при параде мы нынче! Хотя не беда! Вы, я смотрю, тоже не во фраке!

— Чего?! — приподнявшийся Антип, вытаращив глаза, очумело уставился на меня. — Нету больше ничего! Троищи клянусь!

— Это да, — с достоинством, согласился я. — Оно, конечно! Всё интервенты забрали! Одни облигации остались!

Староста ошалело затряс головой. Было видно, что ошеломлённый внезапным визитом степняков, Антип впал в ступор и сейчас плохо соображал. А тут ещё и я какую-то ахиною несу. Я даже ощутил злорадное удовлетворение. Ну, хоть одного из моих обидчиков бог наказал. Не всё другим подляны строить. Пускай и сам на своей шкуре разок попробует. Судя по всему, досталось Антипу не слабо: губы разбиты в хлам, на лбу кровавый след от плети, (любит видать её Улугба в ход пускать, а может, кто из его кунаков постарался), в глазах плескался животный ужас затравленного зверя, одежда вся измызгана в грязи. Не думаю, что он по своей воле в ней катался. Чай, не лечебная!

— Ты долго там возится, будешь, плевков шакала? — раздался сверху раздражённый голос Юнуса. — Не заставляй меня спускаться.

— Сейчас!

Моментально придя в себя, Антип бросился ко мне, на ходу доставая трясущимися руками массивный ключ и склонился над цепью. Я с трудом подавил острое желание врезать своему освободителю по уху. Очень уж он удобно присел, аж кулаки зачесались. Да вот только нельзя. На драку те, сверху, спуститься могут и хорошо, если зарубят сразу, а если

вязать начнут? Нет. Мы пока тихие и покорные. Шанс будет только один, наверху и желательно, чтобы я был, на тот момент, относительно свободен.

Гулко звякнула цепь, ударившись о камни, староста, суетливо сунув ключ обратно за пазуху, полез обратно наверх. Что же, полезем и мы. Не будем злить степняков раньше времени. Вязать, к счастью, не стали. Просто взащей вытолкали на улицу. Да и чего троим рослым воинам бояться измождённого голодом подростка, к тому же почти ничего не видящего при дневном свете? Мда. Проблему с глазами я не учёл. Как тут какое-нибудь оружие найти, если я даже дороги перед собой почти не вижу. Тупо бреду, куда толкают. Хорошо хоть кочек нет никаких. Зато лужи почти все собрал, ноги насквозь мокрые! Ну, ничего. Это быстро пройти должно. Вон уже и веки не так сильно слипаются. Зато на слух не жалуясь. Оживлённо сегодня в деревеньке то! Вокруг стоял форменный гвалт. Слышался рёв быков, визжание свиней, кудахтанье кур. Отовсюду доносились крики насилуемых женщин, ругань степняков, вопли избиваемых мужиков, где-то звякнула сталь, но почти тут же утихла. Не долго, видимо, продержался смельчак, решивший оказать сопротивление.

Пока мы дошли до погостя, глаза кое-как адаптировались и я смог осмотреться. Большинство населения деревни было уже здесь. Избитые, частью злые, частью испуганные мужики, зарёванные, некоторые в разорванных одеждах, бабы, испуганно жмущиеся к старшим дети. Все они стояли на коленях посреди площади, в окружении пяти воинов с обнажёнными саблями. Меня и Антипа грубо втокнули в толпу, заставив тоже опуститься на колени.

— Изгоя то зачем с подполья вынули, а Антип? Какого Лишнего он им сдался? Они же людьми не торгуют, — поинтересовался крепко сбитый мужичок, недобро посмотрев в мою сторону подбитым глазом.

— Да Лишний их знает! — староста чуть не плакал. — Сказали, железо снимай, я и снял. С этими иродами разве поспоришь? Чуть что, за плеть сразу хватаются, а то и за саблю!

— За что нас Трое наказывают? Разор то, какой! Эти тати всё самое ценное по домам собирают!

— Это Никифор всё! Рот раззявил, паскуда! Говорил я ему, чтоб на воротах не спал. Если бы степняки его не зарубили, я бы его своими руками придушил, заразу! — зло сплюнул Антип.

— А почто они нас сюда-то всех согнали? А, Антип? — поинтересовалась пожилая женщина с заплаканными глазами. — Аль лихо, какое задумали?

Другие бабы поддержали ее испуганным плачем.

— Не гоношись, — ответил староста. — Известно же, что степняки крестьян зазря не губят. Ежели всех побить, то кого же, опосля, грабить? Народу тут не много. Край быстро обезлюдит. И в рабство не берут. Вера их им этого не позволяет. Ну, девок посильничают, мужикам морды набьют, пограбят и уйдут. Не нужны мы им.

Я огляделся. Степняки, не спеша, даже как-то деловито, сновали по всей деревне, стаскивая найденное добро к площади и скидывая возле дома старосты. Тут уже образовалась большая куча всякого барахла. Рядом, запалив костры, жарили на вертелах сразу несколько заколотых свиней. Дурманящий запах жареного мяса дразняще щекотал ноздри, наполняя рот слюной. Вдалеке паслось несколько десятков лошадей, поедающих щедро насыпанный перед ними реквизированный овёс. Но больше всего меня заинтересовали два мужика, что чуть в стороне, мрачно косясь на кочевников, усердно

капали яму.

«Уж, не для меня ли стараются?» — холодным ознобом по спине проскользнула мысль.

Из дома старосты появился Улугба, отрезал кинжалом огромный ломоть мяса, от одной из жареных тушек и начал с аппетитом пожирать. Наши глаза встретились.

— Что смотришь, колдун? — усмехнулся он, вытирая рукавом жирные губы. — Есть хочешь? Так подходи, ешь. — Улугба мотнул головой в сторону туши, — каждый, если он голоден, может сесть возле костра и съесть кусок мяса. У нас в степи так.

«А будь что будет!» — решил я, вставая с колен. — «Дважды точно не убьют! Яму мужики явно для меня копают. Так хоть пожру напоследок. Да и барахлишко по деревне награбленное как раз рядом лежит. Может, и присмотрю чего-нибудь, чтоб потом за угощение сполна отблагодарить перед смертью!»

Раздвигая, испуганно расползающихся в стороны мужиков, я, молча, двинулся в сторону Улугбы. Тот, казалось бы, утратив ко мне всякий интерес, вновь склонился над свиньёй, отрезая от неё очередной сочный ломоть. Его примеру последовали ещё двое воинов, что-то лопоча при этом между собой на непонятном языке. Подошёл к ним и я, подспудно удивляясь, что никто так и не преградил мне дороги и замер в нерешительности, не зная как поступить дальше. Ножа то у меня не было. Не зубами же куски мяса вырывать? Оглянулся. Воины, стерегущие пленённых сельчан, даже и, не подумав пойти вслед за мной, остались на месте, лишь наблюдая, с откровенным любопытством. К кострам подошли ещё несколько воинов, потянувшись к мясу. Никто меня от костров не шутнул, словно так оно и быть должно.

Поиграть, сволочи, со мной решили! Скучно вам, козлам степным! Ну что же. Давай поиграем!

Я почувствовал, что поднимающаяся во мне волна ненависти окончательно смывает страх, наполняя сердце решимостью и злым весельем. Ни на кого не глядя, я прошествовал к куче трофеев и нашёл довольно большой нож с потемневшей от времени деревянной ручкой, попутно мазнув взглядом по копыю с широким лезвием и странной деревянной поперечиной под ним. Запомним. Хоть с голыми руками на сабли не полезу. Оно, конечно, понятно, что шансов никаких, но лучше так, чем в землю с мешком на голове ложиться. Мясо оказалось немного недожаренным, с сочащейся по губам кровью, но ничего более вкусного я в этой жизни ещё не ел. Эх, сольцы бы сюда ещё хоть щепотку, совсем хорошо было бы! Да и запить всё это дело не помешало. Я оглянулся и заметил, что воины в процессе насыщения передают друг другу меховой бурдюк, к которому периодически прикладываются. Потянулся к нему и я. И вновь никакой реакции. Отрицательной, я имею в виду. Мой сосед по трапезе, молча, передал мне его, дождался, пока я напьюсь, и забрав, пустил бурдюк дальше по кругу. Ни эмоций, ни косога взгляда, словно это в порядке вещей и так оно и должно быть. Может и вправду так и надо? Восточное гостеприимство? Когда даже злейшего врага в гостях накормят и спать на лучшей кровати уложат. И вроде, даже как он неприкосновенен когда в гостях. Так может они меня тогда и отпустят? Безумная надежда жарким огнём обожгла сердце.

— Уг, — выдохнуло разом два десятка глоток.

Мои сотрапезники, повернувшись к дому старосты, приложили руку к груди. Я оглянулся, неторопливо дожевывая последний кусок. На крыльце стоял низенький старичок в странной, состоящей из множества сшитых между собой меховых лоскутков одежде. Эти лоскутки были различной величины, формы и даже цвета, тем самым поражая взгляд своей

пестротой. Поверх одежды на шее толстым пучком висели какие-то мешочки, тряпочки, палочки. Толстая, грубо обработанная палка с костяным набалдашником высывалась и из-за пояса, упираясь в живот старика.

«Скоморох, какой то», — мелькнула было у меня мысль. — «Ему бы в балагане выступать».

Но переведя взгляд на лицо старика, я тут же своё мнение изменил. В его глазах светилась такая сила и жестокость, что сразу становилось жалко того неудачника, с которым этот «клоун» решит пошутить. Серьёзный дядечка. Вон даже воины прониклись. Шаман, что ли? Впрочем, степняки, поприветствовав старика, тут же про него забыли, вернувшись к своим делам. Только Улугба, вернув свой кинжал за пояс, подошёл к шаману и о чём-то залепетал на своей тарабарщине. На меня по прежнему никто внимания не обращал. И что прикажите делать? Есть я больше не хочу, а как дальше поступить не знаю. Не стоять же и дальше как дураку возле объедков? Может рискнуть и просто попробовать уйти? Вдруг я прав насчёт гостеприимства и меня теперь не тронут? Во всяком случае, яму мужики капать перестали. Что казнь отменяется или они на нужную глубину выкопать, уже успели? Тот ещё вопрос. Жизнеопределяющий, можно сказать. Так что? Так и буду стоять? Ничего хорошего для себя точно не выстою! Нужно решаться! Я медленно, не выпуская краем глаз из вида старика с Улугбой, двинулся в сторону ближайшего переулка.

— Ты сыт, колдун?

Вопрос остановил меня уже в десятке метров от степняков. Я замер, почувствовав, как холодный пот потёк по спине и медленно обернулся.

— Да. Я сыт, — прохрипел я в ответ. Эти слова дались мне с трудом. Я уже понимал, что ничего хорошего за этим ответом не последует.

— Тогда пришло время умирать, — в словах Улугбы не было ни угрозы, ни насмешки. Он просто констатировал факт. — Ты добыл змей, Юнус?

— Добыл, — возле ямы топтался уже знакомый мне кочевник с огромным мешком в руке. — Я выщедил из них весь яд, — хищно оскалился он. — Надолго хватит!

Я затравленно огляделся. Никто из кочевников не сделал и шага в мою сторону. Просто стояли и с интересом смотрели, ожидая продолжения развлечения. Вот только свои шансы убежать, я трезво оценивал. Вроде до ближайшего забора всего с полсотни метров, да кто же мне их даст пробежать то? Не зря пара воинов, как бы между делом, возле коней отираются, да арканы в руках теребят. Вмиг догонят!

— Хорошо, — решил я, облизав разом пересохшие губы. Мне бы до того копыца добраться, что я во время еды приметил. Ножом я от них, точно, не отмахуюсь. — Но у меня есть вопрос.

— Какой? — в бесстрастных глазах Улугбы мелькнула тень удивления. Даже шаман, до этого не обращавший на меня никакого внимания, обернулся в мою сторону.

— А разве можно убить человека, с которым ты трапезу поделил? — поинтересовался я, приближаясь к степняку, а значит и к заветному копыю. — А как же закон гостеприимства, даже по отношению к врагу?

— Я не делил с тобой трапезу, червяк. Я лишь накормил тебя, — буквально выплюнул мне в ответ Улугба. — Как накормил бы и своего злейшего врага. Но сытый или голодный — враг так и останется врагом, а значит должен умереть.

— Может и должен, не стану спорить, — я метнулся к раскиданным на земле вещам и судорожно схватил копые, — но умирать как баран на бойне я не согласен! Лучше уж в бою!

В три прыжка добежав до забора, огораживающего дом старосты, я прижался к нему спиной, выставив копьё вперёд. Сердце гулко стучало в груди, почти на грани слышимости отсчитывая удары. Всё тело затрясла еле заметная дрожь. Из глубин сознания начал подниматься липкий страх, вот только поддаваться я ему не собирался. Умирать не хотелось ужасно, да только выбора не было. Вернее он был, но только по отношению к тому, какой смертью мне умереть. Уж лучше так. Здесь. Сразу.

Впрочем, сразу не получилось. Степняки не спешили. Никто не хватался за оружие, не вынимал из притороченных к седлам колчанов стрел, не наваливался на меня с дикими воплями. Казалось, им по-прежнему до меня и дела нет. Лишь Юнус одобрительно оскалился, потрясая сжимаемым в руке мешком.

— В бою умирают воины, а ты баран и есть.

Улугба не спеша, как-то лениво двинулся в мою сторону, даже не удосужившись вынуть саблю из ножен. Неужто думает, что не посмею ударить? Зря надеется! Ещё как посмею! Я только крепче ухватил древко копья, высматривая куда половчее ткнуть, чтобы убить наверняка.

— Кто же так рогатину держит? — презрительно сплюнул Улугба, остановившись в нескольких шагах от меня. — Так даже издыхающего зайца не убьёшь. А я не заяц, — степняк потянул из-за пояса плеть. — Да и ты не охотник!

Проклятый кочевник, к сожалению, оказался прав. В следующие пару минут я отчаянно метался по площади, беспорядочно тыкая в сторону юркой, ни на секунду не останавливающейся на одном месте фигуры, и никак не мог попасть. Спасительный забор давно остался позади, но со спины на меня нападать никто не спешил. Воины лишь охватив широким кольцом место схватки, смеялись, весело комментируя между собой мой очередной неудачный выпад, да с хохотом отскакивали в стороны, когда я, обозлившись, пару раз кидался на кого-то из них. А проклятый Улугба ещё и периодически плетью умудрялся меня достать, заставляя в бессильной злобе скрипеть зубами. Наконец я остановился, тяжело дыша. Рот судорожно раскрыт, в тщетной попытке наполнить легкие воздухом, глаза заливают липкий противный пот, руки трясутся как у паралитика и отчаяние замешанное на безнадёге и чувстве стыда в душе.

— Ну что червь, теперь ты видишь разницу между воином и бараном? — недобро усмехнулся Улугба, засовывая плеть за пояс. — Бросай свою палку и пошли. Яма тебя ждёт.

— Сука!

В своем крике я выплеснул всю ненависть скопившуюся в душе и ринулся на зазевавшегося вожака кочевников. Ну как зазевавшегося. Это я так подумал. Улугба как-то неуловимо быстро сместился в сторону, пропуская рогатину рядом со своим боком и сблизившись, ловко подсёк мою ногу. Ещё и подтолкнул, придавая ускорение, сволочь! Липкая грязь радушно приняла тело в свои объятия, заботливо залепив глаза и уши и умудрившись попасть даже в рот. Я судорожно поперхнулся, откашлялся, лихорадочно смахнул холодную жижу с лица и... больше я сделать уже ничего не успел. Навалившиеся тела вновь придавили меня к земле, рывком выкручивая руки за спину и стягивая верёвкой. В отчаянии, я попытался брыкаться, даже умудрился кого-то задеть, но вскоре очередь дошла и до ног. Лодыжки обвила петля и кто-то с силой, рывком, потянул их назад за спину, заставляя моё тело выгнуться колесом.

— Что же вы делаете, сволочи?! — простонал я, кусая губы от боли.

— Терпеть нужно, — надо мной склонилась довольная физиономия Юнуса. — Яма не

глубокая. Во весь рост не влезешь. Ничего, — решил подбодрить он меня. — Хотя у змей яду нет почти, к вечеру умрёшь. Недолго ждать, совсем. — Заверил степняк, посмотрев на невысоко поднявшееся над горизонтом солнце.

Сильные руки, подхватив, быстро доволокли меня до ямы и грубо пихнули в неё. Я взвыл. Удар о дно ямы коленями, отозвался жуткой болью в натянутом как струна позвоночнике. Рядом на корточках присел Юнус и удовлетворённо поцокал языком.

— В самый раз, — доверительно сообщил он мне. — Шея наружу торчать будет, я вокруг неё мешок и завяжу. Не туго, — заверил он с каким-то садистским удовольствием. — Только чтоб, не дай Безымянный, отсюда ничего не вывалилось! — и поднёс к моим глазам мешок.

И тут меня накрыло. Сознание ухнуло в пучину безумия, уступив место рвущейся наружу ненависти. Я отчаянно закричал, в бешенстве попытавшись разорвать, охватывающие меня путы и мир взорвался миллионами ярких искр...

Обжигающий холод воды заставил вздрогнуть, съёжившись, на липкой земле. Какого чёрта! Что же меня ей постоянно поливают то? Что за варварские методы побудки! Я закашлялся, машинально вытер лицо рукой, открыл глаза и судорожно завертел головой, затравленно озираясь.

Я лежал буквально в двух шагах от полуосыпавшейся, чуть было не ставшей для меня могилой ямы. Судя по тому, что меня из неё вытащили, и развязать уже успели, казнь, на какое-то время, степняки решили отложить. Знать бы ещё почему? Во внезапно проснувшуюся в сердцах моих палачей жалость и сострадание, не верилось совершенно. Они и слов то таких, наверное, не знают. Тогда почему? Нет, я, конечно, совсем, не против. Обеими руками, за! Вот только с этих уродов станется, что-нибудь пострашней для меня придумать. Такое, что и мешок со змеями детской забавой покажется. Ну не отпустить же они меня надумали? Обступили со всех сторон. Волками смотрят. Особенно Юнус. Вон напрягся весь, словно кобра перед броском, саблю выхватил и мешочек дымящийся на шее побелевшими пальцами сжимает. Это с кем он воевать то собрался? Со мной? Так это даже не смешно!

— Юнус!

Если и было у Юнуса намерение меня убить, то оклик Улугбы заставил его передумать. Кочевник, поколебавшись, со скрежетом согнал саблю в ножны и, выпустив мешочек, презрительно сплюнул в мою сторону. На землю посыпалась труха из пепла и почерневших косточек. Юнус раздражённо сдёрнул сгоревший амулет с шеи и бросив злой взгляд на меня, втоптал его в грязь. Подошёл шаман. Я, загребая руками липкую грязь, поднялся, поёживаясь в мокрой одежде. То, что именно этот старик решит сейчас мою судьбу сомнений у меня не было. Вон как вся эта орава убийц и насильников почтительно головы склонила. Даже Улугба, подошедший следом, замер чуть сзади, ожидая, что старикашка скажет.

Старый шаман не спешил. Довольно долго он просто стоял, буквально буравя меня своим тяжёлым, давящим взглядом. На фоне этого мощного, да что там, грозного старика, обступившие меня кочевники стали чем-то незначительным, отсеиваемым сознанием на второй план.

— Ты был в пустоши, — утвердительно заявил шаман.

— Бббыл, — буквально выдавил я из себя в ответ.

И вновь гляделки на фоне замерших восковыми столбами фигур. Вернее глядел на меня шаман. Я же просто стоял, не в силах отвести взгляд с двух наполненных бездной зрачков. В

эти сроднившиеся с вечностью мгновенья я отлично понимал, что чувствует кролик, заглядывая в глаза подползающего удава. Паршиво он себя чувствует. Паскудно, прямо скажем. Наконец, что-то решив для себя, старик повернулся к замершему рядом Улугбе, коротко приказав на непонятном для меня языке. Тот лишь повёл бровями и два степняка, поспешно рванувшись к пленникам, через минуту буквально приволокли трясущегося старосту.

— Когда это побелеет, червь? — старик, вперив в Антипа тяжёлый взгляд, ткнул пальцем в мою стигму.

— Дык это, — затрясся староста ещё сильнее. — Отец-послушник уже два дня как в Вилич въехать должен. Так, значитса, сегодня к вечеру стигма цвет сменить и должна. Мы уже на завтра и обоз собирать хотели.

Шаман, услышав ответ старосты, мрачновато улыбнулся и вновь повернулся ко мне. Только взглядом больше сверлить не стал и то, слава богу.

— Я хотел тебя отпустить, — голос старика стал неожиданно доброжелательным, чем, похоже, вогнал в дрожь не только меня, но и своих соплеменников. — Вот только зачем? До города три дня пути. Даже если тебя не схватят, то всё равно не успеешь.

— Ну, так я придумаю что-нибудь, — нервно облизал я губы, лихорадочно соображая. Как бы опять в яму не сунули, если отпускать передумают. При воспоминании о только что, каким-то чудом избегнутой жуткой смерти, меня всего перекорёжило.

— А что тут думать? — усмехнулся старик, для которого не остались незамеченными мои телодвижения. — Я знаю путь, по которому ты можешь успеть к сроку.

— Какой путь? — не понял я, молясь лишь о том, чтобы меня отпустили. Чёрт с ней, со школой. Пусть уж лучше отцы-вершители меня в проклятый город пошлют. После мешка со змеями, мне ничего уже не страшно.

— Через проклятый город, — огорошил меня между тем шаман.

Господи! Он что, мысли мои читает?!

— В смысле? — не понял я.

— Дорога в Вилич кружная. Вокруг леса она петлю делает, — шаман был самс терпение. — Потому, что по прямой лежит проклятый город. Вот и приходится людишкам в обход ходить. Тебе же всё равно терять уже нечего, — заглянул старик мне в глаза. — Ты и так в него попадёшь, если к сроку в Вилич не успеешь.

— Так через него вроде пройти невозможно, — опешил я.

— Невозможно, — согласился со мной старик. — Но я тебе помогу.

Взмах кинжала и Антип, захлебываясь кровью, зажимает руками вспоротое горло. Шаман, хищно оскалившись, потянул из-за пояса свою палку.

Глава 8

Город появился внезапно, сразу, без каких-либо намёков на то, что я к нему приближаюсь. Вот только что я, чертыхаясь, с трудом продираюсь сквозь колючую стену кустарника, как вдруг упрямые ветки перестали цепляться за многострадальные остатки одежды, и я буквально носом упёрся в высокую каменную стену сплошь поросшую мелким кустарником и травой. Собственно говоря, даже не в стену. Этот изрезанный трещинами каменный массив со своими бесчисленными выступами, нишами, сколами и уступами, скорей уж напоминал рукотворные горы. Слово кто-то невероятно могучий нашвырял беспорядочно каменные глыбы в одну кучу и как попало скрепил между собой. И эти горы соперничая высотой с верхушками деревьев, пологостью похвалиться, не могли.

— Ну вот. Срезал на свою голову, — вытер я пот со лба. — Вот и учи после этого геометрию.

На мгновение задумался, а что это такое — геометрия? И тут же, с досадой сплюнув, потряс головой. Нашёл время! С памятью своей позже разбираться буду. Если только это позже у меня будет, что в свете открывающихся перспектив очень сомнительно. Вон солнце уже к зениту поднялось, а мне тут ещё альпинизмом заниматься неизвестно сколько!

К своему удивлению, поднялся на вершину каменной стены я довольно легко. Выступов на руинах вполне хватало и крошиться несмотря на свой почтенный возраст они не спешили. Да и кустарник несмотря на ненадёжную опору держался на удивление крепко. Изодрался, правда, весь. Ну, тут уж как говорится — снявши голову, по волосам не плачут. Огляделся и озадаченно присел. Подумать было над чем.

Нет, дальше таких завалов больше не было. Больше того, скажу. Дома, насколько я мог видеть, в основном устояли. Досталось им, конечно, прилично. Частично разрушенные, с вздыбленными или проломанными крышами, потрескавшимися завалившимися стенами, они мрачно чернели пустыми глазницами окон и покорёженными проёмами дверей. Местами, стены отсутствовали вовсе, открывая взору всю ту же безрадостную картину тотального разрушения: оплавленные до черноты стены, полуразрушенные, торчащие каменными уступами лестницы, стёртые в порошок перегородки. Но всё же это были дома, а не груды беспорядочных камней. И между ними тянулась довольно широкая дорога. Пусть местами заваленная остатками тех же домов, раздолбанная оплавленными ямами, но дорога! Причём, тянулась она как раз туда, куда мне и нужно было — навстречу уже начавшему клониться к закату солнцу. Иди, да радуйся!

Вот только радоваться, как раз, почему-то и не хотелось. Как и спускаться вниз, собственно говоря. Что-то нехорошее было там, неправильное. Вот вроде ничего подозрительного нет. Безмолвие полное, даже ветерок не гуляет, а сердце караул кричит и дрожит как испуганный кролик. И вдруг, я понял, что был не так. Как раз эта тишина. Такая, как будто вымерло всё. Она то и не вписывалась в привычную картину. Вот только что по лесу брёл. Так там жило всё. Шелест листьев, скрип деревьев, щебетание птиц, наконец. Да мало ли звуков в лесу? Вот он рядом. Макушки совсем недалеко от меня качаются. Кажется, руку протяни — достанешь. А звуков никаких не слышно. Слово я оглох, внезапно. Я сделал пару шагов обратно к внешнему краю стены и тут же буквально утонул в какофонии звуков, наполнивших душу непонятной радостью. По лицу ласково потрепал свежий тёплый ветерок. Я непроизвольно расправил плечи, словно только что сбросил с них тяжкий груз.

Оглянулся назад в сторону города. Не хочу я туда. Совсем не хочу... Аж с души воротит. Может всё же обойти? Некоторое время я упорно боролся с навязчивой мыслью, буквально переламывая себя. Ну, нет у меня выбора! Дорога в обход тоже приведёт меня сюда, вот только сзади уже отцы — вершители стоят будут!

Спуск много времени не занял. И вот я, уже стою, прислонившись к импровизированной стене и, до боли в пальцах судорожно сжимая подаренный шаманом нож, вглядываюсь в открывшуюся передо мной картину. Мне было страшно. Господи, да мне наверно никогда в жизни не было так страшно, как сейчас! Дорога довольно широкая выложенная аккуратными кубиками белого кирпича, плотно подогнанными друг к другу. Она... Была абсолютно чиста! Часть домов была превращена неведомой силой буквально в руины, раскатавшей их в труху и разбросав камни во все стороны. Но ни один даже самый мелкий камешек не пересёк невидимой черты, обозначающей обочину дороги. Да что там камни! На ней даже пыли не было! словно её только что протёрли большой влажной тряпкой как линолеум в доме. От многочисленных завалов и рытвин хорошо рассмотренных мною сверху не осталось и следа.

— Это кто же тут так расстарался то, а? — растерянно поинтересовался я. — Ишь, гостеприимный какой!

И зябко передёрнул плечами. Мой голос на фоне абсолютной, мёртвой тишины прозвучал как-то неестественно, даже жутковато.

Я уж лучше помолчу пока! Всё равно интересного собеседника мне здесь не найти!

Посмотрел наверх и поёжился ещё раз. Ну вот, только что на почти безоблачном небе ярко светило солнце! Ну не могли эти свинцовые, тёмно-синие тучи, низко нависшие над головой плотным покрывалом, затянувшим всё небо, так быстро из-за горизонта набежать! Что за место такое, мерзопакостное?!

Наконец, я заставил себя отлепиться от стены. Если местный дворник и ждёт меня где-то впереди, то с этим я уже поделаться ничего не могу. Постараюсь повнимательнее быть, да не шуметь по возможности — глядишь и проскочу. Мелькнула мысль сойти с дороги и пойти возле домов, но после небольшого размышления была отвергнута. Неизвестно ещё, кто в этих развалинах прятаться может. Выскочит из окна какой-нибудь клыкасто-шипастый, и оглянуться не успеешь, как тебя на обед пригласят. По дороге хоть какой-то шанс есть убежать, да и завалов возле зданий много, замучаюсь перебираться. И устану и время, опять же, потеряю.

Приняв решение, я, стиснув зубы, быстро зашагал по дороге, настороженно оглядываясь по сторонам и, порою почти срываясь на бег. Воображение работало на полную катушку. За каждой насыпью скрывался зверь, в тёмных проёмах домов притаились жуткие монстры, сзади заносил щупальца для удара кто-то невидимый и жутко голодный. Несколько раз я останавливался, резко крутанувшись на месте и с нарастающей паникой крутил головой во все стороны, пытаюсь уловить хотя бы тень движения. Но время шло, а нападать по прежнему никто не спешил. И я постепенно начал успокаиваться.

Кто знает? Может, тут и нет никого? Просто мёртвый город разрушенный, бог знает сколько веков назад. Крестьяне сюда не суются — боятся! Вся информация только со слов жрецов. Так эти жучары и наврать могли! Гребут отсюда кристаллы почём зря, а населению ужасы разные рассказывают. Ну что бы под ногами не путались и монополию не подрывали. Вон шаман об этом точно что-то знает! Какой смысл ему меня на верную смерть посылать? Проще было на месте грохнуть. Понять бы ещё, чего этот колдун степной вдруг таким

добреньким стал? Ну прямо местная мать Тереза! Казнь остановил, подлечил, охранный амулет на шею повесил, даже до самого леса своих головорезов проводить заставил! В чём его интерес? Антипа опять же убил, зачем-то! Нет. Мне эту сволочь совсем не жаль. Меня бы кто пожалел! Но в чём смысл? Неужели опять всё в пустошь упирается? Я озадаченно почесал голову, продолжая внимательно оглядываться по сторонам. А если предположить, что шаман как-то узнал, о том, что я не из этого мира? К иномерянам здесь, похоже, все не ровно дышат! Вон Вимс как возбудился! Сразу Ставру горло кромсать принялся! Возможную утечку информации устранил. Так может, и Антип слишком много знал? Я в досаде закусил губу. Гонда наверняка догадался, кто я такой! Уже в первый день допытываться стал! А потом, чтобы за мной понаблюдать, у него времени хватило. Мог он об этом Антипу рассказать? Вполне! Дороже стоит изгой из иного мира! Наверняка дороже! А эта сволочь своей выгоды не упустит! Ладно. Предположим, за что Антипа убили, понятно. Не по зубам кусок ухватить решил. В проклятый город то меня зачем было отправлять? И что им всем от меня нужно?!

Что заставило меня в этот момент остановиться, я уже и сам не знаю. Видимо краем глаза отметил лёгкое дрожание воздуха впереди и мозг, даже ещё не проанализировав, что это такое, дал соответствующую команду. Я замер, увидев, что буквально в метре от меня воздух еле уловимо дрожит, словно по нему мелкая рябь пробегает. Как вода в луже, которую еле коснулся нежным дуновением лёгкий ветерок. Коснулся, ушёл в сторону и, через несколько мгновений вернувшись, вновь ласково пощекотал по успокоившейся было поверхности. Я огляделся. Хоть воздушная рябь и выглядела довольно безобидно, проверять, что собственно это такое на собственной шкуре не хотелось. Слева надо мной возвышалась огромная груда из камня, щебня и вывороченных деревьев. Карабкаться через эти дебри было довольно небезопасно. Справа нависала огромная, почти уцелевшая каменная арка, ведущая в полуразрушенный дом с резными барельефами на стенах. Видать не бедные здесь люди жили, совсем не бедные. Я призадумался, застыв в нерешительности. Идти через арку не хотелось. Воображение опять начало рисовать жутких монстров застывших в ожидании за уже накрытым столом. Но и альтернативы я тоже не видел. На завал мне не залезть. Там недолго и шею себе свернуть, а в эту странную рябь я и под угрозой расстрела не пойду. Кто его знает, что в ней? Может и не опасна она совсем. Так, новое природное явление. Ну, навряд ли северного сияния. Вот только проверять это на своей шкуре я не хочу. Можно, конечно, было попробовать вернуться назад и поискать другой путь. Встречалось мне по дороге пара перекрёстков. Да только кто даст гарантию, что там будем лучше? Да и время поджигает. Если не успею до того, как баллот побелеет в Вилич прийти, весь этот забег будет абсолютно бесполезен.

— Да хватит себя накручивать! Нет там никого! Тут бог знает сколько веков как вымерло всё!

Если я и пытался придать себе этими словами хоть капельку уверенности, то получилось плохо. Совсем не получилось, откровенно говоря. Голос прозвучал тихо, как-то неуверенно, я бы даже сказал, жалко. Вот ведь! Только страшней стало! Так я тут до старости проторчу!

Упрямо мотнув головой, я осторожно двинулся в сторону арки. Сердце испуганным кроликом билось в груди, глаза лихорадочно обшаривали всё вокруг, в тщетной попытке обнаружить хотя бы намёк на движение. Медленно проскользнув, под широким каменным сводом, я очутился во внутреннем дворике, очевидно, когда-то бывшим сквером. Здесь даже

сохранились остатки деревьев, раскинувших свои жуткие, сильно обугленные ветки–кочерыжки в разные стороны. Почему они за сотни лет после окончания войны не рассыпались в труху, оставалось загадкой. Посреди этого кладбища застывших деревьяшек, расположился почти не пострадавший фонтан ромбовидной формы. Ограждение, выполненное в виде раскрывшихся наружу лепестков, было сделано из странного почти сверкающего своей белизной материала ничуть не затронутого временем. В центре расположилась статуя невиданного мною ранее животного с телом кошки и рыбьей головой запрокинутой вверх. Сквозь оскаленную пасть и должен был, очевидно, бить фонтан, наполняя сооружение водой. Воды разумеется не было, но я не мог не обратить внимания, что дно фонтана выполненное из того же белого материала, было абсолютно чистым без единой соринки. И это притом, что вокруг царил жуткий бардак и запустение. Даже пылинки не было как и на центральной дороге что осталась позади. И тут дворник постарался? Трудлюбивый какой! Я присел и осторожно пощупал ограду рукой. Белое ограждение было тёплым и мягким на ощупь словно обивка дивана, хотя на вид смотрелось твёрдым как камень.

— Мистика, какая–то, — прохрипел я, очумело качая головой и пятась подальше от странного сооружения. Ну, его. От всего странного лучше держаться подальше. Целее буду.

Я огляделся. Вокруг сквера или что бы там это не было, со всех сторон нависали стены здания, представлявшего собой, таким образом, вытянутое, неправильной формы кольцо. Сзади чернел зев пройденной мной арки. В возвращении я смысла не видел и продолжил осмотр. В здание вело четыре входа, по одному с каждой стороны, но туда мне точно не надо. И время на осмотр потеряю, и приключений на свою ж... голову запросто найти могу. А вот расположившаяся напротив пройденной мной арки, её сестра–близнец ведущая на параллельную улицу — самое то. Туда–то я и вышел...

Уже на выходе мне в глаза неожиданно ударил яркий свет, заставив непроизвольно зажмуриться. По ушам, привыкшим уже к тишине, ударила целая гамма звуков, чуть не взорвав барабанные перепонки. Мир, до этого унылый и однообразный, буквально нахлынул на мои органы чувств, вводя в информационный ступор. С трудом разлепив глаза, я на некоторое время остолбенел, пытаюсь осмыслить открывшуюся передо мной картину.

Вокруг царило деловитое оживление. Грузчики, пыхтя, волокли довольно тяжёлые ящики, сдабривая этот процесс выразительными матюками, какой–то мужчина в матовых очках настраивал аппаратуру, рядом несколько мужиков, снимая рубашки и брюки, не спеша, переодевались в крестьянскую одежду, возле них вертелось пара степняков, размахивая неизменными плётками. И камеры, камеры, камеры. Вдруг вся эта толпа народа замерла, разом прекратив своё броуновское движение, и уставилась на меня. Немая сцена продлилась довольно долго, хотя это долго могло занять всего несколько мгновений. В таких случаях восприятие течения времени, всегда искажается.

— Толик. Я же просил перекрыть сюда доступ с соседней улицы! — недовольно заорал очкарик, буравя меня сердитым взглядом. — И что теперь делать? Весь сценарий коту под хвост!

— А что теперь сделаешь, Геннадий Николаевич. Всё! Аттракцион закончен! — из толпы вынырнула знакомая фигура в синей ветровке и бейсбольной кепке и повернулась ко мне: — Привет, братуха! Ну и как тебе погружение в иную реальность?! Класс, правда?! От настоящей не отличишь!

— Иная реальность? — заторможено переспросил я. Мозг перегруженный

информацией работал на износ, пытаюсь её переварить. — Это значит так теперь называется? — я начал постепенно закипать, вспоминая, что пришлось пережить за последнее время. — А вы меня спросили, хочу ли я в этом вашем балагане участвовать?!

— А как же? — удивился Толик. — Ты же ещё и деньги за это заплатил. Забыл что ли всё? Сам же мне все уши прожужжал, когда на аттракцион шли. Иная реальность! Почувствуешь себя попаданцем! Ну, прям, как наяву!

— Выходит всё это, — я растерянно развёл вокруг руками, — аттракцион?

— Конечно, Вельд! Иди сюда. Я тебе сейчас всё объясню, — Толик приглашающе махнул рукой и широко улыбнулся.

Я, ошеломлённо покрутив головой, сделал шаг навстречу другу. Всего лишь шаг. И следом, резкая боль. Я судорожно схватился за вспыхнувший ярким пламенем подаренный мне шаманом мешочек и, обжигая руку, сдёрнул его с шеи. Чертыхнулся, недобрым словом помянув старого колдуна, навязавшего мне эту гадость под видом охранного амулета. А всё моя жадность! Как же — халява! Чёрт! Больно—то как! Оглянулся. Грузчики, операторы, режиссер, в общем, все, медленно приближались ко мне с одинаковыми, застывшими улыбками на лицах. Ледяной волной накатила непонятная тревога. Я машинально начал пятиться назад, ещё не понимая причины нарастающей паники.

— Куда же ты, дружище?! — раскрыв руки как бы для объятий Толик тоже двинулся в мою сторону. — Вернись!

— Как ты говоришь, меня зовут? — спросил я, начав понимать, что послужило причиной беспокойства.

— Тебя зовут Вельд, — перестал улыбаться Толик, делая ещё шаг в мою сторону. — Подойди ко мне, Вельд!

В следующее мгновение я уже что было силы бежал назад в сторону арки. Уже разворачиваясь, краем глаза успел увидеть, как бросившиеся вслед люди задрожали словно смазанная картинка и начали на ходу трансформироваться в нечто жуткое. Преодолев арку буквально в два прыжка, я выскочил в сквер и бросился вскачь в сторону её сестры—близнеца.

— Вернись! — голос Толика исказился, начав терять человеческие интонации.

Это только придало мне сил, заставив ещё сильнее ускориться. Наверное, никогда я ещё так не бегал, даже когда от волколаков удирал!

— Вернись, — голос за спиной уже окончательно утратил человеческие черты, став механическим, безжизненным. Я проскочил вторую арку, буквально чувствуя за спиной дыхание своих преследователей. Силы были на исходе: пот заливал лицо, грудь вздымалась, как кузнечные меха, в тщетной попытке обеспечить лёгкие достаточным объёмом кислорода. Понимая, что терять уже нечего, я ринулся в сторону странной ряби, так недавно напугавшей меня и в следующее мгновение увяз в нём словно в киселе. Воздух вокруг резко уплотнился, загустел, дойдя почти до водообразного состояния. Я в панике забарахтался, словно муха попавшая лапками в смолу. Волосы встали дыбом при мысли, что через мгновение на меня сзади набросятся наседавшие на пятки преследователи. Но вскоре мне стало не до них. Таинственная субстанция не только сковывала движения. Вдыхать этот загустевший, до невозможности, воздух тоже было довольно сложновато. Я продолжал барахтаться в воздушном киселе, с разинутым ртом и выпученными глазами. Перед глазами поплыли красные круги. Сознание почти померкло, когда пелена неожиданно кончилась и я, грохнувшись на дорогу, содрогнулся в конвульсиях, хватая губами воздух. Лишь через

несколько секунд, я пришёл с себя настолько, что смог отползти, от проклятой пелены, чуть не ставшей моей могилой, ещё на пару шагов. Так, на всякий случай, от греха. Вдруг она ещё и передвигаться может? Затем, вспомнив о преследователях, с трудом сел и развернулся назад. По ту сторону ряби никого не было. Всё та же чистая, буквально вылизанная, дорога и возвышающиеся, по обе стороны от неё, дома и руины. Кто бы меня ни преследовал, о ловушке они знали и, в отличие от меня, предпочли в неё не соваться. Ушли назад... или пошли в обход? Эта мысль обожгла меня холодом, заставив найти в себе силы встать и поковылять по дороге дальше — прочь от опасного места.

Некоторое время, я брёл почти машинально, практически не соображая. Если бы, в этот момент, кто-то решил напасть, я бы этого, наверное, даже и не заметил, пока не съели. Но постепенно дыхание восстановилось, в глазах прояснилось, и вернулась ясность мысли.

«Надо же. Опять чуть не влип!» — Дрожащей, от нервного потрясения рукой, я вытер липкий пот со лба. — «Проклятые иллюзионисты! Ведь почти купился! Хотя тут магия покруче, чем у Вимса будет. Там иллюзия лишь на мгновение появилась, а тут целое представление устроили. И ведь я поверил! Если бы не амулет шаманский, сам бы как барашек в лапы к этим тварям бросился. Или в щупальца. Что там у них есть? Не разглядел. Не до того было. И честно говоря, и в будущем разглядывать не хочу. Так что ноги отсюда, ноги! Пока эти гопники в обход не прибежали!»

Следующие полчаса я бежал, переходил на быстрый шаг, судорожно восстанавливая дыхание, и снова бежал, стремясь как можно дальше оказаться от страшного места. Иногда оглядывался, но погони не было видно. Вот и думай теперь! Толи эти твари отстали, по какой-то причине не сумев продолжить погоню, толи, впереди засаду устроили. Дорога прямая! Чего проще? Ещё раз свернуть с неё, я нипочём не решусь!

* * *

Дорога кончилась неожиданно. Собственно говоря, о том, что она закончится, ничего не предвещало. Я уже, больше часа уверенно топал по ней и сколько не вглядывался вдаль, конца и края не выдел. У меня даже смутная надежда затеплилась, что если повезёт, то по ней так через весь город и прошагаю, никуда больше не сворачивая. Недавнее происшествие отбыло у меня всякую охоту к экспромтам, в виде отклонения от намеченного курса. Тут хоть безлюдно или безмонстрно, если хотите. Я даже оглядываться по сторонам меньше стал. Монотонность всегда ослабляет бдительность, притупляя все органы чувств. Поэтому, когда я чуть носом не ткнулся во внезапно возникшую передо мной стену, то даже подпрыгнул от неожиданности. Несколько секунд я тупо разглядывал шершавую кладку из грубоотёсанного коричневого камня, не веря своим глазам. Ведь только что вдаль вглядывался, упираясь взглядом за горизонт. Даже машинально руку поднял, собираясь проверить не иллюзия ли очередная перед глазами. И сразу судорожно её отдернул, выматерившись в полголоса.

«Стоп! Совсем осторожность потерял?! Может это ловушка какая, а ты в неё пальцем тыкаешь! Вот оторвут тебе этот палец по самые пятки, может тогда, наконец, думать начнёшь!»

Осторожно, буквально на цыпочках, словно боясь, что стена может среагировать на моё отступление и напасть, я начал отходить назад. С каждым шагом стена начала расплываться на глазах, утрачивая плотность. Чем дальше я отходил, тем сильнее она, ну как бы истаивала, теряя свои очертания. Вот уже сквозь неё проявляются контуры дороги, наливаются красками тянущиеся вдаль руины домов. Стоило мне отойти на несколько метров, как преграда пропала окончательно, растворившись в воздухе и передо мной вновь лежала дорога, упирающаяся своим концом в свинцовую пелену облаков.

Точно мираж! Ну и напугал, блин! Уже не спеша, я двинулся вперёд, и стена появилась вновь, постепенно материализуясь прямо из воздуха. В метре от меня она выглядела уже абсолютно реально, вновь неумолимой преградой преграждая путь.

«Чёрт. Уж больно реалистично выглядит. И высокая зараза!» — поднял я голову наверх. — «Метров пять точно будет. И зацепиться не за что».

Я задумался, решая как поступить дальше. Что же, прежде всего нужно всё-таки понять, иллюзия передо мной или это препятствие всё же реальное? Не хотелось бы опять куда-то сворачивать. Вздохнув, я вновь отошёл назад. Стена послушно исчезла из вида. Оглядевшись, я решительно свернул налево к полуразрушенному трёхэтажному куполообразному дому с большими квадратными окнами. Найти небольшой увесистый камень среди многочисленных обломков не составило никакого труда. Сжимая его к руке, я вернулся на дорогу. Ближе к стене подходить не стал, от греха. Неизвестно ещё как там она на мой бросок отреагирует. Закусив губу, я бросил камень в сторону ещё полупрозрачного препятствия и застыл на месте, готовый в любое мгновение задать стрекача. Камень, гулко ударившись о стену, нехотя откатился назад.

" Материальная! Вот зараза! И что теперь делать? И не перелезешь ведь! И какому идиоту понадобилось поперёк дороги стены возводить?! Печалька!»

Решив довести эксперимент до конца, я вновь вернулся к развалинам дома. На этот раз поиски затянулись, но я всё же нашёл полуметровый толстенный сук усыпанный каменной крошкой. Вновь вернувшись к стене, осторожно ткнул в неё палкой. Раздался характерный скрежет. Я огорчённо почесал голову. Похоже, чуда не произошло. Уже ни на что особо не надеясь, я пошёл вдоль стены, периодически проверяя её на прочность палкой и в какой-то момент со звоном упёрся в небольшую, окованную железными полосками, дубовую дверь. Аж глаза протёр. Вот не было её только что тут! Чем угодно могу поклясться, не было! Вспомнив о свойстве стены исчезать в отдалении, я медленно, не сводя с двери глаз, попятился в сторону. Догадка меня не обманула. Дверь исчезла, только в отличие от стены, она это сделала как-то сразу, мгновенно. Вот только что, я ясно видел её перед собой, шагок в сторону и перед глазами только монолитная каменная кладка. Шаг в обратную сторону и дверь вновь тут как тут. Будто век здесь и стояла.

— Блин! Ну что, за сюрреализм такой? — раздражённо пожаловался я в пустоту. — Что же у вас всё не как у людей?

Некоторое время я с сомнением разглядывал проклятую дверь, решая как быть дальше. Пытаться её открыть до ужаса не хотелось! Кто же его знает, что меня там за ней ждёт? Уж точно ничего хорошего от этих свихнувшихся магов ждать не приходится! Тут либо заклятием каким приголубят, либо страхолюдину какую натравят! С них станется! Но и в обход идти тоже страшно! Мне псевдоТолика с компанией за глаза хватило! Дилемма! Хоть здесь оставайся! Хотя тоже не вариант...

Я огорчённо повёл плечами, поправляя мешок. Из провизии выделенной мне в дорогу

ступенями, остался лишь небольшой ломоть хлеба, да пара луковиц, а жрать уже сейчас сильно охота. Учитывая, что кролики тут толпами не бегают, долго на такой диете я не протяну. Да и время всё больше поджигает. Когда в город входил, далеко за полдень было. И тут я уже часа три проваландался. Скоро вечереть начнёт. И всё. Потом уже можно будет вообще никуда не спешить. Приняв решение, я осторожно приблизился к двери и озадаченно почесал голову. А как открывать? Ни ручки, ни замочной скважины. Зацепится не за что! Или есть за что?! Внезапная догадка заставила меня шагнуть вперёд, вплотную к двери. Есть! Передо мной буквально из воздуха всплыла невидимая до этого металлическая резная ручка в виде сжатого в руке тёмного шара.

«Вот ведь, намудрили! Невидимость на невидимости сидит и невидимостью погоняет!»!

Не спеша касаться ручки, я теперь уже тщательно обследовал всю дверь, буквально в упор рассматривая каждый сантиметр. Больше сюрпризов не было. Что же. Нужно решаться! Перестраховываясь, я постучал сначала по ручке палкой и лишь затем не заметив на это никакой реакции, решил коснуться металла пальцем. Его буквально свело от холода, что учитывая довольно тёплую погоду было уже странно. Но больше никаких неприятностей не произошло. Потерев палец о другие, чтобы разогнать кровь, я снял с головы шапку и уже схватился за ручку через неё. И вновь ничего не произошло. Тогда, судорожно сглотнув, я осторожно потянул дверь на себя. Та поддавалась на удивление легко, беззвучно уйдя в сторону. Я тут же зайцем отскочил назад, подняв в замахе руку с ножом и напряжённо вглядываясь в дверной проём. Увы, но ожидаемого мною прохода сквозь стену и тянувшейся дальше дороги я не увидел. Передо мной в полумраке открывшегося проёма виднелась широкая каменная лестница, скрюченной спиралью уходящая круто вниз. В отличие от приведшей меня сюда дороги, время основательно поработало над ней. Ступеньки серого цвета были покрыты сплошным узором из трещин и сколов, замысловатой паутиной перекинувшимся на неровные стены и низкий полукруглый потолок. Довольно долго я просто стоял, всматривался в полумрак. Тщетно. Открывшийся передо мной туннель замер в равнодушном ожидании, поставив меня вновь перед непростым выбором.

— Ну, вот что теперь делать? — чуть не плача, спросил я в пространство. — Мне в Вилич надо! Некогда мне тут по подземельям шастать!

Не спуская взгляда с лестницы, я, пятясь, отошёл назад, пока дверь вновь не исчезла, слившись со стеной.

— Ну, ничего, — попытался я приободрить самого себя. — Я тут перекрёсток довольно широкий недавно проходил. Обойдём, — и фальшиво-бодрым голосом продекларировал: — Нормальные герои всегда идут в обход!

Перекрёсток был действительно недалеко. И ста шагов в обратную сторону не прошёл. Настороженно посмотрел в обе стороны и не заметил ничего необычного. Такие же полуразрушенные дома, такая же чистая без единой пылинки дорога. Разве что сама улочка была чуть поуже, да здания чуть пониже. Поколебавшись, я пошёл в правую сторону, энергично вертя по сторонам головой.

Не беда. Я на такую же дорогу свернул, а не в скверик между домами. Не любит местная нечисть на дорогу выходить, всё по дворам прячется. Сейчас этот домишко по периметру обойду и обратно, по другую сторону стены вернусь. Нормально всё будет!

Вот только трехэтажное здание справа от меня, которое я намеревался обойти заканчиваться упорно не хотело. Оно тянулось и тянулось вдоль дороги, равнодушно взирая на меня тёмными провалами окон и изредка радушно зазывая полуразрушенными

отверстиями дверных проёмов.

«Что же за гадство то такое?» — всё больше нервничал я, напряжённо вглядываясь вдаль вдоль казавшейся бесконечной стены. — «Лучше бы я налево пошёл, как все нормальные мужики»!

Наконец, далеко впереди показался долгожданный перекрёсток. И хорошо. Я к тому времени уже извелся весь и всерьёз подумывал вернуться назад и попытаться счастья в другом направлении. Мысль попробовать войти в дом и попытаться пройти сквозь него с содроганием отвергалась. Наконец—то! Приободрившись, я прибавил шаг, не сводя глаз с заветного поворота. Это меня и спасло. По моим подсчётам, мне оставалось пройти ещё метров триста, чтобы достичь поворота, когда краем глаза я заметил там странное шевеление. В следующее мгновение я замер, до рези в глазах всматриваясь в непонятное мне действо. Воздух на углу дома дрожал, прямо на глазах постепенно уплотняясь и начиная, клубиться.

«Что опять кисель, как в прошлый раз»? — только и успела мелькнуть в голове мысль, как вдруг на перекрёсток буквально вывалились клубы тёмно-синего тумана и начали быстро распространяться во все стороны. Часть тумана целеустремлённо за клубилась в мою сторону. Чертыхнувшись, я попятился назад, не в силах отвести взгляд от открывшегося мне зрелища. Туман был как живой. Заполняя собой всё вокруг, он довольно быстро двигался вперёд, не оставлял без внимания ни единого метра пустого пространства: выбросил струю—щупальце во встретившуюся боковую улочку, просачивался сквозь двери и окна внутрь домов, карабкался вверх по склонам рукотворных руин. И чем ближе туман приближался ко мне, тем всё яростнее проявляли себя, бушевавшие в нём силы. Завихрения становились всё интенсивнее, заплетаясь в замысловатые спирали, переплетаясь друг с другом в тугие узлы и вновь распадаясь на мелкие части. В какой—то момент на самой границе тумана мелькнула призрачная, еле заметная тень, тут же пропав из вида. Но её место сразу же заняла другая, затем ещё и ещё. И вот уже вдоль неумолимой волной накатывающегося на меня марева, беснуется десяток бесплотных человеческих фигур, кружась в бесконечном танце. Ну, насчёт человеческих, это я так образно сказал. Человеческий мозг всегда пытается подогнать что—то не виденное ранее под уже известные ему стандарты. Если и было между этими силуэтами, бестолково мечущимися в полутьме, какое—то сходство с человеком, то только общее: две пары рук и ног, голова. Но на этом сходство и кончалось! Очертания контуров были зыбки и расплывчаты. Руки и ноги то удлинялись, то укорачивались, изгибались под немыслимыми углами, исчезали и вырастали в другом месте. Один из силуэтов в процессе движения перевернулся и тут же голова и ноги поменялись местами, шустро втянувшись в тело и тут же вытянувшись из него в других местах. Лиц у призраков не было, не говоря уже просто о наличии глаз. И всё же я был, почему—то полностью уверен, что они знают о моём присутствии и беснуются там на границе тумана от страстного желания пообщаться поближе. И всё это на фоне всё той же всёпоглощающей тишины. Мне стало по—настоящему жутко. Волосы встали дыбом, сердце бешено забилося, появилось ощущение надвигающегося конца. Оцепенение продлилось недолго, вряд ли больше нескольких секунд, но за это время туман успел преодолеть треть отделяющего его от меня расстояния и уже нависал надо мной, грозя накрыть как океанской волной.

«Беги, идиот!»! — вспыхнувшая в голове паническая мысль вывела меня из ступора. Я развернулся и что есть силы пустился в безнадёжное бегство. Замелькала под ногами мостовая, нехотя потянулась в обратную сторону опостылевшая стена бесконечного дома.

Оглянувшись, я запаниковал ещё больше. Туман не приблизился, нет, но, также ускорившись, не отставал, продолжая целеустремленно двигаться, в мою сторону в паре сотен метров позади. Силуэты же в нём, казалось, окончательно взбесились, яростно мечась во все стороны.

Догонят! Непременно догонят! Долго мне такой темп не протянуть!

Судорожно дёрнувшись, я на свою беду запнулся и кубарем покатился по мостовой, пребольно обдирая многострадальные локти. Резко заболела нога. Неужто подвернул?! Паника захлестнула меня с головой, заставив рывком подняться с дороги. Нога протестующе стрельнула болью, но не подвела. Ещё раз оглянувшись, я лихорадочно ускорился. Туман, воспользовавшись возникшей заминкой, приблизился ещё метров на двадцать. Постепенно бег превратился в настоящую пытку. Лицо заливал липкий пот, тело взопрело под ставшей неожиданно громоздким и душным тулупом ощутимо сковывающим движения, а ноги начали наливаться неподъёмной тяжестью. Приходилось прикладывать всё больше и больше сил, чтобы заставлять их двигаться дальше. Назад я уже не оглядывался, стараясь сберечь последние капли сил, и без того понимая, что страшный туман неотвратимо надвигается.

«Стена! Дверь! Туда! Хоть какой-то шанс»!

Надежда придала немного сил, позволив ещё некоторое время поддерживать заданный темп. Поворачивая на перекрестке, краем глаза увидел, что туман совсем рядом, руку протяни и коснёшься. В ужасе, я поднажал ещё, исчерпывая последние резервы организма.

Стена появилась как всегда внезапно и я буквально впечатался в неё, еле успев смягчить столкновение руками. Глаза лихорадочно заматались в поисках двери.

«Она справа была! — мелькнула паническая мысль, и я затравленным зверем метнулся вдоль стены. Туман нахлынул внезапно, сразу погрузив окружающий мир в нечёткий полумрак. Будто лампочку кто-то выкрутил. Сбоку ко мне скользнула тень, но я отчаянным рывком успел проскочить в узкую щёлочку, между ней и каменной кладкой. По локтю скользнуло что-то холодное и омерзительно-липкое, но, не сумев зацепиться, соскользнуло прочь. Впереди в нескольких метрах мелькнул ещё один силуэт, поплыв мне навстречу. В ужасе, я заорал, притормаживая, и тут же слева возник дверной проём с так и не закрытой мною дверью. Подвывая от страха, я буквально ввалился туда и схватившись за дверь, захлопнул её за собой, лишь чудом не прищемив себе пальцы. И тут же повалился на ступени, затравленно дыша. Если твари из тумана смогут открыть дверь, сил на дальнейшее бегство уже не было. Оставалось просто ждать.

* * *

Некоторое время, я напряжённо вглядывался в дверь, судорожно хрипя и гадая, что происходит за ней с той стороны. Пару раз, мне даже показалось, что она, вздрогнув, начинает потихоньку открываться. Мелькнувшая мысль, попробовать её забаррикадировать, была тут же отброшена. Сил на это просто не было, да и пустая лестница теряющаяся своим концом в полумраке подземелья обилием предметов для создания баррикады похвастаться не могла.

«И толку её подпирать»? — хмыкнул я через мгновение, поразмыслив. — «Дверь то наружу открывается»!

Неожиданно для себя, я расхохотался, держась руками за покалывающий бок. Умом понимал, что это ненормально, но поделаться ничего с собой не мог. Напряжение скопившееся в организме дошло до крайней точки и теперь требовало выхода. Стало себя невероятно жалко. Блин. Ну что это за жизнь у меня? Всё время, либо убегаю от кого-то, либо по подвалам сижу. Постоянно голодный, грязный, провонял уже, наверное, весь, как последний шелудивый пёс. И каждая встречная сволочь, если не сожрать, так обмануть, избить, продать норовит! Сколько я ещё так протяну?! Ясно же, что не долго! Если сегодня каким-то чудом в Вилич не попаду, то можно самому в петлю лезть. Хоть мучаться, меньше буду.

Просидел я так довольно долго. Во всяком случае, когда придя в себя, я начал подниматься, затёкшее тело отозвалось довольно сильной болью. Впрочем, оно даже к лучшему. Боль окончательно привела меня в чувство, вновь вернув ясность мысли.

«И чего сопли распустил?! Жалеть он себя надумал! Тряпка!»! — мысленно костерил я себя, поднимаясь с пыльных ступенек. — «Тут действовать надо, торопиться, а он сидит, ржёт как полоумный»!

Мне стало невообразимо стыдно за свою слабость. Правильно говорят, что самые страшные судьи для себя — это мы сами. Сам себя никогда не обманешь и всегда выставишь правдивую оценку своим поступкам. Ладно. Время не ждёт. Раз уж занесло меня в это подземелье, нужно идти вперёд. Проверять остался ли туман со своими обитателями у стены или ещё куда утёк, я точно не буду! Так что выбора нет. Надо было сразу сюда идти. Только время зря потерял, да ещё и нож, пока удирал, обронил!

Ножа было искренне жаль. Какое-никакое, а оружие. Всё не с голыми руками в подземелье соваться. И ведь даже не помню, где его оставил. Скорее всего, когда споткнулся, выронил. Жалко. Только вот идти его искать? Слуга покорный!

Я осторожно подошёл к двери, прислушался, ничего не услышал и, развернувшись, начал спускаться вниз. Лестница оказалась довольно длинной. Широкими спиральями наматываясь вокруг своей оси, она уходила всё глубже и глубже под землю. Крошился под ногой камень, поднималась в воздух мелкая въедливая пыль. Спуск был долгим, нудным и однообразным. Даже взгляду зацепиться не за что. Вокруг царил всё тот же несильный полумрак. На какое-то время я призадумался, а почему здесь вообще хоть что-то видно? Источников света вокруг не наблюдалось и, по-хорошему, здесь должна властвовать непроглядная тьма. Не найдя ответа, вскоре выбросил эти мысли из головы. Видно, и слава богу. Не мне жаловаться на отсутствие полного мрака, наоборот — радоваться должен. Вслепую я бы тут далеко не ушёл. Волей-неволей наружу вылезать пришлось бы.

Лестница кончилась незаметно, вдруг. Моим глазам предстал огромный зал, дальний край которого терялся в полумраке. Я застыл, напряженно осматриваясь. Рука бессильно шевелилась в поисках пропавшего оружия.

Зал отнёсся к моему осмотру равнодушно, предоставляя сделать выбор: спуститься вниз или убираться назад, туда, откуда пришёл. Осторожно буквально на цыпочках я покинул лестницу и сделал шаг на ровную площадку. И сразу вспыхнул яркий свет, заставив меня в панике отпрянуть назад. В голове загудело от резкого выброса адреналина, всё тело буквально сотрясала нервная дрожь. Я затравленно огляделся по сторонам, но всё было по-прежнему тихо. Я был тут один.

— Так и заикой стать недолго! — облизав пересохшие губы, с укором заметил я.

Голос прозвучал неестественно громко и не получив ответа, утонул в повисшем безмолвии. Если и было здесь что-то живое, то хорошо затаилось до поры и ничем себя не выдавало. Да и негде здесь было, особо таиться. Зал представлял собой огромную круглую площадку неправильной формы. Стены выложенные из огромных серых плит местами были покрыты непонятными письменами и вздымались далеко ввысь, очевидно, доставая почти до самой поверхности. Такой же серый куполообразный потолок, казалось, парил над помещением. Серыми плитами был выложен и пол, ровными блоками покрывая всё пространство. Всё было простенько, аскетично даже я бы сказал, но при этом дышало непонятным величием. Помещение было практически пусто. Ни мебели, ни каких-либо выемок и ниш, ни дверей. Лишь в центре стояла большая метров восемь в высоту статуя, целиком высеченная из белой скалы.

Восхищённо замерев, я долго разглядывал древнего мага. Скульптура буквально завораживала своим величием и нечеловеческим изяществом. Казалось, ещё мгновение и камень оживёт, пробудившись от тысячелетнего сна и спящий гигант сойдёт со своего пьедестала.

Я осторожно приблизился, несмело обошёл вокруг статуи и, встав перед ней, робко прикоснулся. Камень был тёплый и мягкий на ощупь. Я озадаченно отступил, покачав головой. Что за материал такой странный? Зверь у фонтана тоже из чего-то подобного сделан был. Я медленно поднял глаза вверх, разглядывая колдуна в упор. Фигура стояла, наклонившись, уперев руки в колени, словно с интересом разглядывая очередную букашку, появившуюся перед ней и решая, что с этой букашкой делать. Большая окладистая борода, чуть вытянутый, слегка крючковатый нос, ощерившийся в язвительной усмешке рот. Но особенно поражали глаза. Неизвестный мастер очень талантливо сумел передать чувства волшебника, смотрящего на меня свысока. В этом взгляде смешались воедино и сознание собственного превосходства над стоявшими перед ним, и лёгкая снисходительность к низшим существам, и невообразимая мудрость, недоступная простому смертному. Этот взгляд завораживал, притягивал к себе, подавлял.

Внезапно воздух, передо мной, весело заискрился, волосы ласково погладил лёгкий ветерок и свет, отхлынув от стен, сомкнулся вокруг меня и статуи, образовав небольшой круг диаметром чуть более двух метров. Оставшаяся часть зала сразу погрузилась в непроглядную тьму. Запаниковав, я попытался отскочить назад, но невидимая сила мягко спружинив, вернула меня назад в центр круга. Последующие отчаянные попытки вырваться также успехом не увенчались. Я словно оказался внутри силового кокона, не желавшего выпускать наружу. Сердце сжалось в недобром предчувствии.

— Положи свой дар у ног великого Инсора.

Голос прошелестел так тихо на грани восприятия, что в первое мгновение я подумал, что мне просто послышалось и это плод моей расшатанной психики.

— Ну что же такое то?! — чуть не заплакал я. — И так всё плохо, а я ещё и с ума потихоньку сходить начинаю!

Я попробовал протянуть за пределы круга хотя бы руку, но чем дальше её вытягивал, тем сильнее уплотнялся воздух, превращаясь в непроходимую преграду.

— Ну, вот и всё, — неожиданно для самого себя я успокоился. — Кажется, приплыли. Конечная остановка!

— Положи свой дар у ног великого Инсора, — голос на этот раз прозвучал чётче, в его

интонации проскользнула требовательность и нетерпение.

— Чего? — ошарашено переспросил я, уставившись на лицо статуи. Впрочем, если она и говорила со мной, то внешне это никак не выражалось. Камень он и есть камень — пусть и холодный. Хотя этот как раз тёплый!

— Положи свой дар у ног великого Инсора! — в голосе невидимого собеседника проскользнули нотки ярости.

— Сейчас положу, только достану! — поспешил заверить я и, скинув с плеч мешок, начал лихорадочно в нём копаться. Излишне злить неведомо кого, тем более находясь у него в плену, совсем не хотелось. Вот только что этому Инсору отдать? Выбор был не просто не велик, а по-настоящему скуден. Кусок чёрствого хлеба, две луковицы, чурбачок с намотанными на него нитками и иглой, старое кресало и деревянная ложка. Вот и всё мое нехитрое богатство. Как говорится всё свое ношу с собой. Вот только класть в дар Инсору что-то из этого убожества, было откровенно боязно. Может и оскорбиться. Долбанёт каким-нибудь пульсаром, от меня даже обувки не останется.

— Ты испытываешь терпение Инсора, смертный! — невидимый голос взревел, заставив меня втянуть голову в плечи. Я, уже остановив, было свой выбор на кресале, внезапно вспомнил: — «Монета»!

Перед глазами встали насмешливые глаза старика-шамана, пренебрежительно бросившего мне к ногам золотой кругляш.

— Бери червь! Может и пригодится в запретном городе!

Он что знал что-то? Ведь неспроста так расщедрился!

Впрочем, эти мысли не помешали мне, лихорадочно снять с правой ноги обувку и достать значенную туда монету. Хоть и маленькие, но всё же деньги. Попробую их отдать. Кто знает, может обойдётся и меня не распyleт, тут же на месте. Осторожно потянувшись к статуе, я бережно положил монету возле её ног. Некоторое время ничего не происходило. Затем монета сдвинулась с места, закрутилась вокруг своей оси и, взлетев в воздух, с шумным треском растворилась в воздухе.

— Дар принят, — голос вновь стал тихим и бесстрастным.

Я трясущейся рукой вытер выступивший на лице пот. Блин. Как же всё сложно в этом мире. Всё время будто как слепов по краю пропасти ходишь. Ну а теперь уйти можно или как? Я осторожно протянул руку в сторону границы круга и вновь наткнулся на барьер.

— Что привело тебя к ногам Инсора, низший? — Вопросил между тем голос. — Выбирай!: боль, тьма или ужас?

— Э нет! — я даже замотал головой в знак несогласия. — Мы так не договаривались! Ничего мне от тебя не надо! Отпусти только! Будь человеком!

— Нужно выбрать, — наставительно попенял мне голос. — Что выбираешь? Боль, тьму, ужас?

— Да ничего мне не нужно! — возмущённо взорвался я. — Мне и так за последнее время хорошо досталось! И боли натерпелся, и во тьме посидел, а уж, сколько ужаса было, на десятерых хватит! А тут ты ещё пристал!

— Выбирай: боль, тьма, ужас? — как будто даже не слыша меня, продолжал гнуть свою линию голос.

— Вот что ты за зануда, а?! — чуть не плача, опустил я прямо на пол. — Не буду я выбирать, понятно тебе?!

— Выбирай: боль, тьма, ужас?

Прошло уже довольно много времени, а я всё продолжал находиться перед статуей, выслушивая с завидной периодичностью предложение проклятой твари. В дискуссии со мной тут, похоже, вступать не собирались и на все мои доводы, просьбы, мольбы и угрозы слышалось только одно.

— Выбирай: боль, тьма, ужас?

Какое-то время, я ещё пытался вырваться из западни силой, но очень быстро убедился в тщетности своих усилий. Постепенно пришло осознание того, что выбирать всё же придётся. Не вечно же тут сидеть! Неведомая тварь, похоже, не уступит. Чёрт! Знать бы ещё, что за этим выбором кроется. Боль, она разная бывает. Вот так её выберешь, а с тебя может кожу сдирать начнут? Но и тьма не радовала. Кто эту тварюгу знает, возьмёт, да и глаза выжжет. С неё станется! Постепенно я склонялся к ужасу. Но и тут опаска была. Затеяники тут всякие попадают. Можно такой ужас устроить, что и боль за счастье покажется!

— А можно узнать, в чём этот ужас состоит или что за боль будет? — решил уточнить я. Кто знает. А вдруг ответит.

— Выбирай: боль, тьма, ужас?

— Вот заладил одно и то же! — в сердцах сплюнул я. — Попугай облезлый!

Что же. Делать нечего. Нужно решаться. Я нехотя встал, накинул на плечи мешок и, внутренне сжавшись, сдавленно прохрипел: — Выбираю ужас.

— Инсор внял твоей просьбе! — торжественно прошелестел голос. — Да будет ужас!

— Просьбе?! — выпучил я глаза от возмущения. — Ну, ты и гад!!!

Между тем зал вновь наполнился светом, и я торопливо отбежал в сторону от статуи. Хоть ритуал вроде, как и закончен, но оно так спокойнее будет, а то опять какую-нибудь тягомотину начнут. С этой наглой твари станется. Видали?! Это, оказывается, я сам себе ужас устроить попросил! Даже приплатил за такое удовольствие! Ладно, уходить отсюда надо поскорей, пока мне тут обещанный ужас не устроили. Я крутанулся, намереваясь устремиться обратно к лестнице, и замер в лёгком ступоре. Лестницы на месте не было... совсем. И куда она делась? Ну не могли же они за полчаса пока я с Инсорром валандался, весь проход заложить? Должна быть лестница! Я ещё несколько секунд простоял, глупо моргая, и вдруг меня осенило.

Придурок! Пора уже и привыкнуть было! Лестница, наверное, как и стена наверху, вблизи только и видна! Привыкли тут всё под невидимостью маскировать. Сволочи!

Я бросился к стене и направился вдоль неё, ожидая появления из небытия прохода наверх. Лестница не появилась. Осознав, что делаю уже второй круг вокруг зала, я встал как вкопанный. Окинув безнадежным взором пустой зал и стоящую ко мне боком статую Миновра, я от души выматерился.

— Господи! Да как же достал меня этот город! Чтоб я сюда ещё хоть раз пришёл! Местные не дураки! Лучше его пять раз обогнуть, чем напрямик соваться!

— Иди. Ужас ждёт тебя, — бесстрастно согласился со мной невидимый, и я увидел как в десяти шагах от меня в стене образовался дверной проём, сквозь который виднелась городская улица.

— Я же вроде глубоко под землёй должен быть? — нерешительно пожаловался я в пространство.

Мне никто не ответил. Голос молчал, видимо посчитав свою задачу выполненной. Я осторожно подошёл к проёму и, нерешительно потоптавшись, выглянул наружу.

Это была площадь. Огромная круглая площадь, равномерно залитая гладким белым

раствором, твёрдым навид, но при этом мягко пружинящим под ногами. Я стоял в самом центре, рядом с невысоким двухметровым кубом из бурого гранита. На каждой стороне куба имелась дверь, одна из которых и послужила для меня выходом. Проверять, что находится за тремя другими, у меня никакого желания не возникло. Ну, его. А то ещё чего-нибудь выбрать заставят. Мне бы пока с навязанным ужасом как-нибудь разобраться! Судя по всему, эта площадь являлось центром города. Во всяком случае, окружающие её руины дворцов, даже в таком виде поражали своим величием и красотой. Дворцов было ровно три. Между ними, словно отсекая друг от друга, тоненькими лучами разбегались в разные стороны от площади узенькие стрелки дорог, покрытых тем же веществом, что и площадь.

— Ну и куда мне теперь идти, прикажете? — растерянно оглянулся я.

Продолжавшие висеть над городом плотным покрывалом тучи, оставляли всякую надежду увидеть солнце, а я между тем не имел никакого представления, в какой стороне находится теперь Вилич. Надежда успеть туда вовремя, окончательно угасла.

— Я начинаю ненавидеть это место, — обессилено пробормотал я и, сев прямо на землю, развязал свой мешок. С сомнением посмотрел на остатки хлеба и, не выдержав соблазна, умял всё, слегка заглушив голод.

«Мда. Похоже, если не выберусь отсюда в течение нескольких часов, будет совсем печально», — подумал я, закидывая за плечи почти пустой мешок.

Я решительно встал, ещё раз огляделся и, решив не гадать, направился по первой, попавшейся на глаза, дорожке. А смысл гадать? Куда-нибудь, да выведет! Дорога вывела к обрыву. Я стоял на краю каменной стены отвесно уходящей вниз, а далеко внизу лежал город, по которому я недавно шагал. Отсюда он казался каким-то игрушечным, ненастоящим, я бы сказал. Я горько рассмеялся. Что-то мне подсказывало, что и две других дороги приведут меня к обрыву. Чертовы извращения магические. Это надо так умудриться! Спуститься в подземелье, чтобы оказаться на вершине горы. Придётся возвращаться! Безнадежно махнул рукой и поплёлся обратно к площади. Куба не было. Я стрелой ринулся к центру. Ещё была надежда, что он наподобие стены просто стал невидимым на расстоянии. В центре было пусто. Несколько минут я как безумный метался вокруг, зачем то, подпрыгивая и притоптывая ногами. Затем зло рассмеялся, даже с каким-то восхищением покачивая головой.

— Кто же так строит? Ну, кто же так строит то, а? И что мне теперь прикажите делать теперь? Здесь на зимовку устраиваться или вниз прыгать? Авось, каким магическим потоком подхватит и о землю не так сильно расплющит?

Отвечать мне никто не стал. Я потеряно огляделся вокруг и долго изучал взглядом полуразрушенные дворцы.

— Ну и что я теперь теряю? — обречённо спросил я сам себя. — Один хрен, скоро сам с голодухи вниз сигану. Пойду, погляжу, поищу чего-нибудь. Хуже уже не будет. Вдруг где под подушкой парашют заныканный лежит. Или длинная верёвка, на худой конец.

Выбрав из трёх дворцов самый уцелевший на вид, я решительно направился к видневшемуся в центре здания парадному входу. Огромные массивные двери покрытые золотым барельефом были плотно закрыты. Я в нерешительности остановился.

— Заперто, что ли? — спросил я сам себя и зачем то постучался, словно надеясь, что мне откроют.

Створки в то же мгновение разошлись, скользнув вовнутрь и заставив меня отскочить на несколько шагов назад.

— Кто здесь?! — задал я банальный для такой ситуации вопрос, сам удивляясь тому как дрожит голос.

Ответа не последовало. Лишь только створки остались открытыми, как бы приглашая войти. Осторожно словно мелкий воришка я прокрался внутрь, в любой момент готовый задать стрекача.

Время мало пощадило зал, в который я попал. Горы мусора на полу, покрытые трещинами и копотью стены, гигантская рваная дыра в потолке, поваленные как попало резные колонны. Окружающая обстановка буквально кричала о том, что в своё время, этому зданию хорошо досталось.

Я осторожно двинулся вперёд, петляя между кучами битого камня и осыпавшейся штукатурки. Под ногами характерно захрустело. Оглядевшись, подобрал небольшой металлический прут серебристого цвета, покрытый вязью вырезанных на нём узоров. Легковат! Но всё не с пустыми руками тут бродить. Вроде и не видно никого, но кто-то же двери открыл?

— Готов ли ты испытать свою судьбу, проситель выбравший ужас? — раздавшийся возле самого уха грустный голос, заставил меня запнуться на полушаге и грубо чертыхнуться.

— Похоже, ещё один невидимка на мою голову, — зло прошипел я в пространство. Видимо, лимит странного за один день был вычерпан до придела и появление нового собеседника меня уже ничуть не смутило. — И что ты хочешь предложить мне на этот раз, мистер инкогнито? Только учти! Денег на очередную покупку у меня больше нет! Последнюю монету твой собрат только что отжал!

— Я лог, привратник этого дворца, а не то, чем ты меня сейчас назвал! — по-моему, голос даже обиделся. — И дом великого Инсора не базар, чтобы что-то продавать!

— Ну, с этим хоть поговорить можно, — облегчённо вздохнул я. — Не то, что с предыдущим. Делай свой выбор! Делай свой выбор! — гнусаво передразнил я. — Ты, похоже, поумней, будешь? — обратился я, подняв голову к потолку.

— Ты прав, — спокойно согласился голос. — Выбор тебе придётся сделать. И тянуть с этим не стоит!

— Ну, нет! — испуганно отскочил я к дверям. — Мне и одного раза хватило! Задолбали эти ваши ловушки!

— Ты можешь уйти, — голос был спокоен и сух, — но второй раз эти двери перед тобой, уже не откроются.

Я заколебался. Перспектива оказаться вновь на безлюдной скале, отнюдь не радовала. Здесь, по крайней мере, ещё оставался хоть какой-то шанс выбраться.

— А что за выбор то? — решил поинтересоваться я, подумав, что отказаться никогда не поздно.

— Тот же, что и всегда. — удивился моему невежеству невидимый собеседник. — Ты должен выбрать дверь, в которую нужно войти.

— А что за дверьми? — закономерно решил уточнить я.

— Одна ведёт в тронный зал великого Инсора, где ты сможешь униженно изложить свою просьбу и, если Безымянный будет к тебе благосклонен, то асур выполнит её.

— А если нет?

— Если великий Инсор откажет тебе в твоей просьбе, то он просто вернёт тебя обратно вниз в благословенный город света.

— За что же его так благословили то, город этот? — удручённо покачал я головой.

— О чём ты?

— Да забудь, — отмахнулся я. — Лучше скажи, а что за другими дверями?

— Дверью. Их всего две, — сварливо уточнил привратник. — За другой дверью — Ужас. Ты же сам его выбрал, в качестве наказания за дерзость?

Дилемма. Выбирать мне совершенно расхотелось. Может лучше уйти, пока не поздно? Что-то мне подсказывает, что если я ошибусь, то прыжок со скалы в пропасть мне за счастье покажется. Очень неприятная перспектива. Я заколебался, оглянулся на распахнутые двери, мазнул взглядом по пустой площади и мрачно отвернулся.

Вот умом понимаю, что лучше не рисковать! За одной из двух дверей меня ожидает ад! По мелочам тут никто не разменивается и если уж возьмутся меня наказывать, то всерьёз. И что особенно страшно, это всерьёз может растянуться на довольно продолжительный период! Очень уж у местного населения фантазия богатая! А у древних асуров, судя по всему, ещё и возможности эти фантазии воплотить, были почти не ограниченные.

Я зябко передёрнул плечами. Страшно. До жути страшно! Но, похоже, другого шанса тут выжить нет! А выжить мне просто необходимо. На мир этот посмотреть, долги кое-кому вернуть. Откуда-то изнутри, сметая доводы рассудка, нарастала странная уверенность, что мне обязательно повезёт. Не может не повезти! Двери всего две, а не десять! Шансы достаточно велики! Я просто не могу ошибиться! Нужно решаться! Иначе сдохну на этой скале, понапрасну!

— Я попробую выбрать, — с трудом прохрипел я, буквально выдавливая каждое слово.

— Так иди и выбирай.

Внезапно пропавший из-под ног пол и я с криком проваливаюсь вниз.

— Ааахр!!!

Я бешено замолотил руками, пытаюсь ухватиться за противно свистящий в ушах воздух. Сердце отчаянно колотило по груди, пытаюсь выскочить наружу. От стремительного падения буквально перехватило дух.

Я сейчас разобьюсь! Этого не может быть! Так не честно!!!

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось и меня очень жёстко потрянуло в воздухе, заставив клацнуть зубами. И мягко опустило на землю, поставив на ноги.

Я тут же обессилено рухнул на пол, очумело тряс головой. Машинально попытался приподняться, вновь упал, больно ушибив локоть. Затем меня вырвало, буквально выворачивая наизнанку. Перед глазами плавали тёмные круги, не давая сфокусировать взгляд.

— Вот же гадство какое! — прохрипел я, сотрясаясь от накатившего на меня кашля. — Чуть всю душу из тела не вытряс, скотина невидимая!

— Твоя душа и даром никому не нужна, — голос Лога был по-прежнему равнодушен. Он лишь констатировал факт. — Настало время войти в дверь проситель. И пусть Безымянный определит твою судьбу.

— А в пропасть меня скидывать, обязательно было?! — наконец откашлявшись, зло поинтересовался я.

— Нет. Но так ты лучше осознаешь свою ничтожность, если всё же предстанешь перед великим Инсором.

— Сволочь ты! — несмотря на то, что меня продолжало сильно мутить, я всё же смог подняться на ноги. — Можешь меня прямо сейчас прикончить, а только я от своих слов не откажусь! Ты мразь и сволочь!

— Я не палач. Я привратник — судя по голосу, ни моя злость, ни слова, Лога нисколько не задела. — Палач ждёт тебя за одной из дверей. Выбирай. В какую войдёшь?

В голове немного прояснилось, и я смог, наконец, оглядеться. Я находился в квадратном каменном мешке, из грубо обработанного бурого камня, местами покрытого тёмно-коричневой плесенью. Поднял голову вверх. Всё тот же сплошной камень, словно я и не падал сюда ниоткуда. Так, плод большого воображения. Я зябко передёрнул плечами.

Ненавижу магов! Теперь мне понятно, отчего их тут так все не любят! Извращенцы поганые! Правильно Хунгар в своё время сделал, когда вас как клопов передавил!

Перевёл взгляд на противоположную от меня стену. Две неглубокие ниши, в каждой невзрачная, хлипкая на вид деревянная дверца, с вбитым металлическим кольцом вместо ручки. По краям и в середине, между нишами на уровне моих глаз, прямо из камня, словно проломив его, выступали грубые маски из тёмной кожи. Я, слегка пошатываясь, подошёл поближе. Маски были совершенно одинаковые: оскаленный крупными клыками рот, приплюснутый как у гориллы нос, закрытые, более широкие чем у человека глаза.

— Выбирай, — прервал мой осмотр Лог. — Но выбирай с умом. Ибо если ошибёшься, Ужас будет тебе достойной наградой.

— Подсказок, конечно, никаких не будет? — я растерянно переводил взгляд с одной двери на другую.

— Я привратник дома, — с достоинством ответили мне. — И не должен помогать каждому безродному просителю. Но ты можешь задать по одному вопросу каждому из трёх стражей этих дверей и услышать в ответ: либо да, либо нет. Но знай, проситель, что перед тобой находятся аватары трёх духов: правды, лжи и случая. Первый тебе всегда скажет правду, второй обязательно солжёт, а третий может и солгать, и сказать правду. Тут уж как повезёт.

— И кто из них кто? — даже опешил я, от такого каламбура.

— Этого даже я не зна, — будь у Лога тело, он, наверное, в этот момент, пожал бы плечами. — У тебя три вопроса. Задай их и войди в дверь. Время пошло.

— Погоди! — всполошился я. — Какое время? О времени уговора не было!

— А ты думал, великий Инсор будет ждать тебя вечно? — хмыкнул саркастически голос. — Оглянись. Видишь тень, что покрыла пол за твоей спиной? Это смерть. И как только она коснётся тебя, ты умрешь!

Я затравленно оглянулся и увидел, что возле противоположной стены, в месте, где я появился в этом каменном мешке, воздух сгустился и начал стремительно темнеть. Несколько мгновений и стена совсем скрылась из вида, утонув в черноте, а чернильная мгла, заколыхавшись, словно тряпка на ветру, начала еле заметно смещаться в мою сторону.

Я непечатно выругался. Когда же этот день кончится, наконец! И переживу ли я его вообще? Сил уже нет никаких! Но нужно что-то делать! Навскидку, полчаса у меня есть, но я бы на это не очень рассчитывал. Вдруг эта гадость ускорится?

Я начал, лихорадочно соображать. Так, о чём спросить то? Напрямую спрашивать про дверь в тронный зал бесполезно. И так ясно, что две маски покажут на одну, а третья на другую. Вот и гадай потом, в каком настроении был этот богами проклятый дух случая. Соврал или правду сказал? А что тогда спрашивать? Надо что-то такое, очевидное, чтобы сразу было понятно: соврали мне или нет. Тогда, с большой долей вероятности, про одного из этих истуканов всё станет ясно. А вдруг сразу на духа случая нарвусь? Что же делать? Оглянувшись, я увидел, что проклятая тень значительно приблизилась. Всё-таки ускорилась, тварь! Да у меня от силы минут пять на раздумья осталось! Я практически застонал от отчаяния. Нужно рисковать! Задам сразу двоим один и тот же вопрос, на который знаю

точный ответ. Если ответят одинаково, значит, мне повезло и, один из ответивших был дух случая. Тогда, если ответ был правдивый, то третья маска будет духом лжи, а если оба соврут, то — духом правды. А зная, кто передо мной, у третьей маски и про дверь спросить можно будет. А вот если ответы не совпадут, то тогда всё печально. Придётся идти наугад.

Я решительно подошёл к центральному аватару и шумно вздохнув, спросил: — Я нахожусь во дворце Инсора?

Несколько мгновений ничего не происходило. Замершая передо мной маска, казалось, не слышала вопроса, продолжая прибывать в своей странной спячке. Я уже собрался, возмущившись, поинтересоваться у Лога, в чём тут дело, когда аватара ожила. Сначала на морщинистом лице вздрогнули веки, затем по нему пробежала короткая, едва заметная, судорога и вот глаза открылись. Неосторожно заглянув в них, я сразу отшатнулся, поспешив переместить взгляд себе под ноги. Блин, да эти глаза мне чуть душу наизнанку не вывернули! Нет уж! В гляделки с этими тварями играть, дураков нет!

— Нет.

Голос аватары был бесстрастен и лишён всякого выражения и всё же пробирал до самых костей, заставив меня, зябко повести плечами.

Вот ведь дьявольская образина! Чтоб тебя Лишний разжевал, да выплюнуть забыл! Напугала до чёртиков! Ну что же. Во всяком случае, эта маска — не дух правды. Сейчас бы ещё другая мне в ответ соврала и считай дело сделано! Тогда третья точно духом правды будет и, можно уже не сомневаясь, у неё про дорогу в тронный зал спрашивать. Покосившись на тень, продолжающую бодро ползти в моём направлении, я подошёл к левой маске.

— Я нахожусь во дворце Инсора?

Господи! Сделай так, чтобы она тоже соврала! Должно же мне хоть немного сегодня повезти!

— Да.

Я горько рассмеялся, чувствуя, как на глазах наворачиваются слёзы. И почему я не удивлён? Что же, всё как обычно. Вместо шестёрок кости выдали двойку с единицей. Скажи эта гадина «нет» и всё было бы просто. Я, зная, что правая аватара всё время говорит правду, просто спросил бы, указав на любую дверь, ведёт ли она в тронный зал. А теперь, задавать вопрос третьей аватаре не было никакого смысла. Всё равно, я не знаю, соврёт она мне или скажет правду. Нужно решать самому. Мелькнула мысль бросить жребий и тут же пропала. Я слишком люблю свою жизнь, чтобы доверить её какой-то монетке. Да и бросать особо нечего. Последнюю монету эти сволочи колдовские у меня уже вытянули, да ещё в благодарность в такую з.... запихнули. Гады! Я начал лихорадочно осматривать обе двери, в отчаянной надежде найти хоть какую-нибудь подсказку. Всё было тщетно. Двери был похожи друг на друга, больше, чем близнецы-братья. Казалось, даже пыль на них одинаковым слоем легла!

Решившись, я взялся за кольцо левой двери и потянул на себя. Заперто! Не может быть! Дёрнул сильнее. Не открывается! Как же так! Она открыта, должна быть! Или может?! Осенённый внезапной догадкой, я перестал бешено тянуть кольцо на себя, и толкнул дверь вовнутрь. Та нехотя поддалась, приоткрыв довольно широкую щель в мрачный, обросший мхом и плесенью коридор. Напрягая зрение, я попытался хоть что-нибудь разглядеть и не смог. Стены, да потолок. Нужно заглянуть в другую! Быстрее!

Я резко крутанулся на месте, рывком скакнул в сторону зала, чудом остановился, едва не влетев в проклятую непроглядную жуть и, прижавшись к стене, с трудом протиснулся в

правую нишу. И с горечью выругался, заскрипел зубами от досады. Правая дверь была точно так же приоткрыта и за ней, тёмным пятном просматривался точно такой же коридор.

Разум захлестнула паника. Нужно выбирать! Немедленно! В эту?! От моего толчка дверь открылась ещё шире. Я отшатнулся. Нет! Это ловушка! Нужно обратно! Я обернулся и обречённо простонал, кусая от бессилия губы. Проклятая субстанция, заполонив собой весь зал, уже проникла в нишу, целеустремлённо приближаясь к моим ногам.

— Всё! Доигрался! — взвыл я не своим голосом. — Выбора больше нет!!!

Ненавидя самого себя и, в то же время, отчаянно трусая, я окончательно распахнул дверь и буквально ввалился внутрь коридора. За спиной с грохотом лязгнуло.

Несколько секунд я стоял, замерев, напряжённо ожидая возмездия за ошибку. Всё оставалось по-прежнему. Не спешил разъезжаться в разные стороны пол, отправляя в полёт в не имеющую дна бездну, не тянулись из стен покрытые мерзкой слизью щупальца неизвестного монстра, не падали с потолка изголодавшиеся по свежему мясу гигантские пауки и сколопендры. В общем, никому, пока что, до моего появления никакого дела не было. Я, стараясь не создавать лишнего шума, осторожно прислушался. Тишина.

Одно из двух: либо мне всё-таки повезло и с дверью я угадал, либо этот самый ужас ждёт меня впереди. Никто и не говорил, что он сразу за дверью будет. Она может быть лишь началом пути к нему. Так что, рано пока расслабляться!

И всё же, меня слегка отпустило. Я облегчённо вздохнул. Мой личный апокалипсис вновь откладывался на неопределённое время. На всякий случай, я попробовал приоткрыть дверь, через которую сюда вошёл. Впрочем, сделал я это так, для успокоения совести, нисколько не сомневаясь, что обратного пути нет. Поэтому, не сумев открыть, ломиться не стал. Всё одно, даже будь у меня такая возможность, в другую дверь я сейчас бы не пошёл. Тут я, во всяком случае, пока жив. А там? Брр... Даже проверить не хочу!

Что же. Надо идти.

Коридор оказался не длинным, метров двадцать не больше. И в конце его, меня ждала плотная под цвет стены пелена. Я нерешительно замялся.

— Ну и кто тут радовался удачному выбору? — горько спросил я себя. — Эти двери только вход в прихожую, в предбанник так сказать, а вот через эту гадость, — я раздражённо ткнул ногой зеленоватый мох в сторону марева. — Уже в «парилку» попадёшь. А там уже и банщики ждут и хорошо, если только с веничками!

Мда. Если я хотел сам себя этой шуткой подбодрить, то получилось, скажем так себе, не очень. Мандраж перед очередным испытанием и не думал проходить.

Ну и сволочь, этот Инсор! Натуральный садист! Нет сделать так, чтобы сразу всё за дверью решалось. Так ему этих мук мало! Ему надо, ещё раз из человека душу вынуть, да все жилы вытянуть!

Внутри появилось гаденькое ощущение, словно я маленький муравьишка, с которым решили поиграть соседские ребята: то дорогу перегородят, то песочком присыпят, а то и лапку оторвут. Нет, лапки у меня пока все целы, но боюсь, что ключевое слово здесь «пока». С тех пор, как очнулся в доме Велима, постоянно по краю хожу. Везение — оно ведь бесконечным не бывает. Возможно, что как раз сейчас, оно и закончилось. Может и правда, лучше было не дёргаться и вокруг города сдаваться идти? Как бы сейчас ещё хуже не вышло!

Закусив губу, я медленно приблизился к пелене и осторожно коснулся её пальцем. Ничего. По ощущениям обычный воздух. Медленно протянул руку дальше, так что в пелене скрылась вся ладонь и, тут же быстро выдернул обратно. Нет, ничего такого я не ощутил и не

на что страшное не наткнулся, просто воображение так живо нарисовало, как по ту сторону пелены кто-то хватает мою руку и рывком тянет на себя, что нервы не выдержали.

— Уж лучше сразу, разом. — с ненавистью прохрипел я, облизывая языком прокушенную губу.

Несколько секунд я стоял перед пеленой неподвижно, собираясь духом, словно новичок-парашютист перед первым прыжком с самолета, а потом, зажмурив глаза, отчаянно рванулся.

И тут же удар по ноге резко швырнул моё тело вперёд. Успев открыть глаза, я увидел, стремительно летящий навстречу каменный пол.

* * *

— Нет. Всё-таки, какая у меня насыщенная жизнь пошла, — прохрипел я, зажимая бегущую ручьём из носа кровь. — Интересно, у меня хоть какая-нибудь часть тела осталась, в которую ни разу ничем не ударили? Ну, разве что только та, что между ногами будет. Так что, мне теперь с опущенными руками всегда ходить?!

Надо сказать, что тут я слегка покривил против истины. Нет, не скажу, что народ вокруг меня подобрался в основном добродушный и душевный и пару раз мне даже изрядно доставалось. Вон, после плети Улугбы точно на всю жизнь шрам останется. Спасибо хоть, что шаман слегка щёку залатал. Правда, способ он для этого довольно жуткий избрал. До сих пор дрожь берёт, при воспоминании о том, как он мне мазь густо замешанную на крови Антипа по щеке растирает. Но речь сейчас не о том. Просто немалую лепту в свою грядущую инвалидность вносил и я сам, постоянно стремясь познакомиться с окружающей меня средой как можно ближе. Причём в основном лицом. Вот и сейчас влетев с разбегу, в этот огромный зал, я тут же запнулся, благо весь пол здесь представлял собой огромную беспорядочную свалку и если бы не чудом выброшенные в последний момент руки, разбитым носом дело бы не ограничилось.

— Ну, это нормально, — запрокинув голову, чтобы унять кровь, неожиданно захихикал я. — Привыкать уже начинаю.

Несмотря на довольно сильную боль, на душе полегчало.

Ту я дверь выбрал! Ту! Нет. Обещанного мне мага я тут не встретил, но то, что попал туда, где эта скотина выслушивала просьбы везунчиков угадавших с дверью, сомнений не вызывало. Достаточно было взглянуть в другой конец казавшегося бесконечным зала. Там, являя собой резкий контраст с этим донельзя разгромленным, жутко искорёженным помещением, прямо в воздухе висел золотой, гигантских размеров трон. Искусная резьба на массивных подлокотниках, мозаичный лев на спинке, подставка для ног смотрелись довольно внушительно. Сзади над тронном нависала гигантская фигура Инсора, со скинутыми в каком-то колдовском пассе руками. Мне живо представилось, как очередной проситель попав в этот зал, долго шёл по мраморному полу к трону, всё сильнее осознавая себя мелкой букашкой, дерзнувшей побеспокоить всемогущего исполина. Но сейчас трон был пуст и, что-то говорило мне, что пустует он уже не одно столетие.

— Ну вот, одно жульё кругом, — сказал я с каким-то злорадным удовлетворением. —

Вот на что угодно могу спорить: ошибись я дверью и обещанный ужас мне бы устроили по полной программе! Но я угадал! И где, теперь, прикажете мага искать? Кто мое желание выполнять будет? Ради чего я рисковал? Нервы тратил? Последние, между прочим! Нет у меня пока запасных, обзавестись не успел! Монету единственную опять же отжали!

На мои претензии, ожидаемо, никто не откликнулся. Да я, собственно говоря, и не рассчитывал на ответ. Кровь, наконец, слегка унялась и я, стараясь понапрасну не вертеть головой, осторожно поднялся. Раз с магом накололи, то, похоже, выбраться отсюда никто не поможет. Самому надо выход искать. Зал был огромен, не уступая размерами нескольким футбольным полям. К тому же, поля эти были изрядно перепаханными и заваленными горами строительного мусора, но я не унывал. Выход непременно должен быть! Ведь как-то этот маг сюда попадал? Надо просто вдоль стен пройти. Опять, наверное, невидимостью дверь замаскировали. Знаем — проходили!

На всякий случай развернулся к пелене и убедился, что обратно дороги нет. Вот ведь! Вроде бы серая завеса ни капли не уплотнилась, а даже ноготь сквозь неё теперь не просунешь! Ну и не больно-то хотелось. Что я в этой каменной ловушке забыл, даже если бы смог вернуться? Я медленно побрёл вдоль стены, старательно перебираясь через горы мусора и не забывая оглядываться по сторонам. Блуждание по городу научило осторожности и наличия в зале магических ловушек я не исключал. Да и что-нибудь ценное была надежда найти. Вон ходоки, по окраине города блуждая, кристаллы собирают, а я всё же во дворце местного мага нахожусь. Сам бог велел хабар собрать. В будущем, если отсюда выберусь, может пригодиться.

Вернувшись примерно через час к месту, через которое попал в зал, я озадаченно почесал голову.

Ну и что теперь делать? Ни дверей, ни окон, ни артефактов магических! Голые стены, да горы мусора. Тоже мне, тронный зал, называется! Делать то что? Я тут долго не протяну. Должен же быть выход! Может, пропустил ненароком? Мог, наверное. Когда несколько раз от стены отходил. А всё жадность моя! И вещи, что внимание привлекли, обычным мусором оказались, и в том, что дверь в стене не пропустил — уверенности нет. Одни убытки, в общем! Ещё раз обойти? Я с сомнением почесал голову. Нет. Потом. Лучше пока в центр к креслу летающему схожу. Может там портал, какой есть или просто люк в полу, на худой конец. Я и на люк согласен, мы люди не гордые. Лишь бы был!

Трон висел над полом метрах в трёх. Довольно долго, я смотрел на него, задрав голову и удивляясь, как можно было поднять ввысь такую махину. Это какой же силы магия должна быть? Под креслом, кстати, мусора не было, но и люка тоже, как я не старался его разглядеть. Под сам трон я, правда, не полез. Не захотел судьбу испытывать. Оно, конечно, он уже долго висит. Ну а вдруг упадёт? Я отошёл чуть в сторону и безнадёжно развёл руками.

Нету тут никакого люка! Вновь взглянул на трон. Залезть? Вдруг там кнопка, какая или рычаг от тайного входа? А как залезть? Высоко висит, зараза. Стремяночку бы какую-нибудь или верёвку с крюком, на худой конец. Я озабоченно покрутил головой, надеясь найти среди мусора, своеобразным кольцом окружающим трон, хоть что-нибудь, что могло бы помочь начинающему верхолазу. Тут то и зацепился взгляд за колечко, почти незаметное из-за слоя покрывавшей его пыли.

— Лучше бы кусок баранины попался! — горько вздохнул я, но колечко всё же поднял.

Неплохое такое колечко, золотое. Тоненький ободок с нанесёнными на него непонятными знаками, печатка в виде всё того же неизменного льва, правда, на этот раз,

мирно спящего. В городе, наверно, немалых денег стоить будет, а тут и корки хлеба за него не получишь. Хотя и башку за него проломить, тоже легко могут. Жизнь тут совсем не ценится. Если всё же мне повезёт, и я выберусь из этой передраги, надо будет его спрятать хорошенько, до поры, а пока ... Хмыкнув, я напялил кольцо на средний палец.

Чей-то взгляд буквально впился мне в спину, заставив покрыться холодным потом. Ощущение чужого присутствия было настолько сильным, что я крутанулся на месте, затравленно оглянувшись по сторонам. В зале, насколько я мог видеть, никого не было. Правда, рукотворные горы мусора местами были настолько высоки, что за ними без проблем можно было спрятаться, но что-то мне говорило, что и там я ничего не увижу. И всё же чувство чужого присутствия не проходило. Я давно уже научился не доверять полностью глазам, в этом городе невидимок и весь обратился вслух. Полная тишина, почему то ещё больше убедила меня в появлении невидимого гостя. Я начал озираться по сторонам, подспудно ожидая нападения со спины. В сердце мелкой дрожью зашевелился страх.

— Кто здесь?! — не выдержав, выкрикнул я, практически не надеясь на ответ. — Покажись, сволочь!

— Как прикажешь, хозяин.

От неожиданности я буквально подскочил на месте. Метрах в трёх правее меня прямо из воздуха материализовалась небольшая чуть более метра ростом мохнатая фигура. Хитрые глазки на кругленькой похожей на енота мордашке, густо покрытое тёмно-бурой шерстью тело, короткие так же покрытые шерстью лапы с толстыми пальцами-сардельками. Смотрело это существо на меня весело и задорно, удобно устроившись, на одной из валявшихся поперёк зала колонн.

— Ты кто?! — я был настолько ошарашен неожиданным появлением, что не удержался от этого банального и, в общем, то глупого вопроса.

— Судя по твоему утверждению, я сволочь, — флегматично пожал меховой плечами и, весело стрельнув в мою сторону глазками, невинно поинтересовался. — Прикажешь отзывать на это имя, хозяин или выдумаешь для меня ещё что-нибудь, более экзотичное?

— Да нет же, — я продолжал таращиться на сидящее передо мной существо и нести полную чушь. — Это я не тебе говорил. Ну, то есть, не тебя так называл.

— Не мне? — теперь уже озадачился мой необычный собеседник. — Так значит, я и появился зря? Прости хозяин, сейчас исчезну!

— Стой! — буквально рявкнул я, испугавшись, что существо и вправду может внезапно пропасть, и я вновь останусь один. — Я не то хотел сказать!

— Стою, — обречённо вздохнул меховой, скорчив несчастную физиономию и уставился на меня.

— Как-то не так, мы разговор начали, — постепенно отходя от шока, я начал потихоньку соображать. — Давай для начала всё же познакомимся. Вот меня Вельдом зовут, а тебя как?

— Сволочь, я, — коротышка, встав, галантно поклонился в ответ.

— Да хватит уже, а? — буквально взмолился я. — Вот ведь обидчивый такой! Ну не подумавши, я ляпнул! Извини, чего уж теперь!

— Тогда придумай мне другое имя, хозяин, — невозмутимо пожал плечами меховой.

— А у тебя что, своего имени нет? — осторожно поинтересовался я, продолжая во все глаза разглядывать своего собеседника.

— Своё мне не полагается, — нахмурился коротышка. — Хозяину виднее, как меня

называть.

— Ну, хорошо, — решил не настаивать я. — А как тебя твои прежние хозяева называли?

— Ну, это по-разному, — оживился тот. — У меня, за мою жизнь, уже больше сотни имён было!

— Ну, последнее то, какое? — продолжил я допытываться.

— Так сволочь же! — удивился моей непонятливости меховой. — Сам же и назвал!

Я вполголоса выматерился. Разговор крутился по замкнутому кругу, всё время, возвращаясь к начальной точке. Так я тут до самой смерти проторчу!

— Ладно, — решил я пресечь затянувшуюся дискуссии, по поводу имени коротышки. — Раз я могу давать тебе имена, то будешь Толиком. Хоть так этому гаду отомщу!

— Как скажешь, хозяин, — покорно согласился Толик.

— А почему ты меня всё время хозяином называешь?

— Так сам же кольцо призыва надел? — вновь насупился Толик. — На ком кольцо, тот и хозяин. Тому я и служить должен.

— Это ты что, вроде джина будешь, что ли?! — не на шутку обрадовался я.

Ну, наконец, то! Вот она награда за все мои страдания! Говорил же Гонда, что в проклятом городе всякие магические штучки найти можно. И чем дальше в город, тем круче может оказаться приз. Вот мне и повезло, наконец! Как-никак, в жилище местного мага проник. Теперь, пожалуй, мне и в школу эту посылую идти не придётся!

— А что ты умеешь? — с замиранием сердца, решил уточнить я.

— Всё, что прикажет мой хозяин, — с достоинством поклонился Толик.

— Вот это я удачно зашёл! — потёр я руки в радостном возбуждении. От заманчивых перспектив захватывало дух. — Ну, тогда для начала пожрать чего-нибудь раздобудь. Оголодал я, спасу нет! — Мой рот наполнился обильной слюной

— Как будет угодно господину, — с готовностью поклонился мне коротышка. И тут же поинтересовался — А где мне еды взять?

— Так создай! — неприятно удивился я. — Ты же маг!

— Нет, хозяин, маг — это ты, — сварливо уточнил мой собеседник, — а я всего лишь пленённый дух и истинная магия мне уже давно неподвластна.

— Так что же ты умеешь?

— Всё, что будет угодно хозяину.

— Это я уже понял, — вздохнул я. В душе нарастало нехорошее предчувствие. — Ладно, перефразирую вопрос. Чем ты у прежнего хозяина занимался?

— Я был просто незаменим! — сразу оживился Толик. — Докладывал хозяину, о чём говорят слуги во дворце, сопровождал его в странствиях, прислуживал за столом и во время отдыха, пел и плясал, когда ему было скучно. А какие шутки я устраивал с просителями, посмеявшимися не угодить господину! — коротышка даже глазки прикрыл от удовольствия. — Ох, он и веселился!

— И всё? — расстроился я. В душе нахлынула обида, как у ребенка, которому дали сладкую конфету и сразу отобрали.

— А разве мало? — в свою очередь расстроился коротышка.

— Так колдовать ты что, совсем не умеешь?

— Когда то умел, — в голосе духа промелькнула такая тоска, что у меня по телу мурашки пробежали. — Пока меня не поработили и к кольцу не привязали. Давно это было. Я уже и сам не помню, как давно.

Я подавленно сел на пол. Так. Похоже, с моими планами по завоеванию этого мира, придётся слегка повременить.

— Слушай, — повернулся я к Толику. — И что, твои способности к магии никак нельзя вернуть?

— Можно, конечно! — коротышка аж заплясал от возбуждения. — Хозяину стоит только пожелать! Заклятье освобождения совсем не сложное! Просто оно, только, владельцу кольца подвластно! Может, прямо сейчас и начнём?! — придвинулась ко мне меховая морда. — Ты не думай! Я тебе потом всё равно служить буду! Ещё лучше даже!

— Не начнём, — вздохнул я устало. — Что я маг что ли, чтоб заклатья снимать?

— Так маги такой мелочью и не занимаются, — отмахнулся, от моих возражений, дух. — Говорю же, простейшее заклинание! Странно, что ты его вообще не знаешь. В любой деревенской школе, ему первым делом обучают.

— Когда это было? Лет пятьсот назад?

— Ну да, — не понял, куда я клоню Толик. — А что?

— А то! Тогда, по слухам, даже дети простейшую магию творить умели. Да только прежние времена прошли. Теперь магия удел немногих. Да и те, очень слабы. Говорят сейчас даже архимаги по силе не выше деревенских мальчишек будут. А чтобы получить магические способности, нужно в город идти и там инициацию проходить, — я вздохнул и огорчённо добавил: — Я как раз за этим в Вилич и шёл.

— Так что же, получается? — насторожился коротышка. — Значит не только мой прежний хозяин ту войну не пережил, но и остальные великие маги погибли? Все?! Х..хозяин?

— Ага, — кивнул я. — Не один не выжил.

Толик озадаченно почесал за ухом, на несколько секунд задумался, осмысливая услышанное, затем деловито засопев, потопал куда-то в сторону.

— Эй, Толик! Ты куда пошёл? — удивлённо спросил я.

— Куда надо, туда и пошёл! Мало ли у меня дел, — пробурчал тот в ответ, на ходу растворяясь в воздухе.

— Эй! Ты куда исчез! — уже во всю глотку заорал я. — Вернись! Мы же ещё не договорили! Мне же выбраться отсюда, как-то, надо!

Никто мне не ответил. Довольно долго, я продолжал отчаянно звать, по непонятной причине бросившего меня духа, испробовав всё: тут были и приказы немедленно вернуться, и просьбы вернуться и поговорить, и наконец, просто мольбы вперемешку с ругательствами. Всё было тщетно. Проклятая образина исчезла, оставив меня наедине с моими проблемами. Следующий час прошёл в безуспешных поисках выхода. Я буквально прощупал все стены, уделив особое внимание месту в направлении которого исчез Толик, не побоялся залезть под трон и, в конце умудрился даже залезть на него, в надежде сам не знаю на что. Всё бестолку. Выхода просто не было. Совсем. Потеряв надежду, я буквально рухнул на ближайшую к трону мусорную кучу и замер, тяжело дыша.

— Мне вот интересно. И долго ты тут сидеть собрался? — раздался над самым ухом сварливый голос. — Ты же вроде что-то про инициацию говорил? И что тебе в этот.... В Вилич надо?

— Толик! — подскочил от радости я. — Ты вернулся!

— Меня зовут Верниनावолокуситогус, — зло отрезал коротышка, сурово сдвинув брови. — Запомни это ничтожество и не забудь добавлять — хозяин.

— Так ты же говорил... — Ошарашено начал я.

— Всё поменялось! — окончательно взъярился дух. — Теперь я твой хозяин! И я тебе имена давать буду! А будешь пререкаться, я сейчас на тебя такое наколдую!

Бывший Толик грозно уставился на меня, величественно вскинув вверх руки. Вот только, при его внешности и росте, выглядело это скорей не грозно, а комично и ничуть меня не испугало.

— Ничего ты мне не сделаешь, — криво усмехнулся я, начиная потихоньку заводиться. — Сам же говорил, что тебя хрен знает когда, всей магии лишили.

— Это я, — коротышка запнулся на мгновение, подыскивая ответ. — Обманул я тебя насчёт магии! Я ещё как колдовать умею! На колени, раб!

— Да иди ты лесом! — окончательно озлился я. — Тоже мне Гендальф серый нашёлся! Давай колдуй! Не больно-то я тебя испугался! — и демонстративно занялся своими ногтями, выковыривая из-под них грязь. Да запустил я себя в последнее время! Скоро на пещерного человека похож буду!

Коротышка ещё некоторое время грозно пыжился, буравя меня глазами, а потом как-то сразу сдулся, поникнув на глазах.

— Твоя, правда. Доступа к магии у меня пока нет. Всё из-за этого кольца проклятого! — он обличительно ткнул мне на палец. — Ладно. Служить ты мне не хочешь, но помочь то можешь?

— И в чём же я тебе должен помочь? — саркастически поинтересовался я. — И с какого перепугу вообще помогать должен?

— Давай ряд заключим, — вновь оживился меховой. — Я тебе помогаю отсюда выбраться и в школу твою попасть, а ты после инициации меня от печати покорности освобождаешь.

— А сам значит, освободится, ты не можешь? — хитро сощурившись, уточнил я.

— Стал бы я с тобой тут разговоры говорить, если мог бы, — вздохнув, признался коротышка.

— Слушай, а почему ты мне подчиняться перестал? — решил поинтересоваться я. — Кольцо то у меня на пальце.

— Так это кольцо только магию мою блокирует и далеко от себя не отпускает, — поморщился, будто откусив кислого лимона, дух. — В своё время маги почти всех духов так поработили. И раздавали эти кольца потом, кому ни попадя! Вот только подчиняться это кольцо, заставить не может.

— Так почему же подчинялись? — удивился я.

— А ты попробуй, взбунтуйся! — сразу окрысился меховой. — Любой владелец мог пойти и асуру пожаловаться, — коротышка зябко повёл плечами и с дрожью в голосе добавил: — А уж наказывать маги умели!

«Вон оно что!» — мысленно усмехнулся я. — «А теперь значит, магов нет и, можно наказания не бояться. Я же сам ему и проболтался! Вот он сразу как с цепи и сорвался и, если бы его кольцо здесь не держало, хрен бы он за мной вернулся».

— Ну, так что, будем ряд заключать? — требовательно уставился на меня коротышка.

— Будем, — согласился я, — но только немного на других условиях!

— Чем тебе условия не нравятся? — удивился мой собеседник. — Ты отсюда выберешься, с голоду не сдохнешь! А я свободу получу!

— Ну, для начала, мне нужно не просто в город попасть, а до конца сегодняшнего дня,

— начал выдвигать свои условия я. — Иначе меня вообще в магии не возьмут, а значит, никакой инициации я не пройду и, соответственно, тебя освободить не смогу. Так что это и в твоих интересах.

— А почему не возьмут то? — удивился Толик.

— Да долго объяснять, — отмахнулся я и уточнил. — Законы такие у нас.

Меховой понятиливо кивнул. Что с законами не поспоришь, он за своё долгое существование успел уяснить твёрдо и спорить не стал.

— И ещё ты мне поможешь в учебе. Хотя доступа к магии у тебя и нет, но теорию должен помнить. И это тоже в твоих интересах. Магия у нас слабенькая. Я могу и, отучившись, это твоё заклинание не осилить.

— Да простенькое оно! — замахал, своими лапами, коротышка.

— И всё же. Не будем рисковать, — твёрдо пресёк я возражения духа. — Мне бы для начала в адепты земли попасть, нужно. Сможешь в этом мне помочь?

— А зачем? — почесал за ухом Толик. — Раз магом станешь, все стихии тебе подвластны будут.

— Это раньше так было, — отмахнулся я. — Сейчас маг только одной стихии полноценно служить может. И лучше всего, если это будет земля.

— Хорошо! — коротышка залихватски махнул своей лапой. — Договорились! Будет тебе магия земли! Такое я даже сквозь запрет сотворить могу. Щепотка силы всего нужна, — и с недоумением, добавил. — Это надо же! Даже стихии обуздать толком не могут! Что проще то может быть? Ох, я тут и развернусь!

— Ну, а раз договорились, давай выбираться отсюда, — взял я быка за рога. — Времени, наверное, почти не осталось. Я так и опоздать могу.

— Пошли, — согласно кивнул мне коротышка, но тут же спохватившись, остановился и покосился в мою сторону. — Я тебя через изнанку мира провести хочу сразу в город. Только для этого из дворца выйти нужно. Здесь не выйдет ничего! Защитные чары дворца до конца даже сейчас не развеялись.

— Так пошли. Чего тянуть? — не понял я замешательство духа.

— Так Лога нужно убить сначала. А то он нас из дворца нипочём не выпустит! — со вздохом признался коротышка.

— Как же ты его убьёшь? — озадаченно уставился я на мехового. — Его даже не видно совсем!

— Нет! Это ты его убьёшь! — весело оскалился Толик. — Мне не под силу будет! Не могу я ничем материальным в этом мире пользоваться! — коротышка бросился к одной из многочисленных куч мусора и приглашающе замахал мне лапами. — Иди сюда, забирай!

— Это то, что я думаю? — спросил я, осматривая маленький камешек, покрытый толстым слоем пыли.

— Он самый! — жизнерадостно закивал Толик. — Давно тут лежит! Всего то и надо, сжать кристалл в руке, вытянуть её в сторону привратника и сказать: — Развоплотись!

— Думаешь, подействует? — засомневался я. Камушек был на вид обычным, ничем не примечательным гольшом, которые во множестве можно найти на берегу любого моря. Вот только на удивление тёплым, почти горячим. Словно на солнцепёке весь день лежал!

— Не сомневайся, — хмыкнул дух. — А Лога тебе кольцо увидеть поможет. Меня же ты видишь! Только сразу кристалл активируй как он появится, а то удрать может или первым ударит. Тогда всё. Навеки тут останешься!

— Ну, уж дудки! — я решительно стиснул камень в руке. — Я ему ещё за двери спасибо не сказал!

— Ну, тогда пошли, — Толик возбуждённо потёр лапами и взмахнул одной из них. Передо мной появилась дверь.

Я мысленно чертыхнулся. Сколько тут лазил, ничего не было, а этот лапой махнул, и пожалуйста — выход. Выглянув в приоткрытую дверь, я понял, что вернулся обратно в зал-прихожую. Разве что, попал в него с другого конца, выйдя в противоположной стороне от наружного входа во дворец. Толик стремительной ящеркой проскользнул мимо меня в дверной проём и, вскарабкавшись на ближайшую кучу мусора, начал оглядываться по сторонам, явно высматривая привратника.

— Спрятался, тварь такая! — возбуждённо повернулся ко мне коротышка. — Видимо почувствовал что-то! Ну, ничего! От нас не спрячешься! Давай к выходу иди! — азартно махнул он мне лапой. — Тогда он поневоле появится! Только камешек наготове держи!

Я осторожно вошёл в зал и, сжимая камень в руке, медленно двинулся вдоль него, внимательно оглядываясь по сторонам. В одном Толик прав, нужно выбираться отсюда. Но лучше бы по-тихому. Без инцидента с местным привратником. Ну, его! Ещё вопрос как этот камешек против Лога поможет. И поможет ли вообще? Никогда ничем подобным раньше не пользовался. Так что лучше бы это пугало местное, тут совсем не появилось!

— Вот он! — громко заверещал коротышка прямо мне в ухо. — Бей давай!

Я резко повернулся. В углу, сбоку от меня, воздух начал быстро уплотняться, теряя свою прозрачность. Несколько мгновений и передо мной предстал величавый бородатый старик в синем камзоле и высоких, достающих до колен сапогах. Лог, небрежно мазнул взглядом по пританцовывавшему перед ним меховому и, перехватив поудобнее длинный посох с ромбовидным каменным навершием, повернулся ко мне. Глаза полыхавшие синим пламенем, угрожающе сощурились.

— Бей! Быстрее!!! — буквально зашёлся в истерике Толик, всплеснув в отчаянии лапами.

— Развоплотись! — рявкнул я, ткнув в сторону старика сжатым в кулаке камнем.

Руку буквально обожгло, заставив меня заскрипеть зубами от боли. И всё! Никаких тебе спецэффектов. Ни ледяного пульсара, ни магических стрел, ни пламени. Вообще ничего не было. Но старик, пошатнувшись, издал страшный крик. Воздух вокруг него словно вспыхнул, засверкав красными сполохами.

— Умри, скотина! — начал плясать вокруг привратника коротышка. — Я же говорил тебе, что ещё пожалеешь! Столько веков из-за тебя тут проторчал!

Свечение вокруг привратника между тем усилилось, всё быстрее пожирая его. Старик, со стоном, упал на колени, упершись одной рукой о пыльный пол и вновь, посмотрел на меня. Взгляд полный ненависти, казалось, проникал в самую душу.

— Силой дарованной мне господином, налагаю на тебя проклятье, убийца, — прохрипел лог. — Живи, зная, что где бы ты ни был, оно свершится в предопределённый час!

Рука старика подломилась, и он бессильно рухнул на пол. Я судорожно вздохнул. Появилось чувство, что я только что совершил непоправимую ошибку, которая со временем будет мне очень дорого стоить. Чёрным червем в душу закралось ужасное подозрение и я сузившимися глазами уставился на коротышку.

— Подыхаешь, тварина тупая! — продолжал между тем бесноваться тот около

умирающего. — Проклятием он, видишь ли, меня пугать вздумал! Обошёл я твое проклятье, убогий! Не страшно оно мне теперь!

— Ну да. Чего тебе его бояться, — неожиданно спокойно согласился я. — Ты же замену себе нашёл. Меня под него подставил!

Веселье с коротышки как ветром сдуло. Мордочка приняла скорбное выражение, глазки забегали по сторонам. Дух уже явно жалел, что в порыве радости сболтнул лишнего и теперь придумывал очередную ложь.

— Так что там привратник за проклятие на меня наложил? И в какое дерьмо я по твоей милости вляпался?

— Да не будет тебе ничего! — оправился, наконец, от замешательства Толик. — Это он только грозился от бессилия, — коротышка ткнул лапой в почти уже полностью истаявшую фигуру Лога. — А сам уже давно за века всю свою магию растерял.

— От бессилия, значит, — задумался я и меховой согласно закивал головой, — Ну пусть будет так, — я поднёс кольцо к своим глазам и стал его внимательно рассматривать, поглаживая пальцем. — Какое красивое колечко! Прямо наглядеться не могу. Даже сердце разрывается при мысли, что всё, больше не носить мне его.

— Отчего же не носить? — Толик застыл на месте, не сводя с меня напряжённого взгляда. — Хорошее колечко, красивое! И что очень важно для посторонних глаз не видимое! Не отнимет никто! Живи, да радуйся!

— Да нет, — криво усмехнулся я. — Без надобности мне оно. Я, пожалуй, сниму его, да припрячу получше! Сколько ты уже здесь находишься? Лет пятьсот? Или тысячу? — я участливо покачал головой. — Но ты не думай. Это не предел! Местные в центр этого чёртового города давно не суются. Они на окраины то и то не часто заглядывают. Это только я один такой дурак оказался. Так что мой тебе совет. Запасайся терпением! Видят боги, оно тебе ещё понадобится!

Я потянул кольцо с пальца. С этой тварью мне точно не по пути. Одно проклятье не доконает, так Толик под другое подведёт и не почешется! Понял я уже, что это за дух такой пакостный. Айхи это! Гонда про них рассказывал. Уж лучше с целой толпой отцов-вершителей дело иметь, чем с одним таким помощником! Там шансов выжить побольше будет! Да что же оно не снимается! Я потянул кольцо сильнее, но тонюсенький ободок, покидать мой палец категорически не желал. Вроде и сидит свободно и крутится легко, а как сниматься — ни в какую!

— Что не получается? — айхи придал морде участливое выражение и озабоченно поскрёб за ухом. — А может сломать попробовать? Оно же тонюсенькое. Ты камень побольше поищи и тресни от души — вмиг разлетится!

— Я тебе сейчас тресну этим камнем! — я даже зубами заскрипел от бессильной злобы, продолжая терзать палец. — Чтобы с советами своими под руку не лез, погань такая!

— Зря стараешься! — Толик, поняв, что камнем себе по пальцу я бить не собираюсь, поскуцнел, утратив к моим усилиям всякий интерес. — Кольцо тебя своим владельцем признало. Теперь, хоть палец отруби, до самой смерти не избавишься! Ну, или пока меня на волю не отпустишь! Оно тогда само исчезнет. Хватит тут столбом стоять! — в голосе айхи прорезались требовательные нотки. — Пошли! Будем отсюда выбираться!

Оставив кольцо в покое, я мрачно уставился на обнаглевшего духа. Нельзя у айхи на поводу идти. Никак нельзя. Надо его на место ставить, раз уж избавиться пока никак не могу. Иначе подлый коротышка не только вместо лошади запряжёт, но и сено жрать

заставит. И решать этот вопрос нужно здесь и сейчас.

— А я уже никуда не спешу. Куда мне спешить то, с нависшим над головой проклятьем и неуправляемым пакостником за спиной? Всё равно, не одно, так другое в могилу сведёт. Так зачем тянуть? — напустив на себя решительный вид, я целеустремлённо зашагал к выходу из дворца. — Сейчас со скалы брошусь и на этом всё для меня закончится! Ну а ты жди, давай, — покосился я в сторону засутившегося Айхи. — Может через пару тысяч лет сюда ещё кто-нибудь дойдёт!

— Да чего ты озлился! — в панике заверещал коротышка, мелко семена рядом со мной и искательно заглядывая в глаза. — Не бросай меня тут одного, хозяин! Видит Йоки, я тебе верно служить буду!

— Так что там с проклятьем, что привратник на меня наложил? — вновь поинтересовался я, остановившись у самого выхода. — Только не лги мне... Толик. Второй попытки у тебя не будет!

— Так на то он и привратник, чтобы дом в отсутствии хозяина охранять! Не один вор мимо него не пройдёт! Только ведь до магов ему все равно далеко было. Сила не та! И купить какой-нибудь кристалл и убить его раньше вообще не проблема была. Убьёшь и грабь себе на здоровье. Вот маги и наделили привратников силой накладывать на их убийц проклятья. Тут трогать их желающих и поубавилось сразу. Оно, конечно, таких дураков не найдёшь — в довесок к награбленному, смертельное проклятье получить!

— А ты значит, такого дурака нашёл? — мрачно уточнил я, упершись тяжелым взглядом на стусевавшегося коротышку. — И чем же мне это смертельное проклятье грозит?

— Ну, это по-разному бывает, — оживился Толик. — Каждый маг, создавая привратника, какое-то своё проклятье в него вкладывал: кого-то черви изнутри поедать начинали, кто-то в пламени медленном сгорал, а бывало и сами себя на куски рвали. В общем, много чего бывало, — махнул лапой дух. — Всего и не упомнишь! Но каждый раз маги что-то новое придумывали, позаковыристей. А мой прежний хозяин, и среди асуров, тем ещё выдумщиком слыл.

— И когда же это со мной произойдёт? — сглотнув, поинтересовался я.

— Да кто же его знает? — беззаботно пожал плечами коротышка. — Тут тоже по-разному бывает. Может через седмицу, а может и через год. В этом то и весь фокус, что грабитель живёт и каждую секунду смерти ожидает. Говорят, что один тать прямо в постели с бабой вдруг заживо разлагаться начал. Визгу было! — Толик мечтательно закатил глаза, очевидно сожалея, что сам при этом зрелище не присутствовал. — В общем, самый невезучий больше пяти лет прожил, пока смерти дождался. Говорят, поседел весь!

— Знаешь. А всё-таки правильное я тебе имя поначалу подобрал, — задумчиво заметил я, доброжелательно поглядывая на коротышку. — Сволочь ты и есть! Я же тебе вроде ничего плохого не сделал, а ты мне такую свинью подложил. И ведь знал, что заклятие себя не сразу проявит, и я успею тебя вместе с кольцом отсюда вытащить! А там и хозяина поменять можно, если я тебя сам не успею освободить. Так ведь?

— Ты-то может ничего и не сделал! — внезапно, окрысился дух. — А что плохого я и мои ребята сделали вам, люди? За что вы нас закабалили? — коротышка рывком подскочил ко мне и, заглянув в глаза, горячо спросил: — Ты знаешь, что для айхи превыше всего? Свобода! Свобода — вот суть нашей жизни! А вы привязали нас к этим жалким побрякушкам просто так, ради потехи! Навеки лишили нас самого дорогого, что у нас было! За что? Мы никогда не враждовали с людьми! Было время, когда вы ещё только делали свои

первые шаги и были слабы. Тогда нам ничего не стоило уничтожить вас! Стереть в порошок! А мы лишь снисходительно подшучивали над вами, не нанося вреда! Но стоило вам стать сильнее... — Толик, внезапно успокоившись, отошёл чуть в сторону. — Мне не за что питать к тебе тёплые чувства, человек.

— Наверное, ты во многом прав, — устало согласился я. — Трудно найти во вселенной более эгоистичное и порочное существо, чем человек. Куда бы мы ни попали, мы всегда стараемся переделать окружающий мир под свои потребности, абсолютно не считаясь с ещё чьими-то интересами и порой грубо ломая всё чуждое нам. Такова наша природа. И в то, что вам мы прежде изрядно насолили, я вполне допускаю. Вот только и вы далеко не невинные овечки, — заглянул я в глаза духу. — Только шутили, говоришь? А я слышал, что от ваших шуток люди целыми семьями в петли лезли! Или не так? Но в данный момент, прошлое уже не важно. Здесь есть только конкретно ты и я. И с тем, как ты со мной поступил, я согласится, не могу. Пусть ты трижды несправедливо обижен, но права на подлость по отношению ко мне тебе это не даёт. Так что вариант с оставлением кольца здесь, мне нравится всё больше и больше. Прожить ещё год, каждый миг ожидая, что начнёшь заживо разлагаться? Да лучше сразу сдохнуть! Хоть мучится, не буду! — я, сделав шаг к выходу, обернулся и помахал Толику рукой. — Терпенья тебе, дружище! Видит Лишний, оно тебе понадобится!

— Да постой ты! — было заметно, что только бестелесность мешает духу вцепиться в меня мёртвой хваткой. — Послушай же, наконец! Проклятье можно отменить!

— Ты меня совсем за дурака не считай, — скривился я, всё же остановившись. — Если бы его отменить можно было бы, то какой тогда в нём смысл? Прихлопнул привратника, грабанул мага и продал товар. А на часть выручки идёшь к другому магу и убираешь проклятье. Иди, ври кому другому!

— Да не всё так просто тут! — взревел Толик. — Чтобы проклятье убрать, нужно его формулу знать. Каждый маг туда скрытую формулу вводит, поэтому только он сам её и убрать может! Я два случая помню, когда убийцы сумели у хозяев привратника прощение вымолить и те проклятья с них убирали!

— Так мне то, что с того? — горько усмехнулся я. — Хозяин твой уже мёртв, так что с меня проклятье снимать некому.

— Хозяина может и нет, а вот где формулу его проклятья найти, я знаю! — важно заявил коротышка.

— И что? — в моей груди шевельнулась безумная надежда.

— И то, — передразнил меня Толик. — Зная характер Инсора, два-три года, до того как проклятье сработает, у нас есть. Любил он, чтобы жертва дрожала перед наказанием подольше. Чтобы весь ужас предстоящего осознала, в полной мере. Так что перемешаемся сейчас в твой город, ты проходишь эту инициацию, освобождаешь меня, и я быстро добираться до подземелья, где он все свои труды по магии хранил, нахожу нужную формулу и, вернувшись, снимаю с тебя проклятье. Здорово, правда?!

— Библиотека, наверное, уже сгорела давно, — безнадёжно махнул я рукой. — Тут за эти века почти все книги по магии пожгли.

— Может и сгорела, — прищурившись, согласился со мной Толик. — А только подземелье глубоко под землей спрятано, и чтобы попасть туда, секрет один надо знать. Я вот знаю! — коротышка гордо напыжился. — Не раз туда хозяина сопровождал!

— И далеко это отсюда? — уже всерьёз, заинтересовался я.

— Да расстояние значения не имеет! — беззаботно отмахнулся от меня меховой. — Я, как только доступ к магической энергии получу, сразу через портал туда отправлюсь. Вмиг обернусь!

— Э нет! — нехорошо улыбнулся я. — Мы туда вместе отправимся, вдвоём. А то ты, ненароком, можешь и забыть, вернуться.

— Да ты что! — Толика всего перекосило от возмущения. — Мы же договор заключим! А договор я всегда неукоснительно соблюдаю! Кого хочешь, спроси!

— Кого же мне спросить то? — я демонстративно окинул взглядом зал. — Некого. Вот ведь жалость! А договор ты этот действительно выполнишь, потому что, свободу ты получишь только после того, как снимешь с меня проклятье, — пресёк я возражения айхи, — И по-другому никак! Так далеко до библиотеки?

— Мы вмиг через портал попадали, — разом посмурнел Толик. — А так, на лошадях, пожалуй, месяца за два доберёмся.

— На лошадях? — развеселился я. — На них тут уже давно не ездят. Пешком значит полгода, будет, плюс в школе отучится почти год, уже полтора. Если, как ты говоришь, минимум пара лет у меня есть, значит, полгода на розыски остаётся.

— Так что, договор заключаем? — живо поинтересовался коротышка.

— Мы один договор с тобой уже заключали, — то, как быстро дух согласился на новые условия сделки, наводило на нехорошие мысли. Как бы очередную подлость мне не устроил. — И ты тут же меня под проклятье подвёл.

— А про это ничего в договоре сказано не было, — усмехнувшись, парировал коротышка. — У меня всё, по честному!

— Ладно, договор, — вздохнув, согласился я. А какие у меня ещё варианты могут быть? И, вправду, со скалы бросаться? Без Толика шансов избавиться от проклятия, у меня просто нет. Как и отвязаться от самого Толика. По крайней мере, пока. Про то, что кольцо снять невозможно, коротышка и наврать мог. Если в школу всё же попаду, надо будет в библиотеке порыться, поискать. Может, и найду на шебутного духа управу. А пока придётся следить за ним, в оба глаза. — Но запомни! — я постарался придать своему голосу как можно больше твёрдости и решимости. — Ещё раз меня подставишь и нашей сделке конец. Виллич рядом с этим городишкой находится. Если что, я заморочусь сюда добраться и в пасти какой-нибудь твари умереть. Пусть потом у неё колечко из желудка выковыривают! — я сделал выразительную паузу, чтобы дать Толику возможность прочувствовать всю глубину открывшихся перед ним перспектив и, вздохнув, махнул рукой: — Ну что, давай, веди меня через твою изнанку мира.

— Не выйдет у нас, через изнанку уйти — сразу посмурнел коротышка.

— Почему же? — я подозрительно уставился на айхи. — Привратника я убил. Двери — вот они. Кто же нам теперь помешает? Или я ещё тут с кем-то вместо тебя счёты свести должен?

— Нам обратно, в тронный зал нужно. — Толик старательно начал что-то рассматривать на полу, под ногами. — Там в троне портал встроен. В нём магии, правда, совсем чуть-чуть осталось, но за город вынести энергии хватит.

— Портал говоришь? В троне? — переспросил я, чувствуя, как во мне буквально закипает ярость.

— Ну да, — видимо что-то почувствовав, дух отошёл от меня подальше.

— А зачем тогда было вообще привратника убивать? — ласково поинтересовался я. — К

трону то он нам дорогу не загораживал. Выходит, его вообще можно было не трогать?

— Как же его было не трогать?! — возмутился коротышка, всё дальше отходя, от меня в сторону. — Если бы не этот гад, меня бы ещё лет триста как отсюда забрали. В то время, сюда аж два раза люди добирались. Я ему говорил: — «Пропусти ты их так. Хозяин мёртв уже давно. Для кого дом охраняешь?» — Так нет! Упёрся со своим долгом. А они, как назло, оба раза не ту дверь выбрали. Так что правильно ты его убил!

— Так ты значит, только ради своей мести меня под проклятье подвёл, образина ты косолапая! — я в ярости рванулся к маленькому чудовищу.

Толик, смешно скорчив рожицу, судорожно подпрыгнул на месте и быстро растворился в воздухе.

— А ну вернись, подонок! Я из тебя сейчас мишку Гамми делать буду!

Айхи не отзывался. Несколько минут я яростно метался по залу, поливая подлого коротышку разными словами. Наконец, выдохнувшись, плюхнулся прямо на пол.

— Между прочим, тут кто-то в город сильно спешил, — вкрадчиво раздалось у меня за спиной. — Тут хоть солнца и не видно, но я и так тебе скажу, что садится уже оно. Поспешить бы.

— Что же, поспешим, — скрипнув зубами, согласился я и, не выдержав, всё же добавил: — Но знай. Эту твою подлость, я тебе когда-нибудь припомню.

— И что так злиться из-за какого-то пустяка? — примирительно пожал плечами Толик. — Поэтому и не люблю я вас людей! Злые вы без меры!

— Ну да. Для тебя моя жизнь пустяк, — сплюнул на пол я. — Вот в этом я ни секунды не сомневаюсь.

— Любая жизнь — пустяк, — возразил мне коротышка, распахивая дверь в тронный зал, — так как смерть любого из нас, ничего не меняет в этом мире.

— Жизнь сама по себе и есть целый мир, — возразил я, направляясь за ним следом. Навстречу своей судьбе.

Конец первой части.

-

День подходил к концу. Местное светило, успев зацепиться самым краем за верхушки деревьев, окрасило небо вокруг себя в багряно-красные тона. Лес, под напором, набирающего силу ветра, угрожающе скрипел и трещал, размахивая ветками, словно посылая проклятия вырвавшемуся из его лап беглецу.

Смахнув с лица липкий пот, я из последних сил ускорился, не спуская глаз с чёрного зева крепостных ворот. Ну как ускорился. Скорее уж едва прибавил шаг, чуть шустрее перебирая заплетающиеся ноги. А всё Толик! Обещал же, сволочь блохастая, что к самому городу переместимся, а мне ещё с пяток километров сквозь лес ломиться пришлось! И сам сразу слинял. Не докричишься! Понял скотина такая, что напортачил! Оно, вроде бы, что такое несколько километров? Не так уж и много. Да только сил совсем не осталось. Высосал их из меня проклятый город асуров. До доньшка высосал. Нет. Вначале, сгоряча, я всё же попытался бежать, но почти сразу перешёл на шаг. В ноги, будто свинца налили! Их и переставлять то с трудом удавалось! А я тут забег по пересечённой местности устраивать удумал! Так и плёлся, спотыкаясь об каждый встречный корешок и время от времени щупая рукой стигму.

Холодно! Значит, не побелела пока! Значит не истекли ещё трое суток с того времени, как Мефодий в школу приехал. Есть ещё время! Вот только сколько? Час? Минута? Да кто же её знает! В любой момент цвет сменить может!

По счастью, вывалился я из леса почти напротив ворот и, проковыляв полсотни метров по заросшему кустарником луку, вышел на дорогу. Заставить себя ускорить шаг не смог, но хоть спотыкаться перестал.

Дорога была на удивление пуста. Видимо все, кому нужно было сегодня попасть в Вилич, уже туда попали, а покидать город, на ночь, глядя, дураков нет. Либо сожрут, либо ограбят. Это уж кому как не повезёт! Впрочем, я был этому только рад. Хоть до ворот без приключений доковыляю. Вон они. Рядом совсем. Лишь бы два воя, что возле них стоят, не прицепились. Очень уж внимательно смотрят.

Не прицепились... Мне оставалось пройти совсем чуть-чуть, метров двести, не больше, когда стражники, бросая в мою сторону насмешливые взгляды, начали закрывать ворота.

— Похоже, опоздал ты, чутка, паря, — весело крикнул один из них. — Теперь снаружи дозор нести будешь! Сразу стучи, ежели вражину как заметишь!

Вои рассмеялись немудрёной шутке. Лязг запоров прогремел в ушах, подобно похоронному звону.

Всё. Не успел!

С минуту я простоял, неверяще уставившись на закрытые ворота, затем доковылял до массивных створок и в отчаянии стукнул по ним кулаком.

Не успел! Совсем немного не успел! Столько всего пережить по дороге сюда и в итоге упереться в закрытые перед самым носом ворота! И ведь наверняка специально закрыли! Покуражиться решили, сволочи!

Разозлившись, я начал яростно пинать ворота ногами, вымещая на них всю нарастившую на этот мир злобу.

— Чего буянишь? — стражники, видимо отчаянно скучая на посту, решили продолжить развлечение и поднялись на стену. — Подумаешь, опоздал. Мы бы тебя всё равно не

пустили. Не любит господине князь, когда всякие нищоброды в город прутся!

— Мне в город нужно! Очень! — без всякой надежды взглянул я на ухмыляющиеся сверху физиономии. — Откройте! Я мигом проскользну!

— Оно, конечно, — согласился со мной всё тот же шутник, улыбаясь щербатым ртом. — Сейчас расстараясь, господине побирушка! Ты же у нас особа важная. Куда там князю или всеблагому отцу. Если мы на днях, всего лишь какому-то отцу-послушнику ворота открыли, то тебя-то всенепременно пустим!

— Топай отсюда деревенщина, пока стрелу не метнули! — пробасил второй, угрожающе встопорщив давно нечесанную бороду. — Неча возле ворот отираться!

— И то! — сразу оживился щербатый. — А давай, кто ловчее в него попадёт! Проигравший выпивку в кабаке оплачивает!

— Ворота потом открывай, стрелы собирай, — задумчиво проворчал второй. — А давай! — решил он, потянувшись к колчану за спиной. — Ну, смотри Спирька! Опять на твою деньгу гулять буду!

Упоминание о послушнике заставило меня, схватится за стигму. Холодно! Не побелела ещё! Раз Мефодий так задержался, надежда ещё оставалась.

— Послушайте, — поднял я голову к уже взявшимся за луки охранникам, — я заплачу. У меня камешек магический есть! Вот! — я быстро вытащил из-за пазухи кристалл и высоко поднял его над головой.

Хорошо всё же, что я, перед тем как сюда отправится, заставил Толика мне кристаллы поискать. Сам бы я их среди гор наваленного мусора вовек не нашёл. Правда и айхи энтузиазма к этой затее не проявил. Пришлось надавить, вновь грозясь покончить с собой. В итоге пару тёплых камешков мне коротышка всё же принёс. Больше, мол, нету. Наврал, конечно. Вот только дальше с ним препираться у меня времени не было. Хоть что-то нашёл. И на том спасибо. Вот и пригодилось!

Стражники переглянулись.

— А ты не врёшь ли случаем, малой? — Спиридон перегнулся через стену, рассматривая зажатый в моей руке камень. — Подобрал у дороги простой камушек, а нам как мажеский кажешь?

— Не вру я! Троидами клянусь! — горячо заверил я стражников. — Сами потрогайте! Тёплый он!

— А откуда же ты его взял то? — озадачился Спиридон, подозрительно прищурившись. — Аль украл где?

— Может, украл, а может и ограбил. — о своём визите в проклятый город, я этим бородачам рассказывать не собирался. — Тебе не всё равно, дядька? Барыш сам в руки идёт!

— Ладно. Бросай сюда! Проверим! — махнул рукой Спиридон. — Коли обману не будет, впустим в город!

— Э нет! — криво улыбнулся я. Нашли дурочка! Брось им кристалл, так они его заберут, а ворота открывать и не подумают. — Так дела не делаются! Вы меня сначала впустите. А там и камушек ваш будет!

— Так может просто убить его и камень магический забрать? — обратился к Спиридону другой воин. — И впускать не надо будет.

Спиридон задумался, сжимая в руке стрелу.

— Так вам же всё равно ворота открывать придётся! — лихорадочно затараторил я, понимая, что моя жизнь висит на волоске. — Ну, чтобы камень, да стрелу забрать! Так зачем

же убивать?! Я в школу мажескую вместе с отцом—послушником шёл, да отстал в дороге! — показал я пальцем на стигму. — Если он перед самым закатом в город заехал, то, значит, времени почти и не осталось! Так вы меня впустите и камешек этот в заклад поставьте меж собой: успею я добежать до школы или нет! — решил я сыграть на азарте любящих пари стражников. — И вам весело и мне какой—никакой шанс!

— Ты гляди. И вправду недошлёпок! — низко свесился со стены второй стражник, чтобы рассмотреть в опускающихся сумерках стигму. — Только спорить тут не о чем. В эту пору отец—послушник в ворота и проезжал. Сейчас стигма уже белеть начнёт. — и расстроено покачал головой. — Жалко нам его жрецам отдать нельзя. Витольд так осерчает, что мимо него изгоя к отцам—вершителям проводили, что и награда не в радость будет!

— Не, — почесал затылок Спиридон. — Пожалуй, чуть позже отец—послушник через ворота проехал. Есть у этого недошлёпка немного времени. Школа мажеска рядом. Может и успеть!

— Ну, так давай рядиться, — с насмешкой проворчал его товарищ. — Я на эту деньгу неделю гулять смогу.

— А давай!

Спиридон торопливо ударил по рукам и метнулся вниз. Через несколько секунд в воротах приоткрылась маленькая дверца, не замеченная мной ранее. Я ужом проскользнул в открывшуюся щель.

— Камешек давай! — Спиридон торопливо выхватил его у меня, удовлетворённо кивнул, сжав в руке и, схватив за плечи, ткнул пальцем в одну из расходящихся веером улочек. — Дуй туда изо всех сил, никуда не сворачивай, пока на площадь не выскочишь. Слева большое здание будет, не перепутаешь. В него и ломись, — и крикнул мне уже в спину: — И стигму прикрой как—нибудь! Тут народ ушлый: заташат в переулок, и пропали мои денежки!

— До встречи, недошлёпок! — решил попрощаться со мной и второй стражник. — Обязательно приду посмотреть, как тебя отцы—вершители на лобное место сказнить поведут!

Сзади вновь лязгнул засов. Я заковылял изо всех сил, благо за время торга со стражниками успел немного отдышаться. На моё счастье улочка была пуста. Только мелькали мимо тусклые фонари, не дающие опуститься на дорогу полной темноте.

* * *

— Входи, давай! — толстый охранник в кожаной потёртой куртке лениво махнул рукой в сторону двери. — И шапку сними, бестолочь. Чай не в свинарник у себя в деревнеходишь, а в келью отца—наставителя!

Я поспешно сдёрнул с головы свой треух и, переступив порог, низко поклонился. В этот момент решалась моя судьба и играть в игру под названием «мы нищие, но гордые» было не ко времени.

В келье скромного служителя храма Троиц был уютно. Внушительный по своим размерам светоч разгонял утренний полумрак, уверенно вытесняя его на улицу сквозь большое, с настоящим стеклом вместо мутного пузыря окно. В углу весело потрескивала

дровами небольшая печка, вдоль всей стены, справа от меня, были прибиты полки, нижние из которых были почти доверху заполнены кипой бумаги и свитков, а верхние занимали книги, причём пара из них была прикреплена к стене толстыми цепями, со свисающими амбарными замками устрашающего вида. Слева, рядом с печью и парой массивных сундуков накрытых плотной материей, была ещё одна дверь, за которой очевидно находилась спальня верного служителя Троих. Разбитые в кровь ноги утопали в меху какого-то неизвестного мне животного, чья шкура была небрежно брошена на пол. Сам же отец-наставитель, разместившись напротив меня в большом деревянном кресле обитом мягкой материей чёрного цвета, изволил завтракать, низко склонившись над изящным с витыми тоненькими ножками столом, заставленным едой. На моё появление он обратить внимание не соизволил.

Я стал молча ждать, буквально захлёбываясь заполнившей рот слюной и чувствуя, как в тугой узел заворачиваются возмущённые таким невниманием к ним кишки. Есть хотелось до судорог в животе. Вчера вечером, когда я, чудом успев к сроку, ввалился в школьную сторожку, покормить меня никто не удосужился. Сунули в сырой вонючий подвал, на том их гостеприимство и закончилось. Хорошо хоть по шее не надавали!

Пара охранников, один из которых сейчас так же ждал окончания трапезы жреца у меня за спиной, уже закрыли ворота на запор и собирались с чистой совестью угоститься копчёным окороком и парой бутылок местного вина. Поэтому моё появление они встретили без особого восторга. Слава Троим, что хоть пустить соизволили! Очевидно, желание как следует наkostenить назойливому бродяге, бешено стучащему в ворота, пересилило природную лень. И наkostenяли бы! Сжатые в руках дубинки сомнений в намерениях не вызывали, да и на выражения, открывая ворота, доблестная охрана тоже не скупилась, попутно подробно объясняя мне, что они сейчас со мной делать будут.

Как не странно, но от неминуемой расправы меня спасла стигма. Толстяк уже занёс свою дубинку, примериваясь, куда бы половчее ударить, как вдруг, вылупив глаза, опустил её и, тыкая пальцем мне на шею, дико заржал.

— Смотри Аникей! У этой деревенщины стигма побелела! Прямо у меня на глазах цвет сменила!

— Точно! — присоединился к веселью второй. — Ну, ты и везучий парень! — почти дружески хлопнул он меня по плечу. — В последний момент успел!

Я настороженно наблюдал за ржущими охранниками, чувствуя надвигающуюся очередную порцию неприятностей. Не к добру эти сволочи так веселятся. Явно не встрече со мной радуются. Уж лучше бы избили, что ли? Мне бы оно дешевле обошлось!

— Послушай Аникей, а он точно успел? — задумался, вволю насмеявшийся, толстяк. — Что-то я сомневаться стал.

— Думаешь, не успел? — даже расстроился его напарник крепкий жилистый вояка с немного приплюснутым носом и сокрушённо закачал головой. — Вот ведь! А я уже и обрадовался было! Не поверишь, Данила! За сына родного так никогда не переживал, как сейчас!

— Я же вовремя прибежал! Вы же видели! Стигма у вас на глазах побелела! — я почувствовал, как внутри у меня поднимается ярость. Столько всего пережить, столько препятствий преодолеть, каким-то чудом всё же успеть и теперь всё потерять из-за двух обленившихся негодяев, от скуки решивших покуражиться! Что может быть обиднее?

— Парень утверждает, что ты там что-то выдел Данила! — требовательно уставился на своего напарника Аникей. — Ты давай уже, признавайся! Не видишь разве, переживаю я за

него!

— А я и не отрицаю, — покорно кивнул в ответ толстяк, скорчив кислую физиономию. — Конечно, видел! Я ещё в окно из сторожки посмотрел, когда этот выродок айхи только к воротам подходил. Стигма уже тогда белой была!

— Пожалуй ты прав, — огорчённо вздохнув, почесал голову Данила. — Я тоже в это время в окно выглядывал, — и тоскливо закатив глаза, жалобным голосом резюмировал: — Значит, всё же, не успел! Вот досада то! Надо отцу–наставителю доложить!

— Что же вы творите то, а?! — сжав кулаки, заорал я. — Ведь знаете, что успел я вовремя! Что за корысть вам меня губить?!

— Может всё же намять ему бока? Как думаешь Данила? — Аникей выразительно покрутил зажатой в руке дубинкой. — Вежеству эту деревенщину поучить?

— Намни, коли желание есть, — лениво потянулся толстяк. — А мне что–то уже лень. Давай лучше сунем этого недошлёпка в поруб, да пойдём, выпьем. Всё одно отец–наставитель отдыхать уже изволит. Раньше утра им заниматься не будет.

— И то. Что–то в плотке пересохло. И так из–за него припозднились уже, — согласился с напарником Аникей, хватая меня за локоть. — Ступай, давай, пока бока не намяли! Завтра к отцам–вершителям отправишься. Помогать тебе, у нас корысти тоже нет!

— Постой! — настроившись, было врезать подонку в морду и рвануть к так и не закрытым пока воротам, я в последний момент передумал. Слава богам, Спиридон у городских ворот так переживал за свой спор, что, торопясь, не удосужился меня даже обыскать. И теперь появилась надежда, договорится с этими негодьями. — А если я заплачу?

— Чем ты можешь заплатить, голодранец? — фыркнул в ответ Аникей, продолжая тянуть меня к небольшим деревянным постройкам, стоящим рядом со сторожкой. — Коровьим помётом?

— Камень магический у меня есть!

— А я меня тех камней полный сундук в хате под полатями стоит! — заржал Данила, хватая меня с другой стороны. — Ну и здоров ты врать, паря!

— Вестимо, врёт, — согласился с напарником Аникей. — Откуда ему камешек мажеский взять? Или ты про сумеречницу толкуешь? — охранник угрожающе засопел. — Шутковать с нами удумал?

— Где взял, там уже нету! — объяснять что–то этим шакалам у меня никакого желания не было. — Не хотите брать и не надо! Я его отцу–наставителю поднесу, да, при этом, на ваш поклёп пожалуюсь!

— Да ты не горячись, паря, — почти ласково заулыбался мне Аникей. Вот только глаза у него сразу стали злыми и колючими. — Не видишь разве — шуткуем мы с дружкой. Коль камушек есть, так давай. Мы же не звери. Добро понимаем!

— За хорошую мзду, мы, даже если бы ты и впрямь опоздал, подтвердили, что стигма чёрная была. А тут даже и врать не надо! — задушевно похлопал меня по плечу Данила. — Ну, так, где камешек то?

Тяжело вздохнув, я полез за пазуху. Уверенности, что эти два местных блюстителя порядка выполнят своё обещание, не было никакой, но и выхода другого я не видел. В ходаках мне от кристалла толку всё равно не будет, а так, какой–никакой, а шанс.

— Хорошая вещица! — причмокнул от удовольствия толстяк, вертя в руках камень. — Шибко тёплая! Знать бы ещё, что она делать может! С Хромого Винца за неё и целый золотой востребовать можно.

— Свезло нам, — согласился Аникей. — И как только стража у ворот его не обыскала! — и, повернувшись ко мне, прищурившись, спросил: — Слышь, паря, а ты случаем ещё ничего не припрятал? А мы бы за тебя заодно и словечко перед отцом–наставителем замолвили. Будешь, как сыр в масле кататься!

Мои заверения, что я отдал последнее и, ничего больше нет, разумеется, эффекта не возымели и следующие пять минут прошли в усердном обыскивании меня любимого и перетряхивании моего нехитрого скарба.

— Надо же. Нет больше ничего, — не на шутку расстроился Аникей. — А я надеялся что соврал!

— Может и соврал, — задумчиво почесал подбородок толстяк. — Припрятал казну где–нибудь за городом до поры. Поговорить бы с ним обстоятельно, да кто же нам даст. На виду здесь всё.

— Ладно, — тряхнул головой Аникей. — И так день задался. Давай в поруб его, и пойдём за нашу удачу выпьем.

— Так что с договором? — решил всё же уточнить я, слизывая липкий пот с губ. Чтобы я ещё с этими артефактами связался! Так и запытать ни за что могут!

— Вот ты деревня! Деревня и есть! — вновь развеселился толстяк. — Мы и так бы отцу–наставителю правду сказали! Прибытку ведь с вранья никакого, а наказать за него строго могут! Я бы первый на Аникея и донёс. Ну, чтобы он меня не опередил!

— А то, — ничуть не обидевшись на товарища, согласился тот. — С той лишь разницей, что первым донёс бы я!

Оба охранника снова весело заржали, довольные друг другом.

— Но только ты не больно надейся, голуба! — голос Данилы вновь стал ласковым. — Не очень тебе наше свидетельство поможет, но за гостинец всё равно спасибо!

Отец–наставитель, между тем, наконец–то завершив трапезу, сыто рыгнул и, вытерев жирные губы, небольшим платочком, соизволил обратить внимание на меня. Это был преклонных лет сухонький старичок с всклокоченной, седой бородкой и жёстким, колючим взглядом из–под густых бровей.

— Это, значит, он вчера пришёл уже после захода солнца? — спросил жрец, брезгливо отвернувшись от меня.

— Да, всеблагой отец, — с поклоном ответил Данила. — Мы уже и ворота закрыли, когда эта деревенщина припёрлась и в них ломиться стала. Мы с Аникеем вышли, хотели проучить наглеца, смотрим, а у него стигма на шее.

— Чёрная или белая? — взгляд отца–наставителя стал пронзительным. Я внутренне напрягся, ожидая ответа. Уверенности в том, что охранники всё же не оболгут, по–прежнему не было.

— Чёрная, отец–наставитель, — со вздохом признался Данила. — Но почти сразу, у меня на глазах, белой стала.

— Успел, значит, — презрительно усмехнулся отец–наставитель. — Впрочем, это и не столь важно. Храму не нужны ненадёжные люди, шатающиеся перед своей инициацией, один Лишний знает где. Да и рожа у него больно страшная! — старый жрец хмыкнул, пригладив бороду. — Как есть — ходок будущий! Назови своё имя! — буквально выплюнул он мне в лицо.

— Вельд, сын Велима, — хрипло ответил я и, спохватившись, быстро добавил: — Всеблагой отец.

— Вельд значит. — Старик, нехотя поднявшись из-за стола, направился было к полкам с бумагами, но на полпути остановился, резко повернувшись в мою сторону. — Так это о тебе отец Мефодий сказывал, что ты в трёх днях пути от Велича в бега подался? Прямо с постоя утёк!

— Не убегал я, всеблагодой отец. Деревенские схватили, да в подполье кинули, — я на мгновенье задумался, стоит ли говорить об участии в похищении Гонды и решил, что не стоит. Доказать я это не смогу, а Лузга с Марком наверняка на его сторону встанут. Три голоса против одного. Им и вера будет. — Да только я сбежал, да в город кинулся.

— Экий ты шустрый! — жрец, покачав головой, всё же добрался до полки и начал перебирать бумаги в поисках нужной, — Как же ты с подполья вынутся смог? Аль, — Голос отца-наставителя буквально засочился издёвкой, — людишки, что в деревеньке живут, сжалились и отпустили?

— Как же, отпустят они, — пожал я плечами. — Дядька, что еду мне принёс, пьяный вусмерть пришёл. Ну, я и подсуетился.

Я ещё в порубе, когда аудиенции с отцом-наставителем дожидался, всё обдумал и про себя решил: ни о степняках с их странным шаманом, ни тем более о проклятом городе никому не рассказывать. Слишком много вопросов ко мне может возникнуть. Нехороших вопросов. С далеко идущими последствиями. Зачем мне эти сложности? Проще надо быть. Сам сбежал и до Велича добрался. Не та я фигура, чтобы кто-то следствием озадачился и в подробности вникать начал. Успел в школу к сроку и ладно. Да и послухи, чтобы опровергнуть мои слова, где? Степняки? Ага, лови теперь ветер в поле! Деревенские? Так они вообще, что схватили меня, отрицать будут. Им правёж храмовый не нужен!

— И что же, по дороге в Велич тебя никто не перенял? — отец-наставитель всё же нашёл нужную ему бумагу и не спеша прошествовал обратно к столу.

— Я лесом шёл вдоль дороги, всеблагодой отец. Хвала Троице, не заметил никто!

— Эва как! — старый жрец, сплетя пальцы на груди, откинулся на спинку кресла. — Ну, раз сами Трое твоей судьбой озаботились, тогда, конечно, как не дойти!

Внутри у меня всё похолодело. Нужно было очень постараться, чтобы не заметить в словах жреца почти не прикрытой издёвки. Просто не верит или что-то знает?

— Выйди отсель!

Данилу будто ветром сдуло. Только дверь хлопнула.

— Ну что же, — выдержав эффектную паузу, продолжил, между тем, отец-наставитель. — Лжу ты складно глаголить умеешь. А теперь я хочу услышать правду.

— Я правду и рассказал, всеблагодой отец.

Рассказывать о моих приключениях категорически не хотелось. К тому же, оставалась надежда, что хитрый старикашка просто берёт меня на пушку, пытаясь банально развести. Что он мне предъявить то может?

Старый жрец сокрушённо покачал головой и потянулся к желтоватому листочку, небрежно брошенному среди грязной посуды.

— А отец Валент, что наставителем при той деревне состоит, по-другому сказывает! Голубь от него к отцу-приору наемдни прилетел, — пояснил мне старик, помахав пергаментом. — Пишет он, что ты с постоя ночью убёг, а потом, на третий день обратно в деревню вместе со степняками явился. Ворота им опять же обманом открыл, грабил вместе с ними, насильничал. Старосту местного живота лишил. А потом и скрылся вместе с татями степными. Во как!

— Эк он тебя распластал! Словно рыбешку, какую! Это угораздило же меня к татю в услужение попасть!

Вот ведь пакость меховая! То не дозовёшься, а тут сразу появился. Цирк ему тут бесплатный!

Я зло покосился на весело скалящегося Толика, выглядывавшего из-за спины отца-наставителя, лихорадочно соображая, что же теперь делать. Понятно, что тамошний жрец решил всю вину за свой недосмотр на меня свалить. Мне-то как быть?! Ведь ясно, что против святоши мои слова и гроша ломаного стоить не будут!

— Вот и выходит, — отец-наставитель, крихтя, поднялся и шагнул в мою сторону, — что ты не только отступник, но и тать и изменник и я тебя на правёж князьему палачу передать должен. И передам, — пытливо глядя мне в глаза, заявил старый жрец. — Коли ты и дальше запираешься будешь!

Я промолчал, напряжённо пытаюсь понять, куда клонит хитрый старик. Ведь что-то ему от меня надо, раз я ещё тут, а не в застенках княжеских корчусь. Вот пусть и банкет. Крыть мне, пока, всё равно нечем!

— Молчишь? — отец-наставитель укоризненно покачал головой. — И правильно, что молчишь. Нечего тебе сказать. Вот только на твоё счастье не всему, что в той грамотке написано я верю, — старый жрец на секунду замер, пожевал губами, видимо что-то обдумывая и продолжил: — Не станут степняки изгоя в сотоварищи брать! Отпустить могут. Бывали случаи. Но чтобы дела, какие с ними совместно вершить. Да они скорей с коней слезут и пёхом по степи бродить начнут, — отец-наставитель скептически улыбнулся. — Но то всё пустое. О другом у меня думка. Как ты до срока в Вилич попасть успел, коль поутру ещё в той деревеньке был? По всему выходит, что напрямки ты шёл. По-иному никак! Поэтому я задам тебе всего один вопрос и если ты опять солжёшь, то потом спрашивать будет уже палач. Не княжеский, — решил уточнить старик, махнув рукой. — У меня при школе свой кат есть. Не хуже будет! Ты меня понял?

— Да, всеблагой отец.

Я тяжело вздохнул. Утаить информацию о себе становится всё сложнее и сложнее. Вимс, возможно Гонда, шаман, отец-наставитель: кто следующий? Местный глашатай? Такими темпами, скоро обо мне каждый встречный всю подноготную знать будет!

— Ты был в пустоши? — жрец, решивший было подойти ко мне вплотную, в последний момент передумал, страдальчески скривившись. — Ну и воняет от тебя смерд! Будто свиньи в деревнях своих живёте!

— Я в подполье двое суток просидел, всеблагой отец. Там помыться негде было!

— Ты не ответил на мой вопрос! — зло прошипел старик, подойдя к окну. — Ты был в пустоши?

— Был, — слегка запнувшись, решил признаться, я. Всё равно узнает, если захочет. Об этом моём подвиге вся деревня в курсе. Да и позже я из этого тайны не делал. Того же Гонду или Марка с Лузгой спросить можно. Они как раз у жреца под рукой. Но, похоже, ряды моих поклонников множатся! Вон и жрец наживку заглотил. Что же за интерес у них у всех? Вот бы что понять! Одно радуется, что шаман, что-то узнав обо мне, сразу моим здоровьем озаботился. Да и Вимс убивать не стал. Я им всем живым нужен, зачем то? Глядишь, и жрец обеспокоится. А о запретном городе придётся рассказывать. Не всё, конечно, но придётся. Я не настолько упёртый, чтобы из принципа молчать, с палачом перемигиваясь!

— Рассказывай! Всё! Подробно! — не терпящим возражений тоном потребовал отец-

наставитель, буквально просверлив меня глазами.

— Ну, зачем же сразу всё? — Толик вольготно расположился в оставленном жрецом кресле. — Кое о чём всё же лучше умолчать. Например, о колечке, что у тебя на пальце! Жаль будет, коли отнимут! Не хочется мне, вот так, на пустом месте, друга хоронить!

Я, покосившись в сторону жреца, с трудом удержался от колкого ответа. Появился, когда не звали — тварь мохнатая! Друга он хоронить не хочет! Да с такими друзьями как он или Гонда и врагов не надо! Скорей уж того, что кольцо в руки жреца попадёт — опасается! За спиной отца-настоятеля храм Троиц с его знаниями и силой. Быстро найдут, чем непоседливого айхи прижать. Это ему не меня под проклятье подводить!

Но логика в словах Толика всё же присутствовала. Колечко мне самому нужно. Без него совсем всё кисло станет. Бесперспективно. Да и убить, и вправду, могут. В то, что кольцо можно с пальца снять, только айхи отпустив или после смерти — коротышка, конечно же, наврал. Наверняка в прошлом хозяева кольца какое-то простенькое заклинание знали. Вот только дошло ли это знание до нынешних времён? Известно оно местным магам или затерялось в огне костров, как и большинство заклинаний великих асуров? Если затерялось — то беда. Убьют. Без вариантов — убьют. Так что, в течение почти получаса рассказывая старику о своих приключениях, историю с кольцом я всё же пропустил. Да и про убийство духа привратника умолчал. Просто активировал на троне случайно портал, вот и все дела.

— Что же. Этого следовало ожидать, — видимо принявшись в процессе моего рассказа, старый жрец подошёл ко мне вплотную, задумчиво поджав губы. — Кто ещё знает, что ты пришёл в Вилич через проклятый город? — требовательно спросил он меня.

— Вимс может догадаться, — о старом колдуне я жрецу рассказал. Если он и вправду храмовой маг, то скоро и сам обо всём расскажет, тем самым подтвердив мои слова, а если нет, то пусть с ним жрецы и разбираются. Одним недругом меньше будет! Чуть помедлив, я злорадно добавил: — А ещё Данила с Аникеем что-то заподозрить могут. Я им камешек мажеский отдал. Ну, чтоб пропустили.

— Вот это правильно! — одобрил мою клязу коротышка, азартно завертевшись в кресле. — Нечего было вчерась изгаляться! Пущай теперь с этим стариканом пошутят! Кристаллы я, опять же, не для этих дурней по всему дворцу искал! Все лапы искарябал, по завалам бегать! — Толик выразительно пошевелил своими ногами, призывая оценить степень его страданий и добавил: — Про стражу у ворот обсказать не забудь! А ещё добавь — будто они какого-то отца Никонта хаяли. Вот потеха будет!

— Больше никто?

— Больше никто, всеблагой отец! — ответил я, решив не идти на поводу у айхи. Позабавится, он решил! Вон уже и имя старика узнал! Перетопчется! Спиридон с напарником, конечно, сволочи ещё те, но учитывая местные нравы, всё же по-честному со мной поступили. Впустили в город! А ведь могли убить и наоборот!

— Ладно, — Никонт неспешно опустил в кресло, согнав с него скорчившего недовольную рожу Толика, и о чём-то задумался, даже не смотря в мою сторону. Мне естественно присесть никто не предложил. Ничего, мы люди не гордые. Постоим на пару с Толиком. Мне в магии кровь из носу надо попасть и год обучения отмучиться. А там мы будем играть по другим правилам!

— Значит так, — старый жрец задумчиво пробарабанил по подлокотнику кресла, видимо приняв решение. — Веры тебе пока нет. Но дознание я учиню. Деревенька чай не далеко. Да и людишек собрать нужно. Ты же, — продолжил Никонт, сплетя пальцы в замок,

— пройдёшь сегодня вместе со всеми инициацию. И ежели слова твои подтвердятся — станешь магом. Может, и вознаграждение какое-нито получишь. Но коли выяснится, что солгал ты мне, — отец-наставитель сурово сдвинул брови. — Берегись! У меня в подземелье и сгниёшь! Понял ли?

— Понял, всеблагой отец.

— И ещё, — Никонт широко зевнул, видимо потеряв интерес к беседе. — О том, что ты в проклятом городе был, молчи. Чтоб ни одна живая душа о том не знала! Будешь языком трепать, где ни попадя — без языка и останешься.

— А Вимс и Аникей с Данилой? — решил напомнить я.

— Эти трое, моя докука, — хлопнул по столу жрец, отменяя все возражения. — Главное ты помалкивай. Григорий!

— Кликали, всеблагой отец? — за моей спиной в низком поклоне согнулся дородный дядька в потёртом кафтане и кожаных сапогах. Каким образом он сумел незаметно просочиться в комнату, я даже не понял.

— Займись этим изгоем. Пусть помоемся, наконец, да что-нибудь из одежды ему найди, а то у нас нищие лучше выглядят. Смотреть противно. И покорми его чем ни то, — Отец Никонт тяжело вздохнул. Чувствовалось, что проявлять заботу о каком-то недошлёпке для него было в тягость. — На инициацию господине князь с отцом-приором прибыть соизволят. Не хватало ещё, чтобы он в голодный обморок упал. А ты запомни, — жрец, прищурившись, уставился на меня. — Я с тобой ещё ничего не решил и глаз с тебя не спущу. Если что не так будет, пожалеешь, что на свет родился. Пошли вон оба.

Облегчённо вздохнув, я направился вслед за служкой. Что же, пусть и не без потерь, но, вопреки всему, первой намеченной цели я достиг. Начинается новый этап моей жизни. Скоро я стану магом!

* * *

Брр! Холодно!

Зябко поёжившись, я всё же заставил себя залезть в каменный желоб с проточной водой и начал яростно втирать в кожу вонючую пенную грязь выданную служкой вместо мыла.

Блин! Так и околеть недолго! Вода просто ледяная! Неужто и зимой здесь мыться придётся?!

Вопрос был не праздный, так как к проблеме избавления будущих учеников от лишней грязи в школе подошли довольно аскетически. Просто отвели от протекающей через весь город реки небольшой рукав и, пропустив через здание, вернули опять в реку. Простенько, дешево и очень холодно. Впрочем, выбирать мне не приходилось. И так уже бомжи вслед плевать начинают. Закончив экзекуцию, быстро прошлёпал по холодному каменному полу к скамейке и, стуча зубами, оделся. Грубые домотканые рубаха и порты унылого тёмно-серого цвета, да кожаные башмаки на деревянной подошве. Вот и весь гардероб, что благоволила мне выделить местная администрация. Хорошо хоть покормили! Такой вкусной тыквенной каши я в жизни не ел! Или это мне так с голодухи показалось?

— Ну чего рожу кривишь? — Толик по своей привычке появился неожиданно, заставив

непроизвольно вздрогнуть. — Получилось же всё! Завтра доступ к магической энергии получишь, меня освободишь, а я с тебя проклятие сниму. И всем хорошо будет!

— Мы же с тобой о другом уговаривались, — я окинул грустным взглядом каменный пол коридора и уселся на лавочку. Гаврила после купания здесь его велел ждать. — Сначала снятие с меня проклятья, потом свобода. Иначе никак!

— Это сколько ещё ждать то, хозяин! — мордочку лесного духа искривила гримаса невыносимой муки и отчаяния. — Сил терпеть, больше нет! Веками к кольцу этому привязан! Отпусти! А я уж отслужу потом. И тебе же спокойнее будет! Кто знает, в каком настроении был Инсор, когда привратника своей силой наделял? Может и не через два года на тебя его гнев обрушится, а раньше гораздо! Так и будешь жить, каждый день гибели лютой ожидая?! Отпусти! Я мигом за свитком обернусь! И заклятье с тебя сниму, и потом помогать буду!

В глазах айхи плескалась вселенская скорбь. Вот только разжалобить ему меня не удалось. Жалелка у меня закончилась! Скончалась в жестоких мучениях где-то по дороге в Вилич! Меня вон никто жалеть, почему то не спешит. В том числе и Толик. Когда ему нужно было, под проклятье меня не задумываясь, подвёл! И если бы я об этой подлянке сам не догадался, завтра, получив свободу, коварный айхи просто бы исчез, так и оставив меня в неведении о неотвратимой страшной смерти.

— Сил нет терпеть, говоришь? — хмыкнул я, облокотившись на стену. — Что же ты об этом не думал, когда счёты с привратником моими руками сводил? Или думал? И проклятье это — лишь награда, которой ты меня за свою свободу отблагодарить решил? В общем так, — подвёл я вывод своим словам. — Свобода в обмен на снятие проклятья. И никак иначе. Терпел тысячу лет — потерпишь ещё годик! Ничего с тобой не случится!

— Злопамятный ты! Все вы люди такие! И добра совсем не помните! За это мы и не любили вас никогда! — айхи обличительно ткнул в мою сторону лапой и при этом забавно пошевелил носиком. — Я тебя из замка вытащил! До города добраться помог! Кристаллы опять же подарил! А ты всё злишься! Ну да Йоки с тобой! — Толик безнадежно махнул лапой. — Всё равно я тебе помогать буду! Тут такое дело, хозяин, — коротышка, почесав живот, проникновенно уставился мне в глаза. — Ты, помнится, хотел, чтобы при инициации на твой зов земля откликнулась?

— Было бы неплохо, — осторожно согласился я, боясь спугнуть удачу. Маги земли — товар штучный. Ими здесь дорожат. А, значит, есть хорошие шансы, устроится при дворе какого-нибудь короля. Если выживу, конечно!

— Ещё как, неплохо! — энергично потряс головой Толик. — Да что там не плохо! Замечательно просто было бы! Я тут, пока ты в подвале ночевал, ходил, что люди говорят — послушал. Так вот. Их по всей империи десятка не наберётся! И любой правитель, на что угодно пойти готов, чтобы одного из этих магов к себе на службу заманить. Так что, ты хочешь, чтобы я помог тебе стать адептом земли?

Коротышка горделиво напыжился, надув от важности щёки.

— Хочу, — со вздохом признался я, гадая, что может потребовать хитрый дух взамен. Чует моё сердце, не просто так он себе сейчас цену набивает!

— И я хочу, — как-то сразу сдулся Толик и покаянно развёл лапами. — Вот только не смогу. Не получится у меня ничего!

— Так что ты мне тогда голову морочишь?! — я нехорошо ощерился, сильно разозлившись. — Шут гороховый!

— Это я сейчас не могу, хозяин, — голос айхи стал сладким, как медовая патока. — Но в твоих силах всё исправить!

Ну вот. Что и требовалось доказать! Всё-таки этому прохиндею что-то от меня надо. Понять бы ещё, какими неприятностями это мне грозит. Потому как стать адептом земли мне очень хочется. Слишком жирную наживку подлый дух подсунул. Даже зная, что там капкан, всё равно за ней полезешь.

— Что ты хочешь? — тяжело вздохнул я, отлепляясь от стены.

— В том, что я хочу, ты мне всё равно отказываешь! — сварливо парировал коротышка. — Сейчас у нас разговор о том, что мне нужно для того, чтобы выполнить то, что хочешь ты!

— Хватит словоблудием заниматься, — устало отмахнулся я. — Говори уже, что тебе от меня нужно.

— Доступ к магическим потокам, разумеется! — насмешливо оскалился Толик.

— Мы уже, по-моему, этот вопрос обсудили, — хмыкнул я скептически. — Твоя свобода только после снятия с меня проклятия. Да и смысла я в этом не вижу. Мне нужна твоя помощь во время инициации, а не после неё.

— Вижу, не понял ты меня, — айхи почесал мордочку своими пальцами-обрубками. — Колечко твоё перекрывает мне доступ к магическим потокам, что обтекают нас с тобой. И доступ туда я обрету, только лишь получив свободу. Но магические потоки существуют и внутри нас. Их ничтожно мало, но они есть! Мне нужно лишь твоё разрешение! — Толик вкрадчиво заглянул мне в глаза. — И я смогу пользоваться магической энергией, что течёт внутри тебя.

— То есть ты дорвёшься до заклинаний, да ещё будешь вершить их, качая из меня энергию?! — фыркнул я, зябко передёрнув плечами. — Нет уж! Спасибо! Проходите мимо! Тут не подают!

— Ты опять не понял, — коротышка огорчённо вздохнул, закатив глаза к потолку. — Силу, что внутри тебя, я на тебя только направить и смогу. Наружу её кольцо не выпустит! Да и что там той силы! — махнул лапой Толик. — Слезы! Но на то, чтобы во время инициации заставить откликнуться именно земную составляющую твоего дара — хватить должно!

Я задумался. Соблазн был велик. Гарантированно стать адептом земли и, следовательно, войти в десятку самых могущественных магов империи. О таком безродный изгой мог только мечтать. Вот только разрешать коварному коротышке что-то изменять внутри себя, было откровенным безумием. Кто его знает, что он может там натворить?

— Вижу, не веришь ты мне? — айхи озадаченно почесал шерсть на голове. — А зря! Сам рассуди, зачем мне тебе вредить?

— А под проклятье кто меня подвёл? Пушкин, что ли?

— Там у меня корысть была! Логу, за мои страдания, отомстить! А тут корысть в чём?

— Да кто же тебя знает! — я озадаченно почесал голову. — Шарахнешь меня чем-нибудь убойным, а с другим владельцем, потом, быстрее договоришься.

— Не хватит в тебе энергии на что-нибудь убойное! — мне показалось или в голосе Толика проскользнуло сожаление? — Но дело даже не в этом. Не верю я тут никому, — решил признаться он. — К кому бы кольцо ни попало, не отпустит он меня! За так не отпустит! Да ты и сам знаешь! — айхи расстроено махнул лапой. — А вот ты — отпустишь! Если только до схоронки Инсора доберёшься. Путь туда неблизкий. Я помочь ничем не смогу. Потому и хочу, чтобы ты к тому времени сильнее стал! Дар твой усилю, землю к нему

притяну, затем заклинаниям обучу. Пойми! Не с руки мне тебе вредить!

— Так-то оно так, — в то, что айхи не собирается, менять хозяина, я поверил. Тут он, пожалуй, прав. Никто его на свободу не отпустит. Вот только моего доверия к Толику это нисколько не прибавило. — Вот только, может, ты хочешь, не новых хозяев приобрести, а старого себе подчинить? Сделаешь из меня китайского болванчика, а потом прикажешь тебя на волю отпустить. Я и отпущу. Ещё и радоваться при этом, как идиот, буду!

— Сделать из человека куклу — это уже высшая магия. Очень сложно и хлопотно, — Толик поскучнел. — Можно, конечно, но энергии для этого очень много нужно. Но дело даже не в этом. В принципе, даже если тебя ненадолго подчинить своей воле, толку от этого не будет! Кукла магию творить не может! А, значит, меня ты в этом состоянии не освободишь. И какой тогда в этом смысл?

— И почему я должен тебе верить?

— Можешь не верить, — Толик развернувшись, протопал по коридору и шлёпнулся прямо на пол, давая понять, что разговор окончен. — У меня всё равно выбора нет. Станешь адептом воздуха, тоже попытаюсь научить чему-нибудь. Может, хоть от зайцев отобьёшься!

Я, глубоко вздохнув, встал и не спеша подошёл к окну. Солнце, наступая на пятки съёжившимся теням, уже почти достигло зенита. Времени для принятия решения практически не оставалось.

— Только преобразуешь мой дар и всё! Ты понял?

— Понял! — вскочив с пола, айхи лихорадочно засуетился. — Спешить нужно! Надо успеть ритуал провести!

— Что за ритуал то хоть? — сделав выбор, я больше не сомневался.

— Да ничего сложного! — отмахнулся коротышка, буквально пританцовывая вокруг меня. — В мешке своём поройся. Игла нужна!

Кивнув головой, я вынул из мешка чурбачок обмотанный ниткой и выдернул иголку.

— Ну. Дальше что?

— А дальше всё просто! — Толик начал подпрыгивать от возбуждения. — Колешь иглой палец и смазываешь своей кровью кольцо. И даже говорить ничего не надо! Просто подумай при этом, что разрешаешь мне доступ к твоей силе!

— Как скажешь, друг! — вновь кивнул я, поднося иглу к пальцу. Затем широко улыбнулся и, глядя прямо в глаза взбудораженному коротышке, с невероятным наслаждением произнёс: — Обломись, блохастый! Я уж лучше на удачу положусь, чем тебе доверюсь! — и встал, прислушиваясь, к шагам приближающегося Григория.

Настало время инициации.

— Вельд, сын Велима.

Хриплый, надтреснутый голос школьного писаря, заставил меня вздрогнуть. Вот и настал момент истины! Сейчас мою тушку в мага переделывать будут!

Я потопал к помосту, зябко передёрнув плечами. Как же холодно! Вроде и солнце уже в зените, а холодно. Да уж. Вступает осень в свои права. Вступает. Не май месяц на дворе. А мне кроме рубахи и штанов так ничего выдать и не удосужились. Впрочем, грех обижаться. Не один я такой! Нас таких тут с полсотни наберётся. Мне ещё повезло! Григорий меня сюда перед самой инициацией привёл. А сколько остальные простояли? Судя по посиневшему, трясущемуся Гонде, немало! У него даже сил, моему появлению удивиться, не осталось! Ничего! Пускай привыкает! Нам ещё рандеву с этим подонком, в самом ближайшем будущем предстоит!

Инициация, по укоренившейся за многие годы традиции, проходила в школьной дворе — довольно большом стиснутом стенами прямоугольнике вымощенным крупным белым камнем. Любят здесь, похоже, строить дома в виде вытянутой баранки. С одной стороны, над двором нависал продолговатый массивный балкон с не менее массивным навесом над ним. В нём, видимо, и должен был восседать благословенный князь Вилича Уго Милостивый со своей свитой. Вот только не соизволил. Судя по всему, нашлись у местного правителя заботы поважней, чем торчать в такую холодину на скучной процедуре воспроизводства ушлёпков. Соответственно говоря, не явился никто и из дворян. Да и Лишний бы с ним, да только нам битый час ждать на холоде пришлось, пока гонец из дворца не прибыл. Напротив балкона вплотную к стене примыкал невысокий деревянный помост. На нём то и расположились главные действующие лица проводимого спектакля: древний старик-писарь, плотно закутанный в кожаную выдавшую виды курточку; здоровенный пожилой маг с лицом отъявленного разбойника с большой дороги, одетый в трещавший по швам, замызганный, почти утративший свой цвет балахон и отец Никонт, расположившийся у самого края возле огромного, окованного железом сундука. За их спинами возле самой стены на массивных серых плитах, стояли четыре круглых стеклянных чаши. Одна из них, крайняя справа, была пуста. В соседней, испуская небольшой еле заметный дымок тлела горстка углей. Доньшко следующей, было залито водой, подкрашенной для лучшей видимости в бледно-красный цвет. В крайний слева сосуд, также едва прикрыв дно, насыпали тонким слоем песок.

— Пусть Трое решат твою судьбу, отрок, — привычно приветствовал меня отец Никонт. — Да будет вечно их правление, — и отвернулся, прикрыв рот рукой. По всему видать, наскучило, одно и то же повторять. Как-никак уже больше десятка человек инициацию прошли.

Я, молча, поклонился и подошёл к писарю, близоруко склонившемуся над большой потрёпанной книгой коричневого цвета, обитой металлическими полосками по краям.

— Распишись вот тут, — старик ткнул скрюченным пальцем в книгу и сунул мне в руку перо с уже налившейся на конце каплей чернил.

Вот ведь! Вроде средневековье, а уже бюрократия! А вот интересно, я писать то умею? Тот ещё вопрос! Судя по всему, местные в этом нисколько не сомневаются. Тут грамотность поголовная. Во всяком случае, среди мужского населения. За этим жрецы строго следят.

Никто же заранее не знает, кого Трое в ушлёпки выберут. А в школе безграмотные не нужны. Но я-то ничего из этого процесса обучения не помню. А вдруг не умею? И что тогда будет?

— Чего застыл, словно Нерюх перед стадом коровьим?! — зло зашипел на меня писарь. — Подписывай, давай!

Я с замиранием сердца склонился над слегка пожелтевшим листом пергамента и ткнул в него пером, мысленно повторяя " Вельд, сын Велима. Вельд, сын Велима». К моему изумлению, рука послушно вывела на пергаменте нужную надпись. Я даже прочитать её смог! Уф. Даже взмок от напряжения! Но получилось же! Помнит тело вложенную в него науку! Помнит!

— Ты чего опять встал, отродье Лишнего?! — окончательно разозлился старик. — Расписался и ступай отседова! Будет он тут ещё лыбиться, выкидыш вопящих!

— Сюда иди, изгой, — рявкнули мне в спину. — Долго я тут из-за тебя мёрзнуть буду? Я, поспешно отвернувшись от писаря, быстро подошёл к грозно насупившемуся магу.

— Ты чего мешкаешь, выкормыш айхи? — грозно навис надо мной верзила. — Мне что здесь до вечера на ваши мерзкие рожи смотреть? Плетей захотел?!

«В зеркало посмотришься», — подумал я, разумеется, не став озвучивать свою мысль вслух. Глупо плевать в сторону сильных мира сего, не имея никаких козырей на руках. Нет. Плюнуть, конечно, можно. Вот только никому от этого ни жарко, ни холодно не будет, а тебе твой же плевок по морде до кровавых соплей и разотрут. И так вон служки, что возле стены с плетями в руках стоят, подобрались. Только команды ждут, чтобы наброситься.

— Оставь его, Ликон, — нехотя буркнул Никонт, зябко кутаясь в свою шубу. — С каждым изгоем возиться, и впрямь тут до вечера проторчим. Проводи инициацию.

— Как скажешь, всеблагий отец, — поклонившись отцу-наставителю, Ликон злобно зыркнул в мою сторону и направился к сундуку. — Снимай рубаху и ложись! — бросил он мне через плечо.

Заскрипев зубами от бессильной злобы, я, молча, снял рубаху и лёг на заляпанные грязью доски. Ничего. Со всеми со временем сочтусь. Месть — это блюдо, которое надо есть холодным. Подошёл Ликон. Склонился, оскалив рот в хищной улыбке, и положил мне на грудь тёмно-бурый камень величиной с мой кулак.

Внутри всё похолодело. Нет, это бы не страх боли как таковой, хотя он и присутствовал, конечно. Вопли моих предшественников ясно показали, что там приятного было мало. Но этот, чисто животный страх, был задвинут на второй план другим, более сильным страхом — страхом неопределённости. Когда ты знаешь, что наступил ключевой поворотный момент в твоей жизни и именно сейчас и решится, какова в дальнейшем будет твоя судьба. Кто-то скажет — и что тут страшного? У каждого такие моменты были. Например, после окончания школы. Так вот — это совсем не то! После школы ты сам сознательно выбираешь свой путь, оптимальный на твой взгляд. И не важно — ошибся ты или нет. На тот момент будущее рисуется тебе светлым и прекрасным. Здесь же другое. Здесь нет твоего выбора. И эти чаши — это даже не лотерея. Всё уже заранее предрешено и, увы, не тобой. Либо есть у меня способности к более престижным здесь стихиям земли и воды, либо нет. Так что здесь больше подходит сравнение не с выпускником школы, с надеждой глядящим в будущее, а с рабом на невольничьем рынке с содроганием гадающим куда он попадёт: к относительно доброму хозяину или на рудники или галеры. Причём светлого будущего априори не предвидится. Невольником ты останешься в любой случае.

Я стиснул зубы, твёрдо решив не заорать. Не хочу доставлять удовольствия этому уроду.

Постараюсь перетерпеть.

Пару секунд ничего не происходило, затем камень начал стремительно нагреваться, словно подключенный к розетке утюг. Вначале я ещё крепился, до зубовного скрежета стиснув зубы, но проклятая штука раскалялась всё сильнее, буквально выжигая кожу. Я, взвывая, попытался скинуть проклятый камень с себя и с ужасом понял, что не могу даже приподнять руку. Словно этот кристалл, обжигая, одновременно вытягивал из меня все жизненные силы. Намерение, молча стерпеть боль и сохранить достоинство, было забыто. Я заорал во всё горло, изо всех сил пытаюсь, повернуться набок, чтобы сбросить с себя раскалённое ядро. Тщетно. Артефакт словно приклеился к груди, продолжая терзать моё тело. Более того, мне стало казаться, что эта дрянь, спалив кожу, начала впаиваться в мою грудную клетку, выжигая мясо и кости на своём пути. Тело выгнуло дугой, отчаянный крик сменился беззвучным хрипом, пальцы, сдирая ногти, судорожно царапали по доскам. Боль была всюду, боль длилась вечность, боль была частью меня...

Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Я всхлипнул и схватился вернувшимися к повиновению руками за грудь. Ничего не болело.

— Вставай, чего разлёгся! — пинок в бок окончательно вернул меня к действительности. Я медленно поднялся на дрожащие ноги и ошеломлённо опустил глаза вниз. На груди не было ни царапинки, ни пятнышка от ожога, будто и не корчился я несколькими мгновениями назад от жуткой боли. Да и камень куда-то пропал. Это что же было такое? Меня даже передёрнуло от воспоминаний. Хорошо, что я никакой страшной военной тайны не знаю, а то бы сразу выложил, да ещё и от себя бы приплёл чего, лишь бы ещё разок под таким камешком не оказаться!

— Ну и визжал же ты, — с презрением сплюнул Ликон. — Я думал, раз деревенский — то покрепче будешь. Да ещё и тугодум, похоже. Чего опять застыл? Брысь к стихиям!

И чего разоряется? Можно подумать, что другие до этого не кричали? Я проковылял к плите с землёй, мысленно чертыхаясь и желая проклятому магу всех благ в этой жизни. Встал перед сосудом. Потоптался перед ним, собираясь с духом. Глубоко вздохнул, пытаюсь унять бешеный стук в груди и решившись, протянул было в сторону чаши руку, и ... отдёрнул, ошарашено уставившись на возникшего возле неё Толика. Задорно подмигнув, коротышка склонился над артефактом и энергично помахал над ним лапами, заунывно при этом подбывая.

— Чего уставился?! — повернулся ко мне айхи, в несколько мгновений завершив свои манипуляции. — Вот так и стараешься из века в век для таких как ты! Лапы до кровавых волдырей стираешь! Вот дал бы ты мне доступ к своей энергии и всё было бы намного проще. А теперь себя до донышка выжигать приходится! По крохам энергию собирать! А в ответ, лишь неблагодарность и упрёки! Давай уже! Суй руку! С землицей я уладил всё — откликнется! — Толик с достоинством кивнул на чашу и язвительно добавил: — Только господине сильно могучий и великий маг, я бы на твоём месте соизволил поторопиться. А то вон тот здоровый грязный недомерок в засаленном халате, по-моему, уже совсем терпение потерял. Очень уж он нехорошо в твою сторону смотрит!

Я оглянулся в сторону набычившегося Ликона и быстро вытянул руку над сосудом. Из чаши ощутимо потянуло холодом. Защищало запястье, неприятно занули кончики пальцев. В глазах слегка помутилось, словно я оказался на грани лёгкого обморока. Превозмогая накатившую слабость, я стряхнул с себя странное оцепенение и перевёл взгляд на дно сосуда. Песок лежал неподвижно, по-прежнему покрывая тонким слоем гладкую

поверхность. Похолодев, я судорожно опустил руку ниже, почти к самому краю чаши. Холод усилился, но треклятый песок и не подумал отреагировать. Ни одна песчинка не пошевелилась!

Отказываясь верить своим глазам, я перевёл взгляд на Толика.

— Надо же, не вышло, — озадаченно почесал тот за ухом и, развернувшись ко мне, обличительно ткнул пальцем. — Ты сам виноват! Видишь же! Энергии у меня не хватило! Земля — стихия тяжёлая! Её расшевелить, много силы надо! Ладно! — махнул мне коротышка ободряюще лапой. — Не переживай ты так! Сейчас мы с водой попробуем! Уж тут-то точно всё получится!

Я и ответить ничего не успел, как айхи подскочил к чаше с водой и проделал над сосудом точно такие же манипуляции. Тяжело вздохнув, я перешёл вслед за ним. В душе начала нарастать тревога.

Действие повторилось. Только в этот раз, я будто руку в ледяную прорубь опустил. Аж пальцы от холода свело. И вновь безрезультатно! Вода, подобно земле не обращала на мои усилия никакого внимания, не соизволив, подёрнутся даже тонкой рябью. Уже ни на что, не надеясь, я опустил ладонь ниже, опять почти коснувшись краёв сосуда и разочаровано отошёл к постаменту с огнём. Сердце начало сжимать ледяными тисками отчаяния.

— Вот же! — Толик подскочил к сосуду и чуть ли морду в него не засунул, что-то пытаюсь там рассмотреть. — Должно было сработать! Я тебе точно говорю! — возмущённо повернулся он ко мне. — Как же так! — айхи горестно обхватил голову лапами и запричитал? — Что же делать? Друг на глазах пропадает! А я бессилен! — коротышка поник и тяжело вздохнул: — Вся надежда теперь на огонь!

— Стой!

Я попытался перехватить айхи, забыв о его бестелесности. Лесной дух вновь шустро произвёл свои манипуляции над еле дымящимися угольками и лишь, потом развернулся ко мне.

— Что? Не нужно было? Ну, теперь уже поздно! — мохнатая тварь скорчила виноватую рожицу и покаянно развела руками. Мол, а что я могу? Издевается, гад! За мою шутку в умывальне мстит!

Заскрипев зубами от бессилия, я поднёс руку к сосуду. Кисть ощутимо обожгло, но горстка пепла даже не подумала задымиться.

— Сволочь! — с ненавистью выдохнул я, глядя на веселящегося коротышку.

К постаменту с воздухом, возле которого уже успел отметить подлый дух, я прошамкал походкой старика, опустив голову и ни на что уже не надеясь.

Воздух, сочувственно опутав мою руку тысячами невидимых нитей, нехотя залюбился у самого дна чаши.

— Даже магия воздуха почти не откликается, — недовольно фыркнул Ликон. — Полный бездарь! Уже много лет такого не было!

— Так и запишем, — проскрипел, склонившись над книгой писарь. — К магии способностей нет. Стихия воздуха почти не откликается!

— Что скажешь, всеблагий отец? — почтительно повернулся Ликон в сторону задумавшегося отца-наставителя. — Маг из этого выроodka не получится. К отцам-вершителям его отправим? Хотя какая-то польза будет.

— Пожалуй, — кивнул Никонт, не спуская с меня задумчивого взгляда.

— Пошёл отседова, семя волколакское!

Очередная оплеуха направила меня к небольшой дверце, сбоку от помоста. От стены отлепился один из служек. Слишком ошеломлённый, для того, чтобы хоть как-то протестовать, я, молча, пошёл вслед за ним.

* * *

Небольшая круглая камера, всего в несколько шагов в поперечнике, влажные, покрытые ядовито-жёлтой застарелой плесенью стены, маленькое с детскую ладошку величиной оконце-бойница под самым потолком. Что ещё нужно человеку, чтобы спокойно без лишней суёты и метаний подвести черту под бездарно прожитой жизнью?

Я сидел на полуистлевшем пучке соломы, небрежно брошенным возле стены и спокойно с неожиданным для себя фатализмом ожидал, когда за мной придут. Всё, устал я бороться. Видно это судьба у меня такая — ходоком стать. Сколько не крутился, как не отбрыкивался, а постоянно всё к этому поворачивало. Устал... Пусть будет, что будет! Одна радость. С этой тварью мохнатой я всё же посчитаюсь! Гадом буду, если не попытаюсь как можно дальше в проклятом городе пройти, чтобы Толик оттуда вовек не выбрался!

Тяжело вздохнув, я, крихтя, поднялся и прошёлся вдоль камеры, разминая затёкшие мышцы. Покосился на белеющее прямоугольным пятнышком оконце и зябко повёл плечами. Сквозь ничем не прикрытое отверстие отчётливо тянуло холодом и сыростью. Да уж. Зимой тут, наверное, и пару часов не протянешь! Уже сейчас далеко не Ташкент. Забирали бы уж скорей, что ли! Чего тянуть? Итак, уже, судя по всему, день к вечеру идёт.

Я развернулся, сунув под мышки начавшие зябнуть руки и, упёрся в довольно ухмыляющего айхи.

— Я тебя не звал! — грубо рявкнул я на коротышку.

— Я сам пришёл, — нагло хмыкнул тот в ответ и критическим взглядом осмотрел помещение: — До чего же тоскливое место! Всё же хорошо, что нам с тобой тут целый год жить не придётся!

— Теперь-то уж точно не придётся?! — взорвался я, моментально растеряв всё своё спокойствие. — Ты что натворил, мартышка облезлая?!

— Почему облезлая? — по-моему, не на шутку обиделся айхи, проведя лапой по шелковистому меху. — Моей шкурке кто хочешь, позавидовать может! Возьмём, к примеру, зайца. — Толик плюхнулся на беспечно оставленную мной без присмотра солому и, увлечённо попытался продолжить: — У него шкурка...

— Да плевать мне какая у тебя шкурка! — окончательно разозлился я. — Пусть она у тебя хоть клочьями облазить начнёт — мне по барабану! Ты почему мне на инициации нагадил?! Вот что я знать хочу?! Ещё и ухмылялся радостно! Весело тебе было?! Ну, ничего! — я буквально навис над Толиком, сжав кулаки. — Скоро я повеселюсь! Когда с колечком обратно в проклятый город возвращаться буду!

— Да не делал я ничего! Как я мог навредить, ежели у меня доступа к магии нет?! — зелёные глазки с вертикальным зрачком, с укором смотрящие снизу вверх, моментально наполнились слезами. — Ты сам виноват! Я же тебе предлагал доступ к своей внутренней силе дать?! Не дал! Сейчас бы адептом земли был, а не тут сопли на кулак наматывал!

— Заврался ты совсем! — заскрипел я зубами от бессилия. Желание придушить наглого фигляра стало почти физическим, разбегаясь по всему телу холодными мурашками. Но осуществление данного мероприятия, в связи с бестелесностью духа, было мне недоступным. — А кто возле чаш лапами махал?

— Так это же шутка такая! — айхи захихикал, косясь в мою сторону. — А ты и поверил! Видел бы ты свою рожу, когда на твой зов земля не откликнулась!

— А вдруг бы откликнулась? — заглянул я в глаза коротышки.

— Тоже хорошо! — продолжал хихикать Толик. — Тогда бы ты подумал, что стал адептом земли благодаря мне. Не повезло, — огорчённо вздохнул дух. — Ну, зато повеселился! И только! Ну, сам посуди! — айхи рывком вскочил на ноги и прошёлся вдоль стены, энергично размахивая лапами. — Какая мне выгода дар твой губить? В итоге что?! Сегодня ты здесь, а завтра, уже ходоком, обратно в проклятый город топаешь! — он резко остановился и уставился мне в глаза. — И в чём здесь моя корысть? Убытки одни! Не хочу я обратно! Совсем не хочу!

Толик посмурнел. Я тоже замолк, призадумавшись. Ну что тут скажешь. Паскудная ситуация. Безвыходная! И коротышка, тут, судя по всему, не причём. Ему и впрямь смысла не было меня на инициации гробить. В одной лодке сидим. А то, что рожи корчил, так какой айхи поглумиться откажется? Это у них на генном уровне. И подыхая, пакостить не перестанет!

— Ладно, не печалься, — внезапно прервал затянувшееся молчание коротышка. — Собственно говоря, страшного ничего и не произошло. Просто мы с тобой немного по-другому поступим. Так даже быстрее получится. Целый год ждать не надо! Инициацию то ты всё же прошёл? Ведь так?

— Ну, прошёл, — хмуро признал я, стараясь понять, куда этот хитрован клонит.

— Вот! — удовлетворённо протянул Толик. — Освободить ты меня теперь можешь! Заклинание простенькое совсем! Я мигом научу! Ты меня освобождаешь, мы летим в библиотеку Инсора и снимаем с тебя проклятье. Значит так! Слушай! Сначала тебе надо...

— Ничего мне не надо, — прервал я скороговоркой затараторившего коротышку. — Тоже мне, нашёл убогого. Да стоит тебя освободить и через мгновение тебя здесь уже не будет! Даже лапкой своей корявой не помашешь на прощанье! Только тебя и видели!

— Чем тебе мои лапы не понравились? — возмутился Толик, выставив их перед собой. — На свои обтянутые кожей палки сначала взгляни!

— Да бог с ними, с лапами, — хмыкнул я. — Не в них суть. Не верю я тебе! Ни на медный грош не верю! Вот главная беда!

— Ну и зря! — обиделся коротышка, укоризненно глядя на меня. — Это вы люди на каждом шагу обмануть норовите, а мы договоры свято чтим и исполняем! Вот давай освободи меня и сам, потом поймёшь, как был не прав! Тебе даже стыдно станет! Значит так...

— Никак! — вновь оборвал я айхи. — Не трать своё красноречие. Либо я выпускаю тебя на волю после снятия с меня проклятья, либо не выпускаю вообще! И спорить на эту тему я больше не собираюсь! Понятно тебе?

— Все вы люди одинаковы, — горестно насупился меховой. — Тут стараешься изо всех сил. Как лучше хочешь. А в ответ только оскорбления и плевки. А теперь ещё и пропадать придётся из-за твоей дурасти.

— Уж лучше я вместе с тобой пропадать буду, — горько усмехнулся я, — чем один, да

ещё и чувствуя себя полным идиотом.

— Ну и Безымянный с тобой, — разозлился Толик. — Хочешь подохнуть? Подымай! За этим дело не станет! А я подожду! Всё равно это колечко когда-нибудь найдут. Вот тогда я и посмеюсь!

С громким хлопком лесной дух исчез. Я обречённо вздохнул. Теплилась у меня, если честно, маленькая надежда, что зловредный коротышка что-нибудь придумает. В этом интерес у нас с ним общий. Но и она угасла. Теперь точно всё. Конец!

— Ладно! Я погорячился, ты весь на нервах! Чего между друзьями не бывает! Дело то у нас общее! — вновь возникший передо мной айхи был деятелен и целеустремлён. — Я что думаю, — Толик проникновенно заглянул мне в глаза. — Выбираться отсюда как-то надо! Ну не вышло у тебя здесь поучиться. Ну и ладно. Зато год сэкономим! Главное, что ты инициацию пройти успел и магические потоки тебе теперь доступны. А магии я тебя по дороге научу! Знаю я действенные заклинания воздуха, что даже тебе доступны будут! — коротышка почти ласково посмотрел на меня и спросил: — Ну что, ты со мной?

— Ты забыл об одной существенной вещи... друг, — при последнем слове, я язвительно улыбнулся. — Я, видишь ли, заперт. И что-то никто пока меня выпускать не спешит.

— Ну и бездна с ними! — легко отмахнулся от моего возражения Толик. — Зачем нам дверь? Мы и так спокойно выйдем!

— Это как? — озадачился я.

— Ты инициацию прошёл? — вопросом на вопрос ответил коротышка.

— Ты меня об этом уже спрашивал, — усмехнулся я в ответ.

— А значит ты теперь кто? — Толик сделал секундную паузу и, не дождавшись ответа, ответил сам, постучав мне при этом лапой по лбу. — Теперь ты маг! Просто пока ещё ничего не умеющий, но маг! Вот ты эту стенку, что у тебя за спиной с дороги и уберёшь! Она как раз к улице примыкает. И людей там нет. Я только что проверил! Потом бежим к городской стене, там ещё одну стенку убираем и в лес! Благо он недалеко. Лошадей здесь нет, так что пускай догоняют! — коротышка злорадно потёр лапы и добавил: — А мы ещё одно небольшое заклинанье применим, чтобы ты целый день без усталости бежать мог! Красота!

— Слушай? Ты что совсем больной? — печально покачал я головой. — Какие стены? О чём ты? Я же не умею ничего! А скоро сюда отцы-вершители придут!

— За тобой только завтра утром придут, — беззаботно отмахнулся Толик. — Времени у нас полно. Что же до стены, то мы просто её кусок уберём. Ненадолго совсем, но тебе на улицу выскочить хватит. Это не сложно. Нужно лишь энергию перенаправить суметь. Главное ответь, — А\айхи сделал внушительную паузу. — Ты бежать отсюда со мной согласен? Если да, я тебя вмиг научу.

Я страдальчески закатил глаза к потолку. Худшего спутника для побега во всей империи не сыскать! Вот только, в качестве альтернативы, город асуров на горизонте маячит. Мне одного раза за глаза хватило. Не хочу я туда больше!

— Ладно, учи, — обречённо вздохнув, согласился я, твёрдо решив следить за айхи в оба глаза.

Коротышка решительно усадил меня на пол и, важно вышагивая передо мной, заговорил менторским тоном: — Первое, что тебе нужно сделать — это научиться видеть магические потоки! Закрой глаза, положи руку на то место, где в твоё тело вживлён кристалл, расслабься, постарайся заглянуть внутрь самого себя!

Я послушно выполнил команды своего временного наставника. В груди, как раз в том

месте, где лежала моя рука, появилась маленькая точка тепла. Постепенно точка разрасталась, начала пульсировать толчками, разгоняя всё усиливающийся жар по всему телу. В закрытых глазах закружился беспорядочный хоровод миллиарда разноцветных искр. В висках неприятно заломило. Неожиданно искры быстро приблизились друг к другу, слепившись в небольшой плотный переливающийся всеми цветами комочек и, в следующее мгновение последовал взрыв, пёстрым облаком развевая всё в пыль. Сознание резко ухнуло в чёрную бездонную бездну так, что дух захватило и так же резко рвануло назад, в мир заполненный целой палитрой красок. Я ошеломлённо охнул.

— А теперь открой глаза, — вернул меня к действительности голос Толика.

Я открыл. Весь мир преобразился, заполнившись полупрозрачными искрящимися нитями всевозможных оттенков, форм и конфигураций. Они были всюду: плавно дрожали в воздухе, слегка покачиваясь, словно волны на море, пронизывали стены, завиваясь вокруг себя замысловатыми спиралями, свисали с потолка, подобно извивающимся щупальцам гигантской медузы. Всё это находилось в постоянном движении, меняло форму, сплеталось друг с другом, рвалось и извивалось.

— Моргни посильней, — посоветовал мне коротышка.

Я энергично моргнул несколько раз и даже головой потряс. Мешанина из всевозможных узлов и линий мгновенно пропала. Мир вновь приобрёл чёткость линий и очертаний.

— Что это было? — я потрясённо тряхнул головой.

— Энергия это была, дружище, — снисходительно усмехнулся коротышка. — Та самая энергия, что напитывает силой любые магические формулы и позволяет творить заклинания. Не будет её, исчезнет из этого мира и магия. Теперь и ты к ней доступ получил, — Толик тяжело вздохнул и с осуждением посмотрел на меня, словно это я был виноват, что у него такого доступа уже давно не было. — Это как второе зрение, в общем. Но если первое тебе при рождении даётся, то второе лишь приобретается. Но учти. Кристалл тебе лишь способность даёт с магическими потоками работать, а не умение. Это как ребенку при рождении даётся способность ходить, но учится этому ой как долго. Ты же не сразу бегать начал?! Пришлось, правда, тебя для этого немного подтолкнуть, но тут уж ничего не поделаешь! Времени на долгое обучение у нас просто нет. В этом подобии школы такому умению цельный месяц обучать будут. Бездари! — коротышка важно напыжился и гордо посмотрел на меня. — Цени! Кто ещё и поможет, если не твой друг!

— А что это ты ко мне всё в друзья набиваешься? — заподозрил неладное я. Уж очень от зловредного коротышки доброжелательностью ко мне тянуло. Не похоже совсем на него. Не иначе опять, какую пакость задумал. Или уже сделал? — Я вот тут сейчас подумал. В этом мирке ничего даром не даётся. А нет ли какой платы за это твоё экспресс-обучение? Во сколько оно мне обойдётся?

— Да не стоит оно ничего! — даже замахал лапами Толик. — Я это для пользы нашего общего дела делаю. Да и ты мне всё больше нравишься. Вот и стараюсь для тебя, сил своих не жалея! Ну, раз уж речь зашла об оплате, то освободи меня и всё... Считай, в расчёте будем!

— Ты хвостом то не виляй! — вызверился я. Врать сволочь меховая любила, но совсем не умела. Бегающие, при этом во все стороны глазки выдавали. — Говори скотина, какую свинью мне на этот раз подложил или мы тут оба и останемся!

— Ну что ты за человек такой, а? — не на шутку расстроился коротышка. — И всё-то тебе знать надо! Ну, переделал я слегка структуру кристалла. Так и что? Он же теперь только

лучше работать будет! Обучение намного быстрее пойдёт! Заклинания мощнее будут получаться! И все стихии теперь на твой зов откликаться будут! Одна польза же! А то, что он разрушаться со временем начнёт, так это не страшно. Тебе—то какая разница? Тебе всё равно проклятье снимать надо! Заодно и как разрушение кристалла приостановить поищем! Библиотека у Инсора знатная!

Некоторое время я бессильно рычал, не в силах выдать из себя и слова.

— Вот сука, а? — прохрипел я, наконец, с трудом разжав сведенные от судороги челюсти. — Убью сейчас гада!

— Не убьёшь! Бестелесный я! На меня только магия и действует! — возразил айхи, но всё же отодвинулся от меня чуть подальше.

Забористому мату, бурным потоком выливающимся из меня в течение нескольких минут, могли позавидовать даже портовые грузчики. Наконец, я выдохся.

— Ну что, полегче стало? — участливо посмотрел на меня Толик и, как ни в чём не бывало, продолжил: — Теперь ты можешь эти магические потоки изв...

— Засунь ты себе эти магические потоки, знаешь куда? — зло оборвал я наглеца. — Мы ещё об этой твоей очередной подставе не договорили!

— Да о чём там говорить? — укоризненно посмотрел на меня коротышка. — Ты пойми. Другого выхода у нас всё равно не было. Сил у тебя на это заклинание просто не хватило бы. Вот доберёмся до библиотеки хозяйской. Там наверняка способ найдём, как разрушения кристалла избежать!

— И когда он разрушаться начнёт? — мрачно поинтересовался я.

— Так он уже начал! — жизнерадостно обрадовал меня меховой урод. — Он уже разрушается вовсю! Но ещё не менее года проработать должен. Бывало, что и на полтора хватало! Да ты не переживай так, — заговорчески подмигнул он мне. — Мы через полгода уже на месте будем. Времени много!

— У меня его было ещё больше! — зло фыркнул я. — Сначала у меня была вся моя жизнь, затем ты сократил её до двух лет, теперь до года! Дальше что в твоих планах? Месяц, неделя, день?! — вновь взорвался я. — Ты, когда прекратишь мной манипулировать и в тёмную разыгрывать?! Я тебе что, пешка на шахматной доске?! Мной что, в любой момент пожертвовать можно?! Ещё хоть раз что—то такое со мной без моего согласия учудишь и всё! Конец нашему договору! И пусть я сдохну, но и тебе скотине мохнорылой мало не покажется! Всё понятно?!!!

— Да понял я. Понял, — насупился Толик. Всю весёлость с него как ветром сдуло. Глаза смотрели зло и недобро. — Нужен ты мне больно, лезть к тебе. Подышать будешь, я и лапой не пошевелю!

— Есть ещё что—то связанное с твоим вмешательством в структуру кристалла, что я должен знать? — продолжал напирать я. — Говори лучше сейчас!

— Кристалл, в процессе разрушения, девять раз свою структуру менять будет. После девятого сразу смерть.

— И какой промежуток между этими изменениями? — похолодело у меня на душе.

— По—разному бывает, — равнодушно пожал плечами айхи. — Может за один день сразу два изменения произойти, а бывает и по полгода о них не слышно.

— Что за изменения то хоть? — совсем расстроился я. Злиться на духа уже не оставалось сил.

— И это тоже не могу сказать, — сокрушённо пожал плечами Толик и, что—то заметив

по моему лицу, поспешно добавил: — Правда, не могу! Тут всё от кристалла зависит. Каждый по-своему преобразуется. Иногда такую силу своему хозяину дает, что ого-го! — меховой искоса посмотрел на меня и, вздохнув, признался: — Но обычно, ничего хорошего.

— Учитывая, что это твоих рук дело, ничего хорошего мне ждать точно не приходится, — обречённо резюмировал я. — Ты вот что лучше скажи, ДРУГ любезный. А каким образом ты структуру моего кристалла изменил, если магия тебе не доступна? — я пристально уставился на коротышку, буквально прожигая его взглядом.

— Обычно и не доступна, — мрачно насупился Толик. — Но во время инициации, очень сильный всплеск магической энергии от кристалла исходит. Ни одно заклятье не выдержит! Хоть крупицу энергии, но пропустит. Вот я эту крупицу обратно в кристалл и перенаправил.

— Понятно, — нехорошо улыбнулся я. — Я вот что думаю. Там, во дворце Инсора, когда мы с тобой в первый раз договаривались, ну что ты мне в Вилич поможешь попасть, а я тебя после инициации освобождаю, ты тоже собирался эту трансформацию с моим кристаллом произвести, а потом мне ничего не сказав, исчезнуть. Ведь так?

— Что ты! — засветился от возмущения Толик. — Я бы подождал, пока ты сам с магическими потоками работать научишься. Всего пару месяцев сроку то. Даже меньше чуть!

— Почему то я так и думал, — удовлетворенно кивнул я, не поверив ни единому слову айхи. — Уже тогда надуть хотел. И вот как мне с тобой дело дальше иметь? Если от тебя в любой момент какой-то подлости ожидать приходится и не в чём верить нельзя?

— Так выбора то у тебя и нет! — вновь развеселился коротышка. — Где библиотека хозяина и как в неё попасть, только я знаю! Ну, так что? Выбираться отсюда будем или так до утра и проваландаемся?

— Будем, — обречённо сказал я. — В одном ты прав. Выбора у меня действительно нет.

— Значит так, — вновь выпятил грудь коротышка. — Теперь ты всегда, когда захочешь, сможешь заглянуть за изнанку. Тебе нужно только будет это мысленно захотеть. Пробуй, давай, что смотришь! Без магической энергии всё равно ничего не получится!

Скрипнув зубами от острого желания врезать чем-нибудь по наглой морде, я внутренне напрягся, мысленно желая увидеть вновь сгустки магической энергии и они тут же появились. Только если в первый раз они буквально пронизывали пространство, то теперь как бы составляли отдельное целое, наложенную проекцию и не мешали обзору. Некоторое время я ещё поупражнялся, вновь и вновь заглядывая за изнанку. С каждым разом это получалось всё лучше и лучше.

— Хорошо! — Толик удовлетворённо потёр лапами. — Теперь приступаем к самому главному. Тебе будет нужно зачерпнуть из изнанки энергию и напитать ею заклинание. Всё просто.

— Чего уж трудного, — иронично хмыкнул я. — Знать бы ещё как.

— Загляни в изнанку и мысленно втяни в себя любую из магических нитей, — зевнул коротышка. — Лучше протяни в сторону понравившейся нити руку. Это не обязательно, но у тебя так лучше получится.

Я вновь нырнул в мир энергии и, чуть поколебавшись, вытянул руку в сторону большого ветеренообразного сгустка, пролетавшего неподалёку и мысленно потянул его в себе. В груди вновь начал подниматься жар. Сгусток замедлился, начав отклоняться от своей траектории, на несколько мгновений завис и, вдруг, резко рванув в мою сторону,

растворился в руке. Резкий болезненный укол в груди заставил меня дёрнуться и вскрикнуть.

— Что, колется? — удовлетворённо засмеялся айхи. — Привыкай! Путь мага — это путь боли и страданий. И чем сильнее заклинание, тем больше энергии для этого требуется, а, значит, тем сильнее будет и боль. А ведь раньше маги могли горы в порошок стереть!

— Как же они выдерживали? — зябко повёл я плечами. — Для этого же прорва энергии была нужна.

— Не без того, — согласно кивнул Толик. — Но они умели большую часть энергии накапливать не в себе, а в окружающем их пространстве, да ещё и мысленно отгораживаться от боли могли. Простейшему способу я тебя научу. Смотри на меня через изнанку, — коротышка дождался, пока я выполню приказ и сделал несколько пассов лапой. Передо мной в воздухе заискрилось несколько связанных между собой символов.

— Печать Лока, — торжественно произнёс меховой. — Она впитывает в себя часть энергии, которую ты будешь вкачивать в себя из изнанки, тем самым значительно облегчая боль. Попробуй написать её прямо на полу. В воздухе пока, у тебя вряд ли получится.

— Чем я тебе напишу, — возмутился я, — пальцем, что ли?

— Можно и пальцем, — невозмутимо согласился Толик. — Оно даже и лучше будет. Просто мысленно у тебя концентрации может не хватить. Просто сядь на пол и выводи на нём эти знаки. Представь, что ты насыщаешь палец своей энергией и не забывай глядеть через изнанку.

С сомнением хмыкнув, я, всё же выполнив команду коротышки, вытянул палец к полу, мысленно сосредоточившись на нём и неожиданно почувствовал, как вновь поднявшееся в груди тепло тоненьким ручейком потекло в него. С замиранием сердца я провёл пальцем по полу и на нём засветилась бледным светом первая призрачная чёрточка. На несколько мгновений я забыл обо всех злоключениях постигших меня и с восторгом взирал на эту тонюсенькую черту, мягко светящуюся передо мной. Это была магия! Пусть примитивная, на грани дешёвого фокуса, но всё же это была магия! Первая магия сотворенная лично мной!

— Ну что, налюбовался? — издевательски хмыкнул у меня за спиной Толик. — Давай, дальше дорисовывай.

Аккуратно, то и дело, поглядывая на оставленный в воздухе коротышкой образец, я дорисовал на полу печать Лока. На мой взгляд вышло слегка корявенько, но Толик критически осмотрев мой рисунок, удовлетворённо кивнул.

— Сойдёт. Работать будет и ладно! Теперь слушай внимательно, — коротышка был серьёзен как никогда. — Сейчас ты дорисуешь рядом с печатью Лока ещё два знака. Это руны заклинания. Они будут ярко красного цвета. Затем уходишь в изнанку и начинаешь тянуть в себя энергию. Только постоянно тянуть! Печать Лока убьёт часть боли, но она всё равно будет нарастать. Терпи! Останавливаться нельзя! И следи за печатью. Как только она сравняется по цвету с рунами, значит, ты набрал достаточно энергии. Сразу показываешь на стену правой рукой и мысленно сбрасываешь энергию в неё. И всё. Считаю мы на свободе! Только запомни! Копить энергию, пока печать не нальётся силой, как бы больно не было! Иначе вместо заклинания один пшик выйдет.

Ещё некоторое время, коротышка продолжал меня придирчиво инструктировать, заставляя в сотый раз повторять порядок действий. Чувствовалось, что и он переживает не меньше моего. Наконец айхи с сомнением хмыкнул, но всё же махнул рукой.

— Ладно. Большого за такой короткий срок не добиться. Давай уже начинать.

— Я готов, — облизал я пересохшие губы, нервно разминая пальцы.

— Погоди, — засуетившись, остановил меня коротышка. — Тут главное правильное направление для удара выбрать. Где кладка слабее. Давай я тебе покажу, — Толик подбежал к стене и прислонил к ней лапу. — Прямо сюда заклинание кидай. Так вернее будет!

— А оно тебе не повредит? — озаботился я, с сомнением глядя на коротышку.

— Не. Мне оно точно не повредит? — отчего-то развеселился айхи и, увидев мой недоумённый взгляд, пояснил: — Слабовато оно для меня будет.

Я кивнул, мысленно повторяя про себя порядок действий и нервно покусывая губы. Наконец, я решился и вывел рядом с печатью Лока руны заклинания. Сразу раскалённым углём вспыхнул в груди кристалл. К нему острыми иглами пронзая тело, потянулись магические потоки. Вначале боль была вполне терпимой, но она постепенно нарастала, становясь всё сильнее и сильнее. Закусив губу, я не сводил глаз с печати Лока. Её цвет становился всё насыщеннее, на глазах наполняясь силой. Но и боль становилась просто невыносимой.

«Ещё немного. Потерпи ещё немного», — мысленно уговаривал я себя. — «Сейчас уже вспыхнуть должна».

Держась из последних сил, я бросил взгляд на Толика, ища у него поддержки и, встретился с почти неприкрытым торжеством в глазах бывшего слуги великого мага. Страшная догадка обожгла грудь сильнее кипевшей в ней боли. Отшатнувшись, я прервал контакт с энергией и тут же, по какому-то наитию, с силой махнул рукой в сторону проклятого коротышки. Раздался негромкий хлопок и, в следующее мгновение, меня буквально согнуло пополам от накатившей боли.

Первое, что я услышал, придя в себя, были беспорядочные ругательства беснующегося айхи, склонившегося надо мной.

— Не ори ты так, а? — поморщившись, попросил я, прислушиваясь к своим ощущениям. Боли не было. Совсем. Я и тело то своё ощущал как чужое, словно странное оцепенение напало. Преодолевая безмерную усталость и апатию, я с огромным трудом сел и очумело уставился на нежелающего успокаиваться духа.

— Я так и думал, что ты боли не выдержишь! — орал мне в лицо тот. — Слабак! А ещё магом хотел стать! Как ещё энергию скинуть додумался! Тебя же разорвать должно было!

— Я её не скидывал, — потряс я головой, пытаюсь прийти в себя. — Я её в тебя бросил.

— Зачем? — опешил от такого признания Толик. — До меня этот плевок даже не долетел. Там энергии то было чуть. Да и не опасна для внешнего мира сброшенная энергия. Она сразу в пространстве рассеивается.

— А когда внутри, то она значит опасна? — отстранёно поинтересовался я.

— Ну да, — забегал глазками коротышка. — Она выход наружу ищет, ну и всё на своем пути выжигает. Вот ведь! — внезапно спохватился он. — А я тебя предупредить то и забыл! Хорошо, что ты сам догадался! Просто я был уверен, что ты с заклинанием справишься! Ты и не дотянул буквально пару мгновений! Но ничего! Сейчас передохнём малость и ещё раз попробуем. Второй раз всегда легче бывает!

— Не попробуем, — непонятное оцепенение начало быстро проходить и я дрожащей рукой вытер пот со лба. — И заклинание я сам прервал. Сил бы на него у меня хватило, — я жестом остановил готового вновь взорваться коротышку и жёстко спросил: — Хочешь узнать, почему я это сделал? Да поумнеть успел, в последний момент. Говоришь — это заклинание часть стены уберёт?

— Ну да, — прошипел в ответ айхи. — И мы бы, сейчас, на воле были, если бы ты всё

правильно сделал!

— Вернее ты бы, сейчас, на воле был. Ведь так? — утвердительно спросил я, глядя, как резко помрачнел коротышка. — Хитро придумано! Мешаешь мне при прохождении инициации, чтобы я попал сюда. Потом предлагаешь побег. Обещаешь обучить меня заклинанию способному убрать стену, а сам вместо этого учишь другому, тому, которое тебя освободить должно! Я ведь в них не разбираюсь! И я, как последний дурак, его создаю. А ты как раз в то место, куда я заклинание направить должен и встаёшь. Да и посылаю я это заклинание правой рукой, на которой кольцо надето, что тоже, наверное, важно. В итоге ты свободен и исчезаешь, а я дожидаюсь отцов–вершителей. Ну, а если вдруг у меня сил не хватит и, я заклинание прерву, то тоже не беда. Ведь, правда? — я задушевно заглянул в глаза Толику. — То, что нужно энергию неизрасходованную сбрасывать, ты научить меня «забыл», а, значит, тут я и сдохну. Колечко сразу видимым станет и у него другой владелец окажется. Тому уже отправка обратно в запретный город не грозит, да и про твои выкрутасы он ничего не знает, так что ты с ним быстро договоришься. В общем, тот же финал, с той лишь разницей, что идиот, то есть я, сдох чуть раньше, — я восхищённо посмотрел на коротышку. — Ну что же. Хорошо придумано. Я чуть было не попался!

— Ничего я не придумывал, — сокрушённо поднял вверх глаза Толик. — Я как лучше хотел. А ты что–то навывдум...

Заскрипевший в двери замок прервал попытку айхи оправдаться. Коротышка изумлённо вытаращил глаза:

— Что–то они рано. Тебя же завтра забрать должны были!

В камеру вошёл Ликон и, застыв у двери, некоторое время, молча, рассматривал меня, сверля глазами. Застыл и я, не ожидая от адепта воздуха ничего хорошего. Хотя я уже ни от кого тут хорошего не ожидаю. Почему Ликон должен исключением быть?

— Вы за мной, мастер? — первым не выдержал затянувшегося молчания я. — Что, пора к отцам–вершителям идти?

— Нет, — маг резко мотнул головой. — Никуда идти тебе уже не нужно!

Он быстро подошёл ко мне и неожиданно сильно ударил, опрокидывая на пол. Клацнули зубы. Я охнул, чувствительно приложившись затылком, зло тряхнул головой, попытавшись встать, но сверху навалились, вдавливая в каменный пол. Шею обжог холод металла. Сверху нависло уродливое лицо воздушника, буквально прожигавшего меня холодом глаз.

— Какие у тебя дела с отцом–наставителем? Что ты ему рассказал? Что за доука ему за тебя радеть, да опекать? Говори!

— Я не знаю, — натужно прохрипел я. Лезвие ножа болезненно царапало кожу, не давая возможности даже пошевелиться. — Я и видел его только один раз. Утром, перед тем как на инициацию идти.

— Ага. И ты с первого взгляда настолько понравился Никонту, что он твоей дальнейшей судьбой озаботился! — иронично изогнул седые брови маг. — Виданное ли дело! «В охранных башнях и так в магах большой недостаток! Даже ещё один простой бурдюк там лишним не будет!» — явно процитировал слова жреца воздушник. — С каких это пор отец–наставитель проблемы кастелянов пограничных крепостей так близко к сердцу принимать стал? Вернее чем смог его заинтересовать ты — простой смерд–бездарь, на зов которого даже воздух с превеликой неохотой откликается? Почему он решил тебя в школе оставить? И лучше тебе ответить правду, потому что, если ты думаешь, что его покровительство защитит

тебя от всех бед, то сильно ошибаешься. Отец—наставитель стоит слишком высоко над нами. Многое здесь проходит мимо него. А вот здесь, рядом с вами нахожусь я. И я решаю, кто из вас доживёт до конца обучения, а кто сдохнет по ходу его или кому просто сунут нож под ребро неизвестные тати. Ты понимаешь, о ком я веду речь? — глазах мага сверкнули огоньки одержимости.

Я предпочёл кивнуть. Ликон явно не шутил. И если меня и впрямь решили, каким—то чудом, в школе оставить, ссориться с магом мне было не с руки. Я не настолько наивен, чтобы рассчитывать, что выживу в противоборстве с ним. Слишком разные у нас возможности. Он здесь власть, а я никто. И несчастный случай во время обучения или смерть в драке он мне запросто устроит. Да и без этого жизнь может так осложнить, что будет в пору самому в петлю лезть. Нельзя с ним конфликтовать. По крайней мере, пока... Вот только что ему ответить? Не правду же рассказывать! Нужно так соврать, чтобы Ликон поверил. Чем я ещё мог жреца заинтересовать? Мысли заметались, словно тигры в клетке в поисках правдоподобного ответа.

— Чего примолк? Лжу какую измышляешь? — недобро скривил губы маг. — Ну, так я тебе помогу. Для начала соври мне недомерок, как ты в Вилич к сроку успел прийти? Очень уж Вимс сокрушался, что опоздаешь, когда чутка тебя в деревне не застал, что степняки разорили. Даже грамотку мне прислал, судьбой твоей озаботься! По сердцу, видать, ты ему пришёлся!

Я мысленно чертыхнулся. Вот и аукнулась мне моя нерешительность. Кончать надо было мага, когда возможность была. Теперь поздно! Ликон не дурак и то, что я только одной дорогой сюда мог к сроку успеть, уже понял. Нужно сознаваться.

— Я через проклятый город сюда пришёл мастер. Напрямую, — сделал испуганные глаза, прохрипел я. — Вот этим отец—наставитель похоже и заинтересовался.

— Так я и думал, — маг наконец—то слез с меня, позволяя подняться. — Теперь понятно, что за тати Аникею с Данилой глотки у корчмы перерезали.

— За что?! — вытаращил глаза я, потирая саднящую шею.

Ликон не ответил, задумчиво теребя бороду. Всё! И этот заглотив наживку! Что же вам всем в этом городишке нужно? И каким боком тут я? Понять бы. Ну, ничего. Со временем разберёмся. Главное, чтобы это время у меня было.

— Ладно, — пришел к решению маг. — Лишний с тобой. Живи пока. Позже я с тобой о проклятом городе поподробней поговорю. И имей в виду. Обо всём теперь мне докладывать будешь. Особенно о том, что насчёт тебя отец—наставитель решит. Сделаешь всё как скажу, у тебя всё хорошо будет. Даже в остроги служить не пошлют. Службой при школе останешься. Всё сытым будешь, и башку никто не проломит.

«Ну вот. Всё по канонам жанра!»! — внутренне усмехнулся я. — «Сначала кнут, потом пряник и можно считать, что вербовка прошла успешно. Вот только пряник какой—то уж больно чёрствый. Тоже мне пик карьеры, в младших прислужниках по школе шуршать. А учитывая сложившиеся обстоятельства, это точно не ко мне. Так что извините, мастер. У меня свои планы».

— Конечно, мастер, — попытался изобразить я радость от открывшихся передо мной перспектив. — Сделаю, как скажите!

— Ну, смотри, — Ликон ещё несколько секунд, видимо для убедительности, посверлил меня взглядом и развернулся к двери. — Пошли. Пора уже занятие начинать. Подзадержался я тут с тобой!

Место, где мне предстояло, учиться почти целый год, совсем не впечатляло. Довольно большое грязное помещение с двумя квадратными окнами, было неудобным и имело нежилой вид. Чувствовалось, что ремонтом здесь не занимались очень давно. Во всяком случае, штукатурка на стенах местами осыпалась, обнажив кладку из грубообработанных огромных камней, а деревянный пол при каждом движении жалобно поскрипывал, обещая при случае, непременно проломиться под тяжестью полусотни человек, топтавшихся в ожидании начала занятий. Из мебели: широкое обшарпанное кресло, обитое странной тёмно-зелёной материей, да небольшой деревянный столик, покрытый довольно толстым слоем пыли. Единственным исключением, выглядевшим почти роскошью, в этом убогом зале, были окна. Они из настоящего стекла! Довольно сильно заляпанного и мутного, в паре мест треснувшего, но всё же стекла! По местным меркам, непозволительная роскошь!

— Ты гляди! Никак Вельд! — из толпы будущих магов мне приветливо замахал рукой Марк. — Иди к нам!

Я замаялся. С одной стороны, ни к Марку, ни, тем более, к Лузге, тёплых чувств я не испытывал. С чего бы? Хоть непосредственно во вселении меня к Антипу в подвал они и не участвовали, но руку к этому приложили. Ещё и плату с Гонды, за помощь в транспортировке моей тушки к месту назначения, срубить не забыли. Об том, чтобы предупредить, я вообще молчу! А с другой стороны, они мне ничего и не должны были. В душу не лезли, друзьями не прикидывались, да и в спину сами не били. По местным понятиям, всё честно было! Не враги, а так... нехорошие знакомцы. Руки я им не подам, в помощи не только откажу, а ещё, при случае, и подтолкну, но с кулаками кидаться не буду. Тут все такие — запасных кулаков не напасёшься.

— Да ты прямо заговорённый, какой то! — видя, что я не спешу к ним, мои бывшие спутники подошли сами. — Там в деревне думали, что всё, больше не увидим тебя. Так нет, выбрался как-то, да ещё и сюда к сроку успел попасть! — Лузга криво улыбнулся. Вот и пойми: толи радуется за меня, что успел, толи, наоборот, жалеет! — И тут, после инициации, тебя сам отец-настоятель в ходоки определил. Казалось бы всё! Пропал человек! Ан нет! Ты опять здесь!

— Люди бают, и в городе проклятом побывал! — от души хлопнул по плечу словно лучшего друга Марк. — Казну богатую взял!

Гомон, стоящий в классе при этих словах стих и десятки глаз уставились в нашу сторону.

— Какую казну? Ты чего? — напряжение, почти осязаемо повисшее в воздухе, мне откровенно не понравилось. — Откуда бы ей взяться? Я как с подполья сбежал, что есть духу, в Вилич спешил. К сроку успеть! А ты про проклятый город тут толкуешь. Когда бы мне? Не до баловства было.

Вот ведь! А Никонт мне о секретности какой-то говорил! И дня не прошло, а уже все о моих похождениях знают! Откуда утечка? Никонт или Ликон? Кроме них, никто весточку с той злополучной деревеньки не получал. Скорее всё же Никонт. Просто Ликону обо мне Вимс отписал. А тот с болтуном информацией делиться не стал бы. Не любит он болтунов. До смерти не любит. Кто не верит — Ставра спросите. Он соврать не даст! Значит Никонт? Тоже вроде на болтуна не похож и о секретности печётся. Данилу с Аникеем опять же

быстро уработал. Может наш с ним разговор подслушал кто? Тот же Григорий, например. Гадай теперь!

— Конечно, не был! — приобнял меня с другой стороны Лузга, незаметно пнув при этом Марка по ноге. — Когда тут о корысти думать, коль баллот вот-вот побелеет. Живот бы сберечь!

— Оно вроде и так, — к нам протиснулся высокий разухабистый парень лет двадцати. Карие колючие глаза смотрели холодно, с вызовом, полные губы ощерились в презрительной ухмылке. — А только слух прошёл, что Витольд у Спиридона с Авдеем, камешек мажеский отнял, что ты им за то, чтобы в Вилич пропустили, отдал. И шибко ругался, что эти олухи обыскать тебя не догадались!

— Точно Жихарь! А ещё люди бают, что Аникей с Данилой тоже прибытком хвастались, пока их с перерезанными глотками в канаве не нашли! — высунулся из-за спины задиры шупленький вертлявый паренёк с крупными оспинами на лице, неприязненно косясь в мою сторону.

— Так за то их и убили, Миха! — кивнул Жихарь, не сводя с меня глаз. — Уж шибко сильный камень был! Большую деньгу стоит! Такой где попало, не найдёшь! Вот и думка у меня, други, — повернулся он к нескольким парням, плотной группой расположившимся у него за спиной. — Коль этот ухарь таким богатством повсюду раскидывается, то может и с нами поделится? Небось, не сильно обеднеет!

Одобрительный гул поддержал охотника, делится чужим добром.

— Так что же ты раньше-то делиться, не спешил? — сделал шаг вперёд Лузга, с вызовом прищурившись. — Каждый день харч, что вам из города приносят, трескаете, про остальных не больно вспоминаете! Вот у Марка по ночам брюхо так громко урчит, что спать невозможно!

— Наглые вы — городские! — согласно почесал живот своей лапищей Марк. — И до чужого добра шибко жадные.

— Так-то жратва, — не согласился с доводом Лузги Жихарь. — Про то разговору нет. Её кто достал, тот и съел. Я о деньге речь веду. Видать богатую казну ты за городом прикопал, коли от посылки в ходоки откупиться смог! — повернулся он опять ко мне. — Так часть откопать придётся и на нужды общины сдать!

— И на какую же часть казны ты рассчитываешь? — внешне спокойно поинтересовался я, чувствуя как внутри, закипает злоба. Ишь, какой радетель за интересы общины нашёлся!

— Ты место покажи, а уж мы сами определим, сколько взять! — заржал один из тех, кто стоял за спиной вожака.

— Смотри пупок только не надорви, когда понесёшь! — в руке Лузги появился нож. Рядом, поведя широкими плечами, угрюмо встал Марк. Впрочем, ножи тотчас появились и в руках наших противников. Я крепко сжал кулаки, сместившись влево от Марка. С горечью вспомнился потерянный нож. Кулаками против пера много не намахает! Тем более, что людей за спиной у Жихаря было побольше и ножами они пользоваться явно умели. Обстановку неожиданно разрядил сам Жихарь.

— Не здесь! — резко скомандовал он, останавливая уже изготовившуюся к драке шайку. — Ушлёпок сейчас придёт! — и посмотрев мне в глаза, добавил, недобро прищурившись: — Мы подождём. И потом, не спеша, потолкуем. Ночи тут длинные!

— Вот ведь, гад! — зло прошипел Марк, смотря ему вслед. — Казну ему нашу подавай! Да я скорей ему башку проломлю!

— Не выстоять нам, — с сожалением возразил Лузга. — Их вон с полдесятка будет и все с ножами. А будет нужно, Жихарь и остальных городских соберёт. Он среди них сразу верховодить начал! Знаешь Вельд, — повернулся он ко мне. — Ты как хочешь, а придётся Гонду в долю брать. Ты хоть на него зло и затаил, но иначе нас точно перебьют.

— А с ним, значит, не перебьют? — зло усмехнулся я, удивляясь тому, какая карусель закружилась вокруг несуществующего клада. Теперь понятно, чего Марк с Лузгой так обрадовались, меня увидев. Уже и барыш мысленно промеж себя поделили! Вот интересно, они со мной этой казной делиться собираются или опять кинуть думают?

— С ним не перебьют, — кажется, Лузга даже не заметил моей иронии. — Он же адепт воды, теперича. Нас тут сам отец–наставитель строго предупредил, что если с кем–то из водяных смертоубийство случится, то ослушников найдут и смертью лютой казнят!

— И что все поверили, что найдут? — с недоверием, хмыкнул я.

— Отцы–вершители найдут, — без тени сомнения ответил Марк. — Допросы чинить они умеют. И наказывать тоже. Я слыхивал, тут года три назад одного недошлёпка водяного зарезали. Так жрецы несколько дней всех мытарили, да душу вынимали, но татя таки сыскали! Так потом двое дён такой рёв из пыточной стоял! Так что Гонду городские не тронут. И нас тоже, ежели с ним рядом будем. Да и договариваться он умеет. Язык у него подвешен. Что есть, то есть!

— А почему его здесь нет? — спросил я, размышляя над тем, как поступить дальше.

История с выдуманной казнью грозила мне вполне конкретными неприятностями. Причём, в самое ближайшее время. Да этой же ночью схватят, уволокут куда–нибудь, где потише, и до смерти запытают! И не докажешь этим дурням, что нет у меня ничего! Не поверят, просто! И что делать? Один я не отобьюсь. Это без вариантов. Значит, привлекаем к охране моей тушки Марка с Лузгой! Они в казну уже поверили. Вот пускай и дальше верят! Тем более что закопана казна далеко, почти у самых стен города асуров. Когда мы ещё туда выберемся? Заодно и отомщу этим гадам! Они меня по дороге в Вилич развели? Теперь моя очередь! Долг платежом красен!

— Так у них занятия отдельно будут, в замке князьем! — буркнул, между тем, Марк и завистливо вздохнул: — Свезло Гонде! И учитель у них свой — наособицу! И харч, говорят, получше будет и одёжа потеплее!

— Гонда что! — поковырялся в ухе Лузга и повернулся ко мне: — Близнецов помнишь?

— Ну, помню.

— Вот тебе и ну! — передразнил меня Лузга. — Неждан адептом земли оказался! Во как! Его сразу после инициации в замок княжий забрали! Там, теперича, жить будет! Вот кому свезло, так свезло!

— Сам отец–наставитель его поздравить соизволил! И даже беседой, перед отправкой во дворец, удостоил! — глаза Марка сияли неподдельным восторгом. — С глазу на глаз. Во как!

— А Степан? — решил уточнить я.

— А Степан, как и ты — воздушник! — радостно заржал Марк. — Посмотри на его рожу! До сих пор, как оплётанный ходит!

Я проследил взглядом за пальцем Марка. Близнец, замерев соляным столбом, забился в самый дальний угол помещения. Перекошенное застывшей судорогой лицо, втянутые в голову плечи, остановившийся, ничего не видящий перед собой взгляд. Подкосила Степана удача брата! Под корень подкосила! Я удивлённо покачал головой. Надо же! Похожи так, что

и мать родная не отличит и такая разная судьба.

— Гонда ещё баял, что его господине эконоом, теперича, и от работы по хозяйству освободит! — потеряв интерес к беде Степана, продолжил о своём, наболевшем Марк. — Он в энто время в замке дополнительно заниматься будет!

— А ты что хотел? Водных колдунов мало! Вон! Всего двое из нашей толпы появилось. Их беречь надо! А мы кто? Бурдюки! Что нас беречь? — сплюнул на пол Лузга.

— Это ты правильно сказал, — язвительный голос заставил всех обернуться к двери, возле которой стоял Ликон. Из-за его спины молча, выглядывали два здоровенных мужика с толстыми плетьюми в руках. — Вы никто! Отбросы! Даже ушлёпков из вас толковых не получится! Так что вас жалеть? — маг презрительно окинул взглядом притихшую толпу. — Вот и я вас жалеть не буду. Всё равно сдохните. Кто здесь, кто позже, на стенах крепостных.

Маг неторопливо проследовал к креслу, удобно расположился в нём, молча, покопался в снятой с плеча суме, выставил на стол большую пузатую глиняную бутылку, затем кружку, не спеша наполнил её, выпил и наконец, жестом приказал садиться и нам. Мы кое-как расположились прямо на полу.

— Значит так, — начал Ликон, бухнув кружкой по столу. — Я адепт воздуха третьей ступени Ликон. И на этот год, я для вас первый после Троиц. Кого-то могу поощрить, — маг на мгновение задумался, словно не веря своим словам и с нажимом, будто убеждая самого себя, добавил: — Ну да — могу! И такое изредка бывает! Кого-то наказать. А кого захочу, так и вовсе со свету сживу! — мастер склонил голову на бок, покосившись в мою сторону. — За этот год попытаюсь научить азам магии и вбить в ваши тупые головы хотя бы элементарные заклинания. Кто хоть чему-то научится — хорошо, нет — ну и Лишний с ним! Ему же потом хуже и будет! В конце обучения я проведу испытание и неумехи просто сдохнут! — воздушник окинул класс хищным взглядом, словно уже выбирая будущую жертву. — Когда я говорю — все молчат и внимательно слушают. Перебивший будет наказан. Потом можно задавать вопросы. Не обязательно на них отвечу, — Ликон криво усмехнулся, — но задавать можно. Впрочем, за глупые вопросы буду наказывать тоже. Вот сейчас, — поощрительно улыбнулся маг, — вопросы есть?

Настороженная тишина. Если у кого и были вопросы — задавать их пока никто не спешил.

— Вот и хорошо, — мастер вновь неторопливо набулькал в свою кружку и, сделав крупный глоток, удовлетворено крякнул: — Начнём с азов. Что такое магия? Дело в том, что нас окружают особые магические потоки, которые мы просто не видим. Эти потоки повсюду: в воздухе, воде, земле. Они вокруг нас. И вот преобразование этих скрытых потоков во что-то другое, нужное нам и есть магия.

— Простите мастер, а что такое преобразование? — решился спросить кто-то из толпы.

— Вот неучи, — поморщился маг. — Это превращение, проще говоря. Вот, например, ты, — мастер ткнул крючковатым пальцем в рыжего худенького парнишку сидевшего впереди меня, заставив того вздрогнуть. — Если взять полено и бросить его в огонь, что будет?

— Сгорит оно, — неуверенно ответил тот и тут же поспешно добавил: — Мастер.

— Сгорит, — удовлетворённо согласился маг. — То есть, пройдя через огненную стихию, преобразуется из дерева в золу. То же самое и с магией. Только здесь преобразование происходит не в огне, а внутри человека.

— Как жетак, мастер, — не выдержал сидящий рядом со мной Марк. — Мы чай не

печка. В нас огня нет. Как мы внутри себя можем что-то пре...о...бразо...вать?

— А как ты внутри себя еду в дерьмо преобразовываешь, дурень? — ухмыльнулся Ликон.

Комната взорвалась от смеха.

— Потомственный маг!

— Ну да, с малолетства колдует!

— Ему бы ещё в обратную сторону научиться преобразовывать. Дерьмо в задницу запихал, а изо рта горбушка хлеба полезла!

— Но магические потоки неоднородны, — прервал жестом развеселившихся учеников мастер. — Одни можно использовать для одних целей, другие для других. И вот по принципу, к какой стихии они принадлежат, и появилось четыре основных направления магии: земли, воды, огня и воздуха. Каждая из этих стихий по-своему своеобразна, что и накладывает отпечаток на творимую с её помощью волшбу. Так земля, например, наиболее неподвижная из стихий. Соответственно и заклинания, что создаются с её помощью, будут более медлительны, неторопливы, но зато и более мощны, основательны я бы сказал. Совсем другое дело — воздух. Эта стихия не то, что не плотная. Она даже не осязаемая! И всё время находится в движении. Поэтому хотя заклинания воздуха относительно быстры, но легковесны и слабы. Да и огонь не намного лучше будет. Ничего достаточно серьезного, вы создать попросту не сможете, — маг презрительно окинул притихшую аудиторию взглядом и добавил, будто выплюнул: — И лишь единицы, возможно, через десятилетия упорных трудов смогут добиться немного большего, — воздушник критически посмотрел на нас и резюмировал: — Ну, это вряд ли. Таких тупоголовых болванов мне давно не попадалось!

Мне показалось, что взгляд мага вновь остановился на мне, и я неловко заёрзал.

Чёртов коротышка! Изрядную пакость он мне устроил!

— Первое, чему вам необходимо научиться — это видеть магические потоки и, пожалуй, я слегка поощрю того, у кого сегодня это получится, — Маг скривил губы, явно не веря в такой исход событий. — Попрошу завтра господине эконома такого удальца от хозяйственных работ освободить.

— А как увидеть эти ... ну энергию мажеску, мастер? — сразу оживился Марк.

Приглушённый гул свидетельствовал о том, что другие тоже заинтересовались.

— Нет ничего проще, — хмыкнул маг. — Закройте глаза, сосредоточьтесь и попытайтесь увидеть окружающий вас мир внутренним взором. Пробуйте. Стоит получиться хотя бы один раз и дальше проблем с этим не будет. И советую всем стараться, ибо через седмицу, те, кто так и не сможет увидеть магические волны, после каждого занятия будут получать плетей, — Ликон задумчиво пробарабанил пальцами по креслу и уточнил: — Думаю, это значительно ускорит обучение.

После этих слов всё затихло. Каждый старательно пытался заглянуть внутрь себя. Скользнул в мир магии и я. Труда это не составило и окружающее пространство вновь опуталось многочисленными сгустками и линиями. Толик правильно сказал, что научившись этому хотя бы раз, уже не разучишься. Это как на велосипеде кататься учиться. Если уж поехал, поймав равновесие, то и дальше проблем не будет. В тишине прошло примерно с полчаса. Некоторые продолжали прилежно морщить лоб, изображая мыслительные потуги, кто-то откровенно бросил, терпеливо ожидая конца занятий. Маг, периодически прикладываясь к кружке, издевательски усмехался в бороду. Я скептически кривился. Что тут говорить. Видимо методы обучения айхи и впрямь будут значительно

эффективнее. Вот только цена... Наконец, бутылка у Ликона опустела, что, очевидно, и послужило сигналом к окончанию занятий.

— Достаточно, — небрежно взмахнул он рукой. — Если до сих пор не получилось, то сегодня уже и не получится ни у кого.

— У меня получилось, мастер! — поднялся юноша, которого я выдел в свите Жихаря. — Умаялся весь, пока разглядел, — он тяжело вздохнул и вытер со лба несуществующий пот.

— Нет! Я первым увидел! — вскинулся рядом со мной Лузга, с ненавистью поглядев на соперника.

— И что же ты увидел? — брови мага иронически изогнулись. На Лузгу он похоже и внимания не обратил.

— Ну, эта... — слегка замялся парень. — Потоки эти, значитса, магические. Много их, ага...

— Вот гад! — со злостью прошипел рядом Лузга. — Опредил! Докажи теперь, что он не видел ничего!

— Это хорошо, — одобрительно, почти ласково кивнул везунчику Ликон. — Хотя один талант среди этих бездарей нашёлся. Как твоё имя?

— Микула я, сын скорняка Любима, — слегка побледнев, ответил парень. Видимо что-то почувствовал в голосе мага, нехорошее для себя.

— Ну, раз ты смог уже один раз взглянуть за грань изнанки, то во второй раз тебе это труда не составит, ведь так Микула? — с нажимом, но всё так же задушевно поинтересовался воздушник.

— Наверное, — неуверенно пролепетал Микула. — Хотя сил на это у меня много ушло. Может и не получится, так сразу.

— Ну, нет, — покачал головой маг. — Второй раз это без труда происходит. Я уверен, что у тебя получится. Так вот. Войди в изнанку ещё раз и смотри на меня.

Ликон выставил перед собой руку. Быстро скользнув в мир изнанки, я увидел, как рука мага всосала в себя большую голубую спиральку из воздуха.

— Так что ты увидел? — неподдельно заинтересовался Ликон, доброжелательно разглядывая Микулу.

— У меня во второй раз не получилось, мастер, — окончательно побледнев, залепетал Микула. — Помутилось всё перед глазами.

— Нет. Это в голове у тебя помутилось, коль набрался наглости мне лгать! — покачал укоризненно головой воздушник. — Но это поправимо. Думаю, десяток плетей весь туман из неё живо выбьет.

Двое служек, неподвижно стоявших всё это время возле стены, резво подошли в Микуле и, не разбирая куда бить, обрушили на несчастного свои плети. В один миг вокруг неудачника образовалось пустое пространство. В наступившей тишине крики несчастного и свист плетей слышались особенно чётко. Эзекуция завершилась так же внезапно, как и началась. И вот уже служки вновь расположились возле стены, а Микула остался один, рыдая и прижимая к груди окровавленные руки.

— В следующий раз ты хорошо подумаешь, прежде чем солгать, — по-отечески пожурил его маг и перевёл взгляд на нас: — Но я слышал тут он не один такой. Кто же у нас другой такой глазастый?

Лузга, рядом со мной, ссутулился, втянув голову в плечи.

— Пусть уж лучше сам откликнется, — с притворным огорчением покачал головой

Ликон. — Или всем по паре плетей сейчас влетит. На него быстро покажут.

— Это я был, мастер, — опередил я, уже начавшего было подниматься, Лузгу.

В его глазах мелькнуло удивление. Вот-вот. Пусть проникнется. Выручаю я его сейчас здорово. Вон Микула до сих пор подвывает. Может когда и оплатит добром на добро. Хотя верится в это, конечно, с трудом. Пообтесался я всё же немного здесь за последнее время и в светлые чувства кого бы то ни было, уже не поверю. Да и откликнулся я сейчас тоже не из-за сострадания к ближнему своему. Просто держусь я в этой школе на одной тонюсенькой ниточке — интересе к проклятому городу местного руководства. Выведают они у меня всё, что я знаю и всё: больше я им буду не нужен. И хорошо если потом здесь оставят. Могут и опять в ходики отдать. С них станется. Вот и пускай увидят, что к магии у меня тоже кое-какой талант есть. Хоть какая-то польза от пакостного коротышки будет.

— Что, тоже плетей захотел? — неприкрыто усмехнулся Ликон. — Или надеешься, что я тебя пощажу? Если так, то зря!

Воздушник бросил косой взгляд в сторону служек и те стремительно направились ко мне.

— Вы в палец ниточку втянули, мастер, — поспешно заорал я, закрывая руками голову. — Голубую!

— Стойте! — окрик мага прозвучал как нельзя вовремя, остановив уже занесённые над моей головой плети. — Иди сюда, — на этот раз он уже обращался ко мне.

Отряхнувшись и опасливо посмотрев в сторону вновь отошедших к стене служек, я подошёл к Ликону. Тот некоторое время внимательно, словно какую-то диковинку, разглядывал меня, обдавая сильным перегаром. Затем, подняв руку ладонью вверх, требовательно спросил: — Что видишь?

— Туман какой-то зелёного цвета над ладонью клубится, — ответил я, вновь взглянув в изнанку. — И в нём искорки непонятные мелькают.

— Странно, — задумчиво почесал маг свою бородку. — Вроде полный бездарь, а за изнанку почти сразу заглянул. Правда проку от этого немного. Может хоть бурдюк приличный получится? — воздушник икнул и, барственно кивнув мне, продолжил: — Ступай. Я скажу господине эконому о тебе, — и добавил, со значением заглянув мне в глаза. — Я свои обещания выполняю. Всегда!

«Ага. Верю. Сам такой». — Мысленно хмыкнул я, возвращаясь под завистливыми взглядами обратно. — «С крыльями и весь в белом. Прямо как Басков»!

* * *

Через седмицу входить в изнанку умели почти все. И вряд ли это было большой заслугой преподавательского искусства Ликона. Воздушник вообще к обучению относился довольно прохладно, мотивировав это словами. «Азам обучу и ладно. Дальше уж сами, если желание будет». Единственное, что он делал старательно, так это проверял проявившиеся способности у очередного ученика и вычеркивал его имя из имеющегося у него списка. К концу отпущенного срока не вычеркнуто оказалось лишь два человека и, класс вновь погрузился в свист плетей и крики истязаемых.

— Это хорошее средство заставить стараться нерадивых, — одобрительно кивал вслед воплям Ликон. — Ну, а если не научитесь, то так под плетьюми и сдохните. Невелика потеря!

Меня всю эту неделю, как не странно, никто не трогал. Словно судьба наконец-то решила дать передышку. Не было вызовов к отцу-наставителю, которого я за это время даже не увидел ни разу, не лез с расспросами пьяный маг, лишь иногда многозначительно посматривая в мою сторону, затаились, почему-то городские, демонстративно меня не замечая. Жизнь вошла в колею монотонности и однообразия. Ранний подъём и завтрак, состоящий из травяного отвара, заменявшего здесь чай и куска чёрствого хлеба. Затем несколько часов изнурительной работы, на благо процветания города и княжества, как любил твердить до судорог всеми ненавидимый толстый господине экономе, пара часов отдыха, вновь работа, занятия и, наконец, ужин. Обедая нам, увы, не полагалось. И как завершение длинного дня, короткий глубокий сон в тесных душных каморках, больше похожих на камеры. Единственным происшествием, собственно говоря, была встреча с Гондой и обсуждение якобы спрятанного мною клада.

С него, впрочем, всё и началось. Довольно быстро смолотив всю ту же неизменную кашу, мы пошли в занимаемую моими земляками каморку. То, что я буду с ними жить, Марком и Лузгой даже под сомнение не ставилось. Ключ от сундучка с деньгами всегда надо рядом с собой держать. Но я и не возражал. Перспектива встретится с Жихарем и его компанией в одиночку, совсем не вдохновляла.

— Что встал? Проходи! — радушно махнул мне рукой Марк, уже развалившись на набитом соломой матрасе. — Тесновато, конечно, вчетвером будет, но я слышал, если эконому гостинец потихонечку дать, он может и каморку получше подыскать и пожевать, что посущественнее, принести, — заговорщески подмигнул он мне. — Вот тогда как яры заживём! Красота!

— Если он узнает, что у нас деньги есть, то всё отберёт. Ещё и по шее надаёт! — отбрил друга Лузга. — Да и камешки магические так просто на денежку не обменяешь. Нужно знать к кому, и главное как, подойти. Сам же слышал, что привратникам тутошним за такой камушек горло перерезали! А они местные! К кому обратиться знали! Тут с умом действовать нужно. Вот Гонда вернётся — придумает что-нибудь. Он ушлый!

— Тут такое дело, — переминался с ноги, я скорчил огорчённую физиономию. — Не получится нам камушки из казны взять.

— И почему я не удивлён? — Лузга был подозрительно спокоен.

— Чему ты не удивлён? — Марка с его импровизированного ложа как ветром снесло. — А я вот удивлён! Как за нашими спинами от городских прятаться, так казна у него есть, а как надобность в защите отпала, так и казна сразу испарилась куда-то!

— Ну не так уж и отпала. — Прищурившись, заметил Лузга. — Жихарь со своими подручниками никуда не делся и про казну вряд ли забудет. Не тот это человек. А не удивлен я потому, что ждал чего-то такого. Ну что делиться он с нами, не захочет!

— Я делиться не отказываюсь! — я постарался добавить в голос как можно больше возмущения и обиды. — Казна богатая! Всем с избытком хватит! Вот только нести с собой в Вилич такое богатство я побоялся! взял с собой часть малую, а остальное неподалёку от проклятого города прикопал. Далече отсюда будет. Одним днём не обернуться.

— А с собой лишь два камешка, значит, взял?! — яростно схватил меня за грудки Марк. — Быть такого не может!

Рядом мрачно навис сумрачный Лузга.

— Отчего же. Не два, — я с трудом подавил желание, как следует врезать Марку. Нельзя мне из образа, пока, выходить. — Ещё с десятков я возле Вилича спрятал. Вот только об этом месте отцу–наставителю рассказать пришлось. Тем от посылки в ходоки и спасся!

— Да кто же в одном месте все камни прячет! — с ненавистью выдохнул мне в лицо Марк. — Лжёшь ты всё! Сказывай, куда вторую часть тех камешков, что до Вилича донёс, прикопал!

— Ты лапы свои убери, — всё же не сдержавшись, потянулся я к рубашке Марка. — А то я тебя сейчас самого тут прикопаю!

— А знаешь. Я ему, пожалуй, поверю, — тихий насмешливый голос, остановил, уже начавшуюся было драку. — Отдать мажески камни стражникам на воротах, а остальное жрецу — это только наш общий друг может! Как был ушибленный на всю голову, так и остался!

Развернувшись, я встретился с насмешливым взглядом Гонты. И тут меня накрыло. Рывком, вырвавшись из цепких лап Марка, я врезал Гонде по морде, вложив в удар всю, успевшую накопиться во мне, злость. И тут же, кинувшись следом за упавшим, яростно вцепился ему в горло. Набатным колоколом билась всего одна мысль: «Убить! Убить гада»!

В себя я пришёл уже на полу, в углу так гостеприимно приютившей меня каморки. Сверху, навалившись неподъёмной тушей, прижимая к полу, сидел Марк. Рядом ухмылялся во весь рот Лузга, с готовностью сжимая в руках небольшую деревянную чашу.

— Ну что, ещё водички плеснуть или охолонул уже? — ехидно поинтересовался он. — А то мне не жалко. Тут колодец под боком. Воды много!

— Пусти, — глухо попросил я Марка. — Успокоился я. Не буду больше в драку лезть.

— Ты–то может, и не будешь, а вот мы пока ещё не решили, — передо мной появился Гонда, зажимая разбитую губу. В глазах плескалась весёлая злость. — Держи! — я уже начал подниматься, когда резкий удар отправил меня вновь на пол. — Я привык должок сразу отдавать! Да ещё с довеском! — удар ногой больно отозвался в рёбрах. Что характерно, Гонду в отличие от меня, Лузга и Марк оттаскивать не стали. Сволочи!

— Ну, так что? Дальше без мордобоя поговорим или нам тебя уже втроём как следует отметелить? — Гонда нагнувшись, выразительно посмотрел на меня. — Поверь, нам не трудно!

— Охотно верю! — зло сплюнул я кровь на пол. Ненависть лилась через край, лишая даже чувства самосохранения. — Только тогда и ты мне поверь! Лучше до смерти добивайте! Или я вас поодиночке подкараулю и убью! А там будь что будет!

— Ну и дурак, — пожал плечами мой недруг. — Ничего хорошего тогда не будет. Причём как раз для тебя. Поэтому предлагаю продолжить разговор без драки. Сдачи я тебе уже дал, а больше у меня к тебе претензий нет.

— Зато у меня есть! — я, кряхтя, уселся, прислонившись спиной к шершавой стене. — Я тебе твоё предательство в деревне вовек не забуду!

— Какое предательство? — покачал головой Гонда. — Опять ты за своё? Ты что мне родич? Ты мне даже не односельчанин, то есть никто! А если к тому же и дурак, то сам Лишний велел этим воспользоваться. И плохого в этом ничего нет. Вон и Лузга с Марком со мной в этом согласны. Даже помогли немного.

— Ага, — радостно оскалился верзила. — Ты Вельд сам виноват. Доверчив больно. А нам что же, мимо рта шмат сала с хлебом проносить? Нам теперь за тебя каждый месяц харч привозить из деревни будут!

— Уже не будут, — спокойно возразил Марку Гонда.

— Чего это? Мы же ряд заключили!

— Так он—то здесь, — кивок в мою сторону. — Значитса, не сладилось что—то у дядьки Антипа! Чего же деревенским теперь за зря ради нас стараться? Что там произошло то хоть? — спросил он меня. — Не мог Антип тебя просто так отпустить!

— Степняки там произошли! — злорадно ответил я. — В гости, на огонёк заглянули! И нет больше дядьки Антипа, — заглянул я в глаза Гонде. — Вышел весь!

— Понятно, — задумчиво кивнул в ответ мне Гонда, нисколько не огорчившись. — Вот всё же везучий ты. Страсть как везучий!

— Тебе бы моё везение! — отпарировал я, вспомнив про посмертное проклятие и остальные пакости Толика. — Мало бы не показалось!

— Не, — засмеялся тот в ответ. — Мне и своей удачи хватает! Так говоришь, что нет у тебя казны прикопанной близ Вилича?

— Нет. Раздал всё.

— Так зачем же ты камешек городской страже отдавал?

— Так ворота они уже закрыли. Внутрь попасть торопился, пока сигма не побелела!

— Так и прождал бы до утра, — посмотрев на меня, как на несмышлёныша, покачал головой Гонда. — Утром, вместе с народом и зашёл бы. Шею только чем—нибудь обернул. А здесь писарю, что при школе состоит, один камешек и сунул. Он бы и в списки тебя внёс и не проболтался никому. А отец—наставитель даже и не узнал про то. Местные чинуши взятки брать обучены. Так оно вернее было бы! И про казну никто не прознал и на инициации, тот же писарь за тебя бы заступился! Ещё в один камушек его заступа и обошлаь всего, а не в десяток, как со жрецом. И как ещё стражники на воротах тебя не обыскали, ума не приложу!

— У них спор зашёл: успею я добежать, пока сигма не побелеет или нет, — хмуро ответил я. — Вот один из них меня поскорее и впустил.

— Дурачье! — презрительно сплюнул Лузга. — Пospорили на кружку вара да кусок свинины, а камешек мажеский прозевали!

— Дурачье и есть, — согласился с ним Гонда. — А тебе вновь повезло, — покачал он головой. — Был бы среди них, хоть один поумней; и кристаллы бы все отобрали, и самого от греха прибили.

— За что прибили бы то?! — я возмутился уже из чистого нежелания во всём соглашаться со своим врагом.

— А чтоб слух о камешках не пошёл, — невозмутимо пожал плечами Гонда. — Вот отпустили тебя и все об этом уже знают. И камушек этот у них отобрали. Ещё и по шее надавали!

— Точно, точно! — согласно кивнул Марк. — Это они тебя сгоряча отпустили, а опосля, поразмыслив, наверняка о том пожалели. А может, и нет, — Верзила сладко потянулся и вновь вытянулся на своем ложе. — Может у них от безделья совсем мозги заплыли. Кто же их знает!

— Мы бы ещё и костерок за стеной разложили. Тебя толком поспрашивать, — совершенно не смутившись, признался Гонда. — Тут бы и казна, что ты отцу—наставителю отдал, нашлась.

— А если бы казны у меня совсем не было? — не выдержав цинизма Гонды, ехидно поинтересовался я.

— Нет, значит, нет, — невозмутимо пожал плечами тот. — Тебе же хуже было бы. К

утру бы мы это точно узнали.

Мне неожиданно стало просто жутко. А что, эти не пожалеют. Вот что им сейчас мешает накинуться на меня втроём, связать и утащить куда-нибудь поглубже в подземелье, а там и начать жилы потихоньку тянуть, не спеша. Подземелье тут, по слухам, огромное, нехоженое. Никто там меня не найдёт. Так чего ждут? Может, пока спать лягу? Сонного вязать не в пример проще будет, да и шуму меньше. Сам того не замечая, я стал машинально пятиться к выходу.

Впрочем, для троих моих «друзей» этот манёвр незамеченным не оказался. Марк, чему-то радуясь, мне весело подмигнул, Гонда укоризненно покачал головой, Лузга, презрительно фыркнув, стал демонстративно укладываться рядом с Марком.

— Ну и куда ты собрался? — с неподдельным участием поинтересовался Гонда. — Историю о том, как ты где-то за городом богатейшую казну припрятал, уже вся школа знает. И от желающих с тобой обстоятельно побеседовать отбою не будет. Только выйди отсюда и всё, что ты себе сейчас напридумывал, они тебе с удовольствием и продемонстрируют. Да ещё что-нибудь от себя добавят! Так что единственное безопасное место в школе для тебя здесь, рядом с нами.

— Им Жихарь со своей ватагой сегодня уже очень сильно интересовался. — наябедничал Лузга. — Насилу отвязался.

— Можно подумать вы чем-то лучше, — горько усмехнулся я, но движение к выходу прекратил.

— Не лучше, — не стал спорить со мной Гонда. — Просто мне тех камешков, что ты припрятал, всё равно маловато будет. Что там тех камней? Поэтому у меня к тебе есть предложение. Если согласишься, то чем Лишний не шутит, может и доживёшь до конца обучения. Во всяком случае, мы с парнями все, что сможем, для этого сделаем. И спину прикроем, и приглядим и от других, если потребуется, защитим.

— Щедро! — хмыкнул я, переминаясь с ноги на ногу. — Боюсь только спросить, во что мне данные услуги обойдутся? Коль ты от камушков отказываешься.

— Да нет, — ласково улыбнулся мне прохиндей. — Ту казну мы, конечно, поделим. Потом. Не это главное, — Гонда выглянул за дверь, плотно её прикрыл и, сузив глаза, шёпотом добавил: — Сразу после окончания учебы, ты отведёшь нас в проклятый город.

* * *

Дождавшись конца экзекуции над двумя несчастными, так и не научившимися открывать в себе внутреннее зрение, Ликон презрительно сплюнув, проворчал:

— Ну что же, магические потоки вы все видите. Пришла пора научиться впитывать эти потоки в себя. Любое заклинание — это, прежде всего, даже не формула, а количество энергии потраченной на него. Магическая энергия — это тот поводок, что сдерживает мастерство мага. Вы можете выучить формулу могущественного заклинания, но если не накопите достаточно энергии для его воплощения, ваше заклятие схлопнется безобидным хлопком, коим местные шарлатаны веселят на праздники народ. Впрочем, — старый маг хищно ухмыльнулся. — Для неудачника, не рассчитавшего свои силы, этот хлопок

безобидным не будет! Нерастроченная энергия вернётся назад и выжжет всё на своем пути, — Ликон обвёл взглядом притихшую аудиторию и, сладострастно улыбнувшись, поведал: — В молодости я выдел одного адепта огня возомнившего себя настолько могущественным, что он замахнулся на заклинание огненной стены. Увы, — пожилой маг сокрушённо покачал головой. — Он немного не рассчитал свои силы.

— И что с ним случилось, мастер? — выразил всеобщий интерес Жихарь.

— Энергия огня разорвала его тело так, что потом обгорелые куски по всей округе собирали. Но это редкий случай. Слишком с большим объёмом энергии играл данный адепт. Чаще маги огня просто выгорают изнутри, превращаясь в высохшие мумии, а маги воздуха наоборот раздуваются как бочки, истекая кровью из-за лопнувших сосудов. Вывод прост. Каждый из вас должен не только уметь накапливать в себе магическую энергию, но и знать свой потолок. Тот максимум энергии, который он в состоянии накопить и, соответственно, пользоваться только теми заклинаниями, на которые у него хватит силы!

— Мастер. А почему тот маг просто не скинул накопившуюся энергию обратно, наружу, — заинтересовался я, вспомнив свой опыт с отменой заклинания. И тут же понял, что сболтнул лишнего.

Старый маг развернулся в мою сторону как гончая, напавшая на след дикого кабана.

— А ты откуда знаешь, что такое возможно? — требовательно уставился он на меня.

— Ну, — лихорадочно стал я подыскивать правдоподобное объяснение, кляня себя, на чём свет стоит за длинный язык. Не про Толика же ему рассказывать! — Мне Вимс рассказал, когда мы с ним в подполье сидели.

Ликон с минуту помолчал, что-то соображая про себя.

— Старина Вимс рассказал тебе не всё, — воздушник сморщился так, словно глотнул изрядную порцию уксуса. — Энергию нельзя накопить мгновенно. Чем больше ты хочешь её в себя собрать, тем больше у тебя уходит на это времени. Соответственно невозможно её и мгновенно сбросить обратно. Тоже нужно время. А выброс энергии, в случае отказа от заклинания, происходит очень быстро и полностью сбросить её всю, ты не успеешь никогда. Часть всегда останется в тебе и взорвётся. Если заклинание слабое — это не страшно. Будет всего лишь больно. Но чем больше энергии вы накопите, тем сильнее будет наказание за его отказ, вплоть до уже описанного мною случая.

Класс замер, впечатленный открывшимися перед ним перспективами. Сгореть изнутри заживо не хотелось никому.

— А сбросить эту энергию не обратно в её стихию, а в её антипод не пробовали, бездари?

Знакомый ехидный голос заставил меня повернуться в сторону двери. Там, возле стены, положив свою иллюзорную лапу на плечо ничего не подозревающего служки, на меня весело взирал Толик.

Я тяжело вздохнул. Неугомонный айхи изрядно действовал на нервы. Появлялся, когда ему взбредёт в голову, лез с непрошеными советами, так же внезапно исчезал. И никакой возможности приструнить эту тварь, у меня не было. Надеялся в школьной библиотеке покопаться, в старых книгах управу на айхи поискать. Так нет тут библиотеки. Книги по магии редки. А те, что есть, точно не для недошлёпков берегут.

— Теперь понятно, почему вы только искорки в небо пускать можете! Это же основы магии! — продолжил бушевать, между тем, коротышка. — Нужно срочно сбросить, предположим, энергию огня, обратись к его противоположности — воде! Она его быстро

поглотит!

Я тактично промолчал, понимая, что любой мой ответ может быть неадекватно воспринят окружающими. Меня и так тут, откровенно говоря, почти все не любили. Ещё сумасшедшим прослыть не хватало!

— Мастер, а как узнать, — Марк запнулся, подыскивая нужные слова. — Ну... Это... Что у меня хватит сил на заклинание или нет.

— Никак, — зловеще улыбнулся Ликон, наблюдая за нашими вытянувшимися лицами. — В этом то и лежит корень проблем каждого адепта. В принятии решения. В том, как далеко готов зайти любой из вас, в развитии своего могущества. Готовы ли вы, удовлетворится немногим, и пользоваться лишь несложными слабенькими заклинаниями или рискнёте пойти дальше, изучая всё более могущественные формулы. И в какой момент, вы всё же остановитесь? Или не успеете остановиться?

Я покосился в сторону коротышки, ожидая его комментария на это неутешительное известие и, на этот раз, наткнулся на кивающую в согласии мордочку. Печально! А я так надеялся, что и тут у мехового найдётся какой-нибудь альтернативный способ избежать риска. Но видно не судьба.

— Да ну его! — испуганно фыркнули у меня за спиной. — Больно надо так рисковать! Пусть я буду совсем слабым магом, зато проживу подольше!

— А вот этого я тебе как раз и не обещаю, — хищно оскалился Ликон. — Слабые маги становятся бурдюками и тоже долго не живут.

— А почему, мастер? — приподнялся Марк. Его, как моего собрата по магии воздуха, этот вопрос сильно интересовал.

— Порой требуется сотворить заклинание, на которое не хватит энергии даже у самого сильного мага воды или даже земли! Но нам известно заклинание переноса. По нему этот маг может не только накапливать свою энергию, но и качать её из других адептов, тем самым увеличивая свой потенциал.

— И что тут плохого? — удивился, пожав плечами Марк. — Ну, получит он нашу энергию. Нам то что?

— Да, в общем, ничего, — согласно кивнул в ответ маг. — Если ему хватит своей и вашей энергии, то вы отделаетесь всего лишь жуткой болью во время ритуала. А вот если энергии на заклинание не будет хватать, то маг начнёт её черпать непосредственно изнутри вас самих, выжимая досуха, — снизив голос до зловещего шёпота, Ликон добавил: — Не самая приятная смерть. Уж лучше взрыв энергии. Там хоть всё быстро происходит.

— Будто нельзя эту связь разорвать! — фыркнул в раздражении коротышка и, подойдя ко мне, категорично заявил: — Я так скажу. Убогая у вас какая-то магия! Фиглярство одно!

— Не мешай, — сквозь зубы процедил я прохиндею. — Не видишь, я слушаю!

— Да я вроде и не мешаю, — недоумённо повернулся ко мне Лузга.

Лицо у него побледнело, глаза воспалёно блестели. Очевидно, мрачные перспективы нарисованные магом проняли и его. Толик тут же скорчив смешную рожицу, показал Лузге язык. То, что его кривляний не видят, похоже, настроения ему совсем не портит.

— Да я не тебе, — отмахнулся я от Лузги. — Не обращай внимания.

Тот, пожав плечами, вновь повернулся к учителю.

— Но это всё будет не скоро, — продолжал между тем вещать маг. — Да и не каждый до этого момента доживёт. Сейчас же ваша задача научиться накапливать энергию и затем сбрасывать её. При некотором старании научиться этому не трудно! Нужно лишь найти

внутренним взглядом одну из магических линий. Протяните к ней руку и представьте, что втягиваете её в себя.

Класс погрузился в тишину. С закрытыми глазами, лесом вытянутых рук, со стороны мы, наверное, были похожи на членов религиозной секты, застывшей в экстазе во время своей молитвы. Вдруг Жихарь громко вскрикнул и, болезненно скривившись, отдернул руку.

— Надо же, — удивлённо хмыкнул маг. — Похоже, у кого-то уже получилось. Слишком быстро для таких остолопов. Не ожидал.

Остальные, забыв о своих попытках, уставились на неверяще заулыбавшегося счастливчика.

— А почему так больно, мастер? — с несвойственной ему робостью, поинтересовался Жихарь.

— Магическая энергия — штука малоприятная, — пожал плечами тот. — И если хочешь знать, это ещё не боль. Чем больше энергии ты будешь в себя вбирать, тем больнее будет. Магия — это вечное преодоление боли. Привыкайте к ней.

— Кого тут Вельдом кличут?

Все дружно оглянулись в сторону двери. Возле неё, поглядывая во все стороны, переминался с ноги на ногу, храмовой служка.

— Я Вельд, — поднимаясь, я почувствовал на себе несколько десятков глаз.

— Пошли. Отец Никонт зовёт.

Тяжело вздохнув, я поспешил за даже не посмотревшим в мою сторону служкой. На душе стало тревожно. Похоже, спокойная жизнь для меня в этой школе подошла к концу.

Никонт что-то увлечённо писал. Я уже по несколько раз успел оглядеть незатейливый интерьер и убранство жилища жреца, а тот всё продолжал сноровисто водить толстым пером по пергаменту, совершенно не замечая моего присутствия.

«Ты смотри — какой занятый», — невесело усмехнулся я своим мыслям. — «Весь в трудах и заботах. Голову поднять некогда! А тут какая-то незначительная букашка отвлекать смеет! И ведь, на что угодно спорить могу — только перед моим приходом за перо схватился! На психику хочет надавить, сволочь! Чтобы ничтожный недошлёпок ещё раз прочувствовал, какой чести удостоился! Проникся, так сказать! Да был бы он сильно занят, не стал бы меня с занятий дёргать. Куда я денусь то? В любое время позвать можно. И что примечательно, любой из моих соучеников и проникся бы! Ну как же! Сам отец-наставитель своим вниманием удостоить соизволил! Главная жаба в местном болоте! Я, по ихней логике, уже стоя здесь, на седьмом небе от счастья прыгать должен!»

— Ты уже здесь? — наконец соизволил заметить моё присутствие Никонт.

— Да придут с тобой Трое, всеблагой отец, — поклонился я. Вообще-то, я уже поздоровался, когда сюда вошёл, но этот старый хрыч даже головы в ответ поднять не соизволил. Так что второй раз лишним не будет. Не переломлюсь.

— Я получил сегодня вести из деревни, — прошамкал губами отец-наставитель, не ответив и на моё второе приветствие. — Ты действительно не мог успеть к сроку иначе, кроме как пройдя через город асуров... Занятно.

Старый жрец задумался, машинально постукивая пером по столу. Я, молча, ждал. Прерывать размышления отца-наставителя мне было, пока, увы, не по статусу.

— То, что в прошлый раз мне про проклятый город сказывал, всё правда ли? — сунув перо в чернильницу, Никонт сплёл пальцы в замок. — Не было ли в твоих словах лжи, отрок?

— Всё как было обсказал, всеблагой отец. Разве я посмел бы солгать?

Я насторожился. Понять бы ещё, куда зловредный старикан клонит. Интерес у него к древнему городу асуров несомненный, раз проверкой моих слов озаботился. Понять бы ещё какой. Что может быть там такого ценного, что сразу смогло заинтересовать и мага, и шамана, и жреца? Гонду в расчёт не берём. С ним-то как раз всё ясно. Надеется, что я его по окраинам города пропаровожу, и он без лишнего риска за моей спиной кристаллов побольше нахапает. Ну, пускай надеется! Вот уж перед кем, я своё обещание выполнять не собираюсь! Но тут-то ставки явно покрупней будут. Достаточно глаза шамана вспомнить! Этот на камешки размениваться не будет! Серьёзный дядечка!

— Как бишь того мага кличут. Во дворец которого ты попал?

— Инсор, всеблагой отец.

— Людишек моих туда провести сможешь? — Никонт приподнялся в кресле словно гончая вставшая на след зверя.

Ну вот! Этого и следовало ожидать! Я даже зубами заскрипел с досады! Возвращаться в проклятый город?! Да мне и первой прогулки за глаза хватило! Еле ноги унёс! А второго посещения я точно не переживу!

— Не дойдём мы туда, всеблагой отец! Я и в первый раз чудом через пелену проскочил. А в обход нельзя. Каких только тварей там нет!

— Те твари, не твоя забота, — снисходительно усмехнулся отец–наставитель. — Люди с тобой пойдут опытные, бывалые. И маги среди них будут в княжестве не последние! Ты им главное дорогу покажи, да где какие твари таятся — разъясни. Дорогу то хорошо запомнил?

— Да, всеблагой отец. Забудешь тут, — мрачно ответил я, уже понимая, что от возвращения в город асуров, похоже, отвертеться не получится. — Только...

— Вот и хорошо, — с нажимом произнёс Никонт и, встав, не спеша подошёл ко мне. — Соберу людишек — проведёшь их во дворец. То дело решённое. Ну а дальше, не твоя забота. Сделаешь всё как надо — вознагражу. Оставлю служкой при школе. А нет... — договаривать отец–настоятель не стал. Да и зачем? И так всё понятно. На нет и меня тоже нет.

— Я понял, всеблагой отец, — тяжело вздохнул я, думая о том, что, похоже, в глазах местных воротил должность служки при школе была для меня пределом карьерных мечтаний.

— Тогда можешь идти, — отец–наставитель вернувшись за стол, снова уткнулся в свои бумаги. — Языком только об этом не болтай! Если что, ты и немой дорогу показать сможешь!

* * *

— И чего он от тебя хотел? — покинув апартаменты жреца, я сразу наткнулся на Толика.

— А ты чего сам туда не проник? Раз так интересно? — фыркнул я в ответ довольно резко. Перспектива возвращения в город асуров настроения не прибавляла.

— Да разве ж можно? — непритворно удивился коротышка. — У вас там разговор тайный, без догляду. Меня ты с собой не позвал. Куда же я полезу?

— Можно подумать, тебя это когда–то останавливало, — я постарался вложить в свои слова как можно больше сарказма. — И с чего ты взял, что разговор тайный был? Соскучился просто по мне отец–настоятель. Варом угощал, да беседы душевные вёл.

— А чтобы никто вам бражничать не мешал, Никонт полог отрицания активировал! — весело заржав, согласился со мной айхи. — Хороший такой камешек! Полезный очень! — доверительно склонился ко мне меховой. — Даже я ничего подслушать не смог. А уж Григорий! Извёлся весь!

— Он тоже пытался подслушивать? — я на секунду задумался, чьими ушами при Никонте работал Григорий, но затем мысленно махнул на это рукой. А мне не всё равно? Тут каждый второй чей–нибудь стукач и наушник!

— Пытался! — Толик скорчил забавную рожицу. — А потом сильно расстроился и убёг куда–то! Так зачем тебя жрец звал? Расскажи! Может я тебе совет дельный дам.

Я с сомнением посмотрел на Толика. Стоило ли посвящать его в курс дела? Доверия к айхи у меня не было. При случае сразу предаст или какую–нибудь пакость подстроит! С другой стороны, возможности у него ограничены. После инициации только зубоскалить и может! Да и рассказать об услышанном, коротышка в виду отсутствия собеседника, вряд ли кому сумеет. А вот совет какой может и даст. В чём я могу быть точно уверенным в отношении духа, так это в том, что возвращаться в проклятый город он ещё больше меня не

хочет! За ту неделю, что я в школе прожил, Толик, наверняка, всё что можно здесь облазил, и про всех, всё, что даже нельзя узнать, узнал. И теперь в местных раскладах намного лучше чем я разбирается. Может и придумает что-нибудь.

— Слух до жреца дошёл про казну, будто бы мною под Виличем спрятанную, — подавив соблазн, я всё же решил правду Толику не говорить. От греха. Даже если айхи и даст совет, пять раз подумаешь, прежде чем им воспользоваться. Запросто, в его идее двойное, а то и тройное дно окажется. Да и дополнительной информацией снабжать эту тварь тоже не дело! Не угадаешь, в какой момент аукнуться может! — Вот и пытал отец Никонт о том, куда я его прикопал. Насилу отбрехался!

— Отбрехался, значит, — в голосе коротышки засквозили неприкрытые нотки иронии. — До чего же доверчивые жрецы теперича пошли! Вот бы мне таких в хозяева!

— Не хочешь — не верь, — безразлично передёрнул я плечами. — Я тебя своим наперником пока ещё не сделал.

Здание школы (как уже говорилось) представляло собой огромный обветшавший от времени особняк, выстроенный в форме сильно вытянутого кольца с площадью посередине. И если административный корпус, где обитал отец-наставитель и прочая чиновничья братия, располагался на одном конце этого своеобразного эллипса, то жилой корпус, где обитали ученики, находился в противоположном. Видимо для того, чтобы грязные недошлёпки отцу-наставителю на глаза поменьше попадались! Поэтому вернуться обратно я мог двумя путями, по огибающим площадь полутёмным галереям — длинным, узким коридорам одной стеной примыкавшим непосредственно к внутреннему дворику. Я свернул в левую, машинально ускорив шаг. Переться мимо безлюдных, необжитых залов и входов в подземелья было немного жутковато. Вот только я и десятка шагов сделать не успел, как меня догнал коротышка.

— Ты куда? — требовательно уставился он на меня, изобразив всей своей фигурой знак вопроса.

— К себе, куда же ещё, — неподдельно удивился я. — Сам же знаешь. Время уже позднее, а завтра опять чуть свет подымут.

— А, — иронично ухмыльнулся лесной дух. — Ну, тогда иди. Там тебя как раз ждут. Вместе и отдохнёте!

— Кто ждёт? — не на шутку встревожился я.

— Да тут неподалёку пяток дружелюбных парней затаилось, — пренебрежительно махнул лапой Толик. — Вот они тебя и ждут! Очень, видишь ли, жаждут с тобой о какой-то казне потолковать. Говорят, что уже и место хорошее для беседы подобрали. Где-то в подземелье. Там как раз один из спусков рядом!

Никак Жихарь со своей камарильей! Активизировался всё-таки, гад! Я в замешательстве остановился, не зная, что предпринять. Встретаться с агрессивно настроенными городскими совершенно не хотелось. Ничем хорошим эта встреча для меня не кончится.

— Вправо надо уходить! — горячо задышал мне прямо в ухо Толик словно прочитав мои мысли. — Я уже проверил. Нет там никого. А если вдруг кто на пути и появится, сразу предупрежу! Тебе бы только до своей конуры добраться. Туда уже этот ваш третий недавно пришёл. При нём не тронут!

Гонда вернулся! Я слегка приободрился. Прав коротышка. Мне бы только до него добраться! Будущие адепты воды находились под таким строгим запретом со стороны храма,

что даже на всю голову ушибленный Жихарь с ним связываться поостережётся.

— А чего это ты мне помогать решил? — насторожился я, не решаясь последовать совету коротышки. В альтруизм айхи верилось мало. Вернее, совсем не верилось. — Ну, схватят они меня, потом после пыток наверняка убьют. У кольца лишь владелец сменится. Тебе не всё равно, кого дурачить? Тем более, они о твоём пакостном характере ещё не знают!

— Если бы! — Толик горестно вздохнул. — Они ведь сразу тебя обыщут. Живого ещё. Кольца, естественно, не найдут. А по второму разу искать уже никто и не станет. Ещё и место, что они для беседы с тобой приглядели, далеко в подземелье находится. Судя по пыли; там лет сто до этого никого не было. И ещё столько же не будет. Эти дурни и сами туда случайно забрели!

Я закусил губу, всё ещё колеблясь. Оглянулся назад и тяжело вздохнул. Нет, попутчика мне не дожидаться. Вряд ли какой-нибудь служка пойдёт к недошлёпкам на ночь глядя. Напрямки через школьную площадь тоже не пройти. Двери наружу уже закрыли и открывать их для меня никто не станет. Так что вариантов, по сути, нет. Так налево или направо? Дилемма.

— Не веришь, — раздражённо фыркнул ахи. — Ну и Безымянный с тобой. Тут всё же не город Инсора. Быстрее найдут! Прощай! — фигура коротышки истаяла в воздухе.

Я задумчиво посмотрел ему вслед. Если бы айхи продолжил уговаривать, я скорее всего выбрал бы левую галерею. А теперь.... Какой смысл айхи владельца кольца менять? А им Жихарь станет, к гадалке не ходи. Тот ещё жучара. С ним даже ряд заключать смысла нет. Всё равно потом обманет. Нет. Такой партнёр айхи точно не нужен. Рискнём направо!

Решившись, я устремился вперёд. Справа мелькнуло несколько освещённых коридоров, тянувшихся в хорошо обжитые помещения и галерея окончательно погрузилась в полумрак, робко разгоняемый крайне редко попадавшимися на пути тусклыми светочами вмонтированными прямо в стену и ещё более тусклым светом от расположенных слева окон, выходивших на внутреннюю площадь.

О здешнем подземелье много чего рассказывали. Само здание школы было очень древним. Построенное в эпоху подлых веков, оно каким-то чудом умудрилось пережить все последовавшие за этим катаклизмы, став впоследствии наряду с княжеским замком тем основанием, вокруг которого вырос Вилич. Вот только слава о нём шла дурная! По слухам, когда пошла мода на слом старых магических школ, местный правитель решил разрушить и эту. Вот только в этот же день и скончался. Что уж там послужило причиной скоропостижной кончины, может отравил кто или просто косточкой подавился, доподлинно не известно. Вот только наследник последнее распоряжение своего папаши быстренько отменил. От греха. Народ тут суеверный. Вот и пошла с тех пор дурная слава. И хотя в сказки местных о кишачих в подземелье чудовищах я особо не верил, но от то и дело появлявшихся справа тёмных проёмов тянуло такой жутью, что я вновь ускорил шаг, прижавшись ближе к окнам.

— Немного осталось, — радостно рявкнул прямо в лицо, неожиданно возникший передо мной коротышка. — И никого впереди нет! Красота!

— Да чтоб тебя! — запнувшись на полушаге, громко выругался я, судорожно взглотив. — Напугал, скотина такая! Ты в следующий раз так прямо под носом не появляйся! Понял?!

— Боюсь, что следующего раза уже и не будет! — не на шутку расстроился айхи. — Но я учту твои пожелания.

— Это кто тут орёт? — в нише, напротив которой и тормознул меня подлый меховой, широко приоткрылась незамеченная мной в полумраке дверь и в коридор выглянул здоровенный юноша с густой рыжеватой щетиной на сильно вытянутом лошадином лице. Грегор! Один из той шпаны, что всегда топталась за спиной у Жихаря! Пару мгновений мы оторопело смотрели друг на друга.

— Жихарь, смотри! — в глазах верзилы мелькнуло узнавание. Рот ощерился в радостной улыбке. — А тут этот, ну что казну за городом припрятал! Да ещё один, без этих уродов, что с ним живут!

В следующее мгновение я сорвался с места, устремляясь в сторону видневшегося вдалеке светлого пятна. Вот только убежать, далеко не успел. Резкая боль в сердце заставила согнуться, ухватившись руками за грудь. Подкосившиеся ноги... И вот я уже катаюсь по полу, тихо подвывая сквозь сжатые судорогой губы. Господи! Как больно то! Грудь будто разрывает кто-то изнутри, попутно выламывая кости! Сверху навалились, впечатывая в пол. Я лишь протестующее промычал, даже не помышляя о сопротивлении. Мир вокруг перестал существовать, сузившись до размеров пульсирующего огнём камня. Время замерло, зацепившись стрелкой за отметку с символом «Вечность».

Приступ прошёл внезапно, как и появился. Разом исчезла боль, прошли судороги, вот только радости мне это не доставило. А чему тут радоваться, когда тебя грубо волокут связанным по рукам и ногам неизвестно куда? И при этом заранее знаешь, что тебе там точно не понравится? Впрочем, надолго наш поход не затянулся. Городские отлично ориентировались в переплетениях лестниц, коридоров и галерей едва различимых в свете самодельного факела. По всему видать, не впервой им тут шастать! И вот, миновав крутую винтовую лестницу, мы оказались в небольшом мрачном зале без окон покрытым странной желтоватой плесенью. Натужно сопя, мои недруги привязали меня к одной из тонких колонн густым рядом выстроившимся возле стены и, повесив над моей головой единственный источник света, обступили полукругом.

— Ну, здравствуй Вельд, — наклонился надо мной Жихарь, весело скалясь. — Вот так встреча! Я уж и не чаял, что с тобой поговорить удастся. Всё дружки твои рядом крутились! А тут такая удача! Сам к нам пришёл!

— Он ещё и крикнул что-то, — заржал рядом с ним Грегор. — Шёл бы спокойно мимо, а бы его не в жизнь не заметил. Так ему надо было, как раз напротив двери, остановиться и горланить начать! Я сначала даже своим глазам не поверил!

— Ну вот, — Жихарь торжествующим взглядом окинул своих подельников. — А вы всё канючили, «Что мы в этих подвалах забыли! Если там что и было, давно без нас нашли уже!» — передразнил он кого-то из них. — Не лазили бы по подвалам, его бы не поймали! Теперь точно с прибытком будем, когда он где казну припрятал, расскажет! Ведь расскажешь же, а? — Жихарь нагнулся ко мне и выдернул изо рта кляп. — Если хочешь кричать — кричи! Всё равно никто не услышит, — хмыкнул он и потрепал меня по голове. — Так как насчёт казны? По-хорошему расскажешь или нам с тобой более вдумчиво побеседовать?

— Да отдай ты им эту казну, Вельд! — испуганно загнусявил, выглянувший из-за спины Жихаря Толик. — Что-то мне боязно за тебя стало! Они же, не дай Йоки, ещё и обидеть могут!

— Ну, ты и сволочь! — с чувством выпалил я в сторону подлого айхи.

И приложился головой о колонну. Рот моментально наполнился горьковатой кровью, левая часть лица начала неметь.

— Это тебе за сволочь, — спокойно, даже как-то отстранённо произнёс Жихарь. — Ты со мной должен уважительно разговаривать, с почтением. — Он задумчиво посмотрел на меня, склонив голову на бок, и неожиданно сильно пробил кулаком в живот. — А это за тот, прошлый разговор. Обидел ты меня тогда сильно!

Я, изогнувшись насколько позволяли связанные руки, начал хватать губами воздух. Вокруг весело заржали.

— Ты смотри. Прямо, на рыбу стал похож! Глаза так же выпучил!

— Да нет! Это он нам сказать что-то хочет, вон, как рот разевает!

— Может он голодный! Давай покормим! Расстараясь!

Трое подонков от души веселились, потешаясь над беспомощной жертвой и, лишь Жихарь продолжал спокойно всматриваться мне в лицо, слегка приоткрыв рот в хищном оскале. И этот взгляд пугал меня больше, чем радостные улыбки троих садистов предвкушавших очередное развлечение. Я вдруг со всей ясностью осознал, что этот изувер сейчас начнет меня элементарно потрошить, всё так же спокойно наблюдая за моими мучениями. И ничто его не остановит. И дело даже не в том, что я не смогу ему назвать место, где спрятал несуществующую казну. Да даже отдай я им её, это ничего не изменит. Он будет продолжать пытки просто так, на всякий случай. А вдруг, я ещё что-то припрятал?

— Ну, мне, пожалуй, пора, — засуетился вдруг Толик, видимо пришедший к тем же выводам, что и я. — А то эти крики, кровь, хруст костей... Не люблю я это. Весёлого тут мало! Да и ты мне уже как родной стал. Жалко-то как! — коротышка виновато посмотрел в мою сторону. — А куда деваться было? — айхи расстроено всплеснул лапами. — Нельзя мне обратно в город Инсора возвращаться! Никак нельзя! Прощай. Я, наверное, даже буду грустить. Вернусь, когда у кольца новый хозяин объявится! — подлый дух, уже повернувшись ко мне спиной, в последний момент передумал и добавил: — Кстати. Колечко, после смерти владельца, некоторое время ярко сияет. В этом полумраке, только слепой не заметит!

И исчез, сволочь такая!

— Ну, так что, расскажешь, куда камни мажеские прикопал? — потёр между тем переносицу Жихарь. — Учти. Я в последний раз по-хорошему спрашиваю.

— Можно подумать, что если я тебе отвечу, от этого что-то изменится, — сплюнул я на землю кровавую слюну. — Ты же всё равно простой беседой не ограничишься.

— Не ограничусь, — спокойно признал мою правоту Жихарь. — Ночь тебе всё равно весёлая предстоит. Но пытаться тоже по-разному можно. Скажешь где казна, и всё будет значительно проще!

— Послушай, — в то, что можно убедить этих головорезов в отсутствии казны и уговорить меня просто отпустить, я ни капли не надеялся. Оставался один небольшой шанс — страх всей этой братии перед жрецами. — Зря вы всё это затеяли. Вам же самым это, потом боком выйдёт.

— Это почему же? — брови Жихаря иронично изогнулись.

— Ты же сам видел, как меня сегодня к отцу-наставителю позвали. И ты прекрасно знаешь, что он обычно на таких как мы с тобой, внимания не обращает. Ведь так?

— Так тож жрец! — Грегор почесал подбородок, уколовшись щетиной. — Он Троице молитвы возносит. Не по чину ему с простым людом якшаться!

— Вот именно! — приободрился я и с нажимом добавил: — А меня к себе позвал! — я сделал секундную паузу, давая подельникам осознать этот вопиющий факт и, стараясь

говорить как можно убедительнее, продолжил: — А почему? Нужен я ему очень, для дела одного.

— И чего? — Грегор непонимающе заморгал, потом что-то смекнул и помрачнел.

— Это, за каким же делом ты ему нужен? — сумрачно решил уточнить Жихарь.

— Так за тем же, что и вам. Место, где казну припрятал, я его людишкам показать должен. За то он меня и в ходоки отправлять не стал.

— Верно. Про то, что он частью казны от посылки к отцам-вершителям откупился, по всей школе бают. — согласно кивнул моим словам Миха. Сейчас он выглядел обычным парнем, а не отморозком, собравшимся меня жестоко пытаться.

— Вот-вот, — сплюнув ещё раз набежавшую в рот кровь, я решил развить успех. — И получается, что убив меня, вы нарушите планы отца-наставителя! Вряд ли ему это понравится. А значит, будет дознание. А как умеют отцы-вершители следствие проводить, когда это интересы храма затрагивает, не мне вам рассказывать. Найдут обязательно!

— Что же делать то? — испуганно озадачился Микула. — Если вершители возьмутся, то точно найдут! Несколько лет назад один жрец в таверне так напился, что когда уходил, то в канаву сточную упал и захлебнулся. Так потом отцы-вершители весь квартал вверх дном перерыли. Всех допросами умучали. И когда убийцев не нашли, то трактирщика со всей челядью в той же канаве и утопили. Чтоб другим неповадно было.

— Чего неповадно то? Ежели он сам утоп? — не понял Грегор.

— А то! Ежели у тебя кто-то из жрецов отдыхать изволит, то ты его опосля проводи, убедись, что ладно всё, а не сиди сиднем у себя за стойкой!

— И что же теперь делать? — прогундел, почесав за ухом, Грегор.

— Отпустить меня надо. Вот что делать! — решил развить я свой успех. — Вреда большого вы мне причинить, не успели, — я выразительно сплюнул на пол очередную порцию крови. — Поэтому просто разойдёмся, по-хорошему.

— Не разойдёмся, — отрицательно мотнул головой Жихарь.

— Жихарь. Ты что?! С храмом связываться, себе дороже! — возмутился было Миха.

— Помолчи. Сейчас я говорю, — отмахнулся от него тот и спросил. — Миха, ты же раньше воровством промышлял?

— Ну да, — неуверенно ответил тот.

— Ну вот. Сможешь у Марка поясok его незаметно стянуть?

— Конечно, смогу, — пожал плечами тот. — Только зачем он нам? Ему цена — грош медный.

— А мы его рядом с его трупом положим, — кивнул на меня Жихарь. — Ещё и в крови измажем. А потом все вчетвером будем в один голос утверждать, что видели, как они втроём в подземелье входили. Вот пускай Лузга с Марком, потом и ответ за свой разбой перед отцом-наставителем держат!

— Ловко придумано! — с восхищением протянул Грегор.

— Может и ловко, а только отцы-вершители народ въедливый. Кто-нибудь из вас обязательно проговорится. — не пожелал сдаваться я. — Стоит ли оно того?

— Стоит, — категорично возразил мне Жихарь. — А будешь дальше гоношить, я тебе рот кляпом заткну.

Он быстрым шагом отошёл куда-то во тьму зала и вернулся с крупным коричневым камнем в руке.

— В общем, так. Сейчас ты быстро рассказываешь, где спрятал казну или я начну этой

камнем ломать тебе пальцы на ногах. Ну, так что? — Жихарь начал перекидывать камень из руки в руку. — Где казну прикопал?

— погоди! — паника захлестнула меня с головой. То что сейчас этим камнем, мне со всей дури ударят по ноге, не вызывало никакого сомнения. — Давай как-то договоримся! Нет никакого клада! Я правду говорю! А!

Жихарь неожиданно обронил камень и ногу пронзила жуткая боль. Тело выгнуло дугой в бессильной попытке порвать сдерживающие меня путы. Из глаз хлынули слёзы. Заскрипев зубами, я увидел, как расстроился мой палач.

— Надо же! Уронил! — Жихарь огорчённо покачал головой. — Больно? — вклонился он к моему лицу. — Так-то не боль. Боль будет, когда я сам ударю. Так что, где казна? — Всё так же спокойно поинтересовался мой палач, занеся руку для удара.

Я в полном отчаянии закрыл глаза, ожидая очередного взрыва боли.

— А тебе никакая казна уже не поможет, — тихий, чуть ироничный голос остановил моего врага в последний момент. — Не к чему она покойникам.

— Мастер?! — волчком крутанувшись в сторону двери, выдохнул Жихарь. Вокруг него испуганными баранами сгрудились все остальные.

— Для тебя я уже не мастер, — из темноты на свет появилась фигура воздушника. — Для вас всех я уже палач. Значит планы отца-наставителя для вас ничто? Я верно расслышал? Надеялись правосудия храма избежать?

— Я и сейчас на это надеюсь! — от невозмутимости Жихаря не осталось и следа. — Придётся нам и тебя убить, мастер! Удастся вину спихнуть на Марка с Лузгой — хорошо, нет — хуже уже не будет!

Юноша, выхватив из-за пояса нож, начал медленно по дуге приближаться к Ликону. Тот невозмутимо наблюдал за ним, сжимая кулаки.

— И чего смотрите? — рявкнул на оторопевших подельников Жихарь. — Неужто непонятно, что выхода у нас другого нет.

— Так он всё же колдун, — неуверенно пробасил Грегор. — Сейчас как испепелит чем-нибудь!

— Кто?! Этот пьяница?! — нервно хохотнул Жихарь. — Сильных магов милорды всех к себе во дворцы забирают, а в школу нас учить только полное ничтожество сошлют. Так что он только и умеет, что вар без меры пить, да мелкие фокусы показывать. Да и время ему надо на что, чтобы заклинание силой напитать. Руны опять же вывести. А времени то у него как раз и нет!

Последние слова, похоже, убедили Миколу, который, ловко поигрывая ножом, тоже двинулся в сторону мага.

— Ты мне сразу не понравился, выродок айхи! Вот сейчас за плети и посчитаемся!

Пришли в движение и остальные.

— Бегите мастер! — рявкнул я, удивляясь бездействию Ликона. — Вам не справится!

Хотя о каком бегстве могла идти речь? Маг-пьяница явно был не лучшей физической форме. Он и десятка шагов пробежать не успеет, как ему сзади нож в печень вгонят. Ему по-хорошему надо было не высовываться, а за помощью сразу бежать. Хотя, с другой стороны, из меня за это время студень сделать успели бы. А так, теперь, может и сразу вслед за Ликоном убьют. Убийство учителя в планы Жихаря и его компании точно не входило, так что теперь им не до долгой беседы со мной будет. Впору успеть следы замести. Хотя кто его знает, этого Жихаря. Он может наплевать на всё и беседу продолжить. Очень уж мне его

взгляд не понравился. Беспредельщик тот ещё!

Вот только Ликон никуда бежать и не собирался. По моему телу пробежали, сменяя одна другую, волны холода и жара. В висках сильно заломило. На полу, под ногами четвёрки ублюдков, появилась ядовито-салатовая клякса, стремительно набирающая цвет.

«Два шага назад».

Я ошеломлённо огляделся, не понимая до конца, откуда в моей голове раздался этот тихий бесстрастный шёпот. Внутри возникла странная уверенность, что слова стылой изморозью коснувшиеся моего сознания, при этом предназначаются не мне, а Михе, находящемуся на самом краю кляксы. Вот только озвучивать их для него, я не собирался.

В следующее мгновение, Ликон, резко вскинув правую руку, провёл ею перед собой как бы отгораживаясь этим жестом от врагов. Тут же перед старым магом возникло небольшое еле видимое сияние, полыхнуло, рассыпавшись в разные стороны миллионами синих искорок и устремилось в сторону нападавших. У Жихаря, рванувшегося к магу, подкосились ноги и он тряпичной куклой повалился на каменный пол, немилосердно при этом ударившись головой. Следом бессильно осели остальные.

— Ты конечно прав, — покачав головой, посмотрел в сторону Жихаря маг. — На создание любого заклинания нужно время. Это ты молодец. Хорошо усвоил! Вот только о том, что у меня кристалл для таких случаев припасённый оказаться может, не подумал. А чтоб его в ход пустить, времени не нужно. Ведь что такое кристалл, по своей сути? — решил разъяснить Ликон, повернувшись ко мне. — Уже готовое заклинание, в камень заключённое. Удобная вещь, — покачал воздушник головой. — Жаль только дорогая очень, да для магов запрещённая! — тяжело вздохнув, видимо, при воспоминании о потраченных деньгах, маг подошёл ко мне. — Ты начинаешь доставлять мне всё больше хлопот, Вельд. А я в этой пакостном мире больше всего ценю комфорт и покой. Поэтому, видят Трое, тебе нужно придумать вескую причину, ради которой я готов был бы терпеть боль и рисковать своей жизнью.

— Может, для начала, всё-таки меня развяжешь, мастер? — прохрипел я, кусая посиневшие губы. Пульсирующая резкими толчками боль в ноге, к разговору не очень то и располагала.

— С какой стати? — удивился моим словам Ликон. — Чтобы потом опять привязывать? Я ещё не решил, как с тобой поступить. В данный момент я вот склоняюсь к мысли, что ты всё-таки умрёшь.

— А зачем меня убивать, мастер? — вопросительно взглянул я на колдуна. — Тогда и спасать не нужно было. Эти отморозки, — кивнул я на бесчувственные тела на полу, — с этой задачей и сами бы успешно справились.

— Да не собираюсь я тебя убивать, — деланно возмутился маг. — Почто мне эта докука? Тебя убил он, — кивнул он на Миху. — Я, видишь ли, спасти то тебя не успел! — Ликон сокрушённо развёл руками. — Как только они меня увидели, так Миха нож тебе в сердце сразу и саданул! — воздушник нагнулся и поднял выроненный Михой нож. — Вот этот самый! — повертел он им у меня перед глазами. — Ну а после уж и я их заклинанием накрыл. Такая вот с тобой беда случилась!

— Мда. Не повезло мне, — без тени иронии протянул я.

— Ну почему не повезло? — покачал головой Ликон. — От пыток то я тебя спас! Ты уж мне поверь — не появись я здесь, и ты бы сейчас о быстрой смерти как о величайшем счастье мечтал. Но всё же, было бы лучше, если бы я успел вовремя и ты выжил. А не то

получится, что я зря рисковал. Это хорошо, что этот молодчик сразу ко мне не метнулся, а то всё плохо могло кончиться.

— А что же вы заклинание сразу не метнули, издали?

— Умный какой. Издали, — проворчал недовольно маг. — Издали нельзя! Кристалл у меня не сильный. Где я на сильный деньгу возьму? На этот и то несколько лет монеты копил! — Ликон вновь сокрушённо покачал головой. — Заклинание более чем на пять шагов от меня не действует. Я потому и ждал, чтобы они поближе ко мне все подошли и всем скопом в кучу собрались.

— А если бы не собрались? — заинтересовался я. — Тогда как?

— Тогда никак, — сердито отрезал Ликон. — С двумя — тремя я бы может и справился. Больше никак! Ножам эта босота с детства пользоваться учиться. Потому про свой риск и говорю!

— Вон оно что, — покачал я головой. — Тут значит, всё на грани было.

— Запомни на будущее, Вельд, — маг наклонился ко мне, лихорадочно сверкая глазами. — Магия — это не только умение накапливать магическую энергию и знание формул. Магия — это, прежде всего, трезвый расчёт и знание людей. Не сможешь предугадать, как поведут себя враги и никакие заклинания тебе уже не помогут. Маг — это всегда сначала стратег и уже только потом тактик, — Ликон вытер со лба выступивший пот и добавил: — Если у тебя, конечно, это будущее будет! Это зависит от того, насколько правдиво ты ответишь на мои вопросы.

— Давайте уж, спрашивайте, — обречённо поморщился я. — Только скорее, а то нога ужасно болит, да и руки затекать начали.

— Хочешь стать магом, привыкай терпеть боль, — равнодушно пожал плечами воздушник. — Когда отец-наставитель тебя в проклятый город послать собирается? — упёрлись в меня зрачки холодных глаз. — И что за людишки с тобой будут?

— Я не знаю, — помотал головой я и, увидев как сузились глаза Ликона, поспешно добавил: — Я вправду не знаю! Зачем отцу-наставителю в свои планы какого-то недошлёпка посвящать? Понял только, что время ему нужно людей собрать!

— Ну да, — с усмешкой произнёс Ликон. — Это на него похоже. Спеси в старом дураке много! Ну ладно. Пока я тебе верю. Ответишь мне ещё на один вопрос и считай, что мы поладили, — маг сделал паузу и вдруг, грубо схватив меня за рубаху, буквально прошипел: — Где ты колечко с порабощённым айхи подобрать умудрился?! Уж, не во дворце ли асуровом? Ты там был?! И почто кольцо до сих пор не снял?!

Вот это я влип! И что мне теперь говорить? Вон по глазам сразу видно, что не отстанет! Где ты старый, угрюмый, равнодушный ко всему кроме своей бутылки маг-пьяница? Передо мной стоял готовый на всё фанатик с яростно пожирающими меня глазами и лицом одержимого. Вот ведь! А я точно избежал пыток? Как бы мне не пожалеть, что Ликон вообще сюда заявился. Он если что, в этом наверняка побольше Жихаря понимает! И ведь правду не скажешь! Отнимет он у меня кольцо. К гадалке не ходи, отнимет, раз как снять знает! Хотя с Толиком всё! Надо что-то решать! Потому что следующую шутку айхи, я точно не переживу! Ошибся я в отношении этой обезьяны. По крупному, ошибся. Думал, что навредить мне коротышка больше не может, раз к магии у него доступа нет. А что получилось? И дело не только в том, что он меня к ватаге Жихаря подманил. Тут я сам виноват, что уши развесил. Другое больше пугает. Очень уж вовремя у меня преобразование кристалла в груди началось. Для Толика вовремя. Не бывает таких совпадений! И какой из

этого вывод напрашивается? Соврал мне айхи! Может он на меня воздействовать! До сих пор может! Не знаю, устанавливал отец Никонт этот самый полог отрицания или нет, но нашу с ним беседу коротышка точно слышал. Вот и решил меня в жертву принести, чтобы в проклятый город не возвращаться!

— Ну что застыл? — встряхнул меня между тем Ликон. — Думаешь, как обмануть половчей? Только это, вряд ли! Я, видишь ли, про это колечко уже давно догадался! — маг скользнул взглядом по моей руке. — Больно ты ловко потоки магические на первом уроке углядел. Да и Вимса я хорошо знаю. Не будет он, с кем попало, своими знаниями делиться! Скорей уж наврёт в три короба, — воздушник махнул рукой, скептически усмехнувшись: — Пришлось мне заклинание истинного зрения изучить, — Ликон заглянул мне в глаза. — Для того и ждал тебя в галерее, чтобы на духа того паскудного хоть одним глазком взглянуть, да с тобой, опосля, без догляду послухов побеседовать. А тут они! — маг тихо засмеялся, мотнув головой в сторону Жихаря и компании. — Но айхи разглядеть я успел! Ловко он тебя на камни уложил, кристалл в груди начав преобразовывать!

— А как он это делает, мастер? — я, поняв, что отпираться дальше нет никакого смысла, решил постараться как можно больше узнать о маленькой пакости, уже превратившейся в огромную проблему. — У него же доступа к магическим потокам нет. Или есть?

— К внешним нет, — криво усмехнувшись, Ликон отошёл, огляделся и удобно устроился на поваленной колонне шагах в десяти от меня, на самой границе между мраком и светом. Из полумрака характерно забулькало. Маг удовлетворённо крикнул и продолжил: — Но потоками, заключёнными в нём самом — пользоваться может. Но опять же, направить эту энергию он может только на себя и своего хозяина, через колечко с ним связанного. Раньше это было во благо. Пленённый дух мог подлечить, снять усталость, уменьшить боль, — Ликон вновь приложился к баклажке и, вытерев губы грязным рукавом, продолжил. — В общем, пользу айхи немалую приносили, пока на них управа была. Но ныне не так! Все асуры сгинули, а вместе с ними пропало и знание, что позволяло айхи в узде держать. Ты думаешь, что один такой, что кольцо призыва найти сподобился? — ехидно хмыкнул из темноты воздушник. — Нет. Были случаи и до тебя. Вот только добром это ни для кого из нашедших не кончилось! Все в сыру землю легли!

— А мне что делать, мастер? — закусив губу, я попытался пошевелить затёкшими запястьями. Пора заканчивать эти вечерние посиделки! Ликон, судя по тому, как удобно устроился, никуда не спешит, а я уже рук не чувствую!

— Ежели ты о кольце спрашиваешь, то снять и выбросить подальше. Ну, или вражине какой подарить, — Ликон усмехнулся и, сунув бутылку в суму, нехотя направился ко мне. — А ежели о наших с тобой делах...

— Сначала о кольце, мастер, — облизал я пересохшие губы. — Дело в том, что я не знаю, как его снять!

— Вон оно что, — лицо подошедшего мага искривила неприятная улыбка. — Ну что же. Ты мне покуда живой нужен. Поэтому помогу, — Ликон склонился надо мной. Его лицо, в отблесках начавшего затухать факела приобрело зловещие черты. — Сам ты снять кольцо не сможешь. Но тебе нужно лишь твёрдо пожелать, чтобы его снял пленённый дух. Это единственный приказ, которого айхи послушаться не может. Колечко с пальца и слетит!

" Ну, всё! Капец телёночку! Отмычался! Сниму и в самый глубокий сортир закину! Хотя нет... С сортиром я погорячился. Проклятье, что лог на меня повесил, никто не отменял.

Значит, просто сниму и подальше запрячу. Допоры. Вот только не сейчас. Хоть Ликон и советует от кольца избавиться, как бы сам не отнял. Вдруг ему надо?

— Вижу, при мне снимать боишься, — усмехнулся маг, от которого не укрылись мои колебания. — Ну, так снимешь опосля. Мне это кольцо и даром не нужно. Одна морока, да неприятности. Ты главное не вздумай на то колечко своей кровью капнуть, да айхи доступ к своей энергии дать. Тогда совсем беда будет.

— А что тогда будет, мастер? — похолодел я, вспомнив про свой соблазн перед инициацией.

— С тобой? — спросил Ликон и обидно засмеялся: — Да всё что, айхи будет угодно. И снять кольцо ты его заставить уже не сможешь!

Я зябко передёрнул плечами.

«Вот тварина подлая! Снимать! Однозначно, снимать»!!!

Ну да Лишний с ним, с кольцом этим, — отмахнулся от моих переживаний Ликон. — Меня более дворец асуров интересует! — маг хищно оскалился, рука опустилась на плечо, сильно его сжав. — И не вздумай мне лгать! Ты там был, коль жрец снаряжением людишек в запретный город озаботился.

— И не думал даже, мастер, — возразил я, судорожно соображая, что же рассказать дотошному магу. — Только там порушено всё. Да и я только в тронном зале был.

— В тронном зале, говоришь?! — Ликон буквально вскинулся, буравя меня глазами. — А трон истинного мага видел?! Он уцелел?!

Вопросы посыпались градом. Мага интересовало буквально всё в загадочном троне вплоть от формы спинки до узоров на резных ножках. Я старательно отвечал, напрягая память. Врать в такой мелочи, смысла не было.

— И что дальше было! — удовлетворив свое любопытство, требовательно спросил воздушник.

— Ну, побродил я по залу, кольцо нашёл, а потом, с помощью айхи открыл портал магический и в сторону Вилича переместился.

— Ты влез на трон истинного мага?! — неверяще переспросил Ликон и неожиданно расхохотался.

Маг смеялся долго, порой утирая грязным рукавом выступившие слезы. Я, стиснув зубы, терпеливо ждал. Смех воздушника мне совсем не нравился, наполняя сердце беспокойством. Знает Ликон что-то о тронах великих асуров. Нехорошее для меня, судя по всему.

— Так я иначе в Вилич не успел бы, мастер, — решил я прервать веселье Ликона.

— Да лучше бы ты опоздал! — продолжил веселиться воздушник. — Ты хоть понимаешь, куда залез? Любой трон асуров, сам по себе великий артефакт! Их лично Лишний для своих учеников сотворил! Для своих учеников!!! — повторил Ликон, выделяя каждое слово. — И ни для кого более! В прошлом, даже самый распоследний нищий, ни за какие деньги, на трон асуров не полез бы! Потому как, каждый истинный маг на трон своё лучшее заклятье накладывал, — отсмеявшись, продолжил маг. — Ну, чтобы неповадно всякой шелупони, вроде тебя в их отсутствие к нему даже близко подходить! Слишком многих привлекала та сила, которую получал каждый, кто осмеливался на него забраться. Но за всё приходится платить. И смерть, которая со временем настигала нечестивца, была отнюдь не из лёгких!

Я лишь горестно хмыкнул в ответ. Одним проклятьем больше, одним меньше. Я ими скоро буду обвешан как новогодняя ёлка игрушками. А Толик и про это мне ничего не

сказал! И почему я не удивлён? Эта тварь, кажется, просто задалась целью непременно меня угробить и довольно успешно шагает в этом направлении. И как я ещё жив до сих пор? Наверное, этот вопрос я незаметно для себя произнёс вслух. Во всяком случае, маг на него ответил.

— А это отложенное проклятье. В древности маги такие любили! Ну, чтобы преступник сто раз раскаяться успел в содеянном, каждый день смерти ожидая!

Ну что же. Это мне уже знакомо. Быстро тут только везунчикидохнут. Мне такое счастье не светит! Интересно только, какой срок жизни отмерят мне на этот раз?

— И когда эта смерть наступала, мастер?

— Точно никто не знает. Обычно полгода давалось на раздумье, а потом могло произойти в любой день. Тут уж кому как не повезёт! — благодушно потянулся Ликон. — Мне нужно попасть в этот дворец, Вельд, — неожиданно тоном, не допускающим возражений, заявил он мне: — И ты меня туда отведёшь!

— Если только доживу, — обречённо вздохнул я. — Слишком многие ко мне нездоровый интерес проявляют. Не одни убьют, так другие угробят!

— Теперь доживёшь, — успокоил меня маг. — Это уже моя забота. Значит так, — Тон Ликона стал сухим и деловым. — Ты в город с людьми Никонта скорее всего с того же места войдёшь, где в прошлый раз входил. Я уже буду ждать тебя там и пойду следом. Пусть эти недоумки дорогу своими телами расчищают. Убьёшь их только тогда, когда они добудут то, зачем их посылал отец-наставитель. Я хочу знать, что ему было нужно. — прервав мой протест, маг успокоил. — Как убить, я научу. Затем ведёшь меня к трону... Ну и ещё в одно место. А я, в свою очередь, помогу тебе избавиться от проклятья. Ну и потом, как обещал, служкой в школе пристрою. Всё понял?

— Ага. Понял, — согласно кивнул я.

Как же, нашёл идиота! От проклятья он меня избавит! Если бы древнее проклятье великого мага мог убрать каждый полупьяный колдунишка, на этом троне уже дыру протёрли бы! Опять вся надежда только на библиотеку. И пешком, похоже, я туда уже не успеваю! И что мне остаётся? Опять на трон лезть! Сумел портал к Виличу перенести, глядишь, и туда перенесёт. Надежда, конечно, призрачная. Ну а какие ещё варианты есть? Главное Толика открыть портал в нужное место, заставить. Не надевая кольца! Слышать то он меня прекрасно будет. Правда, там ещё нужно будет, как-то от людей Никонта отвязаться, Ликона в объятья к Лишнему спихнуть, энергии для открытия портала где-то взять. Перспективы радужные открываются. Но как говорить, будем решать проблемы по мере их поступления. А сейчас нужно делать вид, что я верю магу и на всё соглашаюсь. А то и вправду, тут навсегда останусь. Я сейчас и жив только потому, что меня и тут как проводника использовать хотят. Использовать и выкинуть потом за ненадобностью. Тут я думаю и маг, и жрец одинаково поступят. Прикончат меня прямо там и всё. Если они получают то, ради чего так рисковать готовы, то лишние свидетели им точно не нужны будут. Вот ведь! Похоже не судьба мне на мага доучиться! А с другой стороны и времени на это нет. Жить то всего полгода осталось. Что же такое то? С каждым разом срок всё сокращается и сокращается! Будь ты проклят, коротышка! Стоп! Если мне изначально всего полгода жизни оставалось, и Толик об этом знал. Так что же. Значит, идти со мной к библиотеке он, и не собирался?! Я бы и доучиться не успел! И мы возвращаемся всё к тому же сценарию. Я умираю, и кольцо меняет своего владельца. В общем, все счастливы. Нет, ну не урод, ли он?!!!

— Чего умолк опять? — дружески приобнял меня за плечи Ликон. — Или всё же обмануть задумал? Так это ты напрасно! Не люблю я этого!

— Да нет! И в мыслях не было! — совершенно искренне возмущился я. — Кто же меня от проклятья избавит, если не вы? Да и место служки при школе! Да я об этом всю жизнь мечтал!

— Да я тебе верю! — ободряюще похлопал меня по плечу Ликон. — Ты мне с первого взгляда понравился. Но вот теперь, — маг, порывшись в своих карманах, достал небольшой глиняный пузырек. — Я буду верить тебе ещё больше. Выпей! — ткнулось в мои губы горлышко. — Оно и боль слегка уменьшит.

— Что это? — умудрился спросить я, почти не разжимая губ.

— Яд, — не стал врать мне маг. — Сам приготовил. Как раз для такого случая. Уже думал, что и не пригодится никогда, а оно видишь, как повернулось то!

— Зачем яд?! — недоумённо вскричал я. — Мы же вроде договорились уже!

— Вот именно. Поэтому я тебе яд и предлагаю, что договорились, — согласно кивнул маг. — Иначе бы был нож. Да ты не пугайся так, — ласково потрепал он меня по волосам. — Это медленный яд. Ты даже себя чувствовать хуже не будешь. Живи себе дальше и радуйся. Вот только через месяц, противоядие принять нужно. Принял и дальше живёшь, ещё месяц. Оно ведь на магии замешано. И само в тебе возобновляться будет. А там опять бегом ко мне. Ты не волнуйся, — поймав мой затравленный взгляд, успокоил он меня. — Противоядие не трудно изготовить. Вот только как это сделать, только я знаю.

— Не буду я это пить, — мрачно уставился я на маячившее перед лицом горлышко.

— А у тебя выхода нет. Не выпьешь, я тебя сейчас убью. А так до похода в город гарантированно проживёшь. Ну а там, если у нас всё удачно сложится, я и от заклятия тебя избавлю, и от отравы противоядие дам.

Ага. Блаженны, кто верит. Да вот только, как, помнится, говорил мне мой младший братишка. «Блаженные тут не выживают». А пожить хоть немного, но хочется. Даже в этом дерьмовом мире. И прав эта старая сволочь. Выхода у меня нет. По крайней мере, пока.

— Давайте вашу микстуру, доктор, — Вздохнув, сдался я. — Надеюсь, она хотя бы не горькая?

Маг только рассмеялся в ответ, снова поднося мне бутылочку к губам.

* * *

Мелкий занудливый дождик, затянувший свою унылую песню с самого раннего утра, и не думал затихать. Собственно говоря, он и на дождь то не походил. Так, крупная изморозь нависшая над раскисшей землей. Но это не помешало ему пропитать влагой всё вокруг. Было мерзко, холодно и мокро. Отчаянно ноющая нога настроения мне тоже не прибавляла. Стирая в очередной раз капли воды с достойной лучшего применения регулярностью заливающей глаза, я зло взглянул на Ликона. Тот, устроившись в принесённом нами кресле под балконом служившим ему импровизированным навесом, в очередной раз приложился к неизменной бутылке, размышляя о чём-то своём. Рядом неприкаянно мыкался Толик, напустив на себя вид вселенской тоски и скорби. Ближе меховая тварь подойти не решалась,

лишь кидая в мою сторону жалостливые взгляды. Понимает, что недолго ему осталось! Мне бы только уединиться! А то всё время кто-то рядом был. То Ликон, то мои “друзья». Сразу сниму и куда подальше запрячу! Только бы дождаться конца намечающегося спектакля, от холода не околевав. К чему спрашивается, было нужно выгонять нас во внутренний двор ни свет, ни заря, если основные действующие лица заведомо появятся значительно позже? Нет вначале, когда ранним утром, служки погнали нас не к господине эконому для привычного уже распределения работ, а в мыльню, все заметно оживились. Возможность избежать нудной, грязной и достаточно тяжёлой работы не могла не радовать. По пути в мыльню началось оживленное обсуждение причины столь неординарного события, попеременно с разглядыванием моей мрачной тушки, ковыляющей с самодельным костылём.

— Чего случилось то?

— Может господине князь решил школу навестить? Вот нас в божеский вид и приводят!

— Ага. Так он тебе и приехал! Что он в этой помойке забыл? Он даже на инициацию не появился!

— Вельд, а что у тебя с ногой?

— А зачем тогда нас в мыльню гонят? Говорят, что и одежду новую дадут, что мы на инициацию одевали.

— Может отец-приор нас видеть пожелал?

— Работать он не хочет. Вот и притворяется, что нога болит. Смотри, даже подпорку себе смастерил!

— Да ладно! Ему то мы какого Лишнего сдались!

Я, не обращая внимания на весёлый гомон своих соучеников, радовавшихся неожиданному отдыху, молча, ковылял к мыльне, опираясь на самодельный костыль сделанный мне Марком. Нога к утру разболелась невероятно. Большой палец, по который Жихарь нечаянно уронил свой камешек, невероятно распух и приобрёл зловеще-синюшный цвет. О том, чтобы опираться на ногу при ходьбе не могло быть и речи. Даже попытка встать на пятку заставила меня дико взвизгивать. Вот гадство! Урод! А если бы он по настоящему хоть пару раз ударить успел? Я зябко передёрнул плечами от этой мысли. О том, что бы было, не появись маг вообще, даже думать не хотелось. Поэтому ожидавших сейчас судилище негодяев мне было, совсем не жаль. Что заслужили, то и получают! Собственно говоря, кроме меня о причине утреннего переполоха знали только мои соседи. Гонда, Марк и Лузга сразу накинулись с вопросами, когда Ликон буквально внёс меня в комнату, но всей правды я им тоже рассказывать не стал. А с чего бы? Они мне не друзья и даже не товарищи. Один раз уже предали и, не задумываясь, повторят, если выгодно будет. Они и сейчас мне помогают только потому, что кое-что с этого поиметь надеются. Так зачем мне с ними информацией делиться? Информация, она денег стоит! Так что отец-наставитель вызывал меня, чтобы дать задание следить за Ликоном. Почему так явно? Так жрец же! Что ему до конспирации. Он выше того, чтобы во всякие там мелочи вникать. Потом меня схватила банда Жихаря. Хорошо мимо как раз Ликон проходил. Вот он меня и спас. Почему спас? Да кто же его знает? Из вредности, наверное. Он всё Жихарю орал, что только он будет решать, кому тут жить, а кому сдохнуть. А они сдуру, ещё и накинулись на него. Вот как-то так. Кушайте ребяташки лапшицу. Мало будет, так я ещё добавлю. Мне для вас ничего не жалко! В общем, присутствие под балконом мрачного молчаливого мага для меня сюрпризом не оказалось. Ошибся я, в другом. Думал, что Ликон сам суд на скорую руку и проведёт. Зачем ещё кого-то беспокоить? Не те мы фигуры, чтобы высокое начальство соизволило спозаранку, сюда

притащится! Но, похоже, всё же соизволило! Вот только не спозаранку!

— Ему точно не холодно, — между тем еле слышно пробурчали у меня за спиной. — Вон аж морда покраснела.

— Чтоб он этим варом захлебнулся, — также тихо согласился Лузга, зябко поведя плечами.

Ругать наставника громче уже давно никто не рисковал, памятуя о его слухе и неотвратимом наказании.

— И долго он ещё нас мурьжить будет? — пожаловался толстый Прикс, сын богатого ремесленника, который почему то не пожелал откупить сына от баллота. — У меня уже даже мозги водяной пленкой покрылись.

— Оно и к лучшему, — не удержался, чтобы не съязвить, Лузга. — А то они у тебя совсем ссохлись.

У бедного Прикса даже сил привычно отбрехаться не нашлось, так ему было плохо. Только зубами в ответ застучал.

— Почти два часа уже стоим, — решил пожаловаться и я. — И чего на дождь вывел? Скорей бы уж.

— Он так может до вечера просидеть, — мрачно заметил Марк. — У него в корзине ещё бутылка есть.

— Это да, — согласился с ним Гонда. — Поэтому у меня есть предложение. Я могу спросить наставника, зачем он нас сюда собрал, но сами знаете, чем мне это грозит. Не любит он таких прятких. Так что вы всем миром собираете мне серебрушку.

— Серебрушку! Ишь какой ушлый! — возмутился Прикс, даже забыв на мгновение о холоде.

— А ты тогда сам спроси! — окрысился Гонда. — И мы эту серебрушку тебе соберём!

Его оппонент предпочёл отмолчаться. Оно и понятно. Не любит наш наставник, когда его размышления прерывают. Сильно не любит. И выражает нам эту свою нелюбовь всеми доступными способами. Нет. Во время занятий вопросы не просто разрешены, а даже приветствуются. Но это когда он что-то объясняет, а ты не понял. А вот когда маг молчит, думая о чём-то своем, вот тогда прерывать его «медитацию» чревато. И вредно для здоровья.

— Вы эту серебрушку мне отдайте, — неожиданно вмешался в перепалку Ликон. — И я вам сам всё расскажу, — Он с нежностью посмотрел на побледневшего Лузгу и продолжил: — Ну, раз вам так скучно просто стоять, преподам я вам сейчас небольшой урок. Я уже много раз твердил, что сила мага не только в его магии, но и в умении просчитывать ситуацию, учитывать любую мелочь, но видно всё впустую! Я адепт воздуха! Но никому из вас в голову не пришло, что мне ничего не стоит сотворить простенькое заклинание дальнего слуха? А вы продолжаете перешёптываться, с наивностью полагая, что стоит только понизить голос, и я ничего не услышу. Даже отвернутся в тот момент, когда про меня очередную гадость говорите, ленитесь! А вдруг я по губам читать умею? — маг поудобнее устроился в кресле и продолжил: — Видимо придётся вбивать эти навыки в вас другими методами. То что не получается вдолбить через уши, можно вдолбить через другие места! Вот сейчас и начнём, пожалуй! Как раз у меня сегодня настроение подходящее!

Из-за спины наставника неторопливо вышли ухмыляющиеся служки, покручивая в руках плетями. Лузга, вжав голову в плечи, покорно ждал.

— Стойте! — резко поднимаясь с кресла, остановил их мастер и отрывисто бросил Лузге: — Повезло тебе, покамест. Недосуг мне с тобой возится!

Я посмотрел в сторону, куда глядел мастер и облегчённо вздохнул. Ожидание подошло к концу. Из административного корпуса в нашу сторону шагал сам отец—наставитель, в окружении целой толпы служек, стражников и ещё довольно молодого, неизвестного мне мага. Наставник, выйдя навстречу процессии, низко поклонился. Мы быстро поклонились следом.

— Стареешь, Ликон, — криво усмехнувшись, заметил между тем жрец, на секунду приостановившись перед воздушником. — Раньше ты не позволял себе того, чтобы я заставлял тебя сидящим в моём кресле. Стареешь! — отец—наставитель важно прошептал под балкон и не спеша уселся. — Или наглеешь?

— Что ты, всеблагой отец, — ещё ниже поклонился маг. — Я никогда не забываю, кто я есть, и уж тем более не забываю, кем являетесь вы.

— Вот и помни! — от голоса жреца пахнуло холодом. — Потому что, если я тебе об этом напомню, то в школе появится уже другой наставник.

Ликон на этот раз просто промолчал, покаянно склонив голову.

— Впрочем, наставник ты, судя по всему, плохой, — продолжил препарировать проштрафившегося мага отец—наставитель. — Раз на тебя твои же ученики с ножами кидаться осмеливаются. И друг друга калечат, где ни попадя. И это будущие маги, которые должны стать опорой храма и империи в этой Троице забытой окраине! Они что, потом и заклинаниями будут кидаться, в кого попало?

— На то и учёба, всеблагой отец, чтобы отсеивалась недостойных, — вкрадчиво ответил маг. — К концу обучения останутся только те, на кого храм сможет всецело положиться. А суровое наказание, послужит наглядным примером, как он карает нерадивых.

— Ладно, — сменил гнев на милость отец—наставитель. — Время покажет, что из них получится. Где эти тати? Не хватало мне ещё замёрзнуть в такую погоду.

Один из служек мигом набросил на ноги важно восседавшего Никонта, тёплый шерстяной плед.

Узников ввели буквально через пару минут. Две сгорбленные фигуры в окружении дюжих охранников, позвякивая ржавыми кандалами на ногах, прошептали в центр двора. Руки не были скованы, но очевидно в этом и не было никакой необходимости. Кандалы лишали всякой надежды на побег, а справится с целой толпой охраны, да ещё с такой обузой на ногах мог надеяться только безумец. Парни из банды Жихаря безумцами не были. На пепельно—серых лицах не было видно даже отчаяния или страха. Их потухшие глаза отражали лишь безграничную покорность судьбе и ожидание неминуемой казни. Никонт некоторое время брезгливо рассматривал их, презрительно кривя губы.

— Их было четверо, всеблагой отец! — вскинулся между тем Ликон. — Двоих нет!

— Двое ночью сбежали, — откинулся на спинку кресла отец—наставитель. — Да и Лишний с ними! Я распорядился. Всё равно поймают!

Я, закусив с досады губу, мысленно со жрецом не согласился. Как же. Поймают они Жихаря с Михой! Они уже в такую нору забились, что с собаками не сыщешь! А мне теперь ещё больше с оглядкой ходить надо!

— Как же мне вас казнить? — между тем озадачился Никонт, задумчиво барабаня по подлокотнику кресла.

— Как же так, всеблагой отец. Мы же не отступники! Нас в ходки послать нужно! — вскинулся в отчаянии Микола и тут же взвыл, рухнув на землю от хлесткого удара кнутом. Разорванная наискось на спине рубаха тут же напиталась кровью.

— Не смей открывать свой поганый рот в присутствии отца–наставителя, выронок айхи!
— угрожающе пробасил дюжий стражник и, на секунду задумавшись, ударил ещё раз, заставив тонко взвизгнувшего сына скорняка распластаться на земле.

Я не отвёл взгляда, загоняя на задворки души последние ростки жалости. Они бы меня вчера точно не пожалели. Представляю, что от меня к сегодняшнему утру осталось бы. Боль в неосторожно задетой ноге заставила закусить губу и по новому, уже зло взглянуть на осуждённых. Жалости больше не было.

— А давайте я их кровь в воду превращу, всеблагодой отец, — льстиво наклонившись из-за кресла к жрецу, предложил молодой маг неведомым образом затесавшийся в свиту отца–наставителя. — Они прямо на глазах расплывутся. Правда немного подождать придётся. Заклинание очень сложное, время на подготовку нужно. Я его только недавно изучил. Заодно и опробую.

— Нет. На улице и так мерзко, а тут ещё ты со своей слизью, — не согласился Никонт и зябко передёрнув плечами, добавил: — Да и озяб я уже. Недосуг мне тут ждать, пока ты со своими заклятиями возиться будешь.

— Давай, я уж по старинке, огненные стрелы метну, всеблагодой отец, — внёс свое предложение Ликон. — Времени заклинание займёт не так много, да и согреемся заодно.

— Небось вонищей тут всё пропахнет, — поморщился жрец.

— Не пропахнет, всеблагодой отец, — поклонился маг. — Я ещё ветерок небольшой подниму, чтобы он в другую сторону дул. Запах сюда и не дойдёт.

— Ну, добре, — милостиво кивнул Никонт. — На тебя они напали, тебе их и казнить. Сил то хватит, обоих сразу поджечь?

— Должно хватить, всеблагодой отец, — Ликон уже шустро чертил в воздухе руны. — Правда огня, не много будет. Сразу не умрут. Как бы в нашу сторону не побежали.

— Не добегут, — Хмыкнул отец–наставитель, кивнув одному из стражников.

Несколько человек вышло вперёд, перегораживая дорогу в сторону балкона. Маг, между тем, дорисовав сложный символ, застыл в напряжённой позе. Я машинально перешёл на магическое зрение и замер, зачарованно наблюдая, как творится настоящая волшба. Ликон стоял в центре воронки, вокруг которой кипел водоворот магической энергии. Разноцветные частички магического поля, сбившись в беспорядочную кучу, бешено кружили над головой мага, стремительно опускаясь всё ниже и ниже и затем, ещё более ускоряясь, растворялись напротив сердца. А им на смену приходил черёд очередной порции магических частиц. Зависшая прямо перед магом изящная вязь состоящая из доброго десятка рун, стремительно наливалась красным цветом.

— Силён, мастер! — восхищённо прогудел Марк, рядом со мной

Видимо не один я догадался посмотреть на волшбу Ликона через изнанку. Остальные делали тоже самое. Я мысленно согласился со сказанным. О таком контакте со своенравной стихией мне можно было только мечтать. Но творимая волшба давалась Ликону нелегко. Лицо воздушника налилось кровью став багровым, с подбородка ручьём лился пот, всё тело тряслось будто в лихорадке, в закатившихся глазах плескались океаны боли. Казалось ещё немного и Ликон не выдержит, сдавшись яростному напору стихии.

Меня неожиданно качнуло. Уже знакомые волны жара и холода, пронзившие тело, боль в висках и салатовая клякса под ногами обречённых.

«Шаг влево », — прозвучал в голове знакомый шёпот. Я мысленно согласился с неизвестным подсказчиком. Грегор действительно стоял у самого края стремительно

набирающей цвет кляксы. Вот только спасти его это уже не могло.

Воздушник рывком вскинул руку в сторону приговорённых и, махнув ею перед собой. С пальцев мага сорвались две тоненьких огненных стрелы, по какой-то непонятной сумбурной траектории устремившихся к казнённым и с треском врезавшимся им в грудь. Под утробный вой казнённых вспыхнуло два ярких факела, прыснувших в разные стороны. Впрочем, далеко несчастные разбежаться не смогли, буквально через несколько метров опрокинувшись на землю. Некоторое время, они, отчаянно крича, ещё делали безуспешные попытки стряхнуть с себя пламя, бешено катаясь по мостовой, но вскоре всё замерло.

Я судорожно вздохнул. Обещанный Ликоном ветерок, дул как раз в нашу сторону и в нос ударило гарью и вонью подгорелого мяса. Резко замутило и я, не выдержав, склонился, выплёвывая себе под ноги недавний завтрак.

— Смотри, какой нежный! — тихо захихикали у меня за спиной.

Чувствовалось, что лишь присутствие с интересом наблюдавшего за казнью отца-наставителя, удерживает моих соучеников от шквала шуток.

— Хорош землю удобрять, — похлопал меня по плечу Марк. — Отец-наставитель уходит. Поклониться нужно!

Я с трудом разогнулся. Никонт уже встал и направился обратно, к себе. Сзади еле ковылял, пошатываясь Ликон. Его лицо приобрело синюшный оттенок, по прокушенной губе сочилась кровь. Даже будучи мертвецки пьяным, маг держался на ногах лучше.

Я озадаченно посмотрел ему вслед.

— Откат поймал, — со значением в голосе заявил Марк. — Причём будь здоров какой. Теперь, наверное, до завтра колдануть не сможет.

— Скорей бы они ушли! — простонал Прикс. — Может и нас отпустят. Мочи нет, тут стоять больше!

Но почти уже ушедший Никонт, вдруг остановился и, оглянувшись, нашёл в толпе взглядом меня. Одно мгновение он колеблется, затем, всё же приняв решение, вернулся, встал перед нами и коротко рявкнул:

— Хочу предупредить неразумных, что отрок именуемый Вельдом, отныне находится под покровительством храма. И если с ним что-то ещё случится, то это не пройдёт мимо нашего внимания, — и, повернувшись к Ликону, добавил: — Ногу ему подлечи. Только калек нам тут и не хватало!

Скользнув высокомерным взглядом по замершей в изумлении толпе, отец-наставитель уже окончательно скрылся в здании.

— Слушай Вельд, а господине князь в вашу деревню никогда часом не наведывался? — в наступившей тишине голос Гонды, прозвучал подобно раскату грома. — Может ты его сын незаконнорожденный?

— Да не помню я, — машинально ответил я по привычке, подбирая отвисшую челюсть. Это что же там такое находится? В этом мёртвом городе древних? Кольцо всевластия, эликсир вечной жизни или манускрипт с призывом самого Лишнего? Ни за что не поверю, что отец-наставитель озаботился простым вышлепком из-за чего-то меньшего. Мне стало, по настоящему, страшно.

— И что это было?

Я деланно потянулся, изо всех сил скрывая, под внешним благодушием, терзавшую меня тревогу. Мне бы самому понять, что сегодня случилось! Поступок Никонта был нелогичен. Прилюдно взяв под свою защиту, отец–наставитель, без сомнения, сделал меня объектом повышенного внимания всех послухов, что отирались возле школы. Нет. Я наверняка и раньше без пригляда не оставался! Не каждый недошлёпок в Вилич приходит, кристаллами по пути разбрасываясь! Но теперь меня вообще на передний план выдвинули! Демонстративное заявление жреца, оказалось сродни мощной бомбе, существенно пошатнувшей устоявшееся представление местных обывателей об устоях данного общества. Школа наполнилась слухами, обрастала сплетнями, терялась в догадках. Можно было смело утверждать, что в течение всей второй половины дня, все разговоры сводились как раз к тому вопросу, что задал мне Гонда. Соответственно, и отношение ко мне изменилось. Уже там, сразу после казни. В этой толпе абсолютно равнодушных ко мне людей вдруг появилась целая куча ребят, как оказывается искренне мне симпатизирующих и давно мечтающих со мной подружиться. Некоторые, похоже, только с этой целью и на свет родились! Да что там соученики! Даже господине экономе, задумчиво постучав пальцами по столешнице, пришёл к выводу, что на одной ноге я много не наработаю и, вообще, в ближайшие дни могу не утруждаться. А ближе к вечеру, ещё и мазь для ноги принесли! Целебную!! Из личных запасов отца–наставителя!!! Служка при этом даже поклониться соизволил! Видимо от шока в голове помутилось.

— О чём ты? — я изо всех своих невеликих актёрских способностей попытался придать лицу наивно–непонимающее выражение. Упускать возможность безнаказанно поиздеваться над своим врагом, я точно не собирался! Тем более что необходимость в услугах этого прохиндея теперь отпала. Не от кого меня больше этим архаровцам защищать. И так теперь не одна сволочь в мою сторону косо не посмотрит. Так что использовали вас ребятки и, вытерев ноги, цинично выкинули. За ненадобностью. Как говорится, всё в духе местных нравов и реалий.

— Я ещё намерен, когда ты нам о беседе с отцом Никонтом рассказывал, сомневался. Не тот человечиска — послух, чтобы его сам отец–наставитель своим вниманием почтил, — Гонда скептически улыбнувшись, устроился напротив меня. Следом вошли Марк с Лузгою. — И тем более не тот это человек, которого он прилюдно возьмёт под свою защиту!

— Сам в шоке, — хмыкнул я, картинно разведя руками. — Слушай, а может я и вправду княжий сын? Я даже смутно начинаю припоминать тот вечер, когда он в нашем доме на постой остановился. Бати как раз дома не было. Он волколаков доить, в пустошь ушёл. Вот у них и...

— Изгаляться удумал! — буквально зарычал Гонда, схватив меня за грудки. Бешеные глаза моего бывшего друга налились кровью. — Правду рассказывай! Что от тебя жрецу надобно?! А не то!

— А то что? — радушно улыбнулся я, глядя Гонде прямо в глаза и даже не делая попытки вырваться. — Убьёте меня? Или может, как городские, пытаться надумаете? — я улыбнулся ещё шире и невинно поинтересовался: — А не боитесь, что дядька Никонт потом заругает?

Несколько мгновений мне казалось, что Гонда ударит, так потемнело его лицо от ярости, но между нами вклинился Марк.

— Умом тронулся? — оттолкнул он Гонду. — Хочешь на месте городских оказаться?

— Ещё и нас за собой потянешь, — зло добавил помрачневший Лузга. — С него станется на всех поклёп возвести!

— Думаешь, ты поумнел? — Гонда не спускал с меня ненавидящих глаз, но лезть ко мне больше не пытался. — Так не обольщайся! Как ты был дураком, так дураком и остался! Ты думаешь, что раз тебя отец Никонт под свою защиту взял, так можно ничего не бояться? — будущий адепт воды неприятно рассмеялся и, махнув на меня рукой, пошёл к своему топчану.

— Это ты о чём? — задал вертевшийся у меня на губах вопрос Марк. — Его теперь в школе никто не тронет. Дураков нет! — верзила, помявшись, сунул руку за пазуху и, достав явно где-то стыренное яблоко, смачно надкусил.

— Да причём тут это? — пренебрежительно отмахнулся Гонда. — Здесь он теперь может где угодно в одиночку ходить с мешком камней мажеских за спиной. И никто даже близко не подойдёт. Так что наш пригляд ему больше не нужен. Тем более и уговор, судя по всему, порушен.

— Это почему? — сразу возмутился Марк. — Как шкуру его спасти, так мы нужны были, а как надобность отпала, так и ряд порушить можно! Разве так с друзьями поступают?

— Да какие вы мне друзья? — пожал я плечами. — Таких друзей только злейшему врагу пожелать можно. Но дело даже не в этом.

— А в чём? — набычился Марк. Даже яблоком хрустеть перестал от расстройства.

— А вы у друга своего спросите, — ответил я, сделав ударение на слове «друг». — Он, по-моему, уже всё понял.

— Да уж не дурнее некоторых, — хмыкнул тот в ответ, поудобнее устраиваясь на тюфяке. — Ясно же, что ты отцу Никонту то же самое пообещал, что и нам. В проклятый город дорогу показать.

— Ага. Так и пойдёт отец-наставитель в проклятый город! — недоверчиво фыркнул Лузга, вскинувшись из своего угла.

— Сам, конечно, не пойдёт, — согласно кивнул Гонда. — А вот людишек своих послать, вполне может. Видимо есть там что-то очень важное для него, раз так судьбой нашего друга озаботился, — теперь уже Гонда выделил слово «друг» и ехидно оскалился: — Вот только зря отец Никонт это на показ сделал! Как бы беды не было! Не всем он указ!

— Это ты о ком? — заинтересовался Лузга.

— Да о том же храме, например! — с апломбом пожал плечами Гонда.

— Вот сейчас не понял. Это как? — брови Марка удивлённо вскинулись вверх.

— Мда, — Гонда потёр переносицу. — Странно, что я вам это объяснить должен. В храме Троиx три ордена: радетелей, наставителей и вершителей. И у каждого свой покровитель есть! Отцы-вершители Хунгару поклоняются, наставители — Эйре, а радетели возносят свои молитвы Йоки. И промеж себя они не очень то и ладят! А в Виличе приором отец-радатель сидит. Вот я и думаю, — скривил он губы. — Что отец Никонт собрался своих людишек в город асуров послать, отца-приора об том не известив!

— А почто ты решил, что отец Никонт наособицу управиться удумал? — решил уточнить Лузга.

— Да потому, что он — отец-наставитель, — Мягко произнёс Гонда. — И его дело

надзирать за обучением изгоев науке мажеской, а не заниматься поисками в проклятом городе. А Вельда, если бы он известил отца-приора, должны были вершителям передать. У них для такого дела и людишки обученные есть, и колдуны боевые, и кристаллы, для борьбы с тварями богомерзкими подобраны. А отец Никонт, наоборот, когда после инициации Вельда в ходоки определили, вступился и не отдал. Я ещё тогда голову ломал. С чего бы? А теперь понятно, — Гонда сделал паузу для пущего эффекта и добавил: — Вот только теперь, не сегодня, так завтра, об этом отец-приор узнает!

Я досадливо поморщился, мысленно соглашаясь со своим недругом. И сам к этому выводу пришёл. Поэтому и не понимал поступка Никонта, своим заявлением фактически поставившим крест на тайне о готовящемся походе. Или я чего-то не знаю? Ну, не идиот же отец-наставитель? Прекрасно должен осознавать все последствия устроенного им после казни представления.

— Вот именно, — заметив мою гримасу, удовлетворённо хмыкнул Гонда. — Отец Никонт сделал ошибку, прилюдно взяв тебя под покровительство. Послухи в школе есть не только у него. И о таком событии, они уж непременно отцу-приору доложат. А догадаться, почто отец-наставитель так к тебе благоволит, будет совсем не трудно. Можешь быть в этом уверен!

— И что же будет потом? — озадачился Марк, почесав щетинистый подбородок.

— А кто же его знает? — пожал плечами мой недруг. — Тут по-разному может выйти. Только Трое знают, как отец-приор решит поступить. Вот только, что бы он ни решил, — Гонда сделал паузу, предав лицу мрачное выражение. — Для нашего «друга» конец один. Могила.

— Например? — скорчил я на губах скептическую улыбку. Мол, не больно-то ты меня и напугал. Пусть разозлится. Глядишь и выскажет, что по этому поводу думает. У меня и свои версии есть, но мой недруг однозначно местные расклады лучше всех тут знает. Ну, кроме Толика. Вот только эту обезьяну, я не за какие коврижки реанимировать не собираюсь! Не поленился даже до подземелья доковылять, чтоб колечко снять, да понадежнее припрятать!

— Ну, скорее всего, тебя просто заберут отцы-вершители. Что будет с отцом Никонтом, судить не берусь, но в город ты пойдёшь уже с ними, — Гонда облокотившись на стену, язвительно уставился на меня. — Вот только отношение к тебе будет иное. Неважно то, что твоего согласия собираясь в город асуров отец-наставитель не спрашивал. Всё равно в глазах вершителей ты соучастником его самовольства будешь, а значит, человеком подозрительным и ненадёжным. И как только станешь ненужным, от тебя попросту избавятся. Так, на всякий случай.

— Весёлый вариант, — хмыкнул я, и сам думая так же. Вот только тогда получится, что Никонт — полный идиот. А в это я не верил. — Может, есть варианты лучше?

— А как же! — обрадовано закивал мне Гонда. — Если отца-наставителя заподозрят в чём-то большем, а не просто в самоуправстве, возможно, приор решит пока оставить всё как есть и просто проследить, что же вы ищите в проклятом городе. А тебя ещё до начала похода тайно отвезут на допрос, — Гонда задумчиво посмотрел на мою ногу и деланно успокоил: — Ты не бойся. Они ничего ломать не будут. Тебя же целым на утро вернуть нужно будет. Но пытаться они умеют. Ну, может и обойдётся, — сочувственно покачал он головой. — Но кристалл, следящий, тебя одеть заставят и в самом городе перехватят. И тут уж без пыток никак. Так ты больше про то, что увидел, вспомнить сможешь! Причём, в этот раз, — довольно гоготнул мой недруг, — ты им целый нужен уже не будешь!

— А если не перехватят?! — заглянул я в глаза Гонде, скривив губы: — Камешек можно и потерять.

— И что? — пожал плечами тот. — Ни эти, так другие убьют! Не знаю, что тебе отец Никонт обещал, если, конечно, вообще обещал хоть что-то, но только потом тебя точно так же и прикончат. Чтоб про находку болтал меньше. Ну, разве что пытать не будут, — Гонда поскрёб рукой нечёсанные волосы. — А может и будут. Кто же их знает! Это тебе не с нами дело иметь!

— Ага, — иронически кивнул я в ответ. — Кругом дерьмо, одни вы хорошие. И вы бы со мной, если бы городе асуров что-то выгорело, честно поделились. Только почему то мне кажется, что в счёт доли мне ещё и нож причитался.

— Какой нож? — не понял меня Гонда.

— Да тот, что вы мне под ребро сунули бы, — хохотнул я в ответ.

— Так тебе всё равно его сунут, — признал мою правоту Лузга. — Не мы, так другие.

— А всё-таки хорошо, что у нас с тобой ничего не вышло, — Гонда зевнул, вытянувшись на тюфяке и резюмируя, произнёс. — Это нам богатство глаза застило. Я уж лучше тут спокойно отучусь. Адепт воды, если не дурак, неплохо устроится, может. И ещё. Попомни мои слова. Тебе до этого отчаянно везло, но в этом раз ты точно сгинешь. Не те, так другие доконают!

* * *

Предсказания Гонды начали сбываться уже на следующий день. Я, милостиво освобождённый по причине временной инвалидности от общественных работ, отчаянно скучал в своей каморке, настраиваясь на долгий монотонный день.

Неожиданный скрип двери прервал процесс скуки на самом интересном месте. На пороге стоял мрачный и, что невероятно, совершенно трезвый Ликон.

— Вставай, чего разлёгся, — буркнул он, закрывая за собой дверь. — Совсем тебя тут разбаловали! После той мази, что тебе вчера прислали, уже вприпрыжку бегать должен, а не бездельничать!

— Простите, мастер, — я постарался, ввести в свой голос нотки смирения. Маг, судя по всему, был сильно не в духе. И хоть служек у него за спиной нет, за наказанием если что дело не встанет. — Но я с трудом на неё наступаю. Очень больно.

Тут я немного покривил против истины. Всё-таки хорошая это штука — магия! Ещё вчера любое прикосновение к многострадальному пальцу, дикой болью по всей ноге отзывалось. Думал, что ещё пару недель с убогим костылём по всей школе ковылять буду. А сейчас? Я ещё утром приятно поразился, увидев, что опухоль почти полностью спала. Да и зловещий синюшный цвет куда-то подевался! Красота! Если бы не моё желание от трудовой повинности откосить, уже с утра ненужную палку выбросил. Полностью нога, конечно, не прошла, но потихоньку наступать на неё уже вполне можно!

— Маг должен не бояться боли, — скривил губы воздушник. — Поучить бы тебя, да недосуг. Времени мало, — Ликон машинально понизил голос, практически перейдя на шёпот. — У меня в келье отец-радетель сидит. Видать дошла до приора весточка о затее Никонта! — маг художественно выругался. — И кто его за язык тянул?

— И что теперь? — внутри у меня всё похолодело. — Заберут меня?

— Хотели бы забрать, отца-вершителя послали бы, со стражей, — усмехнулся маг в ответ. — Да и отец-радетель сюда тайно прибыл. И меня, чтобы язык за зубами держал, строго-настрога предупредил. Думается, отец-приор сначала всё разузнать поподробнее решил, а уж потом решение принять, как дальше быть. А значит, есть надежда, что они всё как было оставят и вас в самом городе перехватить удумают. Видать, на то и у Никонта расчёт и был, — Ликон машинально потянулся рукой к плечу и, не нащупав привычного мешка с бутылками, тяжело вздохнул: — Вот только повернутся по-всякому может, — маг пригладил всклокоченную бородёнку и, не сводя с меня тяжёлого взгляда, начал инструктировать: — Ты не вздумай отцу-радетелю врать. Он, наверняка, через послухов всё и так знает. Если уличит во лжи, всё — пропал ты. И наша с тобой затея прахом пойдёт! Расскажешь ему всё об ваших делах с отцом Никонтом. Не забудь всё время твердить, что ты верный слуга храма и думал, что всё делается по воле приора. И дальше, мол, служить готов. Главное, чтобы они вас в проклятый город отпустили, а там я своего не упущу! Да, и о наших с тобой делах ни слова. Я тебя случайно спас и ничего не знаю. Понял?

— Да, мастер, — с готовностью кивнул я.

Значит, ты в городе потом разберёшься. А о том, что и мне выпутаться поможешь даже упомянуть забыл. Впрочем, я и раньше об участии уготованной для меня магом особо не обольщался. А теперь, раз он и отцу-приору дулю соорудить собрался, моя жизнь вообще ничего в его глазах не стоит. Ладно. К вершителям в гости я точно не хочу, так что будем пока играть по правилам.

В комнате служившей жилищем для старого мага, мне раньше бывать не приходилось. Да и остальным я думаю тоже. Ликон гостеприимством явно не отличался, как и любовью к порядку. Во всяком случае, хаос царивший в небольшом душном пропахшем сивушными парами помещении, носил застарелый характер. Повсюду виднелись беспорядочно брошенные вещи: тряпки, обувь, грязная посуда. Стол заваленный кипой старого пожеванного пергамента. Мутное, давно не мытое окно с трудом пропускающего сквозь себя лучи поднявшегося над горизонтом солнца. И посреди всего этого бардака, смиренно сидел худенький седенький старичок в поношенной рясе и закинутым несмотря на духоту на голову капюшоне. Умные глаза, добрая, ласковая улыбка на густо покрытом морщинами лице, жиденькая полностью седая бородёнка заботливо уложенная поверх мантии. Как есть, дедушка — божий одуванчик! Вот только на душе от накотившей тревоги паскудно стало, да по спине отчего-то мурашки ледяной волной забегали.

— Входи, отрок, — голос отца-радетеля был под стать улыбке, такой же ласковый и доброжелательный. — Садись. Разговор у нас будет долгим, а тебе с больной ногой стоять тяжело будет.

Ошарашенный вниманием старика, я растерянно огляделся по сторонам. Присесть было некуда. Единственный стул завален всяким хламом, а садиться на кровать рядом со жрецом, я не рискнул. Заметив моё замешательство, отец-радетель, укоризненно покачав головой, направился к стулу и начал аккуратно перекладывать его содержимое на пол.

— Зачем, всеблагий отец, — сунулся было, стоявший за моей спиной, Ликон. — Я сам уберу!

— Пустое, — небрежно отмахнулся тот. — Мне не трудно. Оставь нас, Ликон.

Поклонившись, маг покинул помещение, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Ну вот, — жрец удовлетворённо посмотрел на стул и кивнул мне: — Садись.

Поблагодарив, я аккуратно сел. Внутри всё подобралось в ожидании неприятности. Знаю я таких, добрых и ласковых. Говорят Торквемада с такой же ласковой улыбкой людей сотнями пытал, а потом на кострах сжигал. И что характерно, при этом искренне считал, что творит доброе дело. Этот старичок, похоже, из той же категории. Стелет мягко, да только спать на его ложе вообще невозможно.

Отец-радатель, между тем, не спеша подошёл к двери, выглянул за неё, покачал головой, никого не обнаружив и вернувшись, вытащил небольшой продолговатый камешек коричневого цвета. Камень ярко полыхнул, даже сквозь крепко сжимавшие его пальцы. Старичок удовлетворённо кивнул.

— Твоё имя Вельд, не так ли? — осведомился он, вновь присаживаясь на кровать.

— Да, всеблагий отец, — придав своему голосу смирение, на какое только был способен, ответил я.

— А меня зови Яхимом, — радатель снова мне ласково улыбнулся и уточнил: — Отцом Яхимом. Так и называй.

— Хорошо всеб... отец Яхим.

— Вот и ладушки, — обрадовался жрец. — Ликон сказал мне, что юноша ты прилежный. Твоих чтить, храм уважаешь, а значит и мне сейчас всю правду расскажешь, — Яхим заглянул мне в глаза, наклонив голову чуть набок. — Не будешь расстраивать старика?

— Конечно, отец Яхим, — с готовностью кивнул я. — Мне скрывать нечего.

— Ты и вправду прошёл через проклятый город?

— Да, — не стал отнекиваться я. У радателей возможностей проверить поступившую информацию будет побольше, чем у отца Никонта. Так зачем самому себе могилу копать? — Я опаздывал в школу к сроку. Поэтому у меня не было выбора. Кратчайший путь лежал через проклятый город.

— Страшно было? — глаза радателя смотрели с лёгким участием. — Просто чудо, что тебе вообще выжить удалось.

— Чудом и выжил, отец Яхим! — согласился я. — Несколько раз думал, что уже и не выберусь. Такого страха натерпелся!

— Ну, ты всё же выжил! И к сроку успел! Молодец! — порадовался за меня Яхим. Чуть е ладоши от избытка чувств не захлопал. — Ну и как тебе дворец проклятого? Он и вправду так прекрасен, как в книгах описывают?

— Да от него одни стены и остались! — чуть поколебавшись, ответил я. — Внутри руины одни.

Я покосился, наблюдая за реакцией жреца. Тут всё зависело от того, правильно ли я понял мотивы поступка отца Никонта. Не мог не осознавать старик, чем его слова в будущем обернуться могут. А значит, сознательно внимание радателей к будущему походу решил привлечь? Зачем? На этот вопрос у меня только один приемлемый ответ нашёлся. Они и так об этом походе уже узнали. Послухов тут много, наушников ещё больше, вот где-то утечка информации и произошла. И дело шло к тому, чтобы сборы отцом-наставителем затеянные на корню пресечь. Меня к вершителям или, того хуже, в пыточную, отправят, отца Никонта, тоже куда-нибудь. (Не знаю, как тут с проштрафившимися жрецами поступают. Да и знать не хочу). Вот и решил хитрый жрец ва-банк сыграть. Дал понять местному руководству, насколько приз велик, коль он лично безопасностью какого-то недошлёпка озаботился. Заинтересовать решил. Судя по всему, о цели затеваемого им похода, Никонт благоразумно не распространяется, а против дознания с перемещением в пыточную у ушлого жреца есть

какой-то аргумент. И других вариантов заполучить что-то очень ценное, кроме как проследить за людишками Никонта в проклятом городе у отца-приора нет. На то и расчёт. Вот только что же в этом злополучном дворце настолько важное есть, что отец-наставитель за собой все мосты сжечь решился? В случае неудачи пощады ему ждать не приходится. До чего же бесит, когда тебя в тёмную использовать пытаются!

— Одни стены, говоришь, — укоризненно покачал головой старичок. — А что же тогда вам с отцом Никонтом в том дворце понадобилось, коль там порушено всё?

— А мне почём знать, всеблагой отец?! — искренне удивился я. — Не по чину мне в дела храмовые мешаться. Раз отец-наставитель повелел людишек его во дворец проклятого свести, я и должен расстараться! А что за надобность у служителя храма Троиш в том дворце, не моего ума дело!

— Вон оно как, — вновь ласково улыбнулся мне старик и вдруг, резко вскочив, жёстко ухватил за плечо. Громкий треск опрокинутого на пол кувшина. Острый, как бритва взгляд, полоснувший по глазам. — А ты случаем не лжёшь мне, отрок? — от напускного благодушия отца Яхима и следа не осталось. — Может мне тебя до отцов-вершителей отправить? Для разговора вдумчивого?

— Я правду говорю, отец Яхим! — мне даже изображать испуг не пришлось. Перспектива переноса разговора в пыточную кого хочешь напугать может. — Кто я такой, чтобы отец-наставитель со мной своими планами делиться стал?!

— Это я и без тебя знаю, — Яхим, по-стариковски кряхтя, вернулся на кровать. — Но может ты видел что, да о том отцу Никонту обсказал. Иначе почто он так всполошился? Отвечай! И смотри, если попробуешь солгать, дальше с тобой будут говорить отцы-вершители, — в голосе старого жреца лязгнул металл. — Ты понял меня?

— Да, — кивнул я, лихорадочно соображая. Рассказать о троне или нет? Знает о нём отец-радетель? Вряд ли. Ни Никонт, ни Ликон на эту тему распространяться не будут. Вот и я промолчу, пожалуй. А то, не дай Лишний, именно трон главной целью Никонта и окажется. Тогда, узнав о том, отец Яхим наверняка намечающуюся экспедицию прикроет. — Вот только там камни, да горы мусора. Если и уцелело что, так мне о том не ведомо. Я правду сказываю, всеблагой отец!

Отец-радетель подумал немного, зачем-то пригладил рукой мятую сутану и, наконец, вперив в меня взгляд своих огненных глаз, утвердительно спросил:

— Значит, что отцу Никонту нужно в городе асуров, ты не знаешь?

— Нет, отец Яхим. Он лишь сказал, что пошлёт меня в качестве проводника с его людьми. Моего согласия он не спрашивал.

— Я понял, что ты не по своей воле идёшь, — тонко улыбнулся радетель, давая понять, что разгадал мою немудрёную хитрость. Он не спеша встал, подошёл ко мне и, вновь положив руку мне на плечо, проникновенно продолжил: — У храма нет сомнений в твоей преданности Троиш, Вельд. И как истинный верующий, ты не откажешься помочь их слугам?

— Конечно, отец Яхим! — клятвенно заверил я радетеля.

Ага. Попробовал бы я не то что отказаться, а даже слегка замяться с ответом. И разговор бы продолжился совсем в другом месте. Только в несколько расширенном составе и в менее приятной обстановке. И главное помогать, потом, всё равно пришлось бы, только с цепью на ноге или что там у них в таких случаях предусмотрено.

— Я в этом и не сомневался, — ласково улыбнулся мне старик. — Отец Никонт сбился с пути, решив совершить поход в проклятый город, не оповестив об этом отца-приора. Его

обуяла гордыня. Но мы на него не сердимся. Мы даже не будем ему в этом мешать, а лишь приглядим, чтобы всё закончилось благополучно. Для этого вас будут незаметно сопровождать братья–вершители. В нужный момент они помогут. Что касается тебя, — отец Яхим на секунду задумался. — Кроме благословения храма, я думаю, мы сможем оставить тебя в Виличе после окончания учебы, здесь, в школе — служкой.

И этот туда же! Что же. Похоже это просто моя судьба — на побегушках в школе служить! Жизнь можно сказать удалась! Вслух, впрочем, я своего скепсиса по поводу уготованной мне участи высказывать не стал, попытавшись изобразить радость.

— О нашем разговоре никто знать не должен, — уже сухо продолжил жрец. — Надеюсь тебе не нужно напоминать, как строго храм наказывает ослушников?

— Нет, отец Яхим, — склонил я голову, чтобы скрыть от радетеля полупрезрительную улыбку.

На мне столько всего уже повешено, что до вашего наказания, я точно не доживу.

— Вот и хорошо, — отец Яхим удовлетворённо склонил голову и, порывшись в складках своего балахона, протянул мне руку. — Вот возьми.

Я машинально взял и внимательно разглядел небольшой с вишенку величиной тёмно–синий камешек, с красноватыми вкраплениями по всей поверхности. Камень был чуть тёплым, с заострёнными, точно сколотыми краями и удивительно тяжёлым для своих размеров.

— Когда пойдёшь в проклятый город, этот кристалл должен быть всегда с тобой, — требовательно заявил старик. — Он поможет отцам–вершителям не сбиться со следа и всегда оказываться рядом. Ты понял меня? — радетель заглянул мне в глаза. — Лучше тебе потерять голову, чем этот камень!

— Да, отец Яхим, — я вновь покорно склонил голову.

Выполнять это распоряжение радетеля я не собирался, намереваясь сразу как попаду в город асуров проклятый кристалл выбросить. Так хоть от этих можно будет избавиться! Кто знает, может они потеряв сигнал, вообще в город не сунутся. Хотя, конечно, добраться до библиотеки станет ещё проблематичней. Возможности у этой организации большие, а всепрощением тут точно никто не страдает.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо кивнул между тем отец Яхим. — А теперь иди себе с миром, — махнул он рукой. — И покличь сюда Ликона.

Тихонько прихрамывая, я по новой прокручивал в своей голове разговор с отцом–радетелем. Похоже, пока всё обошлось. Хотя появление в городе асуров ещё одной потенциально недружественной группы, не могло не беспокоить. Я и от своих опекунов не знал, как отделаться, да Ликон с его отравой маячил на горизонте. А тут ещё и вершители. Причём, они кого попало в проклятый город точно не пошлют. И каковы, при всём этом у меня шансы проскочить между этими силами и сохранить свою тушку относительно целой? Печально всё это. Остаётся надеяться, что больше желающих принять участие в развлекательно–поисковой экскурсии под кодовым названием «Дорога во дворец Инсора» не найдётся. Заявки приняты, состав укомплектован.

— Вельд собирайся быстрее! Господине экономе кличет! — заскочивший в комнату Марк был не на шутку возбуждён.

— Зачем ещё? — недовольно пробурчал я тем не менее поднимаясь со своего ложа. Вот же денёк выдался! Только вернуться и поудобней устроиться успел, как опять куда-то идти! Неужто эконому настучали, что у меня нога прошла и меня сейчас на работу припадут?!

— А я знаю? — мотнул головой Марк. — Мы как раз с Лузгой мешки с углём таскали, когда он появился и велел Лузге за ним идти, а мне тебя с собой привести, — Марк начал притоптывать на пороге от нетерпения. — Быстрее давай, а то господине экономе опять лаяться начнёт!

— И так спешу, как могу, — процедил я сквозь зубы, направляясь к выходу. — Можно сказать, бегу со всех ног!

Перед дверью в покои эконома уже переодевалось с десятков моих соучеников. Над ними грозно нависал незнакомый нарядный служка, то и дело покрикивая и не скупясь на увесистые оплеухи. Рядом стояли экономе и мрачный Ликон, неодобрительно наблюдавшие за происходящим.

— Шевелитесь, нерюхи ушастые, — рявкнул нам экономе, кивнув на валявшиеся в углу узлы с одеждой.

Я начал переодеваться, гадая про себя, что за очередное действие сейчас предстоит. Одежда то парадно-выходная! То есть, не сильно поношенная и почти без заплат. Мы её только на инициацию и суд совмещённый с казнью одевали. А сейчас что предстоит? Похороны?

— А куда мы пойдём? — решил спросить я, осторожно просовывая в штанину большую ногу.

— А тебе что за дело, убогий? — моментально вызверился на меня служка. — Куда скажут, туда и похрамаешь! Хоть к Лишнему в пекло, хоть к берыге в пасть! — и нацелился вlepить оплеуху уже мне.

— А он у нас такой, — Ликон злорадно посмотрел на служку. — Ему до всего дело есть. Как-никак сам отец-наставитель под своё покровительство взял!

— Все мы под покровительством храма, который печётся о нас денно и ночью! — высокопарно парировал в ответ служка, но отвечать мне подзатыльник почему-то передумал.

— Так-то оно так, — с гаденькой улыбочкой согласился со служкой господине экономе. — Только особо усердным, он и покровительствует особо! — и повернувшись ко мне, объяснил: — Честь вам великую оказывают. В замок господине князя пойдёте. Он приболеть соизволил, после забот вчерашних. Вот его сейчас лечить придворный маг и будет. А вы энергию для него из-за изнанки качать. Этому вас Ликон успел, худо-бедно научить.

— А мы там зачем? — непритворно удивился Прикс, тоже оказавшийся в нашей компании. — В замке колдунов, небось, хватает. Не чета нам будут. Они и энергии намного больше зачерпнуть смогут, и продержатся дольше.

— Тебя бездельника спросить забыли! — окончательно вызверился служка и отвесил Приксу такую оплеуху, что тот рухнул на пол. — Совсем у вас это рваньё от рук отбилось! — пожаловался он Ликону.

— Это я ещё самых лучших отобрал, — пожал плечами в ответ тот и, повернувшись к нам, снизошёл до объяснения.

— А там заклинание само по себе не сложное. Придворный маг и сам легко справился бы. Да вот только откат больно неприятный. А так большая его часть вам достанется, — Ликон весело хохотнул. — Заодно и узнаете, каково это — бурдюками быть!

— А я как же? — решился спросить я, аккуратно встав рядом со своими товарищами. — Я со своей ногой далеко не уйду.

— А далеко и не надо, — осклабился Ликон. — Замок княжий тут неподалеку находится, — и незаметно подмигнув мне, добавил: — А без тебя никак. Насчёт тебя особое распоряжение было.

Последние слова маг особо выделил, со значением посмотрев на меня. У меня всё внутри похолодело. Да что же такое то! Похоже, клубок проблем разрастается до размеров маленького Эвереста! Князю то, что от меня надо? Тоже кусок пирога под названием «Сокровища древнего города» откусить хочет? Или всё же усыновить меня решил?

Княжеский замок действительно оказался совсем недалеко. Даже имея в своем составе такого скорохода как я, мы достигли намеченной цели относительно быстро. И уже через полчаса протискивались в небольшую, донельзя узенькую калитку, почти незаметную на фоне мощной замковой стены.

Город меня откровенно не впечатлил. Однотипные, сложенные из крупного, грубоотёсанного серого камня, дома плотно жались друг к другу, сплошной стеной нависнув над головой. Мрачная, залитая грязью и чем-то ещё до омерзения вонючим и резко шибяющим в нос улочка, была настолько узка, что редкие встречные прохожие, попадавшиеся нам на пути, были вынуждены прижиматься к самому краю сточных канав, пропуская важно вышагивающего служку и затем смачно сплевывая вслед нашей компании. Чувствовалось, что не будь с нами княжьего посланника, одними косыми взглядами и плевками дело бы не ограничилось. Сами сточные канавы почти такие же широкие как и дорога, охватывая её с двух сторон, ароматов тоже не добавляли.

— У нас в деревне и то чище будет, — поймав мой взгляд, шепнул мне Лузга, опасливо покосившись в сторону служки.

— Здесь народу больше, — фыркнул я ответ.

— Здесь просто квартал для бедных, — возразил попавший к нам в группу один из местных. — Вот с другой стороны замка, там, где знать живёт, и дома красивые, и улицы широкие и чистые.

Не знаю про центр города, а вот внутри замка намного чище не было. Всё та же расхлябанная, разве что немного более широкая дорога, всё та же осенняя жижа хлюпающая под ногами. Разве что сточных канав не было видно. Это что же, дворяне настолько из другого теста сложены, что и не срут вовсе?

Незатейливая шутка немного подняла настроение и я уже бодрее заковылял вслед за другими. Если в замке меня и ожидают неприятности, изменить я пока ничего не могу. Что будет, то и будет!

В замок, приземистое мрачноватого вида здание, состоящее из нелепого нагромождения многочисленных башенок, куполов и смотровых площадок, мы тоже попали с чёрного хода. Оно и понятно. Нищевродов тут не очень то и привечают. И так, открывший толстую, окованную железом низенькую дверь, стражник долго и подозрительно нас изучал, пока служка втолковывал, что мы не группа уличных попрошайек и привёл он нас по приказу некоего куна Абашева. Дальше путь по чередке лестниц, переходов, залов и маленьких

комнатушек. Я поначалу ещё пытался запоминать дорогу, но очень быстро запутался и бросил это бесполезное занятие. Будет нужно, выведут, а нет, то и это знание мне ничем не поможет. Наконец, мы очутились в довольно большой зале, заполненным народом. Безвкусно, но богато разодетые придворные, парочка одетых в неизменные балахоны жрецов, небольшая стоящая особняком группка магов в белых одеждах и разнообразная пестро разодетая челядь снующая туда-сюда. Все эти люди чего-то ждали, тихо переговариваясь между собой.

— Привёл? — от магов отделился высокий пожилой мужчина, с ястребиным носом, хищно торчавшим из-под густых бровей. Чистая, белоснежная мантия, золотая цепь на шее, перстни на пальцах. Сразу видно, что у этого мужика, несмотря на низкий социальный статус, жизнь удалась!

— Да, кун Абашев, — всю спесь со служки как ветром сдуло и он склонился в низком поклоне.

— А это ещё что? — кун уставился на мой костыль. — Ты бы сюда ещё безногого привёл!

— Прости, кун, — служка так побледнел, что сравнился цветом лица с белоснежной мантией мага. — Но это тот самый, насчёт которого распоряжение было, — Было видно, что он тщетно пытается вспомнить мое имя. — Как тебя зовут? — наконец сдался он, требовательно уставившись на меня.

— Моё имя Вельд, — сумрачно ответил я.

Происходящее начало меня откровенно бесить и ответ прозвучал не очень вежливо. Ну и чёрт с ним! Надоело перед этими сволочами лебезить! Тем более перед каждым лакеем на побегушках у барина. И хрен они меня тронут! С Никонтом связываться побоятся. Хоть какая-то польза от дурацкой эскапады отца-наставителя.

— Вельд, значит, — сощурившись, внимательно осмотрел меня маг и развернулся к трясущемуся служке. — Ты совсем сдурел?! Калеку к господине князю на глаза вести?! Ступай отседа! — служка, даже не пытаясь скрыть облегчение, быстро ретировался. — Значит так, — продолжил маг, повернувшись к ученикам. — Стоять тихо тут и ждать, пока вас не позовут. В присутствии господине князя молчать и быстро выполнять то, что вам скажут. Ты иди за мной, — развернулся он ко мне. — Выведу тебя из замка. Дальше сам доковыляешь!

Абашев направился к боковой двери, в которую до этого мы вошли. Мне не осталось ничего другого, как заковылять следом. И вновь я бреду по бесконечным извилистым лабиринтам, изо всех сил стараясь не отстать от быстро шагающего мага. Внутри всё кипело от злости. И зачем меня сюда было тащить с больной ногой? Чтобы сразу пнуть и обратно выкинуть, как нагадившую на ковёр собачонку? И притащили сюда специально! Ликон зря предупреждать не будет, да и служка проговорился. Тогда в чём смысл? Просто поглядеть на меня решили? Или ещё чего? Из замка ведь ещё и выйти надо! Я настороженно огляделся по сторонам. Нет. Ну, кто так строит а? Я даже определить не могу, той ли мы дорогой возвращаемся! Лабиринт какой-то, а не дворец!

То, что мы идём не к выходу, стало понятно, когда у меня за спиной материализовались два дюжих стражника, цепко ухвативших под локти. Загремел по полу выпавший костыль.

— Вы чего?! — дёрнулся, было, я, но добился лишь того, что в меня вцепились ещё крепче. Абашев продолжил свой путь, даже не обернувшись.

Ну вот. А я уже было переживать начал, что понапрасну в замок пришёл! Теперь,

похоже, нужно переживать о том, чтобы из него выйти! Судя по радушию встречающих, пирогами с яблоками меня тут потчевать не собираются. Живым бы ноги унести! И желательно не покоцанным!

Между тем, достигнув крутой винтообразной лестницы, маг начал спускаться вниз. И вот куда он меня ведёт? Что это за башня наоборот такая? Мы уже явно ниже земли спустились.

Ответ, куда я попал, пришёл очень быстро. Лестница сменилась полутёмным коридором, ударившим в лицо тёрпким затхлым воздухом. Три стражника на входе. Ряд отделённых толстыми решетками помещений. Вот чёрт! Да это же темница местная! Внутри у меня всё похолодело. В неприкосновенность моей тушки, стало вериться гораздо меньше.

Маг между тем остановился перед большой железной дверью в конце коридора и гулко стукнул в неё кулаком. Дверь отворил приземистый, слегка сгорбленный мужик в поношенной грязной рубахе и совершенно заурядной внешностью. Встреть такого в толпе и не в жизнь не признаешь.

— Входи, кун, — с достоинством поклонился он, отступая в сторону.

Равнодушные, бесцветные глаза вскользь мазнули по мне. Маг, брезгливо скривившись, вошёл внутрь, следом, втокнули меня. Дверь за спиной с лязгом закрылась.

Вот, всё-таки изобретательное существо — человек! Кто, кроме него может похвастаться пытливым умом и изошрённым воображением? Никто! Всё живое, в этом мире, живёт по заложенным в него шаблонам, и всё на что способно — только развивать дарованные природой способности: скорость, силу, мимикрию. И только человек, с его уникальным умением осознавать себя и окружающую его среду, пошёл другим путём. Он стал перестраивать этот мир под себя: придумывать, всё более и более совершенствуя, предметы способные облегчить его труд, обеспечить безопасность, улучшить бытовые условия, скрасить досуг, наконец. Но человеческий разум стремится не только созидать, но и разрушать. Он как двуликий Янус, смотрящий сразу в две стороны: добра и зла. И одной из граней этой тёмной чёрной стороны души человека является его стремление причинить своему ближнему боль. И здесь изобретательный человеческий разум, тоже развернулся в полную силу. Что только не придумали люди за века своего существования, каких пыток только не изобрели, какие орудия казни только не изготовили, заставляя содрогаться от одного только их вида. Всё это менялось, преобразовывалось, совершенствовалось. Но всё же, было то, что на протяжении веков оставалось неизменным в этом жутком процессе. Это атмосфера, царившая в казематах, приспособленных людьми для издевательств над подобными себе. Атмосфера страха, боли и отчаяния, густо замешанная на застоявшемся затхлом запахе крови и человеческих испражнениях. В одной из таких пыточных оказался и я.

Мрачное полутёмное помещение с низким нависшим над головой потолком и покрытыми плесенью стенами, огромная пышущая жаром печь, с всунутым в неё десятком накалившимися докрасна железяк, блоки с натянутыми на них веревками и цепями, целый ряд плетей висевших на одной из стен и трое здоровенных мужиков со звериными физиономиями, лениво вставших с широкой потёртой лавки и поклонившихся магу. Атмосферно, в общем всё. Реалистично.

— Вот тут беседа пойдёт веселей, — удовлетворённо повернулся ко мне Абашев. — А то времени у нас мало. Господине князь вот-вот проснётся. Да и заклинание много времени не занимает. Но я думаю, мы успеем.

— Конечно, успеем кун, — горячо заверил я его. — И совсем не обязательно было сюда спускаться! Я и так бы ответил на все вопросы.

Играть в партизана и гордо молчать, я действительно не собирался. Иллюзий насчёт того, что смогу выдержать пытки, у меня не было. Местные палачи в этом явно толк знают. Да и ради чего молчать? Просто из принципа, что ли? Мол, раз вы так, то и фик вам. Я же не разведчик, посланный в тыл врага. Так что ту же версию, что и отцу Яхиму, я готов выдать хоть сейчас. Разумеется, не упоминая самого отца-радетеля. Вот только есть у меня опаска, что одного моего желания отвечать на вопросы может не хватить. Что-то из моей прошлой памяти говорит, что был у наших предков премилый обычай на допросах всех пытать. Даже тех, кто сразу свою вину признавал, и каяться начинал. Мол, с пыткой вся правда быстрей выйдет. И каждый вопрос сопровождался каким-нибудь истязанием. Одна надежда, что я им целиком нужен и до крайности всё же не дойдёт. Что пугают просто, чтобы сговорчивей был.

— Оно, конечно, так, — кивнул, соглашаясь, маг и подтверждая мои худшие опасения, продолжил: — Только здесь оно как то вернее будет, — и повёл бровями в сторону палача. — Трофим.

Тот понятливо кивнув, мотнул головой гариллообразным подручникам и двинулся в мою сторону. Сопротивления практически не было. Нет. Отчаянно рванувшись к двери, я даже умудрился заехать одному из мужиков по роже, но по-моему только себе больнее сделал. Во всяком случае, мой удар на него никакого видимого впечатления не произвёл и буквально через минуту, я голый по пояс стоял с распятыми руками и ногами посреди пыточной. Попытки вырваться ожидаемо никакого результата не дали. Только запястья об кандалы расцарапал.

— У меня всего несколько вопросов, собственно, — встал передо мной маг, внимательно глядясь мне в лицо — И от того насколько правдиво ты на них ответишь, зависит насколько целым ты отсюда выйдешь. И выйдешь ли вообще.

С боку между тем подошёл палач и, поигрывая плетью с тремя хлыстами, зашёл мне за спину.

— Только полегче пока, Трофим, — предупредил его кун. — Он вскоре на своих ногах отсюда уйти должен будет.

— Что же ты... — начал, было, я, но за спиной что-то противно свистнуло, и резкая боль заставила меня вскрикнуть.

— Это так. Для начала разговору, — спокойно пояснил мне маг.

— Я вижу, ты умеешь беседы вести! — скрипнув зубами, прохрипел я.

Чистая, ничем не замутнённая ненависть заполонила меня полностью. погоди! Жизнь она по-всякому оборачивается! Будет возможность, непременно отомщу. Главное отсюда выбраться!

— Дерзишь? Это хорошо! — одобрил Абашев и новый удар заставил меня закусить губу.

Всё же щадит меня пока Трофим. Захотел бы — дух мигом выбыл бы. И пока щадит — шанс выбраться отсюда есть. Берегут! Значит, собираются отпустить. Вот когда всерьёз калечить начнут, тогда всё, тут я и останусь.

— Что нужно отцу Никонту, в проклятом городе? — перешёл между тем к делу маг.

Я напрягся было, ожидая сопровождающий вопрос удар, но его не последовало. Точно берегут, сволочи! А ведь он тоже подумывает в город податься! Какой же великий приз на кону, что весь местный террариум зашевелился?! Ну, так пусть и этот идёт! Шансов, против вершителей, у него немного будет. Глядишь и сгинет. А если очень повезёт, так я их

на него ещё и натравлю!

— Кристалл там великий, — начал забрасывать наживку я. — Я его во дворце проклятого мага нашёл, да только сам забрать не смог. Заклятье на нём охранное. Взять кристалл в руки можно, а выйти с ним из дворца, нет.

— Врёшь! — резко прервал меня Абашев. — Я о такой магии сроду не слыхивал!

На этот раз удар последовавший за словами мага, был настолько силен, что заставил меня закричать. С ненавистью покосившись на мага, я слизнул потёкшую из губы кровь.

— Правду говори! — потребовал между тем мой истязатель.

— Я правду сказал! — через силу выдавил я. — Кристалл тот настолько горяч, что голыми руками взять невозможно. Отец Никонт как узнал, враз за книгу, что цепью к стене прикована была, схватился. Читать начал. А потом сбираться обратно в город велел.

— И о чём в той книге говорилось?

— Да не знаю я! — я даже цепями загремел, подтверждая своё неведение. — Он же не вслух читал. Я только заметил, что отец–наставитель обрадовался очень. И сказал, что я теперь его людишкам дорогу во дворец показать должен. За то и под покровительство своё взял!

— Ну, на Никонта ты особо не надейся, — криво улыбнулся мне Абашев, уловив мой намёк. — Он в местной иерархии величина небольшая и господине князю указывать не смеет. Да и сдаётся мне, что затею эту с походом в проклятый город, он без ведома отца–приора затеял. Ему бы теперь свою голову на плечах сохранить, что уж о такой мелюзге как ты беспокоится. Кстати, — спохватился он, будто только что вспомнил об этом. — А отцы–радетели твоими похождениями не интересовались?

Вот что ему на это ответить? Сказать правду или отрицать всё? Ясно пока только одно. От того заинтересуется эта сволочь предстоящим походом в запретный город или нет, зависит моя жизнь. Решится туда пойти и меня тогда отпустит. Почему то им всем в это предпрятии очень важна моя персона, причём до поры, до времени относительно живая и целая. А вот если он туда пойти не решится, то тут как говорится, возможны варианты. И самый печальный из них, для меня очень даже вероятен. Узнали, что хотели и концы в воду. С князем отец–наставитель и вправду связываться не будет. Утрётся и сделает вид, что ничего не случилось. Вывод? Нельзя этому гаду говорить, что отцы–радетели тоже в игре. Струхнуть может дворянчик мажеский. На попятную пойти. Пусть уж лучше тоже в город сунется. А там уж как фишка ляжет. Одним игроком больше, одним меньше! Тем более что на этого скакуна, я и гроша ломаного не поставлю.

— Чего замолчал, волчье семя? Вопросы не расслышал?

Хлёсткий удар вновь огнём ожог спину, заставив буквально взвыть. Мать твою! Да сколько же можно! На мне скоро живого места не останется!

— Нет! — Заскрипел я зубами, извиваясь в цепях. — Соученики пытались расспрашивать, служки, даже стража у ворот интересовалась. А из храма не было никого! Я сам думал что придут, но не было!

— Лжу глаголешь, небось, — задумчиво потёр бороду маг. — Может нам тебе бок железом калёным прижечь? Железо то оно всех сговорчивыми делает. Не могли отцы–радетели не заинтересоваться тем, что отец Никонт какую–то деревенщину под своё покровительство взял. Людишек там ихних много. Не могли не донести. Трофим, — обернулся он к палачу.

Тот не спеша, отложив в сторону окровавленный кнут, прошагал к жаровне и,

поворошив лежащие на огне штыри, выбрал один из них и шагнул ко мне. Раскалённый ярко-красный прут толщиной с указательный палец покачался перед моим лицом, как бы давая оценить предстоящую перспективу.

Меня охватил ужас. Нет. Вот этого я точно не выдержу! Это же боль нереальная будет! Да и черта между жизнью и смертью, тем самым, пройдена будет. После этого меня отсюда точно не выпустят. А значит и всё остальное на моей тушке испытают!

— По школе слух прошёл, — скороговоркой заговорил я, косясь на раскалённый прут. — Что казну я с кучей кристалло, в проклятом городе найденных за стеной запрятал. Меня и пытаться из-за этого городские во главе с Жихарем начали. А отец-наставитель их за это казнил и меня под защиту взял. Вот видимо соглядатаи и решили, что я ему казну отдать обещал.

— Так отцы-радетели этакой сказке и поверили, — криво усмехнулся маг. — Я вот не верю!

— Может и не поверили, — не стал спорить я с ним. — А только со мной не беседовали. Иначе бы они меня к себе забрали. Чтобы до дворца добраться, они людей получше отца-наставителя собрать смогли бы.

Минутное раздумье мага для меня длилось целую вечность.

— Ну что же, — наконец принял решение он. — Я тебе поверю, пока, — раскалённую железяку убрали от моего лица. — Только ты учти, — Абашев с силой сдавив своей рукой мой подбородок, заглянул в глаза. — Если ты мне соврал, мы вернёмся к этому разговору. И я попрошу Трифона продемонстрировать тебе всё своё мастерство. Он у нас палач знатный. По всему княжеству славится.

Трофим, вернув прут в жаровню, обернулся ко мне и безлико улыбнулся. Рыбьи глаза были холодны как лёд.

— И не думай, что покровительство отца Никонта или даже отца-приора тебя спасёт, — продолжил между тем маг. — Это княжья земля и ты его подданный. Даже если ты окажешь какую-то услугу храму, ссориться из-за такой мошки как ты с князем, они не будут. Тем более что услуга то уже оказана и ты им больше не нужен. Поэтому, — Абашев, наконец, отпустил мой подбородок и брезгливо вытер руку о кружевной платок. — Если ты мне хоть в чём-то соврал, то сейчас лучше всего признаться. Расскажешь всю правду и уйдёшь отсюда. Смотри. Потом поздно будет!

— Я правду сказал, — облизал я пересохшие губы. — Я и сам понимаю, что врать мне дороже выйдет.

— Правильно, — одобрительно прищурился колдун. — Врать мне ни сейчас, ни потом не рекомендуется. Значит так, — закусил он губу в раздумье. — В город ты пойдёшь с людьми отца-наставителя, но кристалл ты поможешь достать именно мне. А что с людьми жреца в нужное время сделать, я тебе объясню.

— «Вот бедолаги», — хмыкнул я про себя. — «У меня уже сонный порошок и камешек мажеский для вас припасены. Ликон с Яхимом расстарались! Сейчас ещё гостинец для вас выдадут! И я не удивлюсь, если это ещё не предел. Так что вам точно не выжить!

— А вы как там окажетесь? — решил поинтересоваться я.

— А я по твоим следам пойду, — обрадовал меня маг. — Я смотрю, обувка у тебя плоха совсем, — скептически уставился он мне на ноги. — Я тебе другую подарю.

Один из горилл приподнялся, зашёл мне за спину и через несколько секунд вернулся в поле зрения, поставив передо мной пару дырявых сапог, не производивших впечатления

даже на фоне моих онучей. — Ты не смотри на их вид. Хорошая обувь, — заверил меня между тем Абашев. — А главное, полезная очень. Сапожки эти след магический оставляют. Да не простой. Чтобы его увидеть, надо заклинание специальное произнести. Так что, куда бы ты в городе не шёл, от меня не потеряешься! Главное только снимать их там не вздумай. Очень ты меня этим расстроишь!

Я, разумеется, горячо заверил, что расстраивать господине мага у меня и в мыслях не было. Похоже, всё-таки поверил! Во всяком случае, кандалы с меня сняли и одеться позволили. К своему удивлению, чувствовал я себя довольно сносно. Даже раны на спине хоть и болели, но терпимо и совсем не кровоточили. И вправду умелец — покосился я на палача. Но попасть в его руки, когда он возьмётся за дело всерьёз, я точно не хочу. Так что живым лучше в руки людей князя в дальнейшем не попадаться. Хорошо хоть сейчас они меня калечить явно не собирались. Вон даже обувь заранее приготовили. Не сомневались, что договориться смогут. Ну, ничего. Это самомнение вам боком в городе асуров выйdet. Мне все участники предстоящей гонки за не пойми чем, не очень симпатичны, но доведись выбирать, на чью сторону встать, твоя господине кун будет последней!

— Одевай обувь и пошли отсюда, — продолжил между тем маг. — Времени много прошло. Скоро недошлёпки после отката маленько очухаются и их обратно в школу погонят. Ты раньше вернуться должен. И помни, — решил подсластить мне пилюлю Абашев. — Я не только наказывать умею, но и вознаграждать. Поможешь мне кристалл получить, и я тебя награжу.

— Что служкой в школе после учебы пристроите? — привычно уточнил я.

— Ну, можно и служкой, — удивлённо посмотрел на меня маг. — Если ты так этого хочешь. Я-то хотел тебя к дворцу господине князя взять. Тут даже бурдюки очень неплохо живут.

Ну, надо же! Самый противный из моих нанимателей и самый щедрый оказался! Нет. Оно понятно конечно, что выполнять обещание никто не собирается, но всё же впечатляет. Жалко в этом городишке никого больше достаточно влиятельного нет, а то глядишь мне и место архимага со временем предложили бы! В общем, расту в карьерном отношении. Однозначно расту!

* * *

Дорога обратно в школу была не из приятных. Народу на улице прибавилось, а проводить меня на этот раз никто не удосужился. Даже костыль не вернули, сволочи! Так и шёл, стиснув зубы и припадая на одну ногу по самому краю дороги.

Какие же всё-таки люди скоты! Идёт себе человек своей дорогой. Никого не трогает, никому не мешает, ни в чьи дела свой нос не суёт. Казалось бы — чего к нему лезть? Так нет же! Если появилась возможность безнаказанно поизгаляться над ближним своим, кто же такую возможность упустит? Никак нельзя! Вот и сыпались мне вслед ругательства, плевки и оскорбления. Атмосфера вокруг меня буквально накалилась, напивавшись беспричинной злобой попадавшихся навстречу горожан. В спину с противным чмоканьем ударил комок липкой грязи. И следом задорный смех обрадованной детворы. Чуть слышно процедив

ругательство, я лишь ускорил шаг. Нельзя мне отвечать! Стоит только остановиться и оскорбления перерастут в побои. Толпа только сигнала к действию ждёт. Убить — не убьют, но покалечить запросто могут. Быстрее! Вон уже и ворота в школу виднеются неподалёку. Немного осталось! Я что было сил ускорился, проигнорировав ещё пару комков грязи, проскочил мимо, нацелившегося было столкнуть меня в канаву молодого верзилы, отвернулся от замахнувшегося на меня деревянной клюкой старика и замер, почувствовав на своём локте чью-то руку.

— Подайте милостивый господине на пропитание медный грошик.

— Ты что, не видишь, что ли? — раздражённо отмахнулся я, поворачиваясь к одетому в невообразимые лохмотья нищему. — Ученик я мажеский. Откуда у меня деньги? У самого брюхо с голодухи подвело!

И попытался вырваться, нацелившись, на уже такие близкие ворота. Но тот и не подумал отпускать мою руку.

— Так может хлебушка дашь, аль сухарик какой? Я всё с благодарностью приму, — потянулся ко мне побирушка.

— Пропусти, говорю! — начал закипать я. — Я же тебе ска...

Лезвие ножа упёршегося в бок, заставило меня умолкнуть на полуслове.

— Ну, нет, так и нет. Чего так кричать? — дохнул запахом пережаренного лука мне в лицо нищий. — Ты потише будь. Глядишь и шкуру свою без дырки в боку сохранишь.

— Чего тебе? — севшим голосом поинтересовался я, даже не делая попытки вырваться. Уж больно профессионально псевдонищий мне перо в бок упёр. Чуть дёрнешься, и как в масло под ребро вгонит. — Взять с меня и вправду нечего. Нашёл, кого грабить!

— С любого можно что-то взять, — жизнерадостно ощерившись, не согласился со мной побирушка. — Ну а с тобой просто людишки перетереть хотят. Не будешь дёргаться, глядишь целым и уйдёшь.

— И что этим людишкам от меня надо? — спросил я, лихорадочно соображая, кто на этот раз соизволил обратить внимание на мою персону. Вроде все серьезные игроки отметиться уже успели. Разве что шпионы твинского герцога в игре поучаствовать решили. Их по слухам в Виличе не мало.

— А вот сходим, и узнаешь, — хмыкнули мне в ответ. — Тут недалече будет.

В этом мнимый побирушка не соврал. В дом возле которого он сидел, и зашли. Стоило переступить порог, как мой провожатый с силой меня толкнул и, закрыв дверь, молча, встал возле неё. Я, мысленно чертыхнувшись, с трудом сохранил равновесие, огляделся и замер, разом похолодев.

В комнате кроме меня и маячившего за спиной нищего, было ещё четверо. Трое вольготно расположились за большим, занимавшим полкомнаты столом и выпивали, закусывая это дело немудрёной снедью. Особо бросался в глаза сидевший как раз напротив меня гарилообразный детина, с внешностью прирожденного убийцы и шрамом от подбородка до уха. Восседавший слева от него мужик, тоже был довольно колоритен: весь заросший волосами словно шерстью, он к тому же отпустил довольно длинную бороду и зачем то подвязал ее ленточкой к полинялой шапке, которую не снял даже за столом. Третий — тёмноволосый мрачный крепыш в красной полинялой рубахе без воротника, что-то увлечённо выковыривал, в этот момент, из-под ногтей. Но напугали меня не эти трое. Слева, прислонившись плечом в печке и, сложив руки на груди, с усмешкой смотрел на меня Жихарь. Я машинально попятился и уткнулся спиной в замершего сзади нищего.

— Ты бы не дёргался, дружок, — насмешливо посоветовал мне он. — Я на дверь щеколду накинул. За раз не выскочишь. А там и мы скрутим.

— Да и зачем тебе дёргаться, паря? — отвлекся от своих ногтей крепыш. — Мы тебя для разговору сюда позвали. Побалакаем, и в школу свою побежишь. А его можешь, не бояться, — мотнул он головой в сторону Жихаря. — Он нам только как видок понадобился. Чтобы ошибки, значит, не было. Дело то серьёзное. Но раз ты его узнал, так теперь он и совсем без надобности, — мужик повернулся к Жихарю и повелительно бросил: — Ступай, давай отселя. Понадобишься, я тебя кликну.

Всё так же криво улыбаясь, Жихарь проскользнул мимо меня и вышел за открытую нищим дверь.

— Да ты садись. Что стоишь то? — проявил гостеприимство между тем мужик. — Выпей вон с нами, ежели желание есть. Закуси. Хорошего человека, отчего не угостить?

Двое других, искоса поглядывая на меня, продолжали, молча жрать.

— Оно спасибо конечно, — осторожно ответил я, присаживаясь напротив мужика. — Да только мне сейчас и кусок в горло не полезет. Говори уж скорей, чего звал. Извини, уважаемый, что не по имени обращаюсь.

— Зови меня дядька Курьян, — махнул степенно рукой тот. — Его вон, значитса, — Курьян покосился на оскалившегося в приветливой улыбке меченого, — Кусачём кличут. Ну а колдуна нашего дедушкой Албычем величают. Ну а твоё имя мне и так известно, — и почесав за ухом, Курьян продолжил: — Ну, раз к делу так к делу. Ты не бойся. Пытать про казну спрятанную, мы тебя не будем. Есть она — хорошо. Твоя удача. Ты нашёл — тебе и владеть. А нет и не надо. Ну, и Лишний с ней.

— Это радует, — нашёл я себе силы пошутить, хотя внутри всё сжалось в нехорошем предчувствии. — А то у меня нога только пройти успела. Болела ужас как.

— Это Жихарь погорячился, — бледно улыбнулся Курьян. — Жадность глаза застила, вот и погнался за малым, от большого куша отвернувшись. И дружков своих под правёж жреческий подвёл!

— О чём это вы? — насторожился я ещё больше.

— Да о походе том, что вы с отцом—наставителем в проклятый город затеваете, — хитро прищурился мужик. — В том домишке, где ты казну собрал, если со знанием дела пошерудить, ещё очень много добра собрать можно будет.

— Добра там, конечно, немало будет, — согласился я с мужиком, лихорадочно между тем размышляя. — «Да сколько же вас! И эти в город собрались! Похоже, там скоро просто не протолкнуться будет! Одно радует, что и этим я живым нужен. А, значит, и отсюда ноги целым унести шансы есть».

— Вот ты нам дорогу и покажешь, — заглянув мне в глаза, утвердительно заявил Курьян.

— Показать то я могу, — хмыкнул я в ответ. — Да только я там не один буду. Люди отца Никонта вряд ли вам там спокойно что-то взять позволят.

— Не позволят, да и Лишний с ними, — спокойно пожал плечами мужик. — Там, значитса, и останутся. Тебе—то их жалеть, резону точно нет, — криво усмехнулся он. — Сам же понимать должен, что как к цели их приведёшь, так и не нужен им более будешь.

— Ну, допустим, — согласился я с бандитом. — Только вот в чём беда то. Вам я тоже после этого не нужен буду. Где же моя выгода?

— А вот тут ты паря ошибаешься, — расплылся в улыбке Кусач, смачно хрустя огурцом.

— Это храму ты не нужен. У них, таких как ты, как грязи. А вот нам свой колдун в будущем не помешал бы. Много полезного с него потом поиметь можно. Подучили бы тебя немного и к делу пристроили.

— Чему же вы меня подучить в магии можете? — аж опешил я.

— Не мы, а он, — мотнул в сторону старика Курьян. — Дедушка Албыч колдун сильный. Давно его скрываем.

Старик на миг оторвавшись от стола, взглянул на меня, буквально просверлив бездонными, как пропасть зрачками и поднёс к моему лицу ладонь. На ней затрепетали лепестки ярко-красного огня.

— Час настал. И мы идём к нему, — глядя сквозь меня, туманно сообщил маг и, погасив огонёк, вновь вернулся к трапезе.

— О чём это вы? — не понял я, недоуменно глядя на мага.

— Его никто не понимает, — махнул рукой Курьян. — Не в себе он. Но колдует знатно! И тебя многому научить сможет. Так как, по рукам? Ты нам помогаешь, а мы в свою очередь тебя к себе берём, от храма укрываем, магии учим.

— «Если бы», — с тоской подумал я. — «Даже если мне этот бандит не врёт (А скорее всего всё же врёт), то живым я всё равно не останусь. На мне проклятий больше нацеплено, чем на дикобразе иголок. И все, спасибо Толику, смертельные. Да и то, что Жихарь с ними, сразу резкое отторжение вызывает. Плохой Курьян психолог, раз его мне показал. Нет. Оно понятно конечно, что он таким образом надавить на меня хотел. Намекнул на то, что со мной будет, если не договоримся. Да только, думается мне, что то же самое будет, даже если и договоримся, но только чуть позже. Так что предложение местных татей для меня точно не приемлемо. Вот только знать им это совсем не обязательно».

— Заманчиво, конечно, — сделал я вид, что склоняюсь к союзу с бандитами. — Вот только кто же вам убийство людей отца Никонта с рук спустит? Вершители же весь городок перевернут, но вас найдут.

— А зачем они виновных искать станут? — деланно удивился Курьян. — Ушли их людишки в проклятый город, да и сгинули там! Обычное дело! Место ведь там, заведомо гиблое. Ничего удивительного, что бедолаги головы там свои сложили. Мы-то тут, причём?

— Действительно не причём, — тяжело вздохнул я, соглашаясь.

Каждый сам выбирает свою судьбу.

— И чего в такую рань поднялись?! — позёвывая, проворчал Кусач, пододвигаясь поближе к костру. — Ещё не рассвело! Только ноги в такой темноте поломаем!

Жихарь, делая очередной глоток горячего сбитня из обшарпанной глиняной кружки, мысленно согласился с пожилым громилой. Только поломанные ноги тут совсем не причём были. Страшно ночью в лесу. До жути страшно! И не ему одному! Никто из ватаги Когтя за всю ночь и на пару метров от костерка отойти не решился! А о том, чтобы к границе призрачной стены подойти, что Албыч наколдовал, и речи не было! Так и просидели до утра, от каждого шороха вздрагивая. Ну, кроме колдуна, конечно. Защитный полог сотворил, нажрался каши с мясом, что Проньра на костерке приготовил и спать завалился. Как будто ему и дела нет, что вокруг полянки, где они расположились, какие-то тени шастают. Даже занудливый дождичек, всю ночь не оставлявший попытки загасить густо дымящий костерок, ему не помеха. Жихарь зябко передёрнул плечами. Холодно, мокро и страшно. Это в Виличе ночью жизнь почти замирает. Ну, разве что в кабаке кто-нибудь загуляет да припозднится. В лесу же всё иначе. Ночью жизнь здесь если и не кипит как днём, то уж точно не стихает. Ночных хищников много развелось. И они, в отличие от дневных, в лесных дебрях не прячутся. Те же волколаки бывало, и до Вилича добегали, подъедая неудачников, что в город до заката попасть, не успели. А сколько тварей мажеских, что света дневного не выносят? Тем и волколаки на один зубок! Нет. Ночью по лесу только сумасшедший бродить может! Впрочем, колдун сумасшедшим и был. Жихарь опасно покосился в сторону Албыча. Страшный старик! Вечно что-то бормочет чуть слышно, на вопросы толком не отвечает и смотрит при этом сквозь тебя, словно пустое место перед ним, а не живой человек. Только Курьян с ним как-то и ладит. И не только ладит, но и к словам колдуна прислушивается!

По словам Проньры, щуплого тихого паренька единственного из ватаги снизошедшего до общения с новичками, Албыч прибился к Курьяну давно. И дела у вожака еле сводившей концы с концами ватаги сразу пошли в гору. Одно удачное дело сменялось другим, в поясных кошельках татей не переводилось серебро, а сам Курьян Коготь стал первым разбойником, сумевшим прославиться на все восточные княжества. Удачливый вожак настолько допёк своим разбоем местные власти, что его поимкой даже отцы-вершители озаботились, обычно на татей и внимания не обращавшие. И пару раз на свою беду даже перенять ватагу пытались. Вот только Албыч, не только что-то себе под нос бормотать умеет. Проньра за три года, что к ватаге прибился, по княжествам побродить успел. И ушлёпков тоже немало повидал. Но, чтобы так колдовать! В общем, не повезло вершителям.

Поэтому, когда Жихарь весточку Курьяну о Вельде и казне припрятанной сообщил, всё обернулось не так, как он рассчитывал. Он надеялся лишь деревенскому недошлёпку отомстить, да монет, за наводку получив, в бега из Вилича податься. Оно к тому и шло. Курьян уже и долю Жихаря и Михи обговаривать начал, да как, видимо, сам Лишний этого колдуна принёс! И вот, проклятые понесли ватагу Курьяна в город асуров. Ещё и поспешать пришлось! Кто же знал, что Никонт уже на следующий день после ряда Курьяна с Вельдом с Вилича сорвётся? Насилу догнали. Хорошо жрец сам решил в проклятый город отправиться. К длительным переходам отец Никонт непривычен, а на быках сильно не разгонишься. Их с Михой, опять же, по совету колдуна, разбойники с собой прихватили. Что удивительно, у Курьяна даже сомнений в разумности этого похода не возникло. Ни проклятого города не

испугался, ни предстоящей стычки со жреческим отрядом. Крепко безумному колдуну верит!

Жихарь недовольно посопев, вновь припал к кружке. Только как бы вожак Албычу не доверял, а в потёмках по лесу бродить не дело! Кто-нибудь, да схарчит! И никакая магия не поможет!

Набежал ветерок, и лес согласно заскрипел своими ветками, радушно зазывая к себе в темноту. Жихарь поёжился, с отвращением посмотрел на остатки сбитня, выплеснул себе под ноги и вытянул руки к начинавшему затухать костру.

Проклятый колдун! Сам сдохнет и других погубит! И ведь выхода нет! Приходиться тащиться вслед за ним, как баран на бойню. В Виличе без денег у него шансов нет. Вершителю уже наверно полгорода на уши подняли. Свои же и сдадут. Выродок айхи! Он во всём виноват! Только надежда и осталась, что удастся с ним в проклятом городе поквитаться!

— Люди Никонта тоже рано подымутся, — снизошёл между тем до объяснений Курьян Коготь. Кусач был с ним с самого основания ватаги и единственный из всех, мог позволить себе иногда поворчать на распоряжения вожака. Что, впрочем, не мешало ему перерезать горло любому, кто ставил под сомнение власть Курьяна. — А им досюда всего пару часов ходу! А нам ещё надо место для засады хорошее найти. И это в проклятом городе, где каждый шаг с оглядкой делать надо!

— Они повсюду и ждут, — неожиданно вклинился в беседу колдун, обычно не обращавший на пересуды бандитов никакого внимания и веско добавил: — Нужен Вельд.

— Кто они то? — оторопело поинтересовался Кусач. Вступление в разговор Албыча оказалось для него полной неожиданностью. — Понять бы хоть, от чего опаску иметь нужно!

Но старик вновь уставился на догоравший костёр, не слыша ничего вокруг себя. Жихарь был почему-то уверен, что безумный маг в такой позе может и сутки просидеть, неподвижный как статуя у главного храма Трои.

— Ясно всем? — Курьян, уже привыкший к манере ведения разговора с Албычем, даже не стал пытаться у него что-то уточнять, лишь приняв его слова к сведению. — В городе рты не раскрываем и шустрим во все стороны. А то вместо добычи сами там головы сложим.

— А может, здесь жрецов встретим, а атаман? — спросил Андрон, любовно поглаживая лежащий на коленях потёртый арбалет. — Их же пятеро всего! Бурдюки и жрец не в счёт! Положим их тут аккуратненько, задохлика, что с ними, переймём, и в город.

Пристроившийся рядом Карп, ловко поигрывая сразу двумя ножами, кивнул, соглашаясь со словами приятеля. Жихарь завистливо покосился на ловкие движения шуплого убийцы. Собственно говоря, Андрон с Карпом и были главной ударной силой ватаги. Мелкий, но подвижный, резкий в движении Карп, виртуозно владеющий ножами и не гнушающийся при случае ударить в спину и здоровый бугай Андрон, выгнанный со службы за чрезмерную даже для стражников пьянку, неплохо владеющий мечом и прилично стреляющий из арбалета, отлично дополняли друг друга, составляя в паре довольно опасную боевую связку. Во всяком случае, Жихарь нисколько не сомневался в их способности перебить боевую пятерку отца Никонта, особенно если нападут изподтишка, да ещё колдун своей магией подсобит.

— И где ты их встречать собрался? — задушевно поинтересовался Курьян. — Прямо тут, али чуть в сторонку отойдём? Ты точное место, где они пройдут, знаешь? Нам ведь надо, чтобы они прямо на нас вышли, потому, как если мы им наперерез пойдём, они нас враз услышат. Там народец к лесу привычный подобран, а мы его только с дороги и видели. Этак

не мы, а они нам засаду устроят!

— А если у стены их встретить, ну где они перелезть её будут? Место приметное, — вклинился в разговор Проныра, начав паковать посуду в заплечный мешок.

— И то! — радостно осклабился Андрон. — Можно даже подождать, пока они на стену полезут. Мы на пару с Карпом их оттуда враз посшибаем! Или дедушка Албыч разом всех своей волшбой накроет!

Молчаливый Карп как-то по особенному изящно подкинул оба ножа и ловко их поймал, словно давая понять: — «Конечно, поснимаем! Делов то!»

— Я тебе накрою! — моментально выверился Коготь. От ошетилившегося вожака ощутимо потянуло скрытой угрозой. За спиной замаячил Кусач. — Недошлёпок нам живой надобен! Забыли?! Сразу говорю, — Курьян начал цедить слова, словно выплёвывая. — Того, кто Вельда случаем убьёт, я сам следом порешу! Дело сделаем, хоть на куски потом режьте! А пока не замай! Глотки повырываю! — атаман обвёл налитыми кровью глазами притихших ватажников и сразу успокоившись, продолжил: — Было бы это обычное отребье, может, мы так и поступили бы. Затаились возле стены и всех окромя недошлёпка перебили. — Курьян потянулся, поднимаясь. — Да только народец у жреца больно ушлый. Наверняка следопыта вперёд пошлют. Он нас сразу найдёт. Не умеет мы в лесу прятаться. А если далеко от стены отойдём — можем не успеть. Потому, засаду устроим уже в городе, — не допускающим возражений тоном резюмировал Коготь. — Там они кучно пойдут! Всех разом и накроем. Только помнить! Вельда не трогать! До поры.

Жихарь в предвкушении осклабился. Хоть Курьян и отмахнулся от припрятанной казны, но потом хотел про неё с Вельдом потолковать. И даже пообещал, что Жихарь в той беседе примет самое непосредственное участие. Вот тогда и наступит время за дружков казнённых посчитаться. Сполна! Лишь бы дожить!

* * *

— Пора уходить всеблагой отец. — сотник склонился в почтительном поклоне. — Уже светает. Скоро они будут здесь.

— У нас ещё есть немного времени, Угрим, — отец Яхим, тяжело кряхтя, поднялся с небольшого пенька, служившего ему вместо стула. — Судя по камню, они только что покинули деревню. Видно любит поспать Никонт!

— Скорей не хочет переться по лесу в темноте, — возразил молодой маг сурового вида, оглаживая коротко постриженную бороду.

— Думаешь им нечем осветить себе дорогу, Герхард? — фыркнул старый жрец. — Насколько я знаю, та пара ушлёпков, что есть среди них, довольно сильны. Особенно Ратмир.

— Ратмир — адепт воды, — согласился Герхард. — Но зачем идти через лес в темноте, рискуя нарваться на какую-нибудь тварь, когда можно это сделать чуть позже, при свете? На их месте я бы тоже вышел на рассвете. Один час ничего не меняет.

Яхим досадливо поморщился, будто горсть клюквы в рот сунул. Ратмир. Преданный пёс отца Виниуса. Его появление во главе отряда, взятого Никонтом в проклятый город,

оказалось неприятной неожиданностью. И наводило на нехорошие мысли. Раз отец—приор сакского королевства «слезой» скупца пожертвовал, значит, ставки действительно высоки! Наставители давно рвутся к власти, забыв, что великий Исидор передал управления храмом именно им — радетелям. Вот только воля первого предстоящего для таких как Винус давно ничего не значит. Он захватил власть в одном из самых могущественных королевств империи, продвигает, где только можно, своих сторонников и, несомненно, мысленно уже примеривает на своей голове клобук предстоящего. Проклятый интриган! Власть храма повсеместно слабнет, правители всё меньше считаются с волей жрецов, а ему и дела нет! Вон даже местный князёк и то, супротив воли храма пойти норовит!

Никонт! Отец Яхим, слегка сутулясь, прошёлся по палатке. Герхард и Угрим застыли, не решаясь прерывать раздумье радетеля. Вот главная головная боль! Понять бы, в чём его интерес. Взяв прилюдно под свою защиту Вельда, отец—наставитель сжёг за собой все мосты, поставив всё на этот поход. Сподвижник Винуса думал, что мальчишку у него вот—вот заберут, и решился на отчаянный шаг — он попытался заинтриговать Яхима. И у него получилось! Что во дворце проклятого может стоять такого риска? Самого Никонта не спросишь. Даже у отца—приора нет такой власти, чтобы сразу его в пыточную отправить. Набрали силу наставители. Набрали. На правёж, конечно, зарвавшегося жреца привлечь можно, да только пока суд да дело, Никонт скоростижно и помрёт. И не уследишь! Охранять то его, по обычаю, сами наставители и будут. Вот и проявят заботу о своём слишком много знающем собрате. Много ли старику надо? Ратмира хватать тоже бесполезно. Тот скорей себе язык откусит, чем хоть что—то скажет. Да и нелегко будет подручного Винуса схватить. Наверняка он к такому обороту готов и живым в руки не дастся. А остальные, скорей всего и не знают ничего. Пытай, не пытай — толку не будет. Вот и выходит, по логике Никонта, что выход у Яхима только один: пропустить Никонта с Ратмиром в проклятый город и уже там проследить. Хитрый план, хотя и абсолютно не правильный!

— Будь поосторожнее, Герхард. ь, — отец—радетель встряхнул головой, гоня прочь сомнения. — Они наверняка знают, что мы пойдём следом. Никонт то уж точно знает! — Яхим неприятно оскалился. — Знает! И всё же на что—то надеется! На что?! — старый жрец сердито поджал губы, досадуя, что не знает ответ. — Ратмир с собой ничего взять не мог. «Слеза скупца» только живое перебросить может. И то лишь раз в полвека. Ратмиру даже исподнее снимать пришлось, — Радетель ехидно улыбнулся. — А у Никонта кристаллы не чета нашим будут. Значит, во дворце что—то супротив нас найти надеются. И это не алтарь Лишнего! Даже такому дураку как Никонт ясно, что ты не дашь Ратмиру провести ритуал. Есть что—то ещё. Что—то такое, что позволит Ратмиру противостоять даже тебе!

— Пусть надеется, — отмер Герхард, почтительно склонив голову. — Мы то знаем, что ему в тронный зал нипочём не попасть.

— Может в этом и не будет надобности, — решился высказать своё мнение Угрим, — если этот недошлёпок использует «выдох отчаяния», что ты ему дал, всеблагой отец.

— Это вряд ли! — раздражённо отмахнулся отец—радетель. Сотник знал далеко не всё и объяснять что—то ему жрец не собирался. — Никонт наверняка догадывается, что мы с Вельдом успели побеседовать. Как только в город войдут, так недошлёпка сразу и обыщут. И камушки те изымут, — Яхим с притворным сожалением покачал головой. — Да и Лишний с ними! Пускай думают, что нас со следа сбили! Может, и расслабятся чуток. А ты Герхард, — повернулся жрец к магу, — не тяни. Как только Вельд в тронный зал попадёт — сразу и

хватай! Только аккуратней! Тебе с ним ещё ритуал проводить! — Яхим повернулся к сотнику. — Невронда покличь.

Угрим вышел из палатки и почти сразу вернулся с десятником.

— Да будут с тобой Трое, всеблагой отец! — Невронд почтительно поклонился, стряхивая капли с промокшей одежды.

— Я слышал, это ты сопровождал обоз, при котором Вельд, поначалу, до Вилича добирался? — спросил Яхим, благосклонно кивнув в ответ.

— Да, всеблагой отец, — вновь поклонился десятник. — Он в деревушке, что недалече отсюда, запропал.

— Как видишь, нашёлся, — усмехнулся одними губами радетель. — Будущие перевёртыши так просто не пропадают. Им сам Лишний ворожит, — он ненадолго смолк, пожевав губами и тоном, не терпящим возражений, добавил: — Запомни одно, раз уж ты с Герхардом в проклятый город пойдёшь. Недошлёпок нужен живым. Так своим людям и скажи. Убьёт его из них кто ненароком, с тебя спрошу. Понял ли?

— Да, всеблагой отец, — Невронд был внешне невозмутим, словно и не расслышал прозвучавшую в словах жреца угрозу.

— Вот и ладушки, — заулыбался Яхим и, покосившись на кристалл, коротко приказал: — Собирай своих людей Угрим. Уходим, — затем повернувшись к Герхарду, передал ему камень. — Как только вы войдёте вслед за ними в город, мы замкнём кольцо. Больше туда никто не попадёт. Да придут с тобой Трое.

Герхард, молча, поклонился, разворачиваясь к выходу, но выйти не успел. В палатку, чуть не сбыв молодого мага с ног, заскочил запыхавшийся воин и, низко поклонившись Яхиму, повернулся к сотнику.

— Что? — резко спросил тот, буквально прожигая воина глазами.

— Сюда идут, господине, — тяжело дыша, выдавил тот в ответ.

— Кто идёт?! — схватил воина за плечо Герхард. — Судя по кристаллу, они недавно в лес вошли!

— Я не знаю, — пожал плечами воин. — Несколько человек. И с ними точно есть маг. У них магический шар горит. Я видел такой однажды.

— Похоже, кун Абашев со своими людишками сюда заявиться соизволил, — Яхим причмокнул губами в предвкушении. — Ну что же. В Виличе перехватить не успели — здесь встретим! Угрим, — повернулся он к сотнику. — Ушлёпка по возможности возьми живым. Остальных бейте смело!

— Да, всеблагой отец, — поклонившись, сотник направился было к выходу.

— Погоди. — буквально за локоть схватил его Герхард. — Постарайся без шума с ними покончить. В лесу далеко слышно. Как бы Ратмир не насторожился. И в любом случае, никакой магии! И трупы убрать не забудьте!

Сотник, понятиливо кивнув, выбрался наружу. Некоторое время оставшиеся в палатке молчали, прислушиваясь к тихим командам Угрима и сбору трёх десятков людей. Затем всё стихло.

— Иди и ты Герхард, — мотнул головой в сторону мага отец Яхим. — Пора. Пойдёшь сразу следом за людишками Никонта. Пусть Трое принесут тебе удачу! Я буду тебя ждать.

Маг и десятник, поклонившись, вышли.

— Или того, кто окажется удачливее тебя Герхард, — тихо добавил старый радетель, глядя им вслед. — Кто бы ни победил, он придёт ко мне.

— Светает, — Остромир задумчиво смотрел на макушки деревьев, небо над которыми едва заметно заалело, предвещая скорое наступление рассвета.

— Какой к Лишнему светает! — зло возразил ему непривычно трезвый Ликон. — Ещё долго в темноте сидеть!

Почти сутки ожидания на холоде без горячей еды, костра и главное вара, сделали старого мага на редкость сварливым.

— Так или иначе, а пора собираться, — примирительно заметил Вимс, привычно старающийся сгладить назревающий конфликт между адептами воды и воздуха. — Мы не знаем точно, когда Абашев заявится сюда и сцепится с вершителями. Нужно не упустить этот момент. Иначе с входом в город могут возникнуть проблемы.

— Прорвёмся, — беспечно отмахнулся в ответ Остромир, привычно приглаживая короткую бородёнку. — Есть у меня на этот случай один кристалл. Некоторое время жрецам будет не до нас.

Адепт воды был ещё не старым, полным сил мужчиной с мужественными чертами лица и выразительными голубыми глазами. Опрятная, явно выделанная из дорогого сукна, белая мантия, роскошная шуба, пошитая из дорогого, густого коричневого меха, высокие жёлтые сапоги на шнуровках, довершали образ придворного щёголя–сердцеда, по какой–то нелепой случайности оказавшегося в мрачном лесу.

— Охотно верю, мастер, — Вимс мягко улыбнулся. — Но почему бы не приберечь его для города? Уверен, он там не будет лишним.

— Против тех же вершителей, например, — поддержал старого мага Ликон, недобро косясь в сторону Остромира. На фоне элегантного адепта воды, воздушник в своём задрипанном, покрытом мокрым мхом и иголками, армячишке, небрежно накинутом поверх засаленной мантии, выглядел совсем уж убого. — Абашева и татей жрецы в город не пустят, а с людишками Никонта в своё время Вельд разберётся. Всего то и делов — порошок вверх кинуть, когда они в тронный зал войдут. Но с вершителями придётся самим управляться.

— Ты так уверен, что недошлёпок выполнит твой приказ? — иронично спросил маг воды.

— А у него выхода нет, — радостно оскалился в ответ воздушник. — Он думает, что отравлен. А противоядие есть только у меня.

— Думает? — изогнул брови Вимс.

— Ну да, — хохотнул Ликон. — Я ему отвар из листьев эскаролы в пасть влил. Гадость ещё та. И сказал, что это отравы, на магии замешанная. Если раз в месяц противоядие не принимать, то сдохнешь в страшных мучениях.

— И он поверил в такую чушь? — искренне удивился Остромир. — Самовозобновляющейся отравы не бывает. Ты либо отравлен, либо нет.

— Это мы с тобой об этом знаем, — растянул губы в неживой улыбке Ликон. — А ему, откуда бы? Я о таком на занятиях не сказывал. Да и сколько тех занятий было? — воздушник сокрушённо покачал головой. — Чуть больше седмицы всего и отучились. Не стал Никонт со

сборами тянуть!

— А кто бы стал? — Остромир, порывшись в куче набросанных на землю веток, служивших трём магам в эту ночь импровизированным ложем, вытянул небольшой, украшенный узорами мешок. — Там всё на грани, судя по всему, было. В любой момент отцы-радетели могли всё дело переиначить и Вельда этого к себе забрать. Чудо, что не забрали!

— Видать силу за собой чувят, коль людишек Никонта в город пустить решились, — мрачно изрёк Ликон, с нелюбовью покосившись на твинского мага. — Вся надежда на те камешки, что ты с собой приволок. Ежели они все такие, как твой «полог отрицания», то не сносить нам головы, — воздушник зябко передёрнул плечами и с упрёком, добавил: — Ни костра не разжечь, ни от дождя спрятаться — чутка, не околели!

— Зато цел и руки не в цепях, — фыркнул адепт воды в ответ. — Вспомни сколько раз мимо нас люди Яхима проходили! И хоть бы один, хоть что-то заметил! — Остромир потёр большим пальцем нос и язвительно добавил: — А мелкие невзгоды порядочный маг должен стойко переносить! Сам, небось, этому своих недошлёпков учишь.

— Оно и видно, — окончательно взбеленился Ликон. — То-то ты такой же мокрый и грязный, как и мы с Вимсом! И где только кристалл такой добыл!

— Там же, где и другие — в сокровищнице герцогской! — озлился в свою очередь Остромир. — А сколько я ещё забрал?! Да ты знаешь, как я рискую?! — придворный маг буквально навис над адептом воздуха, непроизвольно сжав кулаки. — Если мы сегодня не добьёмся успеха, лучше мне самому с собой покончить! Люди герцога меня уже по всей империи разыскивают!

— Все мы поставили на кон свою жизнь, — глухим голосом произнёс в ответ Ликон. — Думаешь, мне простят мое самовольное исчезновение из школы? Или радетели не смогут связать его с походом в город? — воздушник тяжело вздохнул. — В любом случае проверять я это не хочу.

— Да чем ты рискуешь?! — буквально взорвался в ответ Остромир. Его лицо побагровело от гнева. — Пьяница-неудачник, с трудом устроившийся в школу для недошлёпков! Я адепт воды! Самый сильный маг в герцогстве! Меня сам герцог к себе приблизил. Дворянство дать обещал с правом на фамилию! А что я?! Краду все ценные кристаллы, что мне доверили на хранение и скачу сюда во весь опор на лошади, чтобы успеть! На ЛОШАДИ!!! — Маг уже сжав кулаки, орал во всё горло на Ликона, забрызгивая того слюной. — И это в ту пору, когда степняки по всему княжеству рыщут! От меня все встречные по дороге шарахались, как от чумного! И ты мне о риске говоришь!

— Мы с самого начала знали, что это дорога в один конец, — Вимс поспешно встал между красным, как репа Остромиром и побелевшим, словно снег, Ликоном. — Так что эти разговоры уже ни к чему. Мы либо найдём алтарь Лишнего и проведём обряд, либо умрём.

— Надеюсь, ты не ошибся старик. И этот крысёныш действительно перевёртыш, — Остромир прямо на глазах поник, мгновенно потеряв свой боевой настрой. — Иначе я сам тебя прикончу.

— Он прошёл через проклятый город, — спокойно пожал плечами Вимс. — Если, когда мы с ним в подвале сидели, я ещё сомневался, то теперь нет. Тут одно везение не поможет! Без ауры Многоликого — дело гиблое.

— Так бают, что некоторые помеченные пустошью, способность получают — магических тварей отпугивать, — усомнился Остромир, косясь на разгорающееся в небе

зареву. — Недаром вершители их в ходоки с такой охотой определяют.

— То сказка жреческая, — криво усмехнулся Вимс. — Ты уж мне поверь, — заглянул он в глаза придворному магу. — Сквозь проклятый город может пройти только будущий перевёртыш. И то, если очень повезёт. А помеченным, — махнул рукой старый маг, — дальше окраин ходу нет. Да и там мрут почём зря. Уж я-то знаю. Недаром более двух десятков лет при храме прослужил.

— Да, — тяжело вздохнув, согласился Ликон. — С будущим перевёртышем и до дворца дойти надежда есть. Не всяка тварь в городе на тебя кинется. Большинство затаится, аль совсем с дороги убежит. Потому все и норовят вслед за ним пойти. Даже разбойнички засуетились. Вот только не учли, что здесь их вершители ждать будут, — воздушник злорадно ощерился. — Я ведь поначалу хотел ещё в Виличе об Абашеве и татях отцу Яхиму поведать. Вельд и сейчас думает, что рассказал. Сам меня о том просил. Вот только зачем бы мне? Пущай сюда топают! Пока они со жрецами у стен резаться будут, глядишь, мы в город незаметно и проскочим!

Негромкий треск веток заставил трёх магов развернуться в сторону невидимого им города асуров. Хриплое дыхание, хруст валежника под ногами и мимо пробежало несколько еле различимых во тьме фигур. Чуть позже вдали прощуршали ещё две тени.

— Началось! — лихорадочно заблестел глазами Вимс. — Угрим своих людей в кулак собирает! Видать идёт сюда кто-то! Сейчас сцепятся!

— И как с ними воевать? — чуть слышно проговорил Ликон, задумчиво вглядываясь во тьму. — Это же надо, каждому вою на шею «сферу отрицания» надеть! Вон как безбоязно по лесу шастанут! Какие деньжищи! Страшно подумать, что вершители с собой ещё прихватили!

— Ничё, — ожесточённо прохрипел Вимс, накидывая на плечо мешок. — В город они толпой не сунуться! Там гурьбой не ходят! Да и людишек у вершителей и так не хватает, чтобы город полностью перекрыть. С десятков их вслед за Вельдом пойдёт. Не более.

— И что, что десяток?! — вызверился Ликон. — Зато людишки все будут как на подбор. Что маги, что вои. И всё лучшее, что в храмовой казне имелось, им с собой выдадут! Не справится нам!

— Так убирайся обратно к себе в свой свинарник! — не выдержав, вспылил Вимс. — Ты знал, на что идёшь Ликон! И сюда ты сам пришёл, своей волей! А я, коли придётся, и один вслед за перевёртышем пойду! Потому что другого такого случая не будет! — голос старого мага наполнился непоколебимой решимостью. — Это уже седьмой перевёртыш! И когда и где появится следующий — последний, никто не знает! Я уж точно до этого не доживу! И я либо проведу этот проклятый обряд и получу власть над сферой слияния, либо сдохну! Нам и так повезло, что этот змеёныш в первый раз не перевоплотился! Из тронного зала, прямая дорога к алтарю была! Что ему помешало его найти, только Трое знают! Видно чудо, какое то! Но теперь он туда попадёт! И, в этот момент, рядом с ним буду я!

* * *

— Проклятая темень! И какого Лишнего мы поперлись в такую рань? Я себе чуть глаз не выколол! — зло прошипел воин, продираясь через кустарник.

— Тише яр Бакай! — не менее зло ответил ему Светозар. — За версту слышно, как ты ломишься!

— Да кто нас тут услышит? — возмущению мечника не было предела. — Волколаки? Сам же про кристалл баял! А людишек тут и с огнём не сыскать! Одни мы через лес прёмся! Да ещё в темноте! Небось, уже и заблудились давно!

— Не заблудились, — Абашев мельком взглянул на зажатый в руке магический компас: небольшой плоский, как лепешка камень, одна сторона которого светила ярким жёлтым светом. — Видишь, как кристалл в сторону магии светится? А где у нас много магии? Правильно! В проклятом городе! Так что мимо точно не пройдем!

Гонда лишь презрительно усмехнулся. «Как же, попадёшь он в город асуров! Ишь размечтался! Да вершители куна Абашева даже к стенам не подпустят! Не зря он им о затее своего наставника своевременно донёс! Удачно всё вышло. Теперь, и в это гиблое место по прихоти рехнувшегося мага соваться не придётся, и к радетелям в доверие попадёт. Лишь бы вершителям под горячую руку в сумятице не попасть! Приметить бы их заранее, да как? Хоть вокруг уже и не так темно, вопреки причитаниям Бакая, но коль вои за деревьями затаятся, разве узришь?»

И словно опровергая его мысли, один из позади идущих воинов, оступившись, с хрустом упал на землю.

— Тысяча ублюдков Лишнего! — яростно прорычал Светозар. — Разве можно так шуметь?!

— Прости, господине кун, — натужно засопев, воин торопливо поднялся. — Оступился. Его спутники, запуганные обещанием страшных кар любому, кто будет болтать в пути, потеряно промолчали.

— Ты как там, цел? — Бакай, дворянин из свиты князя, навязанный магу в «помощь», единственный из всех не считал для себя приказы мага обязательными, что всячески в пути и подчёркивал.

— Цел, господине мечник.

— Пока цел, — ледяным голосом подчеркнул озлобленный маг. — Шевелитесь нерюхи. Судя по амулету, Никонт с людишками уже в лес вошёл. А нам ещё надо место отыскать, где этот Вельд стену перелазил, и место для засады найти.

Ветка, упруго спружинив, отправила за шиворот очередную порцию воды. Гонда судорожно передёрнул плечами, мысленно проклиная заполошного мага. Если бы Абашев так быстро с места не сорвался, их бы уже на выходе из Вилича схватили, как отец Яхим, поначалу хотел. И он бы сейчас в тепле сидел, а не топал по сырому лесу, навстречу затаившейся смерти!

— Надо было их прямо в деревне перебить, — недовольно бросил в спину, вновь начавшему ломиться сквозь лес магу, Бакай. — И выпались бы в тепле и через лес засветло пошли.

— Вы настолько не боитесь вершителей, господине мечник? — иронически хмыкнул Светозар.

— Здесь княжеские земли! И власть тоже его! — бравада в голосе дворянина прозвучала несколько фальшиво. Чувствовалось, что он храбрился только для вида и предложи ему маг в самом деле пойти на прямой конфликт с храмом, то понимания точно бы не нашёл.

— Так-то оно так. — вроде бы согласился со своим собеседником Абашев. — Вот только когда отец-приор попросит у него твою голову под угрозой того, что поддержит

притязания твинского герцога на эти земли, то боюсь, он её получит. А вот в городе мы всё по-тихому обстригаем. Был отряд жреческий, да в городе весь и сгинул. И винить некого.

— Только это меня с тобой и примиряет, — проворчал в ответ Бакай. — Я жрецов даже больше чем ушлёпков не люблю.

— Вот сегодня кровь им и пустишь, — порадовал его маг. — Только не забудь. Мальчишку пока не убивать! Он многое знает и потом полезен будет.

— Да помню я, — отмахнулся мечник. — Волосок с него не упадёт... до поры. Но из города я его живым не выпущу, так и знай. Мне послух того, что мы сотворим, не нужен

— Само собой, — кивнул в ответ Светозар. — Дело сделаем и концы обрубим.

— «А заодно и остальных прирежешь», — подумал Гонда, покосившись в сторону Абашева. — «Ну, разве что Устина в живых оставишь».

Звон стали и человеческие выкрики, где-то недалеко впереди. Взвизгнула сталь в руке Бакая.

— Чего это? — недоуменно спросил он, вглядываясь в отступающие сумерки.

— А того! — зло ощерился маг. — Дерутся впереди, не слышишь разве. И учитывая, что людишки Никонта далеко позади, возникает вопрос — кто и с кем?

— Может тати лесные между собой не поделили чего? — рискнул высунуться со своим мнением вперёд Гонда, кусая от досады губы.

Вот как же не вовремя! Понятно, что это вершители у стен проклятого города ум-разуму кого-то учат. Вот только как теперь Абашев поступит? Как бы вспять не побежал! И ведь дошли почти! Совсем рядом мечами звенят!

— Ага, как раз в то время, когда мы в город собрались! Нет! Таких совпадений не бывает! Ещё кто-то в город собрался окромя нас. Видимо недошлёпок не всё мне в тот раз рассказал, — Абашев зло стиснул кулаки — Надо было ему бок железом приречь, да побоялся, что он тогда на своих ногах уйти не сможет. Ну, ничего! Это мы ещё при встрече наверстаем! На куски буду резать, змеёныша!

Маленькое солнце вошло над лесом, осветив искажённые страхом лица. Сильно гроыхнуло. Крики боли, мат, вновь звон стали. И следом обратно навалилась непроглядная тьма, непроницаемой шторкой застилая глаза.

Гонда начал судорожно протирать глаза, пытаясь убрать, прочь пылающую в них огненную корону. Ледяным ознобом накатила паника.

— Я не вижу ничего! — истеричный вопль Бакая резанул по ушам. — Светозар!

Крохотный шар, взлетевший над головой, почти ничего вокруг не осветил, но стал ориентиром, за который зацепились глаза.

— Нужно уходить! — Бакай очумело затряс головой. — Это вершители. Нам не пройти!

— Куда уходить?! Обратнo в Вилич?! Ну, уж нет! — зло оскалился в ответ Светозар. — Там нас уже на правёж ждут! В город бежать надо! Раз столько народу туда рвётся, значит, там действительно что-то очень ценное есть! На то теперь вся надежда! Чего встали?! — повернулся он к застывшим сзади людям. — Мы почти дошли! Пока эти там рубятся, успеем проскочить!

И, Абашев, больше не прячась, побежал в сторону города.

— Шевелитесь дети вопящих! Солнце уже поднялось давно, а вы никак не проснётесь!

Я, зябко кутаясь, в выданный мне драный армячишко, мрачно посмотрел на небо. Ну, вот врать то зачем? Оно едва из-за горизонта показалось! Вот только с Путяткой не поспоришь. Лютый дядька! Того и гляди, кулаком в рыло двинет. Меня, правда, не трогает, разве что облает мимоходом, но зачем же усугублять? Тем более что пятерым моим соученикам, которых тоже в поход прихватили, перепало уже изрядно! Особенно Марку! Не взлюбил его за что-то Путятка с самого начала. Крепко не взлюбил. И свою нелюбовь верзиле пару раз продемонстрировал. Ну как верзиле. Это рядом со мной Марк здоровяком выглядит. А на фоне Путятки... Я такого бугая сроду не видел! Вилим, Ликон и Кусач нервно курят в сторонке. Как под этой тушей земля не прогибается?! И не грамма жира, что характерно. Десятник храмовой дружины имел привычку каждое утро водой с колодца обливаться. Так что впечатлится я успел. Он даже весь увешанный своими железяками не так грозно выглядит, как по пояс голым! Там не только жира, кажется, что и мяса нет. Одни жилы, в тугие узлы перекрученные! С таким напарником на медведя с голыми руками можно смело ходить! Вот только характер у десятника больно поганый. Всё время кому-нибудь скулу набок своротить норовит. Хорошо еще, что главным тут Никонт, а не он. Не то совсем беда. Жрец шибко лютовать Путятке не даёт. Нет-нет, да окорачивает. Вот и сейчас, не смолчал.

— Спешить больше не нужно Путятка. В лес входим. Оно, конечно, до стены недалече и рассвело уже, но всё одно, с оглядкой идти нужно. Как бы на зверя не нарваться или ещё кого — пострашнее.

Я с тоской поглядел на своих спутников. Куда уж страшнее? Самый страшный зверь на земле — человек. Уж я-то это точно знаю! На собственной шкуре прочувствовал! Вот и сейчас. Казалось бы — люди вокруг, а смотрят на меня зверями лютыми. Так бы и порвали на клочки, если бы не запрет папки Никонта. И было бы за что? Ну ладно школяры. Тех я ещё понять могу. Их силком в проклятое место гонят, и они в том заслуженно меня винят. Но Путятка со своими подручными, чего на меня злобятся? Им то я где дорогу перешёл? Или их Никонт тоже приневолил?

— Не нарвёмся, всеблагий отец, — Никонт, да пожалуй, ещё Ратмир, были единственными с кому Путятка относился почтительно. Это я о том адепте воды говорю, что на казни городских присутствовал. Было что-то такое, в ещё довольно молодом маге, что отбивало всякую охоту с ним шутить. Всерьёз считаться заставляло. И вроде не выглядит Ратмир грозно. Русая, только начавшая расти борода, вечная полуулыбка на добродушном чуть вытянутом лице, смешной, чуть вздёрнутый нос, придающий лицу выражение сельского простачка, карие, совсем не злые глаза. Ничто в этом щупленьком, едва достающим до плеча Путятки человеку не выдавало в нём опасного бойца. А, поди, ж ты. Даже Путятка задирать адепта воды не дерзал.

— Невзор с Мартыном своё дело знают, — продолжил между тем Путятка. — Я потому их вперёд и послал, что опаску на счёт зверя лесного имею. Упредят, ежели что.

Я с сомнением посмотрел на погруженный в сумерки лес. Уверенности от слов Путятки как-то не прибавилось. Попадутся на пути те же волколаки, и много ли пользы нам будет от предупреждения воев Путяткиных? Разве что на дерево попытаться залезть? Так тут сосны одни вокруг вековые — стволы руками не обхватишь. Это ближе к проклятому городу, мелколесье начнётся, а тут до нижних веток ещё добраться надо! Зато идти не мешают и от дождика этого нудного хоть немного, да прикрывают!

Так и шли. Впереди Путьята с Ратмиром, за ними отец Никонт с Матвеем: пожилым, кряжистым магом воздуха и следом мы — шестеро вчерашних учеников–недоучек, испуганно озирающихся по сторонам. Темно, холодно, под ногами раскисший мох противно чавкает. Идём, молчим, страх, что ледяными мурашками по жилам растекается, друг от друга прячем.

Я покосился в сторону своих спутников. Степан–близнец, невезучий Прикс, мало мне знакомый Архип, что крутился в своё время возле Жихаря и... Лузга с Марком! Я когда меня Никонт, ни свет, ни заря поутру из школы за ворота потащил, поначалу своим глазам не поверил, когда их увидел. Зато потом на душе сразу легче стало. Есть всё же бог на этом свете! Вернулись моим бывшим попутчикам все их добрые дела обратно сторицей! Вместе со мной в проклятый город топают! И шансов выжить у них даже поменьше моего будет. Меня–то хоть берегут пока. До поры, до времени. Никонт даже к себе в телегу посадил, за ногу мою беспокоясь! А эти? Разменная монета. При любой опасности ими первыми и пожертвуют.

Деревья стали мельче, придвинулись навстречу друг другу, под ногами захрустел валежник. Сверху посыпались холодные капли, норовя, просочится под одежду. Все машинально ускорили шаг, втянув головы в плечи. Недалеко уже. Я напряжённо оглядываюсь по сторонам, буравлю взглядом густой кустарник, широкой стеной расположившийся справа, всматриваюсь в редкие просветы среди деревьев впереди. Сердце забилось в тревожном ожидании. Где–то неподалёку затаились вершители. Пропустят или нет? Вдруг в планах отца Яхима что–то изменилось?

— Долго ли ещё? — словно почувствовав моё волнение, забеспокоился и отец Никонт.

Старый жрец остановился, тяжело дыша, и вытер рукавом меховой куртки, капли воды пополам с выступившим потом. Мда. Путешественник из отца–наставителя ещё тот! Оно, конечно, понятно, что у него выхода другого не было, как с нами идти. Вот только, как бы на себе его тащить не пришлось.

— Недалече уже, всеблагодой отец, — прогундел Путьята, переминаясь с ноги на ногу. — Больше половины пути почитай прошли.

— А вои твои, далеко ли? — воспользовавшись неожиданной передышкой, к ним подошёл Ратмир. — Тревожно мне, всеблагодой отец, — решил пояснить он свой вопрос отцу Никонту. — Вроде и нет никого, а чую, следит за нами кто–то.

Я притих, наострив уши.

— Неподалёку они, — посмурневший десятник, недобро покосился на мага. — Нет тут никого. Был бы — сигнал подали!

Что это? Напрягшись, я напряжённо вслушался. Сквозь ставший уже привычным шелест леса, отчётливо донеслись лязг металла и приглушённые выкрики. Развернулись на шум и все остальные.

— Значит, нет никого, Путьята? — Ратмир как–то, странно сжавшись, стал похож на хищного зверя. От напускного простодушия не осталось и следа. — А кто тогда там мечами звенит?

Сильный грохот заставил машинально втянуть голову в плечи и оглядеться в поисках укрытия. Из–за деревьев ярко полыхнуло.

— Вот и до магии дело дошло! — несказанно обрадовался Ратмир и повернулся к Никонту. — Что делать будем, всеблагодой отец?

— Беда, всеблагодой отец! — из полумрака вынырнул воин с обнажённым мечом в руках.

— Возле стен проклятого города какие-то люди промеж собой рубятся! Дальше ходу нет!

— Хорошо, что предупредил! А то сами мы и не заметили! — скривил губы в неприятной ухмылке Ратмир. — Так бы в лапы супостатам и попали!

— Где Невзор? — навис над воем Путята.

— К городу пошёл, разведать.

— Чего там разведывать? — передёрнул плечами Ратмир. — Даже Лишнему понятно, что это вершители чьих-то людишек изничтожают. Только почему так громко? — повернулся адепт воды к жрецу. — Они же нас по-тихому в город пропустить должны были.

— Значит, не получилось по-тихому, — Никонт, прямо на глазах посерел, превратившись в дряхлого старика. — Шибко непростые людишки им попались. Только что это меняет Ратмир? — жрец горько усмехнулся. — Мы и так знали, что они здесь и вслед за нами пойдут. А они знали, что мы об этом знаем. Ну не получилось у них, затаится? Так-то их беда. Всё равно они нас в город пропустят. А там посмотрим, к кому Трое благосклоннее будут. Пошли.

Тяжело вздохнув, я закинул мешок на плечи. Похоже, началось. Осталось узнать, кто это начало переживёт. И переживёт ли кто-нибудь его вообще.

— Отрыжка Лишнего! Это надо было так влипнуть! — Курьян выглядел страшно; разодранная куртка с обломком стрелы в плече, замызганный кровью и ещё чем-то бурым кистень и жуткий безумный взгляд, жаждущего крови убийцы. — Откуда эти выкормыши айхи взялись?!

— Андрона жалко, — ни к кому особо не обращаясь, прохрипел Карп. Его пальцы нервно бегали по поясу, словно в поисках несуществующих ножей. — Ловко ему какой-то удалец полголовы снёс. Хорошо так. Умело.

— Чудом из западни вырвались, — зло сплюнув на дорогу, согласился вожак. — Если бы не колдун, все бы там и полегли!

— А они вслед за нами не полезут? — опасливо покосился на стену Миха. Он похоже был единственным, кто после короткой стычки в лесу, не получил ни царапины.

Жихарь, баюкая пораненную руку, зло оглянулся на друга. Всегда так! Из любой бучи невредимым выходить умудряется. Ловок! Что да, то да.

— Не должны, — не обратив никакого внимания на нарушение субординации, ответил Коготь. — После того, что им колдун устроил. — Он чуть подумал и добавил: — По крайней мере, сразу.

— Сховаться бы нам куды-нито, Курьян, — Карп так и не найдя занятия рукам, бессильно сжал их в кулаки. — Затаиться до поры, да обмозговать спокойно, что дальше делать.

— Выбора нет, — оживился на это маг, впериw свой взгляд в убийцу. — Дорог много, но идти можно лишь в одну сторону.

— О чём это ты? — недоумённо уставился на мага Карп.

— Его разве поймёшь? — Сквозь зубы процедил Курьян, оглядываясь по сторонам. — Давай двинули к тому дому, — кивнул он на ближайший двухэтажный особняк слева от дороги. — Вроде он поцелее будет. Там отдышимся, и всё обмозгует. Да и стрелу надо бы вынуть. Болит зараза!

Двери не было. Жихарь, предусмотрительно посланный вожаком чуть вперёд на разведку, напряжённо всматривался сквозь узкий со сбитыми углами дверной проём, пытаясь уловить малейшее движение внутри здания. Вот только разглядеть ничего не получалось! Несмотря на многочисленные оконные провалы, внутри царил странный полумрак, искажавший видимость. Вроде и видно всё, а взгляду зацепиться не за что!

— Чего встал?! — нетерпеливый прохрипел вожак, выводя Жихаря из оцепенения. — Видно, что внутри?

— Темно очень, — несмотря на все старания, голос предательски дрогнул. — Как-то непонятно темно!

— Так входи, давай! Сколько ждать?! — рявкнул в ответ Курьян. — Не приведи Лишний вершители в себя придут, да сюда полезут!

Жихарь кивнул, стиснув зубы. В этот момент он горько жалел, что вообще ввязался в эту авантюру. Ничего ему уже не было нужно: ни баснословных сокровищ, которые по слухам сулил этот город, ни места в ватаге знаменитого Курьяна Когтя, ни даже мести этому деревенскому уроду, так здорово насолившему в школе. Все эти надежды, желания, чаяния поблекли, стали казаться мелкими и пустыми по сравнению с одним, завладевшим всем его

существом страстным желанием — выжить! Выжить любой ценой и оказаться по возможности как можно дальше от этого проклятого места, от дышавших в спину вершителей, от компании Когтя и окончательно сбрендившего колдуна, от этого жуткого дома, наконец!

Дом встретил его нагромождением различного мусора, полуразваленными переборками комнат и уходящей круто вверх узкой винтовой лестницей без перил. Жихарь постоял немного, давая глазам привыкнуть к царящему здесь сумраку и осторожно двинулся в сторону лестницы. Было невообразимо страшно. Его всё время не покидало чувство, что спину буравит чей-то недобрый колючий взгляд, полный ненависти ко всему живому. Громкий хруст крошившейся под ногами щебёнки уверенности тоже не прибавлял. Пару раз юноше казалось, что в звуки его шагов вплетается посторонний шелест чьих-то крадущихся лап, но стремительно обернувшись, Жихарь видел лишь всё те же обшарпанные временем стены, тонущие в непроходящем полумраке.

«Почему тут так темно?» — мелькнула в голове тревожная мысль.

Жихарь посмотрел на одно из окон и сдавленно охнул. Свет буквально клубился в оконном проёме, не в силах пробиться сквозь невидимый барьер.

— Проклятая волшба! — прошептал он похолодевшими губами, с непонятным для себя ужасом рассматривая странное явление. — Зачем мы только сюда полезли! Тут же смерть кругом!

— Где ты тут? Живой? — в дверном проёме показался силуэт Карпа.

— Здесь я, — немного приободрившись, подал голос Жихарь. — Тут вроде нет никого, только окна свет почему-то не пропускают.

— Да нерях с ними! — Карп ввалился внутрь с вожакон на плече. — Курьяну плохо совсем стало! Видать не простые стрелы у вершителей были, с подковыркой! Срочно вынимать нужно!

Вошедший следом колдун, молча, направился в сторону лестницы и начал быстро подниматься по ней.

— И то, — одобрил его действия Карп. — Наверху оно всяко верней будет. Давай помогай, — повернулся бандит к испуганно хлопавшему глазами Михе. — Одному мне его наверх не поднять. Больно тяжёл!

На втором этаже, к удивлению Жихаря, всё сохранилось значительно лучше. Во всяком случае, стены были относительно целы, разделяя этаж на ряд многочисленных комнат, облепивших с обеих сторон длинный коридор. На некоторых даже двери сохранились. Только им сейчас было не до осмотра помещений. Затащив тихо постанывавшего Курьяна в ближайшую небольшую комнатку, парой окон выходящую как раз на оставленную ими улицу, положили его прямо на грязный, заляпанный непонятной зеленоватой гадостью пол и обессилено привалились рядом. Лишь колдун не спешил к ним присоединяться, внимательно к чему-то прислушиваясь.

— Слышь, Албыч, — Карп скинув со спины заплечный мешок, начал сосредоточенно в нём рыться. — Когтю помочь бы надо. Что-то он на глазах угасает.

— Зачарованная стрела в нём, — даже не повернув головы в их сторону, впервые внятно ответил колдун. — Жизнь тянет. Нужно вынуть, а то помрёт.

— Так вынь! — вызверился убийца, зло отбрасывая мешок в сторону. — Чтоб берыга этих жрецов сожрал! Ни одного ножа не осталось!

— Мы что-то разбудили, — и не подумав тронуться с места, мрачно ответил маг.

Лицо убийцы исказила гримаса такой лютой ненависти, что Жихарь сжался в своём углу, стараясь не отвечивать. В воздухе ощутимо запахло грозой. Карп жестом фокусника вынул оброненный Курьяном кистень, Албыч не меняя позы подбросил в руке маленький камешек.

— Ну и айхи с тобой, — приняв решение, отвернулся от мага Карп и, заметив в руке Михи нож, жадно потянулся к нему: — Дай сюда! Сам попробую вынуть! Да и в моих руках от него больше пользы будет!

Вновь подтянув к себе мешок, разбойник ловко выудил из него баклажку и всунул в рот Курьяну. Комнату заполнил кислотоватый запах вара.

— За лестницей следите, и про улицу не забывайте, — мотнул головой Карп ребятам, дорывая одежду на плече атамана. — На колдуна тут особой надежды нет.

Неуверенно кивнув, Жихарь подошёл к выходу из комнаты, получив, таким образом, возможность видеть одновременно и верхнюю часть лестницы и коридор. Миха устроился у окна.

Гортанный крик Курьяна вперемешку с отборным матом, склонившегося над ним Карпа, стеганул по и без того натянутым нервам, заставив сердце Жихаря болезненно сжаться. Глаза лихорадочно заметались, перескакивая со склонившегося над Курьяном убийцы на лестницу и возвращаясь обратно. На душе стало муторно от страшного предчувствия.

— Лишь бы никто не услышал. Лишь бы никто не услышал, — незаметно для самого себя как молитву шептали губы. Ногти на пальцах со страшной силой впились в сжатые ладони.

Албыч, между тем, выйдя из своего странного оцепенения, неожиданно резво выскочил из комнаты и замер на краю лестницы, высматривая что-то внизу.

— Что ты творишь, колдун? — стоны Курьяна, наконец, смолкли, и Карп в раздражении отбросил в сторону окровавленный наконечник стрелы. Между пальцев замелькало покрытое тёмной кровью лезвие.

Албыч ожидаемо не ответив, осторожно спустился по лестнице, скрывшись из виду.

— Всегда ненавидел этих поганого ушлёпка, — доверительно сообщил Жихарю Карп. — Если бы не Курьян, давно бы ему железо в бок вогнал. Впрочем, — бандит задумчиво посмотрел на нож в руке. — Может уже и пора. Курьян, похоже, того. Не выживет.

— Что, совсем плох? — сглотнув, поинтересовался Жихарь.

Перспектива остаться без вожака, рядом с мрачноватым убийцей, которого он и раньше откровенно боялся, его совсем не порадовала.

— Еле дышит, — ответил Карп, задумчиво посматривая в сторону двери. — Я такие раны знаю. Не жилец он. Если сейчас от той гадости, что в стреле не загноётся, — бандит привычно крутанул ножом, — то чёрная горячка его точно доконает. Мне даже рану прижечь нечем!

— А если маг... — начал было Миха.

— А колдун сдохнет уже сейчас! — приняв решение, пружинисто вскочил на ноги убийца. — Нож метну, и за камешек свой поганый схватиться не успеет!

Жихарь непроизвольно попятился, не сводя испуганных глаз с руки, крепко сжимающей нож. Возле окна побледнел Миха.

— Не журишь мальки, — небрежно скривил губы Карп. — Я на колдуна давно зуб имею, а вы мне ещё нужны. Втроём выбираться сподручнее будет! — и скользящим шагом

направился в сторону дверного проёма.

Громкий треск тупой ножовкой резанувший по ушам, остановил Карпа уже в дверях. Ощутимо потянуло жжёным и одновременно приторно-кислым.

— Это чего? — спросил убийца, наклонив голову набок.

— Внизу это! — судорожно облизал пересохшие губы Жихарь. — Похоже, колдун заклинание в кого-то метнул!

— И что теперь?! — завертел головой Карп, на всякий случай, отступая внутрь комнаты. — Небось, наколдовал какую-то пакость паскуда такая и сбежал! А нас бросил!

Громкий топот ног по лестнице, заставил Жихаря запаниковать. Он заметался по комнате, в поисках хоть какого-нибудь оружия и не найдя ничего лучшего, судорожно стиснул в руке подвернувшийся камень. Рядом застыл Карп, зачем-то перекидывая нож из руки в руку.

— Оно поднимается! — от привычной невозмутимости влетевшего в комнату Албыча, не осталось и следа. — Живо на лестницу! Мне нужно время, чтобы сотворить заклинание! Делайте что хотите, но не пустите наверх! Если я не успею, то мы погибли!

— Вот сам и не пускай! — рявкнул в ответ Карп, бросившись к окну.

Учитывая его природную ловкость, убийца определенно рассчитывал, что прыжок со второго этажа обойдётся для него без последствий. Но совершить его Карпу, было не суждено. Оконный проём в стене матово блеснул и с надсадным треском откинул бандита обратно внутрь помещения, довольно жёстко приложив об каменный пол. Раздался отборный мат.

— Идиот! Какой же ты идиот! — мага буквально затрясло от ярости. — Оно не выпустит нас! Не пускайте наверх, пока я заклинание готовлю! Это единственная надежда! — Албыч повернулся лицом к двери и замер в напряжённой позе.

— Да чтоб вас айхи к себе забрали! — проревел бандит, вскакивая на ноги и повернувшись в сторону застывшего на месте Михи, буквально прожёл того взглядом. — Чего встал?! За мной давай! — и скрылся в дверном проеме, помянув Лишнего и всех вопящих вместе взятых.

Жихарь ринулся следом, сжимая в руке так и не выброшенный камень. В коридоре стал отчётливо слышен странный шорох, похожий на шелест осенних листьев под ногами. Воздух над лестничным пролётом искрился диковинным сиянием сиреневатого цвета и еле заметно дрожал. Подбежавший первым к лестнице Карп, глянул вниз и, охнув, отступил назад, судорожно сжав в руке нож. В два прыжка очутившись рядом с ним, Жихарь взгляделся в полумрак и отшатнулся вслед за убийцей.

Весь первый этаж и начало лестницы были покрыты пёстрым беспрестанно шевелящимся ковром тёмно-бурого цвета. Ковёр постоянно вспучивался, образуя наросты самых невероятных форм и конфигураций, иногда сжимался, обнажая покрытый сероватой склизкой плесенью пол и вновь расширялся, погребая под собой очередную ступеньку лестницы. В этом поступательном движении чувствовалась жутковатая целеустремлённость, и у Жихаря не возникло и тени сомнения, что конечной целью непонятной твари были именно они.

— И как мы должны её остановить?! — в голосе Карпа проскользнула откровенная паника. — У этой твари даже тела нормального нет!

Непонятная субстанция, будто услышав слова разбойника, оживилась. Бесконечные откаты и наплывы стали более энергичными.

Жихарь, судорожно взглотнув, попятился прочь, не в силах отвести глаза с жутковатого зрелища. Он уже знал, что готов сделать всё что угодно, лишь бы эта тварь не коснулась его.

— Потроха нерюха! — оттолкнув в сторону Миху, Карп опрометью рванул по коридору, лихорадочно заглядывая во все комнаты. Заскочил в одну из них, громыхнул, громко выматерившись и, выглянув на мгновение в коридор, нашёл глазами застывших ребят: — Чего встали недошлёпки! Бегом сюда! Помогайте!

С трудом оторвав взгляд от преодолевшего уже более половины лестницы ковра, Жихарь на негнущихся от страха ногах заковылял к бандиту, вслед за уже спешившим туда Михой. Карп обнаружил что-то вроде разгромленной подсобки: куча поломанных полок, раскромсанных в щепки шкафов, осколки банок, рваное тряпье. Из всех этой груды разношерстного мусора внимание Карпа привлёк обитый толстым железом цилиндр непонятого предназначения. Его-то убийца и пытался утащить, с противным скрежетом волоча по полу.

— Хватай, давай! — рявкнул Карп, поднял побагровевшее от натуги лицо. — Попробуем вниз скинуть. Тяжёлая. Может, придавит как-нибудь!

Цилиндр и вправду был тяжёлым. Во всяком случае, подняли его с трудом.

«Лишь бы успеть. Лишь бы успеть!» — лихорадочно билась в голове Жихаря одна и та же мысль.

Уже подходя к лестнице, он бросил взгляд в комнату, где остался колдун. Тот продолжал стоять всё в той же позе, широко раскинув руки. Невооружённым взглядом было видно, что магу невыносимо больно; мокрое от пота лицо покрыла маска страдания: перекошенный в страшном оскале рот, закатившиеся глаза, мелко дрожащая правая щека. Самого мага странно скособочило, словно на один бок ему навалили невообразимо тяжёлый груз. Ноги откровенно подкашивались, грозя в любой момент подломиться словно спички.

«Не выдержит», — мелькнула в голове Жихаря неожиданно спокойная мысль. — «Слишком на сильное заклинание старик замахнулся. Надорвётся сейчас».

Странный ковёр между тем не терял времени даром и как раз, сжался, собираясь преодолеть две последние ступеньки, отделяющие его от второго этажа.

— Бросай, давай! — дурным голосом взвыл Карп, с усилием толкая колонну вниз на лестницу.

Со звонким грохотом та покатила по ступенькам, вминая в камень желеобразное покрывало.

— Так-то оно лучше будет! — задорно заорал Карп, смачно плюнув на покрытые густой слизью ступеньки.

Но радовался убийца рано. По замершему на мгновение ковру прошла странная рябь, словно мурашки по коже пробежали и тут же он, скакнув, одним рывком покрыл все, казалось бы, уже отвоёванное пространство.

— Проклятая тварь! — взвизгнул не ожидавший такой прыти, Карп. — Колдун! Делай что-нибудь! — метнулся он обратно в комнату.

Следом, не сводя ошеломлённого взглядов с начавшей заполнять коридор субстанции, пятясь, отступили и Жихарь с Михой. Желеобразная гадость, продолжая свои ритмичные сокращения, последовала следом, наступая парням буквально на пятки.

— Уйдите в сторону! — странный, свистящий хрип, больше напоминавший стон, стеганул по нервам Жихаря плетью, заставив буквально вжаться в стену, рядом с бесчувственным атаманом. Время замедлило свой ход. Глаза машинально начали

фиксировать происходящие события. Вот вжался в угол, рядом с окном Карп, затравленно стискивая в руке ставший бесполезным нож, дико заорал Курьян, ноги которого с противным причмокиванием коснулся начавший заполнять комнату ковёр, судорожно отползает подальше от атамана Миха, лихорадочно бормоча посиневшими губами молитву, вскинул руку в направлении ковра, словно поглаживая воздух, начавший трястись всем телом маг.

Тварь, резко вспучившись, тут же сделала рывок в сторону Албыча, словно почувствовав угрозу, но немного не успела. С руки мага скатилась огромная искрящаяся капля, переливающаяся всеми цветами радуги и не долетев немного до пола, взорвалась сотнями мельчайших брызг, почти невидимой изморосью, упавшей на ковёр. И тот сразу просел, потеряв свою монолитность и став каким то пористым, рыхлым, словно сугроб, который водой окатили.

Маг, ставший смертельно белым словно полотно, дёрнулся и сломанной куклой рухнул на пол, чудом не угодив в застывшую у его ног массу. Всё замерло и лишь непрекращающиеся вопли Курьяна продолжали резать по ушам. Из оборванной штанины левой ноги жоака, до которой успела дотянуться странная субстанция, вместо ступни торчала обглоданная кость с кусками полусгнившего мяса отваливающегося прямо на глазах. Жихарь не выдержав, отвернулся, и его тут же стошнило, прямо себе на ноги. Из носа потекла кровь. Вопль неожиданно прекратился, сменившись булькающим хрипом. Жихарь, резко выпрямившись, обернулся.

— Он всё равно уже не жилец был, — Карпа заметно трясло. — Так чего мучится? — убийца как-то странно посмотрел на Жихаря, перевёл взгляд на скорчившегося на полу Албыча и двинулся в его сторону. — Ну, раз уж начал.

— погоди! — запаниковал Жихарь. — А вдруг эта гадость опять оживёт?! Что тогда делать будем?! И как из дома выбираться?!

— Думаешь, проход ещё не освободился? — Карп замер в нерешительности, переводя взгляд с бесчувственного мага на оконный проём. — Миха. Иди, проверь.

Миха, мелко трясясь, осторожно подошёл к окну, хотел высунуться и тут же отпрянул назад.

— Там люди со стены спускаются, — в глазах бывшего воришки плескалась вселенская тоска. — Оружные!

* * *

«Непривычен старый ублюдок по стенам лазить. Вон как руки трясутся!» — Гонда злорадно покосился в сторону, наконец-то спустившегося со стены мага. — «Это тебе не по замку князьему вышагивать! Жаль только, что шею себе не свернул!»

Мысленно ругая последними словами наставника, Гонда на самом деле злился на себя. И чего вслед за другими на стену карабкаться кинулся? Растерялся! Нужно было отстать под шумок, да к вершителям с докладом бежать. Никто бы до поры и не хватился! А теперь и в сторону не вильнёшь. Вой враз кишки на мечи наматывают!

— Надеюсь, ты цел, уважаемый кун? — с деланным участием заглянул в глаза

Светозару Бакай. — Ты так долго спускался, что я начал волноваться.

— Как видишь цел, — Абашев постарался добавить в свой голос как можно больше холода. — А вы бы лучше, вместо того чтобы на меня пялиться, по сторонам смотрели! — решил он сорвать накопившуюся злость на воях. — Мы уже в проклятом городе, а здесь из каждого закоулка смерть может выглядывать!

— Сильно тянет магией, мастер, — один из магов довольно уже пожилой рыжебородый мужик со знаком адепта огня низко поклонился.

— А что ты хотел, Лавр? — Снисходительно пожал плечами Светозар. — Тут весь город ею пропитан. Да и всяких тварей мажеских, тоже хватает. Только поворачиваться успевай, — и с удовольствием заметил, как сразу напрягшийся Бакай потянулся к ножнам за мечом.

— А почему тут так тихо? — ни к кому конкретно не обращаясь, встрял в разговор Устин. — Кроме нас совсем ничего не слышно!

Гонда неприязненно покосился на младшего Абашева. Устина он не любил. А за что? Слабенький адепт воздуха, а гонору! Будто не его отец, а он сам в ближниках у князя ходит! Казалось бы, пристроил тебя батя на тёплое местечко при замке — живи и радуйся. Сыт, пьян, одет и при деньге. Так нет же! Везде влезть норовит. Приказы отдаёт, будто право на то имеет! И чуть что, сразу наушничать куну бежит. Ещё и приврёт в три короба!

— То дело обычное, — снисходительно отмахнулся на опасения сына маг. — Здесь так по всему городу, если радетелям верить! И солнца никогда не видно, — поднял он голову вверх. — Всё тучами затянуто.

— А что радетели про дорогу говорят? — хрипло поинтересовался Бакай. Яр всё же вынув свой меч, нервно оглядывался по сторонам. Рядом с ним оцетинились железом остальные воины, образовав своеобразное полукольцо. — Уж больно ухоженная!

— Мне она тоже не нравится, — хмыкнул в ответ Абашев, доставая из поясного кошелька пару камней. — Вот пусть людишки Никонта и разведают. А мы посмотрим! Найдём дом побезопаснее и затаимся до времени. Заодно и вершителей следом пропустим. Пускай они с тварями, что на пути встретятся сами и разбираются! А мы уж следом как-нибудь. Глядишь, целее будем!

— А может не стоит со жрецами связываться, господине? — мрачно произнёс седой воин, посмотрев в глаза Бакаю. — Они нам этого не простят.

— В самом деле, — неприятно оскалился тот, повернувшись к магу. — Ты говорил, что Никонт сам людишек снарядил, без ведома отца-приора. О том, что нам с вершителями придётся ратиться, речи не было! Во что ты нас втравил, колдун? — глаза Бакайя недобро сощурились. — Я с храмом ссоры не ищу!

Гонда мрачно оглядел развернувшихся в их сторону воинов. Руки со стиснутыми на рукоятках пальцами, насупленные лица и страх, незамутнёнными каплями плескавшийся в глазах. Эти, можно не сомневаться, стоит только Бакаю выкрикнуть приказ — на куски порубят. Сначала куна, а вслед и остальных магов вместе с ним. Юноша уже сильно жалел, что вообще ввязался в эту авантюру. Знал бы, что сам в проклятом городе окажется — нипочём бы Абашеву о Вельде рассказывать не стал! Надеялся, что куна вершители сразу за Виличем переймут. А оно вон как вышло! Гонда покосился на насупившегося мага. Тоже, похоже, понял, что против воев не выстоять. И заклятье, спрятанное в камне, не поможет. Слишком близко стоят. И на остальных ушлёпков надежды особой нет. Вон как бараны столпились. Даже Устин голову в плечи втянул и только глазками испуганно моргает. Один Лавр за спину Абашеву встал. Хотя с ним всё понятно. Старинный знакомец. Со школы ещё.

В ту пору по слухам помог Светозару пару раз, ну а тот, когда ко двору князя попал, тоже не забыл про старого приятеля. К себе подтянул. Так что преданней Лавра у него сейчас человека нет. И не в благодарности дело, а том, что Лавр прекрасно понимает; не будет Абашева и его из замка сразу попрут, если, конечно, вообще не прикончат.

— Я о вершителях не ведал, — осторожно подбирая слова, ответил между тем кун. — Вельд гадёныш обманул. Так бы и сам сюда не сунулся, — он внимательно посмотрел в глаза Бакаю и внушительно добавил: — Но мы уже здесь и выбора теперь нет.

— Почему же нет? — вкрадчиво поинтересовался тот. Было видно, что мечник напряжённо размышляет, обдумывая как поступить.

— Потому что мы уже здесь, — ещё раз, с нажимом, произнёс маг. — А значит уже дорогу храму перешли. Поэтому сейчас у нас только два пути! Можно вернуться туда, — Светозар зло мотнул головой на стену. — Назад. И оказаться в руках отцов-вершителей. Думаешь, они нас простят? — маг неприятно оскалился. — Конечно, простят! И даже помолятся за нас, когда на лобное место поволокут! А можно идти дальше. И тогда, если нам повезёт, останемся живыми, да ещё и богатыми.

— А как же отцы-вершители? — все ещё не унимался седой. — Они же тоже в город, следом войдут.

— А что вершители? — вперил в него тяжёлый взгляд Светозар. — Если они не вернуться из проклятого города, то мы-то тут причём? Их могла прикончить здешняя магия, твари мажески, люди Никонта, наконец! О том, что мы тут, отцу-приору вообще неизвестно! Главное самим рты не раскрывать!

— А как мы незаметно выберемся потом? — Гонда с радостью понял по голосу Бакая, что тот склоняется на сторону Абашева. — Если вершители проклятый город в кольцо взяли?

— А как этот недоносок к Виличу выбрался? — вопросом на вопрос ответил маг. — Есть способ. Ты уж мне поверь. Тут этот гадёныш вряд ли соврал. А коли соврал, — Абашев кровожадно потёр руки. — То мы его сами при встрече спрашиваем! Только не сразу, а когда он нас к сокровищам проклятого мага приведёт. Только укрыться нам нужно побыстрее, а то люди Никонта уже близко. Скоро тут будут, а мы всё у стены топчемся!

— Там же вершители! Как они пройдут? — сунулся к магу молодой воин.

— Пропустят они их, — кинув на воина уничижительный взгляд, снизошёл до ответа кун. — Тут ведь как; либо отец Никонт затеял этот поход с ведома отца-приора и тогда вершители здесь для того, чтобы никого за ними следом не пустить, либо отцы-радетели сами о его походе узнали и решили проследить. И в том, и в другом случае, они их пропустят, а следом ещё отряд пошлют.

— Да и Лишний с ними, — прервал обсуждение Бакай. — Время и вправду не ждёт. Где прятаться будем колдун?

— Да в любом из этих домов, — Абашев скривился, но предпочёл не заметить пренебрежительный тон мечника. — Мимо нас людишки Никонта точно не пройдут.

— Так-то оно так, — задумчиво почесал голову яр. — Вот только как бы нам самим в ловушку не попасть. А вдруг они ближайšie дома осматривать будут? Тут ведь тыщу лет никто не лазил. Много чего найти можно!

— Не думаю, — покачал головой Абашев. — Они за чем-то очень важным идут. В таких случаях на всякую мелочь не отвлекаются, — маг покрутил головой и веско добавил: — Тем более в этих домах всякое можно встретить. Зачем рисковать многим из-за малого? Лавр,

что там у тебя? — повернулся он к что-то наколдовывающему огневику.

— Дом справа, похоже, пуст, мастер, — поклонился тот в ответ, вытирая выступивший со лба пот.

— Да там руины одни! — скептически хмыкнул Бакай, бросив взгляд на полуразрушенный дом. — Слева вон получше будет, — сказав это, мечник направился было к занятому ватагой Когтя строению. — По крайней мере, стены с крышей целы.

— Я бы не советовал господине! — в голосе огневика промелькнуло беспокойство. — Как бы беды не было! Очень уж оттуда сильно магией тянет.

— Наверняка какая-нибудь тысячетлетняя гадость эпохи хаоса, — хмыкнул Абашев и, иронически добавил, с усмешкой глядя на замершего мечника: — Но ты можешь туда войти, яр Бакай. Указывать тебе я не смею!

— Вся мерзость в этом мире происходит от проклятых ушлёпков! — смерив мага ненавидящим взглядом, с вызовом прорычал тот. — Мало вас Исидор в своё время уничтожал. Вы хуже чёрной лихоманки!

— Я сам так иногда думаю, — вновь иронически хмыкнул Абашев, направляясь к развалинам. — Жаль только, что бояться нас намного меньше.

Гонда, незаметно переведя дух, двинулся следом за учителем. Разжал занемевшие пальцы, выпустив рукоять так и не вытасченного ножа, вытер вспотевшую ладонь о штанину. Похоже, прямо сейчас резни не будет. Не с руки Бакаю с Абашевым друг другу глотки рвать. Они в одной лодке сейчас. А там он что-нибудь придумает. Может, удастся сбежать незаметно, пока стена рядом.

Магия Лавра не подвела. Дом был пуст. Это было видно с первого взгляда. Да и что может спрятаться в этой абсолютно голой коробке, где даже межкомнатные стены не уцелели, а над головой вместо крыши низко нависало свинцовыми облаками неприветливое небо? Тут даже мусор отсутствовал, обнажая ровный гладкий пол, выложенный из разноцветного кирпича в странную непонятную мозаику. Словно совсем недавно неизвестный уборщик и тут потрудился. Только стены, покрытые многочисленными трещинами похожими на замысловатую паутину, были заляпаны противной ядовито-жёлтой пузырчатой грязью, свисающей до самого пола.

Гонда, нерешительно потоптавшись, уселся прямо на полу, стараясь держаться поближе к центру. Порылся в мешке, нашёл баклажку с остатками сбитня, глотнул, клацнув зубами по горлышку. Немного отпустило. Рядом сгрудились вои, завертели головами маги. Сразу стало тесно.

Бежать! При первой же возможности бежать! Гонда вновь приложился к баклажке, унимая бившую его дрожь. Если его каждый раз первым будут во все опасные места посылать, долго он не протянет!

Резкий скрежет рубанул по нервам стальным ножом. Поперхнувшись, юноша недобро покосился на вошедшего в дом Бакая. Он что специально это делает? Меч в ножны можно и без эдакого лязга всунуть!

Абашев, в отличие от Гонды сдерживаться не стал.

— Нельзя ли потише, яр? — лицо мага искривила жуткая гримаса, словно у него все зубы разом заболели. — Мы не в княжеском замке. А слышно здесь за версту. Не ровен час заглянет кто в гости.

— Если кто-то здесь и появится, — Бакай с нажимом выделил слово «кто-то», — я уверен, ты легко с ним справишься, мой друг, — мечник дружески похлопал мага по плечу.

— Я думаю что колдун, так успешно вылечивший господине князя от поноса, на многое способен!

Бакай, полюбовавшись на буквально позеленевшее от злости лицо мага, решительно повернулся к воинам.

— Свищ наблюдаешь за стеной. Проморгаешь щенка, шкуру спушу! Тимоха — доставай мешки. Время до появления наших друзей немного есть. Перекусим, пока ждём. Из-за этой беготни в темноте по лесу, я изрядно проголодался. Зубоскал найди что-нибудь подходящее на улице. Не на полу же мне сидеть!

Маг, побуравив глазами развившего бурную деятельность мечника, горестно поднял глаза к небу, как бы призывая Троиخ подивится его терпению и отвернулся.

Гонда, покосившись в сторону учителя, горько усмехнулся про себя. Не стоило Абашеву так с Бакаем шутить. Дворяне — они все с гонором. Так что испуга своего прилюдного мечник куну нипочём не простит. Так и будет постоянно задирает, пока дело до поединка не дойдёт. Может Абашев и победит. Камешек то при себе держит. Из рук не выпускает. Здесь на запрет колдунам использовать кристаллы, всем глубоко плевать. Вот только что дальше? Камешка лишатся, хорошего бойца потеряют. Бакай, при всем его бахвальстве и глупости, мечом владеть умеет. Да и воины его неизвестно как себя потом поведут. Колдунам подчиняться, они не приучены.

А может и Бакай победит. Во время пути сюда, Гонда у мечника пару оберегов на шее заметил. Справится ли с ними кристалл? Если нет, то совсем беда. С Бакаем станется, затем и остальных магов перебить.

— Зубоскал! Где тебя волколаки носят! — повернувшись между тем к двери, в ярости проорал яр. — Долго я ещё тут буду стоять?!

Удручённо покачав головой, Абашев, не чинясь, присел на пол рядом с Гондой. Тот почти сочувственно покосился на посеревшее лицо придворного мага.

Мда. Не по плану всё пошло у гордого куна. Сам наверно уже не рад, что здесь оказался!

— Мы всё осмотрели, мастер, — из-за спины Гонды вынырнул, подошедший незаметно Лавр. — Пусто кругом.

— За подходами к дому посматривайте, — тихо ответил Абашев, покосившись в сторону мечника. Тот так и не дождавшись возвращения Зубоскала, скинул на пол плащ и, усевшись на нём, по-турецки скрестив ноги, как раз прикладывался к баклажке. — Как бы на эти вопли к нам в гости кто-нибудь не прибежал. Да и вой его запропастился.

— Может поискать? — вопросительно изогнул брови Лавр.

— Ну, уж нет, — раздражённо фыркнул в ответ Абашев. — Вы мне живые нужны. Его люди, пусть сам и ищет!

— Увар, где Зубоскал? — обратился между тем Бакай к седому воину.

Пропажа одного из его воинов, похоже, начала беспокоить яра всерьёз.

— Не видно нигде, господине. — седой мрачно выглядывал в дверной проём. — Я выдел как он в соседний дом забежал. С тех пор не показывается. Проверить?

— Пожалуй, — хлебнув из посуды, задумчиво согласился Бакай. — Малка с собой возьми.

— Ага! Вы ещё всей толпой туда завалитесь! — раздражённо рявкнул Абашев, вскочив на ноги. Вздогнувший Гонда, напрягся, затаив дыхание. Похоже, терпение у мага лопнуло, и драки теперь не избежать. Как же не вовремя то, а? Юноша тоже встал, скосив глаза в сторону выхода. Если свалка начнётся, нужно к стене бежать. Может и удастся вырваться,

пока другие резаться будут.

— Надо будет, пойдём и толпой, — сразу выверился в ответ Бакай. — И тебя с твоими ушлёпками прихватим. Я в отличие от вас крысёньшей своих людей берегу!

— Ага, — весело согласился с мечником Светозар, перебирая в руках пару камней. — Конечно, бережёшь. Сначала одного на смерть послал ради того, чтобы было, куда зад свой опустить. Потом ещё двоих! Такого болвана ещё поискать надо!

— Ну вот! — в ответ жизнерадостно оскалился и Бакай. — Хотел я тебя, семя Лишнего до возвращения не трогать, но видно Трое по-другому решили! Придётся тебе прямо здесь кишки выпустить!

— Хорошо, — набычился маг, сжав в кулаке один из камней. — Тогда давай прямо сейчас, а то мне...

Истошный вопль прерывал Абашева на полуслове. Возле противоположной стены, дико вопя, каталась грязно-жёлтая фигура, нелепо размахивая по сторонам руками, а сверху на неё падали ядовито-жёлтые хлопья, окончательно погребая под собой человека. Рядом раздался ещё один крик. Один из воинов, совсем ещё молодой, не успевший отпустить бороду, темноволосый юноша, чуть не сшиб Гонду с ног, метнувшись куда-то в сторону и судорожно стряхивая при этом пару жёлтых клякс.

— Уходим отсюда! — рявкнул первым вышедший из охватившего всех ступора Бакай. — Пока эти твари не сожрали всех к Лишнему!

— Наружу все! — проорал и маг, впервые за всё время похода, проявляя редкое единодушие со своим недругом и сам показывая пример устремился к двери. Впрочем, Гонда в этих распоряжениях не нуждался, уже шустро рванув к выходу. Вернее попытался это сделать. Дёрнулся и тут же застыл на месте. Выход уже был перегороден массой нападавших со стен тварей. Сами стены буквально кишели от их хаотичного движения, то и дело отваливаясь очередной порцией желтоватых комков. Люди оказались в кольце, стремительно сужающемся к центру. Орущая у стены фигура, покрытая колыхающимся месивом, наконец, затихла. Люди, испуганным стадом сбившись в кучу, всё теснее прижимались друг к другу. Гонда мгновенно оказался плотно зажат потными, что-то орущими и судорожно дергающимися телами. Ухнула жиденькая молния, кряжисто хекнув, рубанул по одной из клякс седой воин, дико завизжал рванувшийся напролом к выходу маг, в одну секунду облепленный липкой мерзостью.

— Они нас всех сейчас сожрут! — в панике завопили над ухом Гонды.

Кто-то пребольно двинул локтем ему в бок, затрещала зацепившаяся за что-то одежда.

— Выродки айхи! — взревел рядом Светозар, с невероятным усилием выталкивая руку с зажатым с ней камнем, так чтобы кристалл оказалось над головами беснующихся людей! — Сдохните! — прохрипел он, стараясь указать путь заклинанию в сторону двери, если не рукой, то хотя бы взглядом.

Из-под пальцев куна во все стороны брызнул ярко-багровый свет и затем, с негромким шипением с руки сорвалась узкая бледно-голубая полоска воды. Брызнули в разные стороны ошметки липкой слизи, вскипел под напором магии камень и в метре от выхода в полу образовалась узкая глубиной по локоть руки воронка, окутанная синеватым дымком. Образовалась и тут же скрылась из глаз, затянутая плёнкой набежавших со всех сторон клякс.

Маг в отчаянии заскрипел зубами. Самый сильный из его кристаллов, с трудом выпрошенный у князя, оказался бесполезным. «Водяное лезвие» способное насквозь

пронзить пару матёрых берыг, было бессильно перед этими мелкими тварями заполонившим собой всё вокруг. Что поделаешь, топором комаров не убивают

Между тем толпа совершенно обезумела. Отчаянные вопли раздались со всех сторон. Кляксы добрались до зажатых со всех сторон людей и принялись за то, что они умели делать лучше всего. Начали их жрать

Положение спас Лавр. Уже отчаянно крича и пытаясь смахнуть с себя набежавших тварей, он всё же активировал свой кристалл. Мощный порыв ветра буквально вымел узкую дорожку шириной чуть больше человеческого шага от беснующихся людей в сторону двери. Желтые комки с силой разбросало в разные стороны, размазывая по стене об их же собратьев. Глухо охнул один из воинов, на свою беду попавший под заклинание, оседая с проломленной от удара об стену головой. На короткий миг к двери протянулась измазанная в густой слизи полоска каменного пола. И люди, давя и отпихивая друг друга, бросились к спасительному выходу. Кинулся туда и Гонда. Он рвался к нему, вырываясь из чьих-то цепких рук, судорожно вцепившихся в одежду, оттолкнул кого-то с дороги, сам, получив толчок, чуть не упал, удержался, схватившись за чей-то локоть, тут же получил по зубам и вновь бежал, видя перед собой спасительный проём выхода и стремительно сужающуюся полоску свободного от тварей пространства. Наконец, спасительная дверь. Юноша буквально вылетел из дома на улицу, всё же упал, споткнувшись об камень, судорожно вскочил, вновь споткнулся, каким-то чудом удержался на ногах и что было сил, понёсся по дороге, прочь от оставшегося за спиной ужаса. Рядом кто-то бежал, за спиной раздавались отчаянные вопли, рыдания, призывы о помощи, но Гонда ничего не видя перед собой, бежал вперёд, не смея даже оглянуться. Бежал, пока хватало сил бежать.

* * *

— Уф. Наконец то! Думал, что сорвусь к Лишнему, пока залезу! — Лузга поудобнее устроился на камнях и смачно сплюнул вниз. — И как ты в прошлый раз в одиночку тут залазил, ума не приложу, — повернулся он ко мне.

— Жить захочешь и не туда залезешь, — хмыкнул пристроившийся рядом Марк.

— Хватит болтать! — рассерженной кошкой прошипел Путята, повернувшись к приятелям. Незапланированная схватка вершителей с неизвестным отрядом возле города, почему-то сильно расстроила десятника. Вот и срывал зло на ком ни попадя.

— Да брось ты десятник, — снисходительно вступился за школяров Ратмир. — Пока вниз не спустимся, хоть во всю глотку ори. Там никто и не услышит. А вершители и так о нас знают, — молодой маг задумчиво посмотрел вниз, обратно на лес, — Ещё и наблюдали, наверное, как мы на стену корячились.

Я покосился на бледного как смерть Никонта. Вот уж кто корячился, так корячился! Сдал старик. Совсем сдал. Краше в гроб кладут. Не учёл старый жрец, что не по плечу ему будет дорога, не по силам. Вон, не отдышится никак. В проклятый город на быках не въедешь! Интересно как он спускаться думает? Опять Путята верёвками обвяжет?

— Ну, этого ты точно знать не можешь, — ворчливо не согласился с магом Путята и, повернувшись к нам, строго добавил: — Как вниз спустимся, чтоб все языки за зубами держали, не топовырываю к Лишнему! Упаси нас Трое, прибежит кто-нибудь на шумок. Я

из—за вас недошлёпки тут подыхать не собираюсь!

И посмотрел на меня, почему то. Недобро так посмотрел, со значением.

— Вроде спокойно всё, господине десятник, — обратился к нему Мартын, поправляя арбалетом за спиной. — Думаю можно спускаться.

— Как ты, всеблагой отец, — гигант участливо склонился над тяжело дышащим жрецом. — Спуск сдюжишь? Я сверху вспомогну.

Тот лишь согласно затряс головой, не в силах произнести и слова. Упрямый. Уважаю. Хотя другого выхода у жреца, по сути, нет. Тут хочешь — не хочешь, до конца упираться будешь.

Спуск прошёл значительно быстрее. Действовали по уже заведённому у местных порядку. Сначала спустился самый малоценный член нашего отряда (в данном случае им оказался Степан), затем остальные недошлёпки. Оно и понятно. Для того и брали. Пушечное мясо, судьба которого всегда идти впереди и на своей шкуре проверят все сомнительные места, давая дополнительные шансы выжить более ценным членам экспедиции. Ну и в довесок можно в качестве бурдюков использовать, недаром учеников взяли ровно пять, не считая меня, конечно.

Затем спустился я, с магами и воями, и под конец Путята спустил вниз жреца, бережно обвязав того верёвкой.

— Забавно, — прищурившись, огляделся вокруг Ратмир. — Дорогу словно намедни уложили. И на ней даже соринки нет. Умели же древние колдовать!

Я зябко передёрнул плечами. Забавно, видишь ли, ему. Нашёл где забавляться! Лично я для себя ничего забавного в этой дороге не видел. Она на меня ещё в прошлый раз жути порядком нагнала. Путята, видимо разделяя мои мысли, презрительно покосился на мага и вытащил из ножен свой клинок.

— Забавно будет потом, во дворце, — прохрипел, видимо немного отдышавшийся Никонт.

Я покосился в сторону отца—наставителя. Взгляд жреца стал вновь осмысленным, с лица начал сползать синюшный оттенок. Может и дотянет старый хрыч до дворца. А что? Дорога туда ведёт прямая, да гладкая, карабкаться больше никуда не нужно. Если ещё рябь ту кисельную Ратмир с Матвеем с пути уберут как—нибудь, то вполне может добраться.

— Нам главное с дороги никуда не сворачивать, — словно прочтя мои мысли, продолжил жрец, отлепляясь от стены. — Твари местные все по подворотням прячутся. Если Вельд не соврал, — зыркнул он в мою сторону.

— Мне же с вами идти, всеблагой отец, — решил я откреститься от любых подозрений. — Мне в этом деле врать не с руки.

— Ну, тут что Трое дадут, — по тону наставителя было не понятно; поверил он мне или нет. — Командуй Путята. Нужно идти.

— Двигаемся медленно. Смотрим по сторонам, не шумим, — тихо, но властно процедил десятник. — Ты, — повернулся он к Лузге, — идёшь впереди. Мы чуть сзади. Мартын, — окликнул десятник воина уже снявшего со спины арбалет. — Ты наблюдаешь за домами что слева. Ты Невзор, — повернулся он к хмурому, всё время молчавшему воину, поигрывавшему словно пёрышком огромной секирой, — за теми, что справа. И ради Троих в оба глаза глядите. На ушлёпков в этом деле надежды мало!

Лузга, бросив ненавидящий взгляд даже не на Путята, а почему то на меня, тяжело вздохнув, медленно поплёлся по дороге. Мы, выждав пока он отойдёт на десяток шагов,

двинулись следом.

Странная всё-таки это штука — человеческая психика. Вроде бы вещь понятная и достаточно предсказуемая, а порой такие выкрутасы делает, что диву даёшься. Вот и сейчас; я неожиданно понял, что не чувствую страха. Настороженность есть, предчувствие нехорошее на душе в наличии, а страха нет. Совсем. И ведь умом понимаю, что основания для его наличия железобетонные имеются! Вон остальные как напряглись! Идут, чуть пригнувшись, головами во все стороны крутят, в руках если не оружие, то камешки до боли в пальцах сжатые. Понимают, что не к теще на блины попали, а в одно из самых жутких мест этого поганого мирка. И только я, наверно единственный из всей группы, относительно спокоен. Нет. Бдительности и я не теряю! К центру дороги держусь, по сторонам прилежно головой крутить опять же не забываю, вот только как-то спокойно, я бы сказал, даже отстранённо я всё это делаю. Словно со стороны за происходящим наблюдаю. Привыкаю или просто в душе что-то перегорело? Пойди — угадай теперь!

— Чего встал? — зло зашипел у меня над ухом Путята. — Увидел чтоль чего?

Я недоумённо оглянулся на десятника и понял, что обращается он не ко мне. Взгляд воина упёрся в спину замершего на месте Лузги. Тот насторожённо вытянув шею, внимательно всматривался вперёд, во что-то видимое только ему.

— Там на дороге лежит кто-то, — громким шёпотом сообщил он, обернувшись. — В крови весь!

— Кто лежит? — Ратмир наклонился чуть вперёд, буквально прожигая взглядом юношу.

— Не разберу никак, — всё так же шёпотом доложил Лузга. — Посреди дороги лежит, а не углядишь. Вроде человек. Расплывается всё, будто в тумане густом.

— Ты там часом со страху не рехнулся? — озлился Путята, потрясая мечом. — На какой к Лишнему дороге?! Она насколько глаз хватает, пустая!

На взгляд то она пустая. Да только непросто всё в этих, всеми богами забытых руинах. Здесь и глазам особой веры нет. Стена, перед входом в святилище Инсора, в прошлый раз мне это наглядно доказала! Страшная догадка резанула по сердцу запоздалым испугом, вдребезги разбив ледяное спокойствие, царившее в нём до того. Это что же получается? На этой дороге не только стены невидимы, пока к ним почти вплотную не подойдёшь? На живых это правило тоже действует? Похоже, в прошлый раз мне повезло даже больше, чем я думал!

— Троидами клянусь — лежит кто-то! — сорвался всё-таки на крик Лузга. — Крепко лежит!

— Так подойди и глянь, орясина! — подобрался Путята, волчьим взглядом обшаривая окрестности. — И поживее давай, а то и сам рядом ляжешь!

Лицо Лузги перекосилось, губы болезненно скривились. Но перечить мой заклятый «друг» не стал, медленно почти на цыпочках двинувшись дальше.

Я застыл, не сводя глаз с удаляющегося юноши. Вот сейчас и проверим на практике мою теорию. Сейчас кролик ещё немного отойдёт и...

Я аж глаза протёр. В какой-то момент фигура Лузги начала расплываться, терять очертания и буквально растворяясь в воздухе. Ещё шаг и вот у меня перед глазами пустая дорога. Пусто. Безлюдно. Ну не гадство, а?

— Отрыжка Айхи, — чертыхнулся Путята и мотнул головой. — Пошли. Нельзя упускать его из вида.

Далеко идти не пришлось. Через минуту мы все стояли, обступив полукругом

распростёртое на дороге тело. Чуть дальше, широко раскинув руки, лежал ещё один труп.

— Ты гляди, колдун, — десятник присел на корточки, внимательно разглядывая тело.

Я судорожно сглотнул. Погибший и вправду был магом. Обрывки некогда белой рясы, залитой густой красной кровью, не оставляли в этом никакого сомнения.

— Кто же его так обглодал? — молчавший всё утро маг воздуха Матвей нервно сглотнул, ухватившись за бороду. — Живого места нет!

Степан, буквально позеленев, согнулся, вываливая на землю содержимое завтрака. Прикс, немного подумав, последовал его примеру. Я быстро отвёл глаза в сторону от страшного зрелища, не желая составить им компанию.

— Кровь ещё сочится, — присел на корточки рядом с десятником Мартын. — Его совсем недавно убили. Мы уже на стену в это время залазили.

— Вижу, — скривился Путята. — И судя по следам крови, тот, кто его убил, обитает в том доме, — кивнул он направо.

— Я его знаю, — третий из воинов, молчаливый Невзор разогнулся от второго трупа. — Это Свиц. Вой княжеский. Мы с ним пару раз выпивали вместе в кабаке.

— Княжеский значит, — Путята задумчиво посмотрел на воина. — Не удивлюсь, если и этот ушлёпок тоже из княжьих колдунов был, — десятник распрямился и двинулся ко мне. — И что здесь делает княжеский отряд? Как ты думаешь?

Я непроизвольно поёжился под его жёстким взглядом. И что прикажите ответить? В то, что сам не ожидал? Не должно здесь быть ни Адашева, ни людей его. Их ещё в Виличе отцы-радетели перехватить должны были. Почему не перехватили? Не успели? Или не знали? И что за игру в этом случае ведёт Ликон? Куча вопросов, на которые нет однозначного ответа. А тут ещё этот...нависает.

— Ты что молчишь, недошлёпок? — резко встряхнул меня Путята, с силой ухватив за локоть. — Задумал чего? Ты со мной крутить не смей! Думаешь что ценный такой? Я если понадобится, всю правду из твоей гнилой душонки мигом вытрясу! И при этом тебя относительно целым оставлю! — десятник хищно ухмыльнулся. — Для дела пригодным!

— Да ничего я не скрываю, господине, — поморщился я, сделав испуганный вид. Нарываться пока было рановато. А то не дай Лишний, ещё и свяжут. А мне на будущее свободу терять никак нельзя. Тогда шансов удрать, совсем не будет. — Сам просто гадаю. То, что они по наши души сюда пришли, это понятно. Вопрос — откуда узнали?

— Так от тебя и узнали. Откуда же ещё? — задушевно поинтересовался Ратмир, подойдя ко мне с другой стороны. — Точно так же, как до этого вершители.

Остальные, молча, обступили нас, нависая недружелюбной толпой.

— Вершители про то и без меня знали, — стараясь говорить как можно убедительнее, не согласился я. — Сам всеблагий отец о том им нарочно поведал, под своё покровительство прилюдно меня взяв, — я покосился в сторону Никонта и ужаснулся. Жрец стоял позади всех, в полном одиночестве. Позеленевшее лицо, трясущиеся губы, широко раскрытые от ужаса глаза. Да его сейчас удар хватит! Мда... Не по своему рту старик кусок решил отхватить. Сидя у себя в келье рядом с тёплой печью планировать одно удовольствие. Всё гладко выходит. Да отец-наставитель, похоже, только сейчас осознал, что запросто и сам может вот так валяться куском окровавленного мяса посреди дороги! Местные едоки чинов не разбирают. Им что воя схарчить, что жреца. Но как плохо-то всё! Если Никонт раньше времени загнётся, кто Путяту в узде держать будет? Ратмир? Не факт. — Я о том знал. Вы о том знали. Да почти вся школа об этом знала! А послухов у господине князя в ней хватает.

— Складно баешь, — и не подумал отпустить мою руку Путята. — Вот только веры у меня к тебе нет совершенно. Уж больно скользкий ты. Словно угорь речной. Ну да Лишний с ними с княжескими. Они уже здесь и я про то знаю. Меня больше интересует, кому ты ещё о нашем деле нашептать успел? Людям герцога? Может ещё кому? От кого ещё мне стрелу за каждым углом в спину ждать? Говори выродок айхи!

И тут меня конкретно повело! Видно всё тут в кучу сложилось. И постоянные удары судьбы, навесившей на меня кучу смертельных проклятый, замешанных на постоянных подставах, и так и не ставшая привычной необходимость постоянного унижения перед каждой сволочью, и довлевшая на меня безысходность моего теперешнего положения. В общем, сколько на крышке кипящего котла гайки не закручивай, её всё равно когда-нибудь вырвет.

— Да пошёл ты к Лишнему ублюдок! — я так резко выдернул локоть из руки десятника, что, сам чуть не упал, едва устояв на ногах! — Сам же, небось, первый к князю наушничать и побежал! А теперь на меня сваливаешь! пытками он мне грозить вздумал! — я, сжав кулаки, уже орал во всю плотку на порядком опешившего от неожиданности воина. — Да я тебе тогда во всём сознаюсь! Даже что степняков сюда позвал — приплету! А после заведу в ловушку какую-нибудь, чтоб вовек выбраться не смог! Или горло во сне перережу! Мне терять уже нечего!

— Стой! — Ратмир, властно взмахнул рукой, в сторону пришедшего, наконец, в себя Путята, с недоброй ухмылкой двинувшегося было ко мне.

— Да чего там, — небрежно отмахнулся тот своей лапицей. — Я этого сморчка ща быстро пришибу!

— Стой, Путята! — Никонт наконец-то пришёл в себя и сейчас ковылял в нашу сторону. — Ты забыл, что я решаю, кому здесь жить, а кому умереть. Этот отрок мне пока нужен.

— Зачем он нам, всеблагой отец? — не очень то и вежливо спросил Путята. Чувствовалось, что воин еле сдерживается, с трудом удерживаясь от того, чтобы бросится на меня. — Дорогу к храму он подробно описал. А отмычек у нас и без него хватает. А вот узнать, кто ещё в проклятом городе есть, лишним не будет. Я из него это быстро вышибу.

— Он нам ещё нужен, — ещё раз, с нажимом, повторил Никонт. — Зачем? Тебе про то, знать не обязательно. Мы с Ратмиром знаем и ладно.

Я осторожно отошёл чуть в сторону. Заденут ещё, не приведи Лишний! Вон как насупились. Никонт камешек на цепочке, что с утра на шею повесил, рукой обхватил. По бокам оба мага расположились. Морды нахмуренны, кулаки сжаты. А напротив Путята мечом поигрывает, да Мартын с Невзором, с двух сторон за спины магам зайти норовят. И это в проклятом городе, рядом с домом, в котором как минимум двоим, совсем недавно, кровопускание неведомые твари устроили. Идиллия! Только недошлёпки в стороне остались. Как есть — овцы. В кучу сбились и глазами лупают. Кто победит, тот дальше стричь и будет.

— Ну что? Нужна тебе эта заруба, Путята? — предпринял последнюю попытку договорится Ратмир. Адепт воды говорил осторожно, тщательно подбирая слова. — Пусть даже верх твой окажется? Дальше что? Прибьёшь недошлёпка и сам на меч кинешься? Але вершителям в руки отдашься, ихнему кату на радость? Небогатый выбор, да только другого не будет! Что делать надобно во дворец асуров попав, только мы с Никонтом знаем. А без Вельда ты даже и до дворца не доберёшься. Дар у него; нечисть колдовскую с дороги отпугивать. Потому и нужен пока.

— Да пусть живёт, коли нужен! — мгновенно преобразился из демона-убийцы в

рубаху–парня Путята, демонстративно опуская мечи. — Разве я общему делу помеха? Прости отец Никонт, — покаянно повернулся десятник в сторону замершего жреца. — Видать сам Лишний разум помутил. Забыл перед кем стою. Ты уж не взыщи, сурово не наказывай!

Ну да. Накажешь тебя как же. Судя по всему, расклады в нашей и без того не сильно сплочённой группе сильно поменялись. Похоже, значительную часть своих властных полномочий Никонт, с момента попадания в город растерял. Так, видимость одна осталась. Да и та вся трещинами покрылась. Вон уже просто Никонтом называют. О всеблаготворителе отце и не вспоминают даже. Какой из этого вывод? Да скovyрнут скоро Никонта с игровой доски, если сам, конечно, раньше не загнётся. И я, кстати, в этом действе тоже не прочь поучаствовать. По мере сил и возможностей.

Ну а на данный момент у нас наметилось двоевластие: Ратмир и Путята — маги и вои. И никому из них я победы не желаю.

Ратмир мне вроде насвинячить, ещё не успел. Вот только это не значит, что данное мероприятие у него в ближайшем будущем не намечается. Его слова о том, что «потому и нужен пока», я мимо ушей не пропустил. Я, конечно, и раньше в планах отца Никонта в отношении моей тушки не сомневался. А теперь твёрдо уверен. Ну что же. Если что — они первые начали!

Ну а с Путятой и так всё понятно. При первой возможности пришибёт. И хорошо ещё, если до дворца терпения меня не трогать хватит. Ну да ладно. Дорога туда непростая, опасная. Всякое может случиться. Мы ещё поглядим, чьи в лесу шишки толще.

— Уходить надо, господине, — мрачно обратился к десятнику Невзор, игнорируя отца–наставителя. — Хоть из дома сюда пока не лезет никто, но лучше убраться отсюда подальше.

— И то верно, — согласно кивнул в ответ тот. — Время идёт. Не хотелось бы мне в этом городе ночевать. Да и через стену не приведи Лишний, ещё кто–нибудь из наших друзей полезет, — Путята выразительно покосился в мою сторону, развернулся к школярам и зло зашипел: — Чего встал, долговязый? Твой черёд впереди дорогу торить! Пошевеливайся! А то за тебя вряд ли кто заступаться будет! Рылом не вышел!

Марк, молча, зашагал вперёд. Чуть помедлив, следом двинулись и остальные. В том числе и я, не спуская настороженного взгляда с Путяты. И поэтому не заметил, как чуть приотстали Никонт с Ратмиром.

— Приглядывай за ним тщательнее, Ратмир, — снизив голос до шёпота сверлил мне спину взглядом жрец. — Сам знаешь, без этого гадёныша обряд не провести. Как бы Путята его всё же не пришиб.

— Пока до цели не дойдём — не тронет, — оскалился Ратмир. — А после обряда я его сам прибью, — маг потёр нос и, понизив голос, чуть слышно, добавил, глядя вслед заковылявшему вдогонку за отрядом Никонту. — Да и тебя тоже.

* * *

— Ну, теперь понятно, почто они так долго у стены задержались, — Герхард, поглаживая бороду, разглядывал два окровавленных тела. — Тоже на них наткнулись.

— Так тут не стоять. Тут, наоборот, бежать надо было, — Невронд, обнажив меч, не

сводил настороженного взгляда с дома, от которого к дороге тянулись следы крови. — Трупы свежие совсем. Как бы то, что их не дожевало и к нам не выскочило. Уходить надо бы от греха, мастер.

— Опасность не велика, — раздражённо отмахнулся Герхард. — Мажеские отродья порождённые в доме, обычно его не покидают. Видишь — этих даже доедать не выползли! Вот в дом лучше не соваться!

— Да меня туда сам Лишний не загонит! — встрял в разговор Русин, по-прежнему нацелив арбалет в сторону дома. — Вдруг оно досыта не наелось?

Шутка получилась так себе. Во всяком случае, остальные воины десятка на неё никак не прореагировали, продолжая, взяв в круг магов и командира, сосредоточенно осматривать окрестности.

— Посмотри Невронд, тот вроде воин, — кивнул Герхард в сторону фигуры в полуобглоданных доспехах. — А я магом займусь. Надо же понять, кто у храма под ногами пугаться надумал.

— Может из отряда Никонта кто, мастер? — встрял в разговор один из воздушников, полный с выпяченным брюхом средних лет мужчина. — Там и воины были и маги.

— Нет, — ответил за мага Невронд, внимательно всматриваясь в почти целое лицо покойника. — Тогда кровь ещё текла бы. А она уже запеклась давно. Тут раньше кто-то был, — десятник задумчиво хмыкнул. — Наверное, те удалыцы, что сквозь заслон к стене прорвались. Только вроде их поболее было. Может, в доме остальные остались?

— Может, и остались, да только не они, — адепт воды, начал обшаривать тело своего менее везучего собрата. — Помнишь ко мне, перед тем как на стену лезть, вой от Угрима подбегал? Так вот. Весточку он передал. Опустили послухи одного из татей, что в проклятый город без спросу рвались. Тать и есть. Из ватаги Курьяна Когтя. Только откуда посреди ватажников магу взяться? За беглых колдунов награда такая, что сами поделники и сдадут. Вот только где ватажники камешек такой силы добыли? — Герхард задумчиво сдвинул брови. — Загадка.

— А эти тогда чьи? — озадачился Невронд. — Вот ведь, — крикнул он с досадою. — Даже оружие без клейма. Постарались дети айхи, чтобы хозяина опознать нельзя было. Но где то я это лицо уже видел.

— У тебя хоть лицо есть, — брезгливо сморщился Герхард, поднимаясь с корточек. — У этого его почти всё обглодать успели. Поди, разберись теперь. Скажи воинам, пусть твоего тоже посмотрят. Может, вспомнит кто. Городок у нас небольшой, каждый вой на виду.

— Мастер, — вновь встрял в разговор всё тот же маг. — Я, кажется, знаю кто это.

— В самом деле? — Герхард заинтересованно прищурился. — И кто же это, по-твоему?

— Огневик это. Один из людей Абашева, — ощерившись гнилыми зубами, сообщил толстяк. — Он со школы ещё эту ладанку на себе таскал, — кивнул бурдюк на окровавленный кругляшек с оборванной верёвочкой валявшейся рядом с трупом. — Говорил, что помогает. Оно и видно, — вновь осклабился толстяк. — Хорошо ему помог.

— Люди князя значит, — Невронд помрачнел на глазах.

— Похоже на то, — согласился с ним Герхард. Ноздри его крючковатого носа гневно раздулись. — Значит, всё же Абашев в город попал. Вот же ещё забота! Хорошо если его в том доме подъели. А ежели нет? Неизвестно, что за кристаллы он из казны княжеской прихватить мог! Оглядывайся теперь!

— Ты думаешь, что Абашев пришёл сюда с ведома князя, мастер? — поинтересовался

толстяк.

— А какая теперь разница? — хмыкнул в ответ Герхард. — С дозволения Уго, Абашев сюда притащился или тайком, заодно камешки из казны княжеской умыкнув? Святозар — ближник княжеский, а значит и спрос с князя будет. Отец-приор давно на Уго зуб точит. Своевольным тот стал, иной раз и перечить всеблагому отцу осмеливается! Ну что же. То не наша забота. В любом случае князь теперь простой мятежник и еретик. Нам теперь не только Ратмира опасаться нужно, но и Абашева. Даже без камней, маг он не самый слабый. Коль в засаду сядет, да на заклинание как следует выложиться — много беды наделать может.

— Нужно идти дальше, мастер, — склонился к Герхарду Невронд. — Время уходит. Да и опаска берёт, тут долго стоять.

— Время есть, — ответил маг, взглянув на кристалл. — Никуда людишки Никонта от нас не денутся. Лучше выбери одного из своих людей. Обрато с донесением к отцу Яхиму пошлю, пока далеко от стены не ушли. Надо сообщить, что люди князя тоже за стену прорвались.

Впрочем, ждать пришлось недолго и вскоре молодой безусый воин, весело перекинув через плечо арбалет, направился обратно, в сторону стены. Остальные с завистью посмотрев ему вслед, медленно побрели дальше.

* * *

— Не нравится мне здесь, — Остромир, крепко сжимая кристалл в руке, внимательно осмотрелся.

Ликон мысленно согласился с адептом воды. Спустившись со стены, их группа оказалась в начале узкого тупика, густо облепленного с обеих сторон полуразваленными стенами домов. Серые безжизненные здания сжимали в своих тисках дорогу так плотно, что редкий для этих мест путник при желании мог спокойно дотянуться с края дороги до шершавых стен рукой и погладить, уже начавшие крошиться от времени камни. Вот только даже подобия этой мысли ни у кого из забравшихся в город магов в голове не возникало. Наоборот, они сгруппировались посередине не такой уж и широкой дороги, инстинктивно стараясь держаться подальше от древних развалин. Впрочем, кое-где к ним и при большом желании было не так легко подобраться. Дорога казалось, не хотела иметь ничего общего со своими каменными соседями и в местах, где здания обрушились, в результате древней волшбы, вдоль дороги образовались настоящие каменные барьеры, порой достигая в высоту нескольких метров. Особенно грозно это смотрелось в местах, где постройки сравнивали с землёй с обеих сторон. Там невидимый барьер, не дающий и соринке упасть на дорогу, превращал её в своеобразный туннель.

— Мы с самого начала знали то, что нам здесь не понравится, мастер, — иронически хмыкнул в ответ Вимс, не менее внимательно всматривающийся в окрестности. — Хорошо хоть, что видно далеко.

— А толку? — недовольно скривился Остромир. — Много ты разглядишь за этими завалами? Мажеские твари могут прятаться где угодно. А до нас им будет рукой подать,

когда мимо пойдём. Если что, мы даже кристаллами воспользоваться, можем не успеть. Я же говорил, что надо было по той же улице, где и мальчишка идти, — адепт воды неодобрительно покосился на Вимса. — Там мы, по крайней мере, до пелены спокойно бы дошли. Дорога уже проверенная. Возле неё и затаились бы где-нибудь

— И как бы там ты через стену перебирался? — устало вздохнул Вимс. Этот спор возникал уже неоднократно и начал порядком раздражать старого мага. — Это место наверняка у вершителей под особым надзором. Вон Абашев, судя по всему, уже попробовал, — Вимс презрительно скривил губы. — Сейчас уже, наверное, с Лишним за кромкой беседует.

— Нам и так повезло, что они внимание на себя отвлек, — поддержал друга Ликон. — Сам же видел, сколько воев храмовых вокруг нас крутилось! А там их наверняка в разы больше было!

— И что? — иронически приподнял брови Остромир. — Наложили бы вуаль отрицания. Затем и брал. Как раз проскочить успели бы.

— Опять ты за своё, — Вимс так сморщился, будто уксуса полной ложкой глотнул. — Ты хочешь, чтобы мы ещё толком в город не войдя, лишились самого могущественного кристалла? Ты же им больше воспользоваться не сможешь. Когда ещё в нём энергия опять накопится! А нам каждое заклинание здесь ещё ой как пригодится может! Сейчас-то все кристаллы при нас пока!

— Это да, — деланно согласился на это Остромир. — Сейчас все они заряжены. А сколько их останется, когда мы до пелены дойдём? — маг воды в упор уставился на Вимса. — И сколько нас самых туда дойдёт? Если вообще дойдёт, конечно! По-моему пожертвовать одним из камней за возможность без потерь дойти до пелены — это хороший обмен. Мы в проклятом городе! Здесь жадный платит втрое!

Ликон, продолжая мрачным взглядом осматривать предстоящий им путь, промолчал. По дороге сюда, он тоже был против расточительности адепта воды. Но сейчас на месте видя все перипетии предстоящего пути, Ликон был вынужден признать, что Остромир при всей его нелюбви к нему не так уж и не прав. Как бы их прижимистость не обошлась им значительно дороже.

— Смотрите! — голос Остромира вывел Ликона из задумчивости, — по-моему в окне вон того дома что-то мелькнуло.

— Здесь во многих домах может кто-то быть, — пожал плечами Вимс. — Только согласно трактату мастера Гомеса, магические твари не могут покидать стен здания, в котором они возникли. Главное самим туда не соваться, — старый маг озабоченно потер переносицу. — Меня больше заботят сюрпризы, которые поджидают нас вне домов.

— Про дома я бы тоже не забывал, мастер, — не согласился Ликон. — Ты же помнишь, великий Гомес, говоря о невозможности мажеским тварям покидать пределы зданий, сделал оговорку; за редким исключением.

— Да и мажеские твари бывают разные, — в кои веки согласился с ним Остромир. — Тут дома стоят так близко к дороге, что можно попытаться схватить кого-то даже не покидая здания. Надо только шупальце подлиннее иметь.

— Или магией владеть, — согласился с ним Ликон. — Чтобы жертве мозги затуманить и в западню приманить.

— Хватит вам выдумывать воображаемые опасности! — взорвался Вимс. — Нам бы с реальными как-то справиться! И кстати. Почему мы всё ещё тут стоим? Дорогу осилит только

идущий.

— Откровенно говоря, мы просто тянем время, — грустно усмехнулся Остромир. — Тут возле самой стены нам, по крайней мере, пока ещё ничего не грозит, а стоит только пойти вперёд, — маг многозначительно хмыкнул.

— Да и время ещё есть, — Ликон скосил глаза на следящий амулет. — Вельд ещё по лесу топает. А оглядеться, прежде чем в лапы к Лишнему лезть, никогда не помешает!

— Что же, значит, будем считать, что огляделись, — решительно произнёс Вимс. — Пошли, — встряхнул головой старый маг, отгоняя навязчивые мысли. — Идём медленно. Смотрим внимательно. Совершенно невидимых ловушек не существует.

«Будем, по крайней мере, на это надеяться», — мысленно вздохнул Ликон, отлепляясь от стены.

— Твари! Твари! Отродья проклятого Лишнего!

Гонда с нарастающим раздражением покосился в сторону причитающего мечника. Где только силы так орать находят! Сам юноша, бессильно опустившись на землю, никак не мог отдышаться, с шумным всхлипом хватая дрожащими губами сухой воздух. Лёгкие работали как кузнечные меха, в безнадёжной попытке насытить организм достаточным количеством кислорода. Рядом натужно откашливался Абашев, зажимая правой рукой кровоточащий бок.

— Думал всё. Там и останемся, — повернул к Гонде налитое кровью лицо адепт воды. — Чудом вырвались!

— Именно что чудом, мастер, — согласно прохрипел тот, ни капли не удивившись тому, что высокомерный кун снизошёл с ним до разговора на равных. — Если бы не Лавр со своим камушком, как есть, все бы в том доме полегли. Вовремя он эту мерзость с дороги сдул!

Светозар хрипло засмеялся, мелко трясясь всем телом. Его смех был настолько страшен, что даже Бакай, прекратив свои причитания, настороженно уставился на спятившего колдуна, сжав в руке чудом не оброненный меч. Гонда отодвинулся подальше и даже нашёл в себе силы подняться на ноги. Оно, конечно, сил опять бежать нет никаких, но так поспокойнее будет.

— Я ведь Лавру всего один камешек дал, — радостно оскалился Светозар, наконец-то справившись с истерикой. — Самый никчёмный! А оно вишь как повернулось! — всплеснул руками полубезумный маг. — Водяное копьё не помогло, а простенький порыв ветра действенным оказался! — Абашев, кряхтя, поднялся вслед за Гондой и со значением добавил: — Правда, ему это не помогло!

— И не только ему! — Бакай в бешенстве лупанул мечом по дороге, словно молотом по наковальне. — Все мои вои в доме том проклятом полегли!

— Главное, что нам помогло, — примирительно ответил Гонда, с беспокойством поглядывая на мечника. — Живы, и слава Троим.

— А надолго ли?! — вскинулся тот, прожигая юношу налитыми кровью глазами.

Гонда вжал голову в плечи, тут же пожалев, что привлёк к себе внимание взбешённого яра. Вон как зубы оскалил. Словно волколак в западню попавший.

— Ты уверен недошлёпок, что будешь ещё жив к закату солнца?! — Бакай бросил взгляд на небо и разозлился ещё больше. — Да чтоб вам самим стёртыми стать! О чём я?! В этих лишённых благословения богов руинах даже солнца нет!

Ничего не ответив, юноша плюхнулся обратно на дорогу, принявшись, с показным вниманием, осматривать свою обувь. Тщательно оцупал подошву, ногтем сколупнул с голенища прилипший комок грязи. Хорошие сапоги, юфтевые! Больших трудов стоило их у дядьки Антипа сторговать. Не будь Вельд не только изгоем, но ещё и помеченным; нипочём бы по рукам не ударили! Вот только, по всему видать, не долго ему в них щеголять осталось! Твари мажески не съедят, так свои пришибут. Вон опять лаяться начали. Словно бычки неразумные! Их волколаки в кольцо взяли, а они бодаться удумали, пучок травы на лугу не поделив.

— Эй. Кто там бает? Обзовись, что за людишки такие?! Боязно мне!

Хриплый голос резанул по и без того натянутым нервам похлеще острого лезвия. Гонда

крутанулся в сторону голоса, ладонь привычно легла на рукоять ножа. Рядом звякнул мечом Бакай.

— Устин?! Ты никак! — хищной рысью развернулся Абашев. — Где ты там?! — маг, сдвинув брови, начал напряжённо всматриваться в пустую на вид дорогу. — Беги сюда шибче!

Радостно охнули и в паре десятков метров от Гонды на дороге появился расплывчатый силуэт, начавший стремительно наливаться красками. Прошло ещё пара мгновений и вот уже окончательно материализовавшийся Устин, буквально врезался в Светозара, захлёбываясь от рыданий.

Гонда презрительно скривил губы, рассматривая своего недруга. Расклеился младший Абашев! Вон, трясётся весь, словно студень на столе праздничном! А что ты хотел, Устинушка? Это тебе не в Виличе перед челядью княжьей нос задирать! Тут батюшке наушничать не побежишь. Тому самому бы отсюда ноги относительно целым унести! Хотя досталось Устину, судя по всему, не слабо. Разбитые, начавшие опухать губы, (видно приложился об чей-то локоть, когда удирал), скособоченное, успевшее пропитать кровью весь рукав плечо, изодранная в клочья одежда. Гонда на мгновение даже о собственных проблемах забыл, до того его видок младшего Абашева порадовал.

— Ещё один ушлёпок объявился! — со своей стороны поприветствовал появление Устина Бакай. — Шустры вы, колдуны, от опасности убегать! — с неугасающей злобой прокомментировал он. — Вон из моих воев не один не сбежал! Все полегли, спины вам прикрывая!

— Ты тоже здесь, яр, — устало заметил Абашев и, отодвинув от себя прильнувшего Устина, потянулся к его плечу. — Снимай свои лохмотья. Посмотрю, что там у тебя.

Рана на плече у молодого адепта воздуха оказалась достаточно глубокой. Мелкие твари буквально срезали с него кусок мяса, каким-то чудом, не добравшись до кости. Гонда даже головой покачал, охнув. Странно, что Устин кровью не истёк до сих пор. С такими ранами долго не бегают, а этот до сих пор на ногах твёрдо стоит! Юноша бросил взгляд за изнанку. Руки Светозара буквально светились холодным голубоватым светом, направляя в сторону раны потоки энергии. Результат не замедлил сказаться. Кровь, обильно стекавшая на руку, замедлилась, на глазах свернувшись, и рана покрылась грубой ярко-красной коркой.

— Пока всё, — тяжело дыша, откинулся Абашев. — Кровью не истечёшь и ладно. Завяжи покрепче чем-нибудь.

Устин, болезненно кусая посиневшие губы, молча, кивнул и начал копаться здоровой рукой в заплечном мешке.

— Может, и мне поможешь, колдун? — с вызовом навис над Светозаром Бакай. Вид молодого воина был страшен. Запаханная кровью и грязью одежда и лицо, судорожно сжатый в руке меч, с налипшем на лезвии чем-то зелёно-тягучим.

— Это вряд ли, — Абашева закачало от навалившегося отката. — Я хоть и адепт воды, но бочку с водой сотворить сейчас вряд ли смогу.

Рядом поднялся Устин, бросив на время мешок и потянувшись к поясу за очередным камешком. Тяжело вздохнув, Гонда начал смещаться за спину окончательно спятившему мечнику. Да что же его вопящие ещё в колыбели не придушили! Что же ему неймётся то?! Тут не чаешь, как живым из проклятого города выбраться, а он всё старые счёты свести пытается! Неужто не понимает, что не ко времени всё это?! Да и мастер тоже хорош. Видит же, что мечник не в себе. Зачем ещё больше злить? В любом случае, на чью сторону встать у

Гонды сомнений не было. С магом хоть какая-то надежда выжить есть! А Бакай и сам сгинет по-глупому, и его Гонду, за собой потянет. Это если сразу не прибьёт!

— Похоже, мне всё же придётся тебя убить, ушлёпок, — хищно скривив губы, прорычал Бакай. Было видно, что он даже рад предстоящей схватке. Нашлось на ком выместить кипевшую злобу. — Да и твоему приبلуду тоже. Сейчас я вас обоих мелкими ломтями кромсать буду.

— Может, и накромяешь, — согласился с ним Абашев и неожиданно зашёлся в приступе неприятного сухого кашля. — Со мной сейчас и младенец справится, — доверительно добавил он, вытирая со лба капли холодного пота. — Вот только долго ли сам потом протянешь, яр? Ты же один останешься, посреди города этого проклятого, — маг скривил губы. — Или может, назад попробуешь вернуться? Так эти твари тебя там ждут.

Гонда мысленно усмехнулся. Дорога обратно, скорей всего, была свободна. Он в отличие от заносчивого дворянчика всегда внимательно слушает, о чём другие говорят. И упоминание об этом в одном из разговоров Абашева с сыном, мимо ушей не пропустил. Не зря, как только из дома вырвались, эти твари за ними следом не кинулись! Ему сейчас даже было немного стыдно за свое паническое бегство. Стыдно и горько! Не в ту сторону бежать нужно было! Совсем голову от страха потерял. Сейчас бы уже за стеной был!

— Давай отложим поединок до возвращения? — предложил, между тем, маг. — С нами у тебя на него есть шанс. Без нас останешься тут наверняка.

— Допустим, — было видно, что Бакай колеблется, ещё не решив как поступить. — Но тогда почему ты не хочешь помочь мне с ранами, колдун? Думается, что я тебе сейчас нужен не меньше, чем ты мне.

— Да потому что у тебя нет ни одной серьёзной! — сердито рявкнул в ответ Светозар. — Царапины одни! А силы мне ещё понадобятся. Неизвестно что впереди ждёт, а свой самый сильный кристалл я уже впустую потратил! Я и сам, если ты не заметил, весь в крови, — маг ткнул пальцем в окровавленный бок. — Но как видишь, на себя силу не трачу! Я и Устину помог только потому, что он кровью истечь мог. Всё остальное можно просто перевязать! Чай вои, а не бабы!

Яр задумался, продолжая сжимать в руках меч. Гонда, шумно вздохнув, убрал руку с ножа. Устин, видимо тоже уяснив для себя, что драки не будет, вновь начал копаться в мешке.

— Нужно идти, яр Бакай, — буднично произнёс маг, справившись, наконец-то, с кашлем. — Вельд с Никонтом уже у стен города. А там и вершители следом полезут. У нас последняя надежда осталась. Спрятаться где-то впереди, пропустить их вперёд, дожидаться пока они перебьют друг друга и добить победителей.

— Ты все ещё на что-то надеешься, колдун? — Бакай всё же опустил свой меч.

— Я всегда надеюсь, — оскалился в ответ Светозар. — Наша ошибка была в том, что мы сунулись в этот дом. Больше мы её не повторим. Дороги более безопасны. По ним даже этот недомерок пройти и выжить смог. Мы просто свернём перед входом в храм на другую улицу, там перекресток должен быть. Эта богами проклятая невидимость сыграет нам на руку. Подождём, пока пройдут вершители и пойдём следом. А там уж как Трое решат. Им виднее, кому суждено отсюда живым вернуться.

— Будь по твоему, колдун, — нехотя согласился мечник, — но только помни. Наш разговор с тобой не окончен. И хватит тут уже торчать. В одном ты прав. Это действительно царапины. Их можно перевязать потом.

И яр, гордо вскинув голову, зашагал вперёд по дороге.

Дальше долго шли молча, насторожённо всматриваясь вперёд и не забывая оглядываться по сторонам.

— Пелена уже скоро должна быть, — тихий голос Устина оказался подобен грому, заставив Гонду вздрогнуть и мысленно выругаться.

— Чего орёшь, олух? — Бакай в отличие от Гонды сдерживаться не собирался — И так жутью непонятной со всех сторон тянет, так ещё ты тут горланить удумал!

— Так потому и сказал, что жутко. Тишина и шаги только, — начал было оправдываться Устин. — Страшно!

— Стой, — старший Абашев взмахнув рукой, заставил сына испуганно замолчать. — Там кто-то есть. Впереди...

Четыре пары глаз уставились вперёд, всматриваясь в еле различимую фигуру на дороге.

— Устин, — чуть слышно, одними губами, приказал Светозар. — Подготовь что-нибудь простенькое. Камешек пока прибереги.

— Щас, — понятливо кивнул тот в ответ и начал торопливо чертить перед собой, только ему видимые руны.

— А мы поближе пока посмотрим, — оскалился Абашев, перекатывая на ладони зеленоватый кристалл.

Бакай, презрительно покосившись на замершего в стойке Устина, первым медленно двинулся вперёд. Свой меч в ножны он так и не убирал.

— Господине! Это ты?!

Смазанная клякса, вскочив, сделала несколько шагов навстречу, трансформировавшись в фигуру молодого воина. Испуганное лицо, перепачканное грязью вперемешку с кровью, обмотанная прямо поверх шлема грязная тряпка на голове; порванная вся в красных пятнах одежда и сияющие неподдельной радостью глаза, делали фигуру молодого воина почти комичной. Вот только обстоятельства заставляли воспринимать её на свой лад.

— Я уже думал, что один остался, — воин в одно мгновение покрыл разделяющее их расстояние и уставился на мечника глазами преданного щенка. — Вокруг никого, в спину кто-то недобрый смотрит, а тут ещё шаги в тишине! Страшно жуть! А это оказывается ты, господине!

— Ты как здесь оказался, Тимоха? — мечник радости своего воина разделять не собирался, оставаясь мрачным и сосредоточенным. — Когда я убе... отступал по дороге, что-то тебя впереди не видел.

— Так я напрямик рванул. Вдоль домов прямо, — продолжал радостно докладывать юноша. — Сам не знаю, как на этих колдобинах ничего себе не сломал. А потом опомнился и на дорогу свернул. Страшно стало. Мало ли что и в этих домах прячется, — воин испуганно передёрнул плечами, покосившись на мрачные стены.

— Хватит орать, — оборвал восторженные излияния парня насупившийся Светозар. — А то этот кто-то может услышать и сюда прийти, — и, повернувшись к Бакаю, язвительно добавил, не удержавшись перед соблазном; — Шустрые у тебя вои, яр. Вон до самой пелены одним махом добегают. Нам, ушлёпкам, с такими быстроногими не тягаться!

Негромкий хлопок сброшенной энергии заставил всех вздрогнуть. Гонда злорадно покосился, на скорчившегося на дороге Устина.

Идиот! Лучше бы уж метнул это своё заклинание куда-нибудь. Да хоть в эту пелену. Всё лучше, чем просто энергию сбрасывать! И шуму меньше, и откат слабее. Это даже ему

понятно, хоть и отучился чуть больше седмицы.

— Вот за что я вас и не люблю колдунов, — аж заскрипел зубами Бакай. — Толку от вас на медный грош, а шуму столько, что даже Лишнему за кромкой слышно.

— Ну, из той западни мы как раз благодаря магии спаслись, — примирительно заметил Абашев. — Да и в будущем она нам пригодится, сможет, — и прерывая возражения мечника, быстро добавил; — Идти надо. Людишки Никонта недалече уже. У нас не так много времени.

Бакай, недовольно покосившись на мага, задумчиво посмотрел на едва колышущийся воздух.

— Ну, здесь-то ничего страшного нет, — заверил Абашев, встав рядом. — Это всего лишь пелена, замедляющая движение. С разбегу его спокойно проскочить можно. Во всяком случае, Вельд тут прошёл без труда. А он к тому же один был.

Гонда поёжился, с тоской оглянувшись назад, в сторону далёкой стены.

Как же. Нет там ничего страшного! А проверять, опять его пошлют — сами не полезут!

— А что это вообще такое? — поинтересовался Бакай, брезгливо всматриваясь в воздушную рябь и в тоже время избегая к ней прикоснуться.

— Да Лишний её знает, — пожал плечами в ответ Светозар. — Магическая ловушка, судя по всему. За века сила заклинания пошла на убыль и её стало возможно преодолеть, — Светозар повернулся в сторону переминавшегося с ноги на ногу Тимохи и спокойно как-то буднично, добавил; — Я думаю, для твоего воя это труда не составит

Гонда даже ушам своим не поверил, удивлённо уставившись на мага. Как не крути, а его должны были вперёд послать! Где он, и где вой? Разница несопоставима! Не зря, видать, он в последней стычке Абашева с Бакаем, мага поддержать хотел. Приметил Светозар его движение за спину мечнику. Приметил и выводы сделал. Понял, что лучше человеком Бакай рисковать, чем своим!

Тимоха, затравленно уставившись на куна, попятился назад, испуганно выпучив глаза.

— Да не бойся ты, — укоризненно покачав головой, вздохнул Абашев. — Говорю же. Опасности нет никакой. Вельд тут уже проходил. Смотри, — маг подошёл к пелене и спокойно вскинул руку, всунув её в непонятное колыхание до самого плеча. — Видишь? Со мной ничего не происходит. И боли нет никакой. Только сопротивление небольшое. Я и сам бы первым пошёл, просто ты моложе. И сил у тебя поболее будет. Разбежишься и проскочишь. Делов то!

Пример мага, продолжавшего без видимого для себя ущерба держать руков магической пелене, заметно успокоил воина, да ещё и мечник, подойдя к нему, покровительственно похлопал по плечу. Тимоха неуверенно улыбнулся и, искательно посмотрев на Бакай, произнёс: — А я что. Я это... Я смогу. Раз, и я уже там. Правда, господине?

Гонда замер на месте, боясь даже вздохом напомнить о себе. Не дай Лишний передумают! Лезть в непонятную воздушную мешанину первым, категорически не хотелось. Это с краю у куна всё так гладко получилось. А как там дальше будет, только Трое знают. Вот пусть Тимоха и проверяет. А у него жизнь одна. Запасной нету! Гонда скосил глаза в сторону Бакай. Мечник то почему на поводу у Абашева пошёл? Неужто так уверен, что риску никакого нет?

— Так я побежал, господине? — Тимоха, отбросив сомнения, начал пятиться, выгадывая расстояние для разбега.

— погоди, — остановил его Абашев повелительным жестом. — Веревку вон возьми. На

пояс к себе привяжи.

Устин молча, потянул Тимохе моток тонкой верёвки, только что вынудив из мешка.

— Зачем? — вновь побледнел тот. — Ты думаешь...

— Ничего я не думаю, — оборвал его резко маг. — Просто ты то легко проскочишь, а каково мне старику или вон Устину с его раной? Когда мы через пелену побежим, будешь нам с той стороны помогать. За веревку тянуть, — Абашев скептическим взглядом окинул фигуру молодого воя и добавил; — И меч с пояса сними. Он тебе только мешать будет.

— Ага, — понятно кивнул тот, вынимая ножны из поясной петли и обвязывая верёвку вокруг пояса. — Я щас. Мигом.

Юноша вновь попятился назад, замер на мгновение, судорожно вздохнул и испуганной ланью бросился вперёд. Гонда напряжённо смотрел ему вслед. Первые метры пелены Тимоха преодолел лихо, буквально на одном скачке, но дальше дело пошло не так гладко. Молодой воин словно уткнулся в невидимую стену, гранитной преградой вставшей на его пути. Ещё пара натужных, неуверенных шагов и он буквально увяз в воздушной трясине, бестолково молотя руками и не в силах сделать больше не шагу вперёд.

— Отрыжка Лишнего! — яростно прорычал, сверкнув глазами, Абашев и бросился к верёвке: — Тянем его назад! Быстро!

Гонда кинувшись следом за магом, вцепился в неё обеими руками. Рядом встали Устин и Бакай.

Веревка под усилием четверых человек вытянулась словно струна, но нелепо болтавшаяся в самой середине магической трясины фигура, даже не сдвинулась с места, словно прибитая к невидимой стенке прочными гвоздями.

— Что его держит? — лицо Бакая от натуги побагровело, мышцы на руках вздулись огромными буграми.

— Не знаю! — заскрипел зубами от бессилия Светозар.

Гонда, уже всё поняв, тянул больше для вида, изображая всем телом страшные потуги. Мысленно он уже списал незадачливого воя в невозполнимые потери.

— А кто знает?! — бросив верёвку, развернулся к магу Бакай. — Не ты ли баял только что, что магия тут ослабла?! Последнего моего воя сгубил! Из-за тебя недоносок стёртых, я тут оказался. Из-за тебя, похоже, и сгину здесь! — мечник с противным скрежетом потянул меч из ножен. — Вот только, коль всё равно подыхать, тебя сначала порешу, семя проклятых! Потешу душеньку напоследок!

Абашев, тоже бросив верёвку и быстро наклонившись, подхватил с земли меч Тимохи.

— Камешек свой не трать! — рявкнул он завожившемуся с поясом сыну. — У него амулет защитный есть!

Гонда попятился в сторону, сжав в руке нож и не сводя взгляда, с застывших друг напротив друга воина и мага. Мелькнула мысль воспользоваться моментом и сбежать, но недобрый взгляд покосившегося в его сторону Устина, заставил передумать. Камешек адепт воздуха всё же достал, и, зная его нелюбовь к себе, Гонда не сомневался, что тот в случае попытки побега не задумываясь, его применит.

— Это ты правильно колдун, про амулет вспомнил, — похвалил, между тем, Абашева Бакай. — Только что ты мне за супротивник на мечах? Так, докука малая!

Маг, ничего не ответив, начал медленно отступать, явно стремясь не подпускать мечника слишком близко. Гонда, сжав нож, заколебался. В этой схватке, он по-прежнему желал победы адепту воды. Вот только фактическое признание Абашевым бессилия их

кристаллов против амулета Бакая, в корне меняло дело. Меч Светозар держал умело, уверенно, но Гонда на этот счёт ни капли не обманывался. В махании железом придворный маг мечнику не соперник. Тот с малых лет сей науке обучался. Он бы уже давно колдуна на куски порубил, да по всему видать поиграть хочет. Поизгаляться над своим врагом. Их же с Устином ножи, тут совсем без пользы. Не подпустит их к себе мечник. До смерти не подпустит. Устин, по всему видно, это тоже понимает. В одной руке нож, в другой камень к груди прижатый, сам перекосясь весь. Переживает, но в драку не лезет.

— Ты изгой, в сечу лучше не влазь, — деловито бросил Бакай Гонде, видимо заметив колебания юноши и в тот же миг скакнул в сторону Светозара и парой ложных выпадов развернул того так, что Устин оказался за спиной мага. — Глядишь и пощажу. Мне одному тут бродить несподручно.

Как и ожидал Гонда, полноценного поединка не получилось. Бакай двигался легко, уверенно отводя в сторону выпады мага и, не забывая, с завидной регулярностью, задевать самым кончиком меча своего противника, добавляя на его одежде красные пятна. Абашев скрипел зубами, сопел, потел не переставая пятиться, но противопоставить своему сопернику ничего не мог.

— Сделай что-нибудь, Устин! — решившись, сунулся к молодому магу Гонда. — Он же сейчас до смерти господине куна порубит!

Полный ненависти вопль Устина и хриплый смех Бакая. Мечник даже уворачиваться от брошенного ножа не стал, небрежно смахнув его в сторону мечом и успев, попутно, сделать ещё один кровавый росчерк на плаще Абашева. Тот, не выдержав, что-то промычал сквозь стиснутые зубы.

Мысленно простонал и Гонда. Надежда на то, что Устин в мечника заклинание из камня швырнёт не оправдалась. Ну что же. Тем хуже для него! Юноша ещё ближе придвинулся к трясущемуся от возбуждения адепту воздуха. Осторожный шаг назад, за спину. Рука вновь нащупывает ребристую рукоять ножа.

Громкий, наполненный болью вскрик Светозара остановил Гонду в последний момент, заставив оглянуться.

Абашев, сжимая левой рукой многострадальный бок, упал на колено, обречённо опустив меч. Из под пальцев тонкой струйкой сочилась кровь.

— Неужто это всё, господине кун? — весело рассмеялся Бакай, встав напротив — Я надеялся подольше повеселиться! Ну да ладно, — яр снисходительно махнул мечом. — Закончим, пожалуй. Может твой выродок покрепче окажется? Я даже ему твой меч отдам!

Светозар бессильно застонал, наклонив голову. В следующий миг огненная молния, с громким треском сорвавшаяся с руки мага, заставила мечника отшатнуться. Ярко вспыхнул амулет, не дав заклинанию поразить своего хозяина, но Абашев уже вогнал меч в грудь так и не успевшему проморгаться яру.

* * *

До пелены мы добрались без приключений. Шли не спеша, тщательно присматриваясь к каждой, нависающей над дорогой каменюге, подозрительно косясь на каменные скелеты

полуразваленных домов, сверля взглядами полупрозрачную спину шагавшего впереди Марка. Шли молча. Окружающая обстановка и наметившийся раскол в группе к задушевым беседам как-то не располагали. Так что время спокойно, без суеты подумать о том, что делать дальше у меня было. И вывод напрашивался только один. С моими попутчиками нужно расставаться. Очень уж нехорошие перспективы вырисовываются, если я с ними, как раньше планировал, до самого тронного зала доберусь. Оно, конечно, хорошо бы. Под прикрытием магов и воинов шансов туда добраться у меня значительно больше, чем в одиночку. Вот только боюсь, что добром для меня это не кончится. Как только до дворца доберёмся, так Путята с Ратмиром меня вязать и начнут. Если, конечно, сразу горло не перережут за компанию с Никонтом! Зря я всё же раньше времени сорвался! Надо было и дальше из себя покорную овечку изображать. Чуть-чуть не дотерпел. Обидно! Значит нужно бежать. Вот только как? Дорога до самого дворца прямая, а свернуть в какой-нибудь закоулок, я и под страхом смерти не решусь. Уж лучше молнию магическую в спину получить, чем к кому-нибудь, наподобие тех безликих тварей из тумана, в лапы попасть! Хотя от заклинания я может и увернусь...

Я машинально почесал грудь в том месте, где был вживлён магический кристалл. Есть всё же и от Толика хоть какой-то прок! Я думаю что знаю, за голос меня во время волшбы Ликона упредить пытался! И что за пятна такие странные, за мгновение до удара магического, на земле появлялись. Много о том после думал. И если моя догадка верна и это и впрямь способность, в результате преобразования кристалла мной полученная, то шанс увернуться от заклинания есть. Вряд ли мне в спину чем-нибудь массовым жажнут. Нужно лишь не зевать и как голос услышу, без раздумий в ту сторону, что скажут, отскочить.

Вот только это умение мне в моём побеге вряд ли поможет. Про магов думая, о воинах забывать нельзя. А Мартын с его арбалетом никуда не делся! Вряд ли меня и о стреле арбалетной упредить соизволят. Во всяком случае, проверять это на практике у меня желания нет. Значит, остаётся сам дворец. И где мне там от них удирать?

Я всё больше мрачнел. На ум не приходило не одной дельной мысли. Оставалось надеяться на удачу. Может вершители вовремя подоспеют или Ликон из-за угла чем-нибудь убойным шархнет. Да и Абашева я мёртвым не видел. Может тогда у меня шанс и появится. Тут главное не зевать!

— Впереди есть кто-то!

Отряд моментально остановился, ошестинившись железом и сжав кулаки.

— Чего там? — Путята слегка пригнулся, словно хищный зверь перед прыжком на свою жертву. — Ты ближе подойди, — отрывисто бросил он напрягшемуся Марку. — Только медленно.

— Два воя! — сделав несколько шагов вперёд, уточнил Марк. — Один на дороге лежит. Мёртвый, кажись. А второй стоит, к нам спиной повернувшись, — в голосе Марка проскользнуло удивление. — Чудно как-то стоит. Не по-людски!

Я озадаченно хмыкнул. Что значит не по-людски? А как ещё стоять можно? По-рыбьему, что ли? Вот бы на такое чудо посмотреть!

— Ты чего плетёшь, стёртые тебя заberi?! — рассерженной змеюкой зашипел Путята. — Толком говори!

— Люди! — в давящимся рыданиями крике было столько ужаса и безнадёги, что у меня, наверное, даже кристалл в груди от жалости сжался. — Помогите! Трои ми молю!

— Эк его разобрало! — убрав руку с камня, покачал головой Никонт. — У меня в

пыточной так не вопили! Десятник, — старый жрец нашёл глазами Путьяту. — Мне потолковать с этим крикуном нужно. Чую неспроста он там по-чудному стоит. Проверь всё окрест. Только осторожно, с опаской. Как бы самим рядом не встать!

— Чего встал, орясина! — неожиданно гаркнул во всю плотку десятник, слегка кивнув Никонту. — Вперёд иди, проверь там всё! — и повернувшись к Невзору, уже спокойно приказал: — Следом за ним сходи. Осмотрись.

Вой, молча кивнув, растворился вслед за Марком.

— Ты чего разорался, десятник? — обогнув меня, встал рядом с Путьятой Ратмир. — Аль беду накликаешь?

— Да чего там кликать? — пожал плечами гигант. — Слышишь, как визжит? — Путьята кивнул в сторону продолжавшего умолять о помощи голоса. — Кому надо, тот всё равно услышит.

Я мысленно согласился со своим недругом. Это же надо так орать? Как только голос до сих пор не сорвал? И тут крики резко оборвались, сменившись невнятными хрипами. Мне стало жутко. По спине прокатилась волна мурашек. Пойди — угадай, что сейчас там с крикуном сделалось? Может, охрип, а может уже, и кричать нечем. Выгрызли всё. Уж лучше бы дальше кричал, что ли.

— Можно идти, господине десятник! — перед Путьятой стремительно материализовался запыхавшийся Марк. — Меня Невзор послал. Нет там более никого. Только вой пленённый!

— А чего он орать перестал? — выдвинулся вперёд Никонт, сурово сдвинув брови. — Вы его там не прибили часом? Я же сказал, что хочу с ним поговорить?

— Да мы к нему и подходить не стали, всеблагодой отец! — энергично замотал головой Марк. — Он посреди дороги застрял. Боязно!

— А что он тогда умолк? — прожёл Марка сердитым взглядом Ратмир.

— Так Невзор ему сказал, что если вопить не перестанет, то мы сразу и уйдём, — хмыкнул Марк, почесав голову. — Хорошо так сказал. Внушительно!

— Невзор может, — гоготнул Путьята, повернувшись к магам. — Он говорит редко. Но если уж скажет! — десятник выразительно хмыкнул и, неожиданно хлопнув Ратмира по плечу, предложил: — Ну что, колдун? Пойдём, поглядим, что за вой там такой. И в чём он там посреди дороги застрял умудрился!

Вой и впрямь стоял не по-людски. Он больше напоминал букашку, попавшую в паутину. Трясётся весь, извивается, руками и ногами словно лапками во все стороны молотит. А ещё он напоминал куклу, которую дёргает за ниточки схоронившийся за ширмой актёр. Вон даже верёвка в поясу привязанная в наличии имеется. Возле другого конца верёвки, над трупом склонился Невзор, увлечённо его обыскивая.

— Мартын. Арку справа видишь? Присматривай! — бросил Путьята другому воину и подошёл к Невзору. — Кто это. Эк ему грудь то разворотили!

Рядом встал Матвей, скептически наблюдая, как трудится Невзор. Я же, вслед за Никонтом и Ратмиром, подошёл к самому краю до боли знакомой пелены. Прислушался к сдавленным рыданиям воя, застрявшего аккуратно посередине, осторожно прикоснулся к дрожащему воздуху, почувствовав его упругое сопротивление и отступив на шаг назад, вытер холодный пот со лба.

Жутко-то как, а? Это что же выходит? И я так застрял мог? Насовсем? Каким же чудом проскочил тогда? А вдруг во второй раз не получится? Я зябко передёрнул плечами. Ну, нет! Это без меня. Не знаю. Может эта зыбь не везде такая вязкая и мне повезло в другом месте

проскочить или может в тот день пятница была, а эта воздушная трясина по пятницам не такая липкая, но проверять однозначно не хочу. Уж лучше сразу себе горло перерезать. По крайней мере, хоть мучиться не буду.

— Я отец—наставитель Никонт, — жрец важно приосанился, несмотря на то, что пленник его видеть не мог. — Кто ты вой? Кому служишь?

— Княжий он, всеблагой отец, — подошёл к нам, недобро ухмыляясь, Путята. — Как есть — княжий. Узнал я того, что рядом лежит, — десятник, цыкнув зубом, выразительно добавил: — Мечник то княжий — яр Бакай. Неплохой рубака был. Хотя мне, конечно, не чета.

— Тимоха я, всеблагой отец! — воин, изо всех сил изогнул шею, в тщетной попытке разглядеть, что творится за спиной. — Ваша, правда. Вой я княжий. Меня под началом яра Бакая куна Абашева сопровождать отрядили. Не дайте сгинуть понапрасну! — вновь запричитал несчастный юноша. — Всеми богами молю!

— Видать не всех княжих людишек в том домишке у стены прибрали, — хищно оскалился Ратмир, приглаживая бороду. — Неужто и сам Абашев спастись сумел?

— А вот мы сейчас и узнаем! — хмыкнул в ответ Никонт. — Хватит реветь! — прикрикнул он на исходящего мольбами Тимоху. — Расскажешь мне всю правду — вытащу. Но смотри. Коль солжешь!...

— Не солгу! Троидами клянусь, не солгу, всеблагой отец! — заблажил воин. — Всё как есть обскажу!

— Кто ещё из вас, татей, живой остался? — придав голосу суровости, спросил Никонт.

— Трое в живых остались, всеблагой отец! — быстро затараторил Тимоха, словно боясь, что его прервут. — Сам кун Абашев с сынком своим Устином, да недошлёпок один, что при замке князьем обучался. Имя не скажу. Маги наособицу шли. С нами не мешались.

Да ну! Неужто Гонда! Я даже рот раскрыл от изумления. Вот это подарочек! В замке правда ещё двое будущих адептов воды обучаются, но таких совпадений просто не бывает! Он это! К гадалке не ходи, он! А день то задался! Теперь, если что, и подыхать не так обидно будет!

Сзади сдавленно охнули и, обернувшись, я встретился с округлившимися глазами Лузги. Рядом озадаченно чесал голову Марк. По всему видать, к такому же выводу, что и я пришли.

— И куда же они подевались, коль живы остались? — продолжил допрос жрец.

— Так обойти они силки эти проклятые решили, всеблагой отец, — голос Миколы вновь наполнился слезами. — Как господине кун яра Бакая убил, так в обход и пошли. В ту арку, что рядом с вами. Только я их впереди не видел.

— И не увидишь, — не сдержавшись, злорадно съязвил я и, повернувшись к Никонту, объясни: — Справа те твари мажески, всеблагой отец, от которых я в прошлый раз чудом спасся. Нету больше куна Абашева! Ну и тех, кто с ним был, — я, оглянувшись, подмигнул побледневшему Лузге, — тоже нет!

— Как ты спасся, я помню, — сердито пожевал губами жрец. — Вот только ты баял, что сквозь эту пелену пройти сумел. Так почему тогда, вой застрял? — глаза Никонта подозрительно сощурились. — Аль лукавить в чём со мной удумал?

— Так и я о том твержу, всеблагой отец! — оживился Путята, оскалив зубы. — Поспросать бы этого недошлёпка надо. С пристрастием. Дозволь. Я всю подноготную из него вытрясу!

— Ну что же. Видимо по—другому с этим приспешником Лишнего не договорится. Ты

ведь сможешь поспросить его поаккуратней, Путята? Так, чтобы он дальше идти потом смог? — Никонт искривил губы в язвительной улыбке. — Он нам во дворце мажеском ещё шибко нужен будет.

— А то! — начал надвигаться на меня Путята. — Он до дворца и без пальцев на руках дойти сможет.

Я затравленно оглянулся. Сзади дорогу перегородил Невзор, от арки надвигался Мартын.

— Надо ли, всеблагой отец? — неожиданно выступил на мою защиту Ратмир. — Как бы беды не вышло?

— Надо! — поджав губы, мотнул головой жрец. — Не видишь разве? Не пройти нам через пелену! Вон вой так застрял, что даже верёвкой вытянуть не смогли! Тебя ведь пытались вытянуть оттуда? — Никонт раздражённо наморщился, пытаясь вспомнить имя юноши. — Как там бишь тебя кличут, вой?

— Пытались, всеблагой отец! — вновь запричитал незадачливый пленник. — Тимоха я! Не бросайте, всеблагой отец!

— Так то! — подытожил жрец, больше не обращая внимания на крики воина. — Не пройти нам тут. Солгал этот недомерок! Ты понимаешь?! Он мне посмел солгать! — Никонт уже орал, брызгая во все стороны слюной. — А сколько ещё в твоих словах было лжи?! Отвечай?! — надвинулся на меня ополоумевший старик. — Пока Путята тебе кишки на меч не намотал!

Громкая пощёчина обожгла щёку похлеще кипятка. Я вскинулся, чувствуя как вырвавшееся наружу бешенство, напрочь смывает накативший страх. Сердце гулко застучало, норовя вырваться из груди, на глаза накатила багровая полоса. Я уже не видел никого вокруг себя и мерзкого старика: Путята; протянувший ко мне руки, что-то почувствовавший Ратмир, потянувшийся к поясу; шустро убравшийся из-за спины жреца Матвей; вой, кинувшиеся ко мне с двух сторон. Все они исчезли, выкинутые за задворки моего сознания. Здесь и сейчас, были только я и обнаглевший прислужник мерзкой троицы, посмевающий унижить меня. Меня!!!

Я ухнул в изнанку. Энергия хлынула в тело сплошной волной, бешеным вихрем закручиваясь над головой. Кристалл в груди буквально закипел, не справляясь с огромными магическими потоками, мгновенно заполнившими его до краёв. Я закричал, норовя разорвать пальцами пылающую грудь. И тут же на голову, словно ушат с ледяной водой вылили. Быстрым мысленным росчерком невидимого пера, я начал выводить перед собой изящные строчки рун. Неизвестных и в тоже время до боли знакомых. Магический поток схлынул, боль почти прошла, руны мгновенно ярко запылали, ослепляя. Повелительный взмах руки и жрец отшатнулся, подавившись собственным криком.

Брызнул во все стороны каменной крошкой Никонтовский кристалл, осыпались чёрной пылью дорогие амулеты. Несколько мгновений бывший жрец ещё стоял, словно отказываясь верить в собственную гибель, а затем рухнул на дорогу нескладной сломанной куклой. И следом опять накатила боль, буквально выкручивая кости. Я что-то закричал, схватившись руками за грудь. В глаза ударила тьма, отправляя в пучину беспомощности.

Шли осторожно, никуда не спеша. Невронд своё дело знал, и отряд вёл по-походному, с оглядкой. Четверо воев впереди в головном дозоре, четверо сзади. Идут не кучно, по парам разбитые. Двое спереди мечи наготове держат, круглыми щитами грудь прикрывая, двое арбалеты заряженные из рук не выпускают. Да и сам Невронд меч в ножны не убирал, зорко посматривая по сторонам. Герхард, шагавший рядом, одобрительно покосился на десятника. Стережётся Невронд. Вроде и дорога впереди Вельдом и людишками Никонта проторенная, а всё одно стережётся! И правильно! Проклятый город он такой. Одно место может веками не меняться, а в другом, что не день, то новую гадость встретишь. Да и про того же Ратмира, что впереди сейчас ногами дорогу месит, забывать нельзя. Поди, догадайся, в какой момент он каверзу устроить задумает. Ратмира Герхард знал хорошо. Доводилось встречаться. Поэтому точно знал, что подручник сакского отца-приора дураком не был. И без плана, как со жреческим отрядом разделаться, в город асуров не пошёл бы.

— Мастер, — сунулся к Герхарду толстый маг, держа в руках большой чашеобразный камень, мерцающий холодным синим светом. — Они остановились. Видимо до пелены добрались.

— Может и добрались, Ганиус.

Адепт воды покосился на чашу в руках толстяка. «Око сущности» лгать не могло. Последний великий артефакт и создан то был великим Афронием лишь для одной цели. Державший его в руках мог точно знать, где находится перевёртыш. И никакие заклинания и амулеты этому помешать не могли. Не то, что камешек, которым отец Яхим в палатке пользовался. Выкинул его брата близнеца и всё; ищи зайчишку в бору дремучем. Тут же всё на самую сущность стёртого мага завязано, частичку ауры которого и подхватил будущий перевёртыш. От такого и под землёй не скроешься. Одно спасение. Бежать. Больше чем на один дневной переход, силы артефакта уже не хватает. Собственно говоря, по-хорошему, эту чашу должен был нести он сам. Вот только больно тяжела и громоздка. Умаешься, пока до дворца дойдёшь. Пусть уж лучше этот толстый боров попотеет. Да и руки, опять же, лучше свободными иметь. В бою промедление равносильно смертному приговору. Никто не станет ждать, пока ты камушек на землю положишь и к обороне изобразишься. Враз или схарчат, или голову чем-нибудь тяжёлым проломают.

— А ежели они сквозь неё пройдут, мастер? — не унимался Ганиус. — Тогда как? Известно же, что через неё только перевёртышу прорваться под силу. Он людишек Никонтовых переведёт, — в голосе толстяка засквозила нешуточная обида, — а нам как? В обход? По дорогам неведомым, исчадий мажеских полным!

— Кому известно?! — не на шутку взъярился Герхард. — Вон даже ему неизвестно! — адепт воздуха мотнул головой в сторону прислушивающегося к разговору Невронда. — То сведения, что отцы-вершители пуще глаза хранят! Даже отцу-приору о том не ведомо! А ты тут о том всем баешь! На заступу отца Яхима надеешься?! Так зря! — Герхард презрительно кривил губы. — Он первый тебя и сказнит, чтоб вместе на правёж в конклав вершителей не брести!

Герхард с удовольствием посмотрел на сбледнувшего с лица племянника всесильного отца Яхима и повернулся к Невронду.

— Тебе десятник объясню, коль о том, теперича, всё равно полкняжества знает. Все знания о перевёртышах — тайна великая! И наставителям недоступная. Да и не сильно им интересная, — хмыкнув, добавил Герхард. — Кто же мог знать, что у отца Никонта такая

оказия с очередным приспешником Лишнего случится? Потому о том, что этот Вельд пройдёт там, где простой человек обязательно в ловушке завязнет, Ратмир знать не может. Оно ведь как дело будет? — продолжил Герхард, пожевав губами. — Сразу через пелену они Вельда не пустят. Кого-нибудь другого пошлют. А тот там и завязнет намертво! Со всем моим почтением, — маг злорадно захихикал и поинтересовался у Невронда. — И как ты думаешь, десятник. Что они дальше делать будут?

— В обход пойдут. Нипочём через пелену с Вельдом брести не решаться! — расплылся в ответной улыбке тот.

— Вот и пускай идут, — согласился с десятником Герхард. — Мы их пропустим и следом побредём. Кто бы по дороге не встретился, пускай лучше Ратмир с Путятой ратятся. И дорожку нам расчистят, и справится с ними самими, потом, легче будет. Командуй привал, десятник. Мы здесь подождём. Посмотрим, куда они свернут.

— Русин, — окликнул десятник меченого, бредущего в головном дозоре. — Стой. Чутка передохнём, — Невронд посмотрел на возвращающихся воев, презрительно покосился на оживившихся колдунов, привычно огляделся вокруг и веско добавил: — С дороги не сходить и оружие под рукой держать. Не в трактире чай бражничаете.

— Что же. Можно и перекусить слегка, — Герхард опустившись прямо на камни, достал из-за спины небольшой мешок. — Седай рядом, десятник. Не побрезгуй угощением.

— Благодарствую, мастер, — не стал чиниться Невронд, понимая, что маг хочет не столько его угостить, сколько поговорить.

— Ганиус! — Герхард нашёл глазам незадачливого адепта воздуха и строго предупредил: — Ты камешек то из рук выпускать не думай. Не дай Лишний, прозеваешь, когда они дальше в путь тронутся. По всему городу будешь бегать — зубы собирать! А лучше иди сюда: — махнул адепт воды рукой. — Рядом садись. Без догляду тебя оставлять нельзя.

Толстый маг, выдавив угодливую улыбку на кислой физиономии, присел рядом и, положив руки с камнем на колени, с тоской стал наблюдать, как едят другие.

— Отец Яхим думает, что Ратмир нам во дворце стёртого мага каверзу приготовить надеется, — вздохнув начал делиться своими мыслями с десятником Герхард. — Мол, негде ему такие камешки взять, чтобы с защитой наших амулетов справились. Ратмир пустой тут объявился. А Никонт... — маг на секунду задумался, подбирая слова для выражения своего отношения к отцу-наставителю. — Жрец при мажеской школе на окраине империи. Откуда у него сильным артефактам взяться? Оно вроде бы и так, — Герхард машинально, как-то механически, откусил кусок сыра и потянулся за баклажкой. Чувствовалось, что его мысли заняты совсем другим и адепт воды ел скорее по обязанности, чем от голода. — Вот только Ратмир тоже знает, что нападения до дворца мы не ждём.

— Думаешь, что засаду по дороге устроить может? — понятливо кивнул Невронд, приглаживая усы.

— Опаска такая есть, — признался со вздохом Герхард, помассировав шею. — Дюже не прост наш супротивник. Не по наслышке знаю. Ратмир, — маг чуть наклонился к десятнику, сузив глаза, — хоть и адепт воды, а по знаниям и силе иному магу земли не уступит. Не зря его сакский отец-приор к себе приблизил.

— Так у нас амулеты есть, — вскинулся Невронд, догадавшись куда клонит маг. — Неужто не сдюжат?

— Может сдюжат, а может нет, — встрял в беседу Ганиус, поудобнее перекладывая на коленях артефакт. — Смотря чем и с какой силой вдарят!

— Ратмир, коль заклинание заранее подготовит, да бурдюки до доньшка вычерпает, может сильно вдарить, — со вздохом признался Герхард, покосившись в сторону воздушника. Делиться с кем-нибудь, кроме Невронда, своими сомнениями он не хотел. Потому и сели они с десятником чуть в стороне от отряда. Но и прогонять Ганиуса было нельзя. Артефакт всегда под рукой должен быть. — А ежели ему ещё Матвей подсобит, да Никонт со своим кристаллом, то один Лишний знает чем это кончится может!

— А делать то что? — озадачился Невронд. — Нам волей аль нет, а вслед им всё одно идти надо. В сторону не свернёшь!

— Людей своих упреди, чтобы настороже были.

— Так мы и так сторожно идём, мастер Герхард.

— Да знаю я! — обречённо отмахнулся Герхард и неожиданно для самого себя признался: — Что-то устал я за последнее время, десятник, Как весточку о перевёртыше получил; дня спокойного не было. По всем окрестностям метался, людишек своих собирая. Потом сюда спешили. Да с наскоком, чтобы Никонта обогнать и загодя успеть. Устал я десятник, — повторил маг жалобно. — Сил нет никаких.

— Все мы устали, мастер. — Невронд сочувственно взгляделся в посеревшее лицо мага. — Я вот вроде к походам привычный, а и то чувствую, как из рук силушка уходит. Постарел видать. Вот перевёртыша изничтожим, награду получу и на покой уйду. Пора уже.

Герхард кивнул, соглашаясь. Приятная слабость, растекаясь по всему телу, дарила покой. Мысли текли медленно и неторопливо. Нужно отдохнуть. Он слишком устал, чтобы продолжить этот путь. Да и куда спешить? Раз Ганиус молчит, значит, Никонт с его людьми ещё от пелены никуда не ушёл. Видимо тоже устали. И пусть их. Нужно отдохнуть. Нужно отдохнуть.. Нужно отдохнуть...

Как покатился по камням, выпавший из рук Ганиуса ценный артефакт, Герхард уже не услышал.

* * *

Раскалённый уголёк обжигал, не давая погрузиться в блаженное забытие. Герхард почувствовал раздражение. Сама мысль о том, чтобы пошевелиться, казалось кощунством. Бездействие так прекрасно. Оно дарит покой. Но боль мешала. И она становится всё сильнее и сильнее. Раздражение сменилось злостью. На смену злости пришёл гнев. Сейчас он вырвет эту боль из своего тела. Вырвет! И наконец-то отдохнёт! Герхард заставил себя открыть ставшие свинцовыми веки. Очумело потряс головой, пытаясь сбросить охватившее его оцепенение. Сфокусировал взгляд на лежащем рядом Невронде, попытался приподняться, не смог, сделал ещё одну попытку и бессильно откинулся на спину, не в силах заставить подчиниться непослушное тело. В нос ударил запах гари, горелого мяса и волос. Герхард скосил глаза и заметил маленькую струйку дыма, тянущуюся вверх от груди.

“ Амулет сгорел. Вот грудь себе и пожёт».

Мысли текли вяло, неторопливо, словно густой кисель разлитый по столу. На мага накатила волна глубокого удовлетворения. Раз амулет выгорел, значит, боль скоро пойдёт на спад. Соблазн вновь погрузиться в сладостную дрему был так велик, что Герхард практически сдался. Он уже закрыл глаза, когда последняя искорка угасающего сознания

забила тревогу.

“ Амулет сгорел! Почему? Он не мог сгореть просто так“!

Во второй раз открыть глаза оказалось ещё сложнее, но Герхард справился. Немного полежал, не делая попытки подняться. Осторожно пошевелил пальцами правой руки, убедился, что они его пока слушаются и, решившись, стиснув зубы, начал движение рукой. На то, чтобы добраться до пояса, ушла целая вечность. Потом долго возился с кошелём, пытаясь непослушными пальцами, справиться с завязками. В эти минуты Герхард возблагодарил всех богов, что имел привычку носить кошель на поясе сбоку, а не на животе, как было принято в княжестве. Поднять руку, чтобы дотянуться до живота, он бы не смог. Наконец рука в кошеле. Герхард немного передохнул, чувствуя, как по щекам струится обильный пот, который он был не в силах даже вытереть и начал перебирать в кошеле камешки, пытаясь на ощупь определить нужный. Ошибиться было нельзя. Из тех пяти камней, что снарядил ему в дорогу отец Яхим, был нужен только один. Тот, что породил огненную стену, выжигая вокруг себя всё живое на пару десятков метров. То, что нужно, чтобы как следует врезать притаившейся в укрытии твари, что высасывала сейчас из людей саму жизнь. Но достать его нужно сейчас. Другой попытки не будет. Пальцы слушались всё хуже и маг уже начал сомневаться, что у него хватит сил даже на то, чтобы просто вынуть руку обратно. Герхард уже собирался тянуть наугад, когда один из камней слегка оцарапал руку. Неужели нашёл? Он точно помнил, что на том камне был небольшой острый скол. В любом случае тянуть больше нельзя! Неимоверное усилие и рука просто падает на землю, из последних сил сжавшись в кулак.

“ Сдохни тварь“! — мысленно пожелал адепт воды, активируя силу артефакта. Вокруг мага, с гудящим рёвом взметнулась в небо стена огня. Хриплый вой невидимой твари, вопли горящих людей и треск плавящегося камня слились воедино. И тут же всё стихло, обрушившись на уши мага гробовой тишиной.

Герхард перевернулся и встал на колени, упираясь в дорогу рукой. Тело вновь слушалось, но слабость никуда не ушла, отдаваясь противной дрожью в каждой мышце. Рядом завозился кто-то ещё. Герхард повернулся и встретился с осоловевшими глазами десятника.

— Что это было? — спросил Невронд, со страхом разглядывая свои трясущиеся как у паралитика руки.

— Не знаю, — затряс головой в ответ Герхард, вслушиваясь в испуганные голоса очнувшихся людей. — Но боюсь, что оно ещё живо.

* * *

— Кто?! — выдохнул вопрос Карп, одним прыжком очутившись у окна. — Вершители?

— Не, — охнув, Миха отступая ещё дальше вглубь комнаты. — Князьи вои! Я их начального человека узнал, — испуганно добавил он, повернувшись к Жихарю. — То мечник княжий.

— Как же их вершители в город пропустили? — озадачился Карп. — Аль они заодно?

— То вряд ли, — Жихарь, решившись, на цыпочках, словно его могли услышать люди у

стены, подошёл к другому краю окна. — Отцы-вершители в таких делах никому спуску не дают. Проклятые города только их вотчина. Туда даже императору ходу нет! — юноша осторожно выглянул в окно и, охнув, сунулся вперёд. — Лопни мои глаза! Промеж них Гонда затесался! Вон ушлый!

— Где?! — забыв про свой страх, сунулся обратно к окну Миха.

— Куда лезешь, сын Лишнего? — оттащил, между тем Жихаря от окна Карп. — Хочешь, чтобы они тебя увидели и сюда полезли?

— А ты Карпуша не журишь. То туман, что в окнах клубится — он шибко непростой. Ни из домишки никого не выпустит, ни с улицы увидеть, что в доме творится, не даст. Тебе о другой сейчас думать нужно. Как отсюда живым выйти! Очень уж ты меня старика опечалил, когда с железом ополчиться удумал.

Жихарь обернулся и, судорожно взглотив, отпрянул в угол комнаты, подальше от напрягшегося Карпа. За то время, пока они людишек княжеских в окно разглядывали, Албыч успел прийти в себя. Старик выглядел плохо. Нездоровая, иссиня-бледная кожа глубокими складками обвисшая на лице, дёргающийся словно от нервного тика левый глаз, капелька крови, запёкшаяся на прокушенной губе. Но на ногах стоял твёрдо, смотрел зло и непримиримо, а в правом руке маленький камушек промеж пальцев перекатывал.

— Так-то за дело, а не абы как, — ватажник угрюмо насупился, не сводя с колдуна тяжёлого взгляда. — Не ты ли нас в эту западню заманил, старик? Всю ватагу тут положили через твои посулы! Да и у нас выбор небольшой остался! Либо здесь подыхать, либо за стеной, на крюке железном вися.

— Нет. Тут ты Карпуша не прав, — Жихарь тихо охнул, только сейчас осознав, что Албыч начал разговаривать вполне осмысленно. Да и искорки безумия, что в глазах старика постоянно плясали, куда-то подевались. — У тебя и этого выбора нет. Ты мне живой, теперича, не нужен. Здесь опасностей много. Ещё и за тобой приглядывать мне недосуг.

— Они сюда идут! — выдохнул так и не отошедший от окна Миха.

И в следующее мгновение, Карп неуловимым движением кисти кинул в Албыча нож. Старый маг даже дернулся, не успел. Албыч наклонился, с неподдельным изумлением рассматривая торчащую из груди рукоять, покачнулся и, выронив из вмиг ставшими непослушными, пальцев камушек, начал оседать на пол.

— А баяли — заговорённый! — облегчённо выдохнул Карп, машинально вытирая испарину со лба. — А тут просто всё!

Убийца шагнул было в сторону поверженного колдуна и замер на полушаге, с недоумением рассматривая начавшую прямо на глазах истаять фигуру.

— Что за...

Раздражённый выкрик сменился булькающим всхлипом и разбойник, выкатив от ужаса глаза, схватился обеими руками за вскрытое горло. Появившийся рядом колдун, задумчиво повертел в руке окровавленный нож и раздражённо сунул его Михе.

— Прибери. Ему он боле без надобности.

Затем Албыч подошёл к окну, переступив через корчившегося на полу татя, выглянул и вновь повернулся к Михе. — Так что ты там баял о том, что сюда идут? Вон они в дом напротив подались.

— Старшой их сюда шёл! — побледнел Миха, попятившись вглубь комнаты. — Видать передумал, — бывший воришка покосился на переставшего дёргаться Карпа и, побледнев ещё больше, жалобно добавил: — Троиными клянусь, так и было. Зачем бы мне лгать?

Жихарь испуганным воробушком сжался в своём углу.

“ Ну, вот и всё», — промелькнуло у него в голове. — ” Сейчас и нас порешит. Коли Карп не справился, нам его тем более не одолеть!»!

— Чего суксилились? — похоже, Албыч читал мысли юношей как раскрытую книгу. — Это у Карпа выбора не было. Мне недруг за спиной не надобен! У вас же он есть, — колдун, прислонившись плечом к стене возле окна, продолжил, косясь в сторону дороги. — Можете идти, куда глаза глядят, коль охотка есть. Я даже вам из дома выбраться помогу. Отчего нет? — старик передёрнул плечами. — Каждый сам выбирает — как ему умереть. А можете со мной пойти, — маг пристально посмотрел Жихарю прямо в глаза. — А там уж как повезёт. Может, всё равно сгинете. Тут смерть на каждом шагу встретить можно. Но коли, нет, — Албыч на секунду замолк, пожевав губами. — Мне, когда я буду править Гвендалоном, всё равно будут помощники нужны. Почему не вы, — пожал старик плечами, — коли заслужили?

— Эва ты замахнулся, дедушка! — Жихарь был так поражён запросами колдуна, что на миг даже забыл, где находится. — Всем Гвендалоном править! Даже у императора такой власти нет!

— Нет, — не стал спорить с ним Албыч. — Потому как силы за ним нет никакой. А у меня будет. Здесь она, во дворце асуровом лежит. Меня дожидается! — маг хищно улыбнулся и наклонился в сторону Жихаря. — Ты думаешь почто вокруг этого мальчишки, Вельда, такая сумятица началась? Почто те же вершители, князь, Никонт, скопом сюда ринулись? — колдун огладил рукой бороду и вздохнул: — Ладно. Поведаю. Всё одно — мы уже здесь и изменить ничего нельзя.

Жихарь затаил дыхание, отчего-то уверенный, что то, что он сейчас услышит, ему не понравится.

— Перевертышем дружок ваш бывший оказался! — не обманул его ожиданий Албыч. — Вот его к алтарю Лишнего, где сфера слияния хранится, сейчас и ведут.

— Перевертыш! — буквально захлебнулся произнесённым словом Миха. — Быть того не может, чтобы седьмой слуга Лишнего у нас объявился!

— Объявился., — подтвердил Албыч таким тоном, что сразу заставил Жихаря ему поверить. — Только не седьмой, а последний, — старик выдержал эффектную паузу и буднично произнёс: — Седьмым то я буду. Вот как-то так.

— Это как? — Жихарь ошарашенно замотал головой, не сводя глаз со страшного старика.

— Никак! — отрезал тот, моментально разозлившись. — Просто остальные дураками были. Что Янхель, что другие, что опосля него появились. Пройдя ритуал до конца, они рабами стали. Ни о чём, кроме возвращения Лишнего и помыслить не могли. Я же поступил иначе! — Албыч победно улыбнулся. — Сначала затаился до поры, чтоб вершителям на глаза не попасться, а после в город и проник тайком. Один, без догляду. Только ритуал тот я доводить до конца не стал. Прервал посередине. Так то! — Албыч победно улыбнулся. — И силу большую получил, и послушным слугой сферы той не стал! Она из-за прерванного ритуала пеплом огненным изошла. С истинным перевертышем мне, конечно, не тягаться, — вздохнув, признался старик, — но нынешние маги мне не чета!

Жихарь плюхнулся на пол. Ноги просто не держали, предательски отказываясь служить, в голове царил полный сумбур. Даже сообщение Албыча о том, что соседей напротив начал кто-то активно харчить и они ломанулись из дома, словно тараканы из под поднятого

противня в харчевне, ничуть его не заинтересовало, не в силах затмить тот факт, что рядом с ним стоит перевёртыш. Самый настоящий! Монстр из страшных сказок, рассказываемых стариками по вечерам.

— Дедушка Албыч, — робко подал голос из своего угла Миха. — А зачем ты тогда сам сюда полез? С такой силищей сытно жить можно! Ты даже камешки мажески мастерить можешь. Мне Проньра про то сказывал. Я тогда не поверил, а тут... Это ж какую деньгу заработать можно, камни мажески продавая? — мечтательно произнёс воришка. — Иль к королю, какому в услужение пойти. А то и императору. Такому магу везде рады будут!

— Камешки продавать. Ишь шустрый какой! — недобро улыбнулся Албыч. — Кристаллы товар редкий. Вершители враз насторожатся! Проверять станут. Сразу поймут, что я маг. А грамотки у меня, что я на службе состою, нет! — пожаловался Албыч язвительно. — И к правителям без грамотки тоже ходу нет. Прямая дорога к кату. Нет уж, — категорично заявил колдун. — Я лучше сам править буду и грамотки другим раздавать! Так оно сподручнее! — старик даже ногой топнул от охватившего его возбуждения и вновь посмотрел на Жихаря. — Ну, так что? Вы со мной али как?

— Конечно, дедушка! — тут же закивал Жихарь. Он ни секунды не сомневался в том, что выбора, о котором говорил перевёртыш, на самом деле нет. Убьёт их колдун, в случае отказа. Слишком много они узнали. Ещё неизвестно как оно там повернётся. Так зачем же их живыми отпускать? — Я вот только не понял, — почесал голову юноша. — Вельд то тебе зачем?

— Затем же, зачем и другим! — отрезал Албыч недовольно. — Ну, кроме вершителей, конечно. Те просто хотят дождаться, когда он, проведя обряд, перевёртышем станет и сразу убить. Пока слаб. Ему несколько дней нужно после обряда, чтобы силу набрать!

— А почему сразу не убить? Ещё в Виличе? — озадачился Жихарь.

— Потому что другой на его место появится, — хмыкнул в ответ колдун. — И будет появляться вновь и вновь, до тех пор, пока ритуал слияния со сферой не произойдёт. К ней вся магия Лишнего привязана! Только в следующий раз, будущий перевёртыш может мимо них проскользнуть и в храм Лишнего самостоятельно попасть. Как я. — Албыч неприятно улыбнулся и добавил: — Или Вельд. Он ещё в прошлый раз обряд пройти должен был. Из тронного зала прямая дорога к алтарю Лишнего. Ума не приложу, что ему помешать могло!

— Ну, тут понятно, — шмыгнув носом Жихарь, соглашаясь. — А отцу Никонту, какой интерес Вельда в храм вести и там убивать?

— Да не будет он его убивать! — раздражённо фыркнул Албыч. — Тут и кроется главный соблазн. Нужно в конце ритуала сферу из рук перевёртыша вырвать и себе забрать. У кого сфера, тому он и служить будет! — колдун ещё раз выглянул в окно и удовлетворённо кивнул: — Вот и вершители в сторону дворца Инсорова протопали. Собирайтесь! — повернулся он к юношам. — Нам, теперича, поспешать нужно, чтобы первыми в храм Лишнего попасть, да гостинцев гостям дорогим приготовить!

— Это как же мы вперёд всех успеем, коли после всех идём, дедушка? — озадачился Миха.

— А мы напрямки пойдём, внучёк, — страшно оскалился Албыч. — Через пелену ту, что впереди — простому человеку ходу нет. Только перевёртыш пройти и может! Вельда одного Никонт нипочём не отпустит. Значит в обход пойдут. И вершители следом за ними. А мы напрямки! — колдун ласково улыбнулся Жихарю. — Я вас через ту пелену за ручку переведу. Чай не брошу. Глядишь — дорогу то и скоротаем!

— Чего топчешься, будто берыга перед бортью медовой? Этак мы до второго пришествия Лишнего никуда не дойдём, коль у каждой арки столбом по седмице стоять будем! Ступай, давай, выкормыш айхи!

Гонда с ненавистью покосился в сторону буквально сочащегося злобой Светозара.

Чтоб тебя Вопящие к себе забрали, ушлёпок княжеский! На его горбу в чертоги Йоки въехать захотел! Тимоха позади остался, в пелене той проклятой подыхать, а, значит, кун, теперича, всякий раз его вперёд посылать будет. Боле некого. Сынком своим толстомордым чай рисковать, понапрасну не станет! Тем более что движение Гонды, нож обратно за пазуху пихавшего, глазастый кун приметить успел. Вот ведь! Юноша уже начал жалеть, что в недавней схватке победил именно колдун. Абашев теперь с него глаз не спустит, словно рабом последним помыкая! Даже нож с кистенём отнял, отродье Лишнего! Хорошо, живота не лишил!

Осторожно, почти крадучись, Гонда двинулся вперёд, напряжённо всматриваясь в кусок дороги, появившийся в арочном просвете. Потому и не убил, что боле отмычек под рукою не было. Поневоле милосердие проявишь! Вот только отсроченная смерть, смертью быть не престанет! И хорошо ещё, коли сразу умрёшь. А то завянешь где-нибудь как Тимоха, или ещё чего похуже случится? На то и город проклятый, что смерть тут многолика и не милосердна.

Гонда вспомнив вопли, которыми Тимоха провожал их уход и зябко передёрнул плечами. Бежать нужно! При первой же возможности бежать!

Арка осталась позади, давая возможность осмотреться. Юноша пытливо оглядел развалины напротив, отвернулся, не приметив ничего опасного, мазнул глазами по обманчивой пустоте дороги-близнеца, замер, осмысливая увиденное, энергично моргнул, пытаясь прогнать наваждение и, буквально прикипел взглядом к открывшейся картине.

Справа, всего в полусотне шагов от арки, находилась стена. Та самая, через которую Гонда не так давно в город перелазил! Даже верёвка кем-то забытая до самой земли свисала! Словно и не топал от неё столько времени до злосчастной пелены!

Ещё не смея до конца поверить своему счастью, юноша скосил глаза налево. Всё правильно! Вон и домишко тот страшный, из коего он, совсем недавно, еле ноги унёс. На своём месте стоит, как ни в чём не бывало. По всему видать, новых постояльцев дожидается!

— А ты как тут оказался?

Гонда перевёл взгляд на дом напротив и не поверил глазам ещё раз. Отец Яхим! Он то, что здесь делает?! Вроде не по чину наперснику отца-приора в проклятый город самому соваться! Однако вот он — стоит, глаза удивлённо щурит. По всему видать, тоже не ожидал Гонду тут повстречать!

Впрочем, отец-радетель, был здесь не один. Не прошло и нескольких секунд как с обеих сторон от него, расположилось шесть боевых магов, напоказ сжимавших в каждой руке по кристаллу.

— Чего встал? — ласково улыбнулся, первым пришедший в себя, жрец. — Иди сюда. Заодно и поведаешь, почто вы за Вельдом до дворца асурова не пошли, а близ стены затаиться удумали. Да и о том, как через стену без догляду проскочить умудрились, расскажешь, — за спиной радетеля, к тому времени, вдобавок к колдунам, появилось с

десяток воев, недвусмысленно направив арбалеты в сторону арки. — Потетишь старика сказкой немудрёной.

Уже сделав шаг в сторону жреческого отряда, Гонда встал как вкопанный.

Раны Йоки! Об Абашеве то он забыл! Наверняка сейчас зловредный кун, притаившись в глубине арки, заклинание готовит. Нет. В то, что Светозар сможет одолеть охрану жреца, Гонда не верил. Вон как напряглись! Словно волколаки в кольцо берлогу с медведем взявшие! Вот только в то, что и он, Гонда, после волшбы Абашевым учинённой, уцелеет — далеко не факт! Не заклинанием сметут, так стрелами арбалетными понатыкают! И что делать? Нужно предупредить вершителей! Крикнуть, что в арке кун притаился и в сторону камней, что вдоль дороги громоздятся, метнуться! Укрыться за ними: единственный шанс! Заодно и верность свою храму Троиш покажет. Глядишь и зачтётся, если, конечно, выживет!

— Чего встал, детинушка? — заметив его колебания, укоризненно покачал головой отец Яхим. — Аль супостатов, что за твоей спиной притаились, спужался? Так-то зря! — радетель пренебрежительно махнул рукой и неспешно зашагал в сторону Гонды. — Чай нашли мы на этих злыдней управу. Расстарались!

Гонда неверяще обернулся. Подёрнутые смертной поволокой глаза, страдальчески оскаленный рот, сведённое судорогой лицо не оставляли сомнения в мучительной смерти княжьего куна. Рядом с отцом, уткнувшись головой ему в бок, лежал Устин.

Юноша судорожно вздохнул. Сильны колдуны жреческие! Враз лучшего княжеского мага за кромку к Лишнему отправили! Да так, что он и не заметил ничего! Дрожащей рукой юноша вытер с лица липкий пот, чувствуя, как нарастает в душе облегчение.

Он выжил! Выжил назло всем Стёртым и Вопящим вместе взятым! Сумел выбраться обратно из этого Троиши проклятого места! Остальное не важно. С отцом Яхимом он общий язык найдёт. Не зря, в своё время, на Вельда донёс, а потом о затее Абашева радетелю поведал. По всему теперь выходит, что перед Храмом его вины нет, а, значит, и карать его не за что! Потому и с Абашевыми заодно не пришибли!

Гонда отвернулся и шагнул навстречу приближающемуся жрецу. Тот, продолжая ласково улыбаться, радушно раскинул руки в стороны, словно приобнять собираясь. Это чего? Юноша запнулся на полушаге, почувствовав лёгкий укол тревоги. Манеру общения жреца он за две предыдущие встречи успел изучить. Любит отец Яхим из себя этакое доброго дедушку изобразить. Может даже по голове погладить ласково, как у них при второй встрече было. Но обниматься лезть! Что-то не так. Гонда перевёл взгляд за спину радетеля и похолодел ещё больше. Вершителю шли следом. Вот только не толпой, а образовав широкий полукруг, будто загонщики стремящиеся взять хищного зверя в кольцо. Юноша попятился, лихорадочно соображая.

— Ты куда? — фальшивая улыбка сползла с лица жреца, будто змеиная кожа. — Аль супротив храма пойти решил? — Яхим с неожиданным проворством бросился к Гонде, оглушительно рявкнув: — Сюда иди, неслух!

— Устин!

Ледяной порыв ветра, невидимой кувалдой врезавшись в спину, безжалостно бросил Гонду вперёд, на мгновенно покрывший дорогу лёд. Он проскользил по инерции пару метров, царапая ногтями крошащуюся изморозь, извернувшись, сумел затормозить и, тут же вскочил, сдирая трясущимися руками ледяную корку с лица.

— Устин! Беги!!!

Гонда очумело тряхнул головой, забавно звякнув льдинками в волосах и смахнув с

ресниц застывшие хрусталики воды, с трудом разлепил глаза.

Стена исчезла. Он стоял на самом краю ледяного полотна, уходящего вдаль метров на тридцать. А в центре импровизированного катка замерло в разнообразных позах полтора десятка покрытых льдом фигур. Вот только долго они там стоять не собирались! Лёд буквально стекал по телам грязноватой водой, покрывался трещинами, ломался с громким треском. А вместе с водой с застывших тварей смывался и наведённый ими облик, превращая их во что-то страшное, жуткое, нечеловеческое.

— Устин! Да беги же ты, наконец!

Гонда повернулся, с трудом заставив повиноваться заледеневшие мышцы. Чуть сзади, ближе к краю дороги, на коленях стоял Устин: помятый, скособоченный какой-то, но вполне себе живой. Дальше, у самого выхода из арки, замер Абашев-старший, явно начав копить энергию на очередное заклинание. Отлично! Значит, отвлечься на беглеца мстительный кун уже не сможет!

Гонда развернулся на непослушных ногах, с размаху пнул Устину в грудь, опрокидывая незадачливого недруга на землю, и захромал вдоль дороги прочь. Теперь вся надежда на ноги. Заклинание Светозара долго этих тварей не удержит!

— Ублюдок! — прошипел одними губами, покосившийся в его сторону, кун. — Стой! Помоги мне энергию быстрее собрать!

— Тебе надо, ты и собирай! — оцепенение навеянное холодом постепенно начало спадать и Гонда смог ускориться. Он бросил взгляд на валяющийся у ног мага меч Бакая. Соблазн остановится и сунуть железо меж рёбер беспомощному колдуну был велик, но тотчас задушен на корню. И время теряет, и кун с его последним заклинанием ещё может пригодиться. Глядишь, если и не уничтожит тварей, то хотя бы задержит ненадолго. — Ушлёпок княжеский!

Лёд кончился и под ногами уже привычно застучали камни мостовой. Треск льда за спиной, сменился рычанием, но Гонда уже нёсся во весь дух, даже не пытаясь оглянуться. Быстрее! Яркая вспышка и наполненный болью визг. Хорошо, что не тронул Абашева! Быстрее! Отчаянный крик Устина, тут же сменившийся душераздирающими воплями. Быстрее!! Ругательства Светозара и грохот очередного заклинания. Всё же был у мага в запасе ещё один камушек. Был! Не успеть бы ему ещё одно заклинание сотворить! Быстрее!!! Нужно убежать как можно дальше. Может, тогда и не будут преследовать. Абашевых сожрут, а о нём забудут.

Не забыли. Гонда как раз остановился посреди дороги, натужно хватая губами воздух, как за спиной раздалось приближающее рычание. Не отстанут, твари! Юноша чуть не заплакал, вглядываясь в чистую пока ещё дорогу. Неужели вот здесь сейчас всё и закончится? Ну, уж нет! Гонда вновь побежал, отлично понимая, что надолго его уже не хватит. На дороге спастись у него шансов нет. Нужно в дом забежать, может спрятаться удастся. Хоть какая-то, да надежда. Хуже уже точно не будет!

Юноша затравленно завертел головой по сторонам, чувствуя, как не смотря на все старания неумолимо падает скорость. Развалины слева точно не подойдут! Там и стен то почти не осталось! Справа? Дом почти целый, но жутью от него такой несёт, что даже под страхом смерти туда не сунешься. Нужно бежать дальше! Вот только сил уже нет! И рад бы поспешить, да к ногам будто жернова привязали и в боку страшные рези начались. А это что за избушка к стене особняка, будто гриб к пеньку прилепилась? Гонда в первую секунду не поверил своим глазам. Сердце, болезненно сжавшись от появившейся надежды, пропустило

удар. Справа, метрах в ста впереди стояла изба. Добротная такая изба. В такой и отца-наставителя не стыдно было бы поселить. Дубовые стены с парой больших стеклянных окон с резными ставнями по бокам, добротная, покрытая новой дранкой крыша с коптящей серым дымком трубой, окованная по краям железными полосами дверь. Конечно, на фоне сохранившихся двух и трёхэтажных особняков, домик смотрелся убого и странно, но Гонде сейчас было не до того. Он есть, и в нём можно укрыться. И это главное. Собрав волю в кулак, юноша из последних сил ускорился. Сзади торжествующе взвыли. Значит чудовища уже рядом, коль добычу увидеть смогли. Только не оглядываться! Натужно хрипя, Гонда буквально ударился всем телом в массивную дверь и отчаянно замолотил кулаками. Та сразу приоткрылась, словно неведомый хозяин поджидал незваного гостя у порога.

— Чего тебе? — буквально просверлил юношу недобрый взгляд из-под густых бровей. — Ступай отседова! Я побирушкам не подаю!

В отчаянии Гонда мёртвой хваткой вцепился руками в начавшую закрываться дверь. Хотел что-то сказать, но вместо слов смог выдавить лишь невнятных хрип.

— Эк тебя разобрало, — серые колючие глаза вгляделись в юношу повнимательнее. — Ну, входи, коль пришёл, — незнакомец отступил вглубь сеней, давая возможность Гонде протиснуться следом. — Может, и сгодишься на что-нибудь.

* * *

Сознание возвращалось медленно, с откровенной неохотой, словно битюг с натугой тянущий неподъёмную телегу. И вместе с сознанием возвращалась боль. Не сильная, но противная, тягучая какая-то, будто разжёванная жвачка на ковровой дорожке. Я разлепил опухшие веки. Сплюнул на землю густую, замешанную на спёкшейся крови, слюну. Потянулся к глазам рукой. Замер на мгновение, осмысливая результат. Всё же протёр глаза, растирая по краям роговицы набившуюся в них пыль и с недоумением уставился на сковывающие руки обручи, связанные между собой тонкой серебристой цепочкой.

Ну, вот и персональными наручниками обзавёлся! А что ты хотел? Как-никак местного жреца угробил, душегуб окаянный! Как ещё самого на месте следом за Никонтом не пришибли!

Неожиданно для себя я тихо захихикал, чувствуя, как в душе нарастает злорадная радость. Не ожидал Никонт для себя такого поворота. Никак не ожидал! А кто бы ожидал? Чтобы какой-то недошлёпок амулеты зачарованные в труху искрошить мог. В одно мгновение! Да тут такого и от бывалых колдунов не ждут. Недаром Тимофей испуганным зайцем из-за спины жреца отскочил! Да и Ратмир, судя по всему, проникся. Сразу на обе руки наручи покорности нацепил. Вимсу со Ставром помнится и по одному за глаза хватило.

Окончательно придя в себя, я, наконец-то, огляделся. Судя по всему, с дороги меня отволокли на обочину, в скопление крупными каменными плит отвалившихся от очередного разрушенного дома. Возле одной из таких плит меня и посадили, прислонив к ней спиной. До поры. Чтобы значит, своими делами заниматься не мешал. Во всяком случае, рядом со мной никого не было. Судя по приглушённым голосам Ратмир и компания чем-то занимались на невидимой отсюда дороге, решив на время оставить меня в покое. Я криво

усмехнулся.

Доверчивые какие. И опаски у них нет, что сбегу!

Перевёл взгляд на ноги и усмехнулся ещё раз, только интонация у этой усмешки была другая.

Ага. Сбегу. Как же. Эти сволочи на ноги точно такие же браслетики нацепить не забыли. И хоть цепочка между ними и тонюсенькая, что-то я сомневаюсь, что смогу её порвать.

Я подёргал ногами, проверяя свои сомнения на практике.

— И не пытайся даже. Работа, конечно, дрянная. Ни изящества тебе, ни красоты. Нсилы в эти наручи вбухали изрядно.

Я посмотрел направо, прижавшись щекой к холодному плоскому камню. Рядом, оседлав словно норовистого скакуна небольшой соседний валун, сидел Толик. Сгорбившаяся фигура, поникшие плечи, печальные потухшие глаза. Одним словом, вселенская скорбь во плоти.

— Ну и откуда ты тут взялся, собственно говоря? — спросил я скорей для проформы, на самом деле, почему то совсем не удивившись. — Я вроде кольцо на палец не одевал. Сомневаюсь, — скосил я глаза на разодранный край тулупа, куда я колечко в своё время зашил, — что оно вообще у меня осталось.

— Правильно сомневаешься, — тяжело вздохнув, согласился со мной айхи. — Его тот долговязый недомаг себе забрал. Аж затрясся весь, как увидел! Громиле с мечом пять золотых отступными заплатил, другому недомагу гор золотых наобещал, но колечко себе прибрал. И сразу на палец свой скрюченный нацепил! — наябедничал мне коротышка. — Я было обрадовался. Думал, что хоть на нём душу отведу. А он откуда-то про «слёзы айхи» знает. И хоть бы поговорил для начала по-людски! — глаза Толика наполнились слезами. — Я и сделать ничего не успел, а он как вдарит! Знаешь как больно?!

— Не знаю, — я демонстративно отвернулся от айхи и стал более внимательно рассматривать наручи. Может, получится, как то снять? Заявление духа ещё не повод отказываться от попыток. Он и соврёт — не дорого возьмёт. — Но душевно за тебя рад. Надеюсь, он этим заклинанием почаще будет пользоваться. Ратмир — дядька жёсткий. У него не забалуешь!

— Безумец твой Ратмир! — моментально соскочив с камня, бешено заорал мне прямо в ухо Толик. — Безумец и самоубийца! Он сейчас там “Отрицание жизни» готовит! И где только заклинание асуров раздобыл на мою голову! И ведь даже слушать не хочет, что оно и для самого создателя опасно! И сам сгинуть может, и других погубит!

— А тебе то, что о других за печаль, Толик? — окончательно уяснив для себя, что снять наручи в физическом плане не получится, я решил взглянуть через изнанку. Увы. Пространство, обычно кишевшее магическими кляксами, было пусто, только наручи тускло замерцали холодным матовым цветом. Не обманул, значит, Вимс во время наших посиделок в подвале. До магических потоков мне не добраться. Печалька. — И ты не ответил на мой вопрос, — огорчённо вздохнув, я вновь развернулся я к духу. — Почему я тебя вижу, коль кольцо не на моём пальце?

— Так частица ауры Инсора, которую ты натянув кольцо получил, никуда не делась, — пожал плечами дух. — Воздействовать друг на друга теперь не получится, но поговорить, если новый хозяин кольца неподалёку находится — почему нет? Ты бы лучше подумал о том, что дальше делать будешь.

— А что тут думать? — я, кряхтя, поднялся. — С этими кандалами на ногах далеко не

упрыгаешь. Так что, похоже, тут я и останусь. Я так понял, что Ратмир с Путьтой вершителям тёплую встречу готовят?

— Могилу они тут себе готовят! — вновь вышел из себя коротышка. — Недоучки проклятые! Этот долговязый ещё и бахвалится, удумал. Мол, заклинание, позволяющее руны заранее начертить, не каждый адепт земли нынче знает. Всю дорогу вокруг себя на пару с подельничком своим исписали. Вот убогие то! — айхи смачно сплюнул, возмущённо потрясая своей лапкой и придвинувшись ко мне, заговорщицки зашептал: — Остановить его надо! Пока он всех не погубил! Сгинешь ведь ни за что! Я что думаю, — коротышка деловито засопел. — Как начнёт Ратмир энергию для своей волшбы копить, ты к нему и подскочи. Даже бить не надо; толкни просто, чтобы он концентрацию потерял. Его магическими потоками на радость Йоки и разорвёт!

— Скорее уж тебе на радость, — отмахнулся я от айхи, оглядываясь по сторонам. — И до чего ж ты всё-таки паскудная скотина, а?! — с чувством добавил я, качая головой. — Вон Ратмир вроде на тебя и управу нашёл, а ты всё равно владельца кольца в могилу свести поровишь. И как древние вас в узде держали. Ума не приложу!

— Ради тебя же стараюсь! Погибнешь не за грош медный! — начал было возмущаться Толик.

— Отстань, убогий, — лишь отмахнулся я. — Исчезни и больше мне на глаза не попадайся. А то я сейчас Ратмиру наш разговор перескажу. Надеюсь, он то заклятье, которым тебя поприветствовал, ещё не забыл.

— Да ты что?! — коротышка буквально захлебнулся от возмущения. — Я же...

— Ратмир!

С лёгким хлопком испуганная мордочка растворилась в воздухе.

Я удовлетворённо кивнул. Идти на поводу у мелкого гадёныша, я точно не собирался. Мне он Ратмиру заклинание сорвать посоветовал, а что Ратмиру через минуту начёт меня предложит, один Лишний знает. Как говорится, хочешь умереть молодым — доверься айхи.

А для себя я уже всё решил. Ратмира и впрямь придётся убивать. Ключи от наручей наверняка у него, да и колечко назад снять я только с мёртвого смогу. Вот только заклинание срывать ему я не собираюсь. Зачем? Чтобы затем к вершителям в лапы попасть? Ну, уж нет! Пускай Ратмир по ним хорошенько вдарит, а там, в начавшейся суматохе, я на него и накинусь. Заклинание, судя по всему, адепт воды задумал сложное, откат тоже будет не слабый, так что шанс справиться даже со скованными руками у меня будет. А там как карта ляжет. Либо сбегу, либо сдохну. Всё лучше, чем на алтарь Лишнего ложиться и сущность свою терять.

Мда. Как не отбрыкивался я от этой мысли, а деваться некуда! Внутри меня сидит перевёртыш. Тварь, которой местных с самого детства пугают! Как говорится; неприятно, но факт. Если до этого всеобщий интерес ко мне я ещё пытался списать на какие-то полученные в пустоши полезные способности дающие возможность выжить в проклятом городе, то смерть Никонта расставила всё на свои места. Заклинание, что жреца на тот свет отправило, само собой появиться, не могло. Я его просто не знал. И хорошо помню, присутствие в своём сознании чужого, что моей рукой руны выводил, складывая их в цепочку могущественного заклинания. Присутствие твари, что пока спит во мне. И что бы пробудить эту тварь, меня в город и приволокли. Понять бы ещё, зачем это им нужно? Она же не управляемая! Янхеля им мало было? Вон Никонт на свою голову, на мгновение эту тварь уже пробудил. А на что тогда надеется Ратмир? Неужто думает, что сумеет с будущим

адептом Лишнего договориться? Или я опять чего-то не знаю?

— Глядика, очнулся, помёт берыги! — из-за камней появились мои однокашники. — А я так надеялся, что сдохнет!

— Я ещё на твоей могилке вару попию, Лузга, — усмехнулся я в ответ, прислонившись спиной к до боли ставшему родным камню. — Так что даже не надейся!

— И ведь не врёт, поди, мразь така! — меня обступили плотным кольцом. — Щас вытянет из нас Ратмир всю энергию для заклинания и сдохнем. А этот жить будет. Ничё ему не дается! Будто сам Линий ворожит!

— Может и ворожит. Почему нет, — не стал отрицать я. — А если даже и сдохну, то не как вы, послушными баранами под нож горло подставляя.

— А какой у нас выбор? — Марк в бессилии сжал кулаки. — Мы благодаря тебе отступники, теперича. Супротив храма пошли. Таким пощады нет! Одна надежда теперь, что Ратмир победив, задуманное им исполнит, да нас потом к делу пристроит. Даже Путята ему в рот заглядывать начал. Вон тебя после убийства отца Никонта не пришиб. — Верзила раздражённо притопнул ногой и с непритворным сожалением добавил: — А я так надеялся!

— А что так? — решил я прояснить этот вопрос. — Наверняка ведь хотел.

— Ещё как хотел! — влез в разговор Прикс. — Особенно когда у тебя два камушка что для догляду носят, нашли.

— А ещё порошок сонный и камешек, что воли всех, кто рядом находится, надолго лишает, — наябедничал Лузга. — Сотник аж побелел от ярости весь, как увидел. Я уже думал: тут и смертушка твоя! Ан нет, — юноша осуждающе покачал головой. — Ратмир как-то смог уговорить.

— Ещё и тащить тебя сюда на своём горбу пришлось! — выдвинул ещё одну претензию Марк. — Сам то вроде; кости да кожа, а тяжёлый.

— А где мы сейчас?

— Да Лишний его знает, — ответил угрюмо молчавший до этого Степан — Сначала назад мальчика от пелены вернулись, потом к какой-то переулочек свернули. Уже час тут стоим. Только Невзора Путята зачем то дальше усрал. Может дорогу разведать?

— Дорогу разведать! Как же! — презрительно фыркнул Лузга, отмахнувшись от близнеца. — Камешки он с собой унёс, что Вельду супостаты для догляду дали. Ратмир Путяте так при мне и сказал: “ Пускай, мол, думают, что мы не тут с этим недошлёпком затаились, а дальше топаем. Вот в засаду и попадут»!

— Чего сгладелись, выкормыши Стёртых?! — рассерженной змеюкой зашипел, появившийся из-за груды камней Ратмир. Следом за магом подошли Путята и Мартын. Матвея не было. Видно где-то в другом месте затаился. — Вершители вот-вот подойти должны. Не дай Лишний услышат!

— Пора бы уже, — тихо согласился с магом Путята. Десятник был непривычно возбуждён, энергичен и как то по злему весел. — Ну, теперь пушай идут! Слава Троице, подготовиться успели. Мартын, — Путята небрежно мазнул по мне взглядом. — Арбалет разрядишь, а дальше с этой паскуды глаз не спускай. Выживших мы сами добьём.

— Сделаю, господине, — Мартын по-хозяйски положил руку на соседний валун, смахнул рукой воображаемую пыль и уселся, положив арбалет на колени.

Я досадливо закусил губу, косясь на воя. И как теперь быть? Вряд ли Мартын будет безучастно смотреть, как я мага убиваю. Учитывая его рефлексы, я и шага в сторону Ратмира сделать, не успею, как на меня этот детина навалится!

Ратмир, прогнав между тем Лузгу и Марка к Матвею, уселся напротив меня, поглаживая палец. По всему видать, про колечко спросить хочет, да только Путьята с Мартыном мешают. Самого айхи маг наверняка расспросил, да только разве от духа правды дождёшься? Наплетёт в три короба и при этом ещё и надуть попытается!

Ну, ничего. Я тебе попозже более подробно объясню. Камнем по голове. Спасибо, что сел рядом. Далече мне бы не доковылять!

Тяжело вздохнув, я посмотрел вниз, в поисках гипотетического орудия возмездия. Посмотрел и судорожно всхлипнул, выпучив глаза. Под ногами, быстро наливаясь красками, начала стремительно проявляться уже знакомая ядовито-жёлтая клякса.

«Вперёд! Быстро»!!!

Я лихорадочно вскочил, забыв про спутанные ноги, упал, ободрав об острые камни ладони, приподнялся и, не замечая боли, буквально прыгнул словно пловец с тумбы в сторону Ратмира.

— Ты ку...

Удивлённый возглас Мартына потонул в рёве полыхнувшего за спиной пламени.

* * *

Пепел. Чёрный пепел был повсюду: он кружил в воздухе, запорашивая глаза и противно скрипя на зубах; забивался в щели обугленных, со свежими подпалинами стен; толстым слоем ложился на спёкшуюся до стекловидного состояния землю.

Жихарь, прикрыв лицо ладонью, с опаской покосился на лежащие впереди обугленные тела. Идти дальше отчаянно не хотелось. Бежать бы отсюда без оглядки. Так бежать, чтобы земля под ногами горела! Вот только куда? С колдуном идти страшно. Но одному остаться ещё страшней!

— Гляди-ка, — заметил между тем Миха, также внимательно всматриваясь вперёд. — По всему видать не всё тут выгорело. Вон в серёдке промеж тел выжженных, мешки целёхоньки лежат. И снаряга воинска! Вот бы пошуровать! Чай не как у стены! Не обобрали!

Жихарь с недоумением покосился на друга. Вот скаженный! Ни о чём другом кроме прибытка и думать не может! Неужто не понимает, что отряд жреческий тут с тварью неведомой в лютой сече сошёлся? И убили они ту тварь или она вновь где то тут в развалинах, затаилась, только Трое знают! Тут не о добыче думать нужно! Тут как бы самим рядом не лечь!

Бывший воришка покосился в сторону замершего рядом колдуна. Вот ведь! Стоит столбом, словно уснул на ходу. Глаза вон и то закрыл, словно дома у себя, а не посреди жути этой. И даже камешек из-за пояса достать не пытается! Вот дали Трое содорожников!

— Жихарь, чего стоим то? — опасливо покосившись на Албыча, громким шёпотом поинтересовался Миха.

— Уже не стоим, — старик наконец-то отмер и решительно направился к чистому от золы пятну с уцелевшими вещами. — Пойдём, посмотрим, что нам доброхоты для вспоможения оставили. Неужто не поскупились?

Не поскупились. Что — да, то — да. На небольшом (и десяти шагов от края до края не

наберётся) пятачке свободного от пепла пространства беспорядочной грудой валялись мечи, арбалеты, ножи, раскрытые, с полувывалившимся добром, заплечные мешки, расстеленные обрезки ткани с недоеденной снедью. С одной из них еду сдёрнули, словно через неё кого-то волоком волокли, немилосердно вминая в камни огрызки лука, сала, огурцов. Жихарь запнувшись, чуть не угодил ногой в остатки блевотины и брезгливо морщась, отступил назад поближе к Албычу.

— А ведь бой совсем недавно был! — заметил колдун, оглядываясь с не меньшим интересом — Чутка нас вершители не дождались! Вот даже пыль от «стены огненной» толком не улеглась!

— Но жрецы, похоже, победили, — высказал предположение Жихарь, задумчиво сдвинув брови. — Не все здесь полегли. Их больше было.

— Ну не то, чтобы победили, — хмыкнул презрительно перевёртыш. — Но спастись, похоже, смогли. Вот только как они, теперича, неоружные с людишками Никонта ратиться будут? — Албыч склонился над здоровенным камнем, лежащим возле одной из скатертей. — Ты гляди-ка. Даже камешек следящий бросили, а не только оружие! Видать совсем без оглядки бежали!

— Так значит, та тварь, что на них напала жива? — Жихарь неосознанно попятился, испуганно оглядываясь по сторонам.

— Жива, — не стал отрицать колдун. — Вот только не шибко опасна. Коль на месте долго не стоять, да к её логову не приближаться, то ничего и не будет. Она с трудом до дороги свое магией дотягивается. Иди себе спокойно мимо и в ус не дуй. А этих угораздило, здесь на привал остановится! — хохотнул Албыч. — Вот и пришлось самым сильным кристаллом пожертвовать, да всё побросать заради того, чтобы ноги унести! Небось, недалече лежат, — перевертыш, повернувшись к Жихарю, жизнерадостно оскалился. — Очухиваются!

— А нам как теперь быть? — озадачился Миха. Шустрый воришка времени зря не терял, уже во всю потроша заплечные мешки и попутно похрустывая прихваченной морковкой. — Неужто тут всё добро побросать и следом бежать?

— Зачем? — ещё больше развеселился Албыч. — Бери, что по душе придётся. Только меру знай! Тебе ещё мечи на своём горбу тащить!

— А нужно ли мастер? — Жихарь, решивший для себя, что безопасность важнее поживы, ревниво поглядывая в сторону продолжавшего шуровать по мешкам Михи, от Албыча всё же не отходил. — Мечи, конечно, грошей немало стоят, только где мы их тут продадим? А владеть мы ими, всё равно не обучены. Уж лучше арбалеты взять. Из них выстрелить любой сможет.

— Неумехе и арбалет не подмога! — пренебрежительно отмахнулся Албыч. — Пушай тут лежат. А мечи мы не для себя возьмём, — повернулся он к Жихарю. — Вершителям вернём. Пушай радуются!

— Это так?! — буквально опешил Жихарь и встретился взглядом с не менее поражённым Михой. Нет. Всё-таки безумен колдун. Безумен! — Они же с ними на нас и бросятся!

— Не бросятся! — отрезал в ответ Албыч. — Они без сил сейчас лежат поблизости. Далече навряд ли уползти смогли. Пока в себя придут, мы уже и пелену пройти успеем.

— Так зачем им оружие то возвращать? — Жихарь начал горячиться. — Чай супротивники они нам. Может, коль они без сил, так и порешить всех разом?

— Я тебе порешу! — от слов колдуна потянуло стужей. — А кто с людишками Никонта ратиться станет? Ты что ли? — старый колдун угрожающе навис над юношей. — Пуцай они друг с другом повоюют, тогда и мне с оставшимися полегче управиться, будет. Всё! Собирайте мечи и пошли, — Албыч наклонился и, кряхтя, подхватил с дороги бульжник. — А я камешек для них следящий прихвачу. А то не дай Лишний с Никонтом разминутся.

* * *

Вершители и впрямь далеко не ушли. Не успели толком от выжженного места отойти, как на них и наткнулись. Жихарь даже головой сокрушённо покачал. Эк их разобрало. Лежат посреди дороги восемь тел и тихонько стонут в унисон. И даже шевельнутбся, никто не пытается, будто парализовало всех. Идиллия! Вот бы всех сейчас и перебить! Второй раз такая оказия навряд ли случится!

Жихарь покосился в сторону насупившегося мага и разочаровано отвернулся. Не даст! А спорить с колдуном, у него никакого желания нет! До сих пор лицо Карпа, горло руками сжимавшего, перед глазами стоит. Нет уж. Пускай Миха спорит, коли охота есть.

Воришка, между тем, положив на дорогу оружие, направился к одному из магов.

— Далёко собрался, внучок?

В голосе колдуна было столько искренней заботы, что Жихарь непроизвольно поёжился. Проняло и Миху.

— Так я это, — юноша буквально замер на полушаге, втянув голову в плечи. — Я это... Не убивать... В кошельках пошарить хотел. Вдруг что полезное найдётся?

— Пошарь внучок, пошарь, — одобрил Албыч. — Только все камушки, что найдёшь, мне потом отдашь. Они для дела сгодятся. И амулеты что остались, трогать не вздумай. С голой грудью они много не навоюют.

— Да какие у них амулеты? — ответил Миха, даже не пытаясь скрыть разочарования. — Пыль одна.

Тяжело вздохнув, Жихарь отлепившись от мага, сбросил в общую кучу свою часть железа и присоединился к Михе. На пару они быстрее управятся. А значит, и уйдут отсюда пораньше. Очень уж он себя неуютно чувствует, рядом с тварью пораненной находясь! Вдруг, вопреки утверждениям Албыча, сюда приползёт? Даже боги ошибаться могут, что уж тут о недоделанном перевёртыше говорить? Поверил же Йоки лживым посулам Лишнего! Так что убраться отсюда подальше, оно как-то вернее будет. Пусть, если что вершители отдуваются!

Жихарь ловко обшарил тихо стонущего воя, в досаде, ничего не найдя, пнул по рёбрам, разжился парой камней и несколькими монетами у толстого повизгивающего мага и склонился над другим ушлёпком в длинной, отороченной мехом епанче, сброшенной поверх балахона. По всему видать, богатый колдун! Наверняка, за наиглавного при отряде состоит! У такого и за поясом много чего сыскать можно!

Ожидания Жихаря не оправдались. Нет. Четыре магических кристалла, что нащупал он в кошеле мага, богатство конечно не малое, но золото то где? Даже грошика медного не нашлось!

— Дай сюда!

Нависнув неприветливым утёсом, Албыч требовательно протянул руку. Рядом, хлюпая разбитым носом, стоял Миха. Жихарь болезненно скривился, но спорить не стал: камешки отдал. Затем покосился на вконец расстроенного воришку, выразительно молчавшего колдуна и нехотя достал камни, изъятые у толстяка. Ну, их к Лишнему. Не стоят они того!

— Так-то лучше будет! — удовлетворённо хмыкнул маг. Он шустро повертел перед глазами каждый камень, оценивая, и не скрывая язвительный улыбки, вернул один их них обратно, в кошель вершителя. — Пушай, теперича, глотки друг другу повырывают, — Албыч задорно хохотнув, ссыпал оставшиеся камни себе за пояс и решительно махнул рукой. — Пошли отседова. До пелены недалече осталось!

* * *

Голова раскалывалась от дикой боли. Тело ломило, словно кто-то не спеша выворачивал из суставов все кости. Герхард, приглушённо застонав, сжал виски. Легче не стало. Скорее наоборот. Мучения не прекращались, становясь лишь сильнее. В губы ткнулось горлышко баклажки.

— Глотни, мастер. Полегчает.

С трудом разлепив стиснутые судорогой зубы, Герхард послушно сделал глоток, поперхнулся и зашёлся хриплым безудержным кашлем выворачивающем все внутренности наизнанку. И всё же стало чуть легче. Он открыл глаза. Долго бездумно смотрел прямо перед собой. Кто-то вновь поднёс ко рту баклажку. На этот раз Герхард пил долго, чувствуя, как с каждой каплей в голове рассеивается густой туман и возвращается ясность мысли. Взгляд сфокусировался на склонившимся над ним десятнике. Сбоку сидел кто-то ещё, бережно поддерживая голову.

— Ещё воды, мастер? — потряс баклажкой Невронд.

— Потом, — Герхард попытался подняться. Конечности слушались слабо. С новой силой навалились тошнота и головокружение. Маг пошатнулся, но заботливые руки подхватили, не дали упасть, бережно усадив на дороге. — Где мы десятник? — подождав пока головокружение хоть немного уймётся, адепт воды попытался оглядеться. Увиденное не радовало. Всё та же дорога, стиснутая бесконечными завалами и небольшая кучка людей, едва копошащаяся на земле. Слишком небольшая. — Сколько людишек уцелело, Невронд? — похолодев в страшном предчувствии, Герхард только теперь ощутил, как липнет к спине взмокший балахон.

— Четыре воя, да два мага, — на глазах постарел десятник. — Да и те в себя никак прийти не могут! А уши мы недалече. Как бы эта тварь за нами вслед не приползла.

— Могла бы приползти — уже приползла бы, — не согласился с Неврондом маг. — По всему видать, не может она своё укрытие покинуть. Она и до нас-то с трудом волшебной своей дотянулась. Иначе бы мы все на привале том и остались. Вот что десятник, — Герхард дрожащей рукой вытер щипавший глаза пот. — Ты меня к камню какому спиной прислони и людишкам помоги. Их и так мало осталось. А себя я, теперича, сам подлечу.

— Как кажешь, мастер, — не стал с ним спорить десятник. — Нука Русин, подмогни.

Подхватив с двух сторон, мага бережно перенесли в край дороги и прислонили к небольшой гладкой плите, почти вертикально торчащей из земли. Герхард немного посидел, наблюдая за хлопотами десятника и меченого и решившись, осторожно потянулся за изнанку. Спешить было нельзя. Слишком опасное это занятие — лечить себя, а не других. Тут увлекаться нельзя! Упустишь момент, не остановишься вовремя — глядишь и одного много возомнившего о себе адепта воды уже и хоронят. Если останется, конечно, что хоронить. Герхарду на паре таких похорон лично побывать доводилось. И это у адептов, что на магии исцеления специализировались, а не боевой как у него. Вот только выбора у него нет. Людей потерял, амулеты все выгорели, Око сущности тоже на месте привала осталось. В таком состоянии он Ратмиру на один зубок будет. И кристаллы не помогут. Не хочется и думать, что с ним будет, коль перевёртыша упустит.

Тщательно, вымеряя каждое движение, Герхард начертил руну концентрации, осторожно, не обращая внимания на вспыхнувшую боль в груди, напитал её энергией, и следом вывел руны малого исцеления. Те заискрились задорным алым сполохом и начали наливать красками. Маг быстро добавил рядом с ними руну возврата и, его тут же накрыло ласковой тёплой волной, смывающей боль и усталость. Всё тело начало наполняться удивительной силой, на душе стало легко и беззаботно. Герхард блаженно зажмурился. Видят Трое, так хорошо ему ещё никогда не было! Теперь он мог понять Яцека, того мага из свиты твинского гецога, что так любил лечить самого себя. И последующий откат его не пугал! Откат!!! Мысль о грядущем наказании отрезвила, словно ушат ледяной воды на голову вылили. Похолодев от ужаса, Герхард поспешно оборвал связь с потоком. И скорчился, захлебнувшись криком от боли. Кровь буквально вскипела в жилах, обжигая не хуже кислоты, вены вздулись так, что казалось ещё чуть-чуть, и они взорвутся. Раны Йоки! Он всё же не смог остановиться вовремя! И настало время платить за свою жадность!

Приступ прошёл так же внезапно, как и начался, заставив Герхарда неверяще выдохнуть. Он ещё пару мгновений полежал, прислушиваясь к своим ощущениям, убедился, что ничего не болит и, решительно вскочив на ноги, огляделся. За то время, что он провалился, страдая от последствий отката, остальные успели прийти в себя. Вои, позвякивая оружием, сгрудились возле Невронда, Люциус и Пётр, встав чуть наособицу от воев, озабоченно о чём-то перешёптывались.

Герхард горько усмехнулся. Ишь ты. По всему видать ему больше всех от неведомой твари досталось. Видимо почувствовала, как он за камушком потянулся, добить пыталась. Ан не вышло!

Маги, заметив, что адепт воды пришёл в себя, направились к нему. Герхард посмотрел на них, невольно сравнивая. Пётра: умного, решительного, ещё не старого, в общем, адепта огня, он видеть был рад. Надёжный соратник, с которым вместе не одну сечу пережили. Такой и спину прикроет, и в бою лишним не будет! А вот Ганиус. Герхард мысленно поморщился. Племянник отца Яхима ни умом не блистал, ни смелостью, ни талантом. Зато отличался болтливостью и невероятной наглостью. Вот как сейчас. Око сущности потерял, шкуру свою, спасая, а на наглой морде и крупницы раскаяния не проступает. Оно, конечно, понятно, что другого выхода у племянника отца-радетеля не было. И сам бы сгинул и кристалл не вытащил. Но попытаться то должен был. Вон из воев, свой меч ни один не бросил, все оружные стоят!

— Как ты, мастер? — в голосе Петра проскочили нотки искреннего сочувствия. — Я уже было тревожиться начал.

— Меня уже опаска взяла, что так и сдохнешь в себя не придя, мастер — решил проявить заботу и Ганиус. — Уж больно откат сильный!

— Не дождёшься! — Герхард заскрипел зубами от злости и решил её сорвать на толстяке. — Ты почему Око сущности бросил? Ты хоть знаешь, что верховный отец-эконом с тобой за его утерю сделает?

— Так не потерялся кристалл то, — выпучил глаза Ганиус. — Вон он, на дороге лежит!

— Как лежит? — Герхард, не веря своим глазам, посмотрел в указанном направлении. — Как ты ухитрился его с собой утащить?

— Так это не он, мастер, — подошёл к магу Невронд. Десятник был хмур и невесел. — Кто-то неведомый расстарался. Русин первый очнулся. Так он рассказывает, что мечи и камешек этот уже на дороге лежали, в кучу сваленные. — Невронд помялся, переминаясь с ноги на ногу и, недовольно добавил: — А арбалетов нет.

— Кто расстарался? — Не понял Герхард, вглядываясь в потухшие глаза Невронда. — Ты в своём уме, десятник?! Кто тут мог для нас расстараться?! — последние слова маг уже буквально проорал, выплёскивая на воина поднимающийся в душе страх.

— Неведомый, — упрямо набычившись, повторил тот и вновь уже с каким-то упрёком добавил: — А арбалетов нет!

— Да Лишний с ними, с арбалетами, — влез в перепалку Ганиус, брызгая слюной. — У меня два кристалла из кошеля пропало! И Петра вон тоже обнести успели! Ворюга этот неведомый, так то! Тать и ворюга!

— Что?! — похолодев, Герхард лихорадочно сунулся за пояс. — Да чтоб ему Вопящим стать! — бессильно выругался маг, вынув из кошеля лишь один камешек. — Ишь чего удумал; ржавые мечи на камни мажеские менять! Да чтоб ему всю оставшуюся жизнь с айхи по соседству жить!

— У моих воев снаряга справная, мастер, — обиделся Невронд. — Я за этим строго слежу. Не забалуешь!

— И что?! — и не подумал успокаиваться Герхард. — Много ты ими без амулетов и кристаллов навоюешь? Да нас ещё издали выжгут или в лёд втопчут! — маг повертел оставшийся кристалл в руке, узнал в нём близнеца, полученного от Яхима и, сжав камень в кулаке, помрачнел: — А Вельд уже далеко ушёл и на месте не стоит! Беда!

— И что делать теперь, мастер? — Невронд с сочувствием посмотрел на разом постаревшего мага. — Может вернуться назад, попробуем? Всё равно, на выходе из города Никонт с перевёртышем мимо нас не пройдут.

— Про Никонта и Ратмира забудь, — невесело отмахнулся адепт воды в ответ. — Им в тронный зал живыми хода нет. Неважно почему, — пресёк маг на корню вопрос десятника. Ганиус гаденько усмехнулся, соглашаясь. — Просто не дойдут и всё. Только нам от этого не легче. Ритуал то Вельд пройдёт без нашего присмотра. А этого ни мне, ни тебе не простят, — Герхард проникновенно заглянул воину в глаза и добавил: — Даже если перевёртыша сразу на выходе из города переймут, и он никаких дел натворить не сможет — не простят.

Сунув камешек в кошель, Герхард прошёл мимо понурившегося десятника на дорогу, присел возле Ока сущности, зачем то погладил его и, повернувшись к Невронду, сказал: — Вдогонку надо идти, десятник. Напасть внезапно и в рукопашной сойтись. Авось не успеют Ратмир с Матвеем в ход свои камешки пустить.

Невронд обречённо кивнул. По лицу десятника было прекрасно видно, что в успех такой рукопашной он совсем не верит.

— Хорошо хоть Око сущности не пропало — продолжил, взяв в руки кристалл, маг. — С ним я точно буду знать, где этот змеёныш находится.

Герхард замер на мгновение, сжав камень в руках. По лицу мага промелькнуло недоумение. Открыв глаза, он отложил в сторону Око, вновь достал из кошелья близнеца, сжал в руке и неожиданно для всех улыбнулся.

* * *

Незнакомец был странный. Гонда таких сроду не видел. И дело было даже не в том, что из своей одежды на нём были лишь замызганные порты, да диковинные кожаные сандалии, надетые на босу ногу. В своём доме чай и гостей, судя по всему, не ждал. Хочется ему полуголым ходить — кто запретить может? Поражало лицо. Хозяин, судя по наметившимся на лбу морщинам, был не молод, а лицо гладко выбрито. Не бороды тебе, ни усов, словно у сопляка малолетнего! И на голове волос мало. Стрижены коротко, неровно, словно коза блудливая общипала. Смех, да и только! Вот только смеяться над ним, пожалуй, и Бакай бы не рискнул! Очень уж взгляд у него был нехороший. До костей пробирал!

— Ну что встал столбом? Ты об меня глаза сейчас протрёшь! — хозяин, особо не церемонясь, подтолкнул Гонду к видневшейся в полумраке двери. — Ступай в хату, гость незванный. Чего в сенях у порога торчать!

— Засов бы накинуть хозяин, — немного отдышавшись, смог, выдавить из себя юноша. — Там эти. Ну...

— Да нет там уже никого! — не дослушав, отмахнулся мужик. — Да и засова тоже нет. Мой домишко тут все стороной обходят, — со вздохом пожаловался он Гонде. — Уж я кличу, бывало, кличу, а всё попусту! Убегают без оглядки, хвосты поджавши! А тут ты! Видать вспомнил обо мне Многоликий!

Входить в дом Гонде решительно расхотелось. Изнутри поднималась странная уверенность в неправильности происходящего. Сердце сжалось в тревожном предчувствии. Вот только деваться было некуда. Дорогу к выходу перекрывал хозяин, а в узкое оконце в сенях разве что руку просунуть можно. А за пазухой даже ножа (чтоб Абашеву за кромкой с Лишним повстречаться!) нет. Нехотя, словно невольник в каменоломню, Гонда открыл дверь.

В жилище отшельника оказалось неожиданно уютно. Напротив, мягко обволакивая вошедшего теплом, весело потрескивала дровами печка. В горниле, распространяя по комнате дурманящий запах, задорно булькал чугунок. Слева возле окна, добротный дубовый стол и два табурета, вместо привычной лавки. Рядом кованый сундук. Справа непривычные для крестьянского дома полки с книгами и свитками и громоздкий, явно иноземный шкаф с толстыми резными дверцами покрытыми тёмным лаком. На крашеном дощатом полу, разукрашенные узорами шерстяные половички. Под высоким так же крашеным потолком, завис, ярко сияя, светоч.

— Ну что опять встал? Проходи, — подтолкнул Гонду в спину вошедший следом хозяин. — Седай за стол. Снедать будем.

Гонда, покосившись на пол, снял грязную обувь. Ноги сразу утонули в чём-то донельзя

тёплом и мягком, прошёл к столу, сел возле окна, поставив рядом предусмотрительно захваченные сапоги.

Хозяин, между тем, быстро закрутился по хате, собирая на стол. Выставил глиняные кружки, выйдя в сени, принёс две миски с огурцами и куриными яйцами, бухнул на скатерть полгорбушки ржаного хлеба, вновь вышел в сени, вернувшись с запечатанной баклажкой и, наконец, вооружившись ухватом, поставил на стол булькающий котелок.

Гонда сглотнул, почувствовав, как в тугой узел сплетаются кишки, решившие напомнить о себе.

Мужик, присев напротив, одним движением ловко наполнил обе кружки до краёв, при этом не расплескав не капли и тут же опрокинул одну себе в рот, удовлетворённо крякнув.

— Чего вылупился? — взглянул недовольно на Гонду. — Пей, давай, да опосля поговорим.

— Благодарствую, хозяин, — Гонда с сомнением покосившись на кружку, сделал вид, что пригубил и, поперхнувшись, поспешно потянулся к яйцу, начав его сосредоточенно очищать. — Прости, что по имени не величаю, дядечка. Меня Гондой кличут.

— Ишь ты, ловкий какой, — хмыкнул тот в ответ, вновь наполняя свою кружку. — Пить со мной брезгует, хлеба тож не преломил, а имя ему скажи. Неужто за городом все теперь такие невежи?

— Прости хозяин. Обиды нанести не хотел, — Гонда ничуть не смутился от того, что его хитрость раскрыли. Пить со странным знакомцем он всё равно не собирался. Да и с едой тоже решил поостеречься, не смотря на голод. Не то место, не тот хозяин. Тут бы самому целым убраться по добру. — Не приучен я к вару. Батя покойный в строгости держал.

Хозяин задумчиво пробарабанил пальцами по столу, рассматривая содержимое своей кружки. Гонда подобрался, нащупывая край табурета под собой.

— Не выходит у нас с тобой душевного разговору, — огорчённо вздохнул мужик и внезапно одним взмахом руки смахнул всю снедь со стола. Гонда внутренне сжался, ожидая грохота, но вся посуда, не долетев до пола, растаяла в воздухе. — Ну, чтож. Поговорим напрямую. Ты я вижу человек умный. Что я вокруг да около ходить буду? — хозяин зачем — то протёр ладонью и без того чистый стол и подняв глаза на юношу, строго спросил: — Живым отсюда выйти хочешь?

Гонда молча, кивнул, затаив дыхание.

— Ты на обувку свою не косись, — недобро скривил губы хозяин. — Из моего дома живым ни то, что через окно, через дверь ходу нет. Да что там живым, — решил пожаловаться мужик, — я и сам отсюда выйти не могу. Не веришь? Так попробуй. Мешать не буду.

Хозяин демонстративно не спеша встал и, отойдя к печке, присел на корточки, уставившись на огонь.

Осторожно, не сводя глаз с жуткого местного, Гонда привстал, ухватив рукой сапоги и не глядя, резко вдарил локтём назад в хрупкое стекло. И с трудом подавив стон, ухватился за ушибленную руку. Постоял, потирая саднящий локоть и вновь сел за стол, разжав пальцы.

— Я хочу выйти отсюда живым, дядечка.

— А дверь что же, проверять не будешь? — не на шутку удивился тот.

— А надо?

— Ты и вправду не дурак, — вернулся за стол, хозяин. — Может и выживешь. Вопрос у меня один, — всё напускное радушие слетело с мужика как шелуха с озимых. — Ты согласен

отвести меня во дворец Инсора?

— Так я и сам туда дороги не знаю, дядечка!

— Мне не нужно показывать дорогу, — раздражённо отмахнулся в ответ мужик. — Мне нужно чтобы ты согласился пойти туда со мной.

— А если я соглашусь? Мне с того какая корысть?

Согласится, всё рано придётся. Иначе смерть неминуемая! Вот только сразу, без торга, согласие давать никак нельзя! Тогда нелюдь, лишь только во дворец попав, его живота и лишит. Зачем ему в живых потенциальный беглец нужен? Потому торг и необходим! Убедить страшного незнакомца, что Гонда не из страха, а ради наживы с ним идёт. И пока награды не получит, не в жисть его не бросит. Глядишь, и не тронет до поры. А там или сбежать удастся, или вершителей повстречают.

— Поможешь — награжу! — — мужик достал из сундуку грубую холщовую рубаху и не спеша натянул на себя. — Мне до сферы слияния, что у алтаря Неназываемого стоит, добраться надо. Я тогда жизнь свою обратно в полной мере вернуть смогу, — улыбка вогнавшая Гонду в дрожь. — Видишь. Я с тобой откровенен. И сам туда попасть без помощи живого я тоже не сумею. Помоги мне завладеть сферой и не только останешься жив, — незнакомец, наклонив голову, прожёл Гонду взглядом. — Поможешь мне — и я возьму тебя к себе в ученики.

— В ученики? — Гонда почувствовал, как у него запершило в горле. — А ты разве маг?

— Колдую помаленьку, — не стал отрицать тот и взмахнул рукой. Стена напротив Гонды всколыхнулась, потекла смазанным пятном и на её месте возник мерцающий чёрный круг. — Дай мне свою руку и пошли, — мотнул незнакомец головой в сторону круга. — И раз мы всё же поладили, можешь, теперь, звать меня дядя Янхель.

* * *

Падение нельзя было назвать приятным. Кости рук буквально затрещали, норovia раскрошиться под весом собственного тела, вспыхнуло адской болью левое колено, а ещё какой-то острый камень удачно под ребро подставиться сумел! Я дико взвыл, умудрившись в считанные мгновения выпалить весь свой запас матерных слов. А тут ещё сверху адский жар навалился, словно гигантский дракон в спину дыхнул. Стало совсем весело.

Стиснув зубы до зубовного скрежета, я быстро вскочил и охнул, схватившись руками за колено. Вокруг царил хаос. Дико вопили школяры, вернее вопил близнец, яростно сдирая с себя пылающую одежду, двое других лишь сдавлено хрипели, катаясь по земле маленькими факелами. Справа от меня матерился Мартын. Воин, хоть и был весь в копоти, но сам, судя по всему, не пострадал, спасённый амулетом, но вот пришедший в негодность арбалет пришлось бросить. Жвыкнув железом вой развернулся в сторону развалин, навстречу пятёрки ратников выскочивших их дома. Выскочить — выскочили. Но приближаться не стали, замерев в десятке шагов от нас. Всё вокруг под ногами вновь окрасилось в тёмно-жёлтые цвета. Ну, вот и всё. Из-под этого заклинания за долю секунды не выскочишь. Вон и внутренний голос молчит, понимает, что в этой ситуации рыпаться бесполезно!

— Нет!

Сильные руки, схватит за одежду, резко дёрнули назад, прижимая к себе. И тут же я оказался внутри шара переливающегося всеми цветами радуги. Будто мыльный пузырь надули. Ратмир! Видать тоже понял, что по нам сейчас ещё одним заклинанием шарахнут. А чего тут не понять? Уж больно резко Невронд со своими людьми остановился. Добивать не кинулся. Ждут, пока маги свои аргументы до конца исчерпают. Знать бы, что за пакость в этот раз нам приготовили. И выдержит ли её защита?

И тут неизвестный маг ударил. Казалось, сверху на голову обрушилось само небо. С треском лопнул пузырь и на плечи навалилась невероятная тяжесть, вдавливая в землю и размазывая по камням. Вдавило сильно, до треска в костях, и тут же отпустило. Я с трудом отлепился от земли, приподнялся на трясущихся руках, сел, очумело качая головой. Да уж! Теперь я понимаю, что чувствует черепаха, когда на неё слон наступает! Болело буквально всё. А что ты хотел? Скажи спасибо, что вообще жив остался. Как ещё кишки наружу не выдавили. Вот только болячки свои пересчитывать времени нет. Невронд с воями никуда не делись. Странно, что до сих пор горло резать не начали.

Я приподнял голову и злорадно оскалился. Не до меня пока десятнику! Двое его воинов на земле лежат, дымятся, один как раз в этот момент на камни, кровью заливаясь, оседает, а сам Невронд на пару с Русиним с трудом от наскоков Путяты отбивается. В бою десятник Никонта был страшен. Огромный меч опускался со страшной силой, наполняя воздух жутким свистом и скрежетом железа, сам Путята ни мгновения не оставался на одном месте, обрушивая удары на своих врагов со всех сторон. Те пятились, не помышляя об атаке, отступали в разные стороны, но держались. Измором берут! Даже Путята не выдержит долге в таком темпе. А что же Мартын? Оглянувшись в сторону воя, я встретился с взглядом мёртвых глаз. Так. Тут всё понятно. Второе заклинание Мартын не пережил. А Ратмир?

Развернулся к магу. Посеревшая, словно пергаментная кожа, кровь тонкой струйкой стекающая изо рта. Без сознания, но дышит. Впрочем — это дело поправимое! Тут у меня рука не дрогнет. Подло убивать того, кто тебя спас? Так он не меня спасал. Он свою надежду отсюда выбраться спасти пытался. Мою жизнь на свою в дальнейшем обменять хотел!

Нужно спешить. Чем бы этот бой ни кончился, я окажусь в числе проигравших. Прежде всего — ключ! Лихорадочно срываю завязки с поясного кошель, выгребаю всё наружу. Вот он! На то, чтобы снять наручи ушло всего несколько секунд. Оглядываюсь. Рубятся с не меньшим энтузиазмом, но уже не так резко. У Невронда левая рука плетью висит, у Русина половину лица кровью залило, но не отступают. Упорные — уважаю! Впрочем, на сцене появилось ещё одно действующее лицо. Пожилой маг в рваном балахоне шатаясь словно в стельку пьяный сельский алкаш брёл от дома в мою сторону. Полный ненависти взгляд и огромный тесак в руке не оставляли сомнений в намерении. По мою душу, товарищ. На заклинание сил не осталось — жаждет пообщаться поближе. Ладно. Лишний с ним. Такими темпами он полдня до меня идти будет. А пока я сам вооружусь.

Кинулся к Мартыну. Меч брать не стал. Тяжёлый зараза, да и махать я им не приучен. А вот нож за поясом — самое то! Будет чем Ратмира за спасение поблагодарить! Быстро развернулся к магу и сплюнул от досады. Никак сам помер?! Вон и хрипеть перестал. Проверим. Нагнулся к руке. Точно умер! Снять кольцо. Камни что в поясе были, тоже прибрать. Компенсация от этого уroda будет! Покосился на продолжавшего упорно ковылять в мою сторону колдуна. Может хоть этого прибить? Поудобнее обхватил рукоятку ножа, сделал шаг. Вскрик Путяты заставил оглянуться. Гигант пятился, зажимая рукой окровавленный бок. Невронд и Русин начали энергично наседать. К чёрту мага — ноги надо

делать, пока не поздно!

Выскочил на дорогу — пусто! Вот только бежать по ней опасно. Как бы на Невзора, что с моим камешком вперёд ушёл не нарваться. Вновь взвыл голос в голове!

«Ложись»!

Не раздумывая, упал на дорогу прямо в опротивевшее за последнее время салатное пятно. Над головой с гулом что-то пролетело, взъерошив волосы. Вот гад! Чуть полголовы не снёс! А били то из дома напротив. Значит, нет там монстров, коль маг в засаде сидит. Неужто, Матвей? Решившись, несусь туда. Скорей, пока он в себя от отката не пришёл. Вскокиваю через оконный проём, а не дверь. Темно, мрачно. Навстречу разворачивается какой-то толстяк. Бью сразу, не раздумывая, чувствуя, как лезвие вонзается в упругую плоть. Рывок и бью ещё раз. Толстый захныкав, ухватился руками за живот и, согнувшись, побрёл вглубь дома потеряв ко мне всякий интерес.

Ну и Лишний с ним. Он мне тоже не очень-то интересен! Отстал и ладно. Бегу по тёмному коридору, вбегаю в комнату с висящей на одной петлём дверью, выпрыгиваю через окно и вновь бегу по узенькой улочке, стремясь оказаться как можно дальше. В душе поднималось ликование.

У меня получилось! Я сбежал!

* * *

— Эх тебя угораздило то, внучок. — Албыч сочувственно закачал головой. — Ты зачем туда полез, дурашка? Разве ж можно в ловушки магические вот так, без оглядки сигать?

Вой не ответил. Лишь тело продолжало мелко трястись в такт беззвучному плачу.

— Вот ведь невежа, — пожаловался непонятно кому колдун, почесав бороду. — С ним по хорошему толкуешь, а он старику и ответить не хочет.

Жихарь слова старика пропустил мимо ушей. Не до воя было! Юноша, ошеломлённый моргая, присел возле Никонта, неверяще разглядывая отца-наставителя. Это кто же так его? Крови нет, а чёрная мантия буквально вдавлена в грудь. Словно гигантским молотом ударили! Так и костей то целых не осталось, наверное! Крошево одно.

— Мастер, посмотри, — позвал Жихарь Албыча. — Интересно чем это отца Никонта убили.

— Чем и так понятно, — небрежно отмахнулся Албыч. — Меня больше интересует, кто это сделал? Ратмир или наш змеёныш оперяться начал? Думал, внучок расскажет, а он вишь не хочет порадовать старика!

— А зачем мне тебе рассказывать? — буквально взвился юноша, затрепывавшись в невидимых силках. — Что, тоже вытащить пообещаешь, как отец Никонт? Так не верю я этому больше! Не под силу это никому!

— Отчего же не по силам-то? — озадачился Албыч. Колдун решительно шагнул в пелену и, встав рядом с воем, положив тому руку на плечо. — Тут и надо всего несколько шагов сделать. Делов то!

Вой тонюсенько взвизгнул от неожиданности, дёрнувшись всем телом и как то, сразу обмякнув, заскулил уже в голос.

— У меня от него мурашки по всему телу бегают, — присунувшись сбоку, шёпотом пожаловался Миха. — Аж жутко становится!

— Страшный старик, — Жихарь и сам был впечатлён той лёгкостью, с которой колдун добрался до пленённого воя. — Что с яром? — Развернулся он к воришке. — Нашёл что-нибудь?

— Мечом его знатно ткнули, — Миха вздохнул и, шмыгнув носом, огорчённо добавил: — А заодно и за поясом пошарили.

— О жреце тоже не забыли, — вздохнув, признал Жихарь. — Ладно. Пойдем посмотрим, что колдун с воем делать удумал.

— Эк тебя разобрало! — сочувственно похлопал, между тем, Албыч воя по плечу. — Тебя как кличут то, внучок?

— Тимоха я, — сквозь всхлипы, еле выдавил из себя юноша. — Я всё расскажу дедушка, только вытащи отсюда. Или хотя бы убей, спаси от смерти лютой!

— Ну, будь, по-твоему, — не стал спорить колдун. Старик крякнул и, поднатужившись, выволок Тимоху назад, к стоящим возле пелены Михе с Жихарем. Тот тут же осел на землю, трясаясь будто припадочный. Жихарю даже жалко его стало. Губы трясутся, в глазах ужас плещется, а на висках явственно седина проступать начала. Досталось вою, с этим не поспоришь!

— Чего встал, орясина? — сурово сдвинул брови Албыч, повернувшись к Михе. — Воды вою дай. И поживее! Не видишь разве? Сомлел он совсем!

Тимоха пил долго, захлёбываясь и проливая половину на землю. Наконец напившись, вернул баклажку Михе и, вытерев рукавом мокрый подборок, настороженно покосился на Албыча.

— Так кто говоришь, жреца так ловко ухайдакал? — не замедлил с вопросом колдун. — Неужто кун княжеский?

— Нет, дедушка. Его Вельд как-то убил. Сам не видел. Но судя по крикам, что опосля поднялись; точно он!

— Как я и думал, — удовлетворённо кивнул Албыч. — Слабоват Абашев для такого заклинания. Оно не каждому адепту земли по силам будет! А яра кто зарубил? Кто-то из воев Никонта?

— Не. Его как раз господине кун и убил.

— Быть того не может? — вскинулся Жихарь, презрительно сплюнув. — Чтоб ушлёпок яра на мечах одолел! Врёшь ты всё!

— А вот и одолел! — Тимоха настолько успел прийти в себя, что уже осмеливался спорить. — Он вправду схитрил как то во время сечи. Мне не видно как — спиной стоял. Не как видишь, яр Бакай тут лежит, а господине кун нет.

— И куда же он делся? — властным жестом Албыч остановил ринувшегося было спорить Жихаря.

— Так он... — Тимоха развернулся в сторону арки и тут же скис, на глазах побледнев: — Так вон он, кун княжий. У арки стоит.

Жихарь похолодев, обернулся и тут же отшатнулся, встретившись с бешеными налитыми кровью глазами Абашева.

Пётр отшатнулся от оконного проёма, бессильно оседая. Стоящим рядом Герхард заскрипел зубами от злости. Удар огневика цели не достиг. Проклятый недошлёпок, словно что-то почувствовав, за мгновение до этого дёрнулся и, бросившись вперёд, спасся. Лишь другие недошлёпки по земле покатались, магическим огнём полыхая.

Ну что же. Его черёд! Герхард скосил глаза на заполыхавшие руны и с облегчением выпустил заклинание.

«Длань Хунгара» этот выродок айхи точно не переживёт!

Маг злорадно оскалился и тут же скорчился на полу, застонав от жуткой боли. За окном гулко грохнуло.

— Как ты, мастер, — над Герхардом склонился Пётр.

— Не важно. Не сдохну и ладно! — с натугой прохрипел тот в ответ, вслушиваясь в раздавшийся звон оружия и громкие маты. — Другое худо. Выжил видимо этот змеёныш! Не знаю как — но выжил. Иначе бы Невронд в сечу не полез! К дому бы отступил. Пётр, — собрав в кулак все свои силы, Герхард схватил соратника за край одежды. — Сходи. Добей — если что. Иначе нам самим не жить!

Огневик, пошатываясь, ушёл. Герхарду оставалось беспомощно лежать, корчась от боли и вслушиваться в звуки боя снаружи.

А так всё хорошо складывалось поначалу! Око сущности позволило понять, что отряд Никонта затаился поблизости, понадеявшись на хитрость с камнем-близнецом. И это знание дало Герхарду возможность поменять охотников и дичь местами. План был прост. Раз провести задуманный ритуал с перевёртышем стало невозможно, то его нужно просто уничтожить. Нет Вельда, нет проблемы. Никонту с Ратмиром только в петлю лезть и останется! Тут главное, чтобы дома, возле которых тати затаились, пустыми оказались без тварей магических. Пробраться туда незаметно, без спешки заклинания подготовить и вдарить по выкормышу айхи со всей силой! И ведь получилось всё как задумали! Так почто это исчадие Лишнего ещё живо? Впрочем, надежда ещё есть! Не Невронд порубит, так может Ганиус успеха добьётся? Не зря он его в доме, напротив затаиться, заставил!

Наконец всё тихо. Боль к этому времени отпустила, вот только сил не прибавилось. Герхард лежал и просто ждал, когда за ним придут: либо помочь, либо наоборот, перерезать горло.

Неизвестность тяготила, поэтому звук шагов маг воспринял с облегчением. Пусть даже это будет враг. Всё лучше, чем пытка ожиданием!

Это был Невронд. Молча, присел рядом, достал баклажку, глотнул, напоил Герхарда, вновь глотнул сам и тяжело вздохнул

— Упустили, значит, — неожиданно для самого себя спокойно констатировал Герхард.

— Утёк, змеюка такая, — не стал отрицать Невронд. — Очухался, пока мы с Путятой ратились и утёк!

— А Ганиус?

— Добил я Ганиуса, — вздохнул Невронд, поморщившись. — Вельд ему брюхо вспорол.

— Ну и в бездну его, — не стал печалиться Герхард. — Перевёртыш один ушёл или с Ратмиром?

— Помер Ратмир, — губы Невронда искривились в неживой улыбке. — Совсем помер. Заклинания твоего не пережил. А вот Матвей ушёл. Двоих моих воев в самом начале сечи спалил и ушёл. И Путята утёк! Но не думаю, что далеко. Бок я ему знатно вспорол!

— Из наших кто остался?

— Русин и Пётр. Русину Путята лицо посёк. Благо самым кончиком зацепил. Пётр его сейчас лечит.

— Четверо значит, — тяжело вздохнул Герхард. — Ни камней, ни арбалетов, пораненные. Не задался поход. С самого начала не задался.

— Что делать будем, мастер?

— А что тут делать? Дальше пойдём. Раз Ратмир сгинул, засады больше ждать не стоит. Нам бы лишь до дворца дойти.

— А если даже и дойдём? Там Путята с Невзором, Матвей с камушками. Справимся ли? — усомнился Невронд.

— Не будет их там. Даже и не думай.

— Думаешь, не дойдут?

— Даже если и дойдут — не будет!

— Это как? — не понял десятник.

Маг задумался, стоит ли отвечать, но всё же решился. Знание было тайное, да только судьба так повернулась, что если и суждено ему или Невронду живым из проклятого города вернуться, то только кому-то одному. Выживет он, так Невронд те знания в могилу унесёт, а нет, то какая ему разница?

— В зал тронный можно только через приёмную попасть. Там выбор будет. Две двери. Одна в тронный зал ведёт, а вторая смертью лютой грозит. И каждый проситель гадает. Так вот. Единственный, кто может тех дверей не опасаться — это перевёртыш. В какую бы дверь он не зашёл, та в тронный зал и проведёт. Потому Никонт в перевёртыша так и вцепился. Без риску хотел во дворец попасть.

— Эва как! — впечатлился десятник. — Так значит и Путята с Матвеем так туда же попадут!

— А вот и не попадут! — развеселился Герхард. — Ты думаешь, почему мы Вельда у Никонта ещё в Виличе не забрали? Из-за заступы его? — маг презрительно усмехнулся. — Никонт нам своей затеей здорово подсобил! Не пришлось сторонних людишек нанимать! Дело в том, что будущий перевёртыш должен прийти во дворец сам, своею волей. А если кто его силком приведёт — добра не жди. Пробовали раньше. Хоть цепью к нему привяжись, в дверь входя. А только перевёртыш в тронный зал попадёт, а все остальные погибнут. Потому Никонт с людьми его, войдя в город, обречены были. Не пустит их в тронный зал привратник. Нипочём не пустит.

— А нас?

— А мы Вельда не неволили, потому выбор у нас есть! Придётся рискнуть. В одну дверь я с Русином зайду, в другую ты с Петром. Кто выживет, тот перевёртыша после ритуала и приберёт!

— Мастер, — в дом вошёл Русин, грубо толкая перед собой двух оборванцев. — Вот споймал татей на дороге!

Следом ввалился Пётр, виновато пряча от Герхарда, глаза.

— Ничего и не споймал, — возразил рослый юноша, упрямо тряхнув головой. — Мы сами вышли, как бой кончился. Не тати мы. Нам обманом в город этот проклятый привели.

Думали — раз сам отец—наставитель с нами, значит и поход этот жрецами одобренный!

— А почто тогда руку татей до последнего держали?! — грозно навис над недошлёпками Невронд. — Почто не сбежали, когда воровство их нечистое открылось?

— Дык куды бежать то, господине десятник? — захныкал второй недошлёпок, шмыгая носом. — Тут куда ни пойдти смертушка одна кругом! Страшно!

— Я вот глотки вам недомеркам сейчас вскрою — вот это будет страшно! — жвыкнул железом разъярившийся Русин.

— Подожди, вой, — Герхард, поморщившись, поднялся на ноги. — Живота этих недошлёпков лишить мы завсегда успеем. Они нам другую службу сослужат.

Пётр, поймав его взгляд, мрачно улыбнувшись, сел и начал стягивать сапог.

— Ещё один, — Ликон мазнул взглядом по небольшой кучке гладких, почерневших от времени костей, лежащих у входа в одно из многочисленных ответвлений очередного перекрёстка. — По всему видать давно лежит! Всё мясо с костей истлело!

— Сами вскоре недалече ляжем! — Остромир зачем-то поковырял кости сапогом и наступил на одну превращая в труху. — Недолго осталось!

Воздушник с трудом подавил рвущиеся в ответ резкие слова. Твинского мага он невзлюбил с первого взгляда. И виной тому была не только зависть к более успешному собрату по ремеслу, сумевшему, даже став ушлёпком, многого добиться в жизни. Этот недостаток Ликон ему ещё мог бы простить. Его бесило то высокомерие, с которым Остромир стал относиться к нему с самой первой встречи. Пренебрежение к пьянице-неудачнику сквозило буквально во всём: в словах и жестах, в снисходительном тоне и презрительных взглядах. Вот только не ко времени сейчас перебранка будет! Как бы и впрямь в этом Троими проклятом лабиринте навеки не остаться. А что? Очень даже запросто!

Лабиринт... Ликон с ненавистью посмотрел на опостылевшие за несколько часов стены. Каких только небылиц не сочинили за столетия про это страшное место; каких только ужасов не придумали; какими чудовищами не населили... Капризы Йоки! Мог ли он подумать, что когда-нибудь сам окажется здесь? Действительность, как обычно, оказалась более прозаичной, но от этого не менее суровой. Нет здесь никаких ловушек или чудовищ. Стены одни! Бесконечные километры стен, хищно стиснувших в своих объятиях узенькие улочки. Эти каменные тропинки беспорядочно петляли во все стороны, завязываясь в тугие узлы и тут же снова разбегаясь множеством боковых ответвлений, насмешливо приветствуя пленников стеной очередного тупика и терпеливо задувая в душе последние искорки надежды.

— Ты рано впадаешь в отчаяние, Остромир, — Вимс пожевал губами, неодобрительно посматривая на герцогского мага. — Выход отсюда есть. И мы его обязательно найдём! — старик раздражённо хлопнул рукой по гладким камням. — Чем мы хуже тех татей, что сумели отсюда спастись в прошлом?

— А сколько их спаслось? — непримиримо передёрнул плечами Остромир. — Судя по количеству скелетов; не шибко много!

— Так у них изначально надежды почти не было! — возразил Вимс, выразительно сплюнув на выложенную красным камнем дорогу под ногами. — Босым тут долго не пробегаешь.

Ликон зябко поёжился, тоже покосившись под ноги. Что да, то да. Это место само по себе гиблое, а босому тут совсем беда! Благо Вимс, сразу как они в лабиринт попали, всё доходчиво объяснил. Лабиринт был одним из творений Лишнего. И, по сути, служил последней инстанцией в правосудии Проклятых. Если вина татя была не доказана, но у творившего суд асура оставались сомнения в его невиновности, маг отдавал его судьбу в руки Лишнего. Идея была довольно проста. Маг открывал специальный портал и забрасывал несчастного в лабиринт. Найдёт выход — хорошо, нет за ним вины. А не найдёт... Вот только по традиции испытываемый забрасывался сюда голым. Ну, чтобы предстать перед оком Лишнего чистым как младенец. Оно бы и ничего. В лабиринте, по словам Вимса, холодно

никогда не бывает. Вот только камень под ногами. Ликон машинально потёр правой рукой об одежду. Да уж. С виду простой камень, а прикоснешься, будто в горный ручей руку сунешь. Аж пальцы сводит. Босым по такому много не побегаешь!

— Ну. Мы может и не босые, а только времени и у нас немного! — не пожелал сдаваться Остромир. Адепт воды, оставив злополучные кости в покое, скинул с плеч мешок и потянулся за баклажкой. — Мы почитай полдня уже здесь бродим, — маг сделал глубокий глоток и недовольно скривился: — А сколько ещё бродить будем — лишь Вопящие знают! — Остромир, поболтав баклажкой, прислушался, оценивая по плеску сколько осталось и продолжил: — А Вельд уже во дворце, поди. Коль до окончания ритуала не успеем, так можно и вовсе не спешить, — резюмировал он. — Чтобы сдохнуть, это место ничем не хуже других.

— Ну, так пошли дальше — коли время дорого! — решил пресечь затянувшуюся перепалку Ликон. — Стоя здесь, мы точно никуда не успеем!

— И куда на этот раз пойдём, Ликон? — Остромир буквально пробуравил спину воздушника взглядом. — В какую сторону свернём?! — махнул он рукой на веером расходящиеся дороги. — И куда придём? В очередной тупик?!

— А что ты предлагаешь? — анчал заводится Ликон.

— А я уже дачева предлагал! — рассерженной коброй зашипел в ответ адепт воды. — Камешек они пожалели! Что?! Шибко нам теперь этот камешек помогает?! Бродим теперь незнамо где! И конца-краю этому не видно!

— Да кто же знал, что у нас на дороге портал сюда окажется. Да ещё почти рядом со стеной! — разозлившись, сжал кулаки Ликон. — Мы даже сами не поняли, как сюда попали!

— Хватит вам лаяться, дети айхи! — Вимс, схватив спорщиков за локти, развернул их в сторону перекрёстка и громко произнёс: — Лучше посмотрите, кого нам Трое в помощь послали!

* * *

— Смотри, как стоит. Сколько гордости, спеси, высокомерия! — язвительно прокомментировал Албыч, насмешливо разглядывая статую древнего мага. — Ну как же! Владыка древнего мира, по своему могуществу почти равный богам! — перевёртыш ехидно захихикал. — Хунгар вполне доходчиво объяснил, насколько они заблуждались! Сгинули за кромкой вместе с Лишним своим!

Жихарь с тоской окинул взглядом пустое, мрачное несмотря на яркий свет подземелье, не смог зацепиться взглядом ни за что, хотя бы отдалённо напоминающее выход и почти с ненавистью уставился на разглаголивающего мага. Лучше бы до дворца дошёл, как обещал, чем на эту каменюку пялиться, да языком чесать! Всё равно его никто не слушает. Ну, разве что Тимоха. Юноша, усмехнувшись, покосился на молодого воя, почтительно застывшего рядом с колдуном. С тех пор, как Албыч его из пелены вытащил, Тимоха от своего спасителя и на шаг не отходит! Будто за короткую верёвочку привязанный. Даже позволил Албычу себя на другую сторону через пелену ту жуткую, опять провести, хоть и трясся при этом как припадочный на паперти храмовой.

Но с воя, что взять? По всему видать, головой тронулся от счастья, когда неожиданно от смерти лютой спасся. Остальные вон своими делами заняты, на разглагольствования колдуна внимания не обращая.

Миха, по своему обыкновению, сновал по залу, заглядывая в каждый угол. Хоть подземелье и пустое, но мало ли какую захоронку найти удастся? Ушлый воришка своего не упустит!

Абашев...

Жихарь оглянулся на стоящего у самого входа в зал княжеского мага и, встретившись с ним взглядом, тут же поспешно отвернулся, проклиная своё любопытство. И это он Албыча безумным считал?! Воистину всё в этом мире познаётся в сравнении! Он ещё там у арки почти физически ощутил на своей шкуре, всю ту ненависть и жажду убийства, что пылали в глазах окончательно спятившего мага. И как только Албыч с ним договориться сумел? Всё-таки колдун тоже сумасшедший! Подошёл безбоязненно к безумцу, долго шептался о чём-то. Вернее говорил один Албыч, а кун лишь молча стоял, продолжая буравить взглядом что-то видимое только ему. Жихарь даже засомневался, что Абашев слышит, что ему говорят. Поэтому присоединение куна к их отряду оказалось для Жихаря неприятной неожиданностью. А кто бы на его месте обрадовался, когда у тебя за спиной всё время бредёт безумный маг с глазами убийцы?

И зачем он колдуну понадобился? Жихарь поначалу надеялся, что Албыч просто схитрил. Ну, чтобы на драку со спятившим сил не тратить! Ан нет! И куна как и остальных, аккуратно сквозь завесу провёл — в ней не бросил!

— Значит так, — наконец-то налюбовавшись вдосталь, перешёл к делу колдун. — Статуя эта непростая! К ней в древности просители подходили. Подношения к её ногам несли, чтоб доступ во дворец Проклятого получить. Вот и нам також поступить надобно, — Албыч обвёл взглядом свой разношерстный отряд. — Каждый подходит к статуе, подносит в качестве подношения монету и выбирает, — старик на мгновенье задумался и решительно махнул рукой — ну скажем, тьму. Всё равно вы ничем не рискуете, коль в ту же дверь, вслед за мной войдёте, — решил уточнить он.

— А если я что-нибудь другое выберу, матер? — решил уточнить, прекратив своё броуновское движение Миха. — Тогда как?

— После того, как мы выберем одно из трёх наказаний; привратник откроет нам дверь на площадь трёх дворцов. На самом деле: дворец один, — хмыкнул Албыч. — Просто входа в него три. Для каждого выбравшего одно из трёх наказаний — свой. Ты можешь выбрать, что хочешь внучок, — задушевно улыбнулся колдун. — Но тогда и входить ты будешь через другие двери. Те, кто пойдут со мной — наверняка в тронный зал попадут. Там и встретимся, если тебе повезёт.

— Да нет! — Миха энергично затряс головой — Это я так. Спросил просто!

— Слишком много слов, старик. Время не ждёт.

Жихарь зябко поведя плечами, вновь покосился в сторону Абашева. Вот ведь! Всю дорогу молчал, а тут заговорить решил. Лучше бы и дальше помалкивал! Вроде и голос тихий, бесцветный какой-то, а жутью до самых костей пробрало. Нет. Зря колдун с ним связался! Видят Трое, зря!

— Времени у нас полно, кун, — На Албыча, судя по всему, слова мага тягостного впечатления не произвели. — Обряд с Вельдом — дело нескорое. Так что успеем. Будет у тебя возможность поквитаться, ежели твой кровник тоже туда добаться сможет.

— Доберётся. Он шустрый.

— Ну и ладно, — не став спорить с кун, Албыч направился к статуе. — Тогда приступим.

— Мастер, — высунулся из-за плеча Жихаря Миха. — А у меня это... Монетки нет.

— Ну, значит, тебе не повезло.

Даже не оглянувшись, Албыч встал прямо перед статуей. Все замерли, буравя взглядами спину колдуна. Жихарь даже голову в плечи втянул на всякий случай, ожидая чего-то этакого! Как оказалось, зря ожидал.

— Что? Не работает? — спина Албыча вздрогнула, словно слова Абашева укололи его не хуже скорняцкого шила. — Похоже, наш общий друг, рассказывая о своих похождениях, кое-что утаил не только от меня?

— Твоя правда, кун, — легко согласился колдун, разворачиваясь. — О смерти привратника он умолчал. Боюсь, что проход на гору нам придётся открывать самим.

— Мы думаем об одном и том же, старик? — от слов Святозара повеяло запредельным холодом.

Жихарь, судорожно взглотив, попятился в сторону, чувствуя, как мгновенно наэлектризовался воздух, между замершими друг против друга магами.

Первым сделал свой ход Абашев. Видимо предвидя подобный исход, кун подготовил своё заклинание заранее, пользуясь тем, что находился у всех за спиной. Святозар взмахнул руками и резко свёл их вместе. Миг, и вот уже он сжимает между ладоней бешено вращающийся водяной шар. Толчок в сторону перевёртыша, ещё один взмах руки и тысяча голубых капелек, на которые распался шар, прямо в полёте превращаются в острые кусочки льда. Жихарь горным козлом скакнул ещё дальше, в сторону, чувствуя, как мимо проносится неотвратимая смерть.

Албыч никуда прыгать не стал. Резко присев, колдун стукнул ладонью по каменной плите и будто пыль из ковра выбил! Перед глазами Жихаря всё поплыло, утрачивая чёткость. Воздух уплотнился, став вязким словно липовый мёд. И почти таким же липким. Льдинки вязли в нём словно мошка в миске с киселём, образовав в метре от Албыча ледяное облако. Ещё взмах руки и на Жихаря дохнуло нестерпимым жаром, словно рядом у кузнечного горна заслонку приоткрыли. Албыч поднялся, и льдинки пролились каплями дождя у его ног.

— Чего смотришь, вражина? — тяжело дыша, Абашев опёрся рукой о стену, изо всех сил стараясь не упасть. — Твой верх. Так и бей — не тяни!

— Э нет! — Албыч заметно побледнел, но на ногах держался твёрдо. — Зачем мне на тебя ещё силы тратить? Ты же сейчас до доньшка выложился, кун! — Колдун не спеша достал из-за пояса нож и двинулся к Святозару. — Да и кровь живого большую силу имеет, чем мёртвого. Мне оно так сподручней будет.

Жихарь, покосившись в сторону бледного как снег Мухи, отвернулся. По ушам, разрывая ненадолго наступившую тишину, ударил истошный вопль.

* * *

Шли медленно. Оно и понятно. Русин и Невронд, от ран страдая, на одном упрямстве

ноги передвигали, а Герхарда, так до конца и не пришедшего в себя после заклинания, Пётр почти волоком тащил. Око сущности и то отдать пришлось! Тут уж не до спешки! Впрочем, из-за медленной скорости их инвалидной команды Герхард не сильно переживал. На проведение ритуала много времени требуется. Так что если суждено им дойти до алтаря Лишнего, то до окончания церемонии точно успеют. Тут главное дойти! А вот с этим проблемы! Кристаллов нет, людишки по дороге сюда полегли, а те, что живы остались в ближайшее время не бойцы. Их сейчас любая встретившаяся тварь в один присест играючи схочмячит.

— Когда же конец этой дороги будет? Где же развилка? — прервал размышления мага Невронд. — Этаким манером, мы ни в жизнь до дворца этого, будь он неладен, не добредём!

— Это если вообще добредём, — тяжело пропыхтел Пётр, со свистом вдыхая воздух. Герхард чувствовал, что его сподвижник держится из последних сил. Огневик и сам от отката ещё не отошёл. А тут такая обуза. Старался как-то ему помочь, поменьше виснуть на плечах, но пока получалось плохо. — Дорога безопасней не стала. Скорей уж наоборот. Раз этого прихвостня Лишнего поблизости нет, все здешние твари намного злее сделаются.

Герхард мысленно с ним согласился, теряясь в догадках. Когда немного придя в себя после боя, он решил посмотреть, куда сбежал перевёртыш, то не нашёл его. Даже сам себе поначалу не поверил! Убрал руки с Ока, зачем-то протёр их грязной тряпкой, вновь ухватился за камень и, через мгновение чертыхаясь, отбросил, задавшись вопросом: не сошёл ли он с ума? Будущий адепт Лишнего пропал, растворился, исчез, словно недошлёпок именуемый Вельдом и не входил этим утром в проклятый город. Во всяком случае, Око сущности от которого он, и за тридцать вёрст находясь, спрятаться бы не смог, было холодно и пусто.

— Если твари впереди или нет: у нас выхода другого нет, как до дворца дойти попытаться, — Герхард встряхнул головой, гоня прочь сомнения. — Куда бы этот гадёныш не запропастился, коли жив, всё равно к алтарю придёт — никуда не денется!

— А ежели он прочь из города кинется? — усомнился Пётр. — Смог же в первый раз, зов алтаря преодолев, отсюда в Вилич уйти. А вдруг и во второй раз сможет?

— Ежели и кинется, далече не уйдёт, — зловеще ухмыльнулся Невронд. — Угрим, поди, все выходы отсюда перекрыл. Недаром воев со всего княжества стянул.

— Сколько бы ни стянул, а весь город наглухо не перекроешь. Чай не деревня, — обернулся, шедший чуть впереди Русин. — Бывалый человек завсегда брешь найдёт.

— Вот для того я весточку отцу Яхиму с недошлёпками и послал, — согласился с воем Герхард. — Отписал, что Вельда мы потеряли, и он может из города в бега податься. Дойдёт та весточка до радетеля — хорошо; нас, конечно, всё равно не простят, но хоть семьи не тронут, а сгинут недошлёпки те, ну и Лишний с ними — нам хуже уже не будет.

— Перекрёсток впереди, мастер, — резко остановившись, прервал завязавшуюся дискуссию Русин.

Лежащий впереди перекрёсток Герхарду сразу не понравился. Очень уж близко к дороге каменные глыбы прилегали, совершенно закрывая обзор. Что там за поворотом, только Вопящие знают. За такими завалами целый отряд затаится, может. И не углядишь!

— Может Русина вперёд пустим, мастер? — пришёл видимо к такому же выводу Невронд. — Пусть разведает.

— А смысл? — скривился адепт воды. — Нам всё равно иного пути нет. Мы либо тут пройдем, либо сдохнем. Так зачем силы делить? Уж лучше вместе навалиться, коли там

вражина какой затаился.

Невронд поморщился, но спорить не стал. Лишь Русину выразительно головой кивнул. Тот, вскинув арбалет, занял место с другой стороны от магов. Молча, тронулись, настороженно глядя в нагромождение камней. Герхард напрягся, отчаянно молясь Троице о том, чтобы всё обошлось. Не в том они сейчас состоянии, чтобы выдержать хорошую стычку.

Не обошлось. В воздухе противно просвистело, и Пётр сдавленно охнул, заваливаясь вбок. Герхард попытался удержать ускользающую из-под него опору, не смог и рухнул рядом, придавливая огневику своим телом. Над головой гулко щёлкнул арбалет Русина, хрипло взревел Невронд, бросившись вперёд. Вспотев от усилий, Герхард приподнялся, сполз с Петра, развернул его к себе. Долго глядел в закатившиеся глаза, давя неожиданно набежавшие слёзы. Именно сейчас к Герхарду пришла необъяснимая уверенность, что он тоже скоро умрёт, что ему не выбраться из этой ловушки. Как бы он не трепыхался, чтобы не делал: конец один — смерть. Вот только сдаваться адепт воды не собирался.

Превозмогая сильную слабость, Герхард заставил себя подняться и медленно побрёл вперёд, к уже такому недалёкому повороту. Шум схватки стих, а значит, так или иначе, там всё кончено. Вот он сейчас и узнает, как.

За поворотом выросла гора. Теряясь вершиной в плотной завесе тёмно — бронзовых облаков, она мрачно нависала над головой, намертво перегораживая проход. Отвесная, непреодолимая преграда; если бы не ступени, вырубленные прямо в камне, как раз напротив дороги. Возле нижней ступени, прислонившись к ней спиной, сидел Путята. Остекленевшие глаза, воткнутый по самую рукоять в горло нож, залитая кровью одежда. Рядом Русин, сосредоточенно шарящий за поясом. Герхард покосился налево и нашёл глазами Невронда. Десятник стоял у самой обочины и не выпуска из рук окровавленный меч, мрачно взирал на каменную лестницу.

— Путята, значит, — маг подошёл к застывшему десятнику, и устало плюхнулся прямо на камни. — А остальные где? Матвей? Невзор?

Невронд покосился вниз и, снисходя к измождённому магу, опустился рядом на корточки.

— Один он был, мастер. Остальные видать наверх полезли. А ему вишь, не под силу было. Всё же хорошо я его в прошлую схватку зацепил. Вот и остался тут нас дожидаться. Пётр как?

— Мёртв.

Помолчали.

— Нет ничего! — обернулся между тем Русин. — Даже запасного болта к арбалету не оставили. Всё с собой унесли!

— А ты что хотел? — хмыкнул в ответ Невронд. — Он же умирать остался. Зачем ему что-то из вещей оставлять? Ты лучше скажи, что это за гора такая, мастер? — повернулся он к Герхарду. — И почто его дружки туда карабкаться удумали?

— В каждом проклятом городе есть своя гора, — тяжело вздохнув, проинформировал маг. — Та, на которой живёт асур.

— Значит и нам туда лезть? — с сомнением задрал голову десятник. — Высоко.

— Тяжко придётся, — мрачно заметил Русин. — Ступени то выше колен каждая! Неужто проклятые великанами были?

— Не выше тебя они были, Русин, — усмехнулся в ответ Герхард.

— А как же они тут поднимались?

— А никак, — отрезал маг. — Древние маги этой лестницей и не пользовались никогда.

Они во дворец либо через порталы попадали, либо по лепесткам ветра поднимались. А лестница эта для простого люда строилась. Чтоб значит, пока наверх лезли, о ничтожестве своём не забывали.

— Полезем, значит? — Невронд с сомнением посмотрел наверх, оглаживая бороду.

— Полезем, — с тяжким вздохом подтвердил маг. — Вот только это будет нелегко.

* * *

Я ошарашено огляделся. Не понял. Только что по дороге бежал, от возможной погони удирая и вдруг раз, в глазах на мгновение помутилось, и я уже здесь стою. Понять бы ещё теперь, где это «Здесь» находится. Две стены, уходящие ввысь на десятки метров и я между ними. Просвет между стенами узкий. И двух метров не будет. Запросто руками до обеих дотянуться можно. Я зябко поёжился. Стены ощутимо давили, нависая над головой. Подспудно рос страх, что они в любой момент начнут сдвигаться, наподобие тисков, А что. Я в этом поганом городе уже ничему не удивлюсь.

Провёл ладонью по стене. Гладкая какая. Будто камень полировали. И швов не видно совсем. Строители пирамид удавились бы от зависти! Ладно.

Я тяжело вздохнул, тряхнув головой. Здесь я ничего не выстою. Наверх тут даже альпинисту с полным снаряжением не подняться, значит нужно идти вперёд. А где тут кстати вперёд? Я посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую и, пожав плечами, повернул налево. Хватит. Я один раз уже направо сходил! Еле ноги унёс!

Монотонность путешествия быстро приелась. Дорога петляла испуганным зайцем, путающим свои следы от настигающей погони, закручивалась в разные стороны, сплеталась с десятком других, и вновь разбегалась каменными ручейками. Прямо лабиринт какой-то! Знать бы ещё, зачем его построили, и какая зараза меня в него запихнула. Пару раз попадались скелеты. Но останки явно лежали тут не одну сотню лет и особого впечатления не произвели. Я тут такого за последнее время насмотрелся, что старыми костяками меня уже точно не удивишь!

Сама же дорога была до отвращения гладкой, ни соринки тебе под ногами, ни пятнышка, ни кустика или травки. Мёртвый мир, какой-то. Неприветливый.

Подойдя к очередной развилке, я остановился в раздумье. Так можно до бесконечности тут бродить. Вернее пока силы не иссякнут. Ещё вопрос насколько этот лабиринт огромный. Вдруг на тысячу миль тянется? Надо как-то дорогу отмечать что ли. Путь безлик и однотипен. Запросто могу по одному и тому же месту два раза пройти и даже не заметить. Только чем? Мешок у меня покойный Ратмир отобрал, за поясом только пара камней. Может ножом попробовать?

Нож скользнул по камню, будто карандаш по алмазу. Ни царапинки не оставил. Я попробовал поднажать. Тот же результат. Может под ногами попробовать? Встав на колени, потянулся ножом к дороге, уперевшись в неё рукой. И тут же руку отдернул. Она что

ледяная? Аж пальцы свело! И не подумаешь даже. Так—то вроде вполне комфортная температура. Потерев пальцы между собой, я вновь наклонился, теперь уже избегая, касаться камня под ногами голой частью тела и вновь провёл ножом. Ясно. О метках можно забыть. Печально, но придётся и дальше брести наугад.

Вхожу в перекрёсток. В очередной раз поворачиваю налево.

— Лучше посмотрите, кого нам Трое в помощь послали!

Я развернулся на голос, покрепче ухватившись за нож и, встретился глазами с Ликоном. Мой бывший учитель хищно скалился, показывая неровные почерневшие зубы, что видимо в его понимании, изображало радость от встречи. Рядом, словно для контраста с грязной ободранной фигурой воздушника, стоял довольно молодой маг в богатой шубе и золотыми перстнями на пальцах. Высокомерная осанка, брезгливо скошенные губы, презрительный взгляд. По всему видать непростой ушлёпок. Абашев и то на его фоне пожиже смотрится. Но больше всего меня насторожил третий член этого комитета по встрече Вельда в лабиринте. Из-за спины Ликона, ласково улыбаясь, вышел Вимс. Ну, вот и встретились... Кто не спрятался, тот не виноват.

— Да будет с тобой благословение Троиц, учитель, — постарался я вложить в свои слова как можно больше радости. — Безумно рад тебя видеть, мастер!

Решение присоединиться к трём магам я принял мгновенно. А что? Сплошные плюсы. Во-первых, выведут меня отсюда. А то в то, что я самостоятельности выбраться смогу всё большие сомнения появляться стали. Во-вторых, с этой троицей до дворца добраться шансов намного больше будет. Наверняка у них ещё и камешки, прихваченные с собой, имеются. Особенно у того, в шубе. Опять же во дворце, на первых порах их можно Путяте или вершителям противопоставить. Чем больше они друг друга поубивают, тем лучше. Да и Ликон с его противоядием под рукой будет. А то бегай, ищи его потом! Вязать они меня пока не будут. На доверии сыграть постараются. Зачем бычка тащить на своём хребте и присматривать за ним, когда он сам радостно за тобой следом бежит? Вот я к ним этим доверием сейчас и проникнусь!

— Как ты оказался в лабиринте? — Ликон подойдя ко мне, отечески приобнял. — И зачем сбежал от Никонта?

— Нету больше Никонта, — скорчил я расстроенную рожицу. — Ратмир убил.

— Ратмир? — вскинулся, подходя Вимс. — Зачем бы ему?

— А я знаю? — пожал я плечами. — Как от стены подальше отошли, так сразу и убил. А потом он и Матвей с Путятой и его воями в сече схлестнулись. Ну, я и сбежал, пока они промеж себя ратились.

— А сюда как попал? — не отставал Вимс.

— Тоже не знаю, — шмыгнул я носом. — Бежал без оглядки по дороге. Так страшно было! Тут раз; и я здесь. Думал так и сгину в лабиринте этом. А тут вы! Повезло мне!

— Да нет. Это нам повезло! — в голосе Вимса было столько доброты и сердечности, что меня бросило в дрожь. Рука сама потянулась к кошелю.

А что. Я теперь не настолько беспомощен, как думает эта сволочь! Два кристалла, наследство покойного Ратмира, приятно оттягивали пояс, наполняя сердце уверенностью. И дело было даже не столько в том, что артефакты, прихваченные с собой наперсником отца Виниуса, сами по себе были довольно мощны. Главное, что неожиданно для себя, я смог познать суть этих камней!

Как уже говорилось, кристаллы или как их называют в простонародье — мажеские

камни, в применении были очень просты. Их даже деревенский дурачок, так и не осиливший грамоту, запросто активировать мог. Достаточно было кристалл сжать в кулак и пожелать, чтобы заклинание, заключённое в нём сработало. Ну, ещё той же рукой направление указать, если заклинание атакующее.

Но тут есть, одно, но... Ты должен знать, какое именно заклинание заключено в камне. Мысленный приказ должен быть не абстрактным, типа «активируйся», а конкретным. То есть, если у тебя, к примеру, в руках светоч, нужно пожелать чтобы он засветил и ни как иначе. К другим мысленным приказам камень окажется глух. И так каждый раз. Не зная, что за заклинание заключено в камне, активировать его не получится. И даже если ты угадаешь, что у тебя в руках светоч — толку не будет. Нужно знать наверняка. Вот тут и выходили на передний план маги. Ведь только они могли узнать, что за камень принёс ему очередной клиент. Заклинание несложное и самому захудалому бурдюку вполне доступное. Вот только обучить нас ему Ликон не удосужился. Хотя чему он вообще нас научил, кроме умения копить энергию и делиться ей? Да уж. Этот пьяница далеко не Ушинский и даже не Макаренко! Да что там говорить, он даже на звание заслуженного учителя ухрюпинского района не тянет!

Поэтому можно понять мою радость, когда я, рассматривая свои трофеи, неожиданно понял, что знаю, что за заклинания в них заключены. Без всяких магических манипуляций с моей стороны. Просто знаю и всё тут! Так что чем поприветствовать Вимса у меня было. Вот только кто же свой главный козырь в середине игры на стол выкладывает?

— О чём ты, мастер Вимс? — собрав волю в кулак, я оставил кошель в покое. — Вам-то я чем смогу здесь помочь?

— Так ты нас отсюда выведешь! — улыбка Вимса стала ещё шире. — Наружу. Прямо к лепесткам!

— Это как? — выпал в осадок я. — Я тут уже прилично брожу.

— Скажи. Ты хоть раз забредал здесь в тупик? — навис надо мной с другой стороны Ликон.

— Нет.

— А мы, так постоянно! — влез в разговор щёголь. И кивнул мне при этом этак снисходительно, будто великое одолжение сделал.

— Ты не плутаешь, Вельд, — проникновенно подытожил Вимс. — Ты всё время выбираешь правильное направление. Просто ты ещё не дошёл.

* * *

— Так я и думал, — Албыч пройдя сквозь массивные, отделанные потускневшей позолотой двери, скептически огляделся. — Нет здесь привратника. Когда я в прошлый раз к своей сфере шёл, он сразу, стоило во дворец зайти, объявился, — решил он зачем то пояснить свои слова Жихарю. — Тварь проклятая! — колдун с неожиданной злостью сплюнул под ноги. — Я тогда многого не знал. Думал и взаправду между жизнью и смертью лютой выбираю. Там и сесть начал. У дверей тех проклятых стоя. А эта тварь ещё и подгонять удумала!

Жихарь скорчил сочувственную рожу, мысленно покривившись. До переживаний колдуна ему не было никакого дела. Со своими бы разобраться! Перед внутренним взором юноши по-прежнему стояли глаза княжьего куна. И дело тут было не в жалости к незадачливому магу. Сдох? Ну, и Лишний с ним! В конце концов, он Жихарю сразу не понравился. Тут другое. Ему всё больше не нравилась та лихость, с которой шёл по трупам к своей цели Албыч. Сначала ватагой пожертвовал, заморочив голову Курьяну и затащив его сотоварищей в западню; затем, не колеблясь, Карпу горло вскрыл; теперь вот с лёгкой душой полоумного ушлёпка в жертву принёс. Что дальше будет? Вернее, кто следующий? Он, Миха или оба сразу? Жихарь повертел головой в поисках сотоварища и сокрушённо вздохнул. Вот неугомонный! Пока они с Албычем оглядывались, воришка уже сноровисто лавировал между кучами, высматривая; нельзя ли чем поживиться. Да уж. Похоже он и на смертном ложе, по кровати руками шарить будет.

— А где же те двери, мастер... — Тимоха, давно уже превратившийся в тень колдуна запнулся, подыскивая слова. — Ну, через которые ты нас провести хотел.

— Не надо уже теперь никуда вас проводить! — раздражённо отмахнулся от него старый маг. — Говорю же: привратник мёртв. Вон видишь двери в другом конце зала открытые? Через них мы аккуратно в тронный зал и попадём.

— Так что в том плохого, дедушка? — не понял Жихарь, сквозившего в словах колдуна раздражения. — Без риску до цели дойдём.

— А что хорошего? — Жихарь поёжился под злым взглядом, уже жалея, что встрял со своим вопросом. — Вас бы я и так без всякого риска провёл. Зато из вершителей, коль дойдут, тут бы половина и осталась. А Ратмир с людишками так и все бы полегли! А теперь тут всем дорога торная. Возись потом с ними у алтаря!

Албыч зло выругался и в сопровождении Тимохи решительно направился к входу в тронный зал, хлёстко бросив при этом в сторону Михи.

— Ты тут броди, да оглядывайся. Может и вправду, что дельное найдёшь, а может и сгинешь ни за грош медный.

Тронный зал встретил их точно такой же разрухой, что и прихожая. Горы мусора из камня и мрамора, поваленные колонны, обсыпавшаяся со стен штукатурка. Но вниманием Жихаря сразу завладел величественный трон, парящий прямо в воздухе.

— Ух, ты! — восхищённо выдохнул рядом Миха. — Здоровый какой! А он золотой, дедушка?

— Золотой. — Албыч внимательно оглядел зал и, видимо, не обнаружив ничего опасного, направился в сторону трона. — Только если ты к тому трону хотя бы притронешься, а тебе лично обе руки вырву. Если, конечно, к тому времени останется, что вырывать!

Сам Албыча тронном не заинтересовался. Целью колдуна был квадратный провал под ним. (Небольшой обложенный по краям мраморной плиткой колодец метра в два в поперечнике). Жихарь осторожно подошёл к нему и, стараясь держаться как можно дальше от края, заглянул. Каменные стены уходили отвесно вниз, теряясь в сгущающемся мраке. Глубоко наверно. Как бы проверить?

Жихарь подобрал под ногами небольшой камень и, покосившись в сторону колдуна (кто этого старого хрыча знает — вдруг нельзя), бросил камень в провал. Долго вслушивался, но так ничего и, не услышав, озадаченно почесал голову.

— Похоже до дна далеко, мастер. Тут никакой верёвки не хватит!

— А нам верёвка и не нужна, — насмешливо скривил губы колдун. — Иль ты думаешь, что асуры каждый день на верёвках помолиться в храм спускались? Не, — покачал он головой. — У них всё посерьезней было устроено.

— А как, дедушка? — сунулся было к Албычу Миха.

— А вот так, внучок.

Колдун быстрым, еле уловимым для глаза движением схватил воришку за шиворот и рывком толкнул в провал. Дико вопя, Миха рухнул вниз метра на три. Затем падение резко замедлилось.

— Вишь. Работает! А я было засомневался! — несказанно обрадовался Албыч. — Умели древние колдовать! На диво хорошо умели!

Старик, склонив голову, прислушался к всё удаляющемуся хныканью Михи и, подобрав полы своего плаща, решительно сиганул следом.

Жихарь покосился на застывшего в нерешительности Тимоху. Если бежать, то сейчас. Лучшей возможности просто не будет. Тимоха не боец, хоть и княжий вой. Да и не кинется он за ним, если Жихарь сейчас прочь со всех ног рванёт. От колдуна отстать побоится. Вот только потом куда идти? Только безумец может надеяться выбраться из самого центра проклятого города в одиночку.

— Прыгайте или оставайтесь. Мне всё равно, — голос Албыча прозвучал нечётко, всё больше затухая на каждом слове.

Сдавленно пискнув и втянув голову в плечи, в провал сиганул Тимоха. Жихарь ещё немного поколебался, с тоской обвёл взглядом полуразрушенный зал, словно надеясь на чудо и пробормотав грязное ругательство, прыгнул за ним вслед.

* * *

— Ты гляди-ка, не соврал! — удовлетворённо хмыкнул Вимс, заглядывая в тронный зал сквозь дверной проём. — Привратник и впрямь мёртв. Иначе бы так просто мы сюда не попали.

Я криво улыбнулся, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. Тогда в подземелье я Ликону о том, как мы с Толиком привратника уничтожили, рассказал. А что? Про айхи он и так знал. А поэтому и выдумывать, как я умудрился уничтожить Лога, не нужно было. Зато теперь явная польза. Никто, как Никонт недавно, на меня не орёт и пытками не грозит. Наоборот. Ликон своей лапищей по плечу похлопал. И даже одобряюще оскалиться, соизволил. Молодец мол! Оправдал!

Покосившись на застывшего в характерной позе Остромира, я первым вошёл в зал. Мне-то чего бояться? Я тут, как та священная корова. Меня все до поры холить и лелеять будут. Если и есть засада, не тронут. Поэтому наоборот, лучше от своих спутников подальше отойти. Если что, бить будут по ним, а прилететь может и мне. Я Вимса с Ликоном, конечно, «люблю», но прикрывать их своим телом как-то не готов.

— Нет тут никого, — выдохнул мне в спину адепт воды, шумно переводя дух. — Из живых, по крайней мере.

— Вот и ладненько, — довольно крикнул Вимс. — А неживых и подавно нет. Если бы

ещё кто-то из прислуги асура во дворце уцелел, айхи бы и их извёл, как привратника, — пояснил маг поучительным тоном. — Такая уж пакостная тварь!

— Что встал, Вельд? — положил мне руку на плечо Ликон. — На вход к алтарю пялишься? — воздушник иронично хмыкнул. — Небось, гадаешь, как такую дыру под тронем асуровом разглядеть не умудрился?

— Может тоже айхи напакостил? — покосился я в его сторону.

— Это вряд ли! — язвительно заметил Вимс, проходя мимо. — Какой маг в здравом уме этой пакости власть над входом в храм даст?

Подожли к трону. Я заглянул в пугающий своей чернотой зев колодца и покосился на магов.

Надеюсь, у них есть план, как туда спуститься?

— Слезить бы, — Ликон задрал голову, посмотрел на нависающий над головой трон. — Силы мало не бывает!

— А не боязно? — хмыкнул я. — На нём же проклятие висит?

— Висело! — оскалился в ответ воздушник. — А теперь оно висит на тебе! Проклятый давно за кромкой. Заклятье снова энергией напитать некому.

— Потом, — отмахнулся между тем Вимс. — Никуда этот трон не денется. Обряд проведём и вернёмся.

— А что за обряд? — скорчил я заинтересованную рожу.

— Могущества у Лишнего попросим, — лучезарно улыбнулся мне Вимс. — За тем и шли.

— Не переживай, Вельд! — приобнял меня сзади за плечи Ликон. — На твою долю тоже перепадёт!

Угу. Перепадёт.... Столько перепадёт, что и не унесёшь!

— Ладно, — махнул рукой Вимс. — Неча время терять. Я первый прыгаю. А вы уж следом.

Старый маг шагнул к колодцу и тут же упёрся в Остромира.

— Ты забыл наш уговор, мастер, — глаза адепта воды лучились от ярости. — Первым к алтарю мёртвого бога спускаюсь я!

— Там нас могут ждать, — набычился в ответ Вимс. — Будет лучше, если я...

— Не будет! — не дал договорить старику Остромир. — Я там любого в мелкий порошок сотру, — жёстко добавил он, сжав в кулаке один из камней.

Несколько мгновений маги мерялись гневными взглядами. Я осторожно потянулся за своими камнями. Если схватятся, то это мой шанс. Ударить по Ликону, а потом добить выжившего из этих двоих.

Не схватились... Вимс раздражённо дёрнув головой, махнул рукой в сторону колодца.

— Иди. Я договоры блюду!

Остромир скептически улыбнулся, показывая, насколько доверяет последним словам старого мага и, не сводя в него взгляда, прыгнул в провал. Я сдавленно охнул, подспудно ожидая, что маг грохнется камнем вниз. Но Остромир, резко рухнув вниз, затем завис в воздухе и дальше начал спускаться плавно, словно шарик, сброшенный с балкона.

— Давай следом, — проводив насмешливым взглядом Остромира, Вимс развернулся к Ликону. — И камешки его прибрать не забудь.

— Ничё! Чай не пропадут!

Задорно гоготнув, воздушник прыгнул в колодец.

Так. Похоже, Остромира мы потеряли! Я восхищённо покосился на Вимса. Вот веде лицедей!

Как он нежелание адепта воды вперёд пропускать разыграл! Сам Станиславский бы зааплодировал!

— Чего встал? Прыгай, давай!

Усилим воли, загнав рвущийся изнутри страх, куда-то на задние задворки сознания, я решительно пригнул в пустоту. И уже зависнув, сунул руку в кошель. Пришло время действовать.

* * *

— Ну и где оно?! — Остромира просто трясло от ярости. — Это благословение Стёртого, что ты мне обещал?! Опять хитришь, Вимс?!

Я посмотрел на вытянувшиеся, слегка растерянные физиономии Ликона и Вимса и ехидно ухмыльнулся. Что-то не срослось у поделщиков в отношении адепта воды. Не знаю, что за гадость они ему готовили, но определённо не срослось! Оно и к лучшему. Любая проблема для них, мне во благо. Тем более, что в главных своих надеждах я обманулся.

Нет тут никого. Ни вершителей, ни Матвея, ни Абашева. А значит, и на схватку между ними надеяться не приходится. Всё сам. Теперь только сам. Нет. Вначале Вимс, очень напрягся. Рывкнул Остромиру, что здесь засада должна быть, с камушком одним какие-то манипуляции проделывал. Только зря всё. Ничего он не обнаружил.

Я пока Вимс занимался своими манипуляциями, успел оглядеться. Храм Лишнего меня совсем не впечатлил. Небольшое круглое помещение в полусотню шагов в диаметре, с низким буквально давящим на голову потолком из белого мрамора. Этим же мрамором были покрыты и пол, стены, колонны жмущиеся к ним. И всё. Если не считать небольшое возвышение в центре храма с одинокой бронзовой треногой увенчанной хрустальным шаром. Это что и есть легендарная сфера, вокруг которой утроили дикие пляски сильные мира сего?

Ну да ладно. Мне о другом думать нужно. Раз помощи ждать не приходится, придётся биться самому. Не ложиться же, в самом деле, добровольно на этот алтарь? Камешки я уже незаметно вытащил и сжал в кулаках. В этой схватке у меня всего два козыря. Внезапность и то, что им меня убивать ни в коем случае нельзя. Они меня будут беречь, а вот я их нет. Ну что же, начнём, пожалуй, с первого козыря.

Я, вскинув вперёд правую руку, выпускаю в Вимса «Багровую грозу». В воздухе сверкнула яркая молния и с оглушительным грохотом врезалась в спину старого мага. Вопли, дым, запах жареной плоти. Нечестно? Зато действительно! Со старым магом покончено! Я с самого начала решил с него начать. Ибо самого опасного врага нужно уничтожить первым. Сразу же привожу в действие второй камень. Тело тут же налилось невообразимой лёгкостью. В голову ударил хмельной восторг. С непостижимой для себя скоростью разворачиваюсь к Остромиру. Успеваю поймать его взгляд, в котором удивление и растерянность постепенно сменяются пониманием и ужасом. Рука мага потянулась к поясу. Слишком медленно! Миг, и я по самую рукоять вгоняю ему в грудь нож. Что не ожидал? Наверняка от магии защитными амулетами увешан по самую маковку. А против доброго

железа амулетов пока ещё не придумали. Железо оно честнее будет!

Выдёргиваю нож и разворачиваюсь в сторону Ликона. Как раз вовремя, чтобы встретить летящую прямо в лицо клубящуюся тьму.

* * *

Я ничто. Всего лишь абстрактная точка, затерявшаяся в великой пустоте. Нет ни тела, ни души. Ничего нет. Лишь невнятный навязчивый шёпот, давящий на сознание. Шёпот, который заключал в себе весь мир. Он приносил с собой боль и дарил успокоение, обжигал и навевал холод, приводил в отчаяние и дарил надежду. Шёпот был мной. Шёпот был со мной. А я должен был стать им.

Сознание начало меркнуть, становясь каким-то нечётким, расплывчатым. Мысли всё больше путались, блекли, обрывались на полутонах. Непреодолимой волной накатило безразличие, сминая остатки воли.

— Не нужно сопротивляться. И всё будет хорошо.

Тихий бесстрастный голос, в который трансформировался шёпот, обволакивал сознание, словно мягкой ватой. Он завораживал, лишая воли, манил, навевая соблазны, убаюкивал. Но он же и позволил мне осознать себя, понять, что со мной происходит.

Я стал сопротивляться. Сначала робко, нерешительно, прощупывая границы чужой воли, потом всё яростнее и исступлённее.

На мгновение шёпот отступил, словно не ожидая полученного отпора. А затем навалился снова непреодолимой, всё сокрушающей силой. Время уговоров прошло...

Шёпот зазвучал в моём сознании громко в полный голос, терзая разум невыносимой пыткой. Чужая непреодолимая сила буквально втоптала моё «Я» в ничто, не давая возможности даже вздохнуть.

— Смирись. Ты всё равно будешь мой, — голос был всё так же беспристрастен и равнодушен. Он не угрожал. Он лишь констатировал факт.

Ментальное давление ещё больше усилилось, сминая моё самосознание в пыль и растворяя его в пространстве. Собрав остатки воли в кулак, я зацепился за последнюю угасающую искорку рассудка и застыл, на самой границы обезличивания.

Мы замерли. Не было ни времени, ни пространства. Наше противостояние растянулось в бесконечность.

— Смирись. Тебе всё равно не выстоять, — мне показалось или в шёпote прорезались насмешливые нотки. — Время здесь течёт по-другому. Я могу ждать хоть вечность. Ты обречён.

Но я продолжал цепляться за остатки собственного Я. Цепляться без всякой надежды на успех.

* * *

— Ты как живой?

Я открыл глаза, дрожащей рукой оттолкнул поднесённую ко рту баклажку и, с трудом сфокусировав взгляд, уставился на её хозяина.

— Ты кто?

Молодой вой с глазами затравленного зверька как-то странно замялся, словно обдумывая мой вопрос, бережно поставил баклажку на пол и, наконец, признался.

— Так Тимоха я.

— Какой ещё Тимоха? — озадачился я.

Мысли в голове ворочались медленно, словно мельничные жернова. Я вообще чувствовал себя сейчас как-то странно, заторможено что ли. Всё вокруг воспринималось неспешно, будто в замедленной съёмке. Эмоции отсутствовали напрочь.

— Вой княжий. Я с господине Бакаем сюда шёл. Мы куна Абашева в город проклятый сопровождали.

— Понятно, — равнодушно констатировал я и, кряхтя, завозился на полу. — Помогите мне встать, вой.

С трудом поднялся, опираясь на плечо Тимохи, огляделся и сокрушённо покачал головой, чувствуя как сквозь лёд безразличия и апатии, пробился отголосок удивления.

Храм Лишнего было не узнать. Вздрыбленные плиты на полу, с оплавленными густо покрытыми копотью краями, поваленные, а кое-где и разломанные в труху колонны покрытые глубокими трещинами, с вмятинами, будто колотили гигантским молотом стены. И тела; мёртвые и не очень, разбросанные сломанными манекенами по углам этого безобразия.

— Здесь что, ураган пронёсся? Или может, землетрясение было?

— Маги тут шибко ратились! Насмерть!

— Маги? — сморщившись, я потёр руками виски, пытаюсь хоть немного разогнать сковывавшую сознание муть. — А ты как уцелел?

— Сам не ведаю! Забился в угол и лежал так, пока всё не кончилось. Страшно было, — решил пожаловаться Тимоха. — А потом смотрю — ты тоже вроде цел.

— Понятно.

В общем, пропустил я, по словам Тимохи, довольно много. Сам он сюда с Албычем, Жихарем и Михой ещё раньше нас пришёл. Миху, правда, на входе какое-то проклятье сразу убило. То самое, по видимому, что Остромиру предназначалось. Решили затаиться до поры. Албыч Полог отрицания установил. А там и началось!

Сначала я на Вимса с Остромиром накинулся. Вимс, правда, каким-то чудом выжил. Ругался, по словам Тимохи, похлеще надсмотрщика с каменоломни. В ожогах весь, закопчённый, что твой окорок. Меня к сфере потащили. Но только ритуал начали, тут всё и началось!

Возле алтаря портал открылся, а оттуда чудный мужичок на пару с Гондой выскочили. Гонда меня пнув, сферу из рук вырвал, а странный маг колдовать начал. Тут бы Вимсу с Ликоном и конец, да Албыч в дело вступил. Очень уж ему не понравилось, что сферу у него на глазах утащить хотят. Шум, крики, грохот. Молнии во все стороны летают, колонны рушатся! Незнакомцу сразу против трёх магов нелегко пришлось. Может, и одолели бы они его, да только в этот момент Матвей с Невзором в храме появились. Невзор, не долго думая, арбалет в Ликона разрядил, а Матвей на Вимса накинулся. Вот только старик пошустрее

Ликона оказался. Сиганул в портал и обратно в тронный зал удрал. Неизвестный маг, напоследок отблагодарив своих союзников мощным заклинанием, скрылся уже в своём портале. Албыч, громко вопя, кинулся следом. Жихарь тоже туда сиганул. А Матвей с Невзором не смогли. Доконало их последнее заклинание. Хотя Матвей ещё дышит. И Ликон только ранен.

— Понятно, — мрачно подытожил я рассказ Тимохи. — Порвали два баяна и одну балалайку. Посмотри, что с Матвеем, а я Ликоном займусь.

Превозмогая, так до конца и не отпустившую меня апатию, я захромал в сторону учителя. Маг был в сознании. Он лежал на боку, зажимая насквозь пробитое болтом плечо и, что-то беззвучно шептал, еле шевеля губами. Лечится, пытается? С засевшим болтом в теле это довольно затруднительно будет. Я встретился глазами с Ликоном и тяжело вздохнул. Нельзя уходить, оставляя за спиной не до конца разрешённые проблемы. Огляделся, похромал к Невзору, вынул из-под тела колчан с парюю оставшихся болтов. К магу я подошёл уже с заряженным арбалетом, скосил глаза на его руки (с Ликона станется чем-нибудь убойным напоследок приголубить), и присел на корточки, не доходя пару метров.

— Вот и всё, мастер, — в моём голосе не было угрозы или издёвки. Я просто констатировал факт. — Однажды я совершил ошибку, пощадив Вимса. Потом сильно об этом жалел. Время ошибок прошло.

— Я с самого начала знал, что эта затея меня погубит, — воздушник поднял на меня затаянные поволокой боли глаза. — Но очень уж соблазн был велик.

— Может, скажешь, зачем было проводить со мной ритуал? — спросил я, впрочем, не очень надеясь на ответ. — Вы что, с будущим перевёртышем договориться надеялись?

Ликон неожиданно рассмеялся. Его смех, надрывный, перемешанный с всхлипами, был страшен. Я инстинктивно поднял арбалет с колен и нацелил его на мага.

— А айхи что, не рассказал? — Ликон прекратил смеяться так же внезапно, как и начал. — Если ритуал вовремя прервать, то перевёртыш станет рабом не Лишнего, а сферы. Вернее того, у кого эта сфера окажется в руках.

— Это что же, этот колдун, что с Гондой сюда заявился; он сможет теперь мне приказывать? — не на шутку встревожился я.

— Не сможет, — Ликон, забывшись, попробовал махнуть рукой и тут же застонал, закусив от боли губу. На лбу мага мелким бисером выступил пот. — На твоё счастье, ритуал только начался, когда эта тварь появилась. Или наоборот, — воздушник неприятно оскалился. — На твою беду.

— Поясни.

— А что тут объяснять? Кто ты теперь? Недоделок! Недоперевёртыш! Силы набрать, совсем не успел! И как ты надеешься теперь выжить? — в голосе Ликона проявилась откровенная издёвка. — С кучей врагов, навешенным проклятием, находясь в центре проклятого города, окружённого вершителями?

— Ты ещё про свой яд забыл напомнить, мастер.

— Да Лишний с ним, с ядом этим! — прохрипел в ответ маг. — Забудь. Не было никакого яда. Я тебе микстуру безвредную влил. Это мой тебе подарок напоследок, — Ликон искривил побелевшие губы в язвительной усмешке. — Только толку тебе в том ни на грош. Всё одно; не те, так другие доконают!

— Может, и доконают, — не стал спорить я, поднимая арбалет. — Только ты этого уже не увидишь.

Гулкий щелчок тетивы. Тут же перезаряжаю арбалет, вставляя последний болт, поколебавшись, обыскиваю мага, ничего не нахожу и, прихватив мешок, бреду к Матвею.

— Как он?

— Отходит.

Тимоха встав с колен, отодвинулся. Матвей был не жилец. Если Ликона, при желании, можно было попробовать вылечить, то здесь не стоило и пытаться. Странное заклятье изуродовало тело до неузнаваемости, буквально заживо мумифицировав адепта огня. И всё же он ещё был жив.

— Выжил, значит, — чуть слышно прошелестел голос. На обтянутом кожей лице проявилось подобие улыбки. — Это хорошо, что обряд провалился. Я за этим и шёл.

— Это как? — несказанно удивился я.

— Не перебивай. Сил мало осталось. Могу не успеть. — Матвей смолк, и некоторое время молчал, собираясь с силами. — Ты всё ещё перевёртыш, хоть и лишённый силы, — продолжил он, наконец. — А значит, охота на тебя никогда не прекратится. Один ты обречён. Беги в степь, к кочевникам, — слова давались Матвею со всё большим трудом. — Если скажешь, кто ты — не тронут. Отведут к шаману. Он поможет.

Ага щас! Мне ещё к шаману в гости, для полного счастья не хватало наведаться! А что? Душевный дядька! До сих пор, как его глаза вспомню — жутко становится! Этот поможет! До самой смерти помогать будет! Да я Вимса с Албычем меньше боюсь!

— А тебе в этом, что за интерес?

— Шаману скажешь, что я обряду помешал и тебя к нему прийти надоумил. У него мой сын.

Я мысленно усмехнулся. Сына твоего, конечно, жалко. Но себя мне как-то всё равно жальче. Совать голову в петлю я ради него точно буду. Что-то в этом роде я и собрался было озвучить, как вдруг осёкся. А вдруг Матвей знает, как мне выбраться отсюда? Стоит попытаться узнать. Что я теряю то?

— До степи ещё добраться нужно, — скорчил я кислую рожу и сокрушённо покачал головой: — А мне не только из города, из дворца не выбраться. Вимс наверняка наверху где-то неподалёку прячется.

Матвей, прикрыв глаза, ничего не ответил. Что же. Я, по крайней мере, попытался. Я устало поднялся, бросил взгляд на застывшего сбоку, смертельно бредного Тимоху, с сомнением взглянул на арбалет. Добить или ну его? Он и так умрёт.

— Алтарь, — прошелестел мне в спину голос.

— Что алтарь? — развернулся я к магу.

— Каждый алтарь Лишнего — это тот же портал. Любой Проклятый мог открыть его. В тебе есть частица ауры Проклятого. Значит, и ты сможешь.

— Как?

— Просто повели! Почувствуй себя хозяином этого дворца. Разбуди в себе асура и алтарь отзовётся.

— Спасибо.

Уже не колеблясь, я разрядил арбалет. Какой бы сволочью Матвей не был в своей жизни, эту помощь от меня он сейчас заслужил.

Портал открылся на удивление легко. Мне даже напрягаться не пришлось. Просто пожелал, и в центре алтаря открылось ещё одно, на этот раз, багрово-красное окно.

— Ты со мной? — повернулся я к Тимохе.

— А куда ты отправляешься? — посмотрел на меня юноша глазами преданного щенка.

— Не знаю пока, — пожал я плечами в ответ. — Туда, где нас ещё не ждут.

Клюквы было много. Заросшие мхом кочки были усыпаны ярко-красными горошинами, так и просящимися в глубокий кузовок. Только собирать успевай!

Славута и собирал. Руки работали быстро и сноровисто. Кузовок наполнялся на глазах, наливаясь приятной тяжестью. Этак они с Маришкой ещё до полдня домой вернуться успеют! Удалась в этом году ягода!

Мальчишка, раздвинув руками густой мох, потянулся к следующей горсти. Клюква — ягода добрая. Случись с тобой зимой жар аль немочь какая; клюквенный отвар — первое средство! Да и пирог из ягоды Маришка наловчилась вкусный делать! Особенно, если в него мёду добавить. Жаль только дорог он, мёд то этот! Хоть у дядьки Митрофана свои борти и недалеко от деревни стоят, а всё же в лесу. А туда с оглядкой ходят, не абы как!

Славута мазнул взглядом по лесу. Вон он. Рядом стоит, ветками махает. Как раз по ту сторону болота. Вот только напрямки к нему не пройдёшь. Это тут на краю рядом с деревней, почти сухо. А коль дальше забредёшь — топь непролазная. Потому они с Маришкой без опаски ягоду и собирают. Из леса к ним дороги нет, а деревня вон она, под боком!

— Славута! Иди ко мне! Тут клюквы много!

— Её тут везде много, — придав голосу солидности, возразил пацан. После ухода Вельда в ушлёпки, он стал считать себя за старшего и на сестрёнку поглядывал свысока.

— А у меня крупнее! — не пожелала сдаваться пигалица. — И вообще. Я больше тебя насобирала! Вот!

— Подумаешь, — с напускным безразличием ответил Славута. — Ягоды рвать, то бабье дело. Нам, мужикам, несподручно!

Вздохнув, он потянулся к очередной кочке. Бабье, не бабье, а сильно отставать от Маришки нельзя. Задразнит потом, чего доброго!

— Ой! Славута! Смотри! Звёздочка с неба падает! Прямо к нам!!!

— Какая звёздочка? Совсем сдурела? День на дворе.

Славута, начав было выговаривать сестрёнке, разогнулся, да так и замер, ошарашено вглядываясь в небо.

Яркий, кроваво-алый шар, огненным росчерком разрезая небо пополам, стремительно летел прямо к ним. Воздух противно загудел; басовито, гулко, с присвистом. Под ногами затряслась земля, плеснув водицей между кочками.

Выронив из ослабевших пальцев кузовок, Славута неуверенно попятился и, запнувшись за коварную кочку, плюхнулся возле неё. Где-то сбоку завизжала Маришка.

Противно просвистев, шар пронёсся над головой так близко, что порывом ветра сдул со Славуты треух. Громкий всплеск, и земля закачалась под Славутой уже всерьёз, разбрызгивая во все стороны жидкую грязь.

— Батя сказывал, что это Йоки в камушки играет!

Славута не ответил, чувствуя, как внизу живота возникает сосущая пустота. Перевёл взгляд на намокшие штаны. Всхлипнул, попытался подняться на трясущихся ногах. И опустился обратно, обливаясь холодным потом.

Над болотом в месте падения шара за клубился странный туман бледно-серого цвета. Туман начал на глазах уплотняться, всё больше теряя прозрачность и приобретая

диковинные очертания. В лицо дохнуло ледяной стужей.

Славута ещё раз попытался встать и с ужасом понял, что не может даже пошевелиться. Мышцы словно одеревенели, напрочь утратив свою пластичность, сознание помутилось, теряя волю к сопротивлению.

Бежать?... Куда? Зачем? От этого не убежишь!

Чужой воле, начавшей бесцеремонно стирать его сознание в порошок, Славута уже не сопротивлялся.

Больше книг на сайте - Knigoed.net